



ШЕКСПИР



УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией
А. СМЕРНОВА и А. АНИКСТА



Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1960

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР



Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1960

Гравюры художника
А. ГОНЧАРОВА



МАКБЕТ

Перевод
Ю. КОРНЕЕВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дункан, король Шотландский.
Малькольм } его сыновья.
Дональбайн }
Макбет } полководцы Дункана.
Банко }
Макдуф }
Ленокс } шотландские вельможи.
Росс }
Ментис }
Авгус }
Кэтнос }
Флиенс, сын Банко.
Сивард, граф Нортемберлендский,
английский полководец.
Молодой Сивард, его сын.
Сейтон, приближенный Макбета.
Сын Макдуфа.
Английский врач.
Шотландский врач.
Сержант.
Привратник.
Старик.
Леди Макбет.
Леди Макдуф.
Придворная дама из свиты леди
Макбет.
Геката.
Три ведьмы.
Дух Банко и другие призраки.
Лорды, дворяне, офицеры, солдаты,
убийцы, слуги и гонцы.
Место действия — Шотландия, Англия.



А К Т I

С Ц Е Н А 1

Пустошь. Гроза.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Когда при молниях, под гром
Мы в дождь сойдемся вновь втроем?

Вторая ведьма

Как только завершится бой
Победой стороны одной.

Третья ведьма

Перед вечернею зарей.

Первая ведьма

Где встреча?

Вторая ведьма

В вересках.

Третья ведьма

До тьмы
Макбета там увидим мы.

Первая ведьма

Кот мяукнул.— Нам пора!

Все ведьмы

(вместе)

Жаба укнула.— Летим!

Грань меж добром и злом, сотришь.

Сквозь пар гнилой помчимся ввысь.

(Исчезают.)

С Ц Е Н А 2

Лагерь под Форресом.

За сценой шум битвы.

Входят король Дункан, Малькольм, Дональдбайн,
Ленокс; навстречу им — окровавленный сержант.

Д у н к а н

Кто это весь в крови? Судя по виду,

Он может рассказать о ходе боя

С мятежниками.

М а л ь к о л ь м

Это тот сержант,

Чьей доблести спасением от плена

Обязав я.— Привет, мой храбрый друг!

Король желает знать, за кем был верх,

Когда ты с поля уходил.

С е р ж а н т

Неясно.

Как два пловца сцепившихся, друг друга

Враги сковали. Бешеный Макдональд,

Крамольник истый, ибо от рожденья

Гнуснейшие пороки в нем гнездятся,

На западе по островам себе

Навербовал ирландскую пехоту,

И за злодеем, распре улыбаясь,

Пошла Фортуна-шлюха. Но напрасно!

Ей вопреки, питомец бранной славы,

Храбрец Макбет (он стоит этих прозвищ!),

Себе дорогу прорубая сталью,

Дымящейся возмездием кровавым,

Изменнику предстал.

Он рук ему не жал, с ним не прощался,

Но туловище пополам рассек,

А голову воткнул на шест над башней.

Д у н к а н

О доблестный кузен! Вассал достойный!

С е р ж а н т

Но как порою солнце, восходя,
Несет с собою шторм судам на гибель,
Так и для нас источником беды
Стал ключ отрады. Знай, король Шотландский:
Едва лишь правда с доблестью в союзе
Погнали вспять ирландцев легконогих,
Король Норвежский, миг сочтя удобным,
Рать свежую в петронутых доспехах
На нас повел.

Д у н к а н

И дрогнули пред ним
Макбет и Банко, полководцы наши?

С е р ж а н т

Не больше, чем пред воробьем орлы
И львы пред зайцем. Говоря по правде,
Они, как пушки, чей заряд удвоен,
Ответили врагу двойным ударом.
Хотелось ли им кровью жгучих ран
Омыться иль воздвигнуть вновь Голгофу,
Не знаю... Но во мне иссякли силы.
Я слабну. Рава к помощи взывает.

Д у н к а н

Она, как речь твоя, тебе пристала:
В обеих дышит честь.— Скорей врача!

С е р ж а н т а уводят.

Кто к нам идет?

М а л ь к о л ь м

Почтенный Русский тап.

Входит Росс.

Л е н о к с

Его глаза поспешность обличают,
Он, видно, прибыл с необычной вестью.

Р о с с

Бог короля храни!

Д у н к а н

Откуда ты,
Достойный тан?

Р о с с

Мой государь, из Файфа,
Где пленные норвежские знамена
Твоих бойцов прохладой овевают.
Король Норвежский, вождь несметных полчищ,
И с ним Кавдорский тан, предатель низкий,
Ударили на нас. И длился бой,
Пока Макбет, возлюбленный Беллоны,
Испытанной бровей себя прикрыв,
Грудь с грудью, меч к мечу, в единоборстве
Не выбил из Норвежца спесь. Короче,
Разгромлен враг.

Д у н к а н

Великая удача!

Р о с с

Свенон,
Король Норвежский, мира запросил,
Но, прежде чем предать земле убитых,
Ему пришлось на островке Сент-Кольм
Нам десять тысяч долларов вручить.

Д у н к а н

Кавдорский тан нам больше не изменил.
Ступай, вели покончить со смутьявом.
Макбета же поздравь Кавдорским таном.

Р о с с

Исполню все со рвением.

Д у н к а н

Вознес Макбета он своим паденьем.

Все уходит.

С Ц Е Н А 3

Степь, заросшая вереском. Гром. Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Сестра, ты где была?

Вторая ведьма
Свиней травила.

Третья ведьма
А ты сама, сестра?

Первая ведьма
У шкиперши. Набрала та каштанов —
Щелк, щелк да щелк. Я говорю ей: «Дай-ка»,
А дрянь-толстуха в крик: «Бесовка, сгинь!»
Ушел на «Тигре» муж ее в Алеппо,
Но я на сетке решета
В обличье крысы без хвоста
Помчусь вослед, вослед, вослед.

Вторая ведьма
Я ветер свой тебе дарю.

Первая ведьма
Сестра, благодарю.

Третья ведьма
Возьми себе и мой.

Первая ведьма
Прочие — и так со мной.
Как бы ни был шкипер смел,
Сколько б румпель ни вертел,
Не уйти от них.
Словно сено, иссушен,
Позабудет он про сон,
Мыкаясь и ночь и день,
Неприкаянный, как тень.
Так ему и плыть отсель
Трижды двадцать семь недель.
Хоть корабль не пропадет,
Но разбитым в порт придет.
Гляньте-ка!

Вторая ведьма
Что у тебя?

Первая ведьма
Палец. Лоцман вел судно,
А потом пошел на дно.
За сценой барабан.

Третья ведьма

Барабан стучит!
К королю Макбет спешит.

Все

Сестры, мчимся чередой
Над землей и над водой.
Пусть замкнет волшебный круг
Трижды каждая из нас:
Трижды по три — девять раз.
Стой! Заклятье свершено.

Входят Макбет и Банко.

Макбет

Бывал ли день ужасней и славнее?

Банко

Эй, далеко ль до Форреса? — Кто эти
Иссохшие и дикие созданья?
Нет на земле таких, хотя на ней
Они стоят. — Вы люди или духи?
Вам мой вопрос понятен? Да, как будто,
Раз вы прижали заскорузлый палец
К сухим губам. Я б счел вас за старух,
Не будь у вас бород.

Макбет

Ответьте: кто вы?

Первая ведьма

Да славится Макбет, Гламисский тан!

Вторая ведьма

Да славится Макбет, Кавдорский тан!

Третья ведьма

Да славится Макбет, король грядущий!

Банко

Макбет, ты вздрогнул? Неужель боишься
Их сладких слов? — Сознайтесь, правды ради,
Вы — призраки иль существа живые?
От вас мой друг услышал в знак приветия
Свой титул, обещанье чести новой
И предсказанье царственных надежд.

Взволнован он. Но что ж со мной вы несмы?
Коль вы способны, сев времен провидя,
Сказать, чьи семена взойдут, чьи — нет,
Судьбу и мне откройте — мне, кому
Ваш гнев не страшен, ваших благ не нужно.

Первая ведьма

Славься!

Вторая ведьма

Славься!

Третья ведьма

Славься!

Первая ведьма

Ты ниже, чем Макбет, но выше.

Вторая ведьма

Несчастней ты, зато счастливей.

Третья ведьма

Ты не король, но королей родишь.
Да славятся равно Макбет и Банко!

Первая ведьма

Да славятся и Банко и Макбет!

Макбет

Вещунии, вы еще не все сказали.
Я — Гламис, раз отец мой Синел умер,
Но я не Кавдор, ибо таа Кавдорский
Живет и благоденствует. А стать
Шотландским королем мне вряд ли легче,
Чем Кавдором. Откуда почерпнули
Вы мысли столь нелепые? К чему
Приветом вещим в выжженной степи
Вы вас остановили? Отвечайте.

Ведьмы исчезают.

Банко

То — пузыри, которые рождает
Земля, как и вода. Но где ж они?

Макбет

Развеял воздух, словно ветер вздохи,
Их плотские обличия. А жаль.

Банко

Да вправду ли мы их с тобой видали?
Не пьяного ли мы поели корня,
Который разум нам сковал?

Макбет

В потомстве,
По смерти ты — король!

Банко

А ты — при жизни!

Макбет

Равно как и Кавдорский тан. Не так ли?

Банко

Дословно так. — Но кто это идет?

Входят Росс и Ангус.

Росс

Макбет, король был счастлив получить
Весть о твоём неслыханном успехе.
Когда читал он, как в единоборстве
Ты одолел смутьяна, похвала
Боролась в нём с безмолвным удивленьем.
И весь остаток дня, когда Дункан
Узнал, как ты прорвал ряды норвежцев
Без страха пред видениями смерти,
Которые и вызвал сам, гонцы
К нему летели градом с поля боя,
И повергали все к ступеням трона
Хвалу тебе, его оплот.

Ангус

Монарх

Тебя благодарит и через нас
Зовет к себе. Награда ж будет после.

Росс

В залог её и почестей дальнейших
Он мне велел тебя Кавдорским таном

Поздравить. Славься в новом сани. тап!
Он — твой!

Банко
(в сторону)
Ужель сам черт правдив порою?

Макбет
Но Кавдор жив. Зачем в чужое платье
Меня рядить?

Ангус
Хоть тот, кто был им, жив,
Но тяготееет приговор над ним,
И с жизнью он расстанется. Не знаю,
В союз ли явный он вступил с Норвеждем,
Иль тайно помогал бунтовщику,
Иль заодно с тем и с другим отчизну
Хотел сгубить. Но он избобличен,
Сознался в государственной измене
И пал.

Макбет
(в сторону)
Я тан Гламисский, тан Кавдорский,
Затем — король.
(Россу и Ангусу.)

За труд спасибо вам.
(Тихо, к Банко.)

Ну, веришь ты, что трон твои потомки
Займут, раз те, кем Кавдором я назван,
Им предрекли венец?

Банко
(тихо, Макбету)

Остерегайся
Об этом помнить, чтоб не возжелать
Престола вслед за Кавдором. Мне страшно:
Нередко, чтобы ввергнуть нас в беду,
Орудья тьмы предсказывают правду
И честностью прельщают в пустяках,
Чтоб обмануть тем легче в важном деле.—
Друзья, на пару слов.
(Тихо разговаривает с Россом и Ангусом.)

Макбет
(в сторону)

Уже сбылись
Два предвещанья — два пролога к драме
Монаршей власти.

(Россу и Ангусу.)

Господа, спасибо.
(В сторону.)

Быть ни добром, ни злом не может этот
Призыв потусторонний. Будь он злом,
Он не послал бы мне залог успеха,
Начавшись правдой. Я Кавдорский тан.
Будь он добром, он не внушил бы мне
Мысль, от которой волосы поднялись
И бьет, на зло природе спрыгнув с места,
О ребра сердце. Вымышленный страх
Всегда сильнее, чем подлинный, пугает.
Я лишь подумал об убийстве этом,
И вот уж призрак душу мне потряс,
Ум подавил предчувствием и свет
Всю жизнь к пустой мечте.

Банко

Как он взволнован!

Макбет
(в сторону)

Пускай судьба, мне посулив венец,
Сама меня венчает.

Банко

В новом сани
Ему, как в неразношенной одежде,
Неловко. Он смутился.

Макбет
(в сторону)

Будь что будь!
Мы время вспять не властны повернуть.

Банко

Достойный тан, мы жаждали тебя.

Макбет

Прошу простить. Ушел в воспоминанья
Мой утомленный мозг. Друзья, ваш труд
Я в книгу сердца внес, чтоб ежедневно
Читать о нем. Идемте к королю.

(Тихо, к Банко.)

Обдумай все, что здесь произошло,
И мы потом по зрелом размышленьи
Поговорим об этом откровенно.

Банко

(тихо, Макбету)

Охотно.

Макбет

(тихо, к Банко)

А пока молчи.— Идем!

Уходят.

СЦЕНА 4

Форрес. Дворец.

Трубы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн,
Ленокс и свита.

Дункан

Казнен ли Кавдор? Иль посланцы наши
Еще не возвратились?

Малькольм

Государь,

Они еще не прибыли, но мне
Сказал один из очевидцев казни,
Что тан в измене полностью сознался,
Молил вас о прощенье и глубоко
Раскаивался. Он простился с жизнью
Достойнее, чем жил. Он принял смерть
Так, словно долго смерть встречать учился,—
Отбросив, как безделицу пустую,
Ценнейшее из благ земных.

Д у н к а н

Мы, люди,

Читать по лицам мысли не умеем:
Ведь в благородство этого вассала
Я верил слепо.

Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.

Мой кузен достойный!

На мне еще лежит тяжелый грех —
Неблагодарность. За твоим полетом
Крылам моей награды не угнаться.
Такое ты свершил, что я, бессильный
Признательность с заслугой соразмерить,
Скажу одно: любоем воздаянье
Безмерно ниже, чем твои деянья.

Макбет

В себе уже содержит верность долгу
Свою награду. Дело короля —
От нас, сынов и слуг его престола,
Услуги принимать, а наше — печься
О том, чтобы снискать любовь и честь
У государя.

Д у н к а н

Будь желанным гостем!

Начав тебя растить, я постараюсь,
Чтоб ты расцвел. — Мой благородный Банко,
Ты нам не меньше послужил, и это
Да будет всем известно. Дай мне к сердцу
Тебя прижать.

Банко

Коль я созрею в нем,
За вами жатва.

Д у н к а н

Я так полон счастья,
Что тшится скрыть оно избыток свой
Росою горя. — Дети, братья, таны, —
Все вы, чье место — рядом с троном, знайте,
Что призван нам наследовать отныне
Наш первенец Малькольм и мы его
В сан принца Кемберлендского возводим.
Но не один он будет честью взыскан:

Отличья воссияют, словно звезды,
На всех достойных. В Инвернес к Макбету
Мы едем, чтобы дружбу с ним скрепить.

Макбет

Мне в тягость — отдыхать от службы вам,
Я должен сам туда гонцом помчаться,
Чтоб слух жены порадовать извештьем
О том, кто едет к нам.

Дункан

Мой честный Кавдор!

Макбет

(в сторону)

Принц Кемберлендский — вот она, преграда!
Иль пасть, иль сокрушить ее мне надо!
О звезды, с неба не струите света
Во мрак бездонный замыслов Макбета!
Померкни, взор мой, раз тебя страшит
То, что рука любой ценой свершит!

(Уходит.)

Дункан

Да, добрый Банко, в нем отваги столько,
Что похвала ему — услада, пир
Для уст моих. Последуем за тем,
Кто так спешит, чтоб нас принять с почетом.
Какой бесценный родственник и друг!

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА 5

Инвернес. Замок Макбета.

Входит леди Макбет, читая письмо.

Леди Макбет

«Я повстречал их в день моего торжества и вскоре достоверно убедился, что знание их превосходит человеческое. Я воспыла желанием расспросить их подробнее, но они превратились в воздух и растаяли в нем. Я еще не опомнился, как уж посланцы короля явились поздравить меня с Кавдорским танством, титулом,

которым почтили меня до того вещи сестры, предсказавшие мне даже нечто большее словами: «Да славится Макбет, грядущий король!» Я почел долгом известить об этом тебя, дражайшая сопричастница моего величия, чтобы ты не лишилась своей доли радости, не ведая о том, какое величие тебе уготовано. Запечатлей все это в сердце, а пока прощай».

Да, Гламис ты, и Кавдор ты, и станешь
Тем, что тебе предсказано. И все же
Боюсь я, что тебе, кто от природы
Молочной незлобивостью взоем,
Кратчайший путь не выбрать. Ты стремишься
К величью, властолюбья ты не чужд,
Но брезгуешь его слугой — злодейством.
Ты хочешь быть в чести, оставшись чистым,
Играя честно, выиграть обманом.
Ты слышишь зов: «Сверши — и все твое!»
И страх свершить в тебе сильней желанья
Не совершать. Спеши сюда. Я в уши
Волью тебе свой дух и языком
Смету преграды на пути к короне,
Которой рок и неземные силы
Тебя уже венчали.

Входит слуга.

Ну, что скажешь?

Слуга

Король здесь будет к ночи.

Леди Макбет

Ты рехнулся!

Ведь с ним твой господин, а тот давно бы
Предупредил меня, будь это так.

Слуга

Но это так. Наш тан уже в дороге.
Он к вам вперед отправил скорохода.
Тот обогнал его, но так задохся,
Что еле говорит.

Леди Макбет

Займись-ка им.

Принес он новость важную.

Слуга уходит.

Охрип.

Прокаркав со стены о злополучном
Прибытии Дункана, даже ворон.
Ко мне, о духи смерти! Измените
Мой пол. Меня от головы до пят
Злодейством напитайте. Кровь мою
Сгустите. Вход для жалости закройте,
Чтоб голосом раскаянья природа
Мою решимость не поколебала.
Припав к моим сосцам, не молоко,
А желчь из них высасывайте жадно,
Невидимые демоны убийства,
Где б злу вы ни служили. Ночь глухая,
Спустишь, себя окутав адским дымом,
Чтоб нож не видел наносимых ран,
Чтоб небо, глянув сквозь просветы мрака,
Не возопило: «Стой!»

Входит Макбет.

Великий Гламис,
Победный Кавдор и король грядущий!
Была я над безвестным настоящим
Твоим письмом вознесена и ныне
Лишь будущим живу.

Макбет

Любовь моя,
Дункан приедет к ночи.

Леди Макбет

А когда
Уедет?..

Макбет

Завтра поутру.

Леди Макбет

Вовеки

Не будет утра для такого «завтра»!
Мой тан, лицом ты схож со страшной книгой,
А книгу прочитать легко. Ты должен,
Всех обмануть желая, стать, как все:
Придать любезность взорам, жестам, речи,
Цветком невинным выглядеть и быть
Змеей под ним. Прими радушно гостя

И положишь всецело на меня
В великом деле предстоящей ночи,
Чтоб наслаждаться властью и венцом
Все дни и ночи мы могли потом.

Макбет

Об этом — после.

Леди Макбет

Будь лишь ликом ясен:
Кто мрачен, тот всем кажется опасен.
А прочее я на себя беру.

Уходят.

СЦЕНА 6

Перед замком Макбета.

Трубы и факелы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Банко,
Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.

Дункан

Стоит в приятном месте этот замок.
Здесь даже воздух нежит наши чувства —
Так легок он и ласков.

Банко

Летний гость,
Стриж, обитатель храмовых карнизов,
Ручается присутствием своим,
Что небеса здесь миром дышат. В зданье
Нет уголка иль выступа стены,
Где б он не свил всяческого жилища;
А я заметил: стриж гнездиться любит
Лишь там, где воздух чист.

Входит леди Макбет.

Дункан

Вот и хозяйка!

Любовь, пусть даже в тягость нам она,
Мы с благодарным чувством принимаем.
Итак, благодарите нас и бога
За тяготы и труд.

Л е д и М а к б е т

Услуги наши,
Хотя б их было дважды вдвое больше,
Ничто в сравнение с той великой честью,
Которой удостоил нас монарх,
Войдя в наш дом. За милости бывшие
И новые мы вечно будем бога
Молить о вас.

Д у н к а н

А где же тан Кавдорский?
Чтоб первыми прибыть, мы по пятам
За ним гнались. Но он ездок отменный.
Его к тому же шпорил любовь.
И мы отстали. Милая хозяйка,
Мы — ваши гости.

Л е д и М а к б е т

Мы как ваши слуги
Себя, свое добро и слуг своих
Считаем вашим полным достояньем
И вам вручаем.

Д у н к а н

Дайте вашу руку.
К хозяину идем. Он нам угоден
И будет нами отличён и впредь.
Прошу вас, госпожа.

Уходят.

С Ц Е Н А 7

Замок Макбета.

Трубы и факелы.

По сцене проходят кравчий и слуги с блюдами и посудой.
Затем входит М а к б е т.

М а к б е т

О, будь конец всему концом, все кончить
Могли б мы разом. Если б злодеянье,
Все следствия предусмотрев, всегда
Вело к успеху и одним ударом
Все разрешало здесь — хотя бы здесь,

На отмели в безбрежном море лет,
Кто стал бы думать о грядущей жизни?
Но ждет нас суд уже и в этом мире.
Урок кровавый падает обратно
На голову учителя. Возмездье
Рукой бесстрастной чашу с нашим ядом
Подносит нам же... Под двойной охраной
Король здесь пребывает: я обязан
Как родственник и подданный его
Защитой быть ему и как хозяин —
Путь преградить убийце, а не нож
На гостя заносить. К тому же правил
Дункан так мягко, был в высоком сане
Так чист, что добродетели его,
Как ангелы господни, вострубят
К отпущению за смертный грех убийства
И состраданье, как нагой младенец,
Несомый ветром, или херувим
На скакуне незримом и воздушном,
Пахнёт ужасной вестью всем в глаза,
И бурю ливень слез прибьет к земле.
Решимость мне прищипорить нечем: тщится
Вскочить в седло напрасно честолюбие
И набок валится.

Входит леди Макбет.

Ну, что там слышно?

Леди Макбет

Он ужинать кончает. Ты зачем
Ушел?

Макбет

Меня он спрашивал?

Леди Макбет

Конечно.

Макбет

Оставим это дело. Он меня
Так отличил, что я в глазах народа
Облекся золотым нарядом славы.
Хочу пощеголять я в новом платье,
А не бросать его.

Л е д и М а к б е т

Ужель была

Пьяна твоя надежда, а теперь
Проспалась и, позеленев, взирает
На прежнюю решительность? Отныне
Я и любовь твою ценю не выше.
Иль ты боишься быть в делах таким же,
Как и в мечтах? Иль хочешь обладать
Тем, что считаешь высшим благом жизни,
И жить в сознанье трусости своей?
Иль, как у бедной кошки в поговорке
Твое «хочу» слабей «не смею»?

М а к б е т

Будет!

Я смею все, что смеет человек,
И только зверь на большее способен.

Л е д и М а к б е т

Но разве зверь тебе твой план внушил?
Его задумав, был ты человеком
И больше был бы им, когда б посмел
Стать большим, чем ты был. Удобный случай
Ты сам себе хотел создать, и вот,
Когда он сам собою наступил,
Ты отступаешь. Я кормила грудью
И знаю: сладко обнимать младенца,
Когда к тебе он тянется с улыбкой.
Но я бы, из его беззубых десен
Сосец мой вырвав, голову ему
Сама разбила, поклянись я так,
Как ты.

М а к б е т

А вдруг не выйдет?..

Л е д и М а к б е т

Что не выйдет?

Лишь натяни решимость, как струну,—
И выйдет все. Едва Дункан уснет
(Что будет скоро: он устал с дороги),
Я подпою вином и крепкой брагой
Обоих слуг его, чтоб стала память,
Привратница в дворце рассудка, паром,
А сам рассудок — перегонным кубом.

Когда же их огрузили тела
Двум трупам угодит свинский сон,
Мы с беззащитным королем поступим
Как захотим, свалив на пьяниц-слуг
Ответственность за наше преступление.

Макбет

Лишь сыновей рожай. Должна творить
Твоя неукротимая природа
Одних мужей. Кто сможет усомниться
В виновности уснувших слуг, чьи руки
Мы кровью вымажем и чьи кинжалы
Мы пустим в ход?

Леди Макбет

Никто. Нам все поверят,

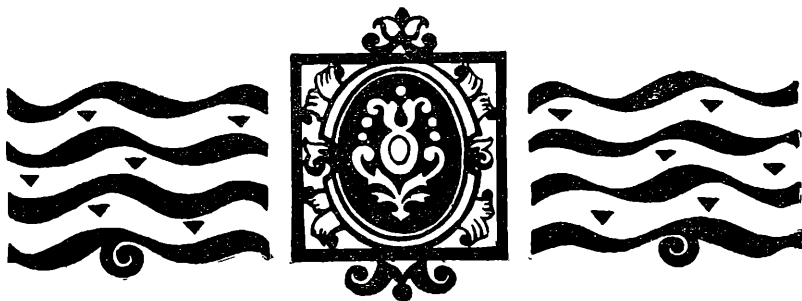
Тем более что мы поднимем плач
Над мертвым телом.

Макбет

Я решение принял,
Напрягся и готов на страшный шаг.
Идем к гостям и будем веселиться.
Пусть ложь сердец прикроют ложью лица.

Уходят.





А К Т И I

С Ц Е Н А 1

Инвернес. Двор замка Макбета.

Входит Б а н к о; впереди него — Ф л и е н с с факелом.

Б а н к о

Который час, мой мальчик?

Ф л и е н с

Месяц сел,
Но я не слышал, сколько прозвонили.

Б а н к о

Садится он в двенадцать.

Ф л и е н с

Нет, сейчас
Уж за полночь.

Б а н к о

Возьми мой меч. На небе
Скупаются: там погашены все свечи.
Сон тяжкий, как свинец, меня долит,
Но спать я не решаюсь.— Силы блага,

От грешных приходящих ночью мыслей
Меня оберегайте.— Дай мой меч.

Входят Макбет и слуга с факелом.

Кто это?

Макбет

Друг.

Банко

Как! Ты еще не лег?

Король уж отошел ко сну. Сегодня
Он был на редкость хорошо настроен
И щедро одарил твою прислугу.
А вот алмаз, который посылает
Он лучшей из хозяек в знак того,
Что днем доволен.

Макбет

Прибыл он неожиданно.

Поэтому связала скудость руки
Гостеприимству.

Банко

Все прошло отлично.

Вчера мне снились три сестры-вещуньи.
Кой в чем они тебе не лгали.

Макбет

Я

Забыл о них. Но, если ты не против,
Нам стоит, улучив свободный час,
Потолковать об этом.

Банко

Я согласен.

Макбет

Держись меня и обретишь почет.

Банко

Что ж, если я, стремясь его умножить,
Бесчестием не заплачу за это,
Не изменяю ни совести, ни долгу,
Я твой совет приму.

Макбет

Спокойной ночи!

Банко

Благодарю. Такой же и тебе.

Банко и Флиенс уходят.

Макбет

Скажи, пусть госпожа мне приготовит
Питье и позвонит, а сам ложись.

Слуга уходит.

Что в воздухе я вижу пред собою?
Кинжал! Схвачу его за рукоять.—
А, ты не дался! Но тебя я вижу!
Иль ты, зловещий призрак, только взору,
А не руке доступен? Иль ты
Лишь детище горячечного мозга,
Кинжал, измышленный воображеньем?
Но нет, я вижу, чувствую тебя,
Как тот, что мною обнажен.
Меня ведешь ты тою же дорогой,
Какой я шел и сам с оружием тем же.
Тупей ли зренье у меня иль лучше
Всех чувств, не знаю. Но тебя я вижу!
Вон капли крови на твоём клинке.
Там не было их раньше... Нет, я брежу,
И наяву мой замысел кровавый
Моим глазам мерещится... Полмира
Спит мертвым сном сейчас. Дурные грезы
Под плотный полог к спящему слетают.
Колдуньи славят бледную Гекату,
И волк, дозорный тощего убийства,
Его будя, в урочный час завыл,
И, как злодей Тарквиний, легче тени
Оно крадется к жертве. Твердь земная,
Шагов моих не слушай, чтобы камни
Не возопили: «Стой! Куда?» — нарушив
Столь подобающее этой ночи
Ужасное безмолвье... Я грожу,
Но от угроз ему вреда не будет.
Слова — вода: они лишь волю студят.

Звон колокола.

Чу! Колокол звонит. Пора! Иду!
Дункан, ударам скорбным не внимай —
Они тебя проводят в ад иль в рай.

СЦЕНА 2

Там же.

Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Вино, свалив их с ног, мне дало смелость;
Их потушив, меня зажгло.— Но тише!
Кричит сова, предвестница несчастья,
Кому-то вечный сон суля. Он там.
Раскрыта дверь. Упившиеся слуги
Храпят, презрев свой долг. В питье ночное
Я подмешала им такого зелья,
Что спорят жизнь и смерть за них.

Макбет

(за сценой)

Кто там?

Леди Макбет

Как я боюсь! А вдруг они проснутся?
Тогда конец. Погубит нас попытка,
А не деянье. Тсс! Я положила
Кивжалы подле слуг. Макбет их должен
Найти. Не будь Дункан во сне так схож
С моим отцом, я все б сама свершила.—
Мой муж!

Входит Макбет.

Макбет

Я сделал все. Ты шум слыхала?

Леди Макбет

Пет, только крик совы да зов сверчка.
С кем говорил ты?

Макбет

Я? Когда?

Леди Макбет

Сейчас.

Макбет

За дверью?

Леди Макбет

Да.

Макбет

Тсс! Кто в соседней спальне?

Леди Макбет

Там Довальбайн.

Макбет

(глядя на свои руки)

Увы! Прискорбный вид!

Леди Макбет

Ты вздор несешь. О чем скорбеть тут можно?

Макбет

Один захохотал сквозь сон, другой
Вскричал: «Убийцы!» — и проснулись оба.
А я стоял и слушал. Помолившись,
Они опять заснули.

Леди Макбет

Пусть поспят.

Макбет

Они произнесли: «Помилуй, боже.
Аминь», как будто по рукам во мне
Узнали палача. А я не смог
«Аминь» прибавить к их молитве робкой:
«Помилуй, боже».

Леди Макбет

Брось об этом думать.

Макбет

Что не дало мне вымолвить «аминь»?
Молитвы я алкал, но комом в горле
«Аминь» застряло.

Леди Макбет

О делах подобных
Не размышляй, не то сойдешь с ума.

Макбет

Казалось мне, разнесся вопль: «Не спите!
Макбет зарезал сон!» — невинный сон,
Распутывающий клубок забот,

Сон, смерть дневных тревог, купель трудов,
Бальзам больной души, на пире жизни
Второе и сытнейшее из блюд...

Л е д и М а к б е т

О чем ты?

М а к б е т

Всюду неся вопль: «Не спите!
Зарезал Глэмис сон. Не будет Кавдор
Отныне спать. Макбет не будет спать!»

Л е д и М а к б е т

Да кто ж там мог кричать? Мой тан достойный,
Не позволяй всем этим глупым бредням
Твой дух расслабить. Набери воды,
Смой с рук своих улику — пятна крови.
Зачем кинжалы здесь? Их место там.
Снеси клинки назад и спящих слуг
Испачкай кровью.

М а к б е т

Не пойду я больше.
Содеянное мне не то что видеть,
А даже вспомнить страшно.

Л е д и М а к б е т

Слабодушный!

Дай мне кинжалы. Спящий и покойник,
Как черт, изображенный на картинке,
Лишь детям страшны. Если труп в крови,
Я ею слугам вызолочу лица,
Чтоб зло на них читалось.

(Уходит.)

Стук за сценой.

М а к б е т

Где стучат?

Да что со мной? Я шороха пугаюсь!
Чьи это пальцы рвут мои глаза?
Нет, с рук моих весь океан Нептуна
Не смоет кровь. Скорей они, коснувшись
Зеленой бездны моря, в красный цвет
Ее окрасят.

Возвращается леди Макбет.

Л е д и М а к б е т

Руки у меня

Того же цвета, что твои, по, к счастью,
Не столь же бледно сердце.

Стук за сценой.

Стук в ворота

На южной стороне! Скорее в спальню!
Один лишь ковш воды — и смыто все,
И станет нам легко. Так будь же тверд
И с духом соберись.

Стук за сценой.

Опять стучат.

Ступай, надень халат, не то увидят,
Что не ложились мы. Не поддавайся
Растерянности жалкой.

М а к б е т

Лучше б мне

Не знать себя, чем знать, что я содеял!

Стук за сценой.

О, если б стук мог пробудить Дункана!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же.

Стук за сценой.

Входит привратник.

П р и в р а т н и к

Вот уж стучат так стучат! Будь в аду привратник, и тот бы
взмок, вертя ключом при таком стуке.

Стук за сценой.

Стук, стук, стук! Кто там, во имя Вельзевула? Это, наверно,
фермер, который повесился, не дождавшись недорода. Ты в самый
раз поспел. Смотри только платками запасись: ты тут за свои грехи
попотеешь!

Стук за сценой.

Стук, стук, стук! Кто там, во имя другого дьявола? Да это
криводушник, который свою присягу на обе чашки судейских ве-

сов разом кидал. Сколько людей он во славу Божию ни предал, а небес все-таки не перехитрил. Ну входи, входи, криводушник!

Стук за сценой.

Стук, стук, стук! Да кто там? А, это английский портной, который французские штаны обузил, чтобы кусок сукна для себя выкроить. Входи, входи, портной. Здесь найдется, чем утюг нагреть.

Стук за сценой.

Стук, стук! Никак покою не дадут. Ты кто такой? Однако для пекла тут холодновато. Надоело мне у черта в привратниках ходить. Напустил я сюда людишек всякого звания из тех, что шествуют стезей удовольствий в этот веселенький вечный огонь,— и хватит.

Стук за сценой.

Ну сейчас, сейчас. Да не забудьте привратника. (*Отворяет ворота.*)

Входят М а к д у ф и Ленокс.

М а к д у ф

Поздненько ж ты, приятель, лег в постель,
Что так заспался.

П р и в р а т н и к

Верно, сударь: мы до вторых петухов пьяествовали, а пьянство всегда вызывает три последствия.

М а к д у ф

Это какие же такие последствия?

П р и в р а т н и к

Как — какие? Красный нос, мертвецкий сон и обильную мочу. А вот похоть оно и вызывает и отшибает: вызывает желание, но препятствует удовлетворению. Поэтому добрая выпивка, можно сказать, только и делает, что с распутством душой кривит: возбуждает и обессилит, разожжет и погасит, раздражит и обманет, поднимет, а стоять не даст; словом, она криводушничает с ним до тех пор, пока не уложит его в постель, не свалит всю вину на него же и не уйдет.

М а к д у ф

Тебя она, кажется, сегодня тоже на обе лопатки свалила?

П р и в р а т н и к

Ваша правда, сударь: она мне прямо-таки на глотку навалилась, только эта свалка для нее добром не кончилась: я, как видно, ей не под силу оказался. Она хоть несколько раз меня с ног и сбивала, но я изловчился и выкинул ее наружу.

М а к д у ф

Проснулся ли хозяин твой?

Входит М а к б е т.

Его

Мы разбудили нашим стуком. Вот он.

Л е н о к с

Привет, мой тан!

М а к б е т

Привет мой вам обоим!

М а к д у ф

Король еще не встал?

М а к б е т

Нет, он в постели.

М а к д у ф

Он мне велел поднять его пораньше.
Уже пора.

М а к б е т

Я провожу тебя.

М а к д у ф

Тебе приятен этот труд, я знаю,
Но все же это труд.

М а к б е т

Приятный труд

Не тяготит, но радует. Вон дверь.

М а к д у ф

Дерзну войти. Таков мой долг.
(Уходит.)

Л е н о к с

Отбудет

Король сегодня?

Макбет

Да, он так сказал.

Ленокс

Какая буря бушевала ночью!
Снесло трубу над комнатою нашей,
И говорят, что в воздухе носились
Рыдания, смертный сон и голоса,
Пророчившие нам годину бедствий
И смут жестоких. Птица тьмы кричала
Всю ночь, и, говорят, как в лихорадке,
Тряслась земля.

Макбет

Да, ночь была тревожной.

Ленокс

За весь свой краткий век не помню ночи,
Подобной ей.

Возвращается Макдуф.

Макдуф

О ужас, ужас, ужас!
Ни языком не высказать такое,
Ни сердцем не постигнуть.

Макбет и Ленокс

Что случилось?

Макдуф

Злодейство все пределы перешло:
Господний храм взломал убийца гнусный
И жизнь его помазанной святыни
Кошунственно похитил.

Макбет

Что? Чью жизнь?

Ленокс

Что? Жизнь его величества?

Макдуф

Войдите,
И в спальне вы лишитесь глаз при виде

Горгоны новой. У меня нет слов.
Взгляните лучше сами.

Макбет Ленокс уходят.

Все вставайте!
Пусть бьет набат! Измена и убийство!
Вставайте, Банко, Дональбайн, Малькольм!
Страхните тихий сон — прообраз смерти:
Она пришла сама, и страшный суд
Уже вершится здесь! Малькольм и Банко,
Вставайте, словно духи из могил,
Взглянуть на этот ужас! Бей, набат!

Колокол. Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Что тут стряслось? Чей голос, жуткий, словно
Труба пред боем, вызывает спящих
Из дома? Отвечайте.

Макдуф

Госпожа,
Я слов своих при вас не повторю:
Им стоит уха женщины коснуться,
Чтоб умертвить ее.

Входит Банко.

О Банко, Банко!

Король убит.

Леди Макбет

Как! В нашем доме? Горе!

Банко

Где б это ни произошло — ужасно!
Макдуф, мой дорогой, я умоляю:
Скажи, что заблуждался, что солгал.

Возвращаются Макбет и Ленокс.

Макбет

Умри я час назад, я жизнь бы прожил
Счастливым, ибо для меня теперь
Все стало прахом в этом бренном мире,
Где больше нет ни щедрости, ни славы.
Вино существования иссякло,

И может лишь подонками похвастать
Наш погреб сводчатый.

Входят Малькольм и Дональбайн.

Дональбайн

Что тут случилось?

Макбет

Как! Вы еще не знаете? Иссох
Ключ ваших дней, источник вашей крови.

Макдуф

Убит ваш царственный родитель.

Малькольм

Кем?

Ленокс

Как видно, теми, кто при нем был ночью.
Кровь покрывала лица их и руки,
И мы нашли у них под головами
Кинжалы неотертые.
Их дикий взгляд смятение обличал.
Никто бы жизнь свою им не доверил.

Макбет

Теперь жалею я, что, разъярясь,
Их заколол.

Макдуф

Зачем ты это сделал?

Макбет

Кто разом может быть горяч и трезв,
Взбешен и сдержан, предав и бесстрастен?
Никто! Медлитель ум отстал от пыла
Моей любви. Дункан лежал пред нами,
И расшивала золотая кровь
Серебряную кожу, где, как бреши,
Куда ворвалась смерть, зияли раны.
В цвет ремесла себя окрасив, спали
Убийцы у дверей. На их кинжалах
Алея наряд из высохшей крови.
Кто, кто, в чьем сердце есть любовь и смелость,
Сумел бы совладать с собой и делом
Любовь не доказать?

Л е д и М а к б е т

Ах, помогите!

М а к д у ф

На помощь к госпоже!

М а л ь к о л ь м

(тихо, Дональбайну)

Что ж мы-то немь,

Хоть нас несчастье больше всех задело?

Д о н а л ь б а й н

(тихо, Малькольму)

О чем же можем говорить мы здесь,
Где смерть глядит на нас из каждой щели?
Бежим скорей отсюда. Наши слезы
Еще не накали.

М а л ь к о л ь м

(тихо, Дональбайну)

Да и скорбь

Должны мы прятать.

Б а н к о

Помогите леди!

Л е д и М а к б е т уносят.

Идем, прикроем бранные тела
Одеждою от холода, а после
Расследуем кровавое злодейство.
Потрясены мы страхом и сомнением,
Но я, на божью помощь уповаю,
Бросаю вызов вероломным козням
Безвестного изменника.

М а к д у ф

И я.

В с е

Мы все.

М а к д у ф

Оденемся, вооружимся
И в зале вновь сойдемся.

Все

Решено.

Все, кроме Малькольма и Дональбайна, уходят.

М а л ь к о л ь м

Что делать нам? Не с ними ж оставаться.
Притворная печаль легко дается
Одним лжецам. Я в Англию уеду.

Д о н а л ь б а й н

А я — к ирландцам. Будет безопасней
Нам судьбы разделить. Ведь тут за каждой
Улыбкою — кинжал. Чем ближе нам
По крови человек, тем больше алчет
Он нашей крови.

М а л ь к о л ь м

Смертная стрела
Еще летит, и нам всего полезней
Не подставлять ей грудь. Скорей в седло,
И скроемся! Сейчас не до прощаний.
Тот воровством себя не замарал,
Кто жизнь свою у гибели украл.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Под стенами замка Макбета.
Входят Росс и старик.

С т а р и к

Лет семьдесят я в памяти храню.
За этот срок всего я навидаюсь —
И страшного и странного, но все
Пустяк пред этой ночью,

Р о с с

Вот, отец,
Гляди: смутясь деяньями людскими,
Кровавый их театр затмило небо.
Часы показывают день, но тонет
Во мгле светило. Ночь ли всемогуща
Иль стыдно дню, но, лик земли скрывая,
Мрак не дает лучам лобзать его.

С т а р и к

Да, это, как и все, что здесь творится,
Противно естеству. В минувший вторник
Был гордый сокол пойман и растерзан
Охотницею на мышей совой.

Р о с с

А копи короля (хоть это странно,
Но достоверно), на подбор красавцы
И права смиренного, взбесились в стойлах,
Сломали их и убежали, словно
Войну с людьми задумали затеять.

С т а р и к

И, говорят, друг с другом грызлись.

Р о с с

Да,

Моим глазам на диво.

Входит М а к д у ф.

Вон идет

Макдуф наш добрый. Что на белом свете
Творится, друг?

М а к д у ф

Ты разве сам не видишь?

Р о с с

Дознались ли, кто пролил кровь монарха?

М а к д у ф

Те, кто Макбетом был заколот.

Р о с с

Небо!

Что за корысть им в том?

М а к д у ф

Их подкупили.

Тайком бежали сыновья Дункана
Малькольм и Дональбайн, чем подозренье
На них навлечено.

Р о с с

И это также
Противно естеству. О властолюбье,
Ты пожираешь то, чем ты живешь!
Сдается мне, быть королем Макбету.

М а к д у ф

Он им провозглашен и в Скон уехал,
Чтоб там принять венец.

Р о с с

Где прах Дункана?

М а к д у ф

Перевезен на остров Колум-Килл,
В святую усыпальницу, где предки
Его починут.

Р о с с

Ты поедешь в Скон?

М а к д у ф

О нет, кузен, я — в Файф.

Р о с с

А я — туда.

М а к д у ф

Что ж, будь здоров. Одно могу сказать я:
Смотри не пожалей о старом платье.

Р о с с

Прощай, отец.

С т а р и к

Благослови господь

И вас и всех, кто хочет вместе с вами,
Чтоб стало зло — добром, враги — друзьями.

Уходят.





А К Т III

С Ц Е Н А 1

Форрес. Дворец.

Входит Банко.

Б а н к о

Ты Гламис, Кавдор и король. Ты стал
Всем, что тебе вещуньи предсказали,
Хотя, боюсь, ты и сыграл нечисто.
Но трон обещан не твоим потомкам,
Отцом и корнем многих королей
Быть не тебе, а мне. Ведь если сестры
Не лгут (твоя судьба — тому порукой)
И если не обманут ими ты,
То почему я должен им не верить
И отказаться от надежд... Но тише.

Трубы. Входят Макбет и леди Макбет в королевском одеянии,
Ленокс, Росс, лорды, леди и свита.

Макбет

А вот и самый дорогой наш гость.

Леди Макбет

Будь нами он забыт, таким изыском
Испорчен был бы наш великий праздник.

Макбет

Устраиваем мы сегодня ужин
И быть на нем вас просим.

Банко

Государь,
Располагайте мной. Я к вашей воле
Прикован неразрывной цепью долга.

Макбет

Вас днем не будет здесь?

Банко

Нет, государь.

Макбет

Жаль. Мы желали б слышать ваше мнение,
Столь мудрое и веское всегда,
Сегодня на совете. Что ж, отложим
Его до завтра. Далеко ль вам ехать?

Банко

Да. Я вернусь лишь к ужину, не раньше,
А если конь к тому же притомится,
Придется мне у ночи час-другой
Занять.

Макбет

Не опоздайте только к пиру.

Банко

Поспею, государь.

Макбет

Дошел до нас

Слух о племянниках кровавых наших.
В Ирландии и в Англии скрываясь,
Они отцеубийство отрицают
И выдумками вздорными в умах
Смятение сеют. Но об этом — завтра,
Когда обсудим все дела правленья
Мы на совете. А пока — прощайте.
Мы ждем вас к ночи. Едет с вами Флиенс?

Банко

Да, государь, и время нам спешить.

Макбет

Желаю вам, чтоб на ногу легки
И резвы были лошади, чьим спинам
Я вас вверяю. Доброго пути!

Банко уходит.

Пусть каждый до семи часов собой
Располагает; мы одни побудем,
Чтоб тем полней вкусить потом усладу
Беседы вашей. Ну, ступайте с богом.

Все, кроме Макбета и одного слуги, уходят.

Эй ты, скажи: явились эти люди?

Слуга

Да, государь, и ждут за воротами.

Макбет

Введи их к нам.

Слуга уходит.

Стать королем — ничто,
Им нужно прочно стать. Укоренился
В моей душе глубокий страх пред Банко.
В его природе царственной есть нечто,
Чего бояться должно. Он отважен
И мудр. Его неукротимый дух
Ведом рассудком осторожным к цели.
Кто из людей мне страшен? Только он.
Мой гений подавляет он, как гений
Антония был Цезарем подавлен.
Прикрикнув на сестер, мне обещавших
Шотландский трон, спросил он о себе
И предком королей был ими назван.
А на моем челе — венец бесплодный,
В моей деснице — бесполезный скипетр.
Не сыну мною передан он будет,
Но вырван чуждою рукой. Так, значит,
Я душу погубил для внуков Банко,
Убил Дункана доброго для них,
Яд злобы в чашу моего покоя
Подлил для них и отдал клад свой вечный
Исконному врагу людского рода,
Чтоб трон достался им, потомкам Банко!

Ну нет! Сперва мы не на жизнь, а на смерть
Поборемся с тобой, судьба! — Кто там?

Входит слуга с двумя убийцами.

Ступай за дверь и жди. Я позову.

Слуга уходит.

Не вы ль вчера со мною говорили?

Первый убийца

Да, государь.

Макбет

Обдуманы ли вами

Мои слова? Да будет вам известно,
Что виноват в былых несчастьях ваших
Он, а не я, как полагали вы.
Я в прошлый раз так ясно показал,
Как вас ввели в обман, как разорили
И кто причина этого, что даже
Помешанный иль недоумок жалкий
И тот понять бы должен: это дело
Рук Банко.

Второй убийца

Да, вы нам глаза открыли.

Макбет

Но я пошел и дальше, вас вторично
К себе позвав. Иль так вы терпеливы,
Чтоб все спускать обидчику и впредь,
Иль так писанье чтите, чтоб молиться
За доброхота и его семейство,
Хоть он к земле вас гнет рукой тяжелой
И ваших ближних грабит?

Первый убийца

Нет, мы люди.

Макбет

О да, людьми вас числят в общем списке,
Как гончих, мопсов, пуделей, овчарок,
Борзых и шавок — всех равно зовут
Собаками, хотя цена различно
Расписана ленивым и проворным,

Дворовым и охотничьим, смотря
По свойствам их — дарам природы щедрой.
Поэтому название породы
К их родовому имени — собака
Мы прибавляем. То же — и с людьми.
Так вот, коль в этом списке вам подобных
Стоите не среди последних вы,
Скажите мне — и я вам дело дам.
Свершив его, врагу вы отомстите
И место в нашем сердце обретете,
Затем что мы больны, пока он жив,
И лишь с его кончиной исцелимся.

Второй убийца

Мой государь, так много от людей
Я получал ударов, что согласен
На все, чтоб людям отомстить.

Первый убийца

Я тоже

Так горькою своей судьбой измучен,
Что жизнь на карту хоть сейчас поставлю
И выиграю иль ее утрачу.

Макбет

Вы знаете, что Банко — враг ваш?

Оба убийцы

Да.

Макбет

Мой также, и притом такой заклятый,
Что каждый миг его пути земного
Есть нож, вонзенный в жизнь мою. Конечно,
Я Банко и открыто устранить
Не затруднюсь. Но это неразумно:
У нас с ним общие друзья; я должен
Любовь их сохранить, и мне придется
При них рыдать над тем, кто мной убит.
Вот почему, стремясь от глаз толпы
Скрыть это дело по причинам важным,
Я и прибегнул к вам.

Второй убийца

Мы все исполним,

Мой государь.

Первый убийца

Пусть даже наша жизнь...

Макбет

Довольно. Я решимость вашу вижу
И сообщу вам через час, не позже,
Когда и где вы сядете в засаду.
Покончить с этим нужно нынче к ночи
И от дворца подальше: не забудьте,
Я должен быть вне подозрений. С ним
Поедет сын его, мальчишка Флиенс,
Чьего исчезновенья я желаю
Не меньше. Пусть и он впотьмах разделит
(Чтоб к сделанному вновь не возвращаться)
Отцовский жребий. Ну, решайте сами,
А я сейчас вернусь.

Оба убийцы

Мы все решили.

Макбет

Ступайте, ждите. Я вас позову.

Убийцы уходят.

Час пробил. Если рай тебе сужден,
Тебя сегодня, Банко, примет он.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Дворец.

Входят леди Макбет и слуга.

Леди Макбет

Уехал Банко?

Слуга

Госпожа, он отбыл,
Но возвратится к ночи.

Леди Макбет

Королю

Скажи, что я с ним говорить желаю.
Ступай.

С л у г а

Иду.

(Уходит.)

Л е д и М а к б е т

Победе грош цена,
Коль не дает нам радости она.
Милей судьбой с убитым поменаться,
Чем страхами, убив его, терзаться.

Входит М а к б е т.

Зачем ты одиночество, супруг,
С раздумьями мучительными делишь?
Все эти мысли умереть должны,
Как те, о ком ты мыслишь. Сожаленья
Былого не вернут. Что свершено,
То свершено.

М а к б е т

Змею мы разрубили,
Но не убили, и куски срастутся,
Чтоб вновь грозить бессильной нашей злобе
Все тем же зубом. Нет, скорее связь
Вещей порвется, рухнут оба мира,
Чем есть я буду с трепетом свой хлеб
И ночью спать, дрожа от грез ужасных.
Нет, лучше быть в гробу, как тот, кто стал
Покойником, чтоб мы покой вкусили,
Чем безысходно корчиться на дыбе
Душевных мук. Дункан лежит в могиле
Ог лихорадки жизни отсыпаясь.
Измена сделала свое: ни сталь,
Ни яд, ни бунт, ни внешний враг отныне
Ему уже не страшны.

Л е д и М а к б е т

Успокойся,

Мой милый муж, и взор свой проясни.
Будь весел, чтоб гостей принять радушно.

М а к б е т

Да, буду, но и ты развеселись.
Особенно же Банко отличи,

Его лаская взорами и речью.
Пока наш трон непрочен, нам придется
Потоком лести омыwać венец,
Под маской лиц скрывая то, что в сердце
У нас творится.

Л е д и М а к б е т

Что за страх нелепый!

М а к б е т

О, полон скорпионами мой мозг! —
Жена, ведь Банко жив и Флиенс тоже.

Л е д и М а к б е т

Но смертными их создала природа.

М а к б е т

Да, нам на счастье, плоть их уязвима.
Воспрянь же духом: прежде чем зареет
Под сводом храмов нетопырь и жук
Навеет дрему жесткокрылым звоном,
На зов Гекаты черной в ночь летя,
Свершится то, что всех повергнет в ужас.

Л е д и М а к б е т

Что, что свершится?

М а к б е т

Пребывай, родная,
В неведение невинном, чтобы после
Порадоваться. Ослепитель мрак,
Закрой глаза участливому дню
И кандалы, в которых дух мой чахнет,
Порви рукой кровавой и незримой.
Тускнеет свет, и ворон в лес туманный
Легит. Благие силы дня уснули.
Выходят слуги ночи на добычу.
Что? Непонятно? Так поймешь потом.
Кто начал злом, тот и погрязнет в нем.
Прошу тебя, иди со мной.

Уходят.

СЦЕНА 3

Парк около двора.

Входят трое убийц.

Первый убийца

Тебя-то кто прислал сюда?

Третий убийца

Макбет.

Второй убийца

Не доверять тебе нет оснований:

Ведь то, что сделать мы должны, ты знаешь,
До мелочей.

Первый убийца

Что ж, оставайся с нами.

Закат полоской узкой догорает.

Коня пришпорил запоздалый путник,

Спеша к ночлегу, и недолго ждать

Тех, кто нам нужен.

Третий убийца

Тише! Слышишь топот?

Банко

(за сценой)

Эй вы, огня!

Второй убийца

Конечно, это он.

Все остальные, кто на ужин званы,
Давно уж во дворце.

Первый убийца

Свернули кони.

Третий убийца

Их повели в обход. Там будет с мялю.

А он, как все идут, пошел к воротам

Пешком.

Второй убийца

Глядите, свет!

Входят Банко и Флиенс с факелом.

Третий убийца

Вот он!

Первый убийца

Дружнее!

Банко

А ночью дождь пойдет.

Первый убийца

Уже пошел!

Убийцы набрасываются на Банко.

Банко

Предательство! Спасайся, милый Флиенс!

Беги и отомсти! — О низкий раб!

(Умирает.)

Флиенс убегает.

Третий убийца

Кто факел потушил?

Первый убийца

На что он нам?

Третий убийца

Тут лишь один лежит. Сынок-то скрылся.

Второй убийца

Эх, мы сплошали в главном.

Первый убийца

Что же делать!

Идем, доложим все начистоту.

Уходят.

СЦЕНА 4

Тронный зал дворца.

Стол, накрытый для пира.

Входят Макбет, леди Макбет, Росс, Ленокс,
лорды и слуги.

Макбет

Усаживайтесь сами. Нам вы все

Равно желанны.

Л о р д ы

Государь, спасибо.

М а к б е т

Меж вас я сяду, как хозяин скромный,
Чтоб к вам поближе быть. Пускай хозяйка,
Оставшись на своем почетном месте,
Нас в добрый час приветом подарит.

Л е д и М а к б е т

Я за меня прошу вас, государь,
Приветствовать друзей сердечным словом.

П е р в ы й у б и й ц а показывается в дверях.

М а к б е т

Тебя они благодарят всем сердцем.—
Раз с двух сторон столов сидят, мне место —
Посередине. Выпьем круговую.
Ну, веселей!

(Подходит к двери.)

Твое лицо в крови.

У б и й ц а

Кровь Банко это — не моя.

М а к б е т

Приятней

Она мне на тебе, чем в нем. Готово?

У б и й ц а

Я, государь, его живьем прирезал.

М а к б е т

Ты живорез отменный, но хорош
И тот, кто то же с Флиенсом проделал.
Тебе нет равных, если это ты.

У б и й ц а

Мой государь, бежал и спасся Флиенс.

М а к б е т

(в сторону)

Я болен вновь, хоть был уже здоров,
Как мрамор целен, как утес незыблем,

Как воздух волен. А теперь я подлым
Сомнением и страхом связан, скован,
Подавлен, сломлен.— Но убит ли Банко?
Не ложь ли это?

Убийца

Нет, мой государь.
Во рву нашел он ложе. Двадцать ран
На голове его. Из них любая —
Смертельна.

Макбет

Что ж, спасибо и на том.

(В сторону.)

Раздавлен змей, но уцелел змееныш.
Со временем и он нальется ядом,
Хотя сейчас еще беззуб.— Ступай.
Мы потолкуем завтра.

Убийца уходит.

Леди Макбет

Вы забыли

Своих гостей, мой государь, а пир,
Не одобренный любезностью хозяев,
Становится похож на платный ужин.
Для насыщенья дома мы едим,
В гостях же ищем не еды — радушья.
Стол пресен без него.

Макбет

Упрек приятный!

(Гостям.)

В охоту и во здравье угощайтесь!

Ленокс

Присесть благоволяте, государь.

Призрак Банко входит и садится на место,
предназначенное Макбету.

Макбет

Весь цвет страны здесь был бы палицо,
Не опоздай наш милый Банко к пиру.
Надеюсь, что виной тому небрежность,
А не беда в пун.

Р о с с

Нарушив слово,
Он поступил нехорошо. Почтите
Нас, государь, сев к нашему столу.

М а к б е т

Мне места нет.

Л е н о к с

Как, государь! А это?

М а к б е т

Где?

Л е н о к с

Да вон тут. Что с вами, государь?

М а к б е т

Кто это сделал?

Л о р д ы

Государь, о чем вы?

М а к б е т

Тебе меня не уличить. Трясешь
Кровавыми кудрями ты напрасно.

Р о с с

Идемте, лорды: государю худо.

Л е д и М а к б е т

Нет, нет, друзья, сидите. У него
Такое — с детства. Я прошу вас, сядьте.
Недолги приступы. Через минуту
Он вновь придет в себя. Внимание ваше
Его лишь раздражит, продлив припадок.
Пируйте без него.

(Макбету.)

И ты — мужчина?

М а к б е т

Да, и не робкий: я смотрю на то,
Пред чем сомлел бы дьявол.

Л е д и М а к б е т

Что за бредни!

Твой страх тебе намалевал картину,
Немыслимую, как кинжал, который
Повел тебя к Дункану. Так дрожать
И так бледнеть, изображая ужас,
Пристало только кумушкам зимой
У камелька под бабушкины сказки.
Стыдись! Оставь гримасы! Неужели
Пустого стула испугался ты?

М а к б е т

Смотри сюда! Вглядись! Ну, что ты скажешь? —
Раз ты кивнуть мне мог, заговори.
Уж если тех, кто погребен, могилы
Обратно шлют, пусть нам кладбищем служит
Утроба коршунья.

Призрак Банко исчезает.

Л е д и М а к б е т

Ты помешался!

М а к б е т

Клянусь, он был здесь!

Л е д и М а к б е т

Как тебе не стыдно!

М а к б е т

Кровь лили и тогда, когда закон
Еще не правил диким древним миром;
И позже леденящие нам слух
Убийства совершались. Но, бывало,
Расколют череп, человек умрет —
И тут всему конец. Теперь покойник,
На чем челе смертельных двадцать ран,
Встает из гроба, с места нас сгоняя,
А это пострашнее, чем убийство.

Л е д и М а к б е т

Мой государь, вас гости ждут.

М а к б е т

Простите.

Забылся я. Друзья, не удивляйтесь

Недугу моему. Он не опасен.
Домашние мои к нему привыкли.
Налейте мне и, прежде чем усесться,
Я выпью за здоровье всех гостей
И Банко, друга нашего, который
Нас огорчил отсутствием своим.
За вас и за него!

Призрак Банко возвращается.

Лорды

За здоровье ваше!

Макбет

Сгинь! Скройся с глаз! Вернись обратно в землю!
Застыла кровь твоя, в костях нет мозга,
Незряч твой взгляд, который ты не сводишь
С меня.

Леди Макбет

Прошу вас примириться, пары,
С тем, что припадок, хоть безвреден он
И нам привычен, все ж испортил праздник.

Макбет

Я смею все, что может сметь мужчина.
Явись в любом другом обличье мне —
Как грозный носорог, иль тигр гирканский,
Или медведь косматый из России —
И я не дрогну ни единой жилкой;
Воскресни, позови меня в пустыню
На смертный бой и, если я сробею,
Игрушкой девчонки объяви.
Сгинь, жуткий призрак! Прочь, обман!

Призрак Банко исчезает.

Исчез!

Я снова человек. Садитесь, лорды.

Леди Макбет

Но вы своим недомоганьем странным
Расстроили наш пир веселый.

Макбет

Разве

Такое может, словно туча летом,
Пройти бесследно? Я не узнаю

Себя, когда смотрю, как ты зриаешь,
Румянец сохранив, на эти вещи,
Тогда как у меня белеют щеки
От ужаса.

Р о с с

Какие ж это вещи?

Л е д и М а к б е т

Я вас прошу, не говорите с ним.
Ему все хуже. Злят его расспросы.
Вставайте без чинов и расходитесь.
Прощайте.

Л е н о к с

Доброй ночи и здоровья
Его величеству.

Л е д и М а к б е т

Всем вам — того же.

Все, кроме Макбета и леди Макбет, уходят.

М а к б е т

Он алчет крови, ибо кровь — за кровь.
Бывало встарь, что камни с мест сходили,
Деревья говорили и, гадая
По вóронам, сорокам и грачам,
Отыскивали áвгуры убийцу,
Как ни таился тот. Который час?

Л е д и М а к б е т

Уж ночь и утро спорят, кто сильнее.

М а к б е т

Макдуф на пире не был. Что ты скажешь
На этот счет?

Л е д и М а к б е т

Ты посылал за ним?

М а к б е т

Не посылал, но кое-что проведal.
Во всех домах у знати кто-нибудь
Из челяди подкуплен мною. Завтра
С рассветом я отправлюсь к вещим сестрам.

Пусть больше скажут. Будь что будь, я все —
Хотя бы наихудшее — узнаю.
По мне, все средства хороши отныне:
Я так уже увяз в кровавой тине,
Что легче будет мне вперед шагать,
Чем по трясине возвращаться вспять.
В мозгу мой страшный план еще родится,
А уж рука свершить его стремится.

Л е д и М а к б е т

Ложись-ка лучше: сон — бальзам природы.

М а к б е т

Да, ляжем. Объясняй мой страх гнетущий
Растерянностью, новичку присущей:
Ведь мы с тобой в таких делах — юнцы.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Степь. Гром.

Входят три ведьмы. Навстречу им — Геката.

П е р в а я в е д ь м а

Геката, ты не в духе? Что случилось?

Г е к а т а

Бесстыдницы! С чего же быть мне в духе?
Как смели к тайнам смерти вы, старухи,
Своим болтливым языком
Макбета приобщить тайком,
Не посвятив в свои дела
Меня, подательницу зла,
Царицу вашу, кто волшеб
Вас научил во вред себе?
Напрасный труд: гордец такой
Вам не захочет быть слугой.
Он зло творит, но цель его —
Лишь собственное торжество.
Ступайте. Завтра к вам чуть свет
Пойдет узнать судьбу Макбет,
И там, где плещет Ахерон,
В пещере вас отыщет он.

Готовьте утварь и отвар,
Потребные для ваших чар,
А я лечу и буду ночь
Трудиться, чтобы вам помочь.
Все нужно завершить к утру.
Я с рога месяца сотру
Ту каплю, что с него вот-вот
Росой на землю упадет.
Я в пар ее перегоню,
Им стаю духов приманю,
А те Макбета обольстят
И в нем рассудок усыпят.
Забыв про мудрость, честь и стыд,
Он страх, судьбу и смерть презрит,
И гибель ждет его, как всех,
Кто слишком верит в свой успех.

За сценой музыка и пение: «Торопись, торопись!»

Чу! Мне пора. Малютка дух заплел.
На облаке за мной он прилетел.
(Уходит.)

Первая ведьма
Идем скорей! С зарей она вернется.
Уходят.

СЦЕНА 6

Форрес. Дворец.

Входят Ленокс и другой лорд.

Ленокс

В своих словах вы мой намек развили.
Так сделайте и вывод. Как-то странно
Сложилось все. Незлбивый Дункан
Макбетом был оплакан: он ведь умер.
Шел ко дворцу впотьмах отважный Банко
И умерщвлен. А кто убийца? Флиенс,—
Ведь тот бежал. Зачем ходить впотьмах?
Кто не сочтет чудовищным злодейством
Поступок Дональбайна и Малькольма,
Столь доброго отца убивших? Звери!
А как скорбел Макбет! Не зря он тут же,
Шылая правым гневом, заколол

Двух слуг, рабов преступных сна и хмеля.
Не благородно ль это? Не умно ли?
Ведь иначе они бы отперлись,
Чем всех бы возмутили. Да, так складно
Все получилось у него, что, мнится,
Сумей он изловить детей Дункана
(Чего не дай господь!), они б узнали,
Как убивать отцов! И Флиенс — также.
Но тише! Ведь за дерзостные речи
И за отказ прийти на пир Макдуф
В немилость у тирана впал. Скажите,
Куда он скрылся?

Л о р д

Старший сын Дункана,
Которого тиран лишил престола,
Нашел приют при английском дворе
И был благочестивым Эдуардом
Там принят так, как если бы невзгоды
Его не обездолили. Макдуф
Бежал туда же, к королю святому,
Просить, чтобы войволюбивый Сивард
С Нортемберлендом шли на помощь нам
И при поддержке их, с соизволения
Господня, вновь мы обрели возможность
Есть за трапезой хлеб, ночами спать,
На пиршествах кинжала не бояться
И за отличья не платить бесчестьем,
Короче — жить. Макбет, услышав это,
Вскипел и стал готовиться к войне.

Л е н о к с

А разве он не звал к себе Макдуфа?

Л о р д

Да, звал, но тот отрезал: «Не поеду»,
На что гонец угрюмый проворчал
Сквозь зубы: «Ты об этом пожалеешь!» —
И удалился.

Л е н о к с

Нет, Макдуф не зря
Решил из осторожности держаться

Подальше от Макбета. Пусть ведет
Его господний ангел к Эдуарду,
Чтоб поскорей стал снова благодатным
Наш бедный край, истерзанный рукою
Злодея.

Л о р д

Я об этом же молюсь.

Уходят.





А К Т IV

С Ц Е Н А I

Пещера. Посредине — кипящий котел. Гром.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Трижды взвизгнул пестрый кот.

Вторая ведьма

Всхлипнул еж в четвертый раз.

Третья ведьма

Гарпия кричит: «Пора!»

Первая ведьма

Сестры, в круг! Бурлит вода.

Яд и нечисть — все туда.

Жаба, что в земле сырой

Под клабищенской плитой

Тридцать дней копила слизь,

Первая в котле варись.

Все ведьмы

(вместе)

Пламя, прядай, клокочи!

Зелье, прей! Котел, урчи!

В г о р а я в е д ь м а

Вслед за жабой в чан живей
Сыпьте жир болотных змей,
Зев ехидны, клюв совиный,
Глаз медянки, хвост ужиный,
Шерсть кожана, зуб собачий
Вместе с пястью лягушачьей,
Чтоб для адских чар и ков
Был у нас отвар готов.

В с е в е д ь м ы (вместе)

Пламя, прядай, клокочи!
Зелье, прей! Котел, урчи!

Т р е т ь я в е д ь м а

Ветка тиса, что была
Ночью, чуть луна зашла,
В чаше срезана дремучей,
Пасть акулы, клык бирючий,
Желчь козла, драконья лапа,
Турка нос, губа арапа,
Печень нехристя-жиденка,
Прах колдуньи, труп ребенка,
Шлюхой матерью зарытый
В чистом поле под ракитой,
Потрох тигра, в ступке взбитый,
И цикута на приправу
Нам дадут отвар на славу.

В с е в е д ь м ы (вместе)

Пламя, прядай, клокочи!
Зелье, прей! Котел, урчи!

В т о р а я в е д ь м а

Павианью кровь цедите —
Взвар крепите и студите.

Входит Г е к а т а.

Г е к а т а

Хвалю за труд. Спасибо вам!
Я каждой за него воздам,
А вы покопчите с волшбой,

Сомкнувшись в пляске круговой,
Как эльфы позднею порой.

Музыка и пение: «Духи черные...» и т. д.

Геката удаляется.

Вторая ведьма

У меня заныли кости.
Значит, жди дурного гостя.
Крюк, с петли слети,
Пришлецапусти.

Входит Макбет.

Макбет

Эй, черные полуночные ведьмы,
Чем заняты вы?

Все ведьмы
(вместе)

Несказанным делом.

Макбет

Где б ваши знания вы ни почерпнули,
Я ими заклинаю вас, ответьте.
Пусть даже ваш ответ принудит вихрь
Сражение с колокольнями затеять,
Валы — вскипеть и поглотить суда,
Хлеба — полечь, деревья — повалиться,
Твердыни — рухнуть на голову страже,
Дворцы и пирамиды — до земли
Челом склониться, чтоб, опустошив
Сокровищницу сил своих безмерных,
Изнемогла природа, — отвечайте!

Первая ведьма

Спроси.

Вторая ведьма

Задай вопрос.

Третья ведьма

Ответ дадим.

Первая ведьма

Ты ждешь его от нас или от тех,
Кто старше нас?

Макбет

От старших. Пусть предстанут.

Первая ведьма

В воду лей, в огонь струи
Пот убийцы, кровь свиньи,
Съевшей собственный приплод.

Все ведьмы

(вместе)

Старший, младший — да придет
Каждый призрак в свой черед.

Гром.

Появляется первый призрак: голова в шлеме.

Макбет

Скажи, безвестный...

Первая ведьма

Это ни к чему:

Он мысль твою прочел. Внимай ему.

Первый призрак

Макбет, страшись Макдуфа. Файфский тан
Опасен.— Мне пора: совет мой дан.

(Исчезает.)

Макбет

Кто бы был ты, спасибо за него.
Струну боязни он во мне затронул.
Скажи еще...

Первая ведьма

Он глух к твоим приказам.
Но вот другой. Тот будет посильнее.

Гром.

Появляется второй призрак: окровавленный младенец.

Второй призрак

Макбет! Макбет! Макбет!

Макбет

Будь у меня
Три уха, я тебе внимал бы всеми.

Второй призрак

Лей кровь и пспирай людской закон.
Макбет для тех, кто жепщиной рожден,
Неуязвим.

(Исчезает.)

Макбет

Макдуф, живи: ты мне теперь не страшен.
Но нет, пусть для уверенности вишей
Судьба мне даст залог. Ты жить не будешь,
Чтоб мог я бледный страх назвать лжецом
И крепко спать на зло громам.

Гром.

Появляется третий призрак: дитя в короне, с ветвью в руке.

Кто это

Дитя с осанкой отпрыска монархов,
На чьем челе, как признак высшей власти,
Лежит корона?

Все ведьмы

(вместе)

Слушай и молчи.

Третий призрак

Будь смел как лев. Да не вселят смятенье
В тебя ни заговор, ни возмущенье:
Пока на Дунсинанский холм в поход
Бирнамский лес деревья не пошлет,
Макбет несокрушим.

(Исчезает.)

Макбет

Не быть тому!

Стволы не сдвинуть с места никому.
Их не наймешь, как войско. Я воскрес!
Спи, бунт, пока стоит Бирнамский лес.
Ликуй, Макбет! В сиянии венца
Земным путем пройдешь ты до конца,
Назначенного смертным. Но одно
Скажите мне, коль все вам знать дапо:
Воссядет ли на трон державы нашей
Род Банко?

Все ведьмы

(вместе)

Не стремись узнать об этом.

Макбет

Нет, вы ответ дадите, или вас
Я прокляну навеки! — Что случилось?
Куда котел девался? Что за звуки?

Гобои.

Первая ведьма

Появитесь!

Вторая ведьма

Появитесь!

Третья ведьма

Появитесь!

Первая ведьма

Сердце честолюбца раньте
И во тьму обратно каньте!

Появляются призраки: восемь королей, в руке у последнего зеркало;
за ними — Банко.

Макбет

Ты чересчур похож на призрак Банко.
Сгинь! Твой венец мне жжет глаза. И ты,
Второй, в венце таком же, как и первый.
И третий также... Мерзостные ведьмы!
Зачем вы мне явили их? Четвертый!
Иль цепь их только судный день прервет?
Еще один! Седьмой! С меня довольно!..
Но вот восьмой. Он с зеркалом, в котором
Я вижу длинный ряд других. Иные
Со скипетром тройным, с двойной державой.
О вид ужасный! Призраки не лгут.
Не зря же Банко, весь в крови, с улыбкой
Глядит на них как на своих потомков.
Не так ли?

Первая ведьма

Так. Но разве это
Способно устрасить Макбета?

В круг, сестры! Мастерством своим
Мы дух его возвеселим.
Заставлю воздух я для вас
Запеть, а вы пуститесь в пляс,
Чтоб за неласковый прием
Нас не корил король потом.

Музыка. В е д ъ м ы пляшут, затем исчезают.

М а к б е т

Куда пропали ведьмы?— Да пребудет
В календарях проклятым этот день!
Эй, люди!

Входит Л е н о к с.

Л е н о к с

Что угодно государю?

М а к б е т

Ты не видал вешуний?

Л е н о к с

Нет, не видел.

М а к б е т

У входа с ними не столкнулся?

Л е н о к с

Нет.

М а к б е т

Чума, наполни воздух, их унесший!
Ад, стань уделом тех, кто верит им!
Я слышал стук копыт. Кто это ехал?

Л е н о к с

То прискакали к вам гонцы с известьем,
Что в Англию бежал Макдуф.

М а к б е т

Бежал?

Л е н о к с

Да, государь.

Макбет
(в сторону)

Ты упредило, время,
Мой страшный план. Должно идти свершение
Плечом к плечу с решимостью летучей,
Иначе ускользнет она. Отныне
Пусть будет первенец моей души
И первенцем руки. А для начала,
Чтоб делом мысль венчать без промедленья,
Я завладею Файфом и нагряну
К Макдуфу в замок, где предам мечу
Его жену, детей, родню и челядь.
Но хвастаются лишь глупцы. За дело,
Пока остыть решимость не успела!
Оставим волшебство.— А где гонцы?
Веди меня скорее к ним.

Уходят.

СЦЕНА 2

Файф. Замок Макдуфа.

Входят леди Макдуф, ее сын и Росс.

Леди Макдуф

Но чем он провинился, чтоб бежать?

Росс

Терпите, госпожа.

Леди Макдуф

А он терпел?

Его побег — безумство. Кто боится
Изменником прослыть — уже изменник.

Росс

Благоразумье это, не боязнь.

Леди Макдуф

Благоразумье? Бросить в миг опасный
Свою жену, детей, владенья, замок
И скрыться? Нет, в нем мало чувств природных.
Он нас не любит. Бедный королек,
Мельчайшая из птиц, и та без боя
Гнездо с птенцами не отдаст сове.

Любовь здесь ни при чем. Все дело в страхе.
Как можно счесть бессмысленное бегство
Благоразумьем?

Р о с с

Милая кузина,
Вы судите супруга слишком строго,
А он разумен, опытен и знает,
Что и к чему. Но лучше мне умолкнуть.
Как страшен век, когда, не изменив,
Мы все-таки боимся впасть в измену
И в безотчетном ужасе трепещем,
Как если бы в открытом море нас
Носила буря! — Я прощаюсь с вами,
Но скоро вас вторично навещу.
Такой године долго не продлиться —
Все к старому вернется или рухнет.
Племянник милый, бог тебя храни.

Л е д и М а к д у ф

Он при живом отце — уже сиротка.

Р о с с

Оставшись дольше, был бы я глупцом:
Зачем себя срамить, а вас печалить?
Прощайте.

(Уходит.)

Л е д и М а к д у ф

Умер твой отец, мой мальчик.
Что будешь делать ты теперь? Чем жить?

С ы н

А тем, чем птички.

Л е д и М а к д у ф

Мошкаррой, червями?

С ы н

Да, мама, чем придется, как они.

Л е д и М а к д у ф

Ах гы мой бедный птенчик! Неужели
Тебе не страшны сети и силки?

Сын

Нет, ведь на бедных птичек их не ставят.
Что ты ни говори, отец мой — жив.

Леди Макдуф

Он умер. Где ты нового добудешь?

Сын

А где добудешь ты другого мужа?

Леди Макдуф

Ну, их на рынке я куплю хоть двадцать.

Сын

Да, купишь, чтоб потом перепродать.

Леди Макдуф

Сынок, а ты ведь говоришь умно —
Для лет своих, пожалуй, даже слишком.

Сын

Мама, мой отец был изменник?

Леди Макдуф

Да, был.

Сын

А что такое изменник?

Леди Макдуф

Это человек, который даст клятву, а потом возьмет и солжет.

Сын

И все, кто это делает, изменники?

Леди Макдуф

Да, всякий, кто так делает, изменник и должен быть повешен.

Сын

И надо вешать всех-всех, кто поклянется и солжет?

Леди Макдуф

Да, всех.

Сын

А кто же их вешать должен?

Л е д и М а к д у ф

Как — кто? Честные люди.

С ы н

Ну, тогда эти изменники — просто дураки: ведь их же столько, что они сами могут побить и перевешать честных людей.

Л е д и М а к д у ф

Господь с тобою, бедная обезьянка! Что у тебя за мысли! Но где же ты все-таки теперь отца добудешь?

С ы н

Если бы он умер, ты бы о нем плакала; а если бы и не плакала, так это тоже к добру: значит, у меня скоро появился бы новый отец.

Л е д и М а к д у ф

Что ты говоришь, бедный болтунишка?

Входит г о н е ц .

Г о н е ц

Господь вам в помощь, госпожа. Хоть я
Вам незнаком, но что ваш сан высокий
И, выведав, что вам грозит опасность,
Молю принять смиренный мой совет:
Бегите, захватив детей с собою.
Жестоко, спору нет, вас так пугать,
Но не предупредить — бесчеловечно.
Беда уже близка. Храни вас, небо!
Я должен скрыться.

(Уходит.)

Л е д и М а к д у ф

Для чего бежать?

Кому я причинила зло? Однако
Живу я на земле, где часто хвалят
Дурное дело, а добро считают
Чудачеством опасным. Не спасусь я,
По-женски защищаясь и твердя,
Что не творила зла.

Входят у б и й ц ы .

Какие лица!

Первый убийца
Где муж твой?

Леди Макдуф
Я надеюсь, не в таком
Богонеприязнном месте, где он мог бы
Тебе подобных встретить.

Первый убийца
Он изменник.

Сын
Ты лжешь, подлец лохматый!

Первый убийца
Ишь, цыпленок!
Изменинчье отродье!
(Закалывает его.)

Сын
Умираю!
Спасайся, мама! Я прошу, беги!
(Умирает.)

Леди Макдуф убегает с криком: «Убийцы!».
Убийцы преследуют ее.

СЦЕНА 3

Англия. Перед королевским дворцом.
Входят Малькольм и Макдуф.

Малькольм
Пойдем, в тени деревьев уединимся
И наше горе выплачем.

Макдуф
Нет, лучше
Мечи из ножен вырвем, как мужи,
Чтоб за отчизну падшую вступиться.
Там, что ни день, стоишь вдов, и крик сирот,
И вопли скорби бьют по лику неба,
Которое им отзвук шлет, как будто
Шотландии сочувствует.

М а л ь к о л ь м

Скорблю

О том, что слышу, и чему я верю,
И что исправлю в час благоприятный.
Но вас повясть и по-другому можно.
Тиран, чье имя наш язык язвит,
Слыл честным, вами был любим и вас
Пока еще не трогал. Я же молод;
Предав меня, ему вы угодите.
Прямой расчет — гнев божества смирить
Закланьем беззащитного ягненка.

М а к д у ф

Я не предатель.

М а л ь к о л ь м

Но Макбет — предатель,
А добродетели тягаться трудно
С монаршей волей. Вы меня простите:
Все это лишь догадки. Что вам в них?
Ведь ангелы светлы, хоть самый светлый
Меж ними пал. Добро добром пребудет
И под личиной зла.

М а к д у ф

Прощай, надежда!

М а л ь к о л ь м

Она-то мне сомненья и внушила.
Как можно так поспешно, не простясь,
Жену, детей, столь милых сердцу, бросить,
Зорвать все узы крови? Не гневитесь:
Не очернить я вас хочу, а только
Быть осторожным. Вы, возможно, честны,
Что б там ни думал я.

М а к д у ф

Кровоточи,
Несчастный край! Упрочься, тирания!
Злодействуй на законном основанье,
Раз оробело право.— Принц, прощайте!
Но верьте: я не стал бы подлецом
Ценой страны, захваченной тираном,
И всех богатств Востока.

М а л ь к о л ь м

Не сердитесь:

Не только страх внушил мне эти речи.
Я знаю — под ярмом, в крови, в слезах
Поник наш край, которому наносит
День каждый рану новую. Я знаю —
Поднимутся в мою защиту руки.
Немало тысяч их мне предлагает
Участливая Англия. И все же,
Едва я только голову тирана
Втопчу во прах иль на мече вздыму,
Как сделает злосчастную отчизну
Добычей худших бед и преступлений
Его преемник.

М а к д у ф

Кто же это?

М а л ь к о л ь м

Я.

Во мне многообразные пороки
Так привились, что если дать им волю,
То сам Макбет, как он душой ни черен,
Белее снега станет, и ягненком
Его сочтет наш бедный край, сравнив
С преступностью моею безграничной.

М а к д у ф

В неисчислимых адских легионах
Нет дьявола гнусней Макбета.

М а л ь к о л ь м

Верно.

Он кровожаден, скуп, коварен, лжив,
Развратен, необуздан и повинен
Во всех грехах, имеющих название.
Зато мое распутство — это бездна.
У вас не хватит жен и дочерей,
Матрон и дев, чтоб доверху наполнить
Сосуд моих нечистых вожелений,
Не знающих преград. Нет, пусть уж лучше
Царит Макбет.

М а к д у ф

Несдержанность в желаньях

Присуща деспотизму и нередко
Безвременно свергала королей
Со славных тронов. Все же не страшитесь
Взять то, что вам принадлежит. Ведь можно
И тайно тешить похоть, притворяясь
Холодным, чтобы обмануть людей.
Так много дам покладистых у нас,
Что, как ни жаден коршун вашей страсти,
Он не пожрет всех тех, кто уступить
Готов монаршей прихоти.

М а л ь к о л ь м

К тому же

Мой дух порочный к жадности привержен.
Я так сребролюбив, что, воцарившись,
Примусь казнить вельмож и отбирать
Здесь — дом, там — драгоценности, добычей,
Как пряною приправой, возбуждая
Мой алчный голод. Я затею тяжбы
С достойными и честными людьми,
Губя их для наживы.

М а к д у ф

В сердце глубже

Уходит вредоносными корнями
Корысть, чем похоть, пылкая, как лето.
То меч, сразивший многих королей.
Но успокойтесь: есть чем вас насытить
В Шотландии богатой. Все мы стерпим,
Коль ваш порок слабей достоинств ваших.

М а л ь к о л ь м

Их нет. Все то, что красит короля,—
Умеренность, отвага, справедливость,
Терпимость, благочестье, доброта,
Учтивость, милосердие, благородство,—
Не свойственно мне вовсе. Но зато
Я — скопище пороков всевозможных.
Будь власть моею, выплеснул бы в ад
Я сладостное молоко согласия,
Мир на земле нарушил и раздорам
Ее обрек.

М а к д у ф
Шотландия, рыдай!

М а л ь к о л ь м
Сознайтесь же, что не достоин править
Такой, как я.

М а к д у ф
Не то что править — жить.
О мой многострадальный край, чей скипетр
Кровавый узурпатор захватил,
Тебе ли ждать возврата дней счастливых,
Раз сам себя наследник трона проклял
И отреченьем от законных прав
Срамит свой род? — Твой царственный родитель
Был на престоле праведник, а мать,
Себя к кончине приуготовляя,
Жизнь на коленях провела. Прощай!
Ты мне рассказом о своих пороках
Отрезал путь на родину. О сердце,
С надеждами простиись!

М а л ь к о л ь м
Макдуф, твой гнев,
Рожденный благородной прямою,
С моей души смыл черное сомнение,
Мне доказав, что ты правдив. Не раз
Макбет, коварный дьявол, в сеть такую
Хотел меня поймать, и легковерным
Благоразумье не велит мне быть.
Отныне только бог судья меж нами!
Тебе вверяюсь я и объявляю,
Что на себя напраслину возвел,
Покаявшись в наклонностях порочных,
Которым чужд. До выпешнего дня
Не знал я женщин, клятв не преступал,
Свое и то не охранял ревниво,
Был слову верен так, что даже черта
Другим чертям не выдал бы, и правду
Любил, как жизнь. Впервые лгал я вынче,
Черня себя. Но подлинный Малькольм
Огнизне и тебе всецело предан.
Перед твоим приездом ей на помощь
Уже собрался двинуть старый Сивард

Свою десятитысячную рать.
Мы к ней примкнем, и пусть победа будет
За правым делом! Что же ты молчишь?

Ма к д у ф

Мгновенный переход от скорби к счастью
Дается не легко.

Входит врач.

М а л ь к о л ь м

Продолжим после.—
Скажите, доктор, выйдет ли король?

В р а ч

Да, принц. Толпа несчастных исцеленья
У двери ждет. Болезнь их, от которой
Не знает средств наука, он врачует —
Так укрепил господь его десницу —
Одним касаньем рук.

М а л ь к о л ь м

Благодарю.

В р а ч уходит.

Ма к д у ф

Как эта хворь зовется?

М а л ь к о л ь м

Просто «немочь».

Король творить способен чудеса.
Я сам, с тех пор как в Англию приехал,
Их наблюдал не раз. Никто не знает,
Как небо он о милосердьи просит,
Но безнадежных, язвами покрытых,
Опухших, жалких, стонущих страдальцев,
На шею им повесив золотой,
Своей святой молитвою спасает,
И говорят, целительная сила
В его роду пребудет. Сверх того
Ему ниспослан небом дар провидца,
И многое другое подтверждает,
Что божья благодать на нем.

Входит Росс.

М а к д у ф

Кто там?

М а л ь к о л ь м

По виду наш земляк, а кто — не знаю.

М а к д у ф

Привет, мой дорогой кузен!

М а л ь к о л ь м

Теперь

Узнал и я. Господь, смети преграду
Меж нами и отечеством.

Р о с с

Аминь.

М а к д у ф

В Шотландии без перемен?

Р о с с

Увы,

Она сама себя узнать страшится,
Не матерью для нас — могилой став.
Там тот, в ком разум жив, не улыбнется;
Там горьких воплей, в воздухе звенящих,
Не замечают; там обычным делом
Стал взрыв отчаяния; там не спросят,
Услышав похоронный звон: «По ком?»
Там люди, не болея, увядают
Быстрее, чем цветы на шляпах.

М а к д у ф

Мрачно,

Но верно сказано.

М а л ь к о л ь м

Какое горе

Последним там стряслось?

Р о с с

Коль запоздает

Рассказ мой хоть на час, меня освищут:
Там что ни день — то новое.

М а к д у ф

Ну, как

Моя жена?

Р о с с
Прекрасно.

М а к д у ф
Дети?

Р о с с
Тоже.

М а к д у ф
Их мир тираном не нарушен?

Р о с с
Нет.
Я, уезжая, их оставил в мире.

М а к д у ф
Не будь так скуп в речах. Какие вести?

Р о с с
Когда, везя с собой их тяжкий груз,
Сюда я отправлялся, слух разнесся,
Что наши за оружие взялись,
В чем убедился я в пути, увидев,
Как стягиваются войска тирана.
Пора на помощь! Вам довольно взгляда,
Чтоб вновь шотландцы сделались бойцами,
Чтоб женщины, стряхнув ярмо страданий,
В сражение кинулись.

М а л ь к о л ь м
Утешьте всех:
Мы выступаем. Десять тысяч войска
И Сивард, самый опытный и смелый
Военачальник в христианском мире,
Нам Англией даны.

Р о с с
На эту радость
Я радостью хотел бы вам ответить;
Но лучше речь мою провить в пустыне,
Чтоб ей никто не внял.

М а к д у ф
О чем она?
О горе общем? Или о печали
Одной души?

Р о с с

Опа взволнует всех,
Кто честен сердцем, но всего сильнее
Тебя заденет.

М а к д у ф

Если так, не медли
Отдать мне то, что мне принадлежит.

Р о с с

Не дай своим ушам возненавидеть
Язык того, кто небывалой болью
Их уязвит.

М а к д у ф

Догадываюсь я...

Р о с с

Твой замок взят. Твою жену с детьми
Зарезали злодейски. Опускаю
Подробности, чтоб список жертв тобою
Не увеличить.

М а л ь к о л ь м

Боже милосердный!
Друг, шляпу на глаза не надвигай.
Пусть боль себя в степенях изливает:
Немая скорбь нам сердце разрывает.

М а к д у ф

Так, значит, и детей?

Р о с с

Да, как и всех,
Кто в замке был.

М а к д у ф

А я, я их покинул!

Так, значит, и жену?

Р о с с

Увы!

М а л ь к о л ь м

Мужайся!

Бальзамом мести мы смягчим твою
Смертельную тоску.

Макдуф

А он бездетен!
Всех малышей моих? Не так ли? Всех!
О адский коршун! Всех моих цыпляток
С наседкой вместе — всех одним налетом!

Малькольм

Мужчиной будь!

Макдуф

Да, буду, но не в силах
В себе я человека подавить,
Забыв о том, что мне всего дороже
На свете было. Почему же небо
Не защитило их? Макдуф, ты грешник!
Из-за тебя оно их покарало.
Не по своей вине, а по твоей
Они погибли. Да почивут с миром!

Малькольм

Точи свой меч на оселке печали,
В горниле скорби закали свой гнев.

Макдуф

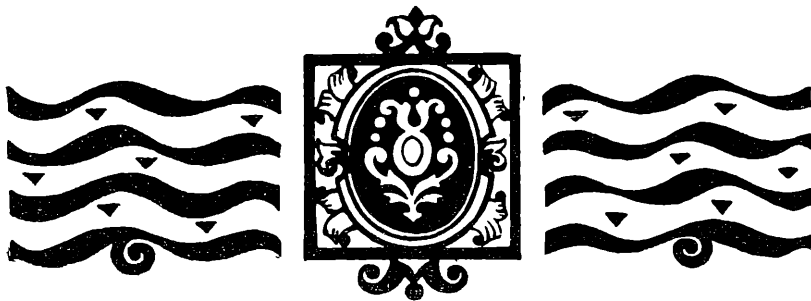
Не стану, как бахвал, угрозы сыпать,
Как женщина, рыдать. Благое небо,
Приблизь тот день, когда с врагом отчизны
Ты на длину меча меня сведешь,
И, если он тогда избегнет смерти,
Прости его!

Малькольм

Вот это по-мужски.
Войска готовы. Нам осталось только
Проститься с королем. Идем к нему.
Теперь Макбет созрел и провиденье
Уже взялось за серп. Смелей вперед!
Как почь ни длится, день опять придет.

Уходит.





А К Т V

С Ц Е Н А 1

Дупсинан. Комната в замке.

Входят врач и придворная дама.

В р а ч

Вот уже третью ночь я не сплю, как и вы, но все еще не убедился в том, что вы не ошибаетесь. Вы говорите, она ходит во сне? Когда это было в последний раз?

П р и д в о р н а я д а м а

С тех пор как его величество ушел в поход, я это не раз видела. Она вставала, набрасывала на себя ночное платье, открывала свой ларец, вынимала оттуда бумагу, что-то писала на ней, перечитывала, запечатывала и снова ложилась. И все это — ни на минуту не просыпаясь.

В р а ч

Какое прискорбное расстройство человеческой природы — предаваться благотворному сну и в то же время поступать так, словно бодрствуешь! А скажите, не сопровождается ли это возбуждение во время сна не только расхаживанием и прочими движениями, но и речами? Что она говорит?

П р и д в о р н а я д а м а

Такое, доктор, чего никому нельзя повторить.

В р а ч

Но мне-то можно и даже нужно.

П р и д в о р н а я д а м а

Нет, ни вам и никому. У меня ведь нет свидетелей, которые подтвердили бы мои слова.

Входит леди Макбет со свечой.

Глядите, вот она! Так она всегда ходит и, клянусь жизнью, ни разу не проснулась. Не двигайтесь и наблюдайте за нею.

В р а ч

А где она взяла свечу?

П р и д в о р н а я д а м а

Свеча стояла возле ее постели. Она приказала, чтобы у нее в спальне всегда горел огонь.

В р а ч

Вы видите: глаза у нее открыты.

П р и д в о р н а я д а м а

Но взор — пезрячий.

В р а ч

Посмотрите, что это она делает. Зачем она трет себе руки?

П р и д в о р н а я д а м а

Это у нее привычное движение. Ей кажется, что она их мост. Иногда целых четверть часа проходит, а она все трет и трет.

Л е д и М а к б е т

Пятно не сходит...

В р а ч

Тише! Она заговорила. Запишу-ка я ее слова, чтобы покрепче удержать их в памяти.

Л е д и М а к б е т

Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я тебе! Час, два — теперь пора за дело! Что? В аду темно? Стыдись, супруг! Ты же воин! Не робей! Чего нам бояться, что об этом узнают! Власть будет наша, и никто не посмеет призвать нас к ответу. Ну кто бы подумал, что в старике столько крови!

В р а ч

Слышали?

Л е д и М а к б е т

У тана Файфского была жена; где она теперь? Неужели эти руки никогда не станут чистыми? Довольно, государь, довольно: если вы не перестанете дрожать, все пропало.

В р а ч

Так, так. Вы узнали то, что вам не полагалось бы знать.

П р и д в о р н а я д а м а

Нет, это она сама сказала то, что не следовало говорить. Именно так. Одному богу известно, что она такое знает.

Л е д и М а к б е т

Эта маленькая ручка все еще пахнет кровью. Всем благовопиям Аравии не отбить этого запаха. О-о-о!

В р а ч

Какой вздох! У нее на сердце великая тяжесть.

П р и д в о р н а я д а м а

Я не согласилась бы таить в груди такое сердце, если бы даже за это мое тело облекли королевской мантией.

В р а ч

Вот и хорошо, вот и хорошо.

П р и д в о р н а я д а м а

Дай-то бог, чтобы все было хорошо!

В р а ч

Этот недуг лежит за пределами моего искусства. Впрочем, я зпавал людей, ходивших во сне и все-таки по-христиански умиравших на собственной постели.

Л е д и М а к б е т

Вымой руки, надень халат и не будь так бледен. Повторяю: Банко похоронен, ему не встать из могилы.

В р а ч

Вот оно как!

Л е д и М а к б е т

Ложись, ложись, в ворота стучат. Идем, идем, идем. Дай руку. Что свершено, то свершено. Ложись, ложись, ложись. (*Уходит.*)

В р а ч

А теперь она ляжет в постель?

П р и д в о р н а я д а м а

Обязательно.

В р а ч

Не зря пошли дурные слухи. Дело,
Противное природе, порождает
Расстройство в нас. Должна душа больная
Хотя б глухим подушкам вверить тайну.
Не врач миледи нужен — духовник.
Бог да простит нас, грешных! Доброй ночи.
Подальше прячьте острые предметы
И за ее величеством смотрите
Во все глаза. Мой взор и разум ею
Так смущены, что высказать не смею
Я то, о чем помыслил.

П р и д в о р н а я д а м а

Доброй ночи.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Местность близ Дувсиапа.

Барабаны и знамена. Входят Ментис, Кэтнес, Ангус,
Ленокс и солдаты.

М е н т и с

Уже подходит войско англичан.
Малькольм, Макдуф и дядя принца Спвард
Ведут его, пылая правой мстью.
За их святое дело даже схимник
И тот на грозный бой восстал бы.

А н г у с

Встретим

Их по дороге мы в лесу Бирвамском.

К э т н е с

Идет ли вместе с братом Дональбайн?

Л е п о к с

Я точно знаю: нет. Я видел список
Дворян Малькольма: там и младший Сивард
И мальчики, которым стать мужами
Пришла пора.

М е н т и с

Что делает тиран?

К э т н е с

Он укрепляет стены Дунсинана.
Одни его считают сумасшедшим,
Другие, кем он меньше ненави́дим,—
Безумным смельчаком. Но ясно всем,
Что он уж не смирит разброд и смуту
Уздою власти.

А н г у с

Тайные убийства,
К его рукам прилипнув, их сковали.
За вероломство мстит ему мятеж.
Не из любви, а лишь из страха люди
Ему покорны. Чувствует он ныне,
Что сая повис на нем, как плащ гиганта
На вороватом карлике.

М е н т и с

Понятно,
Какие чувства в нем мятутся, есая
Сам дух его чумной клянет себя
За то, что в нем живет.

К э т н е с

Идем и встретим
Того, кому служить нам долг велит,
Врача больной страны, с которым вместе
Прольем мы, чтоб отчизну исцелить,
Всю нашу кровь.

Л е п о к с

Иль столько, сколько нужно,
Чтоб царственный цветок впоен был нами.
А плевел сгнил.— Вперед! Привал — в Бирнаме!
Уходят.

СЦЕНА 3

Дунсинан. Комната в замке.

Входят Макбет, врач и свита.

Макбет

Я донесений слушать не хочу.
Пусть все бегут! Покуда к Дунсинану
Бирнам не подошел, я не унижусь
До страха пред Малькольмом. Он мальчишка
И женщиной рожден, а мне сказали
Всеведущие духи: «Будь бесстрашен.
Макбет для тех, кто женщиной рожден,
Неуязвим». Что ж, изменяйте, таны,
К эпикурейцам Англии бегите!
Мой разум тверд. Крепка рука моя.
Перед лицом беды не дрогну я.

Входит слуга.

Пусть дьявол закоптит тебя, бездельник!
Гусиная душа, с чего ты стал
Белей сметаны?

Слуга

Там их десять тысяч...

Макбет

Кого? Гусей, мерзавец?

Слуга

Нет, солдат.

Макбет

Трус, в кровь лицо ногтями расцарапай
И подрумянь свой страх! Каких солдат?
Иди к чертям с твоей творожной харей,
Вгоняющей в испуг! Каких солдат?

Слуга

Британских, ваша милость...

Макбет

Вон отсюда!

Слуга уходит.

Эй, Сейтон! — А ведь сердце замирает.
Как вспомнишь... Сейтон! — Этот бой сегодня

Меня иль вознесет, иль сокрушит.
Немало пожил я: уже усеян
Земной мой путь листвою сухой и желтой,
Но спутников, столь нужных нам под старость,—
Друзей, любви, почета и вниманья —
Не вижу я; зато вокруг проклятья,
Негромкие, но страшные, и лезть,
Которую хотело б, да не смеет
Отвергнуть сердце бедное.— Эй, Сейтон!

Входит Сейтон.

Сейтон

Я здесь, мой государь.

Макбет

Какие вести?

Сейтон

Все донесенья подтвердились.

Макбет

Буду

Сражаться я, пока с моих костей
Не срубят мясо. Дай-ка мне доспехи.

Сейтон

Не рано ль надевать их?

Макбет

Нет, пора.

Возьми побольше конницы, обрыскай
Окрестности и вешай всех, кто трусит.
Поддай доспехи.— Как больная, доктор?

Врач

Она больна не телом, но душою,
Чей мир смущают призраки.

Макбет

А ты

Возьми да вылечи ее. Придумай,
Как исцелить недужное сознание,
Как выхолотить из памяти печаль,
Как письмена тоски стереть в мозг

И снадобьем ей дать забвенье, сняв
С ее груди отягощенной тяжесть,
Налегшую на сердце.

В р а ч

В этом может
Помочь себе лишь сам больной.

М а к б е т

Тогда

Брось псам свои никчемные лекарства.—
Стяни мне панцирь, Сейтон. Дай мой жезл,
И на коней! — Сбежали, доктор, таны.—
Быстрее, Сейтон! — Если б мог ты, доктор,
Исследовать мочу моей страны,
Чтоб разгадать недуг, и государству
Вернуть здоровье, я бы эхо гор
Тебя заставил славить.— Живо, Сейтон! —
Какой ремень Шотландию прочистит
От англичан? О них ты слышал, доктор?

В р а ч

Да, слухи о приготовлениях ваших
Дошли до нас.

М а к б е т

(указывая Сейтону на щит)

Неси его за мною.

Я смерти не боюсь, пока в поход
На Дунсинан Бирнамский лес нейдет.

В р а ч

(в сторону)

Коль даст мне бог с тобою распрощаться,
Сюда остерегусь я возвращаться.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Местность близ Бирнамского леса.

Барабаны и знамена. Входят Малькольм, старый Сивард,
его сын, Макдуф, Ментис, Кэтнос, Ангус, Ленокс,
Россы и солдаты.

М а л ь к о л ь м

Друзья, подходит день, когда мы вновь
Свой кров обезопасим.

М е н т и с

Несомненно.

С и в а р д

А что вон там за лес?

М е н т и с

Бирнамский лес.

М а л ь к о л ь м

Пусть воины ветвей с дерев нарубят
И над собой несут, чтоб тень листья
Скрывала нашу численность и с толку
Разведчиков сбивала.

С о л д а т ы

Все исполним.

С и в а р д

По слухам, отсидеться в Дунсинане
Решил самоуверенный тиран.

М а л ь к о л ь м

Да, Дунсинан — его последний козырь.
Ведь от него и малый и великий
Бегут, едва представится возможность,
А те, кто с ним еще остался, служат
За страх, а не за совесть.

М а к д у ф

Так ли это —

В бою увидим, а пока что лучше
Нам возложить все упования наши
На ратное искусство.

С и в а р д

Близко время,

Когда мы, подведя итог долгам,
Свое возьмем и воздадим врагам.
Догадки — лишь игра воображенья,
Уверенность же даст исход сраженья,
А дело клонится к нему.

Уходят.

СЦЕНА 5

Дунсинан. Двор замка.

Входят Макбет, Сейтон и солдаты с барабанами и знаменами.

Макбет

Знамена выстави на стенах, Сейтон.
Опять кричат: «Идут!» И пусть. Осада
Смешна твердыне нашей. Лихорадка
И голод осаждающих пожрут.
Когда б к ним таны не переметнулись,
Мы их, схватившись с ними грудь на грудь,
Прогнали б восвояси.

Женские крики за сценой.

Что за крики?

Сейтон

То женщины кричат, мой государь.
(Уходит.)

Макбет

Давно я незнаком со вкусом страха,
А ведь, бывало, чувства леденил
Мне крик в ночи и при рассказе страшном
Вставали волосы и у меня.
Но ужасами я уж так пресыщен,
Что о злодействе думать приучился
Без содроганья.

Сейтон возвращается.

Почему кричали?

Сейтон

Скончалась королева, государь.

Макбет

Что б умереть ей хоть на сутки позже!
Не до печальной вести мне сегодня.
Так — в каждом деле. Завтра, завтра, завтра, —
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог и видим,
Что все вчера лишь озаряли путь
К могиле пыльной. Дотлевай, огарок!
Жизнь — это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене

И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.

Входит гонец.

Ты для чего пришел? Болтать? Короче!

Г о н е ц

Мой государь,
Я должен доложить о том, что видел,
А как сказать — не знаю.

М а к б е т

Да как хочешь.

Г о н е ц

Стоял я вон на том холме в дозоре
И на Бирнам смотрел, как вдруг заметил,
Что на меня пошел он.

М а к б е т

Лжешь, холоп!

Г о н е ц

Да навлеку ваш гнев я, если лгу!
Взгляните сами: лес идет на замок,
Вон там — в трех милях.

М а к б е т

Если это ложь,
Живьем тебя повесят, чтоб иссох
Ты с голоду; а если это правда,
Проделай то же самое со мной.
Моя решимость дрогнула. Я вижу,
Что бес мне лгал двусмысленною правдой:
«Ты невредим, пока на Дунсинан
Бирнамский лес нейдет». — И вот уж лес
Пошел на Дунсинан! К оружию, в поле!
Ведь если не обман слова гонца,
Не все ль равно, где ожидать конца —
Здесь или там. Постыл мне свет дневной.
Пусть рушится весь мир вослед за мной!
Вой, ветер! Злобствуй, буря! Бей, набат!
Смерть я в доспехах встречу, как солдат!

Уходит.

СЦЕНА 6

Дунсина. Перед замком.

Барабаны и знамена. Входят Малькольм, старый Сивард,
Макдуф и солдаты, несущие ветви.

Малькольм

Пришли. Долой зеленое прикрытье,
И явлюсь врагу.— Достойный дядя,
Вы с вашим храбрым сыном поведете
Передовой отряд, а мы с Макдуфом
Все остальное сделаем, как это
И решено.

Сивард

Желаю вам удачи,
И пусть изрубят нас самих в куски,
Коль мы не слошим вражие полки.

Малькольм

Исторгните из труб громовый рев.
Пусть кровь и смерть предвостоят их зов.

Уходят.

СЦЕНА 7

Поле сражения.

Шум битвы. Входит Макбет.

Макбет

Я как медведь на травле, что привязан
К столбу, но драться должен. Где же тот,
Кто был не женщиной рожден на свет?
Для остальных неуязвим Макбет.

Входит молодой Сивард.

Молодой Сивард

Эй, как тебя зовут?

Макбет

Узнаешь — вздрогнешь.

Молодой Сивард

Нет, даже если имени ужасней
Не знают в преисподней!

Макбет

Я — Макбет.

Молодой Сивард

Черт не измыслит имени, чей звук
Мне был бы ненавистней!

Макбет

И страшнее.

Молодой Сивард

Лжешь, гнусный деспот, и докажет это
Тебе мой меч!

Сражаются. Молодой Сивард убит.

Макбет

Ты женщиной рожден,
А кто рожден был женскою утробой,
Тот лишь смешит меня бессильной злобой.
(Уходит.)

Шум битвы. Входит Макдуф.

Макдуф

Здесь громче бой шумит. Где ж ты, тиран?
Ведь если смерть не от меня ты примешь,
Меня тревожить вечно будут души
Моей жены и малышей моих.
Не в силах я рубить несчастных кернов,
В копейщики нанявшихся за деньги.
Мне нужен ты, Макбет, иль снова в ножны
Я вдвину незазубренным свой меч.
Я знаю, что ты здесь. Судя по шуму,
Могучий воин бьется тут. Судьба,
Сведи нас с ним! О большем не прошу.
(Уходит.)

Шум битвы. Входят Малькольм и старый Сивард.

Сивард

За мной, милорд! — Открыл ворота замок.
Часть войск тирана от него отпала
И бьется с остальными. Ваши таны
Дерутся славно. Бой к концу подходит.
Победа близко.

М а л ь к о л ь м

Нам достался враг,
Примкнувший к нам.

С и в а р д

Милорд, вступите в замок.

Уходят.

С Ц Е Н А 8

Входит М а к б е т.

М а к б е т

Зачем примеру римского глупца
Мне подражать, на свой же меч бросаюсь?
Пока я жив, разумнее губить
Чужие жизни.

Входит М а к д у ф.

М а к д у ф

Адский пес, ни с места!

М а к б е т

Ты меж людей единственный, с кем встречи
Я избегал. Уйди. Твоею кровью
И так уж отягчен мой дух.

М а к д у ф

Огветит

Тебе мой меч, а у меня нет слов,
Чтоб высказать тебе, злодей кровавый,
Как ты мне мерзок.

Сражаются.

М а к б е т

Брось напрасный труд:
Скорее ты неуловимый воздух
Сразишь мечом, чем нанесешь мне рану.
Бей лучше по доступным стали шлемам,
А я заклят. Не повредит мне тот,
Кто женщиной рожден.

Ма к д у ф

Забудь заклатья.

Пусть дьявол, чьим слугой ты был доньше,
Тебе шепнет, что вырезан до срока
Ножом из чрева матери Макдуф.

Ма к б е т

Будь проклят это молвивший язык!
Им сломлена моя мужская доблесть.
Не верю больше я коварным бесам,
Умеющим двусмысленно вселять
Правдивым словом ложную надежду.
С тобой — не бьюсь.

Ма к д у ф

Тогда сдавайся, трус,
Живи и будь посмешищем всеобщим.
Как редкое чудовище, посадим
Тебя мы в клетку и повесим надпись:
«Смотрите, вот тиран».

Ма к б е т

Нет, я не сдамся,
Не стану прах лобзать у ног Малькольма,
Чтоб чернь меня с проклятьями травила!
Хотя Бирнам пошел на Дунсинан,
Хоть ты, мой враг, не женщиной рожден,
До смерти я свой бравный щит не брошу.
Макдуф, начнем, и пусть нас меч рассудит.
Кто первым крикнет: «Стой!» — тот проклят будет!

Уходят, сражаясь.

Отбой. Трубы. Входят с барабанами и знаменами Малькольм,
старый Сивард, Росс, прочие таны и солдаты.

Ма л ь к о л ь м

Надеюсь, уцелели все друзья?

С и в а р д

Не думаю. Но большинство их здесь,
И, значит, день недорого нам стоил.

Ма л ь к о л ь м

А где ваш сын отважный и Макдуф?

Р о с с
(Сиварду)

Милорд, ваш сын исполнил долг солдата.
Едва успев дожить до лет мужских,
Но ни на шаг не отступив в сраженьи,
Он доказал, что вправе зваться мужем,
И пал.

С и в а р д

Убит?

Р о с с

И вынесен из боя.
Пусть будет ваша скорбь несоразмерна
Достоинствам его, иначе ей
Конца не видеть.

С и в а р д

Он не в спину ранен?

Р о с с

Нет, в лоб.

С и в а р д

Тогда он божий ратник ныне.
Всем сыновьям, будь у меня не меньше
Их, чем волос, я лучшего конца
Не пожелал бы. Вот и все, что нужно
Над ним сказать.

М а л ь к о л ь м

Он стоит большей скорби,
И я его оплачу.

С и в а р д

Для чего?

Он все свершил. Прекрасна смерть его.
Бог с ним! — А вон и тот, кто нас утешит.

Входит М а к д у ф с головой Макбета.

М а к д у ф

Да здравствует король! Ты стал им, припц.
Вот голова проклятого тирана.
Страпа свободна. Вкруг тебя собрались
Все жемчуга короны, чьи сердца

Мне вторят. Но пускай и голосами
Они подхватят дружно мой привет:
Да здравствует Малькольм, король Шотландский!

В с е

Да здравствует Малькольм, король Шотландский!

М а л ь к о л ь м

Не медлить мы должны с уплатой долга,
Но сразу же воздать вам за любовь,
Вас, родичи и таны, мы возводим
В сан графов, учреждаемый впервые
В Шотландии. Затем нам предстоит —
Хотя на это нужно будет время —
Вернуть друзей, бежавших на чужбину
От неусыпных происков тирана;
Предать суду приспешников жестоких
Злодея и его супруги адской,
Которая, как слышал я, с собой
Покончила; и многое другое,
Что мы исполним, коль поможет бог,
По мере наших сил в свой час и срок.
Спасибо всем и каждому поклон.
Всех приглашаем на венчанье в Скон.

Трубы.

Уходят.





АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Перевод
МИХ. ДОНСКОГО

Клеопатра, царица Египта.

Октавия, сестра Цезаря и супруга

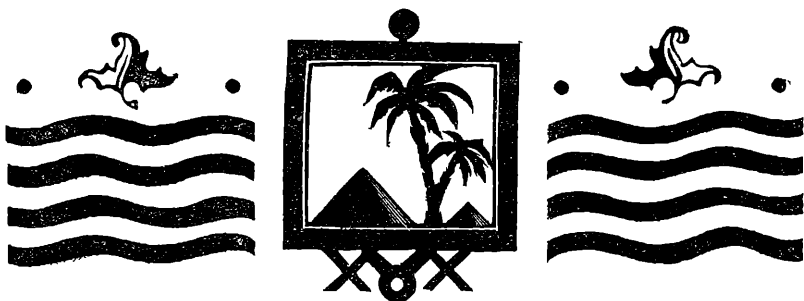
Антония.

Хармиана } прислужницы Клеопатры.
Ирада }

Военачальники, солдаты, гонцы,
придворные, слуги.

Место действия — разные части Римской
империи.





А К Т I

С Ц Е Н А 1

Александрия. Зал во дворце Клеопатры.

Входят Деметрий и Филон.

Ф и л о н

Наш полководец вовсе обезумел!
Тот гордый взор, что прежде перед войском
Сверкал, как Марс, закованный в бровю,
Теперь вперен с молитвенным восторгом
В смазливое цыганское лицо,
И сердце мощное, от чьих ударов
Рвались застежки панциря в сраженьях,
Теперь смиренно служит опахалом,
Любовный пыл развратницы студя.
Смотри, они идут.

Трубы. Входят Антоний и Клеопатра со свитой.
Евнухи обмахивают Клеопатру опахалами.

Взгляни получше,—

Вот он, один из трех столпов вселенной,
Который добровольно поступил
В шуты к публичной девке. Полюбуйся!

К л е о п а т р а

Любовь? Насколько ж велика она?

А н т о н и й

Любовь ничтожна, если есть ей мера.

К л е о п а т р а

Но я хочу найти ее границы.

А н т о н и й

Ищи их за пределами вселенной.

Входит один из слуг Антония.

С л у г а

Мой повелитель, новости из Рима.

А н т о н и й

Какая скука! Коротко — в чем суть?

К л е о п а т р а

Нет, надо выслушать гонцов, Антоний.

Вдруг Фульвию ты чем-то прогневил?

А может статься, желторотый Цезарь

Повелевает грозно: «Сделай то-то,

Того царя смести, того поставь.

Исполни, или мы тебя накажем».

А н т о н и й

Возлюбленная, что ты говоришь?

К л е о п а т р а

Быть может, — нет, наверно, запрещают

Тебе здесь быть и отрешен от власти

Ты Цезарем. Узнай же, что велит

Антонию его жена... нет, Цезарь...

Вернее — оба. Выслушай гонцов!

Ты покраснел, клянусь моей короной!

То знак почтения к Цезарю? Иль стыд,

Что от крикливой Фульвии получишь

Ты нагоняй? — Позвать сюда гонцов!

А н т о н и й

Пусть будет Рим размыт волнами Тибра!

Пусть рухнет свод воздвигнутой державы!

Мой дом отныне здесь. Все царства — прах.

Земля — навоз; равно дает он пищу

Скотам и людям. Но величье жизни —

В любви.

(Обнимает Клеопатру.)

И доказать берусь я миру,
Что никогда никто так не любил,
Как любим мы.

Клеопатра

Блистательная ложь!
Не тот ли, кто любовь так славословит,
На Фульвии женился, не любя?
Не так глупа я: знаю, что Антоний —
Антоний.

Антоний

...Покоренный Клеопатрой.
Но умоляю: из любви к любви
И сладостным часам ее не будем
На горестные споры тратить время.
Пусть каждый миг несет нам наслажденье.
Каким забавам вечер посвятим?

Клеопатра

Послушаем гонцов.

Антоний

Ах, как упряма!
Но спорит ли, смеется или плачет —
Все ей к лицу. Любим ее порывом
Я только восторгаюсь удивленно.—
Что мне гонцы? Я твой и только твой.
Вдвоем с тобой мы вечером побродим
По улицам, посмотрим на толпу.
Пойдем, моя царица. Ведь вчера
Ты этого хотела.

(Слуге.)

Прочь! Ни слова.

Антоний и Клеопатра со свитой уходят.

Деметрий

Пренебрегает Цезарем Антоний.

Филоп

По временам, когда он не Антоний,
Теряет он величие души,
Которое Антонию присуще.

Д е м е т р и й

Как жаль, что сам он подтверждает слухи,
Дошедшие до Рима. Но надеюсь,
Что завтра будет он другим. Прощай.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Там же. Покой во дворце.

Входят Хармиана, Ирада, Алексас и прорицатель.

Хармиана

Сиятельнейший Алексас, сладчайший Алексас, непревзойденнейший Алексас, почти всесовершеннейший Алексас! Где же тот прорицатель, которого ты так расписывал царице? Мне не терпится узнать что-нибудь о будущем супруге, который, по твоим словам, будет всяком прикрывать свои рога!

А л е к с а с

Эй, прорицатель!

П р о р и ц а т е л ь

Я к твоим услугам.

Хармиана

Так это он? — Ты, говорят, всеведущ?

П р о р и ц а т е л ь

Порой в великой книге тайн природы
Мне удастся кое-что прочесть.

А л е к с а с

(Хармиане)

Пускай он взглянет на твою ладонь.

Входят Эвобарб и слуги.

Э в о б а р б

(слугам)

Живее, ужин! И вина побольше.
Мы будем пить за здоровье Клеопатры.

Хармиана

Дай, добрый человек, судьбы мне доброй.

Прорицатель

Дать не могу, могу лишь предсказать.

Хармиана

Ну, предскажи.

Прорицатель

Краса твоя безмерно возрастет.

Хармиана

В толщину?

Ирада

Нет, к старости ты начнешь без меры краситься.

Хармиана

Только бы не украсить морщинами.

Алексас

Не сердите его пророческое величество. Будьте почтительнее,

Хармиана

Тсс!

Прорицатель

Влюбленной будешь чаще, чем любимой.

Хармиана

Еще чего! Лучше уж я тогда буду распалить печень вином, чем любовью.

Алексас

Да не прерывай ты его, дай послушать.

Хармиана

Ну, предскажи мне что-нибудь чудесное. Пусть я в один прекрасный день выйду замуж сразу за трех царей и тут же овдовею. Пусть я в пятьдесят лет разрешусь младенцем, который наведет страх на самого Ирода Иудейского. Пообещай, что я стану женой Октавия Цезаря и, стало быть, сравняюсь с моей государыней.

Прорицатель

Ты госпожу свою переживешь.

Хармиана

Вот это чудесно! Долголетие для меня слаще винных ягод.

П р о р и ц а т е л ь

Ты счастья больше испытала в прошлом,
Чем испытаешь впредь.

Х а р м и а н а

Тогда похоже на то, что не дожидаться мне знатного потомства.
Поведай же мне, сколько я рожу сыновей и дочерей.

П р о р и ц а т е л ь

Будь каждое твое желанье чревом,
Имела бы ты миллион детей.

Х а р м и а н а

Пошел воп, дурак! Прощаю тебе только потому, что ты не человек, а колдун.

А л е к с а с

А ты думала, что о твоих желаниях знает только твоя постель?

Х а р м и а н а

Нет, постой! Погадай теперь Ираде.

А л е к с а с

Мы все хотим знать, что нас ждет.

Э н о б а р б

Во всяком случае, что ждет сегодня и меня и многих из вас, я знаю. Мы напьемся до бесчувствия.

И р а д а

По линиям этой руки можно предсказать только одно: целомудренную жизнь.

Х а р м и а н а

Так же как по высокой воде Нила можно предсказать... недород.

И р а д а

Да замолчи ты, ненасытная распутница, ты-то уж не берись гадать.

Х а р м и а н а

Если влажная ладонь не предвещает плодовитости, то, стало быть, я не умею и за ухом почесать.— Послушай, предскажи ей что-нибудь самое обычное.

П р о р и ц а т е л ь

Вас ждет одна судьба.

И р а д а

Но какая? Какая? Расскажи подробнее.

П р о р и ц а т е л ь

Я все сказал.

И р а д а

Неужели я ни на волос не счастливее, чем она?

Х а р м и а н а

Ну, а если и счастливее на один волос, то где бы ты хотела, чтоб он вырос?

И р а д а

Только не в носу у моего мужа.

Х а р м и а н а

Да спасут нас небеса от непристойных догадок. Ну, а теперь Алексас! Теперь его будущее. Всеблагая Изиди! Сделай так, чтобы он женился на колченогой. И чтобы она умерла, а он нашел сокровище еще почище. И так далее, пока наконец самая отъявленная дрянь не проводит его, хохоча и приплясывая, в могилу после того, как он станет стократ рогат. Добрая Изиди, услышь мою молитву! Откажи мне в чем угодно, только не в этом. Прошу тебя, милосердная Изиди!

И р а д а

Аминь. Благосклонная богиня, внемли нашей мольбе. Обидно видеть порядочного мужчину, женатого на распутной бабе, но еще обиднее смотреть на прохвоста, которому не наставлены рога. А потому, милостивая Изиди, воздай ему по заслугам хотя бы для соблюдения благопристойности.

Х а р м и а н а

Аминь.

А л е к с а с

Смотри-ка! Если бы это зависело от них, они с радостью стали бы непотребными тварями, лишь бы украсить меня рогами.

Э н о б а р б

Тсс! Тише вы! — Антоний.

Х а р м и а н а

Нет,— царица.

Входит Клеопатра.

К л е о п а т р а

Вы видели Антония?

Э н о б а р б

Нет, государыня.

К л е о п а т р а

Он не был здесь?

Х а р м и а н а

Нет, госпожа.

К л е о п а т р а

Он собирался нынче веселиться,—
И вдруг о Риме вспомнил.— Энобарб!

Э н о б а р б

Что, государыня?

К л е о п а т р а

Сыщи его

И приведи сюда. А где Алексас?

А л е к с а с

Здесь, госпожа.— А вот и сам Антоний.

Входят Антоний, гонец и свита.

К л е о п а т р а

И не взгляну. Идемте все отсюда.

Клеопатра, Энобарб, Алексас, Ирада, Хармиана.
прорицатель и слуги уходит.

Г о н е ц

Тогда твоя жена пошла войною...

А н т о н и й

На моего родного брата?

Г о н е ц

Да.

Они, однако, вскоре помирились,
Чтоб двинуться на Цезаря совместно,
Но в первом же бою разбил их Цезарь,
И оба из Италии бежали.

А н т о н и й

Так. Худших нет вестей?

Г о н е ц

Дурные вести

Нередко вестнику грозят бедой.

А н т о н и й

Когда он их несет глунцу иль трусу.
Все говори. Что было — не изменишь.
Дороже лести мне любая правда,
Хотя бы даже в ней таилась смерть.

Г о н е ц

Есть горькое известье. Лабиеи
С парфянским войском перешел Евфрат
И вторгся в Азию. Его знамена
Над Сирией, и над Лидийским царством,
И над Ионией победно реют,
В то время как...

А н т о н и й

Чего ж осекся ты?

В то время как Антоний...

Г о н е ц

О властитель!

А н т о н и й

Чего стесняться? Не смягчай молвы.
Как в Риме называют Клеопатру,
Так и зови ее. Кори меня,
Как Фульвия корит. Перечисляй
Мои грехи с суровой прямою,
Присущей лишь правдивости и гневу.
Потворство возвращивает сорняки,
Пропалывает душу укоризна.
Ступай!

Г о н е ц

Твоим веленьям подчиняюсь.

(Уходит.)

А н т о н и й

Что сообщают нам из Сикиона?

Первый слуга

Эй, кто из Сикиона? Где гонец?

Второй слуга

Он здесь и ждет приказа.

Антоний

Пусть войдет.—

Нет, крепкие египетские путы
Порвать пора, коль не безумец я.—

Входит второй гонец.

Ну, с чем ты? Говори!

Второй гонец

Твоя супруга, Фульвия, скончалась.

Антоний

Скончалась Фульвия? Где?

Второй гонец

В Сикионе.

(Подает письмо.)

Здесь о ее болезни ты прочтешь
И о других событиях важнейших.

Антоний

Ступай.

Второй гонец уходит.

Ушла великая душа.

И этого я сам желал. Как часто
Хотим вернуть мы то, что лишь недавно
С презрением отшвыривали прочь,
А то, что нынче нам приятно, вдруг
Становится противным. О, когда бы
Могла исторгнуть мертвую из гроба
Ее туда толкавшая рука!
Усопшая, она мне вновь близка...
Расстаться надо с этой чародейкой,
Не то бездействие мое обрушит
Сто тысяч бед на голову мою.—
Эй, Энобарб!

Входит Энобарб.

Э н о б а р б

Что приказать изволишь?

А н т о н и й

Уехать надо мне, и поскорей.

Э н о б а р б

Но этим мы убьем здешних жепщин. Известно, как убийственна для них суровость. А уж если мы уедем — перемрут все до одной.

А н т о н и й

Мне надо ехать.

Э н о б а р б

Ну если уж так необходимо, то пусть их умирают. Было бы жалко морить женщин из-за выедсинного яйца, но когда речь идет о важном деле, то всем им цена — ломаный грош. Клеопатра первая умрет на месте, чуть только об этом прослышит. Она умирала на моих глазах раз двадцать, и притом с меньшими основаниями. Она умирает с удивительной готовностью, — как видно, в смерти есть для нее что-то похожее на любовные объятия.

А н т о н и й

Никто не знает, как она хитра.

Э н о б а р б

О нет! Все ее порывы — искреннейшие проявления чистой любви. Мало сказать, что ее вздохи — ветер, слезы — дождь. Нет, таких ураганов и ливней не отмечал ни один календарь. Это не хитрость. А если хитрость, то Клеопатра повелевает бурями не хуже, чем сам Юпитер.

А н т о н и й

Зачем я только увидал ее!

Э н о б а р б

Как можно об этом жалеть? Если бы ты ее не увидел, то прозевал бы одно из чудес света. Не удостойся ты этого счастья, пришлось бы считать, что странствовал ты напрасно.

А н т о н и й

Фульвия умерла.

Э н о б а р б

Что?

А н т о н и й

Фульвия умерла.

Э н о б а р б

Фульвия?

А н т о н и й

Умерла.

Э н о б а р б

Ну что ж, принеси богам благодарственную жертву. Когда их божественным величествам заблагорассудится прибрать к себе мужнюю жену, то мужу следует утешаться мыслью о том, что найдутся портные, которые сошьют ему новое платье взамен старого тряпья. Если бы в мире не существовало других женщин, то потеря Фульвии была бы тяжелым ударом, тут было бы о чем горевать. Но твоя беда поправима: изнасилась старая исподница, будет новая юбка. Поверь мне, надо натереть глаза луком, чтобы плакать по такому поводу.

А н т о н и й

Я должен сам распутать те узлы,
Что Фульвия связала.

Э н о б а р б

А как же твоя здешняя связь? И как будет выпутываться Клеопатра, если ты будешь распутываться далеко отсюда?

А н т о н и й

Довольно шуток. Объяви приказ
Моим военачальникам. Я сам
Причины столь поспешного отъезда
Царице объясню и с ней прошусь.
Смерть Фульвии — одно лишь из событий,
Которые зовут меня домой.
Осведомленные друзья мне пишут,
Чтоб я вернулся в Рим без промедленья.
На Цезаря восставший Секст Помпей
Над морем властвует. А наш народ,
Что переменчив в склонностях своих
И ценит по заслугам только мертвых,
Достоинства великого отца
Приписывает сыну. И Помпей,
Который именем своим и войском
Сильней, чем мужеством и бранной славой,
Превознесен молвою, как герой.
Я вижу в нем угрозу государству.
Да, потаенно созревает нечто;

Оно уже не мертвый конский волос,
Еще не ядовитая змея.
Так передай, чтобы мои войска
Готовились к отплытию.

Э н о б а р б

Передам.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же. Другой покой.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ирада и Алексас.

К л е о п а т р а

Где он?

Х а р м и а н а

С тех пор его я не видала.

К л е о п а т р а

(Алексасу)

Узнай, где он, кто с ним и чем он занят.

Но помни — я тебя не посылала.

Коль он грустит, скажи, что я пляшу,

Коль весел, передай, что я больна.

Ступай и возвращайся поскорее.

А л е к с а с уходит.

Х а р м и а н а

Царица, если ты и вправду любишь,—

Мне кажется, не тот ты путь избрала,

Чтоб вызвать в нем ответную любовь.

К л е о п а т р а

А что, по-твоему, должна я делать?

Х а р м и а н а

Во всем ему дай волю, не перечь.

К л е о п а т р а

Как ты глупа. Ведь это верный способ

Его утратить.

Хармиана

Не дразни его.

К тем людям, что внушают нам боязнь,
Не можем мы питать большой любви.—

Входит Антоний.

Вот и Антоний.

Клеопатра

Худо мне и тяжко.

Антоний

(в сторону)

Как роковые вымолвить слова?

Клеопатра

(Хармиане)

Уйдем отсюда — я боюсь упасть.

Не может долго длиться эта пытка,
Природа воспротивится тому.

Антоний

Возлюбленнейшая моя царица!

Клеопатра

Прошу, не приближайся!

Антоний

Что с тобой?

Клеопатра

Твой взгляд сулит отрадные известья.

Что шепчет нам законная супруга?

Вернись домой. Не стоило бы ей

Тебя и отпускать. Пусть не считает,

Что я тебя удерживала здесь.

Под силу ль мне? Ты ей принадлежишь.

Антоний

Одни лишь боги знают...

Клеопатра

Так постыдно

Не предавали ни одну царицу!

Но я ждала измены.

А н т о н и й

Клеопатра!

К л е о п а т р а

Хоть призывал ты всех богов державных,
Клянясь мне в верности, могла ли я
Тому, кто предал Фульвию, поверить?
Безумие — поддаться обольщению
Клятвопреступных уст.

А н т о н и й

Моя царица!..

К л е о п а т р а

Нет, не подыскивай красивых слов.
Скажи — прощай, и все. В те времена,
Когда у нас просил ты позволения
Остаться здесь. — ты был красноречив.
В моих губах, в глазах ты видел вечность,
Блаженством был изгиб моих бровей,
Я с головы до ног была небесной.
Но я осталась той же — значит, ты,
Ты, величайший полководец мира,
Лжецом стал величайшим.

А н т о н и й

О царица!

К л е о п а т р а

Будь я таким же воином плечистым,
Ты б оценил отвагу египтян.

А н т о н и й

Послушай же, царица. Отзывают
Меня на время спешные дела,
Но сердце я в Египте оставляю.
В Италии обнажены мечи
Войны междоусобной. Секст Помпей
Грозит совсем отрезать Рим от моря.
Рождается брожение в народе
От двосвастья. То, что отвращало,
Сегодня, сил набрав, влечет к себе.
Так. Секст Помпей, что изгнан был из Рима.
Отцовской славой ныне озаренный,
Становится героем недовольных.

Страна больна застоєм, мнится ей,
Что исцелит ее переворот.
И есть еще причина для отъезда;
Узнав ее, спокойней примешь ты
Мое решение: Фульвия скончалась.

К л е о п а т р а

Хотя не по годам я легковерна,
Но все же не поверю детским сказкам.
Она скончалась?

А н т о н и й

Да, моя царица.
Узнаешь ты, прочтя посланье это,
Какую смуту подвняла она,
А лучшее ты для себя найдешь
В конце: когда и где она скончалась.

К л е о п а т р а

Так вот твоя любовь!
А где же те священные сосуды,
Что ты наполнишь горестною влагой?
Смерть Фульвии показывает мне,
Как смерть мою когда-нибудь ты примешь.

А н т о н и й

Не будем ссориться. Пойми меня.
Я поступлю по твоему совету.
Клянусь тебе животворящим солнцем,
Что я твоим слугой, твоим солдатом
Отсюда ухожу. Мир иль война —
Все будет так, как ты мне повелишь.

К л е о п а т р а

(Хармиане)

Ослабь шнуровку, душно. Нет, не надо!
То вдруг найдет, то схлынет дурнота,
Как и любовь Антония.

А н т о н и й

Опомнись,
Владычица моя, поверь любви,
Способной выдержать все испытания.

Клеопатра

Да, Фувлия бы это подтвердила.
Ты отвернись, чтобы о ней поплакать.
Потом простись со мною и скажи,
Что плачешь, расставаясь с Клеопатрой.
Ну, разыграй чувствительную сцену.
И пусть правдоподобной будет ложь.

Антоний

Теряю я терпенье. Замолчи!

Клеопатра

Неплохо. Но могло бы выйти лучше.

Антоний

Клянусь мечом!..

Клеопатра

Да? И шитом? Недурно.
Но все же это не предел искусства.
Посмотрим, Хармиана, как умеет
Беситься этот римский Геркулес.

Антоний

Прощай же, госпожа.

Клеопатра

О господин мой,
Позволь тебе сказать еще два слова.
Расстаться мы должны... не то, не то!
Друг друга мы любили... нет, не то!
Ты это знаешь... Что же я хотела?..
Мне память изменила, как Антоний;
Забытая, и я забыла все.

Антоний

Я счел бы, что в тебе воплощены
Все сумасбродства, если бы не знал я,
Какое сумасбродство — быть твоим.

Клеопатра

И Клеопатре нелегко носить
Так близко к сердцу это сумасбродство.
Прости. Ведь все, чем я наделена,—
Ничто, когда тебе оно немило.

Раз честь твоя зовет тебя отсюда,
Будь к моему отчаянью глухим.
К тебе да будут благосклонны боги.
Пусть лаврами венчанная победа
Твой осеняет меч, и пусть успех
У ног твоих расстелется покорно.

А н т о н и й

Прощай. В самой разлуке будем вместе.
Оставшись здесь, уходишь ты со мной,
Я, отплывая, остаюсь с тобой.
Так в путь!

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Рим. Покой в доме Цезаря.

Входят Октавий Цезарь с письмом в руке, Лепид и слуги.

Ц е з а р ь

Взгляни, Лепид, и сам ты убедишься,
Что не мой нрав зловерный мне велит
Высокого собрата порицать.
Вот что мне пишут из Александрии:
Его занятия — ужение рыбы
Да шумные попойки до утра;
Не мужественней он, чем Клеопатра,
Которая не женственней, чем он;
Принять гонцов едва он соизволил,
Едва припомнил тех, с кем делит власть.
Как видишь, он живое воплощенье
Всех слабостей и всех дурных страстей.

Л е п и д

По слабости его не затмевают
Его достоинств: так ночное небо
Ночным светилам прибавляет блеск.
Скорей он унаследовал пороки,
Чем приобрел; не сам он их избрал,
Он только не сумел от них отречься.

Ц е з а р ь

Ты снисходителен. Что ж, пусть не грех
Валяться на постели Птолемея,
За острое слово дарить престол,

С рабами пить из чаши круговой,
Средь бела дня по улицам шататься
И затевать кулачную потеху
С вонючим сбродом. Ладно, пусть ему
Простительно такое поведение, —
Хотя кого б оно не запятнало? —
Но легкомыслием своим Антоний
Тяжелую ответственность кладет
На нас с тобой. Добро бы лишь досуг
Он заполнял безудержным развратом,
Платясь похмелем и спинной сухоткой.
Но тратить драгоценные часы,
Которые, как гулкий барабан,
Тревогу бьют о нуждах государства!
Его приструнить надо, как мальчишку,
Который, невзирая на запрет,
Забаве краткой долг приносит в жертву.

Входит гонец.

Ле п и д

Вот новые известья.

Г о н е ц

Славный Цезарь!

Приказ исполнен. Вести с рубежей
К тебе стекаться будут ежечасно.
Помпей — хозяин моря; он силен
Приязнью тех, кто Цезаря боится.
Все недовольные бегут к нему.
Твердит молва: обижен Секст Помпей.

Уходит.

Ц е з а р ь

Иного я не ждал. Давно известно:
Желанен властелин лишь до поры,
Пока еще он не добился власти;
А тот, кто был при жизни нелюбим,
Становится кумиром после смерти.
Толпа подобна водорослям в море:
Покорные изменчивым теченьям,
Они плывут туда, потом сюда,
А там — сгниют.

Входит второй гонец.

Второй гонец

К тебе я с вестью, Цезарь.

Поработили море два пирата —
Менас и Менекрат. Морскую гладь
Судами бороздя, они чипят
На берега Италии набег.
Одна лишь мысль о них кровь леденит
Приморским жителям и вызывает
У пылких юпошей румянец гнева.
Корабль чуть выйдет в море — уж захвачен.
Но более, чем силою своей.
Страшны пираты именем Помпея.

Цезарь

Опомнись же, Антоний!
От оргий сладострастных оторвись!
В те дни, как отступал ты от Мутины,
Разбитый войском Гирция и Пансы
(Хоть пали оба консула в бою),
Жестокий голод за тобою гнался.
Привыкший к роскоши, ты проявил
В борьбе с лишениями такую стойкость,
Что позавидовал бы ей дикарь.
Ты не гнушался жажду утолять
Мочою конской и болотной жижей,
Которую не пили даже звери.
Ты, как олень зимой, глодал кору,
Не морщился от терпких волчьих ягод,
Ел в Альпах, говорят, такую падаль,
Что самый вид ее смертелен был.
И что же — даже щеки у тебя
Округлости своей не потеряли.
Мне горько это вымолвить — тогда
Ты истинным был воинном.

Лепид

Да, жаль!

Цезарь

Так пусть же стыд вернет его сюда.
А нам с тобой пора поднять оружие,
И для того должны созвать мы нынче
Совет военный. Наше промедленье
Лишь на руку Помпею.

Л е п и д

Завтра, Цезарь,
Тебе смогу я точно сообщить,
Какими силами располагаю
На суше и на море.

Ц е з а р ь

К нашей встрече
И я все это буду знать. Прощай.

Л е п и д

Прощай. И если новые известья
К тебе поступят с рубежей,— прошу,
Со мною ими поделись.

Ц е з а р ь

Конечно,
Почту это за долг.
Уходят.

С Ц Е Н А 5

Александрия. Зал во дворце Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ириада и Мардиан.

К л е о п а т р а

Хармиана!

Х а р м и а н а

Что, госпожа?

К л е о п а т р а

О-о!

Дай выпить мандрагоры мне.

Х а р м и а н а

Зачем?

К л е о п а т р а

Хочу заснуть и беспробудно спать,
Пока Антоний мой не возвратится.

Х а р м и а н а

Ты слишком много думаешь о нем.

К л е о п а т р а

Твои слова — измена!

Х а р м и а н а

Нет, царица.

К л е о п а т р а

Эй, евнух! Мардиан!

М а р д и а н

Чем угодить

Я твоему величеству могу?

К л е о п а т р а

Уж только не твоим пискливым пенъем.
Мне евнух угодить ничем не может.
Как счастлив ты, скопец: твоим желаньям
Стремиться некуда. Скажи мне, знаешь
Ты, что такое страсть?

М а р д и а н

Да, госпожа.

К л е о п а т р а

Как? В самом деле?

М а р д и а н

Не совсем. Не в деле.

Я в деле не на многое способен.
Но страсть знакома мне. Люблю мечтать
О том, чем Марс с Венерой занимались.

К л е о п а т р а

Послушай, Хармиана, как считаешь —
Где он сейчас? Чем занят мой Антоний?
Как думаешь, сидит он иль стоит?
Идет пешком иль едет на коне?
Счастливый конь! Как должен наслаждаться
Ты тяжестью Антония! Гордись,
Ведь ты несешь Атланта полумира,
Людского племени и меч и шлем.
Он говорит сейчас... А может, шепчет:
«Где ты, моя египетская змейка?» —
Ведь так меня он часто называл.
О нет, зачем пить этот сладкий яд?

Как можно помнить обо мне, чья кожа
Черна от жарких поделуев солнца,
Изрезана морщинами годов?
А ведь когда здесь был лобастый Цезарь,
Я царским лакомством слыла. Помпей
Не мог свой взор от глаз моих отвести
И в них искал он жизни, умирая.

Входит Алексас.

Алексас

Привет тебе, владычица Египта!

Клеопатра

С Антонием не сходен ты ни в чем,
Но ты был с ним, и близостью своею
Он в золото преобразил свинец.
Ну, как мой несравненный Марк Антоний?

Алексас

Последнее, что сделал он, царица,—
Прижал к губам— еще, в последний раз —
Бесценную жемчужину вот эту.
Его слова вонзились в сердце мне.

Клеопатра

Пусть мне вонзятся в уши.

Алексас

Он сказал:

«Друг, передай великой египтянке,
Что верный римлянин ей посылает
Морской ракушки клад — ничтожный дар.
Но что сверх этого повергнет он
К ее ногам бесчисленные царства».
«Скажи,— прибавил он,— что весь восток
Подвластен будет ей». Тут он кивнул
И на коня вскочил. А конь могучий
Ответ мой громким ржаньем заглушил.

Клеопатра

Скажи мне, был он грустен или весел?

Алексас

Как день, когда ни холодно, ни жарко,
Антоний был не грустен и не весел.

Клеопатра

Вот человек! Заметь же, Хармиана,
Заметь, как он разумно вел себя.
Он не был грустен, чтоб не приводить
Сподвижников в унынье; не был весел,
Свидетельствуя этим, что в Египте
Оставил помыслы свои и радость.
Смешенье дивное веселья с грустью!
А кто сравнится с ним в том и в другом?
Никто! — Встречал ли ты монахов гонцов?

Алексас

Да, госпожа, — не меньше двадцати.
Зачем ты посылаешь их так часто?

Клеопатра

Тот день, когда ему не напишу,
Да будет злополучнейшим для мира! —
Бумаги и чернил мне, Хармиана. —
Благодарю, Алексас. — Хармиана,
Ну разве Цезаря я так любила?

Хармиана

О, Цезарь доблестный!

Клеопатра

Что? Подавись

Восторгом этим, глупая. Скажи —
Антоний доблестный!

Хармиана

Отважный Цезарь!

Клеопатра

Клянусь Изидой, разобью тебе
Я губы в кровь, коль с Цезарем еще раз
Равнять посмеешь мужа из мужей.

Хармиана

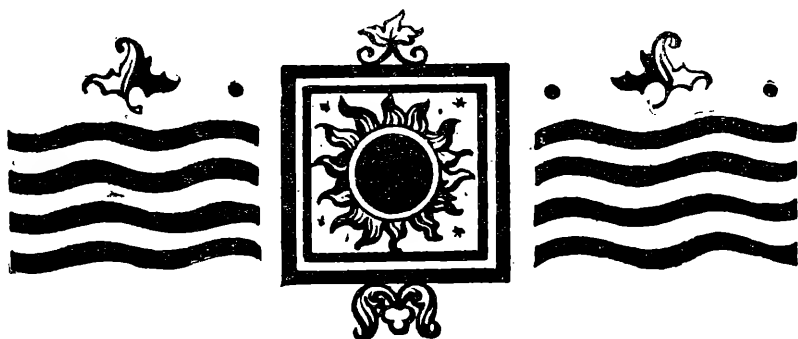
Прости за то, что песню я запела
На твой же старый лад.

Клеопатра

Тогда была

Девчонкой я неопытной, незрелой;
Была холодной кровь моя тогда.
Пойдем же, дай бумагу и чернила.
Гонца вслед за гонцом я буду слать,
Пока не обезлюдеет Египет.

Уходят.



А К Т II

СЦЕНА 1

Мессина. Покой в доме Секста Помпея.

Входят Помпей, Менекрыт и Менах.

Помпей

Коль боги справедливы, пусть они
Помогут нам, чье дело справедливо.

Менекрыт

В их промедленье, доблестный Помпей,
Не следует усматривать отказа.

Помпей

Пока мольбы напрасные мы шлем,
Теряет ценность то, о чем мы молим.

Менекрыт

Но часто просим мы себе во вред,
И боги мудро отвергают просьбы,
Спасая нас. Так иногда во благо
И тщетная мольба.

Помпей

Успех за мной!
Народ ко мне расположен, и море
В моих руках. Могушество мое,

Как месяц прибывающий, растет,
Идя, как я надеюсь, к полнолунью.
Антоний обжирается в Египте
И не покинет пира для войны.
Октавий Цезарь выжимает деньги,
Теряя тысячи сердец. Лепид
Льстит им обоим, слыша лесть в ответ,
Но их не любит, а они Лепида
Ни в грош не ставят.

Менас

Цезарь и Лепид
С немалым войском двинулись в поход.

Помпей

Неправда! От кого ты это слышал?

Менас

От Сильвия.

Помпей

Ему приснилось, верно.
Известно мне, что в Риме ждут они
Антония. — О шлюха Клеопатра!
Пусть волшебство любовное заставит
Расцвести твои поблекнувшие губы!
Пусть чародейство красоте поможет,
А похоть — чародейству с красотой.
Мозг сластолюбца отумань пирами;
Соблазнами эпикурейской кухни
Дразни чревоугодника, и пусть
Утонет честь его в обжорстве сонном,
Как в мертвых водах Леты.

Входит Варрий.

С чем ты, Варрий?

Варрий

С известьем верным: ожидает Рим
Антония с минуты на минуту.
Уже давно покинул он Египет.

Помпей

Для слуха моего нет худшей вести,
Чем эта весть. — Не думал я, Менас,
Чтоб для такой войны влюбленный бражник
Надел свой шлем. А в воинском искусстве

Он вдвое превзошел двух остальных.
Гордиться надо, что восстаньем нашим
Оторван ненасытный сластолюбец
От юбки Птолемеевой вдовы.

Менас

Едва ль поладят Цезарь и Антоний.
Ведь против Цезаря вели борьбу
Жена и брат Антония, хоть верю,
Что сам он их к тому не подстрекал.

Помпей

Как знать, Менас? Уступят ли дорогу
Их распри мелкие большой вражде?
Когда б им не пришлось сражаться с нами,
Они бы перегрызлись меж собой;
Причин довольно, чтоб им друг на друга
Поднять мечи. Однако неизвестно,
Не сможет ли их общий страх пред нами
Пресечь их споры, их союз скрепить.
Пусть боги нам определяют судьбу,
Мы ж силы все положим на борьбу.—
Идем, Менас.

Уходят.

СЦЕНА 2

Рим. Покой в доме Лепида.

Входят Энобарб Лепид.

Лепид

Благое дело совершил бы ты,
Мой добрый Энобарб, когда б склонил
Антония к речам миролюбивым.

Энобарб

Его склоню я быть самим собой.
Коль Цезарь чем-нибудь его рассердит,
Пускай Антоний глянет сверху вниз
И рявкнет, словно Марс. Клянусь богами,
Что, если бы моим был подбородок
Антония, я ради этой встречи
Не стал бы утруждать себя бритьем.

Л е п и д

Сейчас не время для сведенья счетов.

Э н о б а р б

Любое время годно для решенья
Назревших дел.

Л е п и д

Но малые дела
Должны перед большим посторониться.

Э н о б а р б

Бывает малое важней большого.

Л е п и д

Не горячись. Не нужно дуть на угли.—
Вот и Антоний доблестный.

Входят Антоний и Вентидий.

Э н о б а р б

И Цезарь.

Входят Цезарь, Меценат и Агриппа.

А н т о н и й

(Вентидию)

Покончим здесь дела и — на парфян!

Ц е з а р ь

(Меценату)

Не знаю, Меценат, спроси Агриппу.

Л е п и д

Союз наш, благородные друзья.
Основан для такой великой цели,
Что мелких распрей знать мы не должны.
Проявим снисходительность друг к другу.
Ожесточенный спор по пустякам
Разбередит, а не излечит раны.
Итак, прошу, высокие собратья,
Чтоб ваша речь, больных касаясь мест,
Была мягка; чтоб гнев не омрачал
Теченья дел.

А н т о н и й

Хорошие слова.

(*Жестом приветствует Цезаря.*)

Будь даже мы врагами, перед битвой
Я б точно так приветствовал тебя.

Ц е з а р ь

Добро пожаловать.

А н т о н и й

Благодарю.

Ц е з а р ь

Садись.

А н т о н и й

Садись ты первый.

Ц е з а р ь

Ну, как хочешь.

Садятся.

А н т о н и й

Ты, слышно, осудил мои поступки,
В которых нет дурного; если ж есть,
Тебя они никак не задевают.

Ц е з а р ь

Смешон я был бы, если бы сердился —
К тому же на тебя — по пустякам.
Еще смешней я был бы, осуждая
Поступки, не имеющие вовсе
Касательства ко мне.

А н т о н и й

А как смотрел ты

На то, что я в Египте?

Ц е з а р ь

Точно так же,
Как ты смотрел на то, что в Риме я.
Вот если бы против меня в Египте
Ты строил козни, было бы мне это
Не все равно.

А н т о н и й

Что значит — строил козни?

Цезарь

А разве это нужно объяснять?
Твоя жена и брат со мной сражались,
Ты был основой домогательств их
И клич их боевой был — Марк Антоний!

Антоний

Неверно это. Именем моим
Брат Люций и не думал прикрываться:
Я верные свидетельства собрал
От тех, кто воевал в твоём же стане.
Да разве он, поднявшись на тебя,
На власть мою не покусился этим,
Не воевал со мной, с тобой воюя?
Ведь дело общее у нас с тобой.
И я о том тебе уже писал.
Нет, если ссору хочешь ты состряпая,
Не на таком огне её вари.

Цезарь

Превознести ты хочешь сам себя,
Изобразив меня несправедливым;
Но это значит стряпать оправданья.

Антоний

Нет, нет. Уверен я, что ты способен
Разумно рассудить: как мог бы я.
Товарищ твой по общим начинаньям,
Подвигнуть брата на его мятеж,
Которым нашему грозил он делу?
Что ж до жены — тебе бы я желал
Когда-нибудь жену такого нрава.
Легко в узде ты удержишь треть вселенной,
Но вот попробуй обуздать жену.

Энобарб

Эх, кабы у нас у всех были такие воинственные жены! Тогда
можно было бы и в походах не лишаться женского общества.

Антоний

Я сожалею, Цезарь, что мятеж,
Который подняли против тебя
Ее неукротимость и горячность
(В содружестве с тщеславием), наделал
Тебе хлопот. Но чем я мог помочь?

Цезарь

Тебе писал я, но ты занят был
Тогда александрийскими пирами.
Ты отложил письмо, не прочитав,
И выгнал моего гонца с насмешкой,
Не выслушав его.

Антоний

Но твой гонец

Ко мне без позволения вломился.
Я только что торжественным обедом
Трех чествовал царей и был тогда
Не в деловом расположении духа.
Назавтра же я сам призвал гонца,
Что было равносильно извиненью.
Не стоит нам и говорить об этом.
Других причин для ссоры поищи.

Цезарь

Ты мне поклялся и нарушил клятву.
Меня же упрекнуть ни в чем подобном
Язык твой не дерзнет.

Лепид

Помягче, Цезарь!

Антоний

Оставь его, Лепид!
Пушай он продолжает. Честь моя
Не убоится этих подозрений.
Ну, Цезарь, дальше,— я нарушил клятву...

Цезарь

...По первой просьбе помогать мне словом
И делом. Я просил — ты отказал.

Антоний

Верней сказать, не проявил вниманья.
То было время... Словно бы дурман
Тогда мое сознание помутил.
В чем виноват — винюсь. Признаньем этим
Достоинство мое я не увижу,
Могущество мое не пошатну.
Быть может, Фульвия своею смутой
Меня хотела вырвать из Египта

И я — невольная причина бед;
Тогда прошу прощения — в той мере,
В какой просить возможно без урона
Для чести.

Л е п и д

Благородные слова.

М е ц е н а т

Не лучше ли оставить обсуждение
Былых обид? Забыть их — это значит
О настоящем вспомнить, а оно
Велит вам примириться.

Л е п и д

Справедливо.

Э н о б а р б

Попросту говоря, ссудите друг другу, малую толику взаимной
приязни, с тем чтобы вернуть этот долг, когда замолкнет даже
и слух о Помпее. Тогда вам будет нечего делать, вот и грыз-
тесь себе на здоровье.

А н т о н и й

Ты воин, и не больше. Помолчи.

Э н о б а р б

Я и забыл, что правда колет глаз.

А н т о н и й

Ты слишком распустил язык. Молчи.

Э н о б а р б

Ну ладно, ладно. Буду нем как камень.

Ц е з а р ь

Хоть грубо сказано, но суть верна.
Едва ли мы останемся друзьями,
Коль не достигнем в действиях единства.
И если б знал я, где найти тот обруч,
Который мог бы снова нас скрепить,—
Его искать пошел бы на край света.

А г р и п п а

Позволь мне, Цезарь.

Цезарь

Говори, Агриппа.

Агриппа

Твоя сестра, Октавия, превыше
Любой хвалы, а славный Марк Антоний
Теперь вдовец.

Цезарь

Остановись, Агриппа!

Услышав эти речи, Клеопатра
Была бы вправе обвинить тебя
В преступной дерзости.

Антоний

Я не женат.

Пускай Агриппа речь свою продолжит.

Агриппа

Чтоб сделать вас друзьями навсегда,
Чтоб ваше братство укрепить и вам
Связать сердца нерасторжимой связью,
Пускай Антоний назовет супругой
Октавию, чья красота должна
Стать достоянием лучшего из смертных;
Чье целомудрие и добронравье
Красноречивее, чем все слова.
Такой союз мгновенно уничтожит
И малый спор, что кажется большим,
И тайный страх, большой бедой чреватый.
Сейчас вы полувывысле боитесь,
Тогда ж и быть вам будет не страшна.
Любовь Октавии к обоим вам,
Заставив вас друг друга полюбить,
К вам привлечет всеобщую приязнь.
Простите смелость слов, но эту мысль
Во мне давно уж выпестовал долг.

Антоний

Что скажет Цезарь?

Цезарь

Пусть сперва Антоний
Ответит, что он думает об этом.

А н т о н и й

Какой же властью облечен Агриппа,
Чтобы уладить дело, если я
Скажу ему: «Да будет так, Агриппа»?

Ц е з а р ь

Всей властью Цезаря он облечен
И Цезаревой властью над сестрой.

А н т о н и й

Мне не пригрезился бы я во сне
Отказ от столь счастливого союза.
Дай руку, Цезарь. Пусть отныне братство
Скрепляет нас, ведя к осуществленью
Великих целей.

Ц е з а р ь

Вот моя рука.
Так никогда брат не любил сестру,
Как я — свою. Тебе ее вручаю.
Пускай она живет для единенья
Империй наших и сердец. Пусть вечно
Царит меж нас любовь.

Л е п и д

Да будет так.

А н т о н и й

Не думал, что придется на Помпея
Мне меч поднять. Недавно оказал
Неоценимую он мне услугу.
Я поблагодарю его сначала,
Чтоб не прослыть непомнящим добра,
А после объявлю ему войну.

Л е п и д

Спешить должны мы. Если на Помпея
Не нападём — он нападет на нас.

А н т о н и й

А где стоит он?

Ц е з а р ь

У горы Мизенской.

А н т о н и й

На суше он силен?

Ц е з а р ь

Силен и все сильнее с каждым днем.
А на море — владыка полновластный.

А н т о н и й

Так говорит молва; я это слышал.
Пора с ним перевестаться. Пора!
Однако прежде чем надеть доспехи,
Покончим с тем, о чем была здесь речь.

Ц е з а р ь

С великой радостью. И сей же час
Я отведу тебя к сестре.

А н т о н и й

Лепид,

Ты тоже с нами.

Л е п и д

Доблестный Антоний,
Меня не удержал бы и недуг.

Трубы. Антоний, Цезарь и Лепид уходят.

М е ц е н а т

Добро пожаловать в Рим, друг Энобарб.

Э н о б а р б

Правая рука Цезаря, достойный Меценат! — Мой благородный друг Агриппа!

А г р и п п а

Доблестный Энобарб!

М е ц е н а т

Какое счастье, что все так хорошо уладилось. — А вы, кажется, неплохо жили в Египте.

Э н о б а р б

Что и говорить! Вставали так поздно, что дневному свету становилось стыдно за нас; а бражничали до тех пор, пока ночь не бледнела от смущения.

М е ц е н а т

Правда ли, что к завтраку подавали по восьми жареных кабанов, и это на двенадцать человек?

Э н о б а р б

Это для нас было как мошка для орла. На наших пирах случалось дивиться на такие диковины,— есть что порассказать.

М е ц е н а т

Если верить тому, что говорят, Клеопатра — необыкновенная красавица.

Э н о б а р б

Она завладела сердцем Марка Антония при первой же их встрече на реке Кидне.

А г р и п п а

Она действительно тогда была великолепна, если только очевидец, от которого я об этом слышал, не присочинил.

Э н о б а р б

Сейчас вам расскажу.
Ее корабль престолом лучезарным
Блистал на водах Кидна. Пламенела
Из кованого золота корма.
А пурпурные были паруса
Напоены таким благоуханьем,
Что ветер, млея от любви, к ним лънул.
В лад пенью флейт серебряные весла
Врезались в воду, что струилась вслед,
Влюбленная в прикосновенья эти.
Царицу же изобразить нет слов.
Она, прекраснее самой Венеры,—
Хотя и та прекраснее мечты,—
Лежала под парчовым балдахинном
У ложа стоя, мальчишки-красавцы,
Подобные смеющимся амурам,
Движеньем мерным пестрых опахал
Ей обведали нежное лицо,
И оттого не мерк его румянец,
Но ярче разгорался.

А г р и п п а

Вот зрелище! Счастливец же Антоний!

Э н о б а р б

Подобные веселым nereидам,
Ее прислужницы, склоняся пред ней,
Ловили с обожаньем взгляд царицы.
Одна из них стояла у руля,
И шелковые снасти трепетали,
Касаясь гибких, нежных как цветы,
Проворных рук. Пьянящий аромат
На берег лился с корабля. И люди,
Покинув город, ринулись к реке.
Вмиг опустела рыночная площадь,
Где восседал Антоний. И остался
Наедине он с воздухом, который
Помчался б сам навстречу Клеопатре,
Будь без него возможна пустота.

А г р и п п а

О, чудо женщина!

Э н о б а р б

Когда она

Причалила, гонцов послал Антоний,
Прося ее прибыть к нему на пир.
Она ж ответила, что подобает
Скорей ему быть гостем у нее.
Антоний наш учтивый, отродясь
Не отвечавший женщине отказом,
Отправился, побрившись десять раз,
На пиршество и сердцем заплатил
За все, что пожирал он там глазами.

А г р и п п а

Вот женщина! Великий Юлий Цезарь
И тот свой меч в постель к ней уложил.
Он шел за плугом, жатва ей досталась.

Э н о б а р б

Раз на моих глазах шагов полсотни
По улице пришлось ей пробежать.
Перехватило у нее дыхание
И, говоря, она ловила воздух;
Но что всех портит, то ей шло: она,
И задыхаясь, прелестью дышала.

М е ц е н а т

Теперь-то уж Антоний ее бросит.

Э н о б а р б

Не бросит никогда.

Над ней не властны годы. Не прискучит
Ее разнообразие вовек.

В то время как другие пресыщают,
Она тем больше возбуждает голод,
Чем меньше заставляет голодать.
В ней даже и разнузданная похоть —
Священнодействие.

М е ц е н а т

Все ж, если скромность, красота и ум
Мир принесут Антонию сердцу,—
Октавия ему небесный дар.

А г р и п п а

Пойдемте же.— Достойный Энобарб,
Прошу, прими мое гостеприимство,
Пока ты будешь здесь.

Э н о б а р б

Спасибо, друг.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же. Покой в доме Цезаря.

Входят Цезарь, Антоний, Октавия и свита.

А н т о н и й

Мой долг высокий, нужды государства
Нас могут разлучать.

О к т а в и я

В часы разлуки

Я буду на коленях за тебя
Молить богов.

А н т о н и й

Покойной ночи, Цезарь.—

Молвы, порочащей меня, не слушай,
Моя Октавия. Да, я грешил,
Но в прошлом это все. Покойной ночи.—
Покойной ночи, Цезарь.

Цезарь

Доброй ночи.

Цезарь и Октавия уходят.

Входит прорицатель.

Антоний

Ну как? Скучаешь, верно, по Египту?

Прорицатель

О если б я не уезжал оттуда!

О если б ты не приезжал туда!

Антоний

Но почему? Ответь.

Прорицатель

Я не могу словами объяснить,

Так чувствую. Вернись назад, в Египет.

Антоний

Поведай мне, кто будет вознесен

Судьбою выше: я иль Цезарь?

Прорицатель

Цезарь.

Держись, Антоний, от него вдали.

Твой демон-покровитель, гений твой

Могуч, неодолим, бесстрашен, если

Нет Цезарева гения вблизи,

Но рядом с ним, подавленный, робеет.

Так будь от Цезаря на расстоянии.

Антоний

Ни слова никогда об этом!

Прорицатель

Нет.

Ни слова никому, кроме тебя.

В какую бы ты с Цезарем ни ру

Ни стал играть — наверно, проиграешь.

Твой меркнет блеск перед его сияньем.

Я повторяю: гений твой робеет

Близ Цезаря, вдали же он — могуч.

А н т о н и й

Ступай! Скажи — пускай придет Вентидий.

Прорицатель уходит.

Пора ему в поход.— Случайность это
Иль знание, но прорицатель прав:
Ведь даже кости Цезарю послушны.
В любой игре тягаться не под силу
Искусству моему с его удачей.
Мы кинем жребий — победитель он;
В боях петушьих моего бойца
Всегда его петух одолевает,
И быют моих его перепела.
Скорей в Египет. Браком я хочу
Упрочить мир, но счастье — на востоке.

Входит Вентидий.

А, вот и ты, Вентидий. Должен будешь
Ты двинуться немедля на парфян.
Пойдем, тебе вручу я полномочья.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Там же. Улица.

Входят Лепид, Меценат и Агриппа.

Л е п и д

Не нужно дальше провожать меня.
Теперь к своим спешите полководцам.

А г р и п п а

Мы ждем, чтобы простился Марк Антоний
С Октавией,— и сразу в путь.

Л е п и д

Итак,

Мы встретимся, одетые в доспехи,
Которые вам так к лицу. Прощайте.

М е ц е н а т

Мы, верно, будем раньше у Мизен,
Чем ты, Лепид.

Л е п и д

Велят мои дела
Мне сделать крюк большой. Опередите
Дня па два вы меня.

М е ц е н а т и А г р и п п а
(вместе)

Счастливым путь.

Л е п и д

Прощайте.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Александрия. Зал во дворце.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ирада и Алексас.

К л е о п а т р а

Я музыки хочу, той горькой пищи,
Что насыщает нас, рабов любви.

П р и д в о р н ы й

Эй, музыканты!

Входит Мардиан.

К л е о п а т р а

Нет, не надо их.—
Давай в шары сыграем, Хармиана.

Х а р м и а н а

Болит рука. Вот с евнухом сыграй.

К л е о п а т р а

И правда, женщине не все ль едино
Что с евнухом, что с женщиной играть? —
Сыграем? Ты сумеешь?

М а р д и а н

Постараюсь.

К л е о п а т р а

Тот, кто старается — хотя бы тщетно,—
Уж этим снисхождение заслужил.

Играть я расхотела! — Лучше дайте
Мне удочку. Пойдем к реке. Там буду
Под звуки дальней музыки ловить
Я красноперых рыбок, поддевая
Их слизистые челюсти крючком.
Рыб из воды вытаскивая, буду
Антониями их воображать
И приговаривать: «Ага, попался!»

Хармiana

Вот смех-то был, когда вы об заклад
Побились с ним — кто более наловит,
И выудил Антоний, торжествуя,
Дохлятину, которую привесил
Твой ловкий водолаз к его крючку.

Клеопатра

В тот день — незабываемые дни! —
В тот день мой смех Антония взбесил,
В ту ночь мой смех его счастливым сделал.
А утром, подпоив его, надела
Я на него весь женский мой убор,
Сама же опоясалась мечом,
Свидетелем победы при Филиппах.

Входит гонец.

Ты из Италии? Так напони
Отрадной вестью жаждущие уши.

Гонец

Царица! О царица!..

Клеопатра

Он погиб?

Раб, скажешь «да» — и госпожу убьешь.
Но если скажешь ты, что жив Антоний,
Что он свободен, хорошо ему, —
Вот золото, вот голубые жилки
Моей руки, к которой, трепеща,
Цари царей губами прикасались.

Гонец

О да, царица, хорошо ему.

К л е о п а т р а

Вот золото. Еще... Но ведь о мертвых
Мы тоже говорим: «Им хорошо».
Коль надо так понять твои слова,
Я этим золотом, его расплавив,
Залью твою зловещую гортань.

Г о н е ц

Царица, выслушай.

К л е о п а т р а

Да, говори.

Но доброго известия я не жду.
Ведь если жив и не в плену Антоний,
Зачем так сумрачно твое лицо?
А если ты принес беду — зачем
Ты человек, а не одна из фурий
Со змеями вместо волос?

Г о н е ц

Царица,

Желаешь ли ты выслушать меня?

К л е о п а т р а

Желаю, кажется, тебя ударить.
Но если скажешь ты, что жив Антоний,
Не пленник Цезаря и в дружбе с ним, —
Дождь золотой, жемчужный град обрушу
Я на тебя.

Г о н е ц

Он невредим, царица.

К л е о п а т р а

Прекрасно.

Г о н е ц

С Цезарем они в ладу.

К л е о п а т р а

Ты добрый человек.

Г о н е ц

Они друзья.

К л е о п а т р а

Я щедро награжу тебя.

Г о н е ц

Однако...

К л е о п а т р а

«Однако»? Вот противное слово.
«Однако» — смерть хорошему вступлению.
«Однако» — тот тюремщик, что выводит
Преступника на волю. Слушай, друг,
Выкладывай все сразу, без разбора,
И доброе и злое. Ты сказал —
Он в дружбе с Цезарем, здоров, свободен.

Г о н е ц

Свободен? Нет, я так не говорил.
С Октавией Антоний крепко связал.

К л е о п а т р а

С Октавией? Что общего у них?

Г о н е ц

Постель.

К л е о п а т р а

Я холодею, Хармиана.

Г о н е ц

Антоний взял Октавию в супруги.

К л е о п а т р а

Чума тебя возьми!

(Сбивает гонца с ног.)

Г о н е ц

Царица, смилуйся!

К л е о п а т р а

Что ты сказал?

(Бьет его.)

Прочь, гнусный раб! Не то тебе я вырву
Все волосы и выдавлю глаза.

(С силой трясет его.)

Прутом железным будешь ты избит
И в едком щелоке вариться будешь
На медленном огне.

Г о н е ц

О, пощади!

Не я их поженил — я только вестник.

К л е о п а т р а

Скажи, что это ложь, и я тебе
Владенья дам. Я жребий твой возвышу.
Я ложь прошу. Разгневал ты меня,
А я тебя ударила — мы квиты.
Я одарю тебя. Таких сокровищ
Ты и во сне не видел.

Г о н е ц

Он женился.

К л е о п а т р а

Презренный раб! Ты слишком долго жил.

(Выхватывает кинжал.)

Г о н е ц

(в сторону)

Бежать!..

(Клеопатре.)

За что? Ведь невиновен я.

(Убегает.)

Х а р м и а н а

Остановись, приди в себя, царица!

Гонец не виноват.

К л е о п а т р а

А разве молния разит виновных?
Пусть в нильских водах сгинет весь Египет!
Пусть голуби преобразятся в змей! —
Вернуть сюда раба! Хоть я безумна, —
Не укушу его. Вернуть гонца!

Х а р м и а н а

Напуган он.

К л е о п а т р а

Его не трону я. —

Хармиана уходит.

Я руки обесчестила свои,

Побив слугу, меж тем как я сама
Всему причиной.

Возвращается Хармиана с гонцом.

Подойди, не бойся.

Плохую новость приносить опасно.

Благая весть хоть сотней языков

Пушай кричит; дурное же известье

Мы чувствуем без слов.

Гонец

Свой долг я выполнял.

Клеопатра

Так он женился?

Тебя сильней я не возненавижу,

Коль снова скажешь: «да».

Гонец

Женился он.

Клеопатра

Будь проклят ты! Все на своем стоишь?

Гонец

Не смею лгать.

Клеопатра

О, если б ты солгал! —

Пусть пол-Египта станет нильским дном,

Гнездилищем для гадов! — Убирайся! —

Будь даже ты красивей, чем Нарцисс,—

Ты для меня урод. Так он женился?

Гонец

Царица, пощади.

Клеопатра

Так он женился?

Гонец

Не гневайся, что я тебя гневлю,

И не карай меня за послушанье.

С Октавией вступил Антоний в брак.

Клеопатра

О! Весть принесший о таком злодействе

Сам разве не злодей? Прочь! Уходи!

Купец, мне римские твои обновки
Не по карману. Оставайся с ними
И разорись.

Гонец уходит.

Хармиана

Терпенье, госпожа!

Клеопатра

Я Цезаря великого хулила,
Хвала Антония.

Хармиана

Да, много раз.

Клеопатра

И вот наказана. Пойдем отсюда.
Я падаю... Ирада! Хармиана!..
Прошло.— Алексас, расспроси гонца,
Все об Октавии узнай: и возраст,
И какова она лицом и нравом.
Не забудь спросить про цвет волос.
Все, что услышишь, мне перескажи.

Алексас уходит.

Навек рассталась с ним!.. Нет, не хочу!
То представляется он мне Горгоной,
То снова принимает облик Марса.—

(Мардиану.)

Пускай Алексас спросит у гонца,
Какого она роста.— Хармиана,
Не говори, но пожалей без слов.—
Ведите же меня в опочивальню.

Уходят.

СЦЕНА 6

Близ Мизенского мыса.

Входят под звуки труб и барабанный бой, во главе своих войск с одной стороны Помпей и Менас, с другой—Цезарь, Антоний, Лепид, Энобарб и Меценат.

Помпей

Теперь, заложникам обменявшись,
Поговорить мы можем перед битвой.

Цезарь

И мы хотим начать с переговоров,
А потому заранее тебе
Послали письменные предложенья.
Они, быть может, убедят твой меч,
Который подняла на нас обида,
Вернуться в ножны и домой отправят
Цвет сицилийских юношей, чтоб им
Не сгинуть здесь напрасно.

Помпей

Я прошу,

Ответьте вы, наместники богов,
Вы, властелины мира,— неужели
Останется отец мой неотмщенным,
Когда в живых его друзья и сын?
В былые дни нашел ведь Юлий Цезарь,
Чья тень являлась Бруту при Филиппах,
Себе отмстителей — то были вы.
А почему решились бледный Кассий
И благороднейший из римлян, Брут,
И прочие ревнители свободы
Забрызгать алой кровью Капитолий?
Они хотели, чтоб не мог один
Стоять над всеми. Я с такой же целью
Собрал свой флот, и, вспенив грозным грузом
Сердитый океан, я накажу
Неблагодарный Рим за преступленье
Перед моим отцом.

Цезарь

Не горячись.

Антоний

Нас флотом не пугай. С тобой поспорим
И на море. Насколько же богаче
Мы силами на суше, знаешь сам.

Помпей

На суше-то богаче: ведь владеешь
Ты даже домом моего отца.
Но раз кукушки гнезд себе не вьют,—
Живи там до поры.

Л е п и д

Не к делу это.
На наши предложенья соизволь
Ответить нам.

Ц е з а р ь

Сейчас об этом речь.

А н т о н и й

Просить тебя не станем. Трезво взвесь
Сам выгоды свои.

Ц е з а р ь

И то, к чему
Придешь ты, слишком многого желая.

П о м п е й

Вы предлагаете мне во владенье
Сицилию с Сардинией. А я
Очистить должен море от пиратов
И Рим снабдить пшеницей. Вот условия,
Чтоб разойтись нам, не зазубрив лезвий
И не погнув щитов.

Цезарь, Антоний и Лепид
(вместе)

Да, это так.

П о м п е й

Так знайте же, что я сюда пришел
С согласием на ваши предложенья.
Но Марк Антоний рассердил меня.—
Хотя, сказав о собственной заслуге,
Ее уменьшу я,— узнай, что в дни,
Когда твой брат на Цезаря поднялся,
В Сицилии твоя укрылась мать
И там была радушно принята.

А н т о н и й

Об этом слышал я, Помпей. Безмерно
Тебе я благодарен.

П о м п е й

Дай же руку.
Не думал я, что встречу здесь с тобой.

А н т о н и й

Восточные постели слишком мягки.
И если был я вынужден вернуться
Из-за тебя, то это мне на пользу.

Ц е з а р ь

С тех пор, Помпей, как видел я тебя
В последний раз, ты сильно изменился.

П о м п е й

Не знаю, как мне злая судьба
Лицо избородила. Знаю только,
Что сердце ей мое не подчинить.

Л е п и д

Мы рады этой встрече.

П о м п е й

Р а д и я.—

Итак, пришли к согласью мы. Теперь
Нам остается написать условия
И приложить печати.

Ц е з а р ь

И немедля.

П о м п е й

Почтим друг друга пиром на прощанье.
Кому начать — пусть скажет жребий.

А н т о н и й

Мне!

П о м п е й

Нет, погоди, Антоний, бросим жребий.
Но первый будешь ты или последний,
Мы сможем должное отдать твоей
Изысканной египетской стряпне.
Я слышал — Юлий Цезарь разжирел
На тамошних хлебах.

А н т о н и й

Ты много слышал.

П о м п е й

Обидного я в мыслях не имел.

А н т о н и й

И слов обидных тоже не сказал.

П о м п е й

Так слышал я. Еще мне говорили,
Что будто приносил Аполлодор...

Э н о б а р б

Довольно, замолчи! Ну, приносил.

П о м п е й

Но что ж он приносил?

Э н о б а р б

В мешке с постелью
Привес он Цезарю одну царицу.

П о м п е й

А, я тебя узнал. Ну, как живешь?

Э н о б а р б

Отлично. Да и впредь не будет хуже,
Раз нам четыре пира предстоят.

П о м п е й

Дай, воин, руку мне. Не враг я твой.
Тебя в сраженьях видя, изумлялся
Я храбрости твоей.

Э н о б а р б

К тебе любви я не питал, однако
Хвалил не раз; но подвиги твои
Во много раз звучней моих похвал.

П о м п е й

А я тебя хвалю за прямоту.—
Прошу вас всех на борт моей галеры.

Цезарь, Антоний и Лепид
(вместе)

Мы за тобой последуем.

П о м п е й

Идем.

Все, кроме Энобарба и Меваса, уходят.

Менас
(в сторону)

Твой отец, Помпей, никогда бы не заключил такого договора. (Энобарбу.) Мы как будто встречались?

Энобарб

Кажется, в море.

Менас

Как видно, так.

Энобарб

Ты прославился морскими подвигами.

Менас

А ты сухопутными.

Энобарб

Это похвально, когда меня хвалят. Впрочем, нельзя отрицать, что я кое-что совершил на суше.

Менас

А я — на воде.

Энобарб

Да. Хотя от некоторых своих подвигов ты, верно, и сам бы отрекся. Ты мастер морского разбоя.

Менас

А ты — сухопутного.

Энобарб

Тут уж моя очередь отрекаться. Дай руку, Менас. Если бы наши глаза имели судейские права, они могли бы сейчас взять под стражу двух целующихся разбойников.

Менас

Чем бы ни были запятнаны руки, лицо-то у каждого человека невинно.

Энобарб

Только не лицо красивой женщины.

Менас

И то сказать. Женщины разбойничают как раз лицом.

Энобарб

Мы собирались померяться с вами оружием.

М е н а с

Жаль, что придется состязаться всего-навсего в пьянстве. Сегодня Помпею суждено веселиться на похоронах своего счастья.

Э н о б а р б

Боюсь, что счастья ему уж не воскресить, как бы он его ни оплакивал.

М е н а с

Да уж где там. А мы не ждали, что Марк Антоний пожалует сюда. Правда, что он женился на Клеопатре?

Э н о б а р б

Сестру Цезаря зовут Октавией.

М е н а с

Да. Она была замужем за Гаем Марцеллом.

Э н о б а р б

А теперь она замужем за Марком Антонием.

М е н а с

Что ты говоришь?

Э н о б а р б

То, что ты слышишь.

М е н а с

Значит, теперь они с Цезарем связаны навсегда.

Э н о б а р б

Будь я прорицателем, я бы воздержался это предрекать.

М е н а с

Да, пожалуй, устроила этот брак скорее политика, чем любовь.

Э н о б а р б

Думаю, что так. Но вот увидишь — эти узы, вместо того чтобы скрепить их дружбу, окажутся петлей для нее. Октавия благочестива, холодна и неразговорчива.

М е н а с

Кто не пожелает себе такой жены?

Э н о б а р б

Тот, кто сам не таков, — Марк Антоний. Он вернется опять в своему египетскому лакомству. Тогда вздохи Октавии раздуют

в душе Цезаря пожар. И тут, как я сказал тебе, чем крепче они связаны, тем тяжелее будет разрыв. Антоний будет искать любви там, где он ее оставил; женился же он на выгоде.

М е н а с

Может быть. Но не пойти ли и нам на галеру. Хочу выпить за твое здоровье.

Э н о б а р б

Я поддержку. В Египте мы приучили к этому занятию наши глотки.

М е н а с

Ну, пойдем.

Уходят.

С Ц Е Н А 7

На борту галеры Помпея, вблизи Мизенского мыса. Музыка.

Входят несколько слуг с вином и сладостями.

П е р в ы й с л у г а

Идут сюда. Кое-кто из этих могучих дубов еле держится на своих корнях; дунь ветерок — и они повалятся.

В т о р о й с л у г а

Лепид красен как рак.

П е р в ы й с л у г а

Они сливают в него все опивки.

В т о р о й с л у г а

Как только один из них наступит другому на больную мозоль, Лепид кричит: «Будет вам!», задувает ссору, готовую разгореться, а сам разгорается, надуваясь вином.

П е р в ы й с л у г а

Их-то он мирит, зато сам в непримиримом разладе с частями своего тела.

В т о р о й с л у г а

Вот что значит затесаться, не имея на то права, в компанию великих мужей. Какой толк от тяжеленного копья, если оно тебе не под силу? Такой же, как от ничтожного прутика.

Первый слуга

Попасть в общество первейших людей и ничего в нем не значить — все едино что быть дырой на месте глаза и уродовать лицо.

Трубы. Входят Цезарь, Антоний, Помпей, Лепид, Агриппа, Меценат, Энобарб, Менас и другие военачальники.

Антоний

Так водится у них. На пирамидах
Есть знаки, по которым измеряют
Разливы Нила. Если высоко
Стоит вода, ждать надо урожая,
А если низко — будет недород.
Когда вода спадает, земледелец
Бросает зерна в плодоносный ил,
А там уже недолго и до жатвы.

Лепид

Слышал я, у вас там диковинные гады водятся.

Антоний

Водятся, Лепид.

Лепид

Ваши египетские гады заводятся в вашей египетской грязи от лучей вашего египетского солнца. Вот, например, крокодил.

Антоний

Правильно.

Помпей

(Лепиду)

Садись. Ну-ка, выпей.— Здоровье Лепида!

Лепид

Я уже не очень-то... Но еще смогу за себя постоять.

Энобарб

Разве что на четвереньках.

Лепид

Нет, в самом деле, я слышал, что эти, как их, пирамсы Проломида — славные штучки. Нет, нет, не спорьте,— я сам это слышал.

М е н а с
(*тихо, Помпею*)

Помпей!

П о м п е й
(*тихо, Менасу*)

В чем дело? На ухо шепни.

М е н а с
В сторонку отойдем. Тебе хочу
Сказать два слова.

П о м п е й
(*тихо*)

Погоди. Сейчас.—
(*Громко.*)

Выпьем за здоровье Лепида!

Л е п и д

А что за вещь — крокодил?

А н г о н и й

По виду он похож сам на себя. Вдоль он достигает размера собственной длины, а поперек — собственной ширины. Передвигается при помощи собственных лап. Питается тем, что съедает. Когда издохнет, разлагается, а душа его переходит в другое существо.

Л е п и д

Какого он цвета?

А н т о н и й

Своего собственного.

Л е п и д

Диковинный гад.

А н т о н и й

Что и говорить. А слезы у него мокрые.

Ц е з а р ь

Удовлетворит ли его такое описание?

А н т о н и й

Надеюсь, удовлетворит, если к этому прибавить все чаши, влитые ему в глотку Помпеем. А если нет, то вот уж подлинно ненасытная утроба.

П о м п е й
(*тихо, Менасу*)

Отстань! Чего ты хочешь? Отвяжись!
Тебе я говорю?

(*Громко.*)
Где моя чаша?

М е н а с
(*тихо*)

Иль не достоин я, чтоб ты поднялся
Из-за стола и выслушал меня?

П о м п е й
(*тихо*)

Да ты рехнулся. Говори, в чем дело?

Помпей и Менас отходят в сторону.

М е н а с
(*тихо*)

Всегда я предан был твоей фортуне.

П о м п е й
(*тихо*)

Ты верно мне служил. Ну, продолжай!

(*Громко.*)

Друзья, вы что притихли?

А н т о н и й

Эй, Лепид,

Ты словно бы в песках зыбучих вязнешь.
Держись прямее, друг!

М е н а с
(*тихо*)

Ты хочешь стать владыкой мира?

П о м п е й
(*тихо*)

Что?

М е н а с
(*тихо*)

Еще раз: хочешь стать владыкой мира?

П о м п е й
(*тихо*)

Как эго может быть?

М е н а с
(*тихо*)

Лишь согласишься,
И, как бы ни казался я ничтожен,
Тебе весь мир я подарю.

П о м п е й
(*тихо*)

Ты пьян?

М е н а с
(*тихо*)

Я чаши не пригубил. Пожелай —
И станешь ты Юпитером земным.
Границ не будет у твоих владений
Иных, чем океан и небосвод.

П о м п е й
(*тихо*)

Как этого достичь?

М е н а с
(*тихо*)

На корабле твоём все триумвиры,
Что поделили мир между собой.
Я разрублю канат. Мы выйдем в море,
Там перережем глотки всем троим,
И ты — властитель мира.

П о м п е й
(*тихо*)

Зря болтаешь

О том, что надо было сделать молча.
Такой поступок для меня — злодейство,
А для тебя — служенье господину.
Нет, выгоде я честь не подчиню.
Вини язык, что погубил он дело.
Свершенное одобрить бы я мог,

Замышленное должен осудить.
Забудь об этом. Пей вино.

Менас
(в сторону)

Довольно
Мне следовать за меркнувшей звездой.
Того, кто хочет, но не смеет взять,
В другой раз не побалует удача.

Помпей
Еще, друзья, за здравие Лепида!

Антоний
Его пора бы на берег спести.
Я за него на здравицу отвечу.

Энобарб
Пью за тебя, Менас.

Менас
Друг, за тебя.

Помпей
Полнее наливай.

Энобарб
(указывая на раба, который уносит Лепида)
Менас, гляди-ка, вот силач!

Менас
А что?

Энобарб
Не видишь ты? Несет он треть вселенной.

Менас
Ну и пьяна же эта треть. Будь так же
Пьян целый мир — он, верно б, зашатался.

Энобарб
И зашатается, — лишь сам напейся.

Менас
Что ж, выпьем, друг.

П о м п е й

А все же до пиров александрийских
Нам далеко.

А н т о н и й

Не так уж далеко.—
Ну, чокнемся. Твое здоровье, Цезарь.

Ц е з а р ь

Уволь. Полощем мы мозги, полощем,
Они же все грязней. Противный труд.

А н т о н и й

Мгновенье так велит. Уж подчинись.

Ц е з а р ь

Уж лучше бы оно мне подчинилось.
Не есть, не пить четыре дня приятней,
Чем столько съесть и выпить — за один.

Э н о б а р б

(Антонию)

Что, если на египетский манер
Устроить нам для завершения пира
Вакхическую пляску?

П о м п е й

Просим! Просим!

А н т о н и й

Ну, в хоровод! Живей! Кружиться будем,
Пока наш разум, побежденный хмелем,
Не погрузится в ласковую Лету.

Э н о б а р б

Возьмитесь за руки и станьте в круг.
Пусть музыка неистовая грянет! —
Так. Становитесь.— Мальчик, запевай,
А громовой припев мы все подхватим,
И глоток не жалеть!

Музыка, Энобарб заводит хоровод.

ПЕСНЯ

Бахус, щедрый бог вина,
Напой нас допьяна.

Сердце наше
Укрепи,

Горе в чаше
Утопи.

Пусть в веселии хмельном
Мир заходит ходуном.
Мир заходит ходуном!

Цезарь

Не хватит ли? — Помпей, покойной ночи! —
Позволь мне, шурин, увести тебя. —
Долг на разгул взирает с укоризной.
Пора нам. От вина пылают щеки.
Наш стойкий Энобарб и тот размяк,
А я едва владею языком.
В шутов преобразил нас буйный хмель.
Да что тут рассуждать? Покойной ночи. —
Антоний, руку!

Помпей

Что ж, на берегу
Мы встречу повторим.

Антоний

Еще бы. Руку!

Помпей

Мой отчий дом ты захватил, Антоний,
Но все едипо — мы теперь друзья.
Спускайся в лодку.

Энобарб

Тише не свалитесь. —

Все, кроме Энобарба и Менаса, уходят.
А я останусь здесь.

Менас

В моей каюте. —
Эй, барабаны, трубы, флейты! Гряньтесь!
Пускай Нептун послушает, как мы

Прощаемся с великими мужами.
Ну, жарь вовсю, чума вас разрази!

Трубы и барабаны.

Э н о б а р б

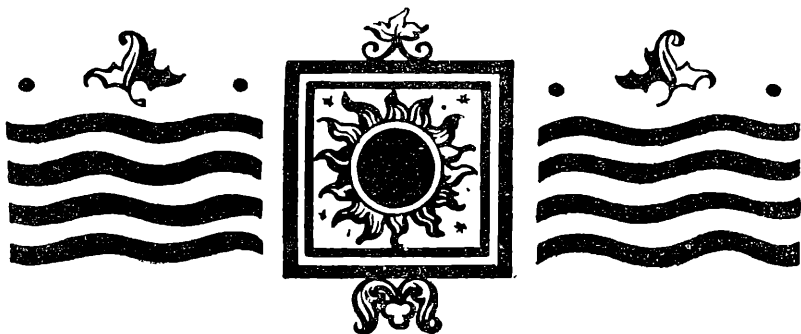
Эй! Шапки в воздух!

М е н а с

Эге-гей! — Пойдем.

Уходят.





А К Т III

С Ц Е Н А 1

Равнина в Сирии.

Входят триумфальным маршем Вентидий, Силий и другие римские военачальники с войском. Впереди несут тело убитого парфянского царевича Пакора.

В е н т и д и й

Разбита Парфия, отчизна стрел.
Мне рок судил отмстить за гибель Красса.—
Пусть каждый воин поглядит на труп
Парфянского царевича. Ород,
Твой сын, Пакор, нам уплатил за Красса.

С и л и й

Пока твой меч, Вентидий благородный,
Еще дымится от парфянской крови,
Преследуй беглецов. Гони парфян,
Гони из Мидии, из Междуречья.
Тогда Антоний даст тебе триумф
И увенчает лаврами.

В е н т и д и й

Нет, Силий!

С меня довольно. Знай, что подчиненный
Остерегаться должен громких дел.
Прославиться в отсутствие вождя
Опасней иногда, чем оплошать.

И Цезарь и Антоний наш нередко
Чужим мечом победу добывали.
Здесь, в Сирии, предшественник мой, Соссий,
Столь быстро отличился, что за это
В немилость у Антония попал.
Кто своего вождя опережает,
Становится как бы вождем вождя.
Порою честолюбию солдата
Полезней поражение, чем победа,
Которой он начальника затмил.
Я для Антония бы много сделал,
Но этим уязвлю его — и тут
Все подвиги мои пойдут насмарку.

С и л и й

Ты доказал, Вентидий, что солдат
Есть нечто большее, чем только меч.
Но что же ты Антонию напишешь?

В е н т и д и й

Я напишу, что, именем своим
Нас окрылив, он нам принес победу,
Что под его орлами легионы,
Оплаченные им, разбили в прах
Непобедимых всадников парфянских.

С и л и й

Где он сейчас?

В е н т и д и й

Он на пути в Афины.
Насколько нам позволит груз добычи,
Мы поспешим туда же, чтобы там
Быть ранее, чем он. — Итак, в поход!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Рим. Передняя в доме Цезаря.

Входят с разных сторон Агриппа и Энобарб.

А г р и п п а

Ну как там, распрошались зять и шурины?

Э н о б а р б

Помпея сплавив, трое триумвиров

Печатами скрепляют договор.
Октавия перед разлукой с Римом
Рыдает, Цезарь мрачен, а Лепида —
Так мне рассказывал Менас — мутит
С тех пор, как пировал он у Помпея.

А г р и п п а

Достойнейший Лепид!

Э н о б а р б

Непревзойденный!

Он в Цезаря поистине влюблен.

А г р и п п а

А как Антония он обожает!

Э н о б а р б

Ведь Цезарь кто? «Юпитер он земной!»

А г р и п п а

«Антоний всем Юпитерам Юпитер!»

Э н о б а р б

«О Цезарь! Нет подобного ему!»

А г р и п п а

«О Марк Антоний! Феникс среди птиц!»

Э н о б а р б

«Хвалы нет высшей, чем слова: он — Цезарь!»

А г р и п п а

Он расточает похвалы обоим.

Э н о б а р б

Но больше Цезарю. «О Марк Антоний!» —

Певец, художник, ритор, звездочет

Воспеть, изобразить, изречь, измерить

Его любовь к Антонию бессильны.

Но перед Цезарем благоговей,

Лежит он ниц.

А г р и п п а

В обоих он влюблен.

Э н о б а р б

Он — жук, они — блестящие надкрылья.

Трубы.

Пора! Прощай, Агриппа благородный.

А г р и п п а

Счастливый путь, достойный Энобарб.

Отходят в сторону.

Входят Цезарь, Антоний, Лепид и Октавия.

А н т о н и й

Не провозжай нас дальше.

Ц е з а р ь

Берешь с собой ты часть моей души.
Будь ласков с ней.— Сестра, супругой будь
Такою, чтобы оправдать надежды
И превзойти речательства мои.—
Не допусти, Антоний благородный,
Чтобы тот столп, который предназначен
Для укрепления дружбы, стал тараном
И развалил ее. Уж лучше б нам
Совсем не пользоваться этим средством,
Чем осквернить его.

А н т о н и й

Ты недоверьем

Меня обидишь.

Ц е з а р ь

Что сказал,— сказал.

А н т о н и й

Как ты ни будь придирчив, оснований
Для страха своего ты не найдешь.
Пускай тебя оберегают боги.
Пусть бьются для тебя сердца всех римлян.
Пора нам в путь.

Ц е з а р ь

Прощай же, милая сестра! Прощай!
Пускай стихии с нежной добротой
Баюкают тебя. Счастливый путь!

О к т а в и я

Мой милый брат!..

А н т о н и й

У нас весна любви, п э т и слезы —
Апрельский вешний дождь. — Приободрись.

О к т а в и я

(Цезарю)

Смотри за домом моего супруга
И...

Ц е з а р ь

Что еще?

О к т а в и я

Дай на ухо скажу.

А н т о н и й

Ее язык не слушается сердца,
А сердце не владеет языком.
Так пух лебяжий, зыблемый волнами,
Не ведает, куда он приплывет.

Э н о б а р б

(тихо, Агриппе)

Не думает ли Цезарь прослезиться?

А г р и п п а

(тихо, Энобарбу)

Чело его темнеет.

Э н о б а р б

(тихо, Агриппе)

Это жалко.

Не красит темное пятно на лбу
И жеребца, не только человека.

А г р и п п а

(тихо, Энобарбу)

Антоний тоже ведь чуть не рыдал
Тогда, когда сражен был Юлий Цезарь.
Он слезы лил над Брутом при Филиппах.

Э н о б а р б
(тихо, Агриппе)

В тот год Антоний насморком страдал,
Губя врагов, их окроплял слезами.
Вот если я заплачу — верь слезам.

Ц е з а р ь
Нет, милая Октавия, я буду
Тебе писать. И время не заставит
Меня забыть сестру.

А н т о н и й
Ну полно, Цезарь.
Еще посмотрим, кто из нас двоих
Ее сильнее любит. На прощанье
Обнимемся, и я тебя покину,
Препоручив богам.

Ц е з а р ь
Прощай. Будь счастлив!

Л е п и д
Пускай сиянье всех светил небесных
Твой освещает путь.

Ц е з а р ь
(целуя Октавию)

Прощай.

А н т о н и й
Прощайте.
Трубы. Все уходит.

С Ц Е Н А 3

Александрия. Покой во дворце.
Входят Клеопатра, Хармиана, Ирада и Алексас.

К л е о п а т р а
Ну, где ж гонец?

А л е к с а с
Бойтся он войти.

Клеопатра
Вот вздор!

Входит гонец.
Входи, не бойся.

Александр
О царица!
Когда ты в гневе, на тебя взглянуть
Сам Ирод Иудейский не посмел бы.

Клеопатра
Да, заплатился б Ирод головой,
Будь здесь Антоний, чтобы выполнять
Мои приказы.

(Гонцу.)
Подойди поближе.

Гонец
Царица милостивая!..

Клеопатра
Скажи,
Октавию тебе случалось видеть?

Гонец
Да, повелительница.

Клеопатра
Где же?

Гонец
В Риме.
Ее совсем вблизи я видел: шла
Она между Антонием и братом.

Клеопатра
Что, высока она? С меня?

Гонец
Нет, ниже.

Клеопатра
А голос звонкий у нее иль слабый?

Гонец
Совсем чуть слышный голосок.

К л е о п а т р а

Так, так...

Недолго будет он ее любить.

Х а р м и а н а

Ее? Любить? Да это невозможно!

К л е о п а т р а

И я так думаю. Он отвернется
От этой безголосой коротышки.—
А поступь как? Величие в ней есть?

Г о н е ц

Она едва передвигает ноги,
Не отличишь — стоит или идет.
Нет жизни в ней. Не женщина она,
А изваяние.

К л е о п а т р а

Да полно, так ли?

Г о н е ц

Приметлив я.

Х а р м и а н а

Приметливей он вдвое
Любого египтянина.

К л е о п а т р а

Да, вижу,

Он наблюдателен. Ну что в ней есть?
Он здраво рассуждает.

Х а р м и а н а

Очень здраво.

К л е о п а т р а

Что скажешь ты о возрасте ее?

Г о н е ц

Она уже успела овдоветь.

К л е о п а т р а

Что? Овдоветь? — Ты слыпишь. Хармиана?

Г о н е ц

Я думаю, что лет под тридцать ей.

К л е о п а т р а

Лицо продолговато иль округло?

Г о н е ц

Ее лицо округло до уродства.

К л е о п а т р а

Такие большей частью неумны.

А волосы какие? Цвет какой?

Г о н е ц

Цвет темный. Безобразно низкий лоб.

К л е о п а т р а

Вот золото, возьми. Не обижайся,

Что так сурова я была к тебе.

Тебя отправлю я в обратный путь,

Ты человек толковый. Собирайся.

Я приготовлю письма.

Г о н е ц уходит.

Х а р м и а н а

Честный малый.

К л е о п а т р а

Да, ты права. Мне жаль, что я была

К нему несправедлива. Вижу я,

Что эта женщина мне не опасна.

Х а р м и а н а

Ничуть.

К л е о п а т р а

Гонец способен отличить

Величье истинное от подделки.

Х а р м и а н а

Еще бы! Он на службе у тебя

Не первый год!

К л е о п а т р а

Послушай, Хармиана,

Я кое-что еще узнать хотела...

Ну хорошо, пришли его потом.
Все, может быть, уладится.

Хармиана Ручаюсь.
Уходят.

СЦЕНА 4

Афины. Покой в доме Антония.
Входят Антоний и Октавия.

Антоний

Нет, нет, Октавия, не возражай.
И это все, и многое другое
Охотно б я простил. Но начал он
Опять войну с Помпеем. Он составил
И огласил публично завещанье,
Где обо мне едва упомянул;
А там, где обойти моих заслуг
Никак не мог, был более чем краток
И скуп на похвалу. В своих речах
Меня он мерит самой низкой меркой
И о славнейших подвигах моих
Едва сквозь зубы цедит.

Октавия

Мой дорогой супруг! Верь не всему,
А если веришь — не на все сердись.
Ведь если между вами вспыхнет ссора,
Несчастнейшей из женщин буду я,
Молясь за двух врагов.
Лишь насмешу богов я милосердных,
К ним вознося смиренную мольбу:
«Благословите моего супруга!»
И, ей в опровержение, молясь:
«Благословите брата моего!»
Кто бы из вас ни победил — мне горе.
Меж этих крайностей середины нет.

Антоний

Моя Октавия, свою любовь
Отдай тому, кому она дороже.
Честь потеряв, себя я потеряю.
Уж лучше б мне совсем не быть твоим,

Чем, будучи твоим, утратить честь.
Но если ты нас помирить желаешь,
Попробуй. А тем временем я буду
Готовиться к войне, позор которой
Падет на брата твоего. Спешу.
Пусть исполнится твое желание.

О к т а в и я

Спасибо. Пусть Юпитер всемогущий
Мне, слабой, мне, бессильной, силы даст,
Чтоб я могла склонить вас к примиренью.
Война меж вами — трещина в земле;
Ее заполнят только горы трупов.

А н т о н и й

Ты на того, кто был причиной ссоры,
Свое негодование обрати.
Едва ли так равно мы виноваты,
Чтоб поровну делить твою любовь.
Готовься. Отбери людей для свиты
И не отказывай себе ни в чем.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Там же. Другой покой.

Входят с разных сторон Э н о б а р б и Э р о с.

Э н о б а р б

Ну, что нового, друг Эрос?

Э р о с

Новости удивительные.

Э н о б а р б

Какие же?

Э р о с

Цезарь и Лепид возобновили войну с Помпеем.

Э н о б а р б

Эго старая новость. И кто кого победил?

Э р о с

Цезарь одолел Помпея с помощью Лепида, но теперь не признает его равным себе и не желает делиться с ним славой. Да

еще обвиняет Лепида в сношениях с врагом на основании давних его писем к Помпею. Так что сейчас бедняга триумvir находится в заточении и будет там, пока его не освободит смерть.

Э н о б а р б

Теперь у мира две звериных пасти.
И сколько ты им пищи ни бросай,
Одна из них другую загрызет.—
А где сейчас Антоний?

Э р о с

Он в саду.

Сухие ветки яростно топча,
«Дурак Лепид!» — кричит он и грозитя
Распять того, кто умертвил Помпея.

Э н о б а р б

Готов к отплытию наш огромный флот...

Э р о с

В Италию, на Цезаря. Послушай,
Антоний за тобой меня послал.
О новостях сказать я мог и позже.

Э н о б а р б

Да тут уж все равно. Эх, будь что будет.
Веди меня к Антонию.

Э р о с

Идем.

Уходят.

С Ц Е Н А 6

Рим. Покой в доме Цезаря.

Входят Цезарь, Агриппа и Меценат.

Ц е з а р ь

Он просто издевается над Римом.
В Александрии, сообщают мне,
На серебром обитом возвышенье
Антоний с Клеопатрой сели рядом
На тронах золотых; и у подножья —
Цезарион (сын якобы того,

Кто мне названным был отцом), а также
Весь выводок прибудных их детей.
И власть самодержавную он дал ей
Не только над Египтом, но еще
Над Палестиной, Лидией и Кипром.

М е ц е н а т

И это объявил он всенародно?

Ц е з а р ь

Публично, на арене для ристалищ.
А два их отпрыска — цари царей:
Над царствами армян, парфян, мидян
Владыкой он поставил Александра
И Птолемею отдал под начало
Сирийцев, киликийцев, финикиян.
А Клеопатра в этот день была
В священном одеянии Изиды,
В котором появлялась уж не раз.

М е ц е н а т

Оповестить об этом надо римлян.

А г р и п п а

И отвернется от него народ,
Давно его гордыней раздраженный.

Ц е з а р ь

Народ уже осведомлен. Автоний
Прислал сенату список обвинений.

А г р и п п а

Кого же обвиняет он?

Ц е з а р ь

Меня.

Сицилию забрав, мол, у Помпея,
Антонию не предоставил я
Его законной доли; не вернул
Тех кораблей, что дал он мне взаймы.
И, наконец, винит нас, что Лепида
Мы отстранили от триумvirата,
Конфисковав имущество его.

А г р и п п а

На это все ответить надо, Цезарь.

Цезарь

Ответ написан, и гонец в пути.
Я там пишу, что стал Лепид жесток,
Что злоупотреблял высокой властью
И поделом смещен; что я отдам
Антонию условленную часть
Того, что я завоевал, но пусть
В Армении и прочих государствах,
Им завоеванных, он даст мне долю.

Меценат

Такой уступки от него не жди.

Цезарь

Так пусть и он не ждет от нас уступок.

Входит Октавия со свитой.

Октавия

Привет тебе, мой брат и господин!

Цезарь

Как, это ты? Отвергнутая мужем?

Октавия

Причины нет так называть меня.

Цезарь

Зачем же ты неслышно к нам подкралась?
Сестре ли Цезаря являться так?
Супруге ль триумвира? Ей пристало
Пожаловать в сопровождение войска,
Чтоб возвещало ржание коней
Еще задолго о ее прибытье;
Должны были под тяжестью зевак
Деревья гнуться; пыль должна была
От поезда ее вздыматься к небу.
Но ты явилась как простолюдинка,
Ты воспрепятствовала изъявлениям
Любви народной; а когда любовь
Нельзя излить, легко ей и захапнуть.
Тебя встречать на море и на суше
Нам надо было, чтобы вызывал
Твой каждый шаг приветственные клики.

О к т а в и я

Мой добрый брат, я так сама хотела,
Никто меня не принуждал. Мой муж,
Узнав, что ты готовишься к войне,
Со мною поделился горькой вестью.
Я попросила, чтоб он мне позволил
Вернуться в Рим,— и согласился он.

Ц е з а р ь

А как не согласиться, если ты
Стоишь меж ним и похотью его.

О к т а в и я

Не говори так, брат.

Ц е з а р ь

За ним слежу я.
Мне ветер о делах его доносит.
Где он сейчас?

О к т а в и я

В Афинах, милый брат.

Ц е з а р ь

Как ты обманута! Опять сманила
Его к себе в Египет Клеопатра.
Свою империю он отдал шлюхе.
Теперь, к войне готовясь, у себя
Они собрали всех царей восточных:
Там Бокх — ливийский царь; Адал — фракийский;
Понтийский царь; царь аравийский Малх;
Царь пафлагонский Филадельф; царь Ирод;
Монарх каппадокийский Архелай;
Властитель комагенский Митридат;
Цари ликаонийский и мидийский
Аминт и Полемон, и тьма других.

О к т а в и я

О, горе мне! Я сердце разделила
Меж двух друзей, что сделались врагами.

Ц е з а р ь

Добро пожаловать. Твои посланья
Заставили меня с разрывом медлить,
Пока не стало ясно мне, что ты

Обманута, а нам грозит опасность.
Будь стойкой. С неизбежностью суровой
Не спорь, но предоставь самой судьбе
Осуществить ее предначертанья.
Ты мне дороже всех людей на свете.
Тебя позорно предали. И боги
Нас изберут орудием своим,
Чтоб наказать обидчика. Утешься.
Все рады здесь тебе.

А г р и п п а

Да, госпожа.

М е ц е н а т

Добро пожаловать. Сердца всех римлян
Полны любовью, жалостью к тебе.
И лишь один беспутный Марк Антоний,
В грехе погрязший, оттолкнул тебя
И отдал власть свою развратной твари,
Решившей, видно, взбаламутить мир.

О к т а в и я

Да правда ль это, брат?

Ц е з а р ь

Увы, все правда.

Добро пожаловать, сестра. Прошу,
Будь терпеливой. Милая сестра!

Уходят.

С Ц Е Н А 7

Лагерь Антония близ мыса Аквиума.

Входят Клеопатра и Энобарб.

К л е о п а т р а

Я разочтусь с тобой, не сомневайся.

Э н о б а р б

За что? За что? За что?

К л е о п а т р а

Ты говорил, что мне не подобает
При войске быть.

Энобарб

А разве подобает?

Клеопатра

Но если мы союзники в войне,
То почему бы мне тут и не быть?

Энобарб

(в сторону)

Отвечу так: когда б держали в войске
Не только жеребцов, но и кобыл,
От жеребца не много было б толку:
Вскочил бы вместе с всадником своим
Он на кобылу.

Клеопатра

Что ты там бормочешь?

Энобарб

Антонию ты будешь лишь помехой.
Не на тебя сейчас он должен тратить
Отвагу, ум и время. Уж и так
О легкомыслии его твердят.
Толкуют в Риме, что твои служанки
И евнух твой ведут эту войну.

Клеопатра

Да сгинет Рим! Пусть языки отсохнут
У говорящих так. Я правлю царством
И наравне с мужчинами должна
Участвовать в походе. Не перечь!
Я все равно останусь здесь.

Энобарб

Молчу.

А вот наш вождь.

Входят Антоний и Кавидий.

Антоний

Не странно ли, Кавидий,
Что от Брундизия и от Тарента
Так быстро Ионическое море
Он пересек и захватил Торино? —
Ты слышала о том, моя любовь?

К л е о п а т р а

Проворство удивляет лишь лентяев.

А н т о н и й

Вот молодец! Какой воитель смог бы
Медлительность так метко заклеить? —
Канидий, мы сразимся с ним на море.

К л е о п а т р а

На море! Где ж еще?

К а н и д и й

Но почему?

А н т о н и й

На бой морской нас вызывает Цезарь.

Э н о б а р б

Подумаешь! А разве ты пред тем
Не вызывал его на поединок?

К а н и д и й

С тем чтобы при Фарсале биться вам,
Где Юлий Цезарь победил Помпея.
Твое невыгодное предложение
Не принял враг,— ты так же поступи.

Э н о б а р б

Дрянной народ на кораблях твоих:
Погонщики ослов да землепашцы,
Поверстанные наскоро в матросы.
А ведь у Цезаря те моряки,
Которыми разбит был Секст Помпей.
Его суда легки, твои громоздки.
Стыда не будет в том, что, бой морской
Отвергнув, ты сразишься с ним на суше.

А н т о н и й

Нет, в море! В море!

Э н о б а р б

Доблестнейший вождь!

На это согласясь, пренебрежешь
Ты полководческим своим искусством;
Посеешь ты смущенье в легионах,

Где много ветеранов. Опыт твой
Останется тогда без применения.
Зачем, покинув верный путь к успеху,
Отдать свою судьбу ты хочешь риску,
Случайности?

А н т о н и й

На море я сражусь.

К л е о п а т р а

И у меня есть шестьдесят галер,
Таких еще и Цезарь ваш не видел.

А н т о н и й

Часть кораблей сожжем. Командой их
Суда оставшиеся укрепим
И Цезаря при Акциуме встретим.
А если на море не одолеем,
На суше бой дадим.—

Входит г о н е ц.

Какие вести?

Г о н е ц

Мой повелитель, подтвердилась весть,
Что Цезарь взял Тюрину.

А н т о н и й

Сам Цезарь? Быть не может... Странно мне,
Что так продвинулись его войска.—
Итак, все девятнадцать легионов,
Двенадцать тысяч всадников в придачу
Возьми, Канидий, под свое начало.
Я — на корабль.— Пойдем, моя Фетида!

Входит старый солдат.

Ну, что мне скажет славный ветеран?

С о л д а т

Не дело биться в море, император,
Вверять свою судьбу гнилым доскам.
Вот меч мой, вот рубцы мои — им верь.
Пусть финикийцы или египтяне
Барахтаются на воде, как утки,—
Мы, римляне, привыкли побеждать,
Ногою твердой стоя на земле.

Антоний

Довольно! — На суда!

Антоний, Клеопатра и Энобарб уходят.

Солдат

Я прав, могу поклясться Геркулесом.

Канидий

Ты прав, солдат, но полководец наш
В себе не волен. Вождь — на поводу.
А мы у бабы ходим под началом.

Солдат

Тебе подчинена пехота вся
И конница?

Канидий

Начальствуют над флотом
Публикола, Марк Юстий, Марк Октавий
И Целий. Я ж начальствую на суше.
Но Цезарь-то каков? Вот быстрота!

Солдат

Еще из Рима он яе выступал,
Как двинулись уже его войска,
На мелкие отряды разделившись
И тем введя лазутчиков в обман.

Канидий

А кто командует его войсками?

Солдат

По слухам, некий Тавр.

Канидий

Он мне знаком.

Входит гонец.

Гонец

Ты нужен императору, Канидий.

Канидий

Чревато наше время новостями,
И каждый миг приносит новый плод.

Уходят.

СЦЕНА 8

Равнина близ Акдиума.

Входят Цезарь и Тавр с военачальниками.

Цезарь

Тавр!

Тавр

Слушаю.

Цезарь

Не принимай сраженья
До окончания морского боя.
Вот в свитке указания мои.
От них не отклоняйся. Знай одно:
Все будущее наше здесь решится.

Уходят.

СЦЕНА 9

Другая часть равнины.

Входят Антоний и Энобарб.

Антоний

Мы конницу поставим за холмом
Пред войском Цезаря. Оттуда сможем
Галеры вражеские сосчитать,
А далее поступим, как решили.

Уходят.

СЦЕНА 10

Другая часть равнины.

Входит Канидий с войском; они проходят с одной стороны сцены.

Входит Тавр с войском; они проходят с другой стороны сцены.
Слышен шум морского сражения. Входит Энобарб.

Энобарб

Конец! Конец! Всему конец! Проклятье!
«Антониада», судно Клеопатры,
Руль повернув, пустилась наутек.

Все шестьдесят египетских галер —
За нею вслед. О, лучше б мне ослепнуть!

Входит Скар.

Скар

О небеса! О силы преисподней!

Энобарб

В чем дело, Скар? Чего яришься ты?

Скар

Утратили мы больше чем полмира
От глупости. Провинции и царства
Швырнули мы в обмен на поцелуй!

Энобарб

Чем кончится сражение, как считаешь?

Скар

Чем кончится бубонная чума?
Конечно, смертью. Пусть возьмет проказа
Распутную египетскую тварь!
В разгаре битвы, в миг, когда успех
И поражение были близнецами,
А может, первый старше был,— она,
Поставив паруса, помчалась прочь,
Ни дать ни взять как в жаркий летний день
Ужаленная оводом корова!

Энобарб

Я видел. Но не вынесли глаза
Такого зрелища, и больше я
Смотреть не мог.

Скар

Когда она умчалась,
Антоний, жертва колдовства ее,
Расправил крылья-паруса и вслед,
Как селезень влюбленный, устремился,
Оставив бой на произвол судьбы.
Такого срама я еще не видел.
Отвага, честь и опыт никогда
Не падали так низко.

Энобарб

Горе! Горе!

Входит Канидий.

К а н и д и й

Чуть дышит наше воинское счастье
И тонет в море. Будь наш полководец
Тем, кем он был, мы б выиграли бой.
Своим позорным бегством подал он
Нам всем пример.

Э н о б а р б
(в сторону)

Ах вот ты что задумал?
Тогда и в самом деле нам конец.

К а н и д и й

Они направились к Пелопоннесу.

С к а р

Недалеко. И я туда. Посмотрим,
Что будет дальше.

К а н и д и й

С армией своей
Я сдамся Цезарю. Пример мне подав
Уже шестью союзными царями.

Э н о б а р б

Звезда Антония померкла. Все же
Я следую за ней, хотя мой ум
Противодействует, как встречный ветер.

Уходят.

С Ц Е Н А 11

Александрия. Зал во дворце.

Входит Антоний со свитой.

А н т о н и й

Вы слышите? Земля как будто стонет,
Прося, чтоб я не попираю ее;
Носить Антония она стыдится.
Друзья мои, такая тьма вокруг,
Что в мире не найти уж мне дороги.
Там есть груженный золотом корабль.

Казну между собою поделив,
Бегите. С Цезарем вы сговоритесь.

П р и б л и ж е н н ы е

Бежать? Нет, никогда!

А н т о н и й

Я сам бежал,
Я трусов научил, как надо спину
Показывать врагу.— Друзья, бегите!
Я выбрал путь, где обойдусь без вас.
Спасайтесь! В гавани казну найдете,
Все ваше.— О! Сгорю я со стыда,
Взглянув на ту, за кем вослед пустился.
И волосы мои в междоусобье:
Седые выговаривают черным
За безрассудство; черные — седым
За трусость и влюбленность. О друзья!
Бегите. Я вас письмами снабжу,
Которые расчислят вам дорогу.
Не надо скорбных лиц. Примите выход,
Предложенный отчаяньем моим.
Предавший сам себя да будет предан.
Бегите прямо к морю, на корабль,
Я вам дарю сокровища и судно.
Оставьте же меня. Я вас прошу.
Прошу,— приказывать не смею больше.
Итак, прошу. Мы свидимся еще.

(Садится.)

Входят Эрос и Клеопатра, которую ведут под руки Хармиана и Ирада.

Э р о с

Царица, подойди к нему, утешь.

И р а д а

О, подойди, царица!

Х а р м и а н а

Утешь его! Что делать, госпожа.

К л е о п а т р а

Я сяду. О Юнона!

А н т о н и й

Нет, нет, нет, нет, нет!

Э р о с

Взгляни же, император.

А н т о н и й

О стыд! Стыд! Стыд!

Х а р м и а н а

Царица!

И р а д а

Дорогая госпожа!

Э р о с

О повелитель мой!

А н т о н и й

Да... Цезарь... При Филиппах, как плясун,
Держал в руках он меч свой бесполезный.
А мной в тот день сражен был тощий Кассий,
Прикончен был отчаявшийся Брут...
Он действовал руками подчиненных,
Он был несведущ в воинском искусстве,—
И вот теперь... А впрочем, все равно.

К л е о п а т р а

Ах! Помогите мне!

Э р о с

Мой господин, царица здесь, царица.

И р а д а

Царица, подойди, заговори с ним.
Раздавлен он стыдом.

К л е о п а т р а

Ну хорошо... Я обопрусь на вас.
О!..

Э р о с

Встань же, господин мой благородный,—
Царица приближается к тебе,
Едва ступает, голову повесив.
Воспрянь же духом, иль она умрет.

А н т о н и й

Я над своею славой надругался.
Позорнейшее бегство!..

Эрос

Здесь царица!

Антоний

О! Египтянка, до чего меня
Ты довела! Ну что же, полюбуйся,
Как я страдаю, глядя со стыдом
На все, что я разбил и обесчестил.

Клеопатра

О господин! О повелитель мой!
Прости моим пугливым парусам.
Не знала я, что бросишься ты следом.

Антоний

Ты это знала, египтянка, знала —
Руль сердца моего в твоих руках,
И за тобой последую я всюду.
Ты знала, что душой моей владеешь,
Что твоего достаточно кивка,
И я веления богов нарушу.

Клеопатра

Прости меня!..

Антоний

Придется мне теперь
Послов смиренно посылать к мальчишке,
Заискивать, хитрить и унижаться —
Мне, кто играл небрежно полумиром,
Вязал и разрубал узлы судьбы!
Ты знала — завоеван я тобой,
Ослаб мой меч, опутанный любовью,
И подчиняется во всем лишь ей.

Клеопатра

Прости меня!.. Прости меня!..

Антоний

Не плачь.

Дороже мне одна твоя слеза
Всего, что я стяжал и что утратил.
Один твой поцелуй все возместит. —
Наставника своих детей отправил
Я к Цезарю послом. Он не вернулся? —

Любовь моя, весь налит я свинцом.—
Эй, вы, кто там,— вина, еды подайте.—
А, все равно! Пусть роком я гоним,
Тем с большим вызовом смеюсь над ним!

Уходят.

СЦЕНА 12

Лагерь Цезаря в Египте.

Входят Цезарь, Долабелла, Тирей и другие.

Цезарь

Пускай посол Антония войдет.—
Кто он такой?

Долабелла

Наставник их детей.

Как должен быть ошипан наш Антоний,
Чтоб нам послать столь жалкую пушинку
Из своего крыла. А ведь давно ли
Гонцами отряжать он мог царей.

Входит Евфроний.

Цезарь

Приблизься. Говори.

Евфроний

Кто б ни был я,
Я как посол Антония явился.
Я в замыслах его не больше значил
До сей поры, чем капля в океане.

Цезарь

Пусть будет так. С чем прислан ты ко мне?

Евфроний

Властителя судьбы своей Антоний
Приветствует и просит позволенья
Остаться здесь, в Египте. Если ж нет,
Он просит меньшего: позволь ему
В Афинах жить как частному лицу,
Дышать под небом, по земле ступать.
А Клеопатра просит, чтобы Цезарь,

Пред чьим могуществом она склонилась,
Не отнимал корону Птолемеев
У сыновей ее. Ведь их судьба
В твоих руках.

Цезарь

Я глух ко всяким просьбам
Антония. А что до Клеопатры,
То слушать просьб ее не стану я,
Пока не будет изгнан из Египта
Иль умерщвлен ее любовник жалкий.
А при таком условии готов
Я ей помочь. Вот мой ответ обоим.

Евфроний

Удача да сопутствует тебе.

Цезарь

Пускай его проводят через лагерь.

Евфроний уходит.

Тирей, для красноречья твоего
Теперь настало время. Клеопатру
Разъединить с Антонием попробуй.
Пообещай ей именем моим
Все, что попросит. Сверх того добавь,
Что в голову взбредет. Ведь даже в счастье
Нестойки женщины, а уж беда
Заставит пасть чистейшую из чистых.
Итак, Тирей, будь ловок. А за труд
Потом назначишь сам себе награду;
Твое желанье мне законом будет.

Тирей

Иду.

Цезарь

Заметь, как перенес Антоний
Свое паденье, как ведет себя,
И постарайся по его поступкам
Судить о мыслях.

Тирей

Постараюсь, Цезарь.

Уходят.

СЦЕНА 13

Александрия. Зал во дворце.

Еходят Клеопатра, Энобарб, Хармиана и Ирада.

Клеопатра

Что ж, Энобарб, нам делать?

Энобарб

Поразмыслить

И умереть.

Клеопатра

Кто в этом виноват —

Антоний или я?

Энобарб

Один Антоний.

Он похоти рассудок подчинил.

Пусть ты бежала от лица войны,

Лица, которым два враждебных войска

Друг друга в содрогание приводят, —

А он куда помчался? В то мгновение,

Когда две половины мира сшиблись

(И лишь из-за него), поставил он

Зуд страсти выше долга полководца.

Вот стыд-то был, страшней, чем поражение,

Когда летел он за твоей кормою

Сквозь строй своих и вражеских галер.

Клеопатра

Тсс... Замолчи.

Входят Антоний и Евфроний.

Антоний

Таков его ответ?

Евфроний

Да, господин.

Антопий

Обещаны царице

Уступки, если выдан буду я?

Евфроний

Он так сказал.

А н т о н и й

Скажи об этом ей.

(Клеопатре.)

Седеющую голову мою
Пошли мальчишке Цезарю, и он
Тебя за это царствами осыплет.

К л е о п а т р а

За голову твою?

А н т о н и й

(Евфронию)

Вернись к нему.

Скажи, что, розой юности украшен,
Он должен мир геройством удивить;
Что деньги, корабли и легионы
Принадлежать могли бы даже трусу
И что военачальники его
Могли бы одержать свои победы
И под началом малого ребенка.
Так пусть один, без этих преимуществ,
Со мной, лишенным их, сразится он —
Клинок с клинком. Я дам письмо. Идем.

А н т о н и й и Е в ф р о н и й у х о д я т .

Э н о б а р б

(в сторону)

Да, как же! Цезарь только и мечтает,
Чтоб, распустив победные войска,
Размахивать мечом, как гладиатор.
Эх, вижу я, что внешние утраты
Ведут к утрате внутренних достоинств:
Теряя счастье, мы теряем ум.—
Коль ты еще способен измерять,
Как с полновесным Цезарем ты мыслишь
Равнять себя, пустышку? Видно, Цезарь
И разум тоже твой завоевал.

В х о д и т п р и д в о р н ы й .

П р и д в о р н ы й

Посол от Цезаря к царице.

Клеопатра

Вот как?

Без церемоний, запросто! — Взгляните,
Как нос воротит от расцветшей розы
Тот, кто перед бутонем падал ниц.—
Впустить его.

Энобарб

(в сторону)

Я, кажется, повздорю
С моею совестью. Служить глупцу
Не значит ли из службы делать глупость?
Однако ж тот, кто своему вождю
Остался верен после поражения,
Над победившим одержал победу
И тем себя в историю вписал.

Входит Тирей.

Клеопатра

Чего желает Цезарь?

Тирей

Я хотел бы
Сказать тебе о том наедине.

Клеопатра

Не опасайся. Здесь мои друзья.

Тирей

Но и друзья Антония, не так ли?

Энобарб

Ему друзей бы столько, сколько их
У Цезаря, иль ни к чему мы тоже.
Захочет Цезарь, и дружить с ним будет
Наш господин, а стало быть, и мы.

Тирей

Отлично.— Достославная царица,
Забудь о бедах,— заклинает Цезарь,—
И помни лишь одно: что Цезарь он.

Клеопатра

По-царски сказано. Ну, продолжай.

Тирей

Он знает, что к Антонию в объятья
Тебя толкнула не любовь, но страх.

Клеопатра

О!

Тирей

Честь твоя изранена, и он
Тебя жалсет, зная, что насилие
Тебя покрыло пятнами позора.

Клеопатра

Он бог, ему вся истина известна.
Не добровольно честь моя сдалась,
Но сломлена в бою.

Энобарб

(в сторону)

Да неужели?

Проверю у Антония.— Бедняга,
Такую течь ты дал, что нам пора
Бежать, беря пример с твоей дражайшей,
Не то с тобой мы все пойдем ко дну.

(Уходит.)

Тирей

Что Цезарю сказать, о чем ты просишь?
Едва ли сам не молит он тебя,
Чтоб ты позволила ему быть щедрым.
Он был бы счастлив, если б захотела
Ты сделать посох из его Фортуны
Себе в поддержку. С радостью он примет
Известье, что, Антония отвергнув,
Себя считать ты будешь под защитой
Владыки мира.

Клеопатра

Как тебя зовут?

Тирей

Тирей.

Клеопатра

Наиучтивейший посол,
Ты Цезарю великому скажи:
Его победоносную десницу

Целую я коленопреклоненно
И свой венец кладу к его ногам.
Из уст его, которым внемлет мир,
Я приговора для Египта жду.

Тирей

Вот благороднейшее из решений.
Когда со счастьем мудрость не в ладу,
Ей выгодней довольствоваться малым,
И будет ей случайность не страшна.
Даруй мне честь: знак выполнения долга
Дай на руке твоей запечатлеть.

Клеопатра

Когда-то Цезаря отец названный,
О будущих походах размышляя,
Любил играть рукою этой бедной,
Дождь поцелуев падал на нее.

Тирей целует ей руку.

Входят Антоний и Энобарб.

Антоний

Что вижу я? Юпитер громовержец! —
Ты кто такой?

Тирей

Я исполнитель воли
Могущественнейшего из людей,
Того, чьи повеления — закон.

Энобарб

(в сторону)

И всыпят же тебе сейчас.

Антоний

Эй, слуги! —
Вот как, мерзавец!.. Демоны и боги!..
Где власть моя? Бывало, крикну: «Эй!» —
И вразпуски мальчишечьей ватагой
Бегут ко мне цари: «Чего изволишь?»
Оглохли вы?

Входят слуги.

Еще Антоний я.
Взять этого шута и отстегать.

Энобарб
(в сторону)

Да, мучить издыхающего льва
Куда опасней, чем возиться с львенком.

Антоний

Луна и звезды! — Высечь негодяя!
Да если б два десятка государей,
Подвластных Цезарю... я б их велел...
За дерзкое прикосновение к этой...
Как звать ее — не Клеопатрой же.
Стегать его, пока, гримасы корча,
Не завопит он о пощаде. Взять!

Тирей

О Марк Антоний!..

Антоний

Взять его и высечь!
И привести назад. С моим посланьем
Он к господину своему вернется. —

Слуги уводят Тирея.

Полуотцветшей ты уже была,
Когда с тобой я встретился. Затем ли
Оставил я супружеское ложе,
Не захотел иметь детей законных
От редкостной жены, чтоб надо мной
Негодница смеялась, для которой
Что я, что первый встречный лизоблюд!

Клеопатра

Мой господин!

Антоний

Таким, как ты, нет веры!
Но если мы — увь! — в грехе погязли,
То боги нас карают слепотой,
Лишают нас способности судить
И нас толкают к нашим заблуждениям,
Смеясь над тем, как шествуем мы важно
К погибели.

Клеопатра

О! До того дошло?

А н т о н и й

Покойный Цезарь мне тебя оставил
Объедком. Что там Цезарь, — Гней Помпей
От блюда этого отведал тоже;
Уж не считаю многих безымянных,
Кого тебе случалось брать в постель
В минуты вожделья. Мне известно,
Что с воздержанием знакома ты
Лишь понаслышке.

К л е о п а т р а

О! Зачем ты так?

А н т о н и й

Позволить, чтоб угодливый холуй
Осмелился простецки обращаться
С твоей рукой, усладою моей,
Печатью царской, символом священным.
О, будь сейчас я на горе Базанской,
Перевел бы там стада быков!
Для бешенства есть повод у меня.
Сейчас мне так же трудно быть учтивым,
Как шее висельника — говорить
Спасибо палачу.

Возвращаются слуги с Тиреем,

Ну, отстегали?

П е р в ы й с л у г а

И как еще, мой господин.

А н т о н и й

Кричал он?

Молил простить?

П е р в ы й с л у г а

Помиловать просил.

А н т о н и й

Когда отец твой жив, пускай он плачет
О том, что ты ему не дочь, а сын;
И сам раскаивайся, что нестати
Пошел за Цезарем победоносным, —
За то и высечен. Как в лихорадке
Дрожи при виде белых женских рук.

Вернись же к Цезарю и Расскажи,
Как принят был. Да передай, смотри,
Что, кажется, рассердит он меня,
Бубня о том презрительно и чванно,
Чем стал я, но не помня, чем я был.
А рассердить меня легко теперь,
Когда моя звезда, сойдя с орбиты,
Готова кануть в бездну преисподней.
И если господину твоему
Поступок мой и речи не по вкусу,
То мой вольноотпущенник Гиппарх
В его руках, и Цезарю вольно
Побить его, пытать или повесить —
На выбор, чтоб со мною расквитаться.
Прочь! Уноси рубцы свои! Пошел!

Тирей уходит.

Клеопатра

Ну, все?

Антоний

Увы! Моя луна земная!

Затмилась ты, и это уж одно
Антонию паденье предвещает.

Клеопатра

Ты продолжай, я подождать могу.

Антоний

Чтоб Цезарю польстить, ты строишь глазки
Завязывальщику его сандалий.

Клеопатра

Меня ты плохо знаешь.

Антоний

Охладела?

Клеопатра

О милый! Если охладела я,
Лед сердца моего пусть превратится
По воле неба в ядовитый град
И первая же градина пускай
В меня ударит: с нею пусть растает
И жизнь моя. Пусть градина вторая

Убьет Цезариона. Пусть погибнут,
Затопленные бурей ледяной,
И дети все мои, и весь народ;
И пусть непогребенные тела
Останутся москитам на съеденье.

А н т о н и й

Довольно, верю я.
Итак, Александрию взять осадой
Задумал Цезарь. Здесь я с ним сражусь.
Дух наших войск еще не поколеблен,
Рассеянный наш флот опять слотился
И в боевой готовности.— Так где же
Ты было, мужество мое? — Послушай,
Коль не паду я в битве и смогу
Поцеловать еще раз эти губы,
Вернусь я, кровью вражеской забрызган
И в летопись мечом себя вписав.
Еще надежда есть!

К л е о п а т р а

Вот мой герой!

А н т о н и й

Утroyтся и мужество и сила,
Неистово сражаться буду я.
Во дни удач беспечных я врагов
Щадил нередко,— шуткой откупались.
Теперь же, зубы сжав, я буду в Тартар
Всех отсылать, кто станет на пути.
Давай же эту ночь мы, как бывало,
В веселье проведем.— Позвать ко мне
Моих военачальников унылых.—
Наполним чаши. Бросим вызов вновь
Зловещей полночи.

К л е о п а т р а

К тому же нынче
День моего рожденья. Я считала,
Что горьким будет он. Но если ты
Антоний вновь — я снова Клеопатра.

А н т о н и й

Еще повеселимся.

Клеопатра
Император
Велит военачальников созвать.

Антоний

Да, да. Объявим им. А к ночи пусть
Их шрамы от вина побагровеют.
Пойдем, моя царица. Не иссякла
Еще в нас сила жизни. В бой я ринусь,
И восхитится смерть, что столь же страшен
Мой меч, как страшная ее коса.

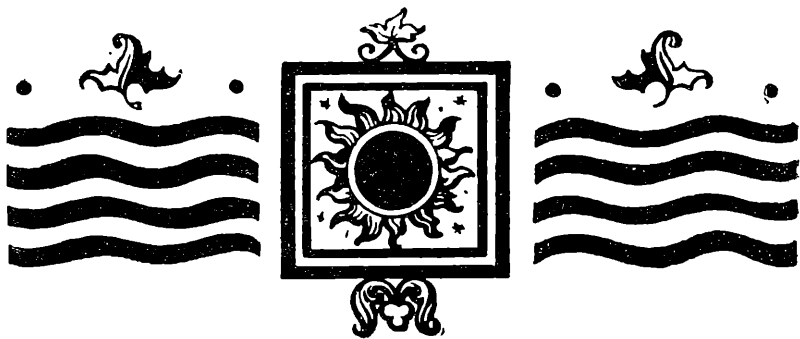
Антоний, Клеопатра и свита уходят.

Энобарб

Сейчас-то и пред молнией небесной
Он не моргнет. Назвать бы можно ярость
Боязнию страха. В этом состоянии
Способен голубь заклевать орла.
У полководца нашего отвага
Растет за счет ума. А если храбрость
Без разума, тогда бессилен меч.
Нет, кажется, пора его покинуть.

(Уходит.)





А К Т IV

СЦЕНА 1

Лагерь Цезаря близ Александрии.

Входят Цезарь с письмом в руке, Агриппа, Меценат
и другие.

Цезарь

Меня зовет мальчишкой, угрожает,
Как будто властен выгнать нас отсюда;
Велел дать розог моему послу;
Меня на поединок вызывает —
Антоний против Цезаря. Смешно!
Понять бы должен старый забияка,
Что если смерти стану я искать,
То к ней найду и без него дорогу.

Меценат

Уж раз безумствует такой титан —
Он, значит, загнан. И пока он в гневе,
Давать ему не надо передышки:
Кто разъярен, тот плохо бережется.

Цезарь

Военачальников оповестить,
Что завтра — день последнего сраженья.
В войсках у нас немало тех, кто раньше

Служил Антонию; пускай они
Его захватят. Приглядеть за этим.
Устроить пир для войск. Припасы есть,
А воины награду заслужили
За бранный труд. Да, жалок мне Антоний!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Александрия. Покой во дворце.

Входят Антоний, Клеопатра, Энобарб, Хармиана,
Ирада, Алексас и другие.

Антоний
(Энобарбу)

Так он от поединка отказался?

Энобарб

Да.

Антоний
Почему?

Энобарб

Он в десять раз счастливей,
Нельзя ж вдесятером на одного.

Антоний

Ну, завтра я на суше и на море
Ему дам бой. Иль я живым останусь,
Иль, умирающую честь омыв
Своею кровью, ей бессмертье дам.
Ты рвешься в бой?

Энобарб

Я в схватку брошусь с криком:
«А, пропади все пропадом!»

Антоний

Шутник! —

Созвать сюда моих домашних слуг.—

Входят слуги.

Нам вечером устройте пир на славу.—
Дай руку мне, ты верным был слугой.—

И ты.— И ты.— И ты.— Служили вы
Честнее мне, чем многие цари.

Клеопатра
(Энобарбу),

Что это значит?

Энобарб
(Клеопатре)

Горе иногда
Не прочь поиздеваться над рассудком.

Антоний

И ты был преданным слугой.— И ты.—
Хотелось бы мне поменяться с вами:
Пусть стал бы я толпою слуг, а вы —
Антонием одним, чтоб мог я так же
Вам послужить, как вы служили мне.

Слуги

Да не попустят боги!

Антоний

Ну, друзья,
Еще мне в этот вечер послужите.
Лишь опустеет чаша — наполняйте
И подчиняйтесь всем моим велениям,
Как если бы империя была
Еще, подобно вам, моей служанкой.

Клеопатра
(Энобарбу)

Чего он добивается?

Энобарб
(Клеопатре)

Их слез.

Антоний

Мне послужите нынче. Может быть,
На том конец настанет вашей службе
И не увидите меня вы больше
Иль, может быть, увидите мой труп.
Быть может, завтра новый господин
Приказывать вам будет. Потому

Я озираю вас прощальным взором.
Я, верные друзья, вас не гоню.
Нет, только смерть расторгнет наши узы.
Лишь два часа еще мне угождайте,
И боги вас за это наградят.

Э н о б а р б

Ты всех разжалобил. Гляди, ревут.
Я сам хорош — глаза на мокром месте.
Не стыдно, — превратил нас в баб.

А н т о н и й

Ну-ну!

Клянусь, что я не ожидал такого.
Пускай же милосердие возрастет
От этой влаги. — Добрые друзья,
Вы слишком мрачно поняли меня.
Хотел я дух поднять ваш; я хотел,
Чтоб факелами тьму вы разогнали.
Не сомневайтесь, в завтра верю я;
К победной жизни поведу я вас,
Не к смерти доблестной. Готовьте пир.
В вине утопим тягостные мысли.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же. Перед дворцом.
Входят двое солдат.

Первый солдат

Здорово, брат. Ну, что-то ждет нас завтра.

Второй солдат

Решится завтра все. Желаю счастья.
Ты ничего не слышал?

Первый солдат

Нет, а что?

Второй солдат

Пустые, верно, слухи. Доброй ночи.

Первый солдат

Того же, брат, желаю и тебе.

Входят еще двое солдат.

Второй солдат

Ну, братцы, нынче будьте начеку.

Третий солдат

Вы сами не зевайте. Доброй ночи.

Первый и второй солдаты становятся на стражу у дворца.

Четвертый солдат

А наше место здесь.

Третий и четвертый солдаты становятся на стражу с другой стороны.

Что ж, если завтра

Не оплошает флот, то я ручаюсь,

Что уж на суше мы одержим верх.

Третий солдат

Испытанное войско, храбрецы.

Звуки гобоев под сценой.

Четвертый солдат

Тсс! Что это?

Первый солдат

Ты слышишь?

Второй солдат

Что за звуки?

Первый солдат

Да... музыка...

Третий солдат

Звучит из-под земли.

Четвертый солдат

Хороший это знак?

Третий солдат

Боюсь, что нет.

Первый солдат
Да тише ты... Что б это означало?

Второй солдат
Бог Геркулес, которого Антоний
Считает покровителем своим,
Уходит прочь.

Первый солдат
Пойдем окликнем их,—
Слыхали ли они?
Подходят ко второму сторожевому посту.

Второй солдат
Ну, что здесь слышно?
Все
Вы тоже слышите? Что это значит?

Первый солдат
Чудно!
Третий солдат
Вы слышите? Вы тоже, братцы?

Первый солдат
Пойдем на звук, насколько позволяет
Нам наша служба.

Все
Что за чудеса!
Уходят.

С Ц Е П А 4

Там же. Покой во дворце.
Входят Антоний, Клеопатра, Хармиана и другие
приближенные.

Антоний
Мои доспехи, Эрос!
Клеопатра
Ляг, посни!

А н т о н и й

Пора, моя любовь.— Доспехи, Эрос!

Входит Э р о с с доспехами.

Одень меня в железо, добрый друг.—
Коль отвернется от меня удача,
То оттого, что я над ней смеюсь.—
Ну, надевай!

К л е о п а т р а

Дай мне! Я помогу.

Вот это для чего?

А н т о н и й

Не тронь, не тронь!

Ты сердца моего оруженосец.
Не то берешь, не то. Вот это, это.

К л е о п а т р а

Ага! Я помогу тебе. Вот так?

А н т о н и й

Так, так... Теперь мне битва нипочем.—

(Эросу.)

Ну, друг, учись. Ты тоже снаряжайся.

Э р о с

Сейчас.

К л е о п а т р а

Ведь так я латы застегнула?

А н т о н и й

Так, так. Прекрасно! И не сдобровать
Тому, кто к ним притронется без спросу.—
Копаясь ты, Эрос. Погляди,
Как ловок мой оруженосец новый.
Не мешкай.— Если б ты, моя любовь,
Могла взглянуть на нынешнюю битву
И если б в этом царственном занятии
Ты смыслила, увидела бы ты,
Что значит воинское мастерство.

Входит вооруженный солдат.

А, здравствуй, воин. С первого же взгляда

Я храбреца умею распознать.
К любимому труду встаем мы рано
И отдаемся с радостью ему.

С о л д а т

Знай, император,— хоть и ранний час,
Но тысячи закованных в броню
Стоят и ждут тебя на побережье.

Крики. Звуки труб.

Входят военачальники и солдаты.

В о е н а ч а л ь н и к

Уж рассвело.— Да здоровствует наш вождь!

В с е

Да здоровствует наш вождь!

А н т о н и й

Я рад, друзья,
Что в ваших кликах ощущаю бодрость.
Какой рассвет стремительный и ясный,
Как отрок, чья судьба — героем стать.—
Подай еще воп то. И это. Все.
Прощай, царица. Что мне суждено,
Как знать? Прими мой поцелуй солдата.
Сейчас постыдно было б изощряться
В учтивых пошлостях. С тобой прощаюсь,
Как мне велит простая эта сталь.—
Вы, полные решимости сразиться,—
За мною! Я вас поведу.— Прощай!

Антоний, Эрос, военачальники и солдаты уходят.

Х а р м и а н а

Позволь свести тебя в опочивальню.

К л е о п а т р а

Пойдем. Отважно он повел войска.
Ах, если бы исход борьбы великой
Определиться мог в единоборстве,
Тогда б Антоний... А теперь... Пойдем.

Уходят.

СЦЕНА 5

Лагерь Антония близ Александрии.

Трубы. Входят Антоний и Эрос и встречаются со старым солдатом.

Солдат

Пускай тебе пошлют удачу боги.

Антоний

О, если бы тогда я, вняв тебе
И этим шрамам, битву дал на суше!

Солдат

Да, были бы с тобой и посейчас
Отпавшие щари и твой сподвижник,
Покинувший тебя сегодня утром.

Антоний

Сегодня утром? Кто же это?

Солдат

Кто?

К тебе ближайший. Крикни: «Энобарб!» —
И не получишь отклика. А может,
Из Цезарева лагеря услышишь:
«Тебе я больше не служу».

Антоний

Ты что?

Солдат

Он к Цезарю перебежал.

Эрос

Властитель,

Его сокровища остались здесь.

Антоний

Перебежал?

Солдат

Ручаюсь головой.

Антоний

Ну что же, Эрос, отошли ему
Его сокровища, все до крупицы,

И напиши, что я прощаюсь с ним,
Желаю счастья и надеюсь крепко,
Что больше не придется господина
Ему менять. Я подпишу письмо.—
О злой мой рок! Ты честных превращаешь
В предателей.— Ступай.— Эх, Энобарб!

Уходят.

СЦЕНА 6

Лагерь Цезаря близ Александрии.

Трубы. Входят Цезарь, Агриппа, Энобарб и свита.

Цезарь

Пора, Агриппа, начинать сражение.
Оповести, что мы желаем взять
Антония живым.

Агриппа

Оповещу.

(Уходит.)

Цезарь

Уж недалеко от нас желанный мир.
Мы победим, и все три части света
Покроет сень оливковых ветвей.

Входит гонец.

Гонец

Антоний выступил.

Цезарь

Скажи Агриппе,
Чтобы в передние ряды поставил
Всех перебежчиков. Тогда Антоний
Обрушит первый натиск на своих.

Цезарь со свитой уходит.

Энобарб

Алексас изменил. Его Антоний
Отправил с порученьем в Иудею,

Но там он Ирода подговорил
Переметнуться к Цезарю. А Цезарь
В награду приказал его распять.
Канидия с товарищами Цезарь
На службу взял, но им не доверяет.
Я сделал подлость, и за это мне
Не видеть больше радости вовеки.

Входит солдат Цезаря.

С о л д а т

Эй, Энобарб, прислал тебе Антоний
Твои сокровища и, сверх того,
Еще дары. Иди к своей палатке,
Там посланный развьючивает мулов.

Э н о б а р б

Все можешь взять себе.

С о л д а т

Ты шутки брось.
Я правду говорю. Тебе бы надо
Обратно посланного проводить,—
Мне отлучиться-то с поста нельзя.
Твой император щедр, как сам Юпитер.

Э н о б а р б

Гнусней, чем я, людей на свете нет.
И сам я это знаю. О Антоний!
Ты кладешь щедрости. Что дал бы ты
За верность долгу, если за измену
Ты осыпаешь золотом меня?
Налито сердце болью. Если вскоре
Отчаянье его не разорвет,
Найду для этого вернее средство.
Но хватит и отчаянья, я знаю.
С Антонием сражаться? Нет, пойду
И поищу зловонную канаву,
Чтоб там издохнуть. Чем она грязнее,
Тем лучше для позорного конца.

Уходят.

СЦЕНА 7

Поле боя, между двумя лагерями. Шум битвы. Трубы и барабаны.

Входит Агриппа с военачальниками.

Агриппа

Мы слишком углубились. Отходить!
Сам Цезарь вел сражение. От врага
Такого натиска не ждали мы.

Уходят.

Шум битвы. Входят Антоний и раненый Скар.

Скар

Вот, император, битва так уж битва!
Нам сразу бы ударить, и давно бы
Погнали их, расквасив им носы.

Антоний

Ты весь в крови.

Скар

Две раны были рядом,
Как буква «Т», но третью получил —
И стала буква «Н».

Антоний

А, отступают!

Скар

Мы выбросим их в сточную канаву!
На теле места хватит у меня
Еще для полудюжины зарубок.

Входит Эрос.

Эрос

Они бегут, и можно наш успех
Считать победой.

Скар

В спину их рубить!
Преследовать их по пятам, как зайцев!
Потехи лучшей нет, чем трусов гнать.

Антоний

Я награжу тебя за нрав веселый

И вдесятеро больше — за отвагу.
Идем!

С к а р

Хоть на одной ноге — идем!

Уходят.

С Ц Е Н А 8

У стен Александрии.

Шум битвы. Входят Антоний и Скар с войском.

А н т о н и й

Мы их отбросили назад, в их лагерь.—
Эй, кто-нибудь,— оповестить царицу.
Еще и солнце завтра не успеет
На нас взглянуть, а мы из жил врага
Уж выпустим оставшуюся кровь.—
Благодарю. Все бились так отважно,
Как если бы не долг свой выполняли,
Не за меня дрались, но за себя.
Вы Гекторы. Теперь ступайте в город,—
Обняв друзей и жен, им расскажите
О подвигах своих. Пусть смоят с вас
Счастливыми слезами кровь и пот
И поцелуями залечат раны.

(Скару.)

Дай руку мне.

Входит Клеопатра со свитой.

Я о твоём геройстве

Великой чаровнице расскажу,
Чтоб от нее услышал ты спасибо.—
Любимица вселенной! Обними
Мою железом стиснутую шею.
Проникни в царственном своем уборе
Сквозь толщу лат мне к сердцу и внеми:
То стук твоей победной колесницы.

К л е о п а т р а

О мой герой! Храбрец из храбрецов!
О воплощение мужества и силы!
С улыбкой ты вернулся, разорвав
Тенета злой судьбы.

Антоний

Мой соловей!

Мы спать навеки уложили многих.
Любимая, хоть в волосах моих
Мелькает седина, все ж не совсем
Иссяк мой ум, источник нашей мощи,
Еще с юнцом могу я потягаться.

(Указывая на Скара.)

Вот кто герой. В знак милости особой
Ты руку вверх свою его губам.—
Целуй, храбрец!— Он бился нынче так,
Как будто некий бог в него вселился,
Решивший род людской искоренить.

Клеопатра

В награду от меня получишь, друг;
Ты золотые царские доспехи.

Антоний

Да будь они, как колесница Феба,
В рубинах все — он заслужил подарок.
Дай руку мне. Пройдем Александрию
Победным маршем, с гордостью неся
Свои щиты, изрубленные в битве.
Жаль, в наш дворец все войско не влезет,
А то бы сели мы за общий стол
И выпили в честь завтрашнего боя,
Который судьбы царств определит.—
Эй, трубачи, пусть медный голос труб,
Соединившись с грохотом литавр,
Весь город оглушит. Пусть этим гулом
Приветствуют нас небо и земля.

Уходят.

СЦЕНА 9

Лагерь Цезаря.

Солдаты стоят на страже. Входит Энобарб.

Первый солдат

Нас сменят через час. А если нет,
Вернуться в караульную мы должны.
Ночь лунная, и в два часа утра,
Как говорят, возобновится битва.

Второй солдат
Вчера, признаться, туго нам пришлось.

Энобарб
О ночь, тебя в свидетели беру!..

Третий солдат
Кто это там?

Второй солдат
Постой-ка... Дай послушать.

Энобарб
О ты, луна, свидетельницей будь!
И в час, когда изменников помянут
С презрением потомки, подтверди,
Что каялся несчастный Энобарб
Перед тобою.

Первый солдат
Энобарб!

Третий солдат
Тсс... Слушай.

Энобарб
Державная властительница скорби!
Впитай разлитую в ночи отраву
И выжми на меня — пусть жизнь моя,
Что с волею в разладе, оборвется.
Разбей иссушенное горем сердце
О камень преступления моего
И этим положи предел тоске.
О ты, Антоний, чье великодушие
Огромнее, чем низость Энобарба,—
Прости, как человеку человек,
А мир пускай меня заносит в список
Изменников и трусов. О Антоний!
Антоний!..

(Умирает.)

Второй солдат
Может, нам его окликнуть?

Первый солдат

Послушаем. Вдруг скажет он такое,
Что Цезарю полезно будет знать.

Третий солдат

Послушаем. Но он заснул как будто.

Первый солдат

Скорей в беспамятстве. Ведь перед сном
Таких молитв ужасных не творят.

Второй солдат

Разбудим-ка его.

Третий солдат

Проснись! Проснись!
Эй, отзовись!

Второй солдат

Откликнись, эй! Ты слышишь?

Первый солдат

Смерть снапала его.

Барабанный бой вдали.

Чу! Барабан —

Негромким рокотом он будит спящих.
Пора. Труп в караульную отнесем.
Он человек не из простых.

Третий солдат

Пойдемте.

А может быть, еще очнется он.

Солдаты уходят, унося труп Энобарба.

СЦЕНА 10

Поле боя, между двумя лагерями. Входят Антоний и Скарс войсками.

Антоний

Они готовятся к морскому бою.
На суше, звать, мы им не по нутру.

Скар

Готовятся на море и на суше.

А н т о н и й

Хотя бы в воздухе, хотя б в огне!
Мы всюду им дадим отпор. Но к делу.
Пехоту под командованием нашим
Близ города поставим, на холмах.
Флот получил приказ и вышел в море,
Нам будут хорошо видны отсюда
Маневры кораблей.

Уходят.

Входит Цезарь с войском.

Цезарь

Пока они на нас не нападут,
Не двигаться. А нападут навряд ли:
Цвет войска он послал на корабли.
На поле! Знайте, что успех за нами.

Уходят.

Возвращаются Антоний и Скар.

А н т о н и й

Наш флот и вражеский почти сошлись.
С пригорка, где сосна, все видно лучше.
Взгляну и сразу же вернусь к тебе.

(Уходит.)

Скар

Между снастей царицыной галеры
Гнездо слепили ласточки. Авгуры
Отмалчиваются; их вид зловещ.
Антоний то отважен, то растерян.
Подточенное счастье то ласкает
Его, как встарь, надеждой на победу,
То гибелью пугает.

Вдали шум морского сражения.

Возвращается Антоний.

А н т о н и й

Все пропало!

Я предан этой подлой египтянкой.
Флот перешел на сторону врага.
Смотри — они кидают шапки вверх
И вместе пьют, как старые друзья.
О тварь второйне продажная! Мальчишке

Меня ты предала. Теперь с тобой,
С тобой одной мое воюет сердце.—

(Скару.)

Войска распустишь. Мне одно осталось:
Свести с колдуньей счеты. И — конец.
Войска распустишь. И спасайся сам.

Скару уходит.

О солнце! Мне уж больше не увидеть,
Как ты восходишь. Счастье и Антоний
Здесь, расставаясь, руки жмут друг другу.
Вот он — конец. Приверженцы мои,
Отказа не слышавшие ни в чем,
Лизавшие мне пятки по-собачьи,
Сиропом растеклись и влить спешат
Нектар в цветенье Цезаря. А кедр,
Который поднимался выше всех,
Стоит с ободранной корой. Я предан.
О лживая египетская тварь!..
О колдовство! Ей стоило взглянуть —
И я бросал свои войска в сраженья.
Подумать, что ее объятья были
Венцом моих желаний, целью жизни!
И вот она, как истая цыганка,
Меня мошеннически обыграла,
И нищим стал я.— Эрос! Эй, ко мне!

Входит Клеопатра.

Ты, ведьма? Прочь!

Клеопатра

За что мой повелитель
Так гневается на свою любовь?

Антоний

Сгинь! Или расплачусь с тобой за все
И Цезарю триумф его испорчу.
А надо бы, чтоб выставил тебя
Он на потеху озверелой черни;
Чтоб за его победной колесницей
Тащила ты, как грязный ком, которым
Запятнан женский пол; чтобы тебя
Как чудище за мелкую монету
Показывали каждому зеваке.

Пусть погги, ждущие уже так долго,
Октавия вонзят в твое лицо!

Клеопатра уходит.

Себе самой на благо ты ушла,
Конечно, если только жизнь есть благо.
Но, в гневе умертвив тебя, я спас бы
Тебя от множества смертей.— Эй, Эрос! —
На мне рубашка Несса. Геркулес!
Вдохни в меня неистовство твое!
Хочу раба на лунный серп закинуть.
Хочу тяжелой палицей твоей
Покончить с самым дорогим на свете.
Смерть ведьме! Продала меня мальчишке...
Я жертва заговора... Но она
Должна за это умереть.— Эй, Эрос!
(Уходит.)

СЦЕНА 11

Александрия. Покой во дворце.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ирада и Мардиан.

Клеопатра

Скорее! Помогите! Он бушует
Сильней, чем Теламон из-за щита.
Он яростней, чем Фессалийский вепрь.

Хармиана

Ты в царской усыпальнице укройся,
Антонию мы скажем — ты скончалась.
Властителю с величием распрощаться
Труднее, чем душе расстаться с телом.

Клеопатра

Да, в усыпальницу.— Ты, Мардиан,
Ступай к нему и Расскажи, что я
Покончила с собой; что перед смертью
В последний раз шепнула я: «Антоний».
Разжалоби его. И поспеши
Мне рассказать, как смерть мою он принял.
Ступай.— Ну, в усыпальницу. Скорей!

Уходят.

С Ц Е Н А 12

Там же. Другой покой.

Входят Антоний и Эрос.

А н т о н и й

Ты думаешь, перед тобой Антоный?

Э р о с

Да, господин.

А н т о н и й

Бывает иногда,

Что облако вдруг примет вид дракона,
Что пар сгустившийся напоминает
Медведя, льва иль крепостную стену,
Нависшую скалу иль горный кряж,
Иль синеватый мыс, поросший лесом.
Так воздух нам обманывает зренье.
Ты в сумраке вечером наблюдал
Такие чудеса?

Э р о с

Да, господин мой.

А н т о н и й

Перед тобою — конь, и вдруг мгновенно
Он в облаках теряет очертанья
И, как вода в воде, неразличим...

Э р о с

Бывает, господин мой.

А н т о н и й

Добрый Эрос,

И я теперь — такой же зыбкий призрак.
Еще Антоний я, но этот образ
Теряется. Не ради ли Египта
Я вел войну? Так вот, его царица
(Чье сердце, думал я, мне вручено,
Как ей мое, и с ним миллион других,
Уже утраченных), так вот, царица
Мошеннически, за моей спиной
С моим противником вступила в сделку
И славу продала мою, купив

Ему триумф! Не плачь, еще живу я,
Чтоб самому избрать себе конец.

Входит Мардиан.

Эй ты! Твоя бесчестная царица
Меч у меня украла.

Мардиан

Нет, Антоний,
Тебя любила госпожа моя,
Свою судьбу сплела она с твоею.

Антоний

Молчи, наглец! Пошел отсюда вон!
Злодейка предала меня и жизнью
Поплатится за это.

Мардиан

Человек

Не может дважды поплатиться жизнью.
Царицей этот долг уже уплачен.
Ты пожелал, — свершилось; не трудись.
И вот ее прощальные слова:
«О доблестный Антоний! Мой Антоний!...»
И слог последний был оборван стоном
На полпути меж сердцем и устами.
Уйдя из жизни с именем твоим,
Она его в себе похоронила.

Антоний

Так умерла она?

Мардиан

Да, умерла.

Антоний

(Эросу)

Сними с меня доспехи. Вот и кончен
Мой труд дневной, и я могу уснуть
(Мардиану.)

Скажи спасибо, что остался цел,
И это слишком щедрая награда.

Мардиан уходит.

Снимай! — И семислойный щит Аякса

От этого удара не спасет.
Пора. Грудь, разорвись! Стань, сердце, тверже,
Чем хрупкое вместилище твое,
Разбей его.— Как мешкаешь ты, Эрос! —
Да, я свое отвоевал. Прощайте,
Мои в боях иссеченные латы,
Я с честью вас носил.

Э р о с уходит.

Разлучены

С тобой мы ненадолго, Клеопатра.
Я вслед спешу, чтоб выплакать прощенье.
Так надо, ибо промедленье — пытка.
Погас светильник,— значит, время спать.
В борьбе нет смысла, даже мощь годится
Лишь на одно: на самоистребленье.
Конец. Осталось приложить печать.—
Ко мне, мой Эрос! — Я иду, царица.—
Эй, Эрос! — Подожди, моя любовь,
В счастливые сады блаженных душ
Мы радостно, рука с рукою, вступим,
И духи восхищенной толпой
Нас окружают,— мы переманим свиту
Дидоны и Энея.— Эрос! Эрос!

Входит Э р о с.

Э р о с

Чего желает повелитель мой?

А н т о н и й

Раз умерла она, мне жить — бесчестье.
Я малодушием гневлю богов.
Как! Я, кто мир мечом перекроил,
Кто у Нептуна на спине зеленой
Построил города из кораблей,
Я мужеством от женщины отстал,
Ей отдал первенство в величье духа!
Ведь, смерть избрав, врагу она сказала:
«Я лишь самой собой побеждена!»
Ты, Эрос, дал мне клятву: если вдруг
Случится так (и вот теперь случилось),
Что встанут предо мной неотвратимо
Паденье и позор,— по первой просьбе
Ты умертвишь меня. Что ж, час настал.

Нет, не бледней — ты не меня сразишь,
Ты Цезарю его триумф испортишь.

Э р о с

О боги! Мне, мне посягнуть на жизнь,
Которую щадили, отклоняясь
От верной цели, тьмы парфянских стрел?

А н т о н и й

А ты предпочитаешь любоваться
Из римского окна, как господин твой
Со скрученными за спиной руками,
Согнувшийся под бременем стыда,
Бредет за триумфальной колесницей?
Как Цезарь, упоенный торжеством,
Над пленником униженным смеется?

Э р о с

Нет, ни за что!

А н т о н и й

Тогда решайся, друг!
Удар смертельный — вот мое лекарство.
Так обнажи свой меч, которым ты
Немало потрудился для отчизны.

Э р о с

О пощади меня, мой господин!

А н т о н и й

Когда тебя я отпускал на волю,
Ты клятву дал, что это совершишь,
По первому приказу. Сделай это,
Иначе прошлые твои заслуги
Я ставлю ни во что. Ну, вынь свой меч.

Э р о с

Тогда хоть отверни свое лицо,
Слепящее сияньем вечной славы.

А н т о н и й

Пусть будет так.

Э р о с

Вот... меч я обнажил.

А н т о н и й

Исполни же, что должен ты исполнить.

Э р о с

Мой господин, мой вождь, мой император,
Позволь мне, прежде чем удар кровавый
Я нанесу, сказать тебе «прости».

А н т о н и й

Прощай.

Э р о с

Прощай, славнейший полководец!
Велишь мне нанести удар?

А н т о н и й

Да, Эрос.

Э р о с

Пу что ж, тогда...

(Бросается на свой меч.)

По крайней мере так
Антония я не увижу мертвым.

(Умирает.)

А н т о н и й

Ты благороднее меня втройне.
Ты дал урок мне, мужественный Эрос.
Моя царица, мой оруженосец,
Вы подали мне доблести пример.
Но ведь и я со смертью уж помолвлен
И к ней стремлюсь на брачную постель.
Твой повелитель, Эрос, умирает
Твоим учеником: ты показал мне,
Как жизнь кончают.

(Бросается на меч.)

Что? Я жив? Я жив? —

Эй, стража!.. О... прикончите меня!..

Входит Деркет и стража.

Первый солдат

Что здесь за шум?

А н т о н и й

Я сделал лишь полдела.
Докончите, что начал я, друзья.

Второй солдат
Звезда скатилась.
Третий солдат
Вот конец времен.
Все

О горе!

Антоний
Из любви ко мне — убейте.

Первый солдат
Я не могу.
Второй солдат
И я.

Третий солдат
Никто из нас.

Солдаты уходят.

Деркет
Злой рок и смерть твоя велят бежать
Твоим приверженцам.

(Поднимает меч Антония.)

А этот меч
И весть о совершившемся откроют
Мне доступ к Цезарю.

Входит Диомед.

Диомед
Где Марк Антоний?
Деркет
Здесь. Вот он, Диомед.

Диомед
Он жив еще?
Ты что не отвечаешь?

Деркет уходит.

Антоний
Диомед,
Прошу, добей меня своим мечом.

Диомед

О величайший вождь! Меня послала
К тебе моя царица, Клеопатра.

Антоний

Когда? Скажи!

Диомед

Сейчас лишь.

Антоний

Где она?

Диомед

Укрылась в усыпальнице царей.
Предчувствие шепнуло ей, что здесь
Произошло несчастье. Убедившись,
Что ты несправедливо заподозрил
Ее в предательстве и что твой гнев
Нельзя смягчить, она тебе послала
Известье о своей кончине мнимой.
Но, опасаясь горестных последствий,
Она велела мне открыть тебе
Всю истину. Боюсь, что слишком поздно.

Антоний

Да, слишком поздно, добрый Диомед.
Услугу окажи мне: кликни стражу.

Диомед

Эй, кто там! Императорская стража!
Скорее! Полководец вас зовет.

Входит стража.

Антоний

В последний раз мне сослужите службу,
Друзья мои,— снесите к Клеопатре.

Первый солдат

О горе нам! Зачем ты, император,
Не пережил приверженцев своих?

Антоний

Соратники мои, своим уныньем
Не радуйте жестокую судьбу.

С улыбкою удар ее встречая,
Вы этим ей наносите удар.
Ну, поднимайте. Я водил вас часто,
Меня нести теперь вам довелось.
Спасибо вам за все.

Уходят, унося Антония.

СЦЕНА 13

Там же. Царская усыпальница.

Входят наверху Клеопатра, Хармиана и Ирада.

Клеопатра

О Хармиана! Мне не суждено
Отсюда выйти.

Хармиана

Госпожа, утешься.

Клеопатра

Нет, не хочу. Готова я принять
Ужасные события, роковые,
Но утешенья... Нет их для меня.
Должна быть соразмерна скорбь моя
Ее причине.

Входит внизу Диомед.

Говори! Он умер?

Диомед

Он жив еще, но смерть над ним витает.
Взгляни — и ты увидишь, как солдаты
Несут его сюда.

Входят внизу солдаты, несущие Антония.

Клеопатра

О солнце! Небеса испепели!
Пусть вечный мрак вселенную объемлет.
Антоний! О Антоний! О Антоний!..
Сюда, друзья! Да помогите ж им,
Ирада, Хармиана! Помогите
Внести его сюда, наверх.

А н т о н и й

Молчанье!

Не Цезарь сверг Антония. Антоний
Сам над собой победу одержал.

К л е о п а т р а

Конечно, так. Антония осилить
Один Антоний мог... Но горе нам!

А н т о н и й

Моя царица... Смерть, смерть ждет меня,
И я ей докучаю промедленьем
Лишь для того, чтоб на твоих устах
Сверх многих тысяч прежних поделуев
Запечатлеть последний поцелуй...

К л е о п а т р а

Нельзя к тебе спуститься мне, любимый.
Прости, нельзя: вдруг схватят там меня.
Удачливому Цезарю не дам
Его триумф украсить Клеопатрой.
Пока есть у кинжала острие,
И сила смертоносная у яда,
И жало у змеи — я не боюсь:
Смиренища Октавия меня
Презреньем ханжеским не обольет...
Сюда, ко мне, ко мне, Антоний мой! —
Вы, девушки, и вы, друзья, — поднимем
Его наверх.

А н т о н и й

Скорей. Я умираю.

К л е о п а т р а

Мне на руках носить тебя пришлось, —
Такой забавы мы еще не знали.
О мой возлюбленный, как ты тяжел!
Вся мощь твоя преобразилась в тяжесть.
Будь я Юноной, подвял бы тебя
На небеса Меркурий сильнокрылый
И рядом бы с Юпитером воссел ты.
Так, так...—Но о несбыточном мечтают
Одни глупцы...— Вот так... сюда... вот так.

Антония поднимают наверх.

Ко мне... Ты встретишь смерть, где жизнь нашел.
Я поцелую оживлю тебя.
О, будь у губ моих такая сила,
Я поцелуями бы их истерла.

В с е

О горе!

А н т о н и й

Умираю... умираю...
Дай мне глотнуть вина... Хочу сказать...

К л е о п а т р а

Нет, я хочу сказать. Я прокляну
Так яростно Фортуну, злую пряху,
Что колесо свое она сломает.

А н т о н и й

Постой, любимая... Проси, чтоб Цезарь
Тебе оставил жизнь и честь... О-о!

К л е о п а т р а

Нельзя две эти вещи совместить.

А н т о н и й

Послушай, дорогая... Никому
Из приближенных Цезаря не верь,
Лишь Прокулею...

К л е о п а т р а

Цезаревым слугам
Я доверять не стану. Доверяю
Своей решимости, своим рукам.

А н т о н и й

Не надо сокрушаться о плачевном
Моем конце. Пускай тебя утешат
Воспоминанья о счастливых днях,
Когда прославленнейшим, величайшим
Я был среди властителей земных.
Я умираю не позорной смертью.
Я не склонился, сняв трусливо шлем,
Пред соплеменником победоносным,
Но принял смерть как римлянин, который
Был римлянином честно побежден...
Отходит дух мой... Больше не могу...

Клеопатра

Как! Ты умрешь, славнейший из мужей?
А я? Меня оставишь прозябать
В постылом этом мире? Без тебя
Он — хлев свиной.

Антоний умирает.

О девушки, взгляните!
Венец вселенной превратился в прах.—
Любимый! — О!.. Увял победный лавр.
Повержен наземь воинский штандарт.
До уровня подростков несмышленных
Род снизился людской. Ушло геройство,
И не на что глядеть теперь луне,
Взирающей с небес.

Хармиана

О госпожа!

Не надо так!

Ирада

Она мертва.

Хармиана

Царица!

Ирада

Царица!

Хармиана

Госпожа моя! Царица!

Ирада

О повелительница египтян!

Властительница!

Хармиана

Тсс... Ирада, тише!

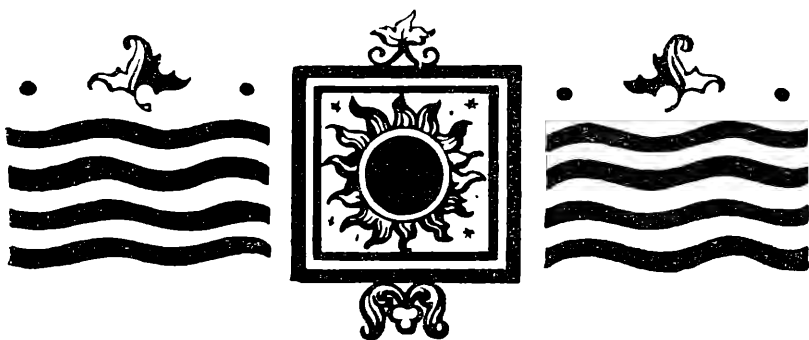
Клеопатра

Нет, не царица; женщина, и только.
И чувства так же помыкают мной,
Как скотницей последней... О, швырнуть бы
Богам бездушным скипетр мой в лицо
И крикнуть, что и я была богиней,
Пока они алмаз мой не украли!..

Нет сил терпеть. Грызет меня страданье,
Как пес взбесившийся. Так разве грех
Войти в заветное жилище смерти
Незваной гостьей? — Девушки, что с вами?
Мужайтесь! Что с тобою, Хармиана?
О милые мои! — Померкло все.
Иссяк источник света.— Соберите
Все ваше мужество, солдаты. С честью
Вождя мы похороним, а потом,
Как римлянам бесстрашным подобает,
Заставим смерть объяты нам открыть.
Как холодна немая оболочка,
В которой прежде жил могучий дух!
Нет больше друга, он ушел от нас,
Но мы его нагоним в смертный час.

Уходят, унося тело Антония.





А К Т V

СЦЕНА 1

Лагерь Цезаря близ Александрии.

Входят Цезарь, Агриппа, Долабелла, Меценат, Галл,
Прокулей и другие.

Цезарь

Скажи, чтоб он сдавался, Долабелла.
Разгромлен он; его сопротивление
Бессмысленно.

Долабелла

Я повинуюсь, Цезарь.

(Уходит.)

Входит Деркет с мечом Антония в руках.

Цезарь

Ты кто такой? Как смел ты появиться
Пред нами с окровавленным мечом?

Деркет

Меня зовут Деркет. Служил я честно
Антонию, который, как никто,
Заслуживал, чтобы ему служили.
Пока он мог стоять и говорить,
Он был мне господином. Жизнь свою
Я не щадил в борьбе с его врагами.

Захочешь взять меня к себе на службу,—
Тебе я буду верен, как ему.
А нет,— ты властен над моею жизнью.

Цезарь

Что это значит?

Деркет

Что Антоний мертв.

Цезарь

Не может быть. Обвал такой громады
Вселенную бы грохотом потряс.
Земля должна была бы, содрогнувшись,
На городские улицы швырнуть
Львов из пустынь и кинуть горожан
В пещеры львиные. Его кончина
Не просто человеческая смерть.
Ведь в имени «Антоний» заключалось
Полмира.

Деркет

Да. И все же умер он.
Он пал не от секиры правосудья,
Не от наемного кинжала. Нет,
Та самая рука, которой он
В историю вписал свои деянья,
Найдя решимость в мужественном сердце,
Пронзила это сердце. Поглядите,
Вот выпутый из раны меч; на нем
Застыла благороднейшая кровь.

Цезарь

Друзья, вы все омрачены печалью.
Клянусь богами, что такой рассказ
Достоин царских слез.

Агриппа

Как это странно,
Что достижение нашей высшей цели
Оплакивать природа нам велит.

Меденат

Его достоинства и недостатки
Боролись в нем с успехом переменным.

Агриппа

Он человеком был редчайших качеств;
Пороки же богами нам даны,
Чтоб сделать нас людьми, а не богами.
Как Цезарь потрясен!

Меценат

Пред ним открылось
Огромнейшее зеркало, и в нем
Увидел он себя.

Цезарь

Увы, Антоний,
Вот до чего ты мною доведен!
Но что же делать, если нам пришлось
На теле собственном вскрывать нарывы?
Один из нас погибнуть должен был —
Двоим нам было тесно во вселенной.
И все ж позволь оплакать мне тебя
Тяжелыми слезами, кровью сердца.
Позволь, мой брат и сотоварищ мой
По общим начинаниям и власти,
Соратник мой и друг на бранном поле,
Полтела моего и полдуши,—
Позволь печалиться о том, что нас
Так далеко друг с другом развели
Непримиримые созвездья наши.—
Я расскажу вам, добрые друзья...
Нет, не сейчас, потом, в другое время.

Входит гонец.

Я на его лице могу прочесть,
С чем он пришел. Послушаем.— Ты кто?

Гонец

Я египтянин. Госпожа моя,
Царица Клеопатра, заперлась
В единственном теперь своем владенье,
В гробнице, и твоих приказов просит,
Чтоб знать, какая ждет ее судьба.

Цезарь

Скажи — пускай она отбросит страх.
Один из наших приближенных вскоре

Ей возвестит, как мягки и почетны
Решенья наши для нее. Ведь Цезарь
И невеликодушье — несовместны.

Г о н е ц

Ты будешь взыскан милостью богов.

(Уходит.)

Ц е з а р ь

Сейчас же, Прокулей, ступай к царице,
Скажи, что не грозит ей унижение.
Что хочешь обещаешь, лишь бы она
Из гордости себя не умертвила
И не расстроила бы наши планы.
Ведь если в Рим живой ее доставим,
Запомнится навеки наш триумф.
Итак, ступай и тотчас возвращайся
С ее ответом.

П р о к у л е й

Повинуюсь, Цезарь.

(Уходит.)

Ц е з а р ь

Ступай и ты с ним, Галл.

Г а л л уходит.

Где Долабелла?

Пускай идет он тоже.

Агриппа и Меценат

(вместе)

Долабелла!

Ц е з а р ь

Не надо — вспомнил я, что с порученьем
Он послан мной и скоро будет здесь.
Теперь прошу за мной, в мою палатку.
Я покажу вам письма, по которым
Вы сможете судить, как был я сдержан,
Как был миролюбив, и убедитесь,
Что я невольно втянут был в войну.
Идемте же со мной.

Уходят.

СЦЕНА 2

Александрия. Царская усыпальница.

Входят наверху Клеопатра, Хармиана и Ирада.

Клеопатра

Несчастье мне дает уроки жизни.
Властитель мира Цезарь жалок мне:
Он не вершит судьбу, он раб судьбы;
Он лишь ее приказы выполняет.
Велик же тот, кто волею своей
Все оборвал; кто обуздал случайность,
Остановил движение и уснул,
Чтобы забыть навеки вкус навоза,
Питающего нищих и царей.

Входят внизу Прокулей, Галл и солдаты.

Прокулей

Владычице Египта Цезарь шлет
Приветствие и просит, чтоб она
Ему свои желанья сообщила.

Клеопатра

Как звать тебя?

Прокулей

Зовусь я Прокулеем.

Клеопатра

Антоний называл мне это имя,
Сказав, чтоб я доверилась тебе.
Но раз уже не страшен мне обман,—
И честность обесценилась. Что ж, если
Твой повелитель хочет, чтоб царица
Просила подаянья, то скажи,
Что подаянья меньшего, чем царство,
Просить не подобает государям.
А потому, коль сыну моему
Отдаст он завоеванный Египет,
Благодарить я буду на коленях
За то, что он мое мне подарил.

Прокулей

Страх отгони, ты в царственных руках.
На Цезаря ты можешь положиться:

Он полон милосердия и рад
Излить его на тех, кто обездолен.
Позволь мне передать ему, что ты
Вверяешься его благоволению,
И твой великодушный победитель,
Подняв тебя с колен, попросит сам,
Чтоб от него ты помощь приняла.

К л е о п а т р а

Скажи, что перед счастьем его
Склоняюсь я, что признаю за ним
Могущество, которого достиг он,
Что я учусь искусству подчиняться
И Цезаря мечтаю увидеть.

П р о к у л е й

Все передам, пресветлая царица.
Утешься. Знай, что бед твоих виновник
Сочувствует тебе.

Прокулей и двое солдат взбираются на верхний этаж усыпальницы по приставной лестнице и окружают Клеопатру. Другие солдаты отодвигают засовы и распахивают двери усыпальницы.

Г а л л

Ее мы захватили без труда.
Стеречь, покамест не прибудет Цезарь.
(Уходит.)

И р а д а

Державная царица!

Х а р м и а н а

Клеопатра!
Царица! Ты захвачена врагами!..

К л е о п а т р а

(выхватывая кинжал)

Скорей, моя рука!

П р о к у л е й

(обезоруживая ее)

Постой, царица!
Постой, не наноси себе вреда.
Не предал я тебя, но спас.

Клеопатра

От смерти?

Ты отказал мне в том, в чем не откажут
Из жалости и раненому псу.

Прокулей

Своим самоубийством, Клеопатра,
Принизила б ты Цезареву щедрость.
Пусть убедятся все, как мягок Цезарь.
А ты умрешь — и не увидит мир
Его великодушья.

Клеопатра

Где ты, смерть?

Приди ко мне! Не скучно ли косить
Детей и нищих? На, возьми царицу!

Прокулей

Спокойней, дорогая госпожа.

Клеопатра

Не стану я ни есть, ни пить, ни спать
И тело смертное мое разрушу.
О чем бы там ни хлопотал твой Цезарь,
Но связанной пред ним я не предстану,
И постная Октавия не будет
Глядеть, надменно щурясь, на меня.
Не выставить меня вам на потеху
Беснующейся римской голытьбе!
Нет, лучше уж пускай мой труп зароят
В грязнейшей из египетских канав!
Пускай уж лучше, догола раздев,
Меня положат в вязкий нильский ил,
Чтоб оводы и мухи превратили
Меня в страшилище! Пускай уж лучше
Одна из пирамид родной страны
Мне виселицей станет — пусть в оковах
Меня на ней повесят!

Прокулей

Что за страхи

Тебя гнетут? Ведь поводов отнюдь
Не подавал к ним Цезарь.

Входит Долобелла.

Д о л а б е л л а

Прокулей,
О происшедшем Цезарю известно,
Тебя он отзывает, а царицу
Ты должен передать под мой надзор.

П р о к у л е й

Отлично, Долабелла. Будь с ней мягок.

(Клеопатре.)

Что Цезарю мне сообщить? Чего
Желаешь ты?

К л е о п а т р а

Желаю умереть.

Прокулей и солдаты уходят.

Д о л а б е л л а

Славнейшая царица! Обо мне
Слыхала ты когда-нибудь?

К л е о п а т р а

Не помню.

Д о л а б е л л а

Меня бы знагь должна ты.

К л е о п а т р а

Важно разве,

О чем слыхала я и что я знаю?

Когда свои рассказывают сны

Вам дети или женщины, смеетесь

Над ними вы.

Д о л а б е л л а

О чем ты, госпожа?

К л е о п а т р а

Мне снилось — жил когда-то император

По имени Антоний... Если б мне

Опять уснуть, чтоб мне опять приснился

Такой же человек!..

Д о л а б е л л а

Позволь, царица...

К л е о п а т р а

Его лицо так лучезарно было,
Как небосвод, где солнце и луна
Свершают путь свой, освещая жалкий
Кружок земли...

Д о л а б е л л а

О царственнойшая!..

К л е о п а т р а

Он мог бы океан перешагнуть.
Его рука увенчивала землю,
Как гребень шлема. В голосе его
Гармония небесных сфер звучала,
Когда он дружескую вел беседу;
Когда же утратить хотел он мир,
Был этот голос как раскаты грома.
Скупой зимы не зная, одарял он,
Как осень щедрая. В своих забавах
Не опускался никогда на дно,
Но, как дельфин, резвясь, всплывал наверх.
Цари ему, как конюхи, служили.
Разбрасывал, как мелкую монету,
Он острова и царства...

Д о л а б е л л а

Клеопатра!..

К л е о п а т р а

Как ты считаешь,— мог быть на яву
Приснившийся мне человек?

Д о л а б е л л а

Не мог.

К л е о п а т р а

Ты лжешь, беру в свидетели богов!
И явь была прекрасней сновиденья.
Материи природе не хватает,
Чтобы соперничать с воображеньем
В изобретательности. Но Антоний
Таким созданием природы был,
Которое превыше всех мечтаний.

Д о л а б е л л а

Послушай, несравненная царица!
Твоя утрата велика, как ты.
И скорбь твоя с утратой соразмерна.
И если даже это будет стоить
Мне гибели надежд честолюбивых,
Я сердцем не могу не откликаться
На каждое биенье твоего
Израненного сердца.

К л е о п а т р а

О, спасибо,
За доброту твою. Не знаешь ты,
Как поступить решил со мною Цезарь?

Д о л а б е л л а

Мне горько, но предупредить я должен...

К л е о п а т р а

Ну, ну?..

Д о л а б е л л а

Великодушен он, но все ж...

К л е о п а т р а

Меня за триумфальной колесницей
Он поведет?

Д о л а б е л л а

Да, госпожа моя.

Крики за сценой: «Дорогу императору! Дорогу!»

Входят Цезарь, Галл, Прокулей, Меценат, Селевки
и другие.

Цезарь

Так кто же здесь царица Клеопатра?

Д о л а б е л л а

(Клеопатре)

Вот Цезарь.

Клеопатра падает на колени.

Цезарь

Встань. Зачем ты на коленях?
Встань. Встань, прошу, царица египтян.

Клеопатра

Так пожелали боги. Я склоняюсь
Перед властителем и господином.

Цезарь

К чему такие тягостные мысли?
Обиды, нанесенные тобой,
Нам в память врезались, но мы готовы
Случайности простой их приписать.

Клеопатра

О нераздельный господин вселенной!
Мне не представить так свои поступки,
Чтоб безупречными они казались.
Я, признаюсь, подвержена была
Всем слабостям, что женский пол пятнают.

Цезарь

Знай, Клеопатра, не усугублять,
Преуменьшать твою вину мы склопны.
И если ты намереньям моим
(А для тебя они благоприятны)
Не воспротивишься, то перемена
Тебе на пользу будет. Если ж ты
Набросишь тень жестокости на нас,
Избрав судьбу Антония,— тогда
Ты вызовешь негодование наше
И обречешь детей своих на гибель.
В противном случае ее бы мог
Я отвортить. Прощай. Я уйду.

Клеопатра

Куда бы ты ни шел, властитель мира,
Ступать ты будешь по своей земле.
А мы — твои победные трофеи;
Где хочешь нас расставь. Вот, господин мой...

Цезарь

Во всем, касающемся Клеопатры,
Советницей моею будешь ты.

К л е о п а т р а

...Вот полный перечень моих сокровищ:
Все деньги, драгоценности и утварь
Указаны подробно.— Где Селевк?

С е л е в к

Я здесь, царица.

К л е о п а т р а

Вот мой казначей.
Пусть он под страхом смерти поклянется,
Что я не утаила ничего.
Ну, поклянись, Селевк.

С е л е в к

Нет, госпожа.
Не стану лгать, рискуя головой,
Пусть лучше мой язык прилипнет к небу.

К л е о п а т р а

Но что ж я скрыла?

С е л е в к

Скрытого тобой
Достанет, чтоб купить все то, что в списке.

Ц е з а р ь

Ну полно, Клеопатра, не красней.
Твоя предусмотрительность похвальна.

К л е о п а т р а

Вот, Цезарь, полюбуйся! Погляди,
Как власть к себе притягивает души.
Кто мне был верен, верен стал тебе.
Переменись мы судьбами,— все было б
Наоборот... Нет, но каков Селевк!
Бесстыдный раб, продажный, точно шляха!
Ты пияться? Ну что же, пияться! Пияться!
Но от моих ногтей твоим глазам
Не улететь на крыльях... О предатель!
Бездушный негодяй! Мерзавец! Пес!..

Ц е з а р ь

Прошу тебя, царица...

Клеопатра

Стыд и срам!

О Цезарь! В то мгновение, когда
Меня ты удостоил посещеньем,
Склонясь к униженной с высот величья,
Мой собственный слуга своею злобой
Умножил горестей моих итог!
Допустим даже, благородный Цезарь,
Что я оставила себе кой-что
Из мелочей, из женских побрякушек,
Чтоб их друзьям на память подарить.
Допустим, что кой-что и поценнее
Я сохранила, чтобы в дар принести
Октавии и Ливии, прося
Заступничества их. И вот за это
Меня позорит мой же лизоблюд!
О боги! Я не вижу дна той бездны,
Куда я падаю!

(Селевку.)

Прочь! Или ты

Увидишь, как под пеплом униженья
Пылают угли царственного гнева!..
Не может евнох женщину жалеть.

Цезарь

Ступай, Селевк.

Селевк уходит.

Клеопатра

Ответственны владыки

За все, что совершалось в их правленье.
А потому, когда свергают нас,
Вменяют нам в вину чужие вины,
И тяжело нам падать.

Цезарь

Клеопатра,

Что в список ты внесла, что не внесла,
Мы не включим в число своих трофеев.
Твоей казней сама распоряжайся.
Не беспокойся. Цезарь не торгаш,
Не станет он с тобою торговаться.
Не строй себе тюрьму из черных мыслей.

Дражайшая царица, мы с тобой
Поступим так, как ты сама укажешь.
И ешь и спи. Тебе я сострадаю,
Забочусь о судьбе твоей как друг.
Прощай.

К л е о п а т р а

Мой господин! Мой повелитель!

Ц е з а р ь

Нет, нет. Не господин, но друг. Прощай.

Трубы. Цезарь со свитой уходит.

К л е о п а т р а

Он хочет оплести меня словами,
Чтоб от себя самой я отреклась.—
(Хармиане.)

Но слушай-ка...

(Шепчет ей на ухо.)

И р а д а

Пора кончать, царица.
Угас наш день, и сумрак нас зовет.

К л е о п а т р а

...И тотчас возвращайся. Обо всем
Уже условлено. Поторопи.

Х а р м и а н а

Да, госпожа, понятно!

Входит Долабелла.

Д о л а б е л л а

Где царица?

Х а р м и а н а

Она перед тобою.

(Уходит.)

К л е о п а т р а

Долабелла?

Д о л а б е л л а

Твою, царица, выполняя волю,

Которую любовь моя к тебе
Равняет с повелением богов,
Пришел я известить тебя, что Цезарь
Намерен через Сирию идти;
Тебя с детьми на днях вперед он вышлет.
Воспользуйся как хочешь этой вестью.
Свое сдержал я слово.

К л е о п а т р а
Долабелла,
Я пред тобой в долгу.

Д о л а б е л л а
Я твой слуга.
Мне к Цезарю пора. Прощай, царица.

К л е о п а т р а
Прощай. Благодарю.

Д о л а б е л л а уходит.
Ну вот, Ирада!
Мы, видишь ли, египетские куклы,
Заманчивое зрелище для римлян.
Толпа засаленных мастеровых,
Орудуюя своими молотками,
Собьет помост; дышать мы будем смрадом
Орущих жирных ртов и потных тел.

И р а д а
Да не попустят боги!

К л е о п а т р а
Нет, Ирада,
Все так и будет: ликторы-скоты
Нам свяжут руки, словно потаскушкам;
Ватага шелудивых рифмоплетов
Ославит нас в куплетах площадных;
Импровизаторы-комедианты
Изобразят разгул александрийский.
Антония там пьянищей представят,
И, нарядясь царицей Клеопатрой,
Юнец пискливый в непристойных позах
Порочить будет царственность мою.

И р а д а
О боги!

К л е о п а т р а
Вот что ожидает нас.

И р а д а
Мне этого не увидеть вовеки:
Ведь ногти у меня сильнее глаз.

К л е о п а т р а
Вот, вот. И вздорные расчеты их
Мы, стало быть, сумеем опрокинуть.—

Входит Х а р м и а н а.
Ну, Хармиана? — Девушки мои,
Несите дарские мои одежды,
Ценнейшие уборы. Вновь плыву
По Кидну я, Антонию навстречу.—
Ты слышала, Ирада? — Хармиана,
В последний раз мне послужи, а там
Гуляй хоть до скончания веков.—
Венец и все регалии сюда.

И р а д а уходит. Шум за сценой.
Что там за шум?

Входит с о л д а т из стражи.
С о л д а т
Простолюдин какой-то
Царицу требует. Тебе принес он
Корзину винных ягод.

К л е о п а т р а
Пусть войдет.
С о л д а т уходит.

Каким ничтожным иногда орудьем
Свершаются великие дела!
Он мне принес свободу. Я решилась,
И ничего нет женского во мне,
Я — мрамор. Зыблущаяся луна
Уж не моя планета больше.

Возвращается с о л д а т с простолюдином, несущим корзину.

С о л д а т
Вот он.

К л е о п а т р а

Пускай останется, а ты ступай.

С о л д а т уходит.

Ну что ж, принес ты ласковую змейку,
Которая без боли дарит смерть?

П р о с т о л ю д и н

Как не принести, принес. Да только я не из таких, чтобы стал подзадоривать тебя дотронуться до нее. Кусается — ого-го! Тот, кто помирал от ее укуса, живым оставался редко, чтоб не сказать — никогда.

К л е о п а т р а

А от ее укуса умирали?

П р о с т о л ю д и н

Э, покойников не оберешься. И мужского и женского даже пола. Да вот намерен слышал я об одной. Честнейшая бабенка, только любит малость приврать для пушей правдивости, как и положено всякой женщине. Так вот она рассказывала, чего ей чувствовалось, померши от змеинного укуса. Уж так она эту змею расписывала! Но, как говорится, кто всякой басне верит — дурнем прослывет. Одно скажу, — что она всем змеям змея.

К л е о п а т р а

Ты можешь уходить.

П р о с т о л ю д и н

Желаю тебе от змейки всяческой радости.

К л е о п а т р а

Прощай.

П р о с т о л ю д и н

(ставя корзину на пол)

Вишь ты, понимать надо, что змея она и ведет себя по-змеиному.

К л е о п а т р а

Да, да, прощай.

П р о с т о л ю д и н

На змею, вишь ты, полагаться трудно, разве что она в руках

человека с понятием. Потому как ежели прикинуть, то что в ней хорошего, в змее?

К л е о п а т р а

Не беспокойся, Мы побережемся.

П р о с т о л ю д и н

Вот и ладно. А еды ей не давай; не стоит она корма.

К л е о п а т р а

А не захочется ей съесть меня?

П р о с т о л ю д и н

Я, брат, не такой простак. Бабой-то и сам черт подавится, не то что змея. Баба, как говорится, была бы угощением для богов, не состряпай ее сатана. Ну и гадит же богам это поганое отродье, черти. Не успеют боги сотворить десяток женщин, а глядь — черти уже и совратили пяток.

К л е о п а т р а

Ну хорошо. Теперь иди. Прощай.

П р о с т о л ю д и н

Да уж это по правде. Ну, пожелаю тебе радости от змеи.

(Уходит.)

Возвращается Ирада с царской мантией, короной и пр.

К л е о п а т р а

Порфиру мне подай. Надень корону.
Бессмертие зовет меня к себе.
Итак, вовеки виноградный сок
Не смочит этих губ. Поторопись!
Я слышу, как зовет меня Антоний,
Я вижу, он встает навстречу мне,
Поступок мой отважный одобряя.
Смеется он над Цезаревым счастьем;
Ведь счастье боги нам дают затем,
Чтобы низвергнуть после за гордыню.
Иду, супруг мой. Так назвать тебя
Я мужеством завоевала право.
Я — воздух и огонь; освобождаюсь
От власти прочих, низменных стихий.

Готово все? Тогда прошу, примите
От губ моих последнее тепло.
Прощайте.— Дорогая Хармиана!
Моя Ирада! —

(Целует их.)

Ирада падает и умирает.

Что это? Мертва!
Иль на моих губах змеинный яд?
И так легко ты распростилась с жизнью,
Что, верно, смерть — та сладостная боль,
Когда целует до крови любимый.
Безмолвно ты ушла, нам показав,
Что этот мир прощальных слов не стоит.

Х а р м и а н а

О туча, ливнем разразись, чтоб я
Могла сказать, что сами боги плачут.

К л е о п а т р а

О стыд! Ее Антоний встретит первой,
Расспросит обо всем и ей отдаст
Тот поцелуй, что мне дороже неба.

(Прикладывает змею к своей груди.)

Что ж, маленький убийца, перережь
Своими острыми зубами узел,
Который так запутала судьба.
Ну, разозлишь, глупышка, и кусай.
Ах, если б ты владела даром слова,
Ты назвала бы Цезаря ослом:
Ведь мы с тобой его перехитрили.

Х а р м и а н а

Звезда Востока!

К л е о п а т р а

Тише, не шуми —
Не видишь, грудь мою сосет младенец,
Он усыпит кормилицу свою.

Х а р м и а н а

О сердце, разорвись!

К л е о п а т р а

Яд сладок-сладок.

Он как успокоительный бальзам,
Как нежный ветерок! — О мой Антоний! —
Иди и ты ко мне, вторая змейка.

(Прикладывает вторую змею к руке.)

Зачем мне жить...

(Падает на ложе и умирает.)

Х а р м и а н а

...В ничтожном этом мире?

Прощай, царица. — Что же, смерть, гордись —
Ты овладела женщиной, которой
Подобных нет. — Закройтесь, ставни век.
Нет, к солнцу золотому никогда
Взор столь же царственный не устремится.
Корона сбилась на бок. Я поправлю,
И служба кончена.

Вбегает стража.

Первый солдат

Царица где?

Хармиана

Тсс... Тише. Не буди ее.

Первый солдат

Но Цезарь

Прислал к ней...

Хармиана

...запоздавшего гонца.

(Прикладывает к своей груди змею.)

Ну-ну, скорей. Как слабо ты кусаешь.

Первый солдат

Сюда! Неладно тут. Обманут Цезарь.

Второй солдат

Здесь Долабелла, Цезаря посол.
Позвать его?

Первый солдат

(Хармиане)

Что приключилось тут?
Годится ли так поступать?

Хармиана

О да.

Так надлежало поступить царице,
Наследнице славнейших государей.
Ах, воин!..

(Умирает.)

Входит Долабелла.

Долабелла

Что случилось?

Второй солдат

Все мертвы.

Долабелла

Ты справедливо опасался, Цезарь.
Сейчас, войдя сюда, увидишь ты:
Случилось то ужаснейшее дело,
Которому хотел ты помешать.

Крики за сценой: «Дорогу Цезарю! Дорогу!»

Входит Цезарь со свитой.

Долабелла

Цезарь,

Какой ты прозорливый прорицатель:
Свершилось то, чего боялся ты.

Цезарь

Вот мужественный шаг. Она, проникнув
В мои намеренья, нашла по-царски
Достойный выход. В чем причина смерти?
Не видно крови.

Долабелла

Кто сюда входил?

Первый солдат

Простолюдин принес им винных ягод.
Да вот его корзина.

Цезарь

Отравились!

Первый солдат

Войдя, еще застали мы в живых
Царицыну служанку, Хармиану.
Она на госпоже своей покойной
Поправила венец и, задрожав,
Упала вдруг.

Цезарь

О, доблестная слабость!

Но если б яд был принят ими внутрь,
Распухли б их тела. А Клеопатра
Как будто спит, и красотой ее
Второй Антоний мог бы опьяниться.

Доллабелла

Смотрите — ранка на ее груди,
Припухшая. А на руке — вторая.

Первый солдат

Укус змеи.

(Заглядывает в корзину.)

Смотрите — слизь на листьях.

Такую слизь на почве оставляют
В пещерах нильских аспиды.

Цезарь

Итак,

Причина смерти, вероятно, в этом.
Мне врач ее признался, что она
Все у него выпытывала средства
Без боли умереть. — Несите ложе.
Прислужниц вслед за госпожой несите.
Бог о бок мы царицу погребем
С ее Антонием. Земля не знала
Могил с такой великою четой.
События трагические эти
Волнуют даже тех, кто в них виновен,
И будет сострадание к побежденным
Жить столь же долго в памяти потомков,
Как слава победителя. — Войскам

Повелеваем, чтоб они к могиле
Усопших с почестями проводили.—

(Долабелле.)

Все это мы тебе препоручим.—
И после похорон — обратно в Рим.

Уходят.





КОРИОЛАН

Перевод
Ю. КОРНЕЕВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кай Марций, затем Кай Марций Кориолан.

Тит Ларций } полководцы римлян в войне
Коминий } против вольсков.

Менений Агриппа, друг Кориолана.

Сициний Велут } народные трибуны.
Юний Брут }

Маленький Марций, сын Кориолана.

Тулл Авфидий, полководец вольсков.

Военачальник вольсков, подчиненный
Авфидию.

Заговорщики, единомышленники Авфидия.

Никанор, римлянин.

Адриан, вольск.

Горожанин из Анциума.

Два вольских часовых.

Глашатай.

Волумния, мать Кориолана.

Виргилия, жена Кориолана.

Валерия, подруга Виргилии.

Прислужница Виргилии.

Римские и вольские сенаторы,
патриции, эдилы, ликторы, воины,
горожане, гонцы, слуги Авфидия
и другие слуги.

Место действия — Рим и его окрестности;

Кориолы и их окрестности; Анциум.





А К Т I

С Ц Е Н А 1

Рим. Улица.

Входит толпа восставших горожан с кольями, дубинами и другим оружием.

Первый горожанин

Послушайте меня, прежде чем пойдем дальше.

Все

Говори, говори.

Первый горожанин

Готовы ли вы скорее умереть, чем голодать?

Все

Готовы, готовы.

Первый горожанин

А знаете ли вы, что злейший враг народа — Кай Марций?

Все

Знаем, знаем.

Первый горожанин

Так убьем его, а уж тогда сами цену на хлеб установим. Таков ли наш приговор?

Все

Да что там толковать — убьем его, и все. Идем, идем!

Второй горожанин

Одно слово, достойные сограждане...

Первый горожанин

Достойными нас никто не считает: ведь все достояние — у патрициев. Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам обедки со своего стола, пока те еще не протухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет — они полагают, что мы и без того им слишком дорого стоим. Наша худоба, наш нищенский вид — это вывеска их благоденствия. Чем нам горше, тем им лучше. Отомстим-ка им нашими колями, пока сами не высохли, как палки. Клянусь богами, это не месть во мне, а голод говорит!

Второй горожанин

И вачать вы хотите с Кая Марция?

Первый горожанин

С него самого: он для народа хуже собаки.

Второй горожанин

Да разве вы забыли, какие у него заслуги перед отечеством?

Первый горожанин

Ничуть не забыли. Я бы даже хвалил его за них, если бы он сам себя спесью не вознаграждал.

Второй горожанин

Нет, погоди. Ты говори без злости.

Первый горожанин

А я тебе и говорю — все, чем он прославился, сделано им ради этой спеси. Пусть мягкосердечные простаки думают, что он старался для отечества. На самом-то деле он поступал так в угоду матери; ну, отчасти и ради своей спеси, а ее у него не меньше, чем славы.

Второй горожанин

Ты вот считаешь пороком то, что он себя переделать не может. Но ведь ты же не скажешь, что он жаден?

Первый горожанин

А хотя бы и так. Зато у меня других обвинений хватит. Да у него столько пороков, что устанешь перечислять.

Крики за сценой.

Это что за шум? Видно, и по другую сторону Тибра восстание.
Что же мы болтаем да время тратим? На Капитолий!

В с е

Идем, идем.

Первый горожанин

Тише! Кто сюда идет?

Входит Менений Агриппа.

Второй горожанин

Достойнейший Менений Агриппа — тот самый, кто всегда любил народ.

Первый горожанин

Да, это человек честный. Вот если б и остальные были такими!

Менений

Эй, земляки, что с вами происходит?
Куда с дубьем бежите вы? Ответьте.

Первый горожанин

Что с нами происходит — сенату известно: там уж недели две назад могли смекнуть, что мы задумали, а сегодня воочию увидят. Там ведь любят говорить: от черни голой — дух тяжелый. Пусть теперь знают, что рука у нас тоже не из легких.

Менений

Друзья мои, почтенные соседи,
Неужто горя вы хлебнуть хотите?

Первый горожанин

Да мы и так уже им захлебнулись.

Менений

Друзья, поверьте мне, о вас пекутся
Патриции. Я знаю, дорог хлеб
И голод вас томит, но столь же глупо,
Как замахнуться палкою на небо,
Вам восставать на Рим, в ком хватит силы
Порвать железо тысячи удил
Покрепче пут, которыми вы мните
Его стреножить. Голод не сенатом
Ниспослан, а богами, и не руки,
А лишь колени вас спасут. Увы!

Влекумы вы бедой туда, где ждет
Вас горшая беда, а вы клянете
Как супостатов кормчих государства,
Отечески пекущихся о вас.

Первый горожанин

Пекущихся о нас? Как бы не так! Да им никогда до нас дела не было. У них амбары от хлеба ломаются, а они нас морят голодом да издают законы против ростовщичества на пользу ростовщикам. Что ни день, отменяют какой-нибудь хороший закон, который не по вкусу богачам; что ни день, выдумывают новые эдикты, чтобы поприжать и скрутить бедняков. Если нас не пожрет война, они сами это сделают; вот как они нас любят.

Менений

Или честно
Сознайтесь в том, что вы безмерно злобны,
Иль вы глупцы. Я расскажу вам басню,
Хоть вы ее, быть может, и слышали.
Но раз она уместна, я отважусь
Еще разок ее напомнить.

Первый горожанин

Отчего не послушать! Только не надейся, что твоя басня наше горе умаслит. Начинай, если тебя такая охота разобрала.

Менений

Однажды возмутились против чрева
Все части человеческого тела,
Виня живот за то, что, словно омут,
Всю пищу поглощает он, а время
Проводит в лени и безделье праздном,
Тогда как остальные члены ходят,
Глядят и слышат, чувствуют и мыслят,
Друг другу помогая и служа
Потребностям и устремленьям общим
Родного тела. Чрево ж отвечало...

Первый горожанин

Да говори же, что им чрево ответило.

Менений

Сейчас скажу. С язвительным смешком,
Возникшим не в груди, а ниже легких
(Взгляните — чревом я могу не только

Вещать, но и смеяться) отвечало
Оно мятежным членам, коих зависть
К его доходам мучила, как вас,
Порочащих сенаторов за то, что
Они вам не чета.

Первый горожанин

Но что ж ответить
Сумело чрево бдительному глазу.
Челу, венец посящему, и сердцу.
Советчику, и языку-горнисту,
Ноге-коню, руке-бойцу и прочим
Помощникам и слугам тела, если...

Менений

Что «если»? Перебил — так сам кончай.
Ну?

Первый горожанин

Если выгребная яма тела,
Живот-обжора грабит их...

Менений

Ну, дальше.

Первый горожанин

Что может он ответить на упреки
Всех членов остальных?

Менений

Скажу вам это,
Коль вы себя сумеете к терпенью,
Хоть коротко оно у вас, принудить.

Первый горожанин

Ты слишком долго тянешь!

Менений

Слушай, друг.
Живот неторопливый был разумней
Хулителей своих и так ответил:
«Вы правы в том, мои друзья-сочлены,
Что общий харч, которым вы живете,
Мне первому идет. Но так и надо,
Затем что телу призван я служить
И житницей и лавкой. Не забудьте,

Что соки я по рекам кровяным
Шлю к сердцу во дворец и к трону мозга,
Что по извивам и проходам тела
Все — от крепчайших мышц до мелких жилок —
Лишь я питаю жизненною силой.
Но, добрые друзья мои, хоть всем вам...

(Первому горожанину.)

Заметь, не я, а чрево то сказало.

Первый горожанин

Так. Продолжай.

Менений

Хоть всем вам и не видно,
Чем каждый в одиночку мне обязан,
Я вправе заключить, что отдаю
Вам лучшую муку и оставляю
Лишь отруби себе.

(Первому горожанину.)

Ну, что ты скажешь?

Первый горожанин

Ответ неплох. Как ты его толкуешь?

Менений

Сепат — вот чрево мудрое, а вы —
Бунтующие члены. Стоит только
Вам честно оценить его заботы
И попечение о всеобщем благе,
Как вы поймете, что оно всегда
Лишь от него исходит и приходит,
А не от вас. — Что ты на это скажешь,
Ты, палец сборища большой?

Первый горожанин

Я — большой палец? Ты зачем меня большим пальцем называешь?

Менений

Затем, что ты, кто всех дрянней и ниже,
Возглавить хочешь этот бунт премудрый;
Затем, что первым ты к пожизне рвешься,
Трусливый, слабосильный пес.
Ну что ж, готовьте колья и дубины.

На Рим напали крысы, и кому-то
Не сдобровать.

Входит К а й М а р ц и й.

Привет, достойный Марций!

М а р ц и й

Благодарю.

(Толпе.)

Мятежный сброд, зачем,
Чесотке умыслов своих поддавшись,
Себе вы струнья расчесали?

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Вечно

Для нас ты сыщешь доброе словечко!

М а р ц и й

Кто скажет слово доброе тебе,
Тот мерзкий лстец.

(Толпе.)

Что нужно вам, дворнягам,
Ни миром, ни войною недовольным?
В вас страх война вселяет, наглость — мир.
Чуть в вас поверь, так вместо лис и львов
Найдешь гусей и зайцев. Вы надежны,
Как угли раскаленные на льду
Иль градины на солнце. Вы привыкли
Караемых злодеев обелять,
Черня закон карающий. Полны вы
Враждою к тем, кто дружбой славы взыскан.
Желанья ваши — прихоти больного:
Чего нельзя вам, вас на то и тянет.
Кто ищет в вас опоры, тот плывет,
Плавник свинцовый прицепив, иль рубит
Тростинкой дуб. Безумье — верить в вас,
Меняющих ежеминутно мненья,
Превозносящих тех, кто ненавистен
Был вам еще вчера, и поносящих
Любимцев прежних! Почему клянете
Вы благородный наш сенат повсюду?
Ведь не держи вас он да боги в страхе,
Друг друга вы сожрали б.

(Менению.)

Что им надо?

М е н е н и й

Дешевых цен на хлеб. Они считают,
Что в городе запасы есть.

М а р ц и й

Считают?

Мерзавцы! Мнят они, у печки сидя,
Что знают все, чем занят Капитолий:
Кто в гору там пошел, кто процветает,
Кто пал, кто с кем в союз вступил, кто в брак.
Они лишь тех, кто им по праву, любят,
А чуть кто им не люб — мешают с грязью.
Есть хлеб в запасе — так они считают?
Не будь сенат столь милосерд и волю
Дай моему мечу, я навалил бы
Из трупов этой черни гору выше
Копья, что я ношу.

М е н е н и й

Не трать слова. Горланы присмирели:
Ведь трусость в них еще сильнее, чем наглость.
Расходятся они. Но что, скажи мне,
С другой толпой?

М а р ц и й

Рассеялась она.

Сначала все — черт их возьми! — орали,
Что голодны, ссылались на присловья:
Мол, голод ломит каменные стены;
Мол, и собакам нужен корм; мол, пишу
Грешно гноить; мол, создан хлеб богами
Не для одних богатых — и потоки
Косноязычных жалоб изливали.
Когда же обещали им исполнить
Их требованье, дерзкое безмерно
(Оно всем знатным сердце разобьет
И власти острый взор притупит), — стали
Они кидать в восторге шапки, словно
На рог луны повесить их хотели.

М е н е н и й

Так что же им обещано?

М а р ц и й

Им дали,

Чтоб защищать их подлые затей,

Пять ими избранных трибунов. Это
Сициний Велут, Юний Брут, а прочих
Я позабыл... Черт с ними! Черни было б
Сорвать с домов все крыши в Риме легче,
Чем вынудить меня к таким уступкам.
Теперь она, войдя с годами в силу,
Еще наглее станет.

М е н е н и й

Странно, странно.

М а р ц и й

(толпе)

Эй вы, охвостье, по домам!

Вбегает гонец.

Г о н е ц

Где здесь Кай Марций?

М а р ц и й

Это я. В чем дело?

Г о н е ц

Спешу я с вестью, что поднялись вольски.

М а р ц и й

Я рад: война очистит Рим от гнили...

Но вот отцы сенаторы идут.

Входят К о м и н и й, Тит Ларций и другие сенаторы,
Юний Брут и Сициний Велут.

П е р в ы й с е н а т о р

Ты прав был, Марций, нас предупреждая:

Поднялись вольски.

М а р ц и й

Вождь их — Тулл Авфидий,

А с ним хлопот не оберетесь вы.

Завидую я доблести его

И только им, когда б я не был Марций,

Хотел бы стать.

К о м и н и й

Да, вы в бою встречались.

Марций

Будь мир расколот на два вражьих стана
И очутись в одном из них мы с Туллом,
Я б поднял бунт, чтоб биться с ним. Он — лев.
Я горд охотой на него.

Первый сенатор

Тем лучше.

С Коминием командуй войском, Марций.

Коминий

Ты обещал помочь мне.

Марций

Я готов.

Привык держать я слово. Вновь увидишь
Ты с Туллом нас лицом к лицу, Тит Ларций.
Как! Ты ослаб? Ты остаешься дома?

Ларций

Нет, Марций, даже если костылями
Придется мне сражаться, не отстану
Я от других.

Менений

О доблестная кровь!

Первый сенатор

Идем на Капитолий — там, я знаю,
Друзья нас ждут.

Ларций

Ступай вперед, Коминий,
Мы ж — за тобою, ибо ты меж нами
По праву первый.

Коминий

Благородный Ларций!

Первый сенатор

(горожанам)

Эй, по домам!

Марций

Нет-нет, мы их прихватим:

Богаты вольски хлебом; к ним в амбары
Мы пустим крыс.

(Толпе.)

Почтенные смутьяны,
Раз вы так храбры, то прошу за нами!

Сенаторы, Коминий, Марций, Ларций и Менений
уходят. Горожане потихоньку скрываются.

Сициний

Есть ли на свете человек надменней,
Чем Марций.

Брут

Нет.

Сициний

Когда народ трибунами избрал нас...

Брут

Ты взгляд его запомнил?

Сициний

Нет, лишь ругань.

Брут

Озясь, богов он выбрать способен.

Сициний

И высмеять стыдливую луну.

Брут

Пусть на войне он сгинет. Стал он слишком
От храбрости надменен.

Сициний

Он из тех,

Кто собственную тень с презреньем топчет,
Когда успехом опьянен. Но странно,
Что он, гордец, согласен подчиняться
Коминию.

Брут

Верней и легче славу,
Которой алчет он, хоть ей обласкан,
Сберечь и приумножить, занимая
Второе место в войске. Ведь за промах

Всегда в ответе будет полководец.
Сверши он чудеса, и то завоюет
Хула-проныра: «Ах, когда бы делом
Наш Марций заправлял!»

С и ц и н и й

А при удаче

Лишь Марцием живущая молва
Коминия заслуг лишит.

Б р у т

Коминий

Уже с ним делит почести, хоть Марций
Того не заслужил, и в честь ему
Оплошности Коминия послужат,
Хотя б заслуг он не имел.

С и ц и н и й

Пойдем

Посмотрим, как идут приготовления
И Марций, этот сумасброд опасный,
Сбирается в поход.

Б р у т

Идем, идем.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Кориолы. Сенат.

Входят Тулл Авфидий и сенаторы.

Первый сенатор

Итак, предполагаешь ты, Авфидий,
Что римлянам известны наши планы
И все, что мы ни делаем?

А в ф и д и й

А ты?

Успели ль мы хоть раз решение наше
В деянье претворить, пока о нем
Рим не пронюхал? Дня тому четыре
Пришло ко мне послание оттуда.
Оно гласит... Но где ж письмо?.. Да вот:

(Читает.)

«Войска собрались, но никто не знает,
Пошлют их на восток или на запад.
Хлеб дорог, чернь бунтует, и, по слухам,
Коминий, Марций, враг твой давний (в Риме
Его сильнее, чем сам ты, ненавидят),
И римлянин отважнейший Тит Ларций
Поход готовят на кого-то,
Всего же вероятней — на тебя.
Будь начеку».

Первый сенатор

Что ж! Наше войско — в поле.
Не сомневались мы, что Рим отпор
Готов нам дать.

А в ф и д и й

Сочли вы мудрым в тайне
Держать ваш план великий до того,
Как он созреет и наружу выйдет,
А Рим меж тем о нем уже проведал.
Наш замысел расстроен. Мы не сможем
Взять много городов без боя, римлян
Врасплох застав.

Второй сенатор

Авфидий благородный,
Спешу к войскам, прими их под начальство,
А нам доверь охрану Кориол.
Коль враг осадит город, на подмогу
Ты подоспеешь к нам, но полагаю,
Что не готовы римляне.

А в ф и д и й

В противном
Уверен я. Уверен даже в большем:
Часть рати их уже идет сюда.
Отцы, прощайте. Если мне случится
Столкнуться с Каем Марцием, я буду —
Мы клятву дали в том — с ним драться насмерть.

Все

Да сохранят тебя в сраженьях боги!

А в ф и д и й

И вас, отцы!

Первый сенатор

Прощай!

Второй сенатор

Прощай!

Все

Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 3

Рим. Комната в доме Марция.

Входят Волумния и Виргилия, садятся на два низких табурета и шьют.

Волумния

Прошу тебя, дочь моя, спой что-нибудь или будь повеселее. Если бы Марций был моим мужем, я больше радовалась бы его отсутствию, когда он уходит добывать себе славу, чем самым пылким объятиям на супружеском ложе. Еще когда он был хрупким ребенком и единственным плодом моего чрева, когда его отроческая красота пленяла все взоры, еще тогда, когда ни одна мать ни на час не отпустит сына от себя, даже если ее об этом целыми днями будут просить дари, я уже понимала, что такой человек, как он, создан для чести, что, не одушеваясь стремлением стать знаменитым, он будет лишь картиной, украшающей стену; поэтому я охотно позволяла ему искать опасностей — и с ними славы. Я послала его на жестокую войну, и он вернулся с дубовым венком на голове. Поверь, дочь моя, я меньше ликовала, узнав, что родила мужчину, чем тогда, когда узнала, что он показал себя доблестным мужем.

Виргилия

А если бы он погиб на войне? Что тогда?

Волумния

Тогда сына заменила бы мне его добрая слава, и в ней я обрела бы потомство. Скажу тебе правду: будь у меня двенадцать сыновей и люби я каждого из них столь же горячо, как нашего славного Марция, я легче бы смирилась с доблестной смертью одиннадцати за отечество, чем с трусливой праздношью двенадцатого.

Входит прислужница.

П р и с л у ж н и ц а

Вас желает видеть благородная Валерия.

В и р г и л и я

(Волумнии)

Позволь мне удалиться.

В о л у м н и я

Нет, оставайся здесь.
Мне кажется, я вижу, как твой муж
За волосы под грохот барабанов
Авфиция влачит и гонит вольсков,
Бегущих, словно дети от медведя,
И, топая ногой, кричит солдатам:
«Вперед, вы, трусы, что зачаты в страхе,
Хоть в Риме рождены!» — и кровь стирает
С чела рукой в броне, вперед шагая,
Как жнец, который не получит платы,
Не сняв весь хлеб.

В и р г и л и я

Чело в крови? О боги!

В о л у м н и я

Безумица, умолкни! Кровь мужчины
Сверкает ярче золота трофеев.
Грудь Гекубы, Гектора вскормившей,
Прекрасней лоб его, чья кровь пятнала
Мечи данайцев.

(Прислужнице.)

Выйди и скажи,
Что мы принять Валерию готовы.

П р и с л у ж н и ц а уходит.

В и р г и л и я

Спаси, о небо, мужа моего
От страшного Авфиция.

В о л у м н и я

Наш Марций

Его повалит и пятой раздавит.

Входят Валерия с прислужницей и привратником.

В а л е р и я

Добрый день, мои благородные друзья.

В о л у м н и я

Милая Валерия!

В и р г и л и я

Я рада видеть тебя.

В а л е р и я

Здоровы ли вы? Вы заняты по дому? Что это вы шьете? Право, прелестная вышивка. (*Виргилии.*) А как твой сыночек?

В и р г и л и я

Благодарю тебя, он здоров.

В о л у м н и я

Его больше тянет глядеть на меч и слушать барабан, чем учиться.

В а л е р и я

Значит, весь в отца. Клянусь честью, чудесный мальчик. Нет, правда, я в среду с полчасца наблюдала за ним; он такой решительный! Он гонялся за золотой бабочкой: поймает, потом отпустит, и снова за ней; поймает и опять отпустит. А один раз упал и рассердился, — то ли из-за этого, то ли из-за чего другого, не знаю; но только стиснул зубы — вот так! — и разорвал бабочку. Ах, видели бы вы, как он ее рвал!

В о л у м н и я

Совсем как отец, когда тот вспылит!

В а л е р и я

В самом деле, замечательный ребенок.

В и р г и л и я

Только ужасный шалун.

В а л е р и я

Послушай, отложи ты свое шитье. Пойдем прогуляемся немного.

В и р г и л и я

Нет, милая Валерия, я не пойду из дому.

В а л е р и я

Не пойдешь?

В о л у м н и я

Пойдет, пойдет.

В и р г и л и я

Нет-нет, не уговаривай. Пока мой супруг не вернется с войны, я шагу за порог не ступлю.

В а л е р и я

Да полно тебе. Целыми днями сидеть взаперти — просто неразумно. Пойдем. Надо же навестить добрую соседку, которая лежит в родах.

В и р г и л и я

Желаю ей скорее поправиться и помогу ей своими молитвами, но пойти к ней не могу.

В о л у м н и я

Почему, скажи на милость?

В и р г и л и я

Уж, конечно, не потому, что ленюсь или не люблю ее.

В а л е р и я

Ты, видно, решила стать второй Пенелопой. Но ведь говорят, что пряжа, сотканная ею, пока Улисса не было, только развела моль на Итаке. Пойдем! Как жаль, что твоя ткань не так чувствительна к боли, как твой палец: ты бы хоть из сострадания перестала ее колоть. Пойдем же. Ты должна пойти с нами.

В и р г и л и я

Нет, милая Валерия, прости, но я не пойду.

В а л е р и я

А все-таки тебе придется пойти: у меня хорошие вести о твоём муже.

В и р г и л и я

Ах, что ты! Ведь они еще не успели прийти.

В а л е р и я

Я не шучу, а всерьез говорю. Ночью пришло известие от него.

В и р г и л и я

В самом деле?

В а л е р и я

Истинная правда; один сенатор рассказывал при мне. Вольски

выступили; на них двинулся полководец Коминий с частью наших сил, а твой муж и Тит Ларций тем временем осадили Кориолы. Они уверены в победе и скором конце войны. Клянусь честью, это правда. Ну, теперь пойдешь с нами?

В и р г и л и я

Вот копчится война, и я во всем буду тебя слушаться, а пока — прости меня, дорогая.

В о л у м н и я

Лучше оставь ее, милая, не то она сегодня и на нас тоску нагонит.

В а л е р и я

Да, я тоже так думаю.— Прощай, милая.— Пойдем, благородная Волумния.— Прошу тебя, Виргилия, забудь ты свой торжественный вид и пойдём с нами.

В и р г и л и я

Нет, честное слово, я не могу пойти. Желаю вам весело провести время.

В а л е р и я

В таком случае прощай.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Под стенами Корнол.

Входят с барабанами и знаменами Марций, Тит Ларций, военачальники и войско. Павстречу им — Гоцец.

М а р ц и й

Есть новости. Бьюсь об заклад: был бой.

Л а р ц и й

Коня я ставлю: не было.

М а р ц и й

Я тоже.

Л а р ц и й

Идет.

М а р ц и й

(гонцу)

Скажи, вступил ли в бой наш вождь?

Г о н е ц

Войска уже сошлись, но выжидают.

Л а р ц и й

Твой ковь за мной!

М а р ц и й

Я выкуплю его.

Л а р ц и й

Нет, не продам, не подарю его.
Но одолжу тебе лет на полсотни.
Начнем осаду.

М а р ц и й

(гонцу)

Где войска?

Г о н е ц

В двух милях.

М а р ц и й

Тогда наш бранный клич им будет слышен,
А мы услышим их призыв.— О Марс,
Молю, дай нам быстрее с врагом покончить,
Чтоб мы с еще дымящимся оружием
Пришли к друзьям на помощь.— Эй, трубите.

Трубят к переговорам. На стенах появляются два сенатора
и воины.

Скажите, Тулл Авфидий в Кориолах?

П е р в ы й с е н а т о р

Нет, как и никого, кто б вас боялся
Сильней, чем он, а вы ему не страшны.

В городе бьют барабаны.

Ты слышишь? Наших юношей на бой
Сзывают барабаны. Мы скорее
Разрушим стены, чем замкнемся в них.
Ворота наши тростником скрепили
Для виду мы и сами их откроем.
Вот, слышишь?

Доносится шум сражения.

То громит Авфидий вашу
Разметавную рать.

Марций

Да, там дерутся.

Ларций

Шум этой битвы — нам сигнал. Эй, лестниц!
Появляются вольски, сделавшие вылазку.

Марций

Они выходят: значит, расхрабрились.
Прикрыть сердца щитами, но пусть будут
Сердца щитов надежней! — Тит, вперед!
Враги посмели к нам питать презрение.
От гнева жарко мне. — Друзья, смелее!
Тех, кто отступит, я почту за вольсков
И познакомлю со своим мечом.

Сражение. Римляне отступают.

Да поразит вас вся зараза юга,
О стадо Рим покрывших срамом трусов!
Пусть язвы и нарывы вас облепят,
Чтоб встречный, к вам еще не подождая,
От смрада убегал и чтоб под ветром
На милою вы друг друга заражали!
Вы духом гуси, хоть обличьем — люди.
Как смели вы бежать перед рабами,
Которых бить и обезьянам впору?
О ад! У вас в крови одни лишь спины,
А лбы бледны от лихорадки страха.
Назад! Иль я — клянусь огнем небесным! —
Врагов оставлю и на вас ударю.
За мной! Лишь выстояте, и мы погоним
Их к женам, как они ко рвам нас гнали!

Сражение возобновляется. Вольски отходят к Кориолам. Марций преследует их до ворот города.

Ворота настажь? Не упустим случай.
Судьба не беглецам их распахнула,
А победителям. Вперед, за мной!

(Входит в город.)

Первый воин

Нет, я не спятил: не пойду!

Второй воин

Я тоже.

Ворота захлопываются.

Первый воин
Ворота запирают!

Шум битвы продолжается,

Все

Оп пропал.

Входит Тит Ларций,

Ларций

Что с Марцием?

Все

Сомнения нет: убит.

Первый воин
За беглецами по пятам он гнался,
Вошел в ворота с ними, но внезапно
Их заперли. Теперь он там один
На целый город.

Ларций

О мой друг отважный!
Ты был при жизни тверже, чем твой меч
Безжизненный: он гнул, ты же — нет.
Утрачен Марций! Бриллиант чистейший,
Будь он с тебя величиной, и тот
Не стоил бы дороже. Рисовался
Таким, как ты, в мечтах Катону воин:
Ты не одним ударом страшен был;
Твой грозный вид и голос твой громовый
Враги бросали в дрожь, как если б бился
Мир в лихорадке...

Возвращается Марций, обливаясь кровью; за ним — враги.

Первый воин

Тит, смотри!

Ларций

Наш Марций!

Спасем его — иль вместе с ним погибнем!

Сражаясь, врываются в город.

СЦЕНА 5

Улица в Кориолах.

Входят несколько римских воинов, несущих добычу.

Первый римлянин

Вот это я прихватчу с собой в Рим.

Второй римлянин

А я — это.

Третий римлянин

Ах, чтоб тебе сдохнуть! Я эту дрянь за серебро посчитал!

Вдали шум продолжающейся битвы. Входят Марций и Тит Ларций с трубачом.

Марций

Взгляни, ну и вояки! Им дороже
Истертый грош, чем время. Бой не кончен,
А эти низкие рабы уж тащат
Подушки, ложки, хлам железный, тряпки,
Которые палач зарыл бы в землю
С тем, кто носил их. Перебить мерзавцев!
Ты слышишь шум в той стороне, где бьется
Наш вождь? К нему! Там режет ненавистный
Авфидий римлян. Ну, отважный Тит,
Бери отряд, который сможет город
Удерживать, а тех, кто посмелее,
Я поведу к Коминию на помощь.

Ларций

Достойный друг, ты истекаешь кровью.
Так тяжек был твой ратный труд, что снова
Ты в бой идти не должен.

Марций

Не хвали.

Я даже толком не разгорячился.
Скорей полезно, нежели опасно
Мне кровь пустить. Авфидию предстану
Таким я, как сейчас, и с ним сражусь.
Прощай.

Ларций

Пускай прекрасная богиня
Фортуна, полюбив тебя, введет

В смятение силой чар своих волшебных
Мечи твоих врагов! Смельчак, да будет
Тебе слугой успех.

Марций

К своим любимцам
Пусть и тебя она причтет. Прощай!

Ларций

О Марций паш, достойный из достойных!

Марций уходит.

(Трубачу.)

Иди па площадь и труби, сзывая
Ко мне все власти города, чтоб им
Я нашу волю объявил. Ступай!

Уходят.

СЦЕНА 6

У лагеря Комипия.

Входит Коминий с войском. Они отступают.

Коминий

Друзья, передохните. Вы сражались
Как римляне: в бою — без сумасбродства,
Без страха — в отступлении. Поверьте,
Ждет новый натиск нас. Когда мы дрались,
По ветру то и дело доносился
К нам бранный клич друзей.— О боги Рима,
Победу ниспошлите им и нам.
Чтоб жертвой благодарственной две рати,
Сойдясь, почтили вас.

Входит гонец.

Какие вести?

Гонец

На вылазку решились кориольцы,
На Ларция и Марция ударив.
Я видел, как ко рвам погнали наших,
И поскакал сюда.

К о м и н и й

Пусть даже правду
Ты возвестил, не нравится мне весть.
Давно ли это было?

Г о н е ц

Час назад.

К о м и н и й

Мы слышим барабаны. Значит, будет
Туда не больше мили. Что ж так долго
Ты добирался?

Г о н е ц

Вольские дозоры
Охотились за мной, и прокружил
Я мили три-четыре, а иначе
За полчаса б поспел к тебе.

Входит М а р ц и й.

К о м и н и й

Кто это
Пришел к нам окровавленный, как будто
С него вся кожа содрана? О боги,
Как с Марцием он схож! Того случилось
Таким мне видеть.

М а р ц и й

Я не опоздал?

К о м и н и й

Скорей пастух не отличит волюнки
От грома, чем от голосов обычных
Я голос Марция.

М а р ц и й

Не опоздал я?

К о м и н и й

Нет, если ты забрызган вражьей кровью,
А не своей.

М а р ц и й

Позволь тебя обнять
Так радостно и крепко, как когда-то

Я обнимал невесту в вечер свадьбы,
Когда зажглись над ложем брачным свечи.

К о м и н и й

Цвет храбрецов, скажи, где наш Тит Ларций?

М а р ц и й

Он в Кориолах, где изрядно занят:
Одних казнит, других в изгнание шлет,
Тех милует, тем выкуп назначает
И устрашает всех. На сворке город,
Как льстивого, но рвущегося пса,
По воле Рима держит он.

К о м и н и й

Где раб,
Сказавший мне, что вас ко рвам прогнали?
Где он? Позвать сюда?

М а р ц и й

Оставь его.
Он не солгал. Лишь нобили сражались,
Плебеи же — чума на них! — бежали.
И вот таким еще дают трибунов!
Не удирали так от кошки мыши,
Как этот сброд от худших, чем он сам,
Мерзавцев.

К о м и н и й

Как же верх вы взять сумели?

М а р ц и й

А до рассказов ли сейчас? Едва ли.
Где враг? За кем осталось поле битвы?
Коль не за вами, что ж не бьетесь вы?

К о м и н и й

Мы отошли, неся потери, Марций,
Чтобы потом вернее победить.

М а р ц и й

Как расположены враги? Где встали
Их лучшие бойцы?

К о м и н и й

Насколько знаю,
Передовой отряд их — анциаты.

Они — опора войска. Там Авфидий,
Залог надежд врага.

Марций

Молю тебя,
Во имя битв, где кровь мы лили вместе,
Во имя нашей клятвы в вечной дружбе
Позволь ударить мне на анциатов
Авфидия. Не упускай минуты!
Взметнем же в воздух вновь мечи и копья
И попытаем счастья.

Коминий

Хоть желал бы
Тебя я видеть в бане, где бальзамом
Тебе обмыли б раны, не могу я
В подобной просьбе отказать. Бери
На выбор лучших воинов.

Марций

Со мною
Пойдет лишь тот, кто сам захочет.
(Войску.)

Если
Меж вами есть хотя б один (а в это
Не верить — грех), кому приятно видеть
Меня размалевавшие румяна,
Кому милей опасность, чем бесславье,
И доблестная смерть, чем прозябанье,
Кому дороже родина, чем жизнь,—
Пусть он один иль все, кто так же мыслит,
Свои мечи поднимут в знак согласия
За Марцием идти.

(Обнажает меч.)

Крики. Воины, потрясая мечами и кидая в воздух шлемы, подхватывают Марция на руки.

Прочь! Я — не меч; хватать меня не надо.
Коль вы не хвастуны, то стоит каждый
Меж вами четырех врагов и может
Сойтись с самим Авфидием могучим
Щитом к щиту. Хоть всех благодарю,
Но выберу немногих я, а прочим
Найдется дело и в других сраженьях,
Когда судьба захочет. Выступаем!

Пусть четверо из вас мне отберут
Охотников идти со мной.

Коминий

Вперед!

Свою готовность делом подкрепите,—
И равны славой станете вы нам.

Уходят.

СЦЕНА 7

У ворот Кориол.

Тит Ларций, оставив отряд для охраны города, выходит под звуки труб и барабанов на помощь Коминию и Каю Марцию. С ним воины и проводник. Его провожает военачальник.

Ларций

(военачальнику)

Ворота охраняй и мой приказ
Исполни точно. Если дам я знать,
Пришли ко мне на помощь часть центурий,
А с остальными продержись пока.
Коль проиграем бой, оставим город.

Военачальник

Ты можешь положиться на меня.

Ларций

Когда мы выйдем, запереть ворота! —
Ну, проводник, веди нас в римский лагерь.

Уходят.

СЦЕНА 8

Поле боя между лагерями римлян и вольсков. Шум битвы.

Входят с разных сторон Марций и Авфидий.

Марций

Дерусь с одним тобой. Ты ненавистней
Мне, чем клятвопреступник.

Авфидий

Ты мне — также.

Гнусней мне ты, и злость твоя, и слава,
Чем африкавский гад. Готовься к бою!

Марций

Пусть тот, кто дрогнет первым, будет проклят
И станет победителю рабом.

Авфидий

Коль побегу, трави меня, как зайца.

Марций

Тулл, три часа назад один ворвался
Я в Кориолы и потешил душу.
Ты видишь: я в крови, но не в своей.
Сбирай для мести силы!

Авфидий

Будь ты Гектор,
Сей бич для вас, его бахвалы внуки,
Ты и тогда бы от меня не спасся.

Сражаются. Несколько вольсков бросаются на помощь к Авфи-
дию. Марций теснит их.

Услужливые трусы! Ваша помощь
Меня лишь осрамила. К черту вас!

Уходят, сражаясь.

СЦЕНА 9

Шум битвы. Трубят отбой. Входят с одной стороны Коминий и
римляне, с другой — Марций, у которого рука на перевязи, и его
отряд.

Коминий

Когда б о том, что ты свершил сегодня,
Тебе я рассказал, ты б не поверил
Своим деяньям. Лучше донесенье
Я в Рим отправлю, чтоб, его читая,
Сенаторы сквозь слезы улыбались;
Чтоб нобили, сперва пожав плечами,
Возликовали под конец; чтоб жены
Ему внимали в сладостном испуге;
Чтобы сказать пришлось глупцам трибунам,
Тебе, как весь их затхлый плебс, враждебным:

«Хвала богам, у Рима есть защитник!»
Но ты на пир пришел, уже насытись,
И к самому концу его.

Возвращается с войском Тит Ларций, преследовавший
неприятеля.

Ларций

(указывая на Марция)

О вождь,
Вот бранный конь; мы — лишь чепрак на нем.
Ах, если б ты видал...

Марций

Прошу, умолкни!
Я не стерплю, чтоб даже мать моя —
А ей уж кровь свою хвалить пристало —
Меня превозносила. Совершил я
Для родины, как вы, лишь то, что мог.
Любой, кто, жизни не щадя, сражался,
Делами равен мне.

Коминий

Нет, ты не будешь
Могилою заслуг своих: пусть Рим
О доблести своих сынов узнает.
Скрывать твой подвиг, обойти молчаньем
Того, кто хочет скромно в тень уйти,
Хоть всех похвал превыше он, — преступней,
Чем кража, и предательству равно.
Поэтому, прошу тебя, послушай
То, что скажу я воинам, приняв
Его как должное, а не награду.

Марций

Изранен я. Чтоб раны не заныли,
Не надо вспоминать о них.

Коминий

Нет, надо,
Не то их загноит неблагодарность
И перевяжет смерть. Из всех коней
(Пемало нам досталось их) и всех
Сокровищ, взятых в городе и в битве,
Даем мы часть десятую тебе,

Ее в раздел добычи не включая.
Бери что хочешь.

Марций

Вождь, благодарю,
Но неподкупным сердцем не приемлю
Я платы за деяния меча
И требую себе такой же доли,
Какую все, кто был в бою, получают.

Протяжный звук труб. Все кричат: «Марций, Марций!», бросая в воздух
шлемы и копья. Коминий и Ларций обнажают головы,

Пусть трубы оскверненные умолкнут!
Уж если льстят они на поле брани,
То, значит, лишь слащавых лицемеров
Мы встретим во дворах и городах.
Доспехи бесполезны, если мягче,
Чем шелк на царедворце, станет сталь.
Довольно! Неужели лишь за то,
Что кровь с лица я не успел омыть
Или убил двух-трех бедняг тщедушных,
Не больше сделав, чем безвестный воин,
Напыщенными возгласами чтите
Меня вы, словно мне питать приятно
Приправленными дестью похвалами
Ничтожество свое?

Коминий

Ты слишком скромен
И к доброй славе собственной жесток,
Гневясь на нас за правду. Помни, если
Себя ты поносить не перестанешь,
Тебе скуем мы руки (как безумцу,
Себе вреда желающему), чтобы
Спокойно говорить с тобой. Итак,
Пусть знают все, как это нам известно,
Что в битве Марций заслужил венок.
В знак этой чести конь мой благородный,
Которого здесь знает каждый воин,
К нему со всею сбруей переходит.
А сверх того отныне да получит
За все, что он свершил у Кориол,
Кай Марций при хвалебных криках войска
Кориолана имя, и пускай
Он носит это прозвище со славой!

Трубы и барабаны.

Все

Кориолан — Кай Марций!

Кориолан

Я пойду

Лицо умою, и тогда посмотрим,
Не покраснел ли я. Так иль иначе,
Благодарю вас всех.

(Коминию.)

Коня приму,

А это имя постараюсь с честью
Носить и дальше, как на шлеме гребень.

Коминий

Идем в палатку. Там мы о победе
Напишем в Рим, а после отдохнем.
Тит Ларций, возвращаясь в Кориолы
И шли вождей их в Рим для заключенья
Взаимовыгодного мира с нами.

Ларций

Исполню, полководец.

Кориолан

Боги, видно,

Смеются надо мной. Я отказался
От царственных даров, и тут же просьбой
Я должен докучать вождю.

Коминий

Согласье

Заранее даю. Чего ты просишь?

Кориолан

Один бедняк когда-то в Кориолах
Мне оказал гостеприимство. Видел
Сегодня я, как он, попавши в плен,
Взывал ко мне, но в эту же минуту
Заметил я Авфидия, и смолкла
Пред злобой жалость. Дай ему свободу.

Коминий

О, просьба благородная! Да если б

Он был убийцей сына моего,
И то б свободен стал как ветер. Ларций,
Исполни.

Л а р ц и й

Марций, как его зовут?

К о р и о л а н

Забыл, клянусь Юпитером. Усталость
Отбила память. Нет ли здесь вина?

К о м и н и й

Идем в палатку. Запеклось от крови
Твое лицо. Пора уже подумать
О перевязке. Ну, идем скорей.

Уходят.

С Ц Е Н А 10

Лагерь вольсков.

Трубы и рожки. Входит окровавленный Тул л А в ф и д и й. С ним не-
сколько воинов.

А в ф и д и й

Наш город взят.

П е р в ы й в о и н

Но возвратится к нам
На выгодных условиях.

А в ф и д и й

На условиях!

Хотел бы стать я римлянином, если
Как вольск быть не могу самим собой.
Условия! Да какие там условия
Для тех, кто побежден! — С тобою, Марций,
Пягь раз я бился, и разбит пять раз,
И буду вновь разбит, хотя б встречались
Мы так же часто, как едим. — Клянусь
Стихиями, когда мы вновь сойдемся
Лицом к лицу, — иль он меня убьет,
Иль я его. Былое благородство
Мой гнев утратил. Если раньше думал
Я Марция сломить в бою, как равный,

То я теперь готов на все: не силой,
Так хитростью возьму.

Первый воин

Он сущий дьявол!

А в ф и д и й

Смелей его, но не хитрее. Доблесть
Во мне он отравил клеймом позора,
И от себя теперь я отрекаюсь.
Каким бы ни был он: нагим, больным
Иль спящим; где бы ни был он: во храме,
На Капитолии, у алтаря
В часы молитв и жертвоприношений,
Когда стихает злоба,— никакие
Обычаи и ржавые законы
Не победят моей вражды к нему.
Когда б его я встретил в отчем доме
И защищал его мой брат родной,
То даже там, забыв гостеприимство,
Я руку в сердце у него б омыл.
Идите в Кориолы и узнайте,
Что там решили и кого отправят
Заложниками в Рим.

Первый воин

А ты куда?

А в ф и д и й

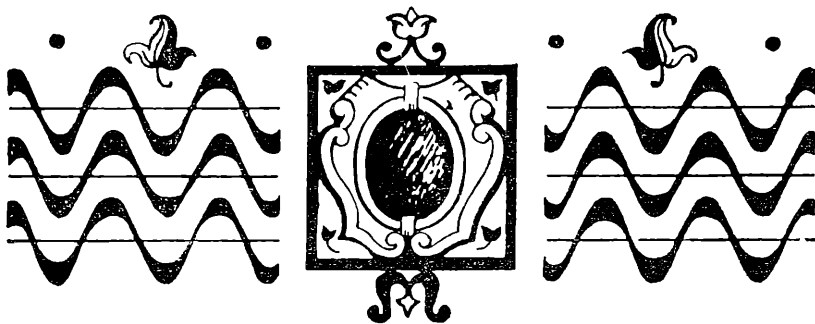
Пойду я в рощу кипарисов, к югу
От мельниц городских. Там ждут меня.
Туда ты и явись ко мне с вестями,
Чтоб знал я, что мне делать.

Первый воин

Все исполню.

Уходят.





А К Т II

С Ц Е Н А I

Рим. Площадь.

Входят Менений и народные трибуны Сициний и Брут.

Менений

Я слышал от авгура, что к вечеру будут вести.

Брут

Хорошие или дурные?

Менений

Не такие, каких народу хочется: он ведь Марция не любит.

Сициний

Чему ж тут удивляться: зверь и тот понимает, кто ему друг.

Менений

А скажи-ка на милость, кого любит волк?

Сициний

Овечку.

Менений

Да, чтобы сожрать ее; голодный плебе хотел бы поступить так же и с благородным Марцием.

Б р у т

Истинная овечка, только блеет по-медвежьи.

М е н е н и й

Медведь-то он медведь, да живет как овца. Вот вы оба — люди пожилые. Ответьте-ка мне на один вопрос.

О б а т р и б у н а

Ладно, спрашивай.

М е н е н и й

Назовите мне хоть один порок, которым Марций не был бы беден, а вы — не богаты.

Б р у т

Да он ни одним не беден: у него любого хоть отбавляй.

С и ц и н и й

Особенно высокомерия.

Б р у т

А хвастливости еще больше.

М е н е н и й

Вот это сгранно. А известно ли вам самим, за что вас в городе осуждают — не все, разумеется, а мы, именитые люди? Ну, известно?

О б а т р и б у н а

Так за что же нас осуждают?

М е н е н и й

Вы тут сейчас про высокомерие толковали... А вы не рассердитесь?

О б а т р и б у н а

Нет-нет, продолжай.

М е н е н и й

Впрочем, если и рассердитесь, беда невелика: ведь все ваше терпение малейший пустяк расхитить может. Поэтому дайте себе волю и злитесь в свое удовольствие. Итак, вы порицаете Марция за высокомерие?

Б р у т

Не мы одни.

Менений

Знаю, что одни вы немногого стоите. Зато помощников у вас хватает; не будь их, ваши поступки были бы только смешны. Вы же разумом — сущие младенцы, и одни много не сделаете. А не худо бы вам на самих себя посмотреть да полюбоваться своими драгоценными особами! Ох как не худо бы!

Брут

А что мы увидели бы?

Менений

А увидели бы вы пару негодных, спесивых, наглых, упрямых трибунов — проще сказать, дураков, каких Рим не видывал.

Сициний

Мы тебя, Менений, тоже хорошо знаем.

Менений

Да, меня все знают за весельчака патриция, который не дурак выпить кубок подогретого вина, не разбавленного ни единой каплей тибрской воды. Худого же про меня говорят лишь то, что я таю от первой слезы просителя, вспыхиваю, как трут, от каждого пустяка и больше знаком с тыльной частью ночи, чем с лицом утра. Я не стану злобу про себя таить: у меня что на уме, то и на языке. Уж если я встретил двух таких государственных мужей, как вы (Ликургами вас, конечно, не назовешь!), и если меня воротит от питья, которое вы мне преподносите, то я морщусь не стесняясь. Не могу же я признать, что ваши милости говорят разумно, если в каждом звуке ваших речей слышу ослиный рев. Когда другие назовут вас людьми почтенными и серьезными, я еще смолчу; но уж когда они станут утверждать, что лица у вас добрые, я скажу, что это бессовестная ложь. Вы все это, конечно, и сами прочли на карте моего микрокосма, но следует ли отсюда, что вы меня хорошо знаете? Какие же такие изъяны выискала во мне ваша близорукая проницательность, что вы смеее заявлять, будто хорошо меня знаете?

Брут

Что ты там ни говори, мы тебя все равно хорошо знаем.

Менений

Не знаете вы ни меня, ни себя, да и вообще ничего. Вы любите, когда всякие оборванцы перед вами шапку ломают. Вы готовы целое утро убить на разбор тяжбы между торговкой апельсинами и трактирщиком, да еще отложить до следующего дня

решение этого спора из-за ломаного гроша. А если у вас схватит живот, когда вам надо выслушивать стороны, то лица у вас перекашиваются, как у ряженных, терпение лопается, вы шумно требуете себе ночной горшок и уходите, оставляя дело еще более запутанным, чем до вашего разбирательства. У вас только один способ примирить тяжущихся: обозвать мошенниками и правого и виноватого. Ну и замечательная же вы парочка!

Брут

Ладно-ладно, мы-то ведь знаем, что ты отменный балагур за столом, а вот на Капитолии — плохой советчик.

Менений

Сами жрецы научились бы смеяться, попадайся им почаще такие смехотворные дурни, как вы. Бородой вы и то трясете осмысленнее, чем произносите самые лучшие свои речи, хотя для ваших бород даже подушка портняжки или вьючное седло осла — чересчур почетная могила. А вы еще жалуетесь, что Марций высокомерен! Да ведь он, на самый худой конец, стоит больше всех ваших предков, начиная с Девкалиона, хотя лучшие из них были, кажется, потомственными палачами. Пожелаю-ка я вам всего хорошего, а не то слишком долгие разговоры с вами, пастыри плебейского стада, еще засорят мне мозг. Беру на себя смелость распроситься с вами.

Брут и Сициний отходят в глубину сцены. Входят Волумний, Виргилия и Валерия.

Что с вами, прекрасные дамы, благородные и чистые, как сама луна, спустившаяся к нам на землю? Куда это так нетерпеливо устремлены ваши взоры?

Волумния

Достойный Менений, сын мой Марций подходит к Риму. Юновой заклиная тебя, не задерживай нас.

Менений

Что? Марций возвращается?

Волумния

Да, достойный Менений, и с великой славой.

Менений

(бросает шапку в воздух)

Прими мою шапку и мои благодарения, Юпитер! Неужели правда, что Марций возвращается?

Виргилия и Валерия

Да-да, правда.

Волумния

Видишь, вот его письмо ко мне; сенату он прислал другое, жене — третье, да и тебя, пожалуй, дома письмо ожидает.

Менений

Ну, сегодня у меня весь дом от радости запляшет. Неужели мне есть письмо?

Виргилия

Есть, есть, я сама видела.

Менений

Письмо ко мне! Да оно мне на целых семь лет вперед здоровья придаст, и я натяну нос моему лекарю. По сравнению с таким снадобьем самые мудрые рецепты Галена — шарлатанство или, в лучшем случае, промывательное для лошадей. А Марций не ранен? Он же никогда невредимым домой не возвращается.

Виргилия

Ах, нет, нет!

Волумния

Конечно, ранен, и я благодарна богам за это.

Менений

Я тоже — если рапы не слишком тяжелые. Впрочем, они ему к лицу. Так, значит, победа у него в кармане?

Волумния

Нет, Менений,— на челе. В третий раз он возвращается в дубовом венке.

Менений

А он, наверно, крепко приструнил Авфидия?

Волумния

Тит Ларций пишет, что они схватились один на один, но Авфидий бежал.

Менений

И правильно сделал, клянусь честью. Не сбеги он вовремя, Марций бы так его разавфидил, что за все золото в кориольских сундуках я не захотел бы очутиться на его месте. А сенату обо всем этом известно?

В о л у м н и я
(*Виргилии и Валерии*)

Идемте, милые. (*Менению.*) Да-да. Сенат получил письма от полководца Коминия. Тот уверяет, что вся слава этого похода принадлежит моему сыну. Он затмил свои прежние подвиги.

В а л е р и я

В самом деле, о нем рассказывают чудеса.

М е н е н и й

Чудеса? Ручаюсь — только истинные.

В и р г и л и я

Боги да подтвердят их истинность!

В о л у м н и я

Истинность? Да кто же в этом сомневается!

М е н е н и й

Истинность? Готов в ней поклясться.— Куда же он ранен? (*Трибунам, которые опять подходят к нему.*) Привет, почтеннейшие! Марций-то возвращается, и теперь у него еще больше причин быть высокомерным. (*Волумнии.*) Так куда же он ранен?

В о л у м н и я

В плечо и в левую руку. Теперь у него достаточно шрамов, чтобы показать народу, когда он будет добиваться консульства. Когда мы отражали набег Тарквиния, Марций уже получил семь ран.

М е н е н и й

Одну — в шею, две — в бедро. Всего, кажется, девять.

В о л у м н и я

У него и до этого похода было двадцать пять ран.

М е н е н и й

Значит, теперь их стало двадцать семь: что ни рана — то могила для врага.

Крики и трубы за сценой.

Слышите? Трубы!

В о л у м н и я

То весть нам Марций шлет. Его повсюду Восторг встречает, провожают слезы.

В его руке дух смерти воплощен:
Чуть ею он взмахнул — и враг сражен.

Трубы.

Входят Коминий и Тит Ларций; между ними Кориолан в дубовом венке; за ними — военачальники, воины и глашатай.

Глашатай

Знай, Рим, что кориольские ворота
Кай Марций в одиночку захватил,
Стяжав себе со славой третье имя —
Кориолан — вдобавок к первым двум.
Добро пожаловать, Кориолан!

Трубы.

Все

Добро пожаловать, Кориолан!

Кориолан

Довольно же! Не по сердцу мне это.
Прошу...

Коминий

Вот мать твоя подходит.

Кориолан

О!

Я знаю, кем удача у богов
Мне вымолена.

(Опускается на колени.)

Волумния

Встань, мой славный воин,
Мой милый Марций, мой достойный Кай,
За подвиги отныне нареченный...
Ну, как его?.. Кориоланом. Так ведь?
Взгляни же, вот твоя жена.

Кориолан

Привет,

Молчальница прелестная моя!
Что ж ты на мой триумф глядишь сквозь слезы?
Тогда уж ты должна была б смеяться,
Вернись в гробу я... Плакать, дорогая,
Сегодня нужно кориольским вдовам
И матерям.

М е н е н и й
Богами будь увенчан!

К о р и о л а н
Ты жив, дружине?
(*Валерии.*)
Госпожа, прости...

В о л у м н и я
Не знаю, с кем здороваться!..
(*Коминию.*)
Привет
Тебе, наш вождь, и всем, кто возвратился!

М е н е н и й
Нет, тысяча приветов! И смеяться
И плакать я готов, а на душе
И тяжело и легко. Привет вам всем!
Пусть тех, кто увидеть тебя не рад,
Проклятие поразит. А вас троих
Боготворить обязан Рим, хоть в нем
Найдутся застарелые дички,
Которым не привьешь ваш дух высокий.
Да что нам в них! Привет вам, полководцы!
Крапива же останется крапивою,
А дурни — дурнями.

К о м и н и й
Всегда он прям.

К о р и о л а н
Всегда, во всем все тот же он Менений.

Г л а ш а т а й
Вперед! Дорогу!

К о р и о л а н
(*Волумнии и Виргилии*)

Дайте ваши руки.
Но раньше чем склонюсь пред отчим кровом,
Я обойду патрициев почтенных,
Благодаря их за слова привета
И почести.

В о л у м н и я

Мне удалось дожить
До исполнения всех моих желаний,
Воображеньем смелым порожденных.
Осталась у меня одна мечта,
Но и ее исполнит Рим.

К о р и о л а н

Нет, лучше
По-своему служить ему, чем править
Им так, как хочет чернь.

К о м и н и й

На Капитолий!

Трубы и рожки.

Триумфальное шествие удаляется. Брут и Сициний выходят вперед.

Б р у т

Все лишь о нем толкуют. Нацепили
Слепцы очки, чтоб на него взглянуть.
О нем стрекочет нянька, позабыв
Про малыша орущего; стряпуха,
На шее грязь прикрыв холщовой тряпкой,
В окошко пялится; ларьки, прилавки
И двери от людей черны; на крышах
Торчит народ; зеваки на коньках
Сидят верхом, Везде пестреют лица.
Все лишь его глазами жадно ищут.
Затворники жрецы и те сегодня
С толпой смешались и пыхтят, пытаюсь
Вперед пролезть. Матроны в покрывалах
Под поцелуй Феба подставляют
Свой нежный лик, где белизна с румянцем
Ведет войну. На улицах так шумно,
Как если б некий бог, его хранящий,
Вошел в него, свое очарованье
Ему придав.

С и ц и н и й

Ручаюсь, скоро будет
Он консулом.

Б р у т

А при его правленьи
Одно останется нам — спать.

Сициний

Он и у власти будет безрассуден,
Не кончит так, как начал, и утратит
Все, что снискал.

Брут

Хоть в этом утешенье!

Сициний

Поверь, что плебс, чью сторону мы держим,
Ждет только повода, чтоб позабыть
Сегодняшний триумф его и вспомнить
Вчерашнюю вражду к нему. А повод
Он сам создаст своим высокомерьем.

Брут

При мне он клялся, что когда захочет
Быть консулом, то ни за что не выйдет
На рыночную площадь, не наденет
До нитки вытертых одежд смирения
И не покажет (как велит обычай)
Народу ран своих, чтоб домогаться
Его вонючих голосов.

Сициний

Недурно!

Брут

Добавил он, что консульства искать
Не станет вовсе, если не попросят
Патриции его об этом сами.

Сициний

Чего же лучше! Одного желаю:
Пусть клятве не изменит.

Брут

Так и будет.

Сициний

А это, как того мы и хотим,
Его погубит.

Брут

Иль его мы свалим,
Иль наша власть падет. Мы с этой целью

Должны внушать плебеям, что всегда
Он ненавидел их, что, если б мог,
Он превратил бы их во вьючных мулов,
И вольностей лишил, и рот заткнул
Защитникам народа, убежденный,
Что чернь в делах и разумом и сердцем
Не выше, чем верблюды войсковые,
Которых кормят, чтоб таскали грузы,
И бьют, когда они под тяжкой ношей
На землю валятся.

Сициний

Все эти мысли
Плебеям мы внушим, как только он
Их спесью оскорбит, что будет скоро:
Ведь Марция на чернь науськать проще,
Чем на овец собаку. Разом вспыхнет
Народ, как куча хворосту, и дымом
Его навеки закоптит.

Входит гонец.

Брут

В чем дело?

Гонец

На Капитолий вас зовут. Есть слух,
Что Марций будет консулом. Теснятся
Там все: глухие — чтоб его увидеть,
Слепые — чтоб услышать. Путь его
Перчатками матроны забросали,
А девушки и женщины — платками.
Пред ним склонились нобили, как будто
Пред статуей Юпитера, и шапки
Дождем летели из толпы народной
Под гром приветствий. Никогда такого
Я не видал.

Брут

Идем на Капитолий!

Пусть трудятся пока глаза и уши,
А сердце выжидает.

Сициний

Я с тобой.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Капитолий.

Входят два служителя с подушками для скамей.

Первый служитель

Скорее, скорее, они сейчас придут. А сколько человек добивается консульства?

Второй служитель

Говорят, трое. Но все уверены, что будет избран Кориолан.

Первый служитель

Малый он храбрый, но только чертовски спесив и недолюбливает простой народ.

Второй служитель

Полно тебе! Ведь уж сколько больших людей льстили народу, а он все равно их не любил; а других любил неизвестно за что. Значит, можно так сказать: если народ любит без причины, то и ненавидит без основания. Кориолан это понимает; ему все равно — любит его народ или ненавидит. А так как он человек благородный и прямой, то он этого и не скрывает.

Первый служитель

Будь ему все равно, любит его народ или нет, он держался бы себе в сторонке и не делал ему ни добра, ни зла. Но он словно старается заслужить народную ненависть и прямо из кожи лезет, чтобы показать это своим недругам. А напрашиваться на вражду и злобу народа ничуть не лучше, чем льстить тем, кого ненавидишь, чтобы они тебя полюбили.

Второй служитель

Он достойно послужил отечеству. Уж ему-то возвыситься потруднее было, чем многим другим, которые только кланялись да угождали народу, не сделав ничего, чтобы пробудить в нем уважение к ним. А Кориолан так запечатлел свою славу во всех глазах и свои подвиги во всех сердцах, что замалчивать и не признавать это было бы черной неблагодарностью. Отзываться о нем плохо может только человек злобный и лживый, которого попрекнет и осудит каждый, кто услышит такие слова.

Первый служитель

Ну, хватит о нем. Я вижу: он и в самом деле человек достойный. Прочь с дороги, сенаторы идут.

Трубы.

Входят консул Коминий, предшествуемый ликторами, Менений. Кориолан, сенаторы, Сициний и Брут. Сенаторы занимают свои места, трибуны — свои. Кориолан стоит.

Менений

Теперь, когда отозван Ларций в Рим
И с вольсками покончено, осталось
(Для этого мы здесь и собрались)
Решить, как мы вознаградим заслуги
Того, кто столько сделал для отчизны.
Поэтому, почтенные отцы,
Прошу я, чтобы здесь сидящий консул
И вождь победоносный нам поведал
О подвигах, которые Кай Марций
Кориолан свершил. Он тут, меж нами,
И почести воздать ему должны мы
Как подобает.

Первый сенатор

Говори, Коминий,
Наскучить не боясь, и докажи,
Что дело не за нами, а за тем,
Что Риму средств не хватит для награды.
(Трибунам.)

Мы просим вас, избранники народа,
Все благосклонно выслушать, а после
Решенье наше дружественной речью
Перед народом поддержать.

Сициний

Всем сердцем
Стремясь к согласью общему, охотно
Согласны мы почтить того, кому
Посвящено собрание.

Брут

Но охотней
Его мы чтим, научись он сам
Ценить и почитать народ побольше,
Чем раньше.

Менений

Брут, не к месту речь твоя!
Ты б лучше помолчал. Ну, будешь слушать
Коминия?

Брут

Да, буду, но уместней
Его предостеречь мне, чем тебе
Меня бранишь.

Менений

Он любит твой народ,
Но с ним в одной постели спать не станет.—
Коминий, говори.

Кориолан порывается уйти.

А ты останься.

Первый сенатор

Кориолан, хвалу своим деяньям
Не стыдно слушать. Сядь.

Кориолан

Отцы, простите:
Полезней раны мне лечить, чем слушать
О том, как получил я их.

Брут

Надеюсь,
Не речь моя тебя спугнула?

Кориолан

Нет,
Хоть часто я, ударов не страшась,
От слов пустых бежал. Ты мне не льстил,
Поэтому меня ты не обидел.
А твой народ и я люблю — настолько,
Насколько стоит он того.

Менений

Ну, сядь же.

Кориолан

Скорей я стану нежиться на солнце,
Почесывая голову под звуки
Тревоги боевой, чем праздно слушать
Слова хвалы делам моим ничтожным.

(Уходит.)

Менений

Избранники народа, как он может
Льсгить вашим плодовитым оборванцам
(На тысячу которых нет и двух
Людей достойных), если много легче
Ему отдать всю жизнь во имя чести,
Чем пять минут вниманья восхваленью
Своих деяний? — Начинай, Коминий.

Коминий

Мой голос слаб. Ему ли описать
Дела Кориолана? — Если правда,
Что храбрость — высшее из всех достоинств,
Которые мужчину украшают.
То в мире равных нет тому, о ком
Я речь веду. Уже в шестнадцать лет,
Когда на Рим Тарквиний шел, он всех
В бою затмил. Тогдашний наш диктатор,
Прославленный воитель, видел сам,
Как безбородый, словно амазонка,
Кай Марций гнал щетинистых врагов.
Заметив, что один из римлян ранен,
Его он заслонил своею грудью
И на глазах вождя убил троих.
Сойдясь с самим Тарквинием, свалил
Он с ног его в тот день, когда на щепе
Еще играть он мог бы роли женщин,
Но получил как первый меж мужами
Венок дубовый. В юность он вступил
Как зрелый муж и рос подобно морю,
В семнадцати сражениях лишив
Соратников надежды на награду.
И, наконец, у кориольских стен
И в городе сражаясь (у меня
Нет слов, достойных этого деянья!),
Он беглецов остановил и трусам
Помог своим примером превратить
В забаву страшный бой. Как острым килем
Корабль бегущий гнет траву морскую.
Так он своим мечом — печатью смерти,
Косившим всех, кого клинок коснулся,
Сминал и раздвигал ряды врагов,
Израненный от головы до пят
И стон предсмертный исторгая каждым
Своим движеньем. Он один ворвался

В губительные стены Кориол,
Кровь — знак судьбы — оставив на воротах,
Без помощи сумел оттуда выйти
И, снова с подоспевшим подкреплением
В них вторгшись, как комета, город взял.
Но тут же, чутким ухом уловив
Шум битвы вдалеке, он укрепил
Измученную плоть воспрявшим духом
И вновь на вольсков ринулся, шагая
По грудам мертвецов, как если б были
Они его несметною добычей,
И так, в крови, без отдыха сражался,
Пока не стали нашими и город,
И поле битвы.

М е н е н и й

О достойный муж!

П е р в ы й с е н а т о р

Он заслужил те почести, какие
Ему готовим мы.

К о м и н и й

Добычу нашу

Он оттолкнул, ценнейшие дары
Сочтя за грязь и меньшего желая,
Чем нищий мог бы дать ему; награду
За подвиги он видит в их свершение,
Довольный тем, что каждый день рискует
Своею жизнью.

М е н е н и й

Как он благороден!

Пушай его введут.

П е р в ы й с е н а т о р

Позвать сюда

Кориолана.

С л у ж и т е л ь

Вот он сам идет.

Входит Кориолап.

М е н е н и й

Кориолан, сенат тебя возводит
В сая консула.

Кориолан

Готов служить сенату
Мечом и жизнью.

Менений

Обратись теперь
К народу с речью, как велит обычай.

Кориолан

Позвольте мне его не соблюсти.
Не в силах я стоять перед толпою
Полунагим и, раны открывая,
Молить ее отдать мне голоса.
Прошу, меня от этого увольте.

Сициний

Избрание без народа — незаконно,
А он не даст обычай нарушать.

Менений

Прошу, не раздражай народ напрасно,
Смирись с обрядом древним и добудь
Свой сан по установленному чину,
Как все, чей ты преемник.

Кориолан

Роль такую

Играя, покраснею я, и лучше
Народу этого не видеть.

Брут

(Сицинию)

Слышишь?

Кориолан

Мне ль хвастаться перед толпою: «Дескать,
Я сделал то да се» — и не скрывать,
Но обнажать зажившие рубцы,
Как будто ради голосов ее
Я раны получал?..

Менений

Оставь упрямство.—

Трибуны, сообщить вам поручаем
Народу о решение нашем.

(Кориолану.)

Славься

И счастлив будь, наш консул благородный!

Сенаторы

Кориолан, будь счастлив! Славься! Славься!

Трубы.

Все, кроме Сициния и Брута, уходят.

Брут

Вот как с народом поступить он хочет!

Сициний

Пора бы это всем понять! Он будет
Просить о том, что презирает, ибо
Просимое дает народ.

Брут

Идем

На рыночную площадь и народу,
Который ждет нас там, расскажем все.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же. Форум.

Входят семь-восемь горожан.

Первый горожанин

Да что там толковать: попроси он наших голосов, мы ему не откажем.

Второй горожанин

Ну, если захотим, то можем и отказать.

Третий горожанин

Это, конечно, наше право, но ведь этим правом мы воспользоваться-то не вправе: покажи он нам свои раны да Расскажи про свои подвиги, так мы наши языки в эти раны всунем и за них говорить начнем. Да, уж если он нам про свои благородные дела расскажет, так нельзя же нам такое неблагородство проявить, чтоб ему в признательности отказать! Неблагодарность чудовищна; значит, неблагодарный народ — чудовище. А раз мы сами из народа, то и мы окажемся чудовищами.

Первый горожанин

Да нас и теперь из-за каждого пустяка готовы чудовищами

объявить. Помните, когда мы из-за хлеба взбунтовались, он и сам не постыдился обозвать нас многоголовой чернью.

Третий горожанин

Многие нас так называли: и не за то, что головы у одних из нас черные, у других — русые, у третьих — каштановые, а у четвертых и вовсе плешивые, а за то, что умы у нас совсем уж разномастные. Честное слово, если б они разом выскочили из одного черепа, то и тогда разлетелись бы на все четыре стороны — на восток, запад, север, юг — и, продолжая двигаться по прямой, очутились бы все на одной окружности, да только в разных точках.

Второй горожанин

Вот ты как думаешь? А в какую сторону полетел бы, по-твоему, мой ум?

Третий горожанин

Ну, твой-то не так быстро из башки выберется: он в нее чересчур крепко заколочен; а если все-таки вырвется на свободу, то наверняка полетит на юг.

Второй горожанин

Это почему же именно на юг?

Третий горожанин

Да чтобы в тумане растаять: там три четверти его растворяются в гнилых испарениях, а четвертая для очистки совести вернется и поможет тебе жену подыскать.

Второй горожанин

Никак ты без своих шуточек не можешь. Да ладно, продолжай.

Третий горожанин

Так как же порешили? Отдадим ему голоса или нет? Впрочем, ничего они не изменят: большинство и так за него. А я скажу все-таки: будь он с народом помягче, не было бы человека достойнее.

Входит Кориолан в одежде смирения и Менений.

А вот и он сам идет в одежде смирения. Примечайте получше, как он себя с нами держать станет. Толпиться нам всем ни к чему: будем подходить к тому месту, где он стоит, по одному, по

двое, по трое. Пусть каждого поодиночке попросит, чтобы каждому выпала честь собственный голос собственным языком отдать. Идите-ка за мной: я вам покажу, как мимо него проходить надо.

Все

Согласны, согласны.

Горожане уходят.

Менений

Нет, ты неправ: блюли обычай этот
Достойнейшие люди.

Кориолан

Что сказать мне?

«Мой друг...» Чума тебя возьми! Никак
На нужный лад язык я не настрою.
«Взгляни, вот раны, друг! Служа отчизне,
Я получил их в час, когда, как стадо,
Твои собратья с ревом удирали
От грохота своих же барабанов!»

Менений

О небо! Нет, не так. Проси их вспомнить
Твои заслуги.

Кориолан

Их? Мои заслуги?

К чертям! Пусть лучше обо мне забудут,
Как и о добродетели, которой
Жрецы их тщетно учат.

Менений

Ты упрямством

Испортишь все. Ну, я пойду. Прошу,
Будь с ними поприветливей.

Кориолан

Сначала

Пусть зубы вычистят себе и рожки
Умоют.

Входят двое горожан.

Вот подходят сразу двое.

Входит третий горожанин.

Вы, конечно, знаете, почему я здесь стою.

Третий горожанин

Знаем, знаем. А все-таки ответь, что же тебя сюда привело?

Кориолан

Мои собственные заслуги.

Второй горожанин

Твои собственные заслуги?

Кориолан

Да, но пришел-то я сюда не по собственной воле.

Третий горожанин

Как — не по собственной воле?

Кориолан

По собственной воле я никогда бы не стал у нищего милостыню кланяться.

Третий горожанин

Ты все-таки помни, что если мы тебе что-нибудь даем, то и от тебя кое-что надеемся получить.

Кориолан

Вот и хорошо. Тогда скажи напрямик: в какой цене у вас должность консула.

Первый горожанин

Цена ее — дружеская просьба.

Кориолан

Дружеская? Изволь. Отдай мне свой голос, приятель. А я тебе покажу свои раны, когда мы будем наедине.

(Второму горожанину.)

И ты, приятель, дай мне свой голос. Что скажешь?

Второй горожанин

Он твой, доблестный воин.

Кориолан

Что ж, по рукам! Вот я и выпросил себе два достойных голоса. Благодарю за подаяние. Прощайте.

Третий горожанин

Как-то странно все это.

Второй горожанин

Если б снова пришлось... Ну, сделанного не воротишь.

Три горожанина уходят.
Входят два других горожанина.

Кориолан

Если вы настроены так, чтоб я был консулом, отдайте мне ваши голоса. Вы же видите: я одет, как полагается по обычаю.

Четвертый горожанин

Ты честно служил отечеству, но служба твоя не была честной.

Кориолан

Это что, загадка?

Четвертый горожанин

Для его врагов ты был бичом, а для его друзей — скорпионом: ты никогда не любил простого народа.

Кориолан

Значит, ты должен еще больше ценить меня за то, что я не якшался запросто с кем попало. Впрочем, я готов льстить моему названному братцу — народу, чтобы снискать его драгоценное уважение, раз он согласен его оказывать только на таком условии. Если мудрому народу милей согнутая спина, чем прямое сердце, что ж, я выучусь кланяться пониже и корчить сладкие рожи на манер тех, к кому он благоволит; словом, буду прислуживаться ко встречному и поперечному. Поэтому прошу вас: изберите меня консулом.

Пятый горожанин

Мы надеемся, что ты станешь нам другом, и охотно отдаем тебе голоса.

Четвертый горожанин

К тому же ты получил много ран, сражаясь за отечество.

Кориолан

Раз ты про них знаешь, я их показывать не буду. Я очень ценю ваши голоса и поэтому не смею их больше утруждать.

Оба горожанина

От всей души желаем: да пошлют тебе боги счастье!

Уходят.

Кориолан

О, как их голоса отрадны мне!
Нет, лучше голодать, издохнуть лучше,
Чем кланяться то, что заслужил по праву.
Зачем прошу я, стоя здесь в лохмотьях,
У Дика с Хобом голосов ненужных?
Да потому, что так велит обычай!
Но повинуйся мы ему во всем,
Никто не стал бы пыль веков стирать
И горы заблуждений под собою
Похоронили б истину. Не лучше ль,
Чем роль шута играть, отдать и должность
И честь тому, кто ради них все стерпит?
Нет, раз я вынес половину срама,
То и другую вынесу упрямо!

Входят еще трое горожан.

А вот три голоса еще.—
Я ваших голосов прошу. Я дрался
Лишь ради них; лишь ради них ночами
Не спал; лишь ради них раз двадцать пять
Был ранен в восемнадцати сраженьях.
Свершил я много дел больших и малых
Лишь ради них. Давайте ж голоса:
Я впрямь быть консулом хочу.

Шестой горожанин

А ведь он доблестно сражался. Ни один честный человек не откажет ему в голосе.

Седьмой горожанин

Что ж, пускай будет консулом. Да пошлют ему боги счастья
и да превратят его в истинного друга народа.

Все

Аминь. Пусть боги консула хранят!

Горожане уходят.

Кориолан

О, как почетны эти голоса!
Входит Менений с Брутом и Сицинием.

Менений

Твой искус кончен. Голоса народа
Несут тебе трибуны. Остается

Тебе в одежду консула облечься,
Чтоб в ней предстать народу.

Кориолан

Это все?

Сициний

Ты выполнил обряд. Народ согласен,
Чтоб консульство ты получил. Но прежде
Твое избранье нужно утвердить.

Кориолан

В сенате?

Сициний

Да, Кориолан, в сенате.

Кориолан

Так можно мне переодеться?

Сициний

Можно.

Кориолан

Пойду сменю одежду и отправлюсь,
Вновь став самым собой, в сенат.

Менений

И я с тобой.— А вы куда, трибуны?

Брут

С народом мы побудем.

Сициний

В добрый час!

Кориолан и Менений уходят.

Достиг он цели, хоть взбешен изрядно.

Брут

Надев наряд смиренья, он все так же
Остался горд. Ты что, народ распустишь?

Входят горожане.

Сициний

Ну как, друзья? Избрали вы его?

Первый горожанин
Ему мы дали голоса.

Брут
О небо,
Да не обманет он любви народной.

Второй горожанин
Аминь. А все ж с проста мне показалось,
Что нас о них с издевкой он просил.

Третий горожанин
Конечно, он в насмешку это делал.

Первый герсжанин
Нет-нет, уж просто так он говорит.

Второй горожанин
Мы все, за исключением тебя,
Нашли, что проявил он к нам презренье.
Он был обязан показать нам раны —
Следы своих заслуг перед отчиной.

Сициний
Он, несомненно, их и показал!

Горожане
(отдельные голоса)
Да кто их видел! Нет! И не подумал!

Третий горожанин
Сказал он нам, махнув с презреньем шапкой:
«Наедине я покажу вам раны.
Не позволяет мне обычай старый
Стать консулом без ваших голосов.
Поэтому вы их должны мне дать».
Когда ж мы согласились, он прибавил:
«Благодарю. Я ваши голоса
Весьма ценю, но больше делать вместе
Нам печего». Ну не насмешка ль это?

Сициний
Но как могли вы быть настолько глупы,
Чтоб не понять его, и так по-детски

Доверчивы, чтоб голоса отдать,
Коль поняли его?

Б р у т

Что ж не смогли вы
Ему ответить так, как вас учили,—
Что в дни, когда он не стоял у власти,
А был еще слугой безвестным Рима,
Он к вам уже питал вражду и речи
Держал в собраниях против вас, пытаясь
Лишить плебеев вольностей и прав;
И что теперь, когда он приобрел
Влияние и силу в государстве,
Оставшись, как и встарь, врагом народа,
Беду накличут ваши голоса
На вас самих. Сказать вам было надо,
Что, хоть довольно у него заслуг
Для назначения консулом, он все же
Вам должен благодарен быть за выбор
И, забыв вражду былую, стать
Вам другом и защитником.

С и ц и н и й

Вот если б

Ему вы наши речи повторили,
Он тут же, вспыхнув, выложил бы душу
И вы могли б добиться обещаний,
Чтобы о них при случае напомнить,
Иль, распалив его строптивый нрав,
Который не выносит принужденья,
Найти в его неистовстве предлог,
Чтоб отменить избранье.

Б р у т

Иль не ясно,

Что, даже в вас нуждаясь, он открыто
Вас презирал? Иль не понятно вам,
Что вас своим презреньем он раздавит,
Когда получит власть давить? Иль сердце
У вас в груди не бьется? Иль язык
Вам дан лишь для того, чтоб восставать
На разум?

С и ц и н и й

Или не случилось вам

Ни разу отказать тому, кто просит?

Зачем же вы отдали голоса
Тому, кто не просил вас, а смеялся
Над вами?

Третий горожанин

Он еще не утвержден.
Его отвергнуть можно.

Второй горожанин

И отвергнем!
Я сам уговорю пять сотен граждан!

Первый горожанин

Я — тысячу, и с ними их друзей.

Брут

Ступайте объясните им, что избран
Был вами тот, кто втайне замышляет
Вас вольностей и голосов лишить,
Как псов, которых бьют за лай, хоть держат,
Чтоб лаяли.

Сициний

Плебеев созовите
Для обсуждения дела и отмены
Избранья безрассудного. Сошлитесь
На то, как он спесив и вам враждебен,
На то, с каким презрением одежду
Смиренья он носил и как глумился
Над вами, голосов прося. Скажите,
Что только память о его заслугах
Понять вам помешала непристойность
Его язвительных речей, внушенных
Закоренелой злобой к вам.

Брут

Свалите

Вину на нас, трибунов ваших, — дескать,
Мы сами, возраженьям не внимая,
Склоняли вас его избрать.

Сициний

Скажите,

Что вами избран он не добровольно,
А по приказу нашему; что занят
Был разум ваш не тем, что вам хотелось,

А тем, что надлежало сдать вам;
И вышло так, что нехотя избрали
Вы консулом его. Вините нас.

Б р у т

Да, не щадите нас. Другьям скажите,
Как часто мы втолковывали вам,
Что с юности до нынешнего дня
Он родине служил; что происходит
Он из семьи тех Марциев, которой
Дан римлянам четвертый царь — Анк Марций,
Великого Гостилия преемник
И Нумы внук по матери своей,
А также Квинт и Публий, кем построен
Водопровод, чтоб Рим снабжать водой,
И Цензорин, любимец бедняков,
Себе прозвание это заслуживший
Тем, что был дважды цензором.

С и ц и н и й

Скажите,

Что постоянно мы твердили вам
Не только о его происхожденье,
Но и о дарованиях его,
На консульство ему дающих право;
Однако, взвесив все его поступки
Как в прошлом, так и в день голосованья,
Вы поняли, что он — ваш враг заклятый,
И отменили свой поспешный выбор.

Б р у т

Да посильней при этом напирайте
На то, что вы без наших настояний
Его бы не избрали никогда.
А после, голоса собрав, спешите
На Капитолий.

Г о р о ж а н е

Так мы и поступим.
Уже почти что все теперь жалеют
О выборе недавнем.

Уходят.

Б р у т

Пусть идут!
Нам их подбить на бунт не так опасно,

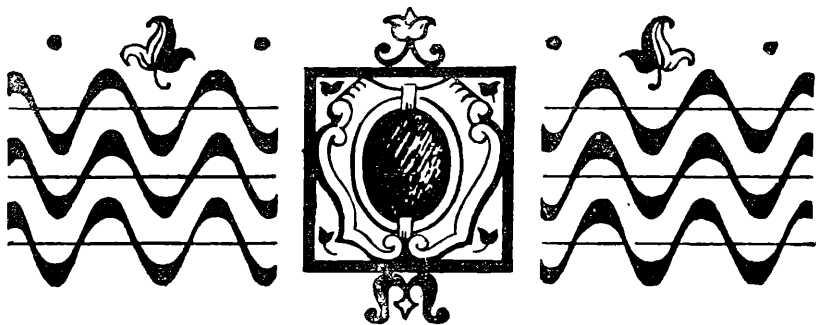
Как ждать, пока не грянет неизбежно
Другой мятеж, во много раз страшней.
Коль взбесит Марция, что несомненно,
Лишение сана, это может пользу
Пам принести.

Сициний

Идем на Капитолий,
Покуда плебс туда волной не хлынул.
Пусть бунт, к которому мы подстрекнули,
Предстанет (так оно и есть отчасти)
Как дело рук народа самого.

Уходят.





А К Т III

СЦЕНА 1

Улица в Риме.

Рожки. Входят Кориолан, Менений, Коминий, Тит Ларций, сенаторы и патриции.

Кориолан

Итак, вновь поднял голову Авфидий?

Ларций

Да, поднял. Потому нам и пришлось
Поторопиться с заключением мира.

Кориолан

И, значит, вольскам нужен только случай,
Чтобы опять напасть на нас?

Коминий

Нет, консул.

Они истощены, и не придется
До смерти видеть нам, как их знамена
Колышались.

Кориолан

(Ларцию)

Авфидия ты видел?

Ларций

Ко мне с охранной грамотой пришел он,
Кляня сограждан, подло сдавших город,
И удалился в Анциум затем.

Кориолан

И говорил он обо мне?

Ларций

Да.

Кориолан

Что же?

Ларций

Что скреживали вы мечи не раз,
Что он тебя смертельно ненавидит,
Что в безвозвратный долг отдать готов
Все, чем владеет, лишь бы победить
Тебя в бою.

Кориолан

Он в Анциуме ныне?

Ларций

Да.

Кориолан

Я хотел туда б к нему пробраться,
Чтоб ненависть его опять сломить.—
Тебя же с возвращеньем поздравляю.

Входят Сициний и Брут.

А, вот они, трибуны, горло черни!
Я презираю их за чванство властью,
Которое невыносимым стало
Для нас, патрициев.

Сициний

Ни шагу дальше!

Кориолан

Как? Почему?

Брут

Идти вперед опасно.

К ори о л а н

Что тут еще за новости?

М е н е н и й

В чем дело?

К о м и н и й

Ведь он же избран знатю и народом.

Б р у т

Нет.

К ори о л а н

Кто ж тогда голосовал? Мальчишки?

П е р в ы й с е н а т о р

Прочь! Он идет на рыночную площадь.

Б р у т

Он прогневил народ.

С и ц и н и й

Назад, иль бунта

Теперь не миновать.

К ори о л а н

Вот ваше стадо!

Вот что бывает, если голос дать
Тем, кто от слов своих готов отречься!
Куда ж трибуны, глотки черни, смотрят?
Зачем не сжали зубы ей? Иль сами
Их наострили?

М е н е н и й

Полно, успокойся.

К ори о л а н

Тут заговор умышленно устроен,
Чтоб волю плебса знати навязать.
Что ж. покоритесь, поживите с теми,
Кто неспособен властвовать, но власти
Не признает.

Б р у т

Тут заговора нет.

Народ кричит, что ты над ним глумился,

Что порицал раздачу хлеба даром,
Что обзывал защитников народа
Подлизами и недругами знати.

К о р и о л а н

Давно известно это всем.

Б р у т

Не всем.

К о р и о л а н

Так ты им это разболтал?

Б р у т

Кто? Я?

К о м и н и й

На это ты способен.

Б р у т

Я способен

На лучшее, чем лучшие из вас.

К о р и о л а н

Тогда к чему мне консульство? Клянусь
Вон той высокой тучей, мне удобней
Стать вашим сотоварищем-трибуном,
По низости вам равным.

С и ц и н и й

Слишком много

В тебе того, что в гнев народ приводит.
Уж если ты достичь желаешь цели,
Так спрашивай учтивей о дороге,
Которой к ней приходят и с которой
Ты сбился, а не то — оставь надежды
Быть консулом иль хоть трибуном.

М е н е н и й

Полпо.

К о м и н и й

Народ обманут. Недостойны Рима
Все эти плутни, и Кориолан
Не заслужил, чтоб заграждала ложь
Ему дорогу славы.

Кориолан

Хлеб он вспомнил!

Да, так я говорил и вновь скажу...

Менений

Но позже, позже.

Первый сенатор

Слишком ты взволновав.

Кориолан

Нет, жизнью в том клянусь, скажу сейчас.
Достойные друзья, меня простите,
Но черни смрадной и непостоянной
Я льстить не в силах. Пусть она увидит
Себя в моих речах. Я повторяю,
Что, потакая ей во зло сенату,
Мы сами сеем сорную траву
Бесчинств и бунтов, для которой почву
Вспахали и удобрили мы сами,
Себя поставив с чернью наравне,
Смешавшись с ней и поступаясь властью
В угоду подлым нищим.

Менений

Перестань.

Первый сенатор

Прошу: ни слова больше.

Кориолан

Что? Ни слова?

В боях, где кровь за родину я пролил,
Врагов я не страшился и теперь
Не усташусь, пока есть сила в легких,
Клеймить словами этих прокаженных,
Которым мы идем навстречу сами,
Хоть избегать их надо.

Брут

О народе

Ты смеешь отзываться так, как будто
Ты не такой же слабый человек,
А божество карающее.

Сициний

Стоит

Твои слова пересказать народу.

Менений

Не смей! Ему внушил их гнев.

Кориолан

Что? Гнев?

Да будь спокойней я, чем сон полночный,
Клянусь богами, я бы думал так же.

Сициний

Ну, эта дума лишь тебя отравит,
А для других безвредна будет.

Кориолан

«Будет!»

Вы слышите, как властно кинул «Будет!»
Тритон плотвы всем нам?

Коминий

Но это слово

Отнюдь не противозаконно.

Кориолан

«Будет!»

О добрый и почтенный, но безвольный
И непредусмотрительный сенат!
Как мог ты допустить, чтоб проходимцы,
Став трубным гласом черни, этой гидры,
Поток твоих решений, как запруда,
В болото направляли дерзким «Будет!»
Коль власть у них, тогда, отцы, склонитесь
Пред ними головой не дальновидной,
А если нет, то гибельную слабость
Пора отбросить. Если мудры вы,
То не уподобляйтесь недоумкам;
А если глупы, то сажайте их
С собою рядом на подушки ваши.
Вы с плебсом, видно, местом поменялись,
Раз голосом его в совете общем
Ваш голос заглушен. Избрала чернь
Сановников себе, как, скажем, этот,
Бросающий запанибрата «Будет!»
В лицо такому славному собранию,

Какого даже Греция не знала.
Он консулов унизил, видит небо!
И я скорблю душою, ибо знаю,
Что стоит лишь возникнуть двум властям,
Как смута проберется в щель меж вами,
Одной другую подорвав.

К о м и н и й

Довольно!

Идем на площадь!

К о р и о л а н

Кто б ни дал совет

Раздать бесплатно хлеб, как иногда
И греки делали...

М е н е н и й

Прошу, довольно!

К о р и о л а н

...(Хоть у народа больше прав там было),
Я повторяю: тот своим советом
Вскормил непослушание и мятеж
На гибель государству.

Б р у т

Неужели

Народ подаст свой голос за того,
Кто это говорит?

К о р и о л а н

Я приведу

Вам доводы ценней, чем этот голос.
Плебейам ли не знать, что не в награду
Был роздан хлеб, которого они
Не заслужили? Кто как не народ,
Когда его мы звали на войну
С врагом, грозившим сердцу всей отчизны,
Не пожелал и за ворота выйти?
А на войне чем проявил он храбрость?
Одними бунтами да мятежами.
Едва ль и те пустые обвиненья,
Которые он предъявлял сенату,
На щедрый дар ему давали право.
И что ж? Как понял доброту сената
Желудок черни? Все ее поступки

Нам говорят яснее слов: «Нас много.
Мы захотели хлеба — и со страху
Нам дали хлеб». Унизили мы сами
Свою же власть и побудили чернь
Почесть за трусость наше снисхождение.
Оно взломает скоро дверь сената,
И вóроны туда ворвутся стаей
И заклюют орлов.

М е н е н и й

Молчи! Довольно!

Б р у т

И даже с лишком!

К о р н о л а п

Нет, скажу еще,
Скрепив свои слова любою клятвой —
Небесной иль земною. — Двоевласть,
Когда одни правители с презреньем
По праву смотрят на других, а те
Понесят первых вовсе без причины,
Когда важней, чем сан, рожденье, мудрость,
Невежественный голос большинства, —
Такое двоевластье неизбежно
К забвению потребностей насущных
И к общему разброду приведет.
Там, где преграждена дорога к цели,
Недостижима цель.

(Сенаторам.)

А потому

Молю я вас, людей не столько робких,
Сколь осторожных; вас, кто больше любит
Порядок, чем боится перемен;
Вас, для кого важней прожить достойно,
Чем долго; вас, кто предпочесть способен
Опасное лекарство верной смерти, —
Немедля вырвите язык толпе,
Чтоб не лизала сладостной отравы.
Иначе унижение сената,
Заставив смолкнуть здравый смысл, разрушит
Единство, без которого нет власти.
Коль зло поработит ее, она
Служить добру не сможет.

Б р у т

Все нам ясно!

Си ц и н и й

Он как изменник говорил и будет
За это как изменник отвечать!

К о р и о л а н

Мерзавец! Ты от злости раньше лопнешь!
Затем ли мы трибунов черни дали,
Чтоб эти облысевшие прохвосты
Ее учили неповиновенью?
Она избрала их во время бунта,
Когда не долг законом был, а сила.
Но времена бесчинства миновали.
Воскликнем же: «Пусть торжествует право!» —
И власть трибунов превратим во прах.

Б р у т

Измена палицо!

Си ц и н и й

И это — консул?

Ну, нет!

Б р у т

Сюда, эдилы!

Входит э д и л.

Взять его!

Си ц и н и й

Зови народ.

Э д и л уходит.

А ты задержан мною
От имени народа как изменник,
Как враг его. Зову тебя на суд
И обвиняю.

К о р и о л а н

Прочь, седой козел!

С е н а т о р ы и п р о ч и е

Мы за него ручаемся.

Коминий

Старик,
Не смей его касаться!

Кориолан

Прочь, иль кости
Твои гнилые из одежды грязной
Я вытрясу.

Сициний

Сограждаве, на помощь!

Входят эдилы с толпой горожан.

Менений

Опомнитесь вы оба!

Сициний

Горожане,
Вот тот, кто хочет власть у вас отнять!

Брут

Хватай его, эдилы!

Горожане

Смерть ему! —
Долой его! — Покончить с ним!

Сенаторы и прочие

К оружию!

Все с криком окружают Кориолана.

Патриции!.. Сограждаве!.. Трибуны!..
Сициний!.. Брут!..— Кориолан!..— Постойте!..
На помощь!..— Успокойтесь!..— Тише, тише!..

Менений

Что происходит здесь? Я задыхаюсь.
Беда близка, а говорить нет сил!
Кориолан, трибуны, успокойтесь!
Уйми народ, Сициний добрый!

Сициний

Тише!

Сограждаве, послушайте меня!

Г о р о ж а н е

Послушаем трибуна.— Тихе, тихе!

С и ц и н и й

Вам всем грозит беда: задумал Марций,
Которого вы консулом избрали,
Отнять у вас свободы ваши.

М е н е н и й

Тьфу!

Не тушишь ты пожар, а разжигаешь!

П е р в ы й с е н а т о р

Безумец, ты разрушить город хочешь?

С и ц и н и й

А что такое город? Наш народ.

Г о р о ж а н е

Он дело говорит: народ есть город.

Б р у т

Народ нам поручил единодушно
Быть судьями от имени его.

Г о р о ж а н е

И оставайтесь ими.

М е н е н и й

Да, конечно.

К о м и н и й

Да, оставайтесь, чтоб разрушить город,
Сравнять его с землею и порядок
Похоронить под горами развалин!

С и ц и н и й

За речь свою достоин Марций смерти.

Б р у т

Иль отстоим мы нашу власть сейчас,
Иль потеряем.— Именем народа,
Который нас избрал, постановляем:
Немедля Марций будет предан казни.

Сициний

А потому изменника хватайте,
Тащите на Тарпейскую скалу
И сбросьте в пропасть.

Брут

Взять его, эдилы!

Горжани

Сдавайся, Марций!

Менений

Дайте мне сказать!

Я слова требую, трибуны!

Эдилы

Тише!

Менений

Считается, что вы друзья отчизны.
На деле докажите это. Взвесьте
Без гнева и без спешки то решение,
Что ярость вам внушила.

Брут

Хладнокровно,

Но медленно оказанная помощь
Опасней, чем отравы для больного,
Когда недуг смертелен.— Взять его
И на скалу стащить!

Кориолан

(обнажая меч)

Нет, здесь умру я!

Кой-кто из вас видал, как я сражаюсь.
Ну что ж, проверьте это на себе.

Менений

Да спрячь ты меч! — Трибуны, отойдите
Хоть на минуту.

Брут

Взять его.

М е н е н и й

На помощь!

Кто благороден, будь он стар пль молод,—
Все Марцию на помощь!

Г о р о ж а н е

Бей его!

Общая схватка. Т р и б у н о в, э д и л о в и н а р о д прогоняют.

М е н е н и й

(Кориолану)

Ступай домой, иначе все погибло!

В т о р о й с е н а т о р

Да-да, иди скорее.

К о м и н и й

Нет, останься:

Друзей у нас не меньше, чем врагов.

М е н е н и й

Ужель польежся кровь?

П е р в ы й с е н а т о р

Да не допустят

Такого боги.— Благородный друг,

Прошу, иди домой и все уладить

Нам предоставь.

М е н е н и й

Ведь рану нанесли

Нам всем, и ты один се не сможешь

Перевязать. Ступай.

К о м и н и й

Мы за тобою.

К о р и о л а н

Зачем они не варвары, которым

Они подобны, хоть родились в Риме,

А римляне, с которыми ничем

Не схожи, хоть зачаты у подножья

Холма Капитолийского?

М е н е н и й

Иди.

Заставь молчать свой правый гнев и верь:
Наступит час возмездья.

К о р и о л а н

Я свалил бы

В бою таких с полсотни.

М е н е н и й

Да и я бы

Пришиб двух лучших — парочку трибунов.

К о м и н и й

Но здесь нас чернь своим числом подавит.
Стоять же пред готовым рухнуть зданьем —
Не мужество, а просто безрассудство.
Уйди, пока толпа не возвратилась
И все, пред чем обычно отступала,
Не смыла, как разлив, плотину.

М е н е н и й

Скройся,

Чтоб попытаться мог мой старый ум
Унять безумных. Если рвется платье —
Любой лоскут пригоден для заплат.

К о м и н и й

Идем.

Кориолан, Коминий и другие уходят.

П е р в ы й п а т р и ц и й

Он слишком прям, чтоб в мире с миром жить.
Нептун трезубцем и Юпитер громом
И те его польстить им не принудят.
Мысль у него со словом нераздельна:
Что сердце скажет, то язык повторит.
Позабывает он в минуты гнева,
Что значит слово «смерть».

За сценой шум.

Ну, будет дело.

В т о р о й п а т р и ц и й

Желал бы я их уложить в постели.

М е н е н и й

А я бы — в Тибр. Ах, черт! Зачем он не был
Повежливее с ними!

Входят Брут и Сициний с толпой плебеев.

Сициний

Где ехидна,
Где тот, кто Рим задумал обезлюдить,
Чтоб в нем царить?

М е н е н и й

Почтенные трибуны...

Сициний

Он будет сброшен со скалы Тарпейской,
Затем что воспротивился закону
И потому законом без суда
Передается в руки строгой власти,
С которой не считался.

Первый горожанин

Пусть узнаёт,
Что наши благородные трибуны —
Уста народа, мы же — руки их.

Горожане

Да-да, пускай!

М е н е н и й

Послушайте...

Сициний

Умолкни!

М е н е н и й

Зачем кричать: «Трави!» — когда медведя
Взять и без боя можно?

Сициний

Для чего
Ему помог ты скрыться?

М е н е н и й

Дай сказать.—
Не хуже, чем достоинства, известны
Мне недостатки консула.

Сициний

Какого?

Менений

Кориолана.

Брут

Консул? Он?

Горжанае

Нет, нет!

Менений

Могу ль я, люди добрые, сказать
С согласия трибунов два-три слова,
Которые лишь несколько минут
У вас отнимут?

Сициний

Говори, но кратко:

С изменой ядовитую покончить
Нам нужно быстро. Если мы изгоним
Предателя — опасность нам грозит,
А если здесь его оставим — гибель.
Сегодня он умрет.

Менений

Да не потерпят

Бессмертные, чтоб Рим, чью благодарность
К его сынам, себя покрывшим славой,
Заносит сам Юпитер в книгу судеб,
Пожрал своих же собственных детей,
Бесчувственному зверю уподобясь.

Сициний

Он язва. Надо вырезать ее.

Менений

Он член, который язва поразила.
Лечить его легко, отсечь — смертельно.
Чем заслужил он казнь, чем Рим обидел?
Тем, что громил его врагов? Иль тем,
Что за отчизну пролил больше крови,
Чем в жилах у него теперь осталось?
Пролив ее остаток, вы навеки
На всех, кто это допустил иль сделал,
Положите пятно.

Сициний

Слова пустые!

Брут

И вздорные. Народом был он чтим,
Пока любил отчизну.

Менений

Разве ногу,
Служившую нам верно, мы не ценим,
Когда ей омертветь случится?

Брут

Хватит. —

К нему домой ступайте и сюда
Его тащите, чтоб заразе этой
Не дать распространиться.

Менений

Стойте, стойте! —

Позвольте мне сказать еще хоть слово.
За Марцием вы гонитесь, как тигры.
Когда ж поймете, чем грозит поспешность,
То вам придется к пяткам привязать
Свинцовый груз, но будет слишком поздно.
Пусть суд решит судьбу Корнолана,
Не то начнется смута (он любим!)
И римлянами будет Рим разгромлен.

Брут

Ну, если так...

Сициний

Да что нам тут болтают?
Мы видим, как закону он послушен!
Кто бил эдилов? Кто сопротивление
Трибунам оказал? — За ним идите...

Менений

Но вспомните, что на войне он рос
С тех пор, как меч поднять рукою может,
Что выбирать слова он не приучен,
А потому их сыплет без разбора,
Как отруби с мукою вперемешку.
Позвольте мне пойти за ним. Ручаюсь,

Что явится он в суд, где по закону
На обвиненье грозное спокойно
Ответит.

Первый сенатор

Благородные трибуны,
Вот это человеческое решение.
Другой же путь кровав, и хоть известно
Его начало, но конец неведом.

Сициний

Тогда, Менений благородный, действуй
От имени народа.

(Народу.)

Эй, на время
Сложить оружие!

Брут

Но не расходиться!

Сициний

Мы подождем на площади тебя,
Но если ты без Марция вернешься,
Он будет силой взят.

Менений

Я с ним вернусь.

(Сенаторам.)

Прошу меня сопровождать. Он должен
Прийти, иль все пропало.

Первый сенатор

Да, идемте!

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Кориолана.

Входят Кориолан и патриции.

Кориолан

Пусть мне они грозят колесованием
Иль смертью под копытами коней;

Пусть друг на друга десять скал Тарпейских
Нагромоздят, чтоб я не видел дна
Пред тем, как буду сброшен,— все таким же
Останусь с ними я.

Первый патриций
Ты благороден!

Кориолан

Я удивлен
Лишь тем, что мать меня не одобряет,
Хотя она всегда их называла
Скотами грубошерстными, чье дело
Из-за гроша на рынке торговаться
Да с непокрытой головой в собраниях
Зевать, молчать и слушать с изумленьем
Все то, что кто-нибудь из равных мне
По поводу войны иль мира скажет.

Входит Волумния.

Речь о тебе идет. Зачем ты хочешь,
Чтоб я своей природе изменил
И мягче стал? Уж лучше пожелай
Мне быть таким, каков я есть.

Волумния

Мой сын,
Сперва облечься нужно в пурпур власти,
А уж потом изнашивать его.

Кориолан

К чему беречь лохмотья!

Волумния

Ты бы мог
Остаться тем, чем создан, если б меньше
Врагам стремился это показать.
Их ненависть к тебе была б слабее,
Сумей ты скрыть намеренья свои
До дня, когда уже никто не смел бы
Тебе мешать.

Кориолан

На виселицу чернь!

В о л у м н и я

И даже на костер.

Входят Менений и сенаторы.

М е н е н и й

Сознайся: ты был резок, слишком резок.
Вернись и попытайся все исправить.

Первый сенатор

Иного средства нет. Иди, иль смута
Расколет Рим и город наш погибнет.

В о л у м н и я

Прошу тебя, последуй их совету.
Как ты, я сердцем тоже непреклонна,
Но все-таки, когда необходимо,
Рассудок мой умеет гнев смирять.

М е н е н и й

Ты хорошо сказала, госпожа!
Не требуй лихорадочное время
Для родины столь горького лекарства,
Я сам надел бы через силу латы,
Чтоб друга уберечь от унижений
Пред этим стадом.

К о р и о л а н

Что я должен сделать?

М е н е н и й

Со мной к трибунам выйти.

К о р и о л а н

Что еще?

М е н е н и й

Пред ними осудить свои слова.

К о р и о л а н

Пред ними? Нет, я этого б не сделал
Не то что перед ними — пред богами!

В о л у м н и я

Ты слишком неуступчив. Благородству
Приходится пред голосом нужды

Порой смолкать. Ты говорил мне сам,
Что хитрость и отвага на войне —
Подруги неразлучные. Зачем же
Им ссориться в дни мира, причиняя
Друг другу вред?

К о р и о л а н

Молчи!

М е н е н и й

Вопрос разумен.

В о л у м н и я

Раз на войне приговорство не бесчестно
И помогает нам прийти к победе,
То почему несовместимо с честью
Оно теперь, при мире, если пользу
Приносит нам?

К о р и о л а н

К чему ты речь ведешь?

В о л у м п и я

К тому, что должен ты поговорить
С народом, но не так, как ты хотел бы,
Не так, как сердце гневное подскажет,
А с помощью пустых, холодных слов,
Которые, чтоб мысль вернее скрыть,
Язык рождает как детей побочных.
Поверь, мой сын, что это не бесчестней,
Чем город словом увещанья взять,
Вместо того чтоб добывать победу
Рискованной кровавою осадой.
Стой жизнь моя или друзей на карте,
И я была б готова притворяться,
Не видя в том бесчестья. Я, твой сын,
Жена, сенат, патриции — все просят
Тебя об этом. Ты ж предпочитаешь
Чернь раздражать нахмуренным челом,
Чем ей польстить улыбкою хоть раз,
Чтобы снискать ее расположение,
А без него — и ты об этом знаешь —
Погибло все.

М е н е н и й

Достойная жена!

(Кориолану.)

Иди же с нами. Ласковою речью
Ты отворишь грозящую опасность
И то, что потерял, вернешь.

В о л у м н и я

Мой сын.

Прошу, иди к ним, шапку сняв. Держи
Ее в руке — вот так, отставив локоть
(Как делают они). Слегка коснись
Коленями камней (в таких делах
Движение красноречивей слов:
Ведь зренье у невежд острее слуха)
И головой качай, смиряя сердце,
Которое нажима не выносит,
Как шелковицы спелые плоды.
Затем напомним им, что ты их воин,
Что, вскормленный в боях, ты не привык
К учтивости, которой с полным правом
Они потребовали от тебя,
Раз ты от них приязни добивался,
И обещаю толпе, что будешь впредь
Приноровляться к ней, насколько сможешь.

М е н е н и й

Ты только сделай то, что мать сказала,—
И все сердца — твои, затем что чернь
(Когда ее попросят) на прощенье
Щедра не меньше, чем на пустословье.

В о л у м н и я

Молю тебя, послушайся совета,
Хоть знаю, что скорее за врагом
Ты бросишься в пылающую бездну,
Чем станешь лстить ему в саду цветущем.

Входит Коминий.

Гляди, пришел Коминий.

К о м и н и й

Я спешу

К вам с площади. Кориолан, готовься

Иль силу силой встретить, иль смириться,
Или бежать. Восстал уже весь город.

М е н е н и й

Всего два слова ласковых...

К о м и н и й

Да-да,

Они помогут, если он сумеет
Себя смирить.

В о л у м н и я

Он должен — значит, сможет.
Мой сын, я твоего согласия жду.

К о р и о л а н

Итак, я должен черни показать,
Что голову пред нею обнажаю?
Я должен заставлять язык бесстыдный
Позорить ложью доблестное сердце?
Что ж, я пойду, но знайте: если б дело
Шло лишь о смерти этой плотской формы,
В которой Марций заключен, то я
Скорее дал бы раздробить ее
И прах развеять, чем... Идем на площадь,
Хотя я никогда не справлюсь с ролью,
Навязанною вами.

К о м и н и й

Мы подскажем.

В о л у м н и я

Мой милый сын, ты говорил, что доблесть
В тебя вселили похвалы мои.
Прошу тебя, коль вновь их хочешь слышать:
Исполни роль, которой не играл.

К о р и о л а н

Да будет так. Прощай, мой гордый дух!
Пусть во мне живет душонка шлюхи!
Пусть голос мой, который покрывал
Раскаты барабанов, станет дудкой
Пискливой, как фальцет скопца, и слабой,
Как пенье няньки над младенцем сонным!
Пусть искривит холопская улыбка

Мои уста; пусть отуманят слезы
Наказанного школьника мой взор;
Пусть у меня шевелится во рту
Язык бродяги нищего и пусть
Мои бровей прикрытые колени,
Которые лишь в стременах сгибались,
Согнутся, как у попрошайки! Нет!
Не в силах лгать я пред самим собою,
Не дам я телу подлость совершить,
Чтоб душу к ней не приучать!

В о л у м н и я

Как хочешь!

Прося тебя, унизилась я больше,
Чем мог бы ты унизиться пред черною.
Пускай все гибнет. Матери твоей
Пасть жертвой гордости сыновней легче,
Чем ждаты с тоской последствий роковых
Упрямства твоего. Я, как и ты,
Смеюсь над смертью. Поступай как знаешь.
Ты с молоком моим всосал отвагу,
Но гордость приобрел ты сам.

К о р и о л а н

Ну, полно
Бранить меня. Утешься, мать. Я выйду
На рыночную площадь и любовь,
Как шут кривляясь, выклянчу у плебса
И возвращусь, его сердца похитив,
Кумиром римских лавочников. Видишь —
Я ухожу. Поклон моей супруге.
Я консулом вернусь, а если нет,
То больше не надейся, что способен
На лесть и мой язык.

В о л у м н и я

Тебе виднее.

(Уходит.)

К о м и н и й

Идем. Трибуны ждут. Ты постарайся
Их кротостью обезоружить, ибо.
Как я слыхал, их обвиненья будут
Куда серьезней прежних.

К о р и о л а н

Ну, идем.

Пароль мой — кротость. Пусть любую ложь
Они возводят на меня, отвечу
Я им по чести.

М е н е н и й

Да, но только кротко.

К о р и о л а н

О да, конечно, кротко, очень кротко.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же. Форум.

Входят Сициний и Брут.

Б р у т

Доказывай особенно ретиво,
Что он хотел тираном стать, а если
Он это опровергнет, напирай
На давнюю его вражду к народу,
Из-за которой он еще не роздал
Добычи, отнятой у анциатов.—

Входит Эдил.

Ну что, придет?

Э д и л

Уже идет.

Б р у т

Кто с ним?

Э д и л

Старик Менений, друг его, и кучка
Сенаторов, к нему благоволящих.

С и ц и н и й

С тобой ли поименный список тех,
Чьи голоса мы получили?

Э д и л

Вот он.

Б р у т

Ты граждан опросил по трибам?

Э д и л

Да.

С и ц и н и й

Сзывай народ и растолкуй ему,
Чтоб он, как только я провозглашу:
«Да будег так во имя прав народных!»
И крикну: «Пеня!», «Смерть!» или «Изгнание!» —
Подхватывал за мною хором: «Пеня!»
При слове «пеня», «Смерть!» — при слове «смергь»,
На вольности старинные ссылаясь,
Равно как и на правоту свою.

Э д и л

Я так и передам.

Б р у т

Пусть, крик подняв,
Не умолкают более плебеи,
Покуда этим шумом не заставят
Наш приговор исполнить.

Э д и л

Понимаю.

С и ц и н и й

И пусть, как только знак мы подадим,
Без колебаний действуют.

Б р у т

Ступай.

Э д и л уходит.

Ты сразу же взвесить его попробуй.
Привык он всюду, в том числе и в спорах,
Быть первым. Если разозлить его,
Он начисто забудет осторожность
И выложит нам все, что есть на сердце
Тяжелого. А там его довольно,
Чтоб Марцию хребет переломить.

Входят Кориолан, Менений, Коминий, сенаторы
и патриции.

Сициний

Да вот он сам.

Менений

Прошу тебя, будь сдержан.

Кориолан

Да, буду, словно конюх, за гроши
Любую брань глотающий.— О боги,
Храните Рим! Судейские скамьи
Заполните достойными мужами!
Любовь меж нас посейте, чтобы мы
В обширных храмах прославляли мир,
А не дрались на улицах!

Первый сенатор

Аминь.

Менений

Желанье благородное.

Входит эдил с горожанами.

Сициний

Приблизьтесь,

Сограждане.

Эдил

Трибунам слово! Тише!

Кориолан

Сначала мне.

Оба трибуна

Что ж, говори.

(Горожанам.)

Эй, тихо!

Кориолан

Все ль обвинения мне предъявят здесь
И здесь ли будет дело решено?

Сициний

Сперва ответь: готов ли подчиниться
Ты волеизъявлению народа,

Признать права трибунов и принять
Законное возмездье за поступки,
В которых будешь уличен?

Кориолан

Готов.

Менений

Народ, ты слышишь? Он сказал: «Готов».
Подумай о его заслугах ратных,
Припомни, что на теле у него
Не меньше шрамов, чем камней надгробных
На кладбище священном.

Кориолан

Пустяки!

Царапины ничтожные!

Менений

Пойми,

Что хоть в речах он гражданин плохой,
Зато в бою — твой самый верный воин.
Не принимай за злобу резкость, ибо
Тебе, как я сказал, он не враждебен,
А просто по-солдатски груб с тобой.

Коминий

Об этом хватит.

Кориолан

Пусть народ расскажет,
За что, меня избрав единогласно,
Он отменил свой выбор, чем нанес
Бесчестье мне?

Сициний

Не мы, а ты — ответчик.

Кориолан

Ты прав. Ответ — за мною. Говори.

Сициний

Тебя мы обвиняем в том, что ты
Пытался стать тираном, ниспровергнув
Законы и правопорядок в Риме.

Поэтому тебя мы объявляем
Изменником народу.

Кориолан

Я — изменник?!

Менений

Спокойней! Вспомни, что ты обещал нам.

Кориолан

Испепели народ, о пламя ада!
Изменник? Я? Трибун, ты клеветник!
Когда б гнездились целых двадцать тысяч
Смертей в твоих глазах, когда б зажал
Ты двадцать миллионов их в руках
И столько же на лживом языке
Таилось у тебя, то и тогда бы
Сказал я: «Лжешь!» — не с большою боязнью,
Чем я молюсь богам.

Сициний

Народ, ты слышишь?

Горожане

Тащите на скалу его!

Сициний

Молчать!

Нам нет нужды в дальнейших обвинениях.
Его дела и речи вам известны:
Он бил эдилов ваших, вас ругал,
С мечом в руке противился закону,
А ныне издевается над теми,
Кто властью облечен судить его.
Все это столь преступно, что повинен
Он в явной государственной измене
И смерти подлежит.

Брут

Но так как Риму

Служил он честно...

Кориолан

Что болтать о службе!

Брут

Я говорю о том, что знаю.

К о р и о л а н

Ты?

М е н е н и й

Послушай, ты ведь матери поклялся...

К о м и н и й

Прошу, припомни...

К о р и о л а н

Не хочу я больше
Ни вспоминать, ни слушать. Пусть объявят,
Что буду сброшен я с Тарпейской кручи,
Что голодом меня в тюрьме уморят,
Давая в день по зернышку, что кожу
С меня сдерут, что буду изгнан я,—
Я не куплю пощаду кротким словом,
Я не смирюсь за все блага на свете,
Хотя бы ради них я должен был
Сказать трибунам только: «С добрым утром!»

С и ц и н и й

За то, что он всемерно и всечасно
Выказывал свою вражду к народу,
Стремясь его лишить законной власти,
И наконец, за то, что он сегодня
Дерзнул не только грозный суд позорить,
Но даже руку на судей поднять,
Мы в силу власти, данной нам, трибунам,
Приговорили именем народа
Его отныне к вечному изгнанию
И запрещаем в римские ворота
Ему входить под страхом низверженья
С Тарпейской крутизны. Да будет так
Во имя прав народных!

Г о р о ж а н е

Вон из Рима! —
Да будет так! — Изгнать его! — Изгнать!

К о м и н и й

Послушайте, друзья мои простые...

С и ц и н и й

Он осужден, и нечего нам слушать.

К о м и н и й

Нет, слушайте. Я консулом был сам,
Я сам вошу на теле много знаков,
Оставленных на нем врагами Рима.
Мне благо родины важней, дороже,
Священнее, чем собственная жизнь,
И честь моей супруги, и плоды,
Рожденные на свет ее утробой
От чресл моих. Когда б сказал я...

С и ц и н и й

Что?

Мы знаем наперед, к чему ты клонишь.

Б р у т

О чем тут толковать, когда он изгнан
Как враг народа и своей отчизны.
Да будет так!

Г о р о ж а н е

Да будет так! Да будет!

К о р и о л а н

О свора подлых псов! Я ненавижу,
Как вонь гнилых болот, дыхание ваше,
Любовью вашей дорожу не больше,
Чем смрадной грудой незарытых трупов.
Я сам вас изгоняю. Оставайтесь
Здесь сами со своим непостоянством!
Пусть каждый слух тревожный вас пугает!
Пусть колыханье грив на вражьих шлемах
Навеет вам отчаянье! Держитесь
За власть, чтоб слать защитников своих
В изгнание, покуда ваша глупость
(Которая беду тогда лишь видит,
Когда беда придет) защиты всякой
Вас не лишит (ведь вы враги себе)
И не отдаст вас в рабство иноземцам,
Которые без боя победят!
Я презираю из-за вас мой город
И становлюсь к нему спиной отныне:
Не замкнут мир меж этих стен.

Кориолан, Коминий, Менений, сенаторы и патриции
уходят.

Э д и л

Уходит он! Уходит враг народа!

Г о р о ж а н е

Врага изгнали! Он уходит! У!..

(Кричат и бросают шапки вверх.)

С и ц и н и й

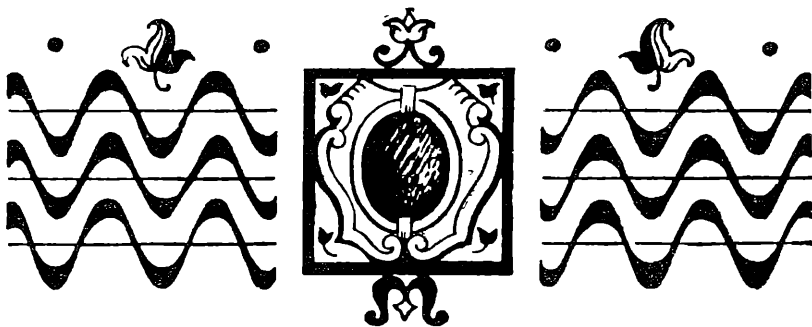
Последуйте за ним к воротам, Рима
И с той же самой злобою, какою
Преследовал он вас, над ним посмейтесь.
А мы пройдем со стражей через город.

Г о р о ж а н е

Да сохранят трибунов наших боги!
Проводим до ворот его! — Пошли!

Уходят.





А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Перед воротами Рима.

Входят Кориолан, Волумния, Вергилия, Менений,
Комиций и несколько молодых патрициев.

К о р и о л а н

Не плачьте. Пусть прощанье будет кратким.
Скотом бодливым и многоголовым
Из города я вытолкнут.— О мать,
Где мужество твое бывшее? Прежде
Твердила ты, что бедствия большие
Для сильных духом служат пробным камнем,
А заурядный человек способен
Сносить лишь заурядные несчастья —
Ведь по морю безбурному плывут
Любые корабли с успехом равным —
И что лишь тот, кто мудр и благороден,
Умеет сохранять невозмутимость
Под злейшими ударами судьбы.
Ты мне сама внушила эти мысли —
Залог непобедимости души,
Воспитанной па них.

В и р г и л и я

О небо, небо!

К о р и о л а н

Жена, прошу тебя...

В о л у м н и я

Да истребит
Багровая чума весь римский люд
Торговый и мастеровой!

К о р и о л а н

Зачем?

Когда исчезну я, меня оценят.
Мать, ободрись. Ведь ты же говорила,
Что ты, будь Геркулес твоим супругом,
Шесть подвигов сама бы совершила,
Чтоб облегчить его труды.— Прощайте,
Жена и мать.— Не унывай, Коминий,
А я не пропаду.— Менений верный,
Твоя слеза скупая солонее,
Чем слезы молодых. Она отравя
Для старых глаз.

(*Коминию.*)

Мой бывший полководец,
Я помню, ты умел взирать бесстрастно
На сердце леденившие картины.
Втолкуй же этим женщинам печальным,
Что плакать при ударах неизбежных
Не менее чуждо, чем смеяться.—
Ты знаешь, мать, что мужество мое
Тебе всегда служило утешеньем.
Так верь, хоть ухажу я одинокий,
Как в логове дракон, который сеет
Повсюду ужас тем, что он невидим
И людям лишь по рассказням знаком.—
Что над толпой возвысится твой сын,
Коль хитростью ее не будет сломлен.

В о л у м н и я

Мой первенец, куда же ты пойдешь?
Пускай проводит добрый наш Коминий
Тебя немного. Тщательно обдумай

Свой путь, чтобы опасностям случайным
На нем не подвергаться зря.

К о р и о л а н

О боги!

К о м и н и й

Сопровождать тебя я буду месяц,
А там увидим, где тебе остаться,
Так, чтоб могли мы вести слать друг другу
И чтоб потом, когда приспее время
Потребовать возврата твоего,
Нам не пришлось разыскивать тебя
По белу свету, ибо проволочка
Со стороны просителя способна
Расхолодить дающих.

К о р и о л а н

Нет, прощай!

Немолод ты и чересчур пресыщен
Трудами боевыми, чтоб скитаться
С тем, кто их алчет. У ворот простимся.—
Жена и мать, любимые мои,
И вы, друзья чистейшей, лучшей пробы,
Идем. Как только выйду из ворот,
Скажите: «В добрый час!» — и улыбнитесь.
Прошу, идем. Пока топчу я землю,
К вам постоянно будут приходить
Известья обо мне, но никогда
Не скажут вам, что Марций стал иным,
Чем раньше был.

М е н е н и й

Не приходилось слышать
Мне слов, достойней этих. Полно плакать.
Идем... Эх, если б с этих старых плеч
Стряхнуть десяток лет, клянусь богами,
Я всюду за тобою неотступно
Последовал бы.

К о р и о л а н

Руку дай.— Идем.

Уходят,

СЦЕНА 2

Там же. Улица поблизости от ворот. Входят два трибуна —
Сициний и Брут. С ними эдил.

Сициний

Всех по домам отправь. Он удалился,
И этого довольно. Ропщет знать,
Которая была с ним заодно.

Брут

Поставив на своем, мы показали,
Что мы сильны. Теперь держаться надо
Скромней, чем раньше.

Сициний

Пусть идут домой.
Скажи, что главный их противник изгнан
И власть плебеев вновь, как встарь, крепка.

Брут

(эдилу)

Всем разойтись вели.

Эдил уходит.

Входят Волумния, Виргилия и Менений.

Вон мать его.

Сициний

Свернем-ка мы с дороги.

Брут

Почему?

Сициний

Да говорят, она ума решилась.

Брут

Нет, поздно уходить: нас увидали.

Волумния

А, вот и вы! Пусть язвами чумными
Вам боги за любовь ко мне и сыну
Отплатят!

М е н е н и й

Тише! Ну зачем так громко?

В о л у м н и я

Когда б не слезы, я б сказала вам...
Да и теперь скажу...

(*Бругу.*)

Постой, куда ты?

В и р г и л и я

(*Сицинию*)

И ты останься.— Ах, зачем была я
Не властна мужу то же слово молвить!

С и ц и н и й

(*Волумнии*)

В тебе, я вижу, много от мужчины.

В о л у м н и я

А что же в том позорного, глупец? —
Нет, посмотрите, как он глуп! — Да разве
Я родилась на свет не от мужчины.
В отличие от тебя, отродье лисье,
Изгнавшее того, кто ради Рима
Нанес ударов больше, чем успел
Ты слов наговорить?

С и ц и н и й

Благое небо!

В о л у м н и я

Да-да, за ним ударов славных больше,
Чем за тобой премудрых слов. И он
Их вносил всегда на благо Риму.
Скажу тебе я... Впрочем, уходи...
Нет, ты остаться должен... Мне б хотелось,
Чтоб повстречал в пустыне аравийской
Мой сын тебя и всю твою родню
И чтоб при нем был добрый меч...

С и ц и н и й

И что же?

В и р г и л и я

А то, что он со всем твоим потомством
Покопчил бы.

В о л у м н и я

Вплоть до детей внебрачных.
О, сколько раз он ранен был за Рим!

М е н е н и й

Довольно, успокойся.

С и ц и н и й

Я желал бы,
Чтоб он, служа отчизне так, как начал,
Вовек не порывал узла заслуг,
Которым с нею сам себя связал.

Б р у т

И я желал бы этого.

В о л у м н и я

Желал бы!

Тогда зачем же с ним толпу стравили
Вы, два кота облезлых, хоть способны
Вы о его достоинствах судить
Не более, чем я — о тайнах неба,
Скрытых от людей.

Б р у т

Уйдем, Сициний.

В о л у м н и я

Теперь я вас сама прошу — уйдите:
Вы славно потрудились. Но сначала
Еще два слова выслушать извольте:
Насколько выше холм Капитолийский
Беднейшей римской хижины, настолько
Супруг вот этой женщины, мой сын,
Хотя он изгнан вами, — выше вас.

Б р у т

Ну вот и хорошо. Прощай.

С и ц и н и й

Не стóит

На споры с сумасшедшей время тратить.

В о л у м н и я

Мои молитвы — с вами.

Т р и б у н ы уходят.

Пусть отныне

Одно лишь боги знают: исполнять
Мое проклятье.— О, как я желаю
Хоть раз на дню встречать их, чтобы тяжесть
Свалить с души.

М е н е н и й

Досталось им изрядно,
И поделом. Поужинаем вместе?

В о л у м н и я

Моя еда — мой гнев. Мой ужин — скорбь.
Я с голода умру при этой пище.

(*Виргилии.*)

Идем, и перестань стенать бессильно,
Но, как Юнона грозная, как я,
Излейся гневом. Ну, идем.

Волумния и Виргилия уходят.

М е н е н и й

О пизость!

Уходит.

С Ц Е Н А 3

Дорога между Римом и Анциумом.

Входят римлянин и вольск навстречу друг другу.

Р и м л я н и н

А ведь я тебя, друг, хорошо знаю, да и ты меня тоже. Тебя
вроде бы Адрианом зовут?

В о л ь с к

Верно, приятель. Только, по правде сказать, как зовут тебя —
я забыл.

Р и м л я н и н

Я родом из Рима, но теперь, как и ты, служу его врагам.
Ну, узнаешь меня?

В о л ь с к

Пиканор, что ли?

Р и м л я н и н

Он самый, дружище.

В о л ь с к

Когда мы виделись в последний раз, борода у тебя была подлиннее; впрочем, тебя всегда по голосу признать можно. Что нового в Риме? Наш вольский сенат меня затем и послал, чтоб тебя разыскать. Как хорошо, что ты укоротил мой пугь на целый день!

Р и м л я н и н

В Риме был большой мятеж: народ взбунтовался против сенаторов, патрициев и прочей знати.

В о л ь с к

Был, ты говоришь? Значит, уже кончился? Вот так неожиданность для наших правителей! Они ведь всюду вооружаются, чтобы ударить на Рим, как только там междоусобица разгорится.

Р и м л я н и н

Главный-то пожар потушили, но он по любому поводу снова вспыхнуть может. Знать до того близко приняла к сердцу изгнание доблестного Кориолана, что каждую минуту готова отнять у народа власть и навсегда упразднить должность трибунов. Уж ты мне поверь: огонь тлеет себе да тлеет под пеплом, а потом возьмет и вырвется наружу.

В о л ь с к

Неужели Кориолана изгнали?

Р и м л я н и н

Да, друг, изгнали.

В о л ь с к

Ну, Пиканор, за такую весть тебя у нас хорошо встретят.

Р и м л я н и н

Да, время для ваших самое подходящее. Верно говорится: чужую жену проще всего соблазнить, когда она с мужем в ссоре. Теперь вашему благородному Туллу Авфидию легко будет отличиться, раз родина его великого противника отвергла услуги Кориолана.

В о л ь с к

Да, в этом сомневаться не приходится. Мне очень повезло, что я повстречал тебя. Теперь дело мое кончено и я охотно провожу тебя до Анциума.

Р и м л я н и н

А я по дороге, до ужина, выложу тебе кучу самых неожиданных вестей из Рима. Все складывается для вас так, что лучше и не придумаешь. Вы, говоришь, уже и войско набрали?

В о л ь с к

Да еще какое! Центурионы на местах, люди расписаны по сотням, жалованье выплачено — словом, хоть сейчас в поход.

Р и м л я н и н

Приятно слышать, что все готово. Вот от моих вестей ваши сразу и двинутся. Рад, что повстречал тебя, друг, а еще больше — тому, что ты будешь моим попутчиком.

В о л ь с к

Я сам собирался сказать тебе то же, приятель. Я еще больше рад этой встрече, чем ты.

Р и м л я н и н

Вот и пойдем вместе.

Уходяг.

С Ц Е Н А 4

Анциум. Перед домом Авфидия.

Входит К о р и о л а н, переодетый бедняком; он прикрывает лицо краем плаща.

К о р и о л а н

Как ты прекрасен, Анциум богатый,
А я наполнил вдовами тебя,
Передо мною падали со стоном
В бою владельцы этих дивных зданий.
Не узнавай Кориолана, город,
Чтобы камнями женщины и дети
Меня в бесславной схватке не побили!

Входит г о р о ж а н и н.

Приятель, здравствуй.

Г о р о ж а н и н

Здравствуй.

К о р и о л а н

Ты не скажешь,
Где тут живет прославленный Авфидий
И в городе ли он?

Г о р о ж а н и н

Да-да. Сегодня
Он пир дает в честь городских властей.

К о р и о л а н

Где ж дом его?

Г о р о ж а н и н

Вон здесь. Ты перед ним.

К о р и о л а н

Прощай, спасибо.

Г о р о ж а н и н уходит.

О, как мир изменчив!
Друзей по клятвам, в чьей груди, казалось,
Стучало сердце общее, друзей,
Деливших труд, постель, забавы, пищу,
Любовью связанных и неразлучных,
Как близнецы,— мгновенно превращает
Пустячный случай во врагов смертельных.
А недругов, которых сна лишали
Их ненависть и мстительные плавы,
Такой же мелкий и внезапный повод
Сближает, заставляет подружиться
И браком два потомства слить в одно.
Не то же ли со мной? Я ненавижу
То место, где рожден, и полюбил
Вот этот вражий город. Что ж, войду.
Быть может, умертвит меня Авфидий —
И будет прав. Но если приютит,
Я честно послужу его отчизне.

(Уходит.).

СЦЕНА 5

Там же. Зал в доме Авфидия.
Внутри дома музыка. Входит слуга.

Первый слуга

Вина, вина! Ну и слуги у нас! Заснули все они, что ли?
(Уходит.)

Входит второй слуга.

Второй слуга

Где Котус? Господин зовет его.— Котус! (Уходит.)

Входит Кориолан.

Кориолан

Как дом богат и запах пира сладок!
Лишь я — незваный гость.

Входит первый слуга.

Первый слуга

Ты что тут делаешь, приятель? Откуда ты? Здесь тебе не место. Ступай-ка себе за двери. (Уходит.)

Кориолан

Не заслужил я лучшего приема:
Ведь я — Кориолан.

Входит второй слуга.

Второй слуга

Ты откуда взялся? Где только у привратника глаза были?
Зачем он впускает сюда всяких оборванцев? Пошел вон!

Кориолан

Эй, отвяжись!

Второй слуга

Как это — отвяжись? Сам отвяжись от нас!

Кориолан

Ты докучаешь мне!

Второй слуга

Нет, вы посмотрите какой храбрец! Ну, я сейчас с тобой по-свойски поговорю!

Входят первый и третий слуги.

Третий слуга

Это еще кто?

Первый слуга

Какой-то полоумный. Я такого сроду не видывал: никак не могу выставить его из дома. Поди-ка позови сюда господина. *(Отходит в сторону.)*

Третий слуга

Что тебе здесь надо, приятель? Сделай милость, убирайся.

Кориолап

Отстаньте. Ваш очаг не оскверню я.

Третий слуга

Да ты что за человек?

Кориолап

Я не простого рода.

Третий слуга

Верно: ты не просто бедняк, а настоящий нищий.

Кориолап

Ты прав: я нищ.

Третий слуга

А не угодно ли тебе, нищий не простого рода, поискать себе другое пристанище: здесь тебе не место. Сделай милость, убирайся. Ну!..

Кориолап

Знай свое дело. Иди кланяться объедки! *(Отталкивает его.)*

Третий слуга

Ты еще сопротивляешься? *(Второму слуге.)* Пойди-ка скажи господину, что за гость к нам пожаловал.

Второй слуга

Я мигом. *(Уходит.)*

Третий слуга

Ты где живешь?

Кориолан

Под сводом небесным.

Третий слуга

Под сводом небесным?

Кориолан

Да.

Третий слуга

Где же это находится?

Кориолан

В царстве коршунов и воронов.

Третий слуга

В царстве коршунов и воронов? *(В сторону.)* Ну и осел!
(Громко.) Значит, с сороками вместе?

Кориолан

Нет, я ведь у твоего хозяина не служу.

Третий слуга

Ого! Ты, кажется, моего господина затрагиваешь?

Кориолан

Почему бы нет? Это честнее, чем трогать твою хозяйку. Я вижу, ты чересчур много болтаешь. Ступай за столом прислуживать. Прочь! *(Бьет и выталкивает его.)*

Третий слуга уходит.

Входит Авфиций и второй слуга.

Авфиций

Где этот малый?

Второй слуга

Вот он, господин. Не бойся я гостей потревожить, я б его как собаку избил. *(Отходит в сторону.)*

Авфиций

Откуда ты и кто? Чего ты хочешь?

Что ж ты молчишь? Скажи, кто ты такой.

Кориолан
(открывая лицо)

Ну если и теперь, в лицо мне глядя,
Ты снова, Тулл, меня узнать не сможешь,
Я должен буду сам себя назвать.

А в ф и д и й

Скажи свое мне имя.

Кориолан

Оно для уха вольского не сладко,
Для твоего — враждебно.

А в ф и д и й

Кто же ты?

Твой облик грозен. На твоём лице
Читается привычка к власти. Виден
Из-под твоих изодранных снастей
Корабль могучий. Кто же ты такой?

Кориолан

Сейчас ты помрачнеешь. Что, узнал?

А в ф и д и й

Не узнаю. Ты кто?

Кориолан

Я тот Кай Марций, что нанес так много
Вреда и ран твоим собратьям-вольскам,
А больше всех — тебе, и был за это
Кориоланом прозван. Мне дала
Моя неблагодарная отчизна
За пролитую ради Рима кровь,
За страшные опасности, за службу
Одно лишь это прозвище в награду.
Оно — порука злобы и вражды,
Которое ко мне питать ты должен.
Оно одно осталось у меня:
Все остальное пожрано народом,
Чью зависть и жестокость разнузда
Трусливая бездеятельность знати,
Покинувшей меня и допустившей,
Чтоб рабыи голоса меня изгнали
Из Рима с улюлюканьем. И вот,

Нуждой теснимый, я вступил под кровлю
Над очагом твоим. Не обольщайся,
Что я пришел в надежде жизнь спасти:
Страшися я смерти, никого на свете
Не избегал бы так я, как тебя.
Нет, только жажда расплатиться с теми,
Кем изгнан я, меня к тебе толкнула.
Коль в сердце ты еще скрываешь гнев
И хочешь мстить как за свои обиды,
Так и за унижение отчизны —
Спеши использовать мои несчастья,
Поставь себе на службу жажду мщенья,
Которой я пылаю, ибо буду
С остервененьем злых подземных духов
Я биться против родины прогневшей.
Но если ты, устав пытаться судьбу,
На это не осмелишься, то помни:
Мне так постыла жизнь, что сам подставляю
Я грудь свою твоей вражде давнишней.
Зарежь меня, иль ты глупец: ведь я
Тебя всегда преследовал свирепо,
Кровь бочками пускал твоей отчизне,
И жизнь моя, не став твоей служанкой,
Твоим позором будет.

А в ф и д и й

Марций, Марций!

Ты каждым словом вырываешь с корнем
Из сердца моего былую злобу.
Заговори со мной из туч Юпитер
О тайнах неба и скрепи он клятвой
Свои слова, ему бы я поверил
Не больше, чем тебе я верю, Марций!
Позволь моим рукам обвить любовно
То тело, о которое ломался
Сто раз мой тяжкий дротик, чьи осколки
Луну, взлетая, ранили.

(Обнимает Кориолана.)

Сжимаю

Я наковальню моего меча
В объятьях и огньне состязаюсь
С тобою в благородной пылкой дружбе,
Как некогда с тобой из честолюбья
Я в доблести соперничал. Послушай,
Я девушку любил, мою невесту,

И вряд ли кто-нибудь вздыхал на свете
Так искренне, как я по ней; но даже
В тот миг, когда избранница моя
Впервые через мой порог шагнула,
Не радостней во мне плясало сердце,
Чем, о высокий дух, при нашей встрече!
Знай, Марс, мы втайне здесь собрали войско,
И я уж думал попытаться снова
Лишить тебя щита с рукою вместе —
Иль собственную руку потерять.
С тех пор как был я побежден тобою
В двенадцатом по счету поединке,
Не проходило ночи, чтоб не снились
Мне схватки наши: видел я во сне,
Как мы с тобой, друг другу стиснув горло,
Катались по земле, срывали шлемы,—
И я в изнеможение просыпался.
Достойный Марций, если б не имели
Других причин для ссоры с Римом вольски,
То за одно изгнание твое
Призвали б мы к оружию всех граждан
С семидесяти лет до десяти
И принесли б войну в пределы Рима,
Чтоб затопить неблагодарный город
Ее потоком яростным. Входи же
В мой дом, где, как друзьям, пожмешь ты руки
Сенаторам, которые сегодня
Прощаются со мной перед походом
Хоть не на Рим, но на его владенья.

К о р и о л а н

Благие боги, как я вами взыскан!

А в ф и д и й

Ты здесь хозяин. Если самолично
Захочешь месть свою осуществить,
Я разделю с тобою власть над войском.
Сам принимай решения. Твой опыт
Богаче нашего. Ты лучше знаешь,
Где Рим силен, где слаб. Тебе виднее —
Идти ли сразу нам к его воротам
Иль в отдаленных областях сначала
Посеять страх и римлян разгромить.
Войди же в дом. Позволь тебя сперва
Представить тем, кто должен дать согласие

На замыслы твои. Стократ привет!
Мы враждовали сильно, но сдружились
Еще сильнее. Дай руку мне. Привет!

Кориолан и Авфидий уходят.
Первый и второй слуги выходят вперед.

Первый слуга

Вот так перемена!

Второй слуга

Честное слово, я хотел было огреть его палкой, да, по счастью, сообразил, что он не то, чем по одежде кажется.

Первый слуга

Ну и ручища у него! Он как крутанет меня двумя пальцами, словно я ему кубарь какой-нибудь.

Второй слуга

А я чуть посмотрел ему в лицо, так сразу и смекнул, что тут дело не простое. В его лице есть что-то такое... как бы это сказать...

Первый слуга

Да-да, что-то такое, словно он... Пусть меня повесят, если я не догадался, что он поважнее, чем нам казалось.

Второй слуга

Клянусь, и я тоже. Второго такого во всем мире не сыскать.

Первый слуга

И я так думаю, хоть мы с тобой и знаем воина, который почище его будет.

Второй слуга

Ты это про кого? Про нашего господина, что ли?

Первый слуга

А про кого же еще!

Второй слуга

Ну, наш-то шестерых таких стоит.

Первый слуга

Это ты, конечно, перехватил, хоть я и считаю хозяина великим воином.

Второй слуга

Видишь ли, в таких делах трудно решать, кто первый; но уж города защищать наш полководец лучше всякого другого умеет.

Первый слуга

Да и брать их тоже.

Входит третий слуга.

Третий слуга

Эй, друзья, и новости же я вам расскажу! Ох и новости, пройдохи вы этакие!

Первый и второй слуги

Что? Что? — Какие? — Да не тяни ты!

Третий слуга

Не хотел бы я сейчас быть римлянином; уж лучше пусть меня вздернут!

Первый и второй слуги

Это почему? — Это почему?

Третий слуга

Как — почему? Да ведь у нас в доме сам Кай Марций — тот, что всегда колотил нашего полководца.

Первый слуга

Что? Марций колотил нашего?

Третий слуга

Ну, не то чтоб колотил, а спуску ему не давал.

Второй слуга

Брось, приятель, мы здесь люди свои. Марций всегда был не по зубам нашему. Это его собственные слова — я же слышал.

Первый слуга

Что верно, то верно — не по зубам. Под Кориолами он сам изрубил и размолол нашего, как отбивную.

Второй слуга

Так что запросто мог его поджарить и скушать, если б был людоедом.

Первый слуга

А еще какие новости?

Третий слуга

Наши так его ублажают, будто он сын и наследник Марса. Его посадили на самый верхний конец стола; если кто из сенаторов с ним заговорит, так обязательно встанет и шапку снимет. Наш полководец ухаживает за ним, как за любовницей: то рукой его тронет словно святыню какую, то слушает его, выкатив глаза. Но главная новость вот такая: полководец-то наш теперь напополам разрезан, он уже только половинка того, чем был вчера; а другой половинкой по желанию и с согласия всех, кто сидит за столом, стал Марций. Он обещает римскому привратнику уши нарвать и все со своей дороги смести, чтоб позади него одно гладкое место осталось.

Второй слуга

Что ж, он, по-моему, больше любого другого способен это сделать.

Третий слуга

Он не только способен это сделать, но и сделает, потому что — понимаешь, приятель, — у него на родине друзей не меньше, чем врагов, только эти друзья, понимаешь, не смеют показать, что они ему друзья, покуда он, как бы это сказать, декредитации подвергается.

Первый слуга

Декредитации? Это что такое?

Третий слуга

А как только, приятель, они увидят, что он гребень шлема опять кверху задрал, да в полную силу пришел, так сейчас выскочат из своих нор, как кролики после дождя, и сбегутся к нему на подмогу.

Первый слуга

Когда же все это будет?

Третий слуга

Завтра, сегодня, прямо сейчас. Чуть обед кончится, ударит барабан, вроде как на сладкое, и наши выступят, не успев даже губ утереть.

Второй слуга

Значит, опять повеселимся. Что хорошего в мином времени? Только железо ржавеет, портные разводятся да стихоплеты плодятся.

Первый слуга

Да и я скажу: война — лучше мира, как день лучше ночи. Во время войны живешь весело: то тебе новый слух, то новое известие. А мир — это вроде спячки или паралича: скучно, пусто, тоскливо. В мирное время больше незаконных детей родится, чем на войне людей гибнет.

Второй слуга

Это точно. Конечно, на войне подчас чужих жен насилуют; зато в мирное время жены своих же мужей рогами украшают.

Первый слуга

Верно. Оттого люди и ненавидят друг друга.

Третий слуга

А все почему? Потому что в мирное время они не так друг другу нужны. То ли дело война! Надеюсь, римляне скоро будут стоить не дороже вольсков.— Слышите, из-за стола встают!

Первый и второй слуги

Идем, идем скорее!

Уходят.

СЦЕНА 6

Рим. Площадь.

Входят оба трибуна — Сициний и Брут.

Сициний

Чего бояться нам? О нем не слышно,
Да и безвреден он во время мира
И прекращения смут, народ державших
В тревоге постоянной. Пусть краснеют
При виде процветающей отчизны
Друзья спесивца Марция, которым,
Хоть и они страдали от раздоров,
Приятней видеть уличные схватки,
Чем слышать, как ремесленники наши
В довольстве и покое распевают
За верстаком своим.

Б р у т

Мы зло сумели вовремя пресечь.

Входит Менений.

Гляди — никак, Менений?

Сициний

Да, он самый.

Он стал с тех пор куда любезней с нами.—
Привет тебе.

Менений

И вам обоим также.

Сициний

Жалеют о твоём Кориолане
Одни его друзья, а государство,
Назло ему, стояло и стоит.

Менений

Все это хорошо, но было б лучше,
Когда б он уступил.

Сициний

Не знаешь, где он?

Менений

Не знаю ничего. Вестей о нем
Жена и мать его не получают.
Входят трое или четверо горожан.

Горожане

Да охраняют боги вас обоих!

Сициний

Соседи, добрый вечер!

Б р у т

Добрый вечер,

Всем добрый вечер!

Первый горожанин

Мы и наши семьи

Должны за вас молиться на коленях.

Сициний

Живите, благоденствуйте.

Брут

До встречи,
Соседи наши добрые. О, если б
Кориолан любил вас так, как мы!

Горожане

Пусть боги вас хранят.

Обатрибуна

До скорой встречи!

Горожане уходят.

Сициний

Теперь спокойней, легче жить, чем раньше,
Когда с мятежным криком горожане
По улицам метались.

Брут

Был Кай Марций
Отважен на войне, но слишком дерзок,
Запосчив, полон спеси непомерной
И самомнения...

Сициний

Он всегда стремился
К верховной безраздельной власти.

Менений

Вряд ли.

Сициний

Не будь он нами консульства лишен,
С прискорбием мы б убедились в этом.

Брут

Но промыслом благих богов он изгнан —
И счастлив Рим.

Входит Эдил.

Эдил

Достойные трибуны,
Какой-то раб (в тюрьму он нами брошен)

Болтал, что два огромных вольских войска,
Все на пути сметая беспощадно,
Ворвались в земли Рима.

М е н е н и й

То Авфидий

Вновь высунул, узнав, что изгнан Марций,
Свои рога, которые он прятал,
Пока стоял за дело Рима Марций.

С и ц и н и й

Да что ты нам заладил — Марций, Марций?

Б р у т

Под розги болтуна! Нарушить мир
Не могут вольски.

М е н е н и й

Как это — не могут?

Нет, опыт учит нас, что очень могут.
Я сам тому свидетелем был трижды.
Не лучше ль, прежде чем пороть раба,
Порасспросить его, чтобы не высечь
Того, кто об опасности грозящей
Вас предостерегает?

С и ц и н и й

Что ты мелешь?

Быть этого не может!

Б р у т

Невозможно.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Патриции сбегаются к сенату.
Пришло известье, стершее румянец
С их лиц.

С и ц и н и й

Всему виною этот раб.

(Эдилу.)

Пусть высекут его перед народом,
Который он мутил.

Г о н е ц

Достойный муж,
Раб не солгал. Известье подтвердилось,
И новые пришли — еще страшнее,
Чем первое.

С и ц и н и й

Как так — еще страшнее?

Г о н е ц

Насколько это верно, я не знаю,
Но говорят открыто, будто Марций
Ведет войска с Авфидием совместно,
Всем римлянам от мала до велика
Поклявшись отомстить.

С и ц и н и й

Все это сказки!

Б р у т

Придуманные стороной слабейшей,
Чтоб Марция вернуть.

С и ц и н и й

Вот это ловко!

М е н е н и й

Не верю я! Две крайности такие,
Как Марций и Авфидий,— не сойдутся.

Входит второй гонец.

В т о р о й г о н е ц

Сенаторами послан я за вами.
Кай Марций и Авфидий с грозным войском
Неистово в пределы наши вторглись,
Огнем себе дорогу пролагая
И грабя все, что встретится на ней.

Входит Коминий.

К о м и н и й

Вы натворили дел!

М е н е н и й

Какие вести?

К о м и н и й

Вы сами все устроили так мудро,
Что ваших дочерей бесчестить будут,
Что с ваших крыш, расплавленных пожаром,
Свинцовый дождь вам хлынет на башку,
Что станут ваших жён у вас под носом
Насиловать...

М е н е н и й

Ответь: какие вести?

К о м и н и й

...Что ваши храмы превратятся в пепел,
Что ваши вам столь милые права
В мышиной норке уместятся...

М с н е н и й

Вести!

(Трибунам.)

Боюсь я, дел наделали вы славных!

(Коминию.)

Ответь: какие вести? Если Марций —
Союзник вольсков...

К о м и н и й

Что еще за «если»!

Он их кумир. Они ему покорны,
Как будто он был создан не природой,
А более разумной высшей силой.
Они идут на все отродье наше
Не с большею опаской, чем мальчишки
За бабочкой бегут иль давит мух
Мясник.

М с н е н и й

Понатворили славных дел
Вы вместе с вашими мастеровыми,
Которые пропахли чесноком
И за которых вы горой стояли.

К о м и н и й

Ваш Рим тряхнет он и на вас обрушит...

М е н е н и й

...Как Геркулес на землю спелый плод.
Наделали вы дел!

Б р у т

Но можно ль верить
Известиям?

К о м и н и й

Вполне. И бледным трупом
Ты станешь раньше, чем их опровергнешь.
Все земли, завоеванные Римом,
С восторгом отпадают. Все смеются
Над теми прямодушными глупцами,
Которые, дерзнув сопротивляться,
Бессмысленно, хоть и бесстрашно гибнут.
Кто Марция осудит? Ведь находят
В нем кое-что его враги и ваши!

М е н е н и й

Мы все погибли, если не добьемся
У мужа благородного пощады.

К о м и н и й

А кто пойдет просить? Трибуны?
Им не позволит стыд. Народ? Он вправе
Ждать сострадания от него не больше,
Чем волк от пастухов. Его друзья?
Да ведь мольбою сжалиться над Римом
Они б к нему враждебность проявили
И оскорбили бы его не меньше,
Чем те, кого он ненавидит.

М е н е н и й

Правда!

Стань поджигать он собственный мой дом,
И то б я не посмел просить пощады.
Да, славное вы дельце смастерили
С мастеровыми вашими!

К о м и н и й

Вогнали

Вы Рим в такую дрожь, что не излечишь
Ее уже ничем.

О б а т р и б у н а

При чем здесь мы?

М е н е н и й

А кто ж? Быть может, мы? Он был нам дорог,
Но, знатные трусливые скоты,
Мы вашей черни поддались, и свистом
Она его изгнала.

К о м и н и й

Я боюсь,
Чтоб он на крик ее не возвратился.
Сам Тулл Авфидий в войске стал вторым
И повинуетя, как подчиненный,
Любому знаку Марция. У Рима
Теперь одна опора и защита —
Отчаянье.

Входит толпа горожан.

М е н е н и й

А вот и ваша шайка!
Так, значит, и Авфидий с ним?
(Толпе.)

На Рим

Заразу вы накликали в тот день,
Когда свои засаленные шапки
Кидали вверх и требовали с ревом
Изгнать Кориолана. Он вернулся,
И каждый волос на его бойцах
Для вас бичом окажется. Заплатит
Он вам за ваши голоса и с плеч
За каждую подброшенную шапку
Снесет одну безмозглую башку.
Да что там! Пережгн он нас на уголь,
И то б нам было поделом.

Г о р о ж а н е

Ужасное известье!

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Я-то сам,
Сказав: «Изгнать», прибавил: «Жаль».

В т о р о й г о р о ж а н и н

Я тоже.

Третий горожанин

Я, конечно, тоже. Сказать по правде, не мы одни так говорили. Мы ведь думали сделать, чтобы всем было лучше, и хоть соглашались его изгнать, но в душе-то были с этим несогласны.

Коминий

И ловки ж вы голосовать!

Менений

Изрядно

Сумела отличиться ваша свора!

(Коминию.)

Идешь со мной в сенат?

Коминий

А то куда же!

Менений Коминий уходят.

Сициний

Соседи, по домам! Не унывайте.

Ведь все они приверженцы его

И только ждут, чтоб подтвердилось то,

Чего они для виду так боятся.

Ступайте и не вешайте голов.

Первый горожанин

Да смилостивятся над нами боги! Пойдем домой, соседи. Зря мы его изгнали — я же всегда это говорил.

Второй горожанин

Все мы говорили то же самое. Идем-ка поскорей.

Горожане уходят.

Брут

Не правится мне эта весть.

Сициний

Мне тоже.

Брут

Идем на Капитолий.— Половину

Того, чем я владею, я бы отдал,

Чтоб это было ложью.

Сициний

Ну, пойдем.

Уходят.

С Ц Е Н А 7

Лагерь неподалеку от Рима.

Входит Авфидий с одним из военачальников.

А в ф и д и й

Так, значит, войско к римлянину львет?

В о е н а ч а л ь н и к

В нем что-то колдовское есть. Солдаты
Лишь про него толкуют. Имя Марций
Им служит предобеденной молитвой,
Питает их застольную беседу,
«Спасибо» заменяет за едой.
Да, вождь, на время этого похода
Ты отодвинут в тень.

А в ф и д и й

А что ж мне делать?

Бороться? Это значит нашим планам
Колени перебить. Он и со мною
Надменней, чем я ждал, когда впервые
Мы обнялись. Но он всегда такой,
Его не изменить. Я извиняю
То, что исправить не могу.

В о е н а ч а л ь н и к

Мой вождь,

Хотел бы я для твоего же блага,
Чтоб ты с ним власть над войском не делил,
А либо сам распоряжался, либо
Ему начальство сдал.

А в ф и д и й

Тебя я понял.

Однако помни: он и не предвидит,
Какие обвинения предъявлю
Ему я в день сведения всех счетов.
Хоть кажется — и сам он в это верит,
Да и толпа, наверно, так же мыслит,—
Что он походом и делами вольсков
Руководит отлично, что дерется
В сраженьях, как дракон, что стóит только
Ему взмахнуть мечом, как враг бежит,
Но то, на чем он шею в день расчета
Себе яль мне сломает,— впереди.

В о е н а ч а л ь н и к

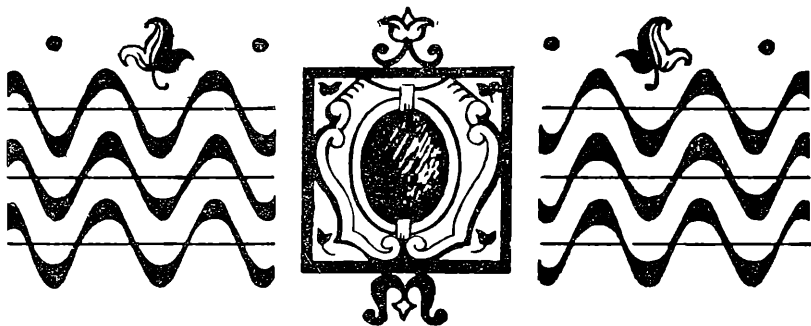
Ты думаешь, что Рим он взять сумеет?

А в ф и д и й

Все города ему сдались без боя,
А в Риме и сенаторы и знать —
Его друзья. Трибуны — не солдаты.
Народ же призовет его обратно
Еще поспешней, чем изгнал. И Рим
Он схватит, как морской орел рыбешку,
Которая сама к тому всплывает,
В ком видит прирожденного владыку.
Сперва он верно родине служил,
Но устоять не смог под грузом славы.
Быть может, в том была повинна гордость,
Которая нас портит в дни успеха,
Иль вспыльчивость, которая мешает
Использовать разумно цепь удач,
Иль то, что от рождения ему
Присущи непреклонность и упорство,
Из-за которых на скамьях сената
Он шлема не снимал и оставался
В дни мира столь же грозен, как в бою.
Из этих свойств любого (обладает
Он ими всеми, хоть не в полной мере)
Довольно, чтобы на себя навлечь
Изгнание и ненависть народа.
Он сам свои заслуги свел на нет,
Твердя о них кичливо. Наша слава
Лишь мнением народным создается.
Тому, кто стал у власти (пусть по праву),
Вернее нет могилы, чем трибуна,
С которой слышит он хвалу.
Гвоздь выбивается другим гвоздем,
Домает силу сила. Ну, идем. —
О Кай, как только Рим возьмешь ты свой,
Я верх возьму, несчастный, над тобой.

Уходят.





А К Т V

С Ц Е Н А 1

Рим. Площадь.

Входят Менений, Коминий, Сициний, Брут и другие.

М е н е н и й

Нет, не пойду. Вы слышали, что он
Ответил своему вождю былому,
Любившему его нежней, чем сына?
Меня он тоже звал отцом. Что толку?
Идите вы, кем изгнан он, и, ниц
За милю пав перед его палаткой,
К пощаде на коленях доползите.
Уж если он Коминию не внял,
Я лучше дома посижу.

К о м и н и й

Он даже
Узнать меня не захотел.

М е н е н и й
(трибунам)

Слышали?

К о м и н и й

Когда, забывшись, он сказал: «Комипий»,
Я стал о крови, пролитой совместно,

О дружбе нашей воспоминагь. Он крикнул,
Что нет Кориолана, что отрекся
Он от своих прозваний и пребудет
Без имени, пока себе другого
В огне пожаров гибнущего Рима
Не выкует.

М е н е н и й

Спасибо вам, трибуны!
Вы крепко потрудились, чтобы уголь
Подешвел. Вас будут помнить в Риме.

К о м и н и й

Сказал я, что пощаду дать тому,
Кто ждать ее не вправе,— благородно.
Ответил он, что глупо государству
Просить того, кого оно карает.

М е н е н и й

А что ж еще ему ответить было?

К о м и н и й

Его просил я пожалеть друзей.
Он возразил, что недосуг ему
Перебирать прогнившую мякину,
Разыскивая два иль три зерна,
Что ради них трухи зловонной кучу
Не сжечь — нелепо.

М е н е н и й

Два иль три зерна!

Одно — я сам, другие — мать, жена,
Его сынок да этот храбрый воин.
А вы — мякина, гниль, чей смрад взлетает
До самых звезд. Сгорим мы из-за вас!

С и ц и н и й

Не гневайся. Уж если ты помочь
Не хочешь нам в беде неотвратимой,
Так не кори хоть ею нас. А все же,
Возьмись ты быть ходатаем за Рим,
Язык твой ловкий мог бы сделать больше,
Чем наше наспех набранное войско.

М е н е н и й

Нет, в эго я мешаться не желаю.

Сициний

Молю тебя, ступай к нему!

Менений

Зачем?

Брут

Чтоб хоть увидеть, не пойдет ли Риму
На пользу ваша дружба.

Менений

Ну, а если

Меня он, как Коминия, прогонит,
Не выслушав, и я вернусь,
Презреньем друга тяжело оскорбленный?
Ну, что тогда?

Сициний

Тогда отчизна будет

За добрые намеренья твои
Признательна тебе.

Менений

Что ж, попытаюсь.

Я думаю, что выслушан им буду,
Хоть на Коминия глядел он косо
И прикусив губу. Как это горько!
Но, может быть, пришел к нему Коминий,
Когда он был не в духе, не обедал?
Ведь если в жилах пусто, кровь не греет,
То нам не в радость даже солнце утром
И скупы мы на деньги и прощенье.
Но если кровеносные каналы
Наполнены у нас вином и пищей,
То мы душою кротче, чем в часы,
Когда постимся, как жрецы. Я лучше
Дождусь, пока обед его смягчит,
А уж потом примусь просить.

Брут

Путь к доброте его тебе известен,
И ты не заплутаешь.

М е н е н и й

Будь что будет,

А то, что будет, я узнаю скоро.

Попробую.

(Уходит.)

К о м и н и й

Не станет даже слушать

Его Корнолан.

С и ц и н и й

Ты так уверен?

К о м и н и й

Да я же видел: он сидит в палатке,
Весь раззолоченный, глаза сверкают
Так, словно Рим предать огню хотят.
Он жалость заточил в тюрьму обиды.
Когда пред ним я преклонил колени,
Он процедил мне: «Встань!» — и отослал
Меня рукой безмолвною, а после
Уведомил меня письмом о том,
Что может сделать и чего не может,
Поскольку связан клятвой, данной вольскам.
Итак, одна у нас надежда —
Достойные его жена и мать,
Которые, как слышал я, решили
Молить его о жалости к отчизне.
Идем. Упросим их поторопиться.

Уходят.

С Ц Е П А 2

У входа в лагерь вольсков под Римом.

На постах стоят часовые. К ним подходит Менений.

П е р в ы й ч а с о в о й

Стой! Ты откуда взялся?

В т о р о й ч а с о в о й

Стой! Назад!

М е н е н и й

Хвалю: вы хорошо несете службу.
Но я сановник, и с Кориоланом
У нас дела.

П е р в ы й ч а с о в о й

Откуда ты?

М е н е н и й

Из Рима.

П е р в ы й ч а с о в о й

Назад! Не хочет вождь о Риме слышать.

В т о р о й ч а с о в о й

Скорей твой Рим сгорит, чем ты с вождем
Поговоришь.

М е н е н и й

Любезные мои,
Когда ваш вождь рассказывал при вас
О Риме и своих друзьях, ручаюсь,
Меня упоминал он. Я — Менений.

П е р в ы й ч а с о в о й

А все ж — назад! И с именем таким
Тебе здесь ходу нет.

М е н е н и й

Послушай, малый,
Твой вождь меня любил. Я был той кпигой,
Где летопись велась его деяньям.
Читали в ней сограждане о славе
Его бессмертной, хоть отчасти мною
Преувеличенной, затем что я
Друзьям (а он меж ними первым был)
Воздать по правде должное старался,
Но слишком уносился вдаль порой,
Как шар, который пущен по дорожке
С обманчивым наклоном и длиною,
И уснащал хвалу крупницей лжи.
Поэтому дай мне пройти, приятель.

П е р в ы й ч а с о в о й

Честное слово, налги ты ему в похвалу столько же, сколько слов
в свою собственную честь наговорил, я и тогда не пропустил бы

тебя. Нет, даже если бы ложь, как целомудрие, считалась добродетелью. Поэтому — назад!

М е н е н и й

Да пойми ты, приятель: меня зовут Менений, и я всегда был сторонником твоего вождя.

В т о р о й ч а с о в о й

Вернее, лжецом, который, как ты сам уверяешь, вечно про него небывлицы сочинял. Зато я обязан резать правду, раз уж состою у него на службе. Поэтому заявляю тебе: не пропущу. Назад!

М е н е н и й

Ты мне хоть скажи, обедал он или не обедал. Пока он не пообедал, я лучше с ним говорить не буду.

П е р в ы й ч а с о в о й

Ты — римлянин, не так ли?

М е н е н и й

Да, как и твой вождь.

П е р в ы й ч а с о в о й

Значит, ты должен был бы ненавидеть Рим, как и он. На что ты надеешься? Вы сначала вытолкали за ворота лучшего вашего защитника, отдали врагу свой собственный щит, чтоб угодить бессмысленной черни, а теперь думаете, что хныканье ваших старух, сложенные руки ваших дочерей да плаксивые мольбы выживших из ума старикашек, вроде тебя, спасут вас от его мести. Уж не собрался ли ты своим немошным дыханием задуть огонь, который вот-вот охватит ваш город? Не тут-то было! Поэтому — назад! Вернись в Рим, пусть там к казни готовятся. Вы все осуждены. Наш вождь поклялся, что пощады никому не будет.

М е н е н и й

Ты полегче! Если бы твой начальник знал, что я здесь, он бы меня принял с уважением.

П е р в ы й ч а с о в о й

Поди ты. Мой начальник тебя и знать не знает.

М е н е н и й

Да я говорю не о твоём центурионе, а о самом вашем полководце.

Первый часовой

А ему-то что за дело до тебя? Назад! Кому я говорю? Уйди, не то я из тебя последние полпинты крови выпущу. Назад!

Менений

Но послушай, приятель, послушай...

Входят Кориолан и Авфилий.

Кориолан

Что тут происходит?

Менений

(первому часовому)

Ну, приятель, я сейчас за тебя замолвлю словечко! Ты еще увидишь, как меня здесь уважают. Знай, что какому-то паршивому часовому никогда не удастся отогнать меня от Кориолана: он же мне все равно что сын. Вот послушай, как мы с ним поговорим, и сообрази, что не миновать тебе повешения или иной казни, которая для зрителей будет попродажительнее, а для тебя самого потяжелее. Ну смотри же: сейчас ты от страха в обморок свалишься. *(Кориолану.)* Пусть ежечасно совет всемогущих богов печется о твоём благоденствии и пусть они любят тебя так же крепко, как твой старый отец Менений. Сын мой, сын мой! Ты готовишь для нас пожар, но влага вот этих глаз потушит его. Римляне долго не могли упротить меня пойти к тебе, но я знал, что я один способен тронуть твоё сердце, и, наконец, их вздохи выдули меня за ворота города. Взгляни, я, я заклинаю тебя — прости Рим и твоих соотечественников, с мольбою взывающих к тебе. Да растворят благие боги твой гнев в наших слезах и выплеснут его остатки на вот этого бездельника, на этого чурбана, который преградил мне дорогу к тебе.

Кориолан

Уйди!

Менений

Как! Уйди?

Кориолан

Мать, сын, жена — я больше их не знаю.
Мои дела другим отныне служат.
За мною месть, а право на пощаду —
За вольсками. Скорей я отправлю
Забвением былую нашу дружбу,
Чем милосердием покажу, как прочно
Мы ею были связаны! Уйди!

Мой слух для ваших просьб надежней замкнут,
Чем от моих солдат ворота ваши.
Но так как ты был дорог мне когда-то,
Возьми бумагу эту. Для тебя
Я написал ее и собирался
Тебе отправить.

(Дает ему бумагу.)

А теперь, Менений,
Уйди, не тратя слов.— Авфидий, в Риме
Он мною был любим, однако видишь...

А в ф и д и й

Да, неизменен ты во всем.

Кориолан и Авфидий уходят.

Первый часовой

Пу, достойный муж, так, значит, твое имя Менений?

Второй часовой

Скажите, каким оно оказалось всеильным! Дорогу домой сам
найдешь?

Первый часовой

И влетело же нам за то, что мы такую высокую особу не про-
пустили!

Второй часовой

Что-то не вижу я, чтобы мне от страха в обморок свалиться
пришлось.

Менений

Нет мне дела ни до вашего вождя, ни до всего света. А уж о
таких ничтожествах, как вы, мне и думать не стоит. Кто сам на
себя решил руки наложить, тот убийца не испугается. Пусть ваш
вождь творит свое черное дело. Вы же оставайтесь такими, какие
вы есть, чтобы ваше убожество возрастало с годами. Скажу вам то
же, что вы мне говорили: «Прочь с глаз моих!» *(Уходит.)*

Первый часовой

А ведь правду сказать — человек-то он достойный!

Второй часовой

Нет, достойный человек — это наш вождь: он вроде скалы или
дуба — его никакой ветер не свалит.

Уходят.

СЦЕНА 3

Палатка Кориолапа.

Входят Кориолан, Авфидий и другие.

Кориолан

Итак, с рассветом войско Рим обложит.

(Авфидию.)

Тебя, мой сотоварищ по походу,
Прошу я донести сенату вольсков,
Что вам я верен был.

Авфидий

Лишь к нашей пользе

Стремился ты, не внял молениям Рима
И уповавших на тебя друзей
Не выслушал ни разу.

Кориолан

Тот старик,

Что в Рим с разбитым сердцем мной отослан,
Любил меня сильнее, чем отец,—
Боготворил меня. Его посольство
Последнюю надеждой Рима было.
О нашей стародавней дружбе помня,
Я, хоть и встретил холодно его,
Вновь предложил им мир на тех условиях,
Которые они отвергли раньше,
Да вряд ли примут и теперь. Я сделал
Лишь самые ничтожные уступки,
Чтоб старика утешить (он ведь думал,
Что может многого достичь). Отныне
Я не хочу посланцев Рима видеть,
Мольбам друзей внимать.

За сценой шум.

Что там за шум?

Не снова ли пытаются склонить
Меня к тому, чтоб я нарушил клятву
В тот миг, когда принес ее? Ну нет!

Входят в траурной одежде Виргилий, Волумния, всдушая
маленького Марция, Валерия и свита.

Идет моя жена! За нею следом,
Ведя с собою малепького внука,—

Та, что служила благородной формой
Для лепки этой плоти.

(Указывает на себя.)

Прочь, любовь!

Да распадутся узы прав природы!
Пусть будет добродетелью моею
Неумолимость! Да, но как прелестны
Глаза и стан моей голубки! Боги,
И вы презрели б клятву ради них!
Растроган я. Как все другие люди,
Я создан не из камня. Предо мной
Склонилась мать моя, как будто должен
Олимп сгибаться перед кротовиной.
И мальчик мой глядит с такой мольбою,
Что мне кричит всевластная природа:
«О, сжался!» Нет, пусть вольски Рим распашут
И взборонят весь италийский край,—
Не подчинюсь я, как птенец, влечению,
Но твердость сохраняю, как если б сам
Я был своим творцом, родства не зная.

В и р г и л и я

Мой муж и господин, ты не узнал нас?

К о р и о л а н

Мои глаза теперь не те, что в Риме.

В и р г и л и я

Так говоришь ты потому, что горе
Нас изменило.

К о р и о л а н

Как плохой актер,
Я сбился с роли, к своему позору.
О половина лучшая моя,
Прости мою жестокость, но не требуй,
Чтоб римлян я простил.

(Целует Виргилию.)

Твой поцелуй,

Как мщенье, сладок, как изгнание, долг!
Клянусь небес ревнивою царицей,
Мои уста твой поцелуй прощальный
Всегда хранили в чистоте.— О боги,
За болтовней я позабыл склониться

Пред благороднейшей из матерей!

(Становится на колени.)

Колени, опуститесь, чтобы в прах
Вдавил я след почтения так глубоко,
Как ни один из сыновей.

В о л у м н и я

О, встань

И будь благословен. Не на подушки —
На камни я склоню свои колени
Перед тобой, чтоб так тебя почитать,
Как по ошибке дети почитали
Довыне матерей.

(Становится на колени.)

К о р и о л а н

Что! На колени

Пред сыном, столь наказанным, ты встала?
Тогда пускай до звезд подпрыгнут камни
Бесплодных побережий; пусть хлестнет
Ветвями гордых кедров дерзкий ветер
По пламенному солнцу. Все возможно,
Раз невозможное сбылось.

В о л у м н и я

Мой воин,

Ты создаи мною.

(Указывает на Валерию.)

Узнаешь ее?

К о р и о л а н

Публиколы достойная сестра,
О римская луна, что чище льдинки,
Морозом на святилище Дианы
Повешенной!.. Валерия, привет!

В о л у м н и я

(подводя к Кориолану сына)

А вот и малое твое подобье,
Которое с годами может стать
Совсем таким, как ты.

К о р и о л а н

Пусть бог войны

С согласия Юпитера дарует

Тебе высокий дух, чтоб для бесславья
Ты был неуязвим и в ратных бурях
Стоял непоколебимо, как маяк,
Спасая тех, кто лик твой светлый видит.

В о л у м н и я

Встань на колени, внук.

К о р и о л а н

Мой славный мальчик!

В о л у м н и я

Валерин, твоя жена, я, оп —
Мы все пришли тебя просить...

К о р и о л а н

Умолкни!

А если не просить не можешь, помни:
Не отступлюсь я от того, в чем клялся.
Не требуй, чтобы распустил я войско
Иль с подлыми мастеровыми Рима
Покончил дело миром, не тверди,
Что я бесчеловечен, и не пробуй
Взывать к рассудку, чтобы охладить
Мой гнев и жажду мести.

В о л у м н и я

О, довольно!

Ты нас предупредил, что не уступишь,
А мы пришли просить о том, в чем нам
Ты отказал заранее. Но все же
Попросим мы, чтоб в случае отказа
Твое жестокосердье на тебя
Легло пятном. Поэтому послушай.

К о р и о л а н

Авфидий, вольски, подойдите. Римляп
Без вас не стану слушать я. — В чем просьба?

В о л у м н и я

Без ваших слов — по лицам и по платью
Ты можешь угадать, как нам жилось
Со дня изгнания твоего. Подумай,
Найдутся ль в мире женщины несчастней,
Чем мы? Твой взгляд, который был бы должен
Нам увлажнить глаза слезою счастья,

Сердца наполнить трепетом восторга,
Несет нам лишь отчаянье и ужас.
Ты нас — супругу, сына, мать — заставил
Смотреть, как раздирает грудь отчизны
Супруг, отец и сын. Твою враждебность
Нам видеть горше, чем другим: тобою
Закрыт нам путь к молитве — утешенью,
Доступному для всех. Нельзя ж молиться
Одновременно за твою победу,
Как долг велит, и за отчизну нашу,
Как долг велит. Увы! Лишимся мы
Иль дорогой, вскормившей нас отчизны,
Или тебя, дарованного ею
На утешенье нам. Нас горе ждет,
Какой бы из молитв ни вняли боги:
Ведь ты или по улицам в цепях
Пройдешь, как чужеземец и предатель,
Или, поправ развалины отчизны,
Венком увенчан будешь за отвагу,
С которой пролил кровь жены и сына.
Что до меня, то я, мой сын, не стану,
С судьбою примирясь, покорно ждать
Конца войны. Уж если я не в силах
Склонить тебя великодушным быть
К обеим сторонам, а не стремиться
Добить одну из них, то знай, что, прежде
Чем двинуться на Рим, тебе придется
Ногою наступить на чрево той,
Что жизнь тебе дала.

В и р г и л и я

И на мое,
Где зачат сын, который должен имя
Твое сберечь.

М а л ь ч и к

Он на меня не ступит:
Я спрячусь, вырасту и драться буду.

К о р и о л а н

Чтоб неженкой, как женщины, не стать,
Глядеть не надо на детей и женщин.
Я засиделся тут.

(Встает.)

Волумния

Ты не уйдешь.

Когда б мы римлян пощадить просили
На гибель вольскам, чей слуга ты ныне,
Ты был бы вправе упрекнуть нас в том,
Что честь твою мы ядом отравляем.
Но молим мы тебя лишь примирить
Враждебные народы, чтобы вольски
Могли воскликнуть: «Мы явили милость!»,
А римляне: «Мы приняли ее!»,
Чтоб обе стороны тебя встречали
Приветом общим: «Будь благословен,
Ты, что принес нам мир!» Мой сын великий,
Ты знаешь, счастье на войне — неверно;
Но верно то, что, если Рим ты сломишь,
Заслужишь ты одну награду — имя,
Которому проклятья будут вторить
И под которым летопись напишет:
«Он был велик, но все его деянья
Последнее из них свело на нет.
Он родину сгубил, за что навеки
Покрыт позором!» — Отвечай мне, сын!
Ведь ты считал, что высший признак чести —
Быть равным в милосердии богам,
Чья молния, пронзая щеки неба,
Становится затем секирой грома
И лишь дубы разит. Что ж ты молчишь?
К лицу ли тем, кто сердцем благороден,
Обиду помнить? — Нет, он глух к слезам. —
Дочь, говори же с ним. — Малыш, проси.
Твой лепет, может быть, его скорее,
Чем наши слезы, тронет. Кто на свете
Обязан большим матери, чем он?
И все ж он допустил, чтоб я к нему
Взывала безответно, как колодник. —
О, ты всегда был с матерью неласков,
Ни в чем не уступал ей, хоть она,
Клохча, как одинокая наседка,
Жила тобой, тебя для битв растила,
Ждала, когда со славой из похода
Вернешься ты... Что ж, если наша просьба
Несправедлива, прогони меня;
А если справедлива — ты бесчестен
И гнев богов изведаеть сполна

За то, что посягнул своим отказом
На право матери.— Он отвернулся!
Все на колени: пристыдим его!

Все падают к ногам Кориолана.

Ведь он Кориолан, а это имя
Не жалости, но гордости сродни.
Склонимся перед ним в последний раз.
Откажет — возвратимся, чтобы дома
Среди соседей встретить смерть.— Взгляни же
На нас, взгляни хотя б на малыша:
Не знает он, о чем просить, но с нами
К тебе ручонки тянет на коленях.
А это довод посильнее тех,
Которыми отказ ты подкрепляешь.—
Идем. Довольно. Этот человек
На свет от вольской матери родился,
Жена его, наверно, в Кориолах,
И впуск мой на него похож случайно.—
Что ж ты не гонишь нас? Я помолчу,
Пока наш город пламя не охватит,
А уж тогда — заговорю.

К о р и о л а н

О мать,
Что сделала со мною ты! Взгляни,
Разверзлось небо, и со смехом боги
На зрелище неслыханное смотрят.
О мать моя! Счастливую победу
Для Рима одержала ты, но знай,
Что сына грозной, может быть, смертельной
Опасности подвергла. Будь что будет! —
Авфидий, заклячу я мир почетный,
Раз не могу войну вести как надо.
Скажи, сумел бы ты, Авфидий добрый,
Когда б со мною местом поменялся,
Остаться твердым, матери не внять
И ей не уступить? Скажи, Авфидий.

А в ф и д и й

Я тоже был растроган.

К о р и о л а н

Я дерзну
Поклясться в том, что говоришь ты правду:

Ведь и мои глаза не так-то просто
Подернуть влагой сострадания, друг.
Но посоветуй, на каких условиях
Мы им даруем мир. Что до меня,
Мне в Рим возврата нет. Уйду я с вами.
А вы мне помогите.— О мать! Жена!

А в ф и д и й
(в сторону)

Я рад, что честь твоя и сострадание
Вступили в ссору,— это мне вернет
Удачу прежних дней.

Женщины хотят прощаться с Кориоланом.

К о р и о л а н

Не торопитесь!

Сначала выпьем мы вина и этим
Надежней слов скрепим наш договор,
Который вы попом снесете в Рим.
Идемте, женщины. За этот подвиг
Должны бы храм воздвигнуть вам. Без вас
Мечи всех итальянских государств
Не вынудили б нас к такому миру.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Рим. Площадь.

Входят Менений и Сициний.

М е н е н и й

Видишь вон тот выступ Капитолия, угловой камень?

С и ц и н и й

Виджу. А что?

М е н е н и й

А вот если сдвинешь его с места мизинцем, значит, еще есть надежда, что римлянки, особенно его мать, Кориолана уговорят. Но я тебе скажу: надежды нет! У нас на шее петля — осталось только ее затянуть.

Сиципий

Неужели человек за такой короткий срок может так переместиться?

Менений

Гусеница тоже на бабочку непохожа, а ведь бабочка была гусеницей. Марций из человека стал драконом: у него выросли крылья и ползать ему больше незачем.

Сициний

Но он так горячо любил свою мать.

Менений

Меня тоже. А теперь думает о матери не больше, чем жеребевосьмилетка. От его хмурого вида спелый виноград киснет. Он ходит как осадная башня: под его шагами земля дрожит. Взглядом он, кажется, панцирь пробить в состоянии. Голос у него вроде набата, каждое слово — громче пушечного залпа. Он сидит в кресле под балдахинном, словно статуя Александра. Не успеет он отдать приказ, как тот уже выполнен. Дайте ему бессмертные да трон на небе — и будет настоящий бог.

Сициний

Ему для этого еще одного не хватает — милосердия, если ты, конечно, верно его описал.

Менений

Я изобразил его доподлинно. Вот увидишь, с какой милостью мать от него вернется. Милосердия в нем столько же, сколько молока у тигра. Наш бедный город скоро в этом убедится. И все из-за вас!

Сициний

Да сжалются над нами боги!

Менений

Нет, уж на этот раз они над нами не сжалются. Когда мы изгнали его, мы о них и не вспомнили. Зато теперь, когда он явится свернуть нам шею, они тоже о нас не вспомнят.

Входит голец.

Гонец

Беги домой, трибун, иль ты погиб!
Плебеями твой сотоварищ схвачен.
Они его по улицам волочат,

Клянясь, что, если только нам пощады
И римлянки не принесут, он будет
Разорван на куски.

Входит второй гонец.

Сициний

Какие вести?

Второй гонец

Счастливые: уводит вольсков Марций —
Добились наши римлянки победы!
Столь радостного дня не видел Рим
И в год, когда Тарквиния изгнали.

Сициний

Ты не ошибся, друг мой? Это правда?

Второй гонец

Такая же, как то, что солнце светит.
Да где ж ты был, что все еще не веришь?
Под арками мостов прилив не мчится
С такою быстротой, с какой к воротам
Спешит народ, воспрявший духом. Слушай!

За сценой звуки труб и гобоев, грохот барабанов, радостные крики.

От флейт, кимвалов, барабанов, труб
И кликов римлян, кажется, вот-вот
Запляшет солнце. Слушай!

Снова крики.

Менепий

Весть благая!

Пойду-ка встречу женщин. Больше стоит
Одна Волумния, чем целый город
Патрициев, сенаторов почтенных
И консулов, чем целый мир таких,
Как вы, трибунов. Видно, вы усердно
Молились нынче. Утром я бы не дал
Гроша за десять тысяч ваших глоток.—
Послушай, как ликует Рим!

Крики и музыка.

Сициний
(второму гонцу)

Сперва
Да будешь ты благословен богами
За эту весть, а после благодарность
И от меня прими.

Второй гонец

Что ж, есть причины
У каждого из нас быть благодарным.

Сициний

Далеко ли от города они?

Второй гонец

Почти что у ворот.

Сициний

Пойдем навстречу,
Разделим радость горожан.

Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Улица близ городских ворот.

Входят Волумния, Виргилия, Валерия и другие
в сопровождении сенаторов, патрициев и народа; они
проходят через сцену.

Первый сенатор

Смотрите, вот спасительницы Рима,
Вернувшие нам жизнь! Сзывайте трубы!
Огни, ликуя, зажигайте всюду!
Богов бессмертных славьте! Усыпайте
Дорогу перед женами цветами!
Пусть крик, изгнавший Марция, заглушат
Приветствия в честь матери его,
Чтобы они ей возвратили сына.
Кричите все: «Привет достойным женам!»

Все

Привет достойным женам!

Трубы и барабаны.

Все уходит.

СЦЕНА 6

Корнолы. Площадь.

Входит Тулл Авфидий со свитой.

Авфидий

Сенаторам сказать, что я вернулся.
Пускай они прочтут бумагу эту
И тотчас же пожалуют на площадь,
Где подтвержу пред ними и народом
Я то, что написал. Вступает в город
Мной обвиненный человек. Он хочет,
Надеясь обелить себя словами,
С народом говорить. Поторопитесь.

Свита уходит.

Входят три или четыре заговорщика из партии Авфидия.
Привет.

Первый заговорщик
Как поживаешь, вождь?

Авфидий

Как тот,
Кто подаяньем собственным отравлен,
Кого свое ж великодушие губит.

Второй заговорщик

Вождь, если ты не изменил решений,
Содействовать которым нас просил,
Мы от опасности тебя избавим.

Авфидий

Сперва узнайте, за кого народ.

Третий заговорщик

Раз можно выбирать ему меж вами,
Он будет колебаться, выжидая,
Чтоб пал один из вас и все наследство
К другому отошло.

Авфидий

Я знаю это.
Настало время нанести удар.
Я Марция возвысил. Поручился

Я честью за него, а он, окрепнув,
Росою лести всходы новой славы
Стал поливать, друзей моих прельщая.
Он даже обуздал для этой цели
Свой нрав, когда-то столь неукротимый,
Упорный и суровый.

Третий заговорщик

А ведь прежде

Он из упрямства консульство утратил.

А в ф и д и й

Об этом я как раз и говорю.
Изгнанником он в дом ко мне явился
И горло моему ножу подставил.
Его я принял, разделил с ним власть,
Ему во всем оказывал поддержку,
Дал выбрать лучших из моих бойцов
Для исполнения замыслов его
И сам пошел служить ему в надежде,
Что славу вместе с ним пожну, а он
Ее присвоил. Я гордился даже
Тем, что собою жертвовать умею,
Пока не понял, кто я для него —
Не сотоварищ, а слуга, наемник,
Которому он милостивым взглядом
За помощь платит.

Первый заговорщик

Это правда, вождь.

Дивилось войско твоему терпению.
В конце концов, когда к воротам Рима
Он подступил, и мы не только славы,
Но и добычи ждали...

А в ф и д и й

Вот за это

Как раз я и обрушусь на него.
За каплю женских слез, как ложь дешевых,
Труды и кровь великого похода
Он продал, а поэтому умрет
И вознесет меня своим паденьем.
Вот, слышите?

За сценой звуки барабанов, труб и клики народа.

Первый заговорщик

Ты, как простой гонец,
В свой город незамеченным вернулся,
А Марция встречает гром приветствий.

Второй заговорщик

И многотерпеливые глупцы
Надсаживают глотки в честь того,
Кто убивал их сыновей.

Третий заговорщик

Итак,

Пока еще он не склонил народ
На сторону свою искусной речью,
Берись за меч, а мы тебе поможем.
Пусть он сперва падет, а уж потом
По-своему ты дело истолкуешь
И в гроб все оправданья мертвеца
Уложишь вместе с ним.

Авфидий

Ни слова больше.

Сенаторы идут!

Входят сенаторы.

Сенаторы

Привет тебе!

Авфидий

Его не заслужил я.

Прочли ли вы мое посланье к вам,
Почтенные отцы?

Сенаторы

Прочли.

Первый сенатор

С прискорбием.

За прежние проступки извинить
Его нетрудно, но закончить там,
Где надо было начинать, утратить
Плоды похода тяжкого, оставить
В награду нам одни издержки наши,
Пойти на мир с врагом, готовым сдаться,—
Такое оправдать уже нельзя!

А в ф и д и й

Да вот и он. Послушаем, что скажет.

Входит Кориолан с барабанами и знаменами, за ним толпа горожан.

Кориолан

Привет, отцы! Ваш воин возвратился,
К отечеству любовью зараженный
Не более, чем в первый день похода,
И, как и прежде, вам покорный. — Знайте,
Что, вашу волю выполнив с успехом,
Путем кровавым я к воротам Рима
Привел войска. На треть добыча наша
Военные расходы превышает.
Мы с римлянами заключили мир,
Для них позорный и для вольсков славный.
Вот договор, сенатскою печатью
Скрепленный и подписанный рукою
Патрициев и консулов.

А в ф и д и й

Отцы,

Его вы не чтайте, а скажите
Изменнику, что властью, вами данной,
Он злоупотребил.

Кориолан

Что? Я — изменник?

А в ф и д и й

Да, Марций, ты изменник.

Кориолан

Марций? Я?

А в ф и д и й

А кто же ты, Кай Марций? Неужели
Ты полагал, что я тебя украшу
Почетным прозвищем Кориолана,
Украденным тобою в Кориолах? —
Отцы народа, главы государства,
Он вероломно предал ваше дело
И матери с женою уступил
Ваш Рим (да, ваш!) за каплю слез солевых.

Он не созвал военного совета,
Но клятву, как гнилую нить, порвав,
Слезам своей кормилицы поддался.
Победу он прохныкал и проплакал,
Чем изумил мужей и в стыд вогнал
Юнцов безусых.

Кориолан

Марс, ты это слышишь?

Авфидий

Тебе ль к нему взывать, плаксивый мальчик?

Кориолан

Что? Повтори!

Авфидий

Ты плакса и мальчишка!

Кориолан

Бесстыдный лжец, ты гневом переполнил
Мне сердце. Я мальчишка? Ах ты раб! —
Отцы, простите. Вынужден впервые
Я так браниться. Пусть собаку эту
Ваш суд, отцы, изобличит во лжи,
Чтобы клеветнику, чье тело будет
Носить до смерти след моих ударов,
Его признание вбило в глотку ложь.

Первый сенатор

Молчите оба! Слушайте меня!

Кориолан

Меня рубите, вольски, на куски!
Мужи и юноши, мечи омойте
В моей крови! Мальчишка! Живый пес!
Коль летописи ваши пишут правду,
То вы прочтете там, что в Кориолы
Я вторгся, как орел на голубятню,
Гоня перед собой дружины ваши.
Я это совершил один. Мальчишка!

Авфидий

Как можете вы позволять, отцы,

Чтобы хвастун безбожный перед вами
Превозносил свое слепое счастье
И ваш позор?

Заговорщики

Убить его за это!

Горожане

Разорвать его на части! — Чего там ждать! — Он убил моего
сына! — Мою дочь! — Моего брата Марка! — Моего отца!

Второй сенатор

Молчать! Не оскорблять его! Молчать!
Он знаменит. Молва о нем идет
По всей земле. Обсудим беспристрастно
Его последнюю вину пред нами.
Авфидий, перестань. Не подстрекай
К самоуправству.

Кориолан

О, как я хотел бы,
Чтоб семь таких Авфидиев, как он,
И весь их род пришли отведасть этой
Безгрешной стали!

Авфидий

Негодяй! Наглец!

Заговорщики

Убить его, убить! Убить!

Заговорщики обнажают мечи, бросаются на Кориолана и убивают
его. Авфидий наступает ногой на труп.

Сенаторы

Стой, стой!

Авфидий

Отцы, позвольте мне сказать...

Первый сенатор

О Тулл!..

Второй сенатор

Поступок твой заставит доблесть плакать.

Третий сенатор

Не попирай его ногой! — Молчать!
Вложить мечи в ножны!

Авфидий

Почтенные отцы, когда известна
Вам станет та великая опасность,
Которой вам грозила жизнь его
И о которой, разъярив меня,
Он помешал мне рассказать вам раньше,
Порадуетесь вы концу такому.
Прошу, отцы, в сенат меня ведите,
Где я иль оправдаюсь, доказав,
Что я слуга ваш верный, иль приму
Любую кару.

Первый сенатор

Унесите тело.

Оплачем Марция. Еще ни разу
Глашатаи не провожали к урне
Столь благородный труп.

Второй сенатор

Он был строптив,

А этим и с Авфидия отчасти
Снимается вина. Быть может, лучше,
Что все сложилось так.

Авфидий

Мой гнев прошел.

Я скорбью потрясен.— Пусть труп его
Три лучшие вождя со мной поднимут.—
Греми сильнее, печальный барабан!
Склонитесь до земли, стальные копыя!
Хоть он и отнял в наших Кориолах
Мужей и сыновей у многих женщин,
Чьи щеки до сих пор от слез влажны,
Почтить мы память славную должны.—
Берите труп!

Уходят с телом Кориолана.
Похоронный марш.





ТИМОН АФИНСКИЙ

**Перевод
П. М Е Л К О В О Й**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тимон, знатный афинянин.

Луций

Лукулл

Семпроний

} вельможи-льстецы.

Вентидий, один из ложных друзей

Тимона.

Алкивиад, афинский военачальник.

Апемант, язвительный философ.

Флавий, домоправитель Тимона.

Поэт.

Живописец.

Ювелир.

Купец.

Старый афинянин.

Фламиний

Луцилий

Сервилий

} слуги Тимона.

Кафис

Филот

Тит

Гортезий

и другие

} слуги кредиторов
Тимона.

Паж.

Шут.

Три чужестранца.

Фрина

Тимандра

} любовницы Алкивиада.

Купидон и амазонки, маски.

Вельможи, сенаторы, воины,
военачальники, разбойники, слуги.

Место действия — Афины и окрестные леса.





А К Т I

СЦЕНА I

Афины. Зал в доме Тимона.

Входят в разные двери поэт, живописец, ювелир, купец
и другие.

Поэт

Привет мой вам!

Живописец

Я рад, что вы здоровы.

Поэт

Давно не видел вас. Ну, как наш мир?

Живописец

Растет, но и ветшает он.

Поэт

Старо!

А нет ли поновей чего-нибудь —

Такого, что стоустая молва

Не повторяла б вновь и вновь? Смотрите,

Как магия богатства всемогуща!

Оно любую душу в плен берет

И заставляет всех служить себе.

Знаком мне тот купец.

Ж и в о п и с е ц

А мне знаком
И тот, что вместе с ним,— он ювелир.

К у п е ц

Тимон — достойнейший вельможа.

Ю в е л и р

Верно!

К у п е ц

Милейший человек; неистощимой
Он дышит добротой. Такие люди —
Большая редкость.

Ю в е л и р

Я принес брильянт.

К у п е ц

А ну-ка, покажите. Для Тимона?

Ю в е л и р

Да, коль в цене сойдемся... Впрочем, в этом...

П о э т

(декламируя)

«Когда за мзду порок мы превозносим,
Пятнает это блеск стихов прекрасных,
Чье назначенье — прославлять добро».

К у п е ц

Брильянт — хорошей формы.

Ю в е л и р

Превосходный.

Какой воды чистейшей — посмотрите.

Ж и в о п и с е ц

(поэту)

Вы, верно, посвященье написали
Великому Тимону?

П о э т

Родились

Стихи непроизвольно у меня.
Поэзия похожа на камедь,

Струящуюся из ствола-кормильца.
Не высекут огонь — он не сверкнет,
А пламень чистый наш родится сам
И катится лавиной, все сметая
Со своего пути.— Скажите, сударь,
Вы что Тимону принесли?

Ж и в о п и с е ц

Картину.

Когда же выйдет ваша книга в свет?

П о э т

Да вслед за тем как поднесу ее.
Могу ль я на подарок ваш взглянуть?

Ж и в о п и с е ц

Картина хороша.

П о э т

Да, превосходна!
Прекрасно! Очень хорошо!

Ж и в о п и с е ц

Недурно...

П о э т

Чудесно! Сколько грации в фигуре!
Какая сила разума во взоре,
И на устах — фантазии полет,
И жест немой так ясен.

Ж и в о п и с е ц

Да, удачно

Я отразил в ней подлинную жизнь.
А этот штрих, не правда ли, хорош?

П о э т

Саму природу учит он! Искусство,
Заложённое в нем, живее жизни.

Через сцену проходят несколько сенаторов.

Ж и в о п и с е ц

У нашего патрона тьма друзей.

Поэт

Афинские севаторы! Счастливец!

Живописец

Смотрите, вот еще...

Поэт

Ну и толпа! Какой наплыв гостей!
Я показал в набросках этой оды
Любимца мира, баловня судьбы,
Кто свой досуг проводит непрерывно
В изысканных и тонких развлечениях.
Подробности презрев, взлетая вольно,
Мой дар певца скитается свободно
По морю бесконечному страниц,
Не отравляет он расчетом злобным
В своем движении даже запятой
И рвется ввысь отважно, как орел,
Бесследно исчезая.

Живописец

Как понять вас?

Поэт

Я объясню сейчас. Видали вы,
Как люди самых разных положений,
Как все умы — убогие, пустые,
И острые, и злобные — стремятся
Служить Тимону? Он богат несметно
И так приветлив, добр, великодушен,
Что всех к нему влечет, без исключения,
От хитрого льстеца до Апеманта;
Хотя тому ничто не любо так,
Как враждовать с собою, — но и он
Уходит от Тимона умиленный,
Его улыбку почитая благом.

Живописец

Мне доводилось слышать их беседы.

Поэт

Так вот: изобразил я холм высокий,
Где трон стоит, на троне том — Фортуна;
Внизу толпится множество людей

Различных свойств, происхождения, звания —
Все те, кто на земле благословенной
Живут лишь для того, чтоб хлопотать
О возвышении своем. Меж тех,
Кто на богиню устремил глаза,
Один с Тимоном схож. Манит Фортуна
Его к себе рукою белоснежной,
И эта милость превращает сразу
Соперников его в его рабов.

Ж и в о п и с е ц

Как верно найдено! Я представляю,
Что холм, Фортуна, трон и человек,
Отмеченный из всех внизу стоящих
И наклонивший голову, чтоб легче
Наверх взобраться по крутому склону
Навстречу счастью, — могут стать сюжетом
И моего искусства.

П о э т

Я продолжу...

Так слушайте: все равные ему,
И даже те, кто выше был, бегут
Теперь за ним, в его теснятся доме,
Ему благоговейно в уши шепчут,
Все в нем боготворят — вплоть до стремян,
И только им и дышат...

Ж и в о п и с е ц

Что же дальше?

П о э т

Внезапно своенравная Фортуна
Толкает вниз недавнего любимца,
И тот, кто вслед карабкался за ним
И полз с трудом, почти на четвереньках,
Дает ему скатиться; не поддержит
Его никто.

Ж и в о п и с е ц

Обычное явление...

Я мог бы вам назвать картин немало,
Где следствия таких причуд Фортуны
Показаны ясней, чем на словах.
Но мудро вы напомнили Тимону,

Что люди низкие уже не раз
Падение великих наблюдали.

Трубы. Входит Тимон и приветливо здоровается со всеми посетителями. К нему подходит гонец от Вентидия и разговаривает с ним;
Луцилий и другие слуги следуют за Тимоном.

Тимон

Так он сейчас в тюрьме?

Гонец

Да, господин.

Лишь пять талантов должен он, но нечем
Ему платить, а кредиторы — звери.
Он вас нижайше просит написать
Тому, кто засадил его, иначе —
Ему конец.

Тимон

Вентидий благородный!

Исполню все; я не из тех, кто друга
В беде способен бросить. Он мне близок
И помощи достоин. Если помощь
Ему нужна, я вызволю его,
Долг уплачу и от тюрьмы избавлю.

Гонец

Павеки будет он обязан вам.

Тимон

Привет ему! Отправлю деньги тотчас.
Пусть он придет ко мне, на волю выйдя;
Однажды выручить страдальца — мало,
Важнее помогать ему и впредь.
Прощай.

Гонец

Всех благ желаю, ваша милость.

Входит старый афинянин.

Старый афинянин

Тимон, к тебе я.

Тимон

Да, почтенный старец...

Старый афинянин

Есть у тебя слуга Луцилий?

Тимоп

Есть.

И что же?

Старый афинянин

Благороднейший Тимоп,
Пусть он придет сюда.

Тимоп

Он здесь.— Луцилий!

Луцилий подходит.

Луцилий

Я здесь. Что вашей милости угодно?

Старый афинянин

Вот этот человек, Тимоп, слуга твой,
Повадился ходить к нам по ночам.
Я весь свой век сколачивал богатство,
И состояние мое достойно
Наследника получше, не из гех,
Кто бегают с подносом.

Тимоп

Так. Что дальше?

Старый афинянин

Есть у меня единственная дочь,
Которой я по смерти все оставлю;
Она красива, и пора ей замуж.
Я денег не жалел и воспитанье
Прекрасное ей дал. А гвой слуга
Ей кружит голову. Так запрети
Ему ходить ко мне. Я говорил с ним,
Но все напрасно.

Тимоп

Человек он честный.

Старый афинянин

Так пусть о ней забудет он. Ведь честность
Должна сама себе служить наградой —
Зачем же брать в придачу дочь мою?

Т и м о н

А любит дочь его?

С т а р ы й а ф и н я н и н

А почему бы

Ей не любить? Она ведь молода.

Мы знаем по страстям минувшим нашим
Беспечность юности.

Т и м о н

(Луцилию)

Ее ты любишь?

Л у ц и л и й

Да, господин мой; и она меня.

С т а р ы й а ф и н я н и н

Коль вступят в брак без моего согласия,
Клянусь богами, откажу наследство
Я нищему любому, но уж ей
Гроша не дам.

Т и м о н

А выйди дочь твоя

За равного, за ней ты сколько дал бы?

С т а р ы й а ф и н я н и н

Дам три таланта, а когда умру,
К ней перейдет все то, чем я владею.

Т и м о н

Луцилий служит мне уже давно;
Я счастье его могу составить
Цепой усилия малого и этим
Исполню лишь свой долг как человек.
Дочь выдай за Луцилия, а я
Ему дам столько, сколько дашь ей ты,—
И сразу станут равными они.

С т а р ы й а ф и н я н и н

Клянись мне в этом честию, благодетель,
И пусть берет он в жены дочь мою.

Т и м о н

(протягивая ему руку)

Моя рука и честь тебе порукой.

Луцилий

Благодарю от сердца вашу милость!

Отныне, что бы я ни приобрел,

Все вам принадлежит.

Старый афинянин и Луцилий уходят.

Поэт

Прошу, примите

Мой скромный труд и пожеланье счастья.

Т и м о н

Благодарю. Поговорим мы после;

Не уходите...— Что у вас, мой друг?

Живописец

Картина. Умоляю вашу милость

Принять ее.

Т и м о н

Картина? Очень рад.

Портреты — то же, что живые люди.

С тех пор как человеческой душою

Бесчестье движет, только внешний облик

Является отличьем человека;

Таким его мы видим на картинах.

Ценю ваш труд и докажу на деле,

Что восхищен им. Заходить прошу

Без приглашений.

Живописец

Да хранят вас боги!

Т и м о н

Итак, до встречи.— Господа, сегодня

Обедаем все вместе.

(Ювелиру.)

Ваш брильянт

Все знатоки мытарили.

Ювелир

Ужели

Охаяли?

Т и м о н

Нет, захвалили! Если б
Цена определялась восхищением,
Я разорился бы, купив его.

Ю в е л и р

Он не дороже оценен, чем стоит,
Но часто цену придает вещам
Их обладатель. Если ваша милость
Брильянт наденет, то и ценность камня
Повысится.

Т и м о н

Удачная насмешка!

К у п е ц

Нет, господин, он то же говорит,
Что все кругом.

Т и м о н

Смотрите, кто идет!
Хотите, чтобы обругали вас?

Входит А п е м а н т.

Ю в е л и р

Достанется и вам.

К у п е ц

Он беспощадеп.

Т и м о н

Привет тебе, любезный Апемант.

А п е м а н т

Привет попридержки, покуда я
Любезным стану, а случится это,
Когда ты станешь псом своим, а эти
Мерзавцы — честными.

Т и м о н

Но почему
Они мерзавцы? Ты же их не знаешь.

А п е м а н т

Разве они не афипяне?

Т и м о н

Афияняне.

А п е м а н т

Тогда я не раскаиваюсь в том, что сказал.

Ю в е л и р

Ты меня знаешь, Апемант?

А п е м а н т

Тебе известно, что знаю; я же сказал, кто ты такой.

Т и м о н

А ведь ты гордец, Апемант.

А п е м а н т

И больше всего горжусь тем, что не похож на Тимона.

Т и м о н

Куда ты идешь?

А п е м а н т

Хочу вышибить мозги одному достойному афиянянину.

Т и м о н

По закону ты за такое дело можешь поплатиться жизнью.

А п е м а н т

Ты прав, если по закону смерть положена за то, что невозможно сделать.

Т и м о н

Как тебе нравится эта картина, Апемант?

А п е м а н т

Нравится, потому что она безвредна.

Т и м о н

Ну разве не искусен человек, написавший ее?

А п е м а н т

Тот, кто сделал самого живописца, еще искуснее, хоть это и была грязная работа.

Ж и в о п и с е ц

Ты пес!

А п е м а н т

Твоя мать одной породы со мной; кто же она, если я пес?

Т и м о н

Будешь обедать со мной, Алемант?

А п е м а н т

Нет, я не ем вельмож.

Т и м о н

И не падо, не то ты разозлишь наших дам.

А п е м а н т

Вот опи-то и едят вельмож: оттого у них и животы пухнут.

Т и м о н

Какое непристойное замечание!

А п е м а н т

Оно твое; возьми его в награду за труды.

Т и м о н

Как тебе нравится этот брильянт, Алемант?

А п е м а н т

Меньше, чем мне нравится честность, а она не стоит человеку ни гроша.

Т и м о н

Как ты думаешь, сколько он стоит?

А п е м а н т

Не стоит того, чтобы я о нем думал.— Ну, что скажешь, поэт?

П о э т

А ты что скажешь, философ?

А п е м а н т

Все врешь?

П о э т

Разве ты не философ?

А п е м а н т

Философ.

П о э т

Значит, я говорю правду.

А п е м а н т

Разве ты не поэт?

П о э т

Поэт.

А п е м а н т

Значит, ты врешь. Загляни в свое последнее произведение, где ты изобразил Тимона достойным человеком.

П о э т

Это не ложь; он действительно достойный человек.

А п е м а н т

Да, он достоин тебя и того, чтобы платить за твой труд. Тот, кто любит лезть, достоин лстеца. О небо, вот был бы я вельможей...

Т и м о н

Что бы ты тогда сделал, Анемант?

А п е м а н т

То же, что делает Анемант сейчас; несправедлив бы вельможу всем сердцем.

Т и м о н

Как? Ненавидел бы самого себя?

А п е м а н т

Да.

Т и м о н

За что же?

А п е м а н т

За то, что, сделавшись вельможей, я утратил бы свою злость.
(Купцу.) Послушай, не купец ли ты?

К у п е ц

Да, Анемант.

А п е м а н т

Пусть же тебя погубит торговля, если этого не сделают боги.

К у п е ц

Если меня погубит торговля, значит, так пожелали боги.

А п е м а н т

Торговля — твой бог, и бог твой погубит тебя!

Трубы. Входит слуга.

Т и м о н

Кто там трубит?

С л у г а

Алкивиад к вам прибыл;
И с ним приятелей десятка два.

Т и м о н

Привянь их всех и проводить сюда.

Несколько слуг выходят.

(Живописцу.)

Обедайте со мной; не уходите,
Пока я вас не отблагодарил;
А пообедав, посмотрю картину.

(Гостям.)

Друзья, я рад вам.

Входит Алкивиад с приятелями.

Милости прошу!

А п е м а н т

Так-так... Скорей иссохли б, искривились
Их ноги стройные. Ведь нет любви
Меж этими сладчайшими плутами
Ни капли — но уж так они любезны!
Род человеческий выродился, видно,
В породу обезьян.

А л к и в и а д

Как тосковал я
По вас, Тимон, как жадно насыщаюсь
Я вашим видом!

Т и м о н

Милости прошу!

Пока мы вместе, время проведем
В различных развлечениях. Идемте!

Все, кроме Апеманта, уходят.
Входят двое вельмож.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Какое сейчас время дня, Апемант?

А п е м а н т

Время быть честным.

Первый вельможа

Это время бывает всегда.

А п е м а н т

Тем хуже для тебя, что ты его пропустил.

Второй вельможа

Идешь ты на пир к Тимону?

А п е м а н т

Иду; взгляну, как яства питают мошенников, а вина горячат
глупцов.

Второй вельможа

Ну, будь здоров, будь здоров!

А п е м а н т

Ты дурак, что дважды пожелал мне быть здоровым.

Второй вельможа

Почему, Анемант?

А п е м а н т

Приберег бы одно пожелание для себя; я тебе здоровья не
пожелаю.

Первый вельможа

Пусть бы ты сдох!

А п е м а н т

Нет уж, твоих желаний я выполнять не стану. Обратись с этой
просьбой к своему другу.

Второй вельможа

Прочь, злобный пес! Иль вышвырну...

А п е м а н т

А пес

Даст тягу от копыт ослиных ваших.

Первый вельможа

Вот человеконенавистник! — Ну,
Пойдем вкусить от щедрости Тимона?
Он превзошел само гостеприимство.

Второй вельможа

Да, щедр безмерно он. Бог злата Плутос
В рабы годится нашему Тимону.
Ведь нет такой услуги, за какую
Тимон бы семикратно не воздал,
И нет подарка, за который он
Не наградил бы во сто крат щедрее.

Первый вельможа

Другой души, такой же благородной,
Я не встречал.

Второй вельможа

Будь он благословен!

Войдем?

Первый вельможа

Войдем. Я следую за вами.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Парадный зал в доме Тимопа.

Накрыт большой стол; около него хлопочут Флавий и другие слуги. Входят Тимон, Алкивиад, вельможи, сенаторы, Вентидий и слуги. Позади всех, с недовольным видом, идет Алемант.

Вентидий

Мой друг Тимон! Богам угодно было,
Припомнив возраст моего отца,
Призвать его к себе, и он скончался,
Оставив мне богатое наследство.
Великодушны были вы ко мне,
И ныне я с признательностью вечной
Вам возвращаю долг, удвоив сумму:
Ведь только вам обязан я свободой.

Тимон

Нет, ни за что, Вентидий благородный!
Мою любовь к тебе ты плохо ценишь!
Я эти деньги дал тебе в подарок;
А тот, кто все обратно получает,

Себя назвать уже не вправе давшим.
И если у правителей иных
Так повелось, нам подражать нельзя им!
Власть — оправдание любой ошибки.

В е н т и д и й

О благородный дух!

Т и м о н

Друзья мои,
Придуманы законы этикета,
Чтоб фальшь и безразличие лоском скрыть.
Притворное радушие, не успев
Еще явить себя, уже жалеет,
Что проявиться следует ему.
Но там, где дружба искренна, излишни
Любые церемонии. Садитесь!
Милее вы богатству моему,
Чем мне мое богатство.

Все садятся.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Мы сознались...

А п е м а н т

Ого-го-го! Сознались! Почему же
Вас не повесили?

Т и м о н

А, Алемант!
Добро пожаловать!

А п е м а н т

Ну, от меня
Добра не жди. Явился я затем,
Чтоб выгнал ты меня.

Т и м о н

Фи! Грубиян!
Ты лишь по виду человек! Ты, право,
Достоин осужденья.— Господа,
Известно: *Ira furor brevis est*¹;

¹ Гнев есть краткое безумие. (Лат.)

А так как Алемант наш вечно злится,
Накройте стол для ворчуна отдельно;
Он общества не любит и совсем
Не создан для него.

А л е м а н т

Я здесь останусь
Тебе пазло. Но всех предупреждаю:
Сюда явился я для наблюдений.

Т и м о н

Мне это безразлично; ты афинянин, и потому — милости просим. Я бы не хотел силой затыкать тебе рот; но пусть хоть мой обед заставит тебя помолчать.

А л е м а н т

Плюю на твой обед; я подавлюсь им,
Раз не намерен льстить тебе. О боги!
Какая тьма людей Тимона жрет,
А он не видит их! Орава эта
Не яства поглощает — кровь Тимона,
И он их сам, безумец, поощряет.
Дивлюсь, как можно доверять друг другу!
Гостям к столу ножи дают напрасно,
Незаконно это и опасно —
Тому примеров множество. Вот тот,
Что рядышком с хозяином уселся,
С ним делит хлеб, пьет из его бокала —
Но он же первый рад его зарезать,
Известно это всем. Будь знатным я,
Не пил бы я в гостях: вдруг кто-нибудь
Меня пырнуть захочет в глотку. Нет уж,
Коль на пирах хотят сидеть без дрожи,
Пусть, не снимая панцирь, пьют вельможи.

Т и м о н

Друзья мои, за вас! Пусть вкруговую
Обходит чаша!

В т о р о й в е л ь м о ж а

К нам ее направьте,
Сюда, любезнейший Тимон!

А л е м а н т

К нему!
Вот плут! Он знает, что куда направить.

Боюсь, что от задранных этих тостов
Тебе не поздоровится, Тимон.
А у меня папиток слишком слаб,
Чтобы толкать на зло,— водою честной
Еще никто не брошен в грязь. И пища
Моя сродни питью. Я возношу
Моление к небесам, хоть на пирах
Мы забываем часто о бogaх.

(Молится.)

Я денег, боги, не люблю
И об одном лишь вас молю —
Чтобы не стал глупцом я низким,
Что верит клятвам иль распискам,
Иль девкам уличным, гулящим,
Иль псу, что притворился сияющим,
Или тюремщика словам,
Иль нужным в час беды друзьям.
Аминь! Богатый пусть грешит,
А я и кашей буду сыт.—

Желаю тебе доброго здоровья, добрейший Анемант. *(Ест и пьет.)*

Тимон

Сердце твое, Алкивиад, сейчас, наверно, на поле сражения?

Алкивиад

Сердце мое всегда готово служить тебе, Тимон.

Тимон

Ты бы, конечно, предпочел находиться на завтраке у врагов, чем на обеде у друзей?

Алкивиад

Нет яств, которые могли бы сравниться с истекающим кровью врагом! Такого угощения я готов пожелать своему лучшему другу.

Анемант

В таком случае хотел бы я, чтобы все эти лстецы были твоими врагами. Ты бы убил их и пригласил меня откусывать.

Первый вельможа

Ах, Тимон, как бы мы были счастливы, если бы ты хоть разок испытал наши сердца и мы могли хоть в небольшой мере доказать тебе свою душевную преданность. Это наша заветная мечта.

Тимон

Добрые друзья мои, нет сомнения, что самими богами вам предназначено когда-нибудь меня поддержать. Ведь иначе вы не звались бы моими друзьями! Разве из многих тысяч людей вы носили бы это прекрасное имя друзей, если бы не были частью моего сердца? Я уверен в вас! Не раз я сам себе говорил о вас больше, чем вам позволила бы сказать ваша скромность. О боги! — размышлял я. — Зачем существовали бы друзья, если бы мы не нуждались в них? Они были бы самыми бесполезными людьми, если бы нам никогда не случилось обращаться к ним за помощью. Они были бы похожи на те чудесные музыкальные инструменты, которые висят в футлярах на стене и хранят свои звуки для себя. Ах, как часто желал я потерять богатство, чтобы еще больше сблизиться с вами! Мы рождены для того, чтобы творить добро. Что же в таком случае можем мы назвать своей собственностью, как не богатство друзей? О, какое дивное утешение — знать, что множество людей может, подобно братьям, располагать имуществом друг друга! Эта мысль рождает радость и тут же заставляет ее уступить место слезам умиления! Я чувствую, что глаза мои не могут сдержать накипающих слез. Простите, друзья, мою слабость... Я пью за ваше здоровье!

Апемант

Ты плачешь, чтобы их заставить пить.

Второй гость

Да, радость родилась в глазах у нас
И, как ребенок, залилась слезами.

Апемант

Ха-ха! Ребенок-то побочный, видно.

Третий гость

Тимон, поверьте, сильно я растроган.

Апемант

Еще бы!

Трубы,

Тимон

Звуки труб? Что там такое?

Входит слуга.

С л у г а

Осмелюсь доложить, господин, несколько женщин просят разрешения войти к вам.

Т и м о н

Женщин? Что же им нужно?

С л у г а

С ними явился гонец, господин; ему поручено сообщить вам об их желаниях.

Т и м о н

Прошу тебя,пусти их всех сюда.

Входит К у п и д о н.

К у п и д о н

Привет тебе, достойнейший, и всем
Вкушающим от милостей твоих.
Пять чувств тебя приветствовать явились,
Признав своим властителем Тимона:
Слух, обонянье, осязание, вкус
Ублаготворены на этом пире,
Теперь они пришли сюда со мной,
Чтоб видом их взор наслаждался твой.

Т и м о н

Я очень рад. Мы их радушно примем.
Пусть музыка играет.

Первый гость

Ах, Тимон,

Подумайте, как сильно все вас любят!

Музыка.

К у п и д о н уходит и возвращается с да м а м и, которые замаскированы и одеты как амазонки. В руках у них люги; они играют и танцуют.

А п е м а н т

Видали! Ну и суета! Как скачут
Рехнувшиеся бабы! Эта жизнь
Трескучая и пышная — безумье
В сравнении с моей трапезой скромной
Из масла и кореньев. Мы способны
На дурь любую, только бы развлечься.
Мы льстим тому, за счет кого пируем,

А постарев, завистливо и злобно
Его же осуждаем за попойки.
Найдется ль человек неразвращенный
Или других людей не развративший?
Кто не унес в могилу тяжких ран,
Друзьями нанесенных? Я боюсь,
Что и меня вот эти попрыгуньи,
Того гляди, затопчут. Так ведется:
Едва лишь солнце для тебя садится,
Все двери пред тобой спешат закрыться.

Гости встают из-за стола и окружают Тимона, лстя ему. Чтобы засвидетельствовать ему свою любовь, каждый из них выбирает амазонку, после чего пары танцуют некоторое время под звуки гобоев.

Т и м о н

Красавицы, вы принесли нам радость,
Вы скрасили наш пир, который раньше
И вполтину не был так хорош,—
Его достойным блеском озарив.
Мой план осуществлен был превосходно,
И я за это благодарен вам.

Первая дама

Вы слишком нас балуете, Тимон.

А п е м а н т

Это странно потому, что каждая из вас — грязь, с которой и побаловаться-то противно.

Т и м о н

(дамам)

Пройдите же, вас угощенье ждет.
Прошу вас, почувствуйте себя как дома.

Все дамы

Ог всей души благодарим вас.

Купидон и дамы уходят.

Т и м о н

Флавий!

Ф л а в и й

Я здесь.

Т и м о н

Мою шкатулку!

Ф л а в и й

Хорошо!

(В сторону.)

Опять начнет брильянты раздавать.
И не велит перечить, а не то
Ему бы все сказал я... Нет, скажу!
Растратит все, так пожалеет слёзно,
Что я молчал. Но будет слишком поздно.
У щедрости, увы, нет сзади глаз;
Вот потому она и губит нас.

(Уходит.)

Первый гость

Где наши слуги?

С л у г а

Здесь. Что вам угодно?

Второй гость

Ведите лошадей.

Возвращается Ф л а в и й со шкатулкой.

Т и м о н

Друзья мои,

Еще два слова...

(Одному из гостей.)

Вот взгляните, друг;
Молю вас оказать мне честь — примите
Алмаз мой в дар. Прошу его носить,
Любезный друг.

Первый гость

Но я и без того
Обязан многим вам.

В с е

И все мы также.

Входит слуга.

С л у г а

Сенаторы явились, господин;
Они сошли с коней, идут сюда!

Т и м о н

Душевно рад; проси их!

Ф л а в и й

Ваша милость,

Послушайте меня. Поверьте, это
Касается вас очень близко...

Т и м о н

Близко?

Потом расскажешь мне. Прошу тебя,
Распорядись принять гостей получше.

Ф л а в и й

(в сторону)

Не знаю, как смогу я это сделать.

Входит второй слуга.

В т о р о й с л у г а

Позвольте, ваша милость, доложить:
Вам Луций, в знак любви своей, прислал
Четверку белоснежных лошадей
С серебряною сбруей.

Т и м о н

Принимаю

Охотно их. Смотрите, чтоб даритель
Достойно был вознагражден.

Входит третий слуга.

Что скажешь?

Т р е т и й с л у г а

Мой господин, благородный Лукулл приглашает вас завтра на
охоту и посылает вам две своры гончих.

Т и м о н

Поеду с радостью. Примите гончих
И отдарите, не скупясь, Лукулла.

Ф л а в и й

(в сторону)

Чем это кончится? Велит гостей
Он принимать, одаривать их щедро,

А сундуки пусты. Он и не хочет
Знать, сколько в кошельке его осталось,
И мне открыть ему не позволяет,
Что сердце у него, как жалкий нищий,
Свои желанья выполнить не в силах.
Его посулы — выше средств его
И могут исполняться только в долг,
Он, что ни слово, то все больше должен.
Так много доброты в нем, что теперь
Он за нее проценты платит. Земли
Все у него заложены. Ах, лучше б
Меня он с миром отпустил сейчас,
А то ведь выгонит. Беда тому,
Кто пригревать друзей своих готов,
Которые опаснее врагов.
Скорблю я всей душою за Тимона.
(Уходит.)

Тимон

Пристрастны вы к себе, так умаляя
Достоинства свои. Прошу, примите
Безделку эту в знак моей любви.

Второй гость

С безмерной благодарностью беру!

Третий гость

Он воплощение щедрости самой.

Тимон

(третьему гостю)

Я вспомнил: вы недавно любовались
Моей гнедою лошадию. Она
Вам нравится — прошу, владейте ею.

Третий гость

Ах, что вы! Я об этом и не думал!

Тимон

Я знаю, человек сердечно хвалит
Лишь то, чем восхищен, поверьте мне.
Любовь своих друзей я измеряю
Моею собственною любовью к ним.

Случится, что и я когда-нибудь
К вам обращусь.

Все гости

Мы будем очень рады!

Тимон

Так счастлив я вас видеть у себя,
Что все мои дары в сравненье с этим --
Пустяк ничтожный. Думается мне,
Я целые бы королевства мог
Без усталы всем близким раздавать. —
Алкивиад, ты воин — значит, беден;
Дарить тебе — благое дело: ты
Живешь средь мертвецов, твои угодыя —
Поля сражений.

Алкивиад

Да, Тимон, и это
Бесплодные поля.

Первый гость

Мы безгранично
Обязаны вам...

Тимон

О, я вам не меньше.

Второй гость

Так бесконечно преданы...

Тимон

Взаимно... —
Свечей, свечей побольше!

Первый гость

Да пребудут
Богатство, слава, счастье с вами вечно!

Тимон

Живу для вас...

Все, кроме Апеманта и Тимона, уходят.

Апемант

Вот толкотня! Ишь сколько

Склоненных спин и согнутых колен!
Не много ль всем им дарят здесь в обмси?
Полна отбросов дружба; слово дам —
Прямые ноги не нужны льстецам!
А простакн отдать свое богатство
Готовы за поклон.

Т и м о н

Ах, Апемант,
Когда бы не был ты столь ядовит,
К тебе я, верно, лучше б относился.

А п е м а н т

Нет, мне ничего не надо. Если еще я дам подкупить себя, то совсем нскому будет бранить тебя и ты станешь грешить еще сильнее. Ты так много раздаешь, Тимон, что, боюсь, скоро отдашь сам себя под закладную. К чему эги пиры, шум, пустое тщеславие?

Т и м о н

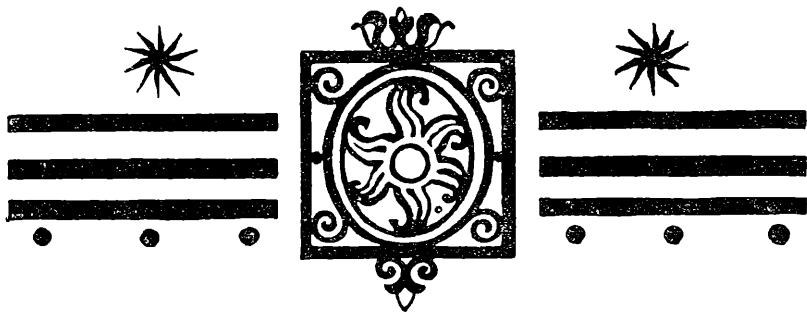
Ну, если ты снова начинаешь сыпать бранью, я тебя не желаю слушать. Прощай и возвращайся с другими песнями.

А п е м а н т

Так! Ты не хочешь слушать? И не надо.
Запру я вход тебе на небеса.
Зачем не могут люди правды снести
И слушают охотно только лесть?

Уходят.





А К Т II

С Ц Е Н А 1

Там же. Комната в доме одного из сенаторов. Входит сенатор с бумагами в руке.

Сенатор

Пять тысяч у Варрона; Исидору
Он должен десять; а с моими вместе
Составит это тысяч двадцать пять,
И нет конца его безумным тратам.
Он разорится быстро. Коль нуждаюсь
В деньгах я, сто́ит мне украсть собаку
У нищего и подарить Тимону,
Как пес начнет чеканить деньги мне!
Продать ли лошадь надо, чтоб купить
Других, получше,—дай ее Тимону,
Дай, ничего не попросив взамен,
И сразу же получишь превосходных!
Привратника не держит он; напротив,
Стоит в его воротах зазывала,
С улыбкой приглашая в дом прохожих.
Нет, так нельзя. Он, рассуждая здраво,
Не может долго протянуть.— Эй, Кафис,
Ты где?

Входит Кафис.

Кафис

Я здесь. Что приказать угодно?

С е н а т о р

Надень скорее плащ, беги к Тимону;
Потребуй, чтобы он вернул мне долг.
Не слушай отговорок никаких,
Стой твердо на своем, а если будет
Вертеть в руках он шапку и промолвит:
«Хозяину поклон мой передай»,
Скажи ему, что в крайней я нужде
И мне не обойтись без этих денег,
Что срок расписок всех давно прошел,
Что, веря на слово ему, я сам
Кредит свой подорвал и что, мол, я
Люблю его весьма и почитаю,
Но шею не могу себе свернуть
Из-за его мизинца. Лишь уплата,
А не пустые обещанья может
Меня спасти. Иди к нему немедленно
С решительным и самым сгрозим видом.—
Боюсь, Тимон, сверкающий, как феникс,
Ошипанным дроздом казаться будет,
Когда повыдергают у него
Все перья.— Ну, ступай.

К а ф и с

Бегу.

С е н а т о р

Бежишь?

Расписки захвати! И в счет поставь
Просроченные дни...

К а ф и с

Бегу.

С е н а т о р

Ступай.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Зал в доме Тимона.

Входит Ф л а в и й с пачкой счетов в руках.

Ф л а в и й

Ни удержу, ни меры! Сумасшедший!

Швыряет деньги он и не желает
Ни подсчитать расходы, ни покончить
С потоком трат! Он не желает видеть,
Как уплывает от него богатство.
Чем кончится все это? Человека
Нет в мире безрассуднее его,
Но и добрее нету никого.
Как быть? Тимон меня не станет слушать,
Покамест не поймет, что он в беде.
Нет, все ему скажу я напрямик,
Пушай с охоты только воротится.
Увы! Увы! Увы!

Входят Кафис, слуги Исидора и Варрона.

Кафис

Варрон, здорово!

Ты что, за деньгами?

Слуга Варрона

И ты за тем же?

Кафис

И я.— Ты тоже, Исидор?

Слуга Исидора

Ага!

Кафис

Эх, если бы нам заплатили!

Слуга Варрона

Вряд ли.

Кафис

А вот и сам хозяин.

Входят Тимон, Алкивиад, вельможи и другие.

Тимон

Мы, пообсдав, снова на охоту,
Алкивиад любезный.—

Кафис подходит к нему.

Ты ко мне?

Кафис

Вот перечень долгов всех ваших, сударь.

Т и м о н

Долгов? Да ты откуда?

К а ф и с

Из Афин.

Т и м о н

Мой управитель все тебе уплатит;
Ступай к нему.

К а ф и с

Но он уж целый месяц
Мне только обещает. Мой хозяин
До крайности нуждается в деньгах
И принужден покорнейше просить,
На ваше благородство уповая,
Долг возвратить ему.

Т и м о н

Мой честный друг,
Пожалуйста, зайди пораньше завтра.

К а ф и с

Но, господин...

Т и м о н

Держи себя пристойно.

С л у г а В а р р о н а

Я от Варрона...

С л у г а И с и д о р а

Я от Исидора;

Он просит срочно уплатить ему...

К а ф и с

Кабы вы знали, сударь, до чего
Хозяин мой нуждается!..

С л у г а В а р р о н а

Ведь вы

Уж шесть недель просрочили с уплатой,
А время...

С л у г а И с и д о р а

Господин, ваш управитель
Гонял меня так много раз, что нынче
Умышленно я послан прямо к вам.

Т и м о н

Постойте, дайте мне вздохнуть...

(Гостям.)

Пройдите,

Друзья мои: я следую за вами.

(Флавию.)

Поди-ка ты сюда. Что происходит?
Зачем меня вдруг стали осаждать
И требовать назойливо уплаты
Давно уже просроченных долгов,
Позоря честь мою?

Ф л а в и й

(слугам)

Ну, молодцы,
Сейчас не время толковать об этом;
Вы погодите до конца обеда,
А я пока успею господину
Причину неуплаты объяснить.

Т и м о н

Так и поступим.— Ты вели получше
Их угостить.

Т и м о н уходит.

Ф л а в и й

Пожалуйте за мной.

Входят Апеманг и шут,

К а ф и с

(слугам)

Погодите-ка, погодите! Вот идет шут с Апемантом, давайте
позабавимся.

С л у г а В а р р о н а

Ну его к черту, он област нас.

С л у г а И с и д о р а

Чума разрази его, собаку!

С л у г а В а р р о н а
(шуту)

Как живешь, дурак?

А п е м а н т

Это ты свою тень спрашиваешь?

С л у г а В а р р о н а

Во всяком случае, не тебя.

А п е м а н т

Конечно, нет. Ты спрашиваешь сам себя. (Шуту.) Пошли отсюда!

С л у г а И с и д о р а
(слуге Варрона)

Вот на тебе дурак уже и повис.

А п е м а н т

Нет, ты еще стоишь на месте, а не висишь на нем.

К а ф и с

Кто же здесь дурак?

А п е м а н т

Тот, кто задал вопрос последним. Ах вы, несчастные бездельники и слуги ростовщиков! Сводники золота с нуждою!

В с е с л у г и

Кто мы такие, Апемант?

А п е м а н т

Ослы!

С л у г и

Почему?

А п е м а н т

Потому, что сами не знаете, кто вы, и спрашиваете меня. Поговори с ними, шут.

Ш у т

Как поживаете, господа?

С л у г и

Благодарим; отлично, любезный шут. Что поделявает твоя госпожа?

Ш у т

Кипятит воду, чтобы шпарить таких цыпят, как вы. Хотелось бы мне видеть вас в «Коринфе»!

А п е м а н т

Отлично! Благодарю!

Входит п а ж.

Ш у т

Смотри-ка, вон идет паж моей госпожи.

П а ж

(*шутя*)

Что скажешь, военачальник? Что ты делаешь в этой умной компании? — Как поживаешь, Апемант?

А п е м а н т

Хотел бы я иметь во рту прут, чтобы ответить тебе назидательно.

П а ж

Прошу тебя, Апемант, прочти мне адреса на этих письмах; не разберу, какое из них к кому.

А п е м а н т

А ты не умеешь читать?

П а ж

Нет.

А п е м а н т

Значит, невелика ученость умереть в тот день, когда тебя повесят. Вот это письмо Тимону, а это Алкивиаду. Ступай к ним скорее! Родился ты ублюдком, а умрешь сводником.

П а ж

А ты родился псом, как пес с голоду и подохнешь! Не отвечай мне, я уже ушел. (*Уходит.*)

А п е м а н т

Так же поспешно убегаешь ты и от милости богов.— Шут, я не пойду вместе с тобой к Тимону.

Ш у т

Ты меня оставишь здесь?

А п е м а н т

Если Тимон дома. (*Слугам*). А вы трое служите трем ростовщикам?

С л у г и

Да, только лучше бы они нам служили.

А п е м а н т

И я бы этого хотел... пусть бы они услужили вам так, как палач вору.

Ш у т

Вы слуги трех ростовщиков?

С л у г и

Да, шут.

Ш у т

Я думаю, нет ни одного ростовщика, который бы не держал на службе шута. Моя хозяйка той же породы, и вот — я ее шут. Когда люди занимают у ваших хозяев, они приходят печальными, а уходят веселыми. А в дом моей госпожи они входят весело и уходят печально. Знаете причину?

С л у г а В а р р о н а

Я бы, пожалуй, мог назвать ее.

А п е м а н т

Так назови, чтобы мы могли счесть тебя прелюбодеем и погодяем, что, впрочем, не уменьшит уважения к тебе.

С л у г а В а р р о н а

Скажи, шут, а что это такое — прелюбодей?

Ш у т

Шут в хорошем платье, чем-то смахивающий на тебя. Это призрак. Иногда он принимает облик вельможи, иногда адвоката, иногда мудреца, у которого помимо философского камушка имеется еще парочка собственных. Частенько является он в облике рыцаря; в общем, бродит этот дух по белу свету во всех видах, которые свойственны человеку, начиная с тринадцати лет до восьмидесяти.

С л у г а В а р р о н а

А ты не совсем дурак.

Ш у т

Так же как и ты не совсем мудрец. Тебе не хватает ровно столько ума, сколько у меня есть глупости.

А п е м а н т

Такой ответ достоин самого Апеманта.

В с е

Посторонитесь, посторонитесь, Тимон идет!

Входят Тимон и Флавий.

А п е м а н т

Пойдем со мной, шут, пойдем.

Ш у т

Я не всегда следую за любовником, наследником и женщиной, но иногда иду за философом. (*Уходит вместе с Апемантом.*)

Ф л а в и й

(*слугам*)

Уйдите-ка; мы после потолкуем.

Слуги уходят.

Т и м о н

Я изумлен. Но почему всей правды Ты не сказал мне раньше? Я ведь мог Расходы сократить и жить по средствам.

Ф л а в и й

Вы не хотели выслушать меня;
Не раз уж я пытался...

Т и м о н

Вздор! Ты, верно,
Не вовремя пытался иль тогда,
Когда я был не в духе, а теперь
Ты этим хочешь оправдать себя.

Ф л а в и й

Мой добрый господин, ведь я, бывало,
К вам приношу счета, кладу на стол,
А вы их прочь кидаете, твердя,
Что в честности уверены моей.

Когда взамен пустячного подарка
Дарили что-то вы в сто крат ценнее,
Я только головой качал и плакал.
Да, я свой долг порою нарушал,
Вас умоляя не сорить деньгами;
Сносил от вас тяжелые упреки,
Когда хотел вам описать правдиво
Отлив доходов и прилив долгов.
Любимый господин мой, хоть и поздно,
Но нужно вам узнать, что все добро,
Которым вы владеете сейчас,
Долгов и половины не покроет.

Т и м о н

Ну так вели продать мои поместья.

Ф л а в и й

Они уж все заложены давно,
И часть из них пропала. Что осталось,
Того едва лишь хватит рот заткнуть
Тем, кто сейчас расписки предъявил...
За ними вслед предъявят и другие.
Что будем делать? Как мы будем жить?
И как же мы расплатимся с долгами?

Т и м о н

Ведь до Лакедемона простирались
Мои владенья.

Ф л а в и й

Господив мой славный,
Весь мир — лишь звук один! Когда бы вы
Могли его отдать в одном дыханье,
Вы скоро с ним расстались бы.

Т и м о н

Ты прав.

Ф л а в и й

Коль в честности моей вы усомнились
Или в умении вести дела,
Посредников строжайших созовите,
Чтобы меня проверить. Бог свидетель —
Когда весь дом наш наводняли толпы
Бездельников и плакали подвалы
От пролитого пьяными вина,

Когда во всех покоях свет горел
И дом наш оглашался диким пеньем,
Я удалялся в брошенный курятник
И слезы лил.

Т и м о н

Прошу тебя, довольно.

Ф л а в и й

О боги, говорил я, как он щедр!
Как много истребили здесь добра
Невежды и шуты сегодня ночью!
Так кто ж посмеет не отдать Тимону
Меч, душу, сердце, голову, все силы?
Добрейшему, достойному Тимону,
Столь царственно великому Тимону?
Увы, нет средств, чтоб снова леств купить,
И дым ее развеялся мгновенно.
Триумфы гира кратки! Только тучка
Холодная найдет — и мухи сдохли.

Т и м о н

Довольно проповеди мне читать!..
Однако фальши не было во мне.
Я безрассуден был, но бескорыстен..
Но почему ты плачешь? Неужели
Способен думать ты, что у меня
Друзей не хватит? Успокой же сердце.
Ведь если только я открою кран
В сосуде дружбы и сердца друзей
Я испытаю, денег попросив,—
Поверь, что так же будет мне легко
Использовать людей и их богатство,
Как приказать тебе заговорить.

Ф л а в и й

Ах, если бы сбылись надежды ваши!

Т и м о н

Я даже рад своей нужде — в ней благо!
Друзей я испытаю. Вот увидишь,
Как ты насчет моих богатств ошибся.
Друзья — мое богатство! — Эй, кто там?
Фламиний! Все сюда, ко мне! Сервилий!

Входят Фламиний, Сервилий и другие слуги.

С е р в и л и й

Мой господин...

Т и м о н

Я разошлю вас поодиночке...— Ты ступай к Луцию; а ты к Лукуллу: я сегодня охотился с ним.— Ты отправляйся к Семпронию. Скажите, что я полагаюсь на них и рад тому, что обстоятельства вынуждают меня обратиться к ним с просьбой о деньгах. Передайте им, что мне нужны пятьдесят талантов.

Ф л а м и н и й

Исполним все!

Ф л а в и й

(в сторону)

Гм... Луций и Лукулл...

Т и м о н

(другому слуге)

Ступай к сенаторам. Я оказал
Отечеству немалые услуги
И право на внимание их имею.
Проси их дать мне тысячу талантов.

Ф л а в и й

Я с этого осмелился начать,
Как с самого обычного пути,—
Просил их денег дать под вашу подпись,
Но все в ответ качали головами,
И я вернулся с тем же, с чем ушел.

Т и м о н

Возможно ли? Ужели это правда?

Ф л а в и й

Они единодушно заявили,
Что в крайности сейчас... нет денег... сами
Не могут сделать то, чего хотят...
Досадно так... вы человек почтенный...
Они желали бы... Они не знают...
Вы тоже ошибались... Да, бывает,
И благородный человек свихнется...
Желают всяческих удач... Им жаль...
Затем сослались на дела важнее

И ими занялись. Косые взгляды,
Отрывистая речь, кивки немые
Так заморозили меня, что я
Лишился речи.

Т и м о н

Пусть их судят боги!
Ты, Флавий, не горюй. У этих старцев
Наследственный порок — неблагодарность!
Створожилась и охладела кровь их,
Едва-едва струящаяся в жилах.
Живительным теплом они бедны,
А потому и злы. Чем человек
К могиле ближе, тем грубее он,
Забывчивей...

(Одному из слуг.)

К Вентидию ступай!

(Флавию.)

Прошу тебя, не огорчайся, Флавий!
Ты предав мне и честен и, поверь,
Ни в чем не виноват. На днях Вентидий
Похоронил отца и получил
Наследство. Но когда в беду попал он,
Сидел в тюрьме и брошен был друзьями,
Его спасли лишь пять моих талантов.
Поклон мой передашь ему и скажешь,
Что только крайняя необходимость
Принудила меня ему напомнить
О тех деньгах. Как только их получишь,
Раздай всем тем, кто требует уплаты...
Молчи и даже в мыслях не таи,
Что мне позволят пасть друзья мои.

Ф л а в и й

Что ж, вам виднее. Но кто щедр, тому
Все кажутся подобными ему!

Уходят.





А К Т III

С Ц Е Н А 1

Зал в доме Лукулла.

Фламиний ждет. К нему выходит слуга.

С л у г а

Я доложил господину; сейчас он выйдет к тебе.

Фламиний

Спасибо, приятель.

Входит Лукулл.

С л у г а

А вот и мой господин.

Лукулл
(в сторону)

Слуга Тимона! Ручаюсь, что он явился с подарком. Очень кстати, мне как раз сегодня снились серебряные таз и кувшин для умывания.— *(Громко.)* Здравствуй, Фламиний. Со всем уважением приветствую тебя, честный Фламиний! *(Слуге.)* Принеси вина.

Слуга уходит.

Как поживает благороднейший, достойный, великодушный Тимон Афинский, твой щедрейший господин и повелитель?

Фламиний

Он здоров, сударь.

Лукулл

Я весьма рад тому, что он здоров. А что там у тебя под плащом, милейший Фламиний?

Фламиний

Пустая шкатулка, и только. По поручению моего господина я умоляю вас наполнить ее. Господину моему безотлагательно необходимы пятьдесят талантов, и он послал меня запать эту сумму у вашей милости, нисколько не сомневаясь, что вы сейчас же придете к нему на помощь.

Лукулл

Так-так-так...— «Нисколько,— говоришь,— не сомневаясь?» Увы, он добрейший человек! Благороднейший человек, только уж очень широко живет. Частенько обедал я у него и не раз говорил ему об этом. Я и ужинать ходил к нему нарочно для того, чтобы уговорить его поменьше тратить. Но он не обращал внимания на мои советы, и посещения мои не предостерегли сго. У каждого человека есть свои недостатки, а его недостаток — щедрость. Я ему не раз указывал на это, но отучить не смог.

Входит слуга с вином.

Слуга

Пожалуйте, ваша милость, вот вино.

Лукулл

Фламиний, я тебя всегда считал человеком умным. За твое здоровье!

Фламиний

Благодарю вас, ваша милость.

Лукулл

Должен отдать тебе справедливость — ум у тебя гибкий, и ты умеешь приспосабливаться к обстоятельствам. Ты умеешь воспользоваться благоприятным случаем, если такой случай тебе подвернется. А это очень хорошее качество. *(Слуге.)* Выйди-ка отсюда!

Слуга уходит.

Подойди поближе, честный Фламиний. Твой господин — человек великодушный, но ты, хоть и пришел ко мне, отлично повимаешь — не время сейчас одалживать деньги, особенно из чистой дружбы, без всякого обеспечения. Вот тебе три солидара; будь другом, зажмурь глаза и скажи Тимону, что не застал меня. Прощай.

Ф л а м и н и й

Возможно ли, чтоб мир так изменился,
А мы остались теми же, кем были?

(Бросает деньги на пол.)

Проклятая и суетная мерзость,
Лети к тому, чьим стала божеством.

Л у к у л л

Вот как! Ну, теперь я вижу, что ты дурак и вполне под стать
твоему господину.

Ф л а м и н и й

Пускай монеты эти станут частью
Металла, на котором будешь ты
Гореть в аду. Пускай орудьем казни
Расплавленное золото твое
Там станет для тебя. Ты разве друг?
Скорее язва ты на теле друга.
Холодное, видать, у дружбы сердце
И слабое; оно скисает за ночь,
Как молоко. О боги! Я сейчас
Почувствовал, что ощутит Тимон,
Услышав это.— Негодяй бесчестный!
В желудке у него обед Тимона
Еще не переварен. Как же может
Пойти ему на пользу пища, если
Он сам — отравя. Так пускай тебе
Несут обеды эти лишь болезни.
А станешь умирать — все то, что дал
Тебе Тимон, спасти тебя не сможет
И только сдохнуть поскорей поможет!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Площадь.

Входят Луций и три чужестранца.

Л у ц и й

Кто? Тимон? Он мой лучший друг и благороднейший человек.

Первый чужестранец

Нам это известно, хотя мы и незнакомы с ним. Однако могу

сообщить вам кое-что, о чем сейчас говорят все. Счастливые дни Тимона кончились, и друзья отшатнулись от него.

Луций

Глупости, никогда не поверю; не может быть, чтобы Тимон нуждался в деньгах.

Второй чужестранец

И все-таки, поверьте, один из его слуг недавно был у Лукулла с просьбой одолжить Тимону некое количество талантов. Скажу вам более: слуга умолял о них, рассказывал о том, как они необходимы,— и все-таки получил отказ.

Луций

Как!

Второй чужестранец

Говорю вам, ему отказали.

Луций

Что за странный случай! Да будут мне свидетелями боги, я стыжусь это слушать! Отказать такому благороднейшему человеку? Невелика честь для Лукулла. Со своей стороны, признаюсь, что, хоть я и получал от Тимона мелкие подарки — деньги, серебряную посуду, драгоценности и прочие безделки, не сравнимые с тем, что он давал Лукуллу, все же, обратись он не к нему, а ко мне, я бы ему никогда не отказал в нескольких талантах.

Входит Сервий

Сервий

Вот счастье, что наконец удалось разыскать Луция, я прямо взмок, бегая за ним... (*Луцию.*) Почтеннейший господин...

Луций

Рад видеть тебя, Сервий! А затем — до свиданья! Передай привет моему ближайшему другу, твоему почтенному и добродетельному хозяину.

Сервий

Осмелюсь доложить, ваша милость, господин мой посылает...

Луций

А! Что же он посылает? Я и так уже обязан ему, он всегда посылает мне что-нибудь! Уж и не знаю, как мне отблагодарить его! Что же он посылает сейчас?

Сервилий

Теперь он посылает вам только свою просьбу, ваша милость. Он просит вас неотложно одолжить ему несколько талантов.

Луций

Он шутит; быть не может, чтоб пуждался
Тимон в какой-то тысяче талантов!

Сервилий

Сейчас ему гораздо меньше нужно,
И, если бы не крайняя нужда,
Я так настойчиво вас не просил бы.

Луций

Ты всерьез говоришь, Сервилий?

Сервилий

Клянусь душой, это чистая правда.

Луций

Ну не скотина ли я, что истратил все деньги именно в тот момент, когда мог показать свое благородство! И ведь как не повезло! Только вчера заключил я одну сделку, а теперь теряю из-за нее свою честь! Сервилий, клянусь богам, у меня нет возможности выполнить просьбу Тимона. Ах, скотина я этакая! Веришь ли, я сам собирался обратиться к Тимону. Вот эти господа могут подтвердить мои слова. Но теперь, конечно, я за все сокровища Афин не стану просить у него взаймы. Передай от меня нижайший поклон твоему доброму господину. Надеюсь, он не станет плохо думать обо мне потому только, что я не в силах был исполнить его просьбу. Да, вот что еще передай ему... скажи, я в величайшем отчаянии, что не могу услужить такому благородному человеку. Любезный Сервилий, будь другом, передай ему все именно так, как я сказал.

Сервилий

Хорошо, я передам.

Луций

Не беспокойся, Сервилий, за мной услуга не пропадет.

Сервилий уходит.

Первый чужестранец

Да, пошатнулся, видимо, Тимон.
Упав однажды, вряд ли встанет он.

Луций уходит.

Первый чужестранец
Ну, видишь ты, Гостилий?

Второй чужестранец

Как не видеть!

Первый чужестранец

Вот что такое свет! И каждый льстец
Ведет, заметь, игру одну и ту же.
Вторым отцом был Луцию Тимон,
Его кредит поддерживал деньгами
И помогал поместье содержать.
Да что там — жалованье слугам даже
Шло из его кармана! Всякий раз
Как Луций пьет, он серебра Тимона
Касается губами. А теперь!
Каким себя чудовищем являет
Неблагодарный человек! Ведь Луций
Отказывает в том сейчас Тимону,
В чем добрая душа не отказала б
И нищему.

Третий чужестранец

Религии противен
Такой поступок.

Первый чужестранец

О себе скажу:

Я за столом Тимона не сидел,
Щедротами его осыпан не был,
Он друга не искал во мне. Но я
Так чту его высокий дух, и честность,
И благородство, и великодушие,
Что, вздумай обратиться он ко мне,
Я все свое добро с ним разделю бы
И лучшую ему бы отдал часть —
Так он мне дорог. Но, как видно, людям
Теперь не до сочувствия. Расчет
Над совестью людскою верх берет.

Уходят.

СЦЕНА 3

Покой в доме Семпрония.

Входят Семпроний и слуга Тимона.

Семпроний

Зачем тревожить именно меня?
Гм... Почему меня, а не других?
Он мог бы к Луцию тебя послать
Или к Лукуллу. Или вот Вентидий:
Теперь он стал богатым — ведь Тимон
Его избавил от тюрьмы. Все трое
Обязаны ему.

Слуга Тимона

Ах, господин,
Мы испытали их; они на деле
Фальшивую монетой оказались:
От всех отказ получен.

Семпроний

Отказали

Вентидий и Лукулл? Все отказали?
И он послал ко мне? Все трое?.. Вот как!..
Гм.. Это очень странно. Значит, я
Последнее прибежище его?
Нет, плохо он относится ко мне!
Друзья, врачам подобно, отказались
Три раза исцелить сего, а я —
Я после них лечить его обязан?
Меня унизил он! Я возмущен!
Я — на четвертом месте! Как случилось,
Что он, попав в такое затрудненье,
Не обратился прежде всех ко мне?
По правде говоря, я начал первый
Подарки от Тимона получать,
Но, стало быть, меня он низко ценит,
Что после всех ко мне прибегнул! Нет уж,
Посмешищем всеобщим я не стану
И не желаю дураком считаться.
Когда б сперва меня он попросил,
Ему со всей охотой я дал бы
И втрое больше, может быть. Ступай.
К отказам тех и мой еще прибавь.

Тому, кто увижает честь мою,
Я денег не давал и не даю.
(Уходит.)

Слуга

Превосходно! Ваша милость, видно, изрядный негодяй! Пет, создавая человека лицемером, дьявол не знал, что делает. Он сам себе стал поперек дороги. Я убежден, что в конце концов, в сравнении с людской подлостью, он будет казаться невинным созданием. Как успешно старается этот вельможа показать себя мерзавцем! Он прикрывается добродетелью, чтобы творить зло, подобно тем людям, что под личипой пламенного благочестия испепеляют целые государства. К этому же сорту достоинств отпосится и его политичное дружелюбие.

Последнею надеждой господина
Он был. Теперь остались только боги.
Друзья исчезли. Дверь, что много лет
Привратника не знала и затворов,
Должна закрыться наглухо теперь
И спрятать господина своего,
Нет у него сейчас пути другого.
Кто не сумел богатство соблюсти,
Тому сидеть осталось взаперти.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Зал в доме Тимона.

Входят двое слуг Варрона и слуга Луция; они встречают Тита, Гортензия и других слуг кредиторов Тимона, ожидающих его выхода.

Первый слуга Варрона

Рад видеть вас! — Гортензий, Тит, здорово!

Тит

Здорово, друг Варрон.

Гортензий

И Луций здесь?

Вот ловко мы сошлись.

С л у г а Л у ц и я

Да, и, пожалуй,
Все за одним и тем же. Я, к примеру,
За деньгами.

Т и т

Я тоже... И они.

Входит Ф и л о т.

С л у г а Л у ц и я

А, и Филот явился.

Ф и л о т

Добрый день!

С л у г а Л у ц и я

Здорово, старина. Который час?
Не знаешь?

Ф и л о т

Скоро девять.

С л у г а Л у ц и я

Как, уже?

Ф и л о т

А что, Тимоп еще не выходил?

С л у г а Л у ц и я

Нет.

Ф и л о т

Странно. Ведь обычно он сияет
С семи, подобно солнцу.

С л у г а Л у ц и я

Так-то так,
Да стал его денек теперь короче.
Конечно, жизнь транжир подобна солнцу,
Но с тою разницей, что, закатившись,
Она уж не взойдет. Я опасаюсь,
Что в кошельке Тимоновом — зима;
Хоть вдоль и поперек обшарь его,
Гроша там не найдешь.

Ф и л о т

Боюсь, что так.

Т и т

Но вот что удивительно: тебя
Прислал хозяин за деньгами?

Г о р т е н з и й

Верно.

Т и т

Хозяин твой сам носит бриллианты,
Дареные Тимоном,— и с него же
Он деньги требует!..

Г о р т е н з и й

Не по душе

Мне это все...

С л у г а Л у ц и я

И вот, заметь, что странно:

Тимону ведь платить придется больше,
Чем должен он. К примеру, твой хозяин
Взыскать с него за бриллианты хочет,
Которые Тимон ему дарил!

Г о р т е н з и й

Как мне противно это порученье!
Мой господин — об этом знают боги —
Его деньгами пользовался часто;
И быть теперь таким неблагодарным —
Да это хуже воровства!

Первый слуга Варрона

Я должен

Взыскать три тысячи. А ты?

С л у г а Л у ц и я

Я — пять.

Первый слуга Варрона

Да, это больше. Видно, твой хозяин
Дружил с ним больше моего,— иначе
Претензии их были бы равны.

Входит Ф л а м и н и й.

Т и т

Вот один из слуг Тимона.

С л у г а Л у ц и я

Фламиний! Одно слово, приятель! Скажи на милость, скоро выйдет твой господин?

Ф л а м и н и й

Нет, не скоро.

Т и т

Мы его дожидаемся. Будь другом, доложи ему.

Ф л а м и н и й

Незачем докладывать, он и сам знает, что вы не в меру усердны. (*Уходит.*)

Входит Ф л а в и й, прикрываясь плащом.

С л у г а Л у ц и я

Кто это? Не Тимона ль управитель?

С чего это закутался он так?

Того гляди, как облако растает

И ускользнет от нас. Скорей зовите,

Зовите же его!

Т и т

Эй, эй! Пойдите!

Послушайте.

Первый слуга Варрона

Минутку погодите!

Ф л а в и й

Что вам, друзья?

Т и т

Мы, сударь, денег ждем.

Ф л а в и й

Ах, если б наши деньги были так же
Верны, как верно то, что их вы ждете,
Нам было бы спокойней. Почему
Вы нам счетов не предъявляли раньше,
Когда сидели за столом Тимона
Угодливые ваши господа?
Смеясь и забывая о долгах,

Они тогда проценты только брали
Утробой ненасытную своей!
Оставьте же меня, не унижайтесь.
Позвольте мне пройти. У нас отвыше
Все решено с хозяином моим.
Я кончил счет убытков и потерь,
Ему же тратить нечего теперь.

С л у г а Л у ц и я

Такой ответ нам не годится.

Ф л а в и й

Значит,

И сами ни на что не годны вы,
Ведущие дела у негодяев.

(Уходит.)

Первый слуга Варрона

Что там бормочет этот отставленный управитель?

Второй слуга Варрона

Какая разница? Он беден и, значит, достаточно наказан. Кто может разговаривать смелее человека, которому негде голову преклонить? Такому не грех бунтовать и против роскошных дворцов.

Входит Сервилий.

Т и т

А вот и Сервилий. Наконец-то мы получим разумный ответ.

Сервилий

Умоляю вас, друзья, выберите другое время, вы меня этим крайне обяжете. Клянусь душой, мой господин страшно разгневан. Обычное спокойствие покинуло его, он болен и не оставляет своей комнаты.

С л у г а Л у ц и я

Иной хоть и не болен, а запрется.
Но если занемог он в самом деле,
То лучше бы скорей долги вернул
И тем себе расчистил путь на небо.

Сервилий

О боги!

Т и т

Это не ответ!

Ф л а м и н и й

(за сценой)

Сервилий!

На помощь! — Господин мой, успокойтесь!..

Входит Тимо н в припадке бешенства; за ним следует Ф л а м и н и й.

Т и м о н

Как! Дверь моя меня не пропускает!
Я был всегда свободным, а теперь
Мой дом — мне враг, он стал моей темницей,
И место пиршеств ныне — как весь мир —
Железное свое мне кажется сердце.

С л у г а Л у ц и я

Тит, начинай.

Т и т

Вот счет мой, господин.

С л у г а Л у ц и я

И мой.

Г о р т е н з и й

Взгляните, ваша милость.

С л у г и В а р р о н а

Вот наши, господин.

Ф и л о т

А вот мой.

Т и м о н

Ну, сбейте ими с ног меня! Рубите
До пояса!

С л у г а Л у ц и я

Ах, добрый господин...

Т и м о н

Из сердца моего чеканьте деньги.

Т и т

Мне пятьдесят...

Т и м о н

Сосите кровь мою!

С л у г а Л у ц и я

Пять тысяч крон...

Т и м о н

Пять тысяч капель крови
За них отдам я.— А тебе? — Тебе?

Первый слуга Варрона
По, господин мой...

Второй слуга Варрона
Господин...

Т и м о н

Терзайте,
На части рвите,— покарай вас небо!
(Уходит.)

Г о р т е н з и й

Вижу я, что господа наши могут распрощаться со своими
дснежками. Вот уж поистине эти долги можно назвать без-
умными — должник-то ведь сумасшедший.

Уходят.

Входят Тимон и Флавий.

Т и м о н

Я чуть не задохнулся. Это черти,
А не займодавцы!

Ф л а в и й

Ваша милость...

Т и м о н

(подумав).

А если сделать так...

Ф л а в и й

Мой господин...

Т и м о н

Да-да, я так и сделаю...— Эй, Флавий!

Ф л а в и й

Я здесь.

Т и м о н

Усерден, как всегда. Ступай
Зови моих друзей сюда — Лукулла,
Семпрония, и Луция, и прочих;
Еще раз пир задам мерзавцам этим.

Ф л а в и й

Ах, лишь из-за душевного расстройства
Такие речи вы ведете, сударь;
У нас нет денег, чтобы угостить,
Пусть даже скромно...

Т и м о н

Не твоя забота.
Ступай, я приказал; в последний раз
Тыпустишь эту стаю воронья:
Мы угостим их — повар мой и я.

Уходят.

СЦЕНА 5

Зал сената.

Сенаторы заседают.

Первый сенатор

Вполне согласен с вами; свершено
Кровавое злодейство, и за это
Он должен умереть! Ничто греха
Не поощряет так, как снисхождение.

Второй сенатор

Да, правильно. Он будет осужден!

Входит Алкивиад со свитой.

Алкивиад

Сенату — процветания и славы!

Первый сенатор

Чего желаешь ты, Алкивиад?

Алкивиад

Взываю как смиренный челобитчик
Я к вашим добрым чувствам. Добродетель
Закона — состраданье; лишь тираны
Безжалостны в суде. Судьба и время
На одного из близких мне друзей
Жестоко ополчились; в раздраженье,
Презрев закон, он пал в такую пропасть,
Откуда не спастись. Он человек
(Оставив в стороне его вину),
Исполненный достоинств высочайших,
Который в преступлении своем
Не подлостью был движим. Искупил он
Проступок этот доблестью своей.
Так горячо и в благородном гнев
Напал он на врага лишь потому,
Что честь его тот оскорбил смертельно,
Но так достойно с ним себя он вел,
Так доблестно на поединке бился
И так держал в узде свой гневный пыл,
Как если бы не в бой, а в спор вступил.

Первый сенатор

Ты, право, до нелепости дошел,
Стремясь поступок низкий приукрасить.
Твои все речи сводятся к тому,
Чтоб узаконить подлое убийство
И в доблесть буйство возвести. Оно же
Есть доблести побочное дитя
И родилось на свет одновременно
С интригами и распрями людскими.
Поистине же доблестен лишь тот,
Кто с мудростью невозмутимой сносит
Из оскорблений худшее и кто
К любым обидам так же равнодушен,
Как к старому изношенному платью,
Кто их не принимает близко к сердцу
И свой покой хранит. Обида — зло,
Ведущее к убийству! Значит, тот
Глупец, кто жизнью ради зла рискнет.

Алкивиад

Но...

Первый сенатор

Зря ты обеляешь преступленье;
Не в мстительности доблесть, а в терпенье.

Алкивиад

Простите мне, почтенные отцы,
Солдатский мой язык. Но для чего же
Идуг в сражение люди, не снося
Угроз противника? И почему
Они их не глотают и врагу
С готовностью не подставляют горло?
В терпенье — доблесть? Что же нам тогда
На поле битвы делать? Если так,
То жены наши доблестнее нас:
Они ведь, сидя дома, все выносят.
Выходит, что осел отважней льва,
Преступник в кандалах — мудрей судьи,
Раз мудрость заключается в терпенье.
Сенаторы! Великие мужи!
Исполнитесь же к ближнему любовью!
Ведь только человек с холодной кровью
Легко уймет свой гнев. Убийство — грех;
Но защищаться — это право всех!
Вы скажете, что гнев позорит нас.
Но кто во гневе не бывал хоть раз?
Вину его так именно и взвесьте.

Второй сенатор

Напрасно время тратишь ты.

Алкивиад

Напрасно?

А подвиги, которые свершал он
И в Византии и в Лакедемоне?
Они одни уже могли б служить
Достойным выкупом за жизнь его.

Первый сенатор

Ты что в виду имеешь?

Алкивиад

Он отчизне

Немало оказал услуг важнейших
И упничтожил множество врагов.

Он храбрость беспримерную явил
В последней битве и нанес врагу
Урон изрядный...

Второй сенатор

И себя изрядно
Вознаградил при этом. Он буян,
Чье ремесло — разгул и непотребство.
Есть у него порок, который топит
Весь ум его и в плен уводит храбрость.
Да будь безгрешен он во всем другом,
То одного бы этого хватило,
Чтоб осудить его бесповоротно!
В неистовстве поистине зверином
Он многократно парушал законы
И затевал кровавую резню.
Давно уже предупреждали нас,
Что в пьянстве и разгуле он погряз.

Первый сенатор

Он должен умереть.

Алкивиад

Жестокий рок!
Он мог бы умереть на поле боя...
Почтенные сенаторы, ну что же,
Коль дела нет вам до его заслуг —
Хоть оправдать себя легко он мог бы
Одной рукою правой и не быть
Ни у кого в долгу, — то, для того
Чтоб ваше сердце тронуть, я прошу
К его заслугам и мои прибавить,
Соединив их вместе. А поскольку
В преклонном возрасте желают люди
Гарантии иметь, клянусь я честью
И славой полководца, господя,
Что он свой долг уплатит. Ну а если
Закон его присудит к смерти — пусть
Ее найдет он в битве. Ведь война
Не меньше правосудия грозна.

Первый сенатор

Поступим по закону мы! Умолкни
И уходи. Будь нам он друг иль брат,

Но, если кровь чужую пролил он,
Отдать свою велит ему закон.

Алкивиад

Ужели так и будет? Нет! Прошу вас,
Припомните, с кем говорите!

Второй сенатор

Как!

Алкивиад

Да, вспомните, кто я такой.

Третий сенатор

Что, что?

Алкивиад

От старости меня вы позабыли,
Иначе мог ли получить от вас
В такой ничтожной просьбе я отказ?
Вы раны мне разбередили.

Первый сенатор

Ты

Наш гнев навлек. Хоть мы немногословны,
Но действуем решительно. Ты изгнан
Навеки из Афин отныне.

Алкивиад

Я?

Я изгнан из Афин? Изгнали б лучше
Вы старческое ваше слабоумье
И беззастенчивое лихоимство,
Позорящие весь сенат.

Первый сенатор

Коль ты

Чрез два восхода солнца не уйдешь,
Жди более сурового суда.
А чтобы нам покончить с этим делом,
Твой друг умрет немедленно.

Сенаторы уходят.

Алкивиад

Пусть же боги

Продлят вам годы жизни, чтобы вы

Иссохли, как скелеты, чтоб ваш вид
Противен взору стал. Как я взбешен!
Когда я сдерживал напор врагов,
Вы с жадностью считали барыши
И деньги отдавали под проценты,
А все мое богатство — только раны.
И вот — награда мне! Вот он, бальзам,
Который пролил ростовщик-сенат
На раны воина! Изгнать меня!
Педурно! А пожалуй, я доволен!
Есть повод моему излиться гневу.
Теперь я нанесу удар Афинам.
Сенатом недовольные войска
Я подниму и во главе их встану.
Бить сильных — честь. Обидчикам своим
Мы, воины, богам подобно, мстим!
(Уходит.)

СЦЕНА 6

Пиршественный зал в доме Тимона.

Музыка. Накрытые столы; вокруг них — гости. В разные двери входят вельможи, сенаторы и другие приглашенные.

Первый гость

Желаю вам всех благ.

Второй гость

И вам так же. Сдается мне, что давеча наш почтенный Тимон хотел только испытать нас.

Первый гость

Как раз об этом я думал, когда мы встретились. Надеюсь, дела его не так плохи, как он хотел показать, испытывая своих друзей.

Второй гость

Совсем не плохи, судя по новому пиру.

Первый гость

И я так считаю. Он прислал мне настойчивое приглашение, от которого я сперва вынужден был отказаться из-за множества спешных дел. Но он так упрашивал меня, что мне пришлось согласиться.

Второй гость

Я точно так же был занят неотложнейшим делом, но он и слышать не хотел об отказе. Жаль, что, когда он присылал ко мне за деньгами, у меня их как раз не было.

Первый гость

Теперь, когда я понимаю, как обстоят дела, я тоже вне себя.

Второй гость

Здесь каждый готов себе локти кусать. Сколько он просил взаймы у вас?

Первый гость

Тысячу золотых.

Второй гость

Тысячу золотых!

Первый гость

А у вас?

Третий гость

Он присылал ко мне за... Да вот он сам!

Входит Тимон со свитой.

Тимон

Приветствую вас от всей души! Как поживаете?

Первый гость

Наилучшим образом, когда слышим, что и вы здоровы.

Второй гость

Ласточка не так охотно следует за летом, как мы за вами.

Тимон

(в сторону)

И не более охотно бежит от зимы. Да, люди — перелетные птицы. *(К гостям.)* Господа, боюсь, трапеза не вознаградит вас за столь долгое ожидание. Насыщайте пока свой слух музыкой, если звуки труб не слишком резки для вас. Сейчас нам подадут обед.

Первый гость

Надеюсь, вы не обиделись, Тимон, что я отослал вашего слугу с пустыми руками?

Тимон

Чепуха! Пусть это вас не беспокоит.

Второй гость

Благородный Тимон...

Тимон

Что скажете, мой добрый друг?

Слуги вносят и подают несколько закрытых блюд.

Второй гость

Благороднейший Тимон, я сгораю со стыда из-за того, что, когда вы вчера присылали ко мне за деньгами, мой карман, к несчастью, был пуст, как у последнего нищего.

Тимон

Не стоит об этом думать.

Второй гость

Прислали бы вы двумя часами раньше...

Тимон

Не терзайте себя воспоминаньями.— Эй, подавайте все сразу.

Второй гость

Закрытые блюда!

Первый гость

Царское угощение, ручаюсь вам.

Третий гость

Не сомневайтесь, здесь подадут все, что можно достать за деньги в это время года.

Первый гость

А, здравствуйте! Что нового?

Третий гость

Слышали вы, что Алкивиад изгнан?

Первый и второй гости

Алкивиад изгнан!

Третий гость

Да, в этом нет никаких сомнений.

Первый гость

Что? Что?

Второй гость

Умоляю, скажите, из-за чего?

Тимон

Достойные друзья мои, прошу вас!

Третий гость

Потом расскажу вам подробнее. Нам предстоит роскошный пир.

Второй гость

Тимон остался прежним Тимоном.

Третий гость

Долго ли он продержится? Долго ли?

Второй гость

Держится пока. Но придет время... и...

Третий гость

Я понимаю.

Тимон

Прошу каждого занять место с такой же поспешностью, с какою бы он устремился к губам своей возлюбленной. Кушанья сегодня у всех будут одинаковые. Не устраивайте церемоний, из-за которых блюда успевают простыть, прежде чем гости решат, кто из них займет первое место. Усаживайтесь, усаживайтесь! Теперь вознесем благодарение богам! «Вы, великие благодетели, напитайте наше общество чувством благодарности. Заставьте восхвалять вас за ваши дары, но обязательно оставьте себе что-нибудь про запас, для того чтобы раздавать и впредь, не то вас скоро начнут презирать. Отпустите каждому человеку столько, чтобы ему не пришлось занимать у другого. Ведь если вам, боги, придется занимать у людей, люди отступятся от богов. Пусть гости ласкают пиры больше тех, кто задает их. Пусть в обществе, где собирается двадцать человек, будет два десятка негодяев. Пусть там, где за столом сидит дюжина женщин, двенадцать из них будут... тем, что они есть. Остальные дары свои, о боги, оставьте афинским сенаторам и презренной черни — пусть все, что в них есть дурного, подлежит отныне уничтожению. Мои же друзья, присутствующие здесь, для меня ничто, а потому ни в чем не будьте к ним благосклонны и обратите их в ничто».

А теперь, собаки, снимите крышки и лопайте!

Гости снимают крышки и видят, что блюда наполнены кипятком.

Несколько голосов

Что он хочет этим сказать?

Другие

Непонятно!

Тимон

Не знать вам лучших пиршеств никогда,
Друзья обжорства! Пар и кипяток —
Вот сущность ваша. Нате, получайте
Последнее, что у Тимона есть.
Он долго мишурой своей любви
Вас украшал, но эти украшения
Теперь смывает он, и вам в лицо
Вонючую бросает вашу подлость!
Желаю жить вам долго и в презрение.
Вы гладкие, довольные собой
Бездельники, любезные убийцы,
Вы приживалы, баловни судьбы,
Обжоры, добродушные медведи,
Приветливые волки, паразиты,
Вы стая мух поганных, вы рабы,
Готовые колени гнуть и шанку
Ломать ежеминутно; флюгера,
Вертящиеся по ветру! Пускай
Болезни человека и животных
Коростой с ног до головы покроют
Вас всех, без исключенья!

(Одному из гостей).

Что, уходишь?

Постой, лекарство прихвати! И ты...

И ты!..

(Бросает в них блюда.)

Помедли, денег одолжу,
Не попрошу займы! Что, разбежались!
Да будет лучшим из гостей подлец
Отныне на пирах! Всему конец!
Мой город, провались! Сгори, мой дом!
Тимон людскому роду стал врагом.

(Уходит.)

Некоторые гости возвращаются.

Первый гость

Что это значит, господа?

Второй гость

Как можете вы объяснить гнев Тимона?

Третий гость

Тьфу ты! Не видели вы моей шапки?

Четвертый гость

Я потерял плащ.

Первый гость

Он просто безумец и причуды управляют им. На днях он подарил мне бриллиант, а сегодня сбил его с моей шапки. Не видели ли вы моего бриллианта?

Третий гость

Не видели вы моей шапки?

Второй гость

Вот она,

Четвертый гость

Вот валяется мой плащ.

Первый гость

Не задерживайтесь.

Второй гость

Тимон сошел с ума!

Третий гость

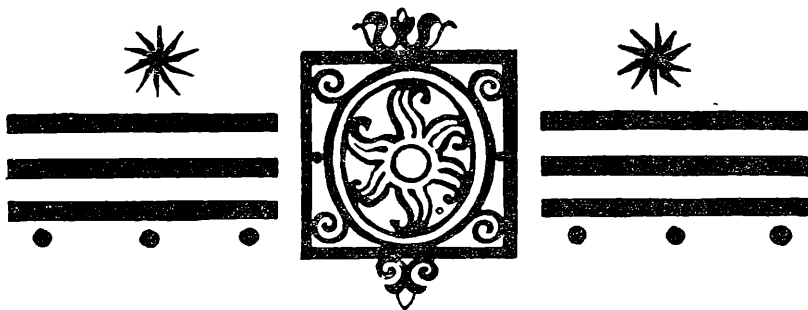
Намял бока мне.

Четвертый гость

То нам дарил, то в нас швыряет камни.

Уходят.





А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Под стенами Афин.

Входит Тимон.

Тимон

В последний раз взгляну на город свой!
Стена, раз ты волкам оградой служишь,
Рассыпся и не защищай Афин!
Матроны, станьте шлюхами; вы, дети,
Почтение к родителям забудьте.
Рабы и дураки, с постов свергайте
Сенаторов морщинистых и важных
И принимайтесь править вместо них.
Цветущая невинность, окунись
В грязь и разврат, распутничай бесстыдно
В присутствии отцов и матерей.
Банкрот, держись, не возвращай долгов,
Хватай свой нож — режь глотку кредитору!
Слуга надежный, грабь своих господ;
Хозяин твой сановный — тоже вор,
По покрупней и грабит по закону!
Ложись в постель к хозяину, служанка:
Его жена распутничать пошла.
Ты, сын любимый, вырви у отца
Увечного и дряхлого костыль,
И голову ему разбей. Пусть правда,

Мир, благочестье, страх перед грехом,
Религия, законы, справедливость,
Очаг домашний, уважение к ближним,
Приличья, просвещение, родство,
Обычаи, торговля превратятся
В свою прямую противоположность!
Пусть воцарится хаос! Пусть несчастья,
Заразные и страшные болезни
Падут на обреченные Афины!
Подагра злая, скрючь седых вельмож;
Пусть, как их честность, и они хромают!
Блуд, похоть, проникайте в плоть и кровь
Афинской молодежи! Пусть она,
Теченью добродетели противясь,
В распутстве захлебнется! Семена
Чесотки, язвы гнойной, прорастайте
В груди людей, проказой расцветая!
Одно дыханье, заражай другое,
Вливай отраву в дружбу и любовь!
О ненавистный город! Из тебя
Я уношу одну лишь нищету,
Пусть и твоей она бедою станет,
Умноженной проклятьями моими!
Тимон уйдет в леса: там лютый зверь
Добрее человека. О, молю вас,
Внемлите, боги: да падут Афины
За этою стеной и вне ее!
Расти и крепни, ненависть моя!
Отныне враг людского рода я.
Аминь!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Афины. Комната в доме Тимона.

Входят Флавий и несколько слуг.

Первый слуга

Послушай, управитель, где хозяин?
Он выгнал нас, иль мертв, иль промотался?

Ф л а в и й

Увы, друзья мои! Что вам сказать?
Клянусь, я так же неимуц, как вы.

Первый слуга

Беда! Такой богатый дом погиб!
Такой хозяин славный разорился!
Все разбежались; не осталось друга,
Который захотел бы разделить
Его судьбу и с ним уйти.

Второй слуга

Как мы

К приятелю, лежащему в могиле,
Становимся спиной, так отвернулись
И от Тимона все его друзья,
Чуть схоронил богатство он. Остались
Ему от них пустые кошельки
Да клятвы ложные. А он, бедняга,
Как нищий, не имеющий приюта,
Наедине оставшись с нищетою,
Которой все бегут, влачит свой век
В презрении, один... Сюда идут
Другие слуги.

Входят слуги.

Флавий

Ломаная утварь
Разрушенного дома.

Третий слуга

Я читаю

По лицам вашим, что в душе мы все
В Тимонову облачены ливрею.
Товарищами мы остались с вами,
Служа ему и в этот скорбный час.
Крушение терпит наш корабль, и мы,
Матросы злополучные, стоим
На палубе кренящейся, внимая
Угрозам волн. Расстаться в море жизни
Нам суждено.

Флавий

Я разделяю меж вами
Последнее имущество мое!
Останемся друзьями в честь Тимона,
А встретясь, покачаем головой,
И наши прозвучат тогда слова,

Как похоронный звон его богатству:
«Мы лучше знавали дни».

(Раздает им деньги.)

Пусть каждый
Возьмет частицу. Протяните руки;
Хотя мы и бедны, но расстаемся
Богатые печалью.

Слуги обвиняются и расходятся.

Сколько мук
Приносит слава! Кто не пожелал бы
Проклясть богатство, зная, сколько бед
И горестей идет за ним вослед!
Кто славою прельстится? Кто захочет
Жить, убедаясь, что дружба — только сон?
Кто б упивался собственным величием,
Постигнув, что украшено оно,
Как все друзья вокруг, фальшивым блеском?
Мой бедный господин, ты пал навеки,
Погубленный своею добротой!
Не странно ли, что самый тяжкий грех —
Стремление творить добро для всех?
Так кто ж дерзнет хотя б наполовину
Таким же быть, как он, коль доброта —
Бессмертных свойство — губит человека? —
Мой господин! Ты был благословен,
Чтоб сделаться проклятым; был богат,
Чтоб нищим стать; причина бед твоих —
Твое богатство. Добрый мой хозяин,
Бежал ты в гневе от чудовищ этих,
И нечем жизнь поддерживать тебе...—
Пойду искать его и с ним останусь;
Пока есть деньги в кошельке моем,
Я буду управителем при нем.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лес и пещера около моря.

Входит Тимоп.

Тимоп

О всеблагое солнце! Извлеки
Сырую гниль из недр земли наружу
И зарази весь воздух под луною —

Твоей сестрой. Рожденные на свет
Утробою одною близнецы
Почти неразличимы по зачатью,
Развитию, рождению; но стоит
Судьбе им дать удел неравный, сразу
Счастливец неудачника теснит.
Таков уж от природы человек;
Потоком бедствий всяческих гонимый,
Не может быть он счастлив без того,
Чтоб к ближнему не проявить презренье.
Возвысьте нищих, а вельмож унижьте —
И тотчас же изведает сенатор
Презрения наследственного бремя,
А нищий — уваженье и почет.
Один из близнецов от благ тучнеет,
Второго делает худым нужда.
Но кто же гордо, не сгибаясь, встанет,
С чистосердечным мужеством воскликнув:
«Льстец этот человек!» Коль одного
Назвали так, зовите всех льстецами.
Стойкий у подножия удачи
Льстит тем, кто выше влез. Мудрец и тот
Склоняется пред золотым болваном.
Все вкривь идет! Нет ничего прямого
В проклятых человеческих натурах,
За исключением подлости прямой,
А потому — проклятье всем пирам,
Всем сборищам, всем празднествам на свете!
Тимон себя и всех себе подобных
Возненавидел! Гибни, род людской!

(Копает землю.)

Земля, дай мне кореньев, а того,
Кто лучшее найти в тебе замыслит,
Своим сильнейшим ядом услади.
Что вижу? Золото? Ужели правда?
Сверкающее, желтое... Нет-нет,
Я золота не почитаю, боги;
Кореньев только я просил. О небо,
Тут золота достаточно вполне,
Чтоб черное успешно сделать белым,
Уродство — красотою, зло — добром,
Трусливого — отважным, старца — юным,
И низость — благородством. Так зачем
Вы дали мне его? Зачем, о боги?

От вас самих оно жрецов отторгнет,
Подушку вытащит из-под голов
У тех, кто умирает. О, я знаю,
Что этот желтый раб начнет немедля
И связывать и расторгать обеты;
Благословлять, что проклято; проказу
Заставит обожать, возвысит вора,
Ему даст титул и почет всеобщий
И на скамью сенаторов посадит.
Увидшим вдовам женихов отыщет!
Разъеденная язвами блудница,
Та, от которой даже сами стены
Больничные бы отшатнулись,— станет
Цветущей, свежей и благоуханной,
Как майский день. Металл проклятый, прочь!
Ты, шлюха человечества, причина
Вражды людской и войны кровопролитных,
Лежи в земле, в своем законном месте!
Я вновь тебя зарю глубоко.

Доносятся звуки воинного марша.
Что это, барабан? — А, ты живуче,
Но все же я похороню тебя!
Ступай обратно, вор, не соблазняй
Хранителей своих. Постой! Возьму
Немного я себе на всякий случай.

(Берет часть золота.)

Под звуки барабанов и труб входит вооруженный Алкивиад; с ним
Фрина и Тимандра.

А л к и в и а д

Ты кто такой?

Т и м о н

Животное, как ты!

Пускай твое изложет сердце язва
За то, что снова человеческий облик
Ты мне явил.

А л к и в и а д

Но кто ты? Отчего

Ты, человек, не терпишь так людей?

Т и м о н

Я мизантроп; людей я ненавижу.
Вот будь ты псом, я мог бы хоть немного
Тебя любить.

А л к и в и а д

А, поняла, кто ты!

Но что с тобою — я понять не в силах.

Т и м о н

Ты тоже мне знаком. Но больше знать,
Чем это, — не хочу. Ступай же вслед
За барабаном и людскою кровью
Окрашивай все ярче, ярче землю.
Закон богов и суд людской жестокости, —
Так чем же быть тогда должна война?

(Замечает Фрину.)

А девка эта может погубить
Людей куда побольше, чем твой меч,
Хоть вид у ней и ангельский.

Ф р и н а

Пусть губы

Твои сгниют!

Т и м о н

Я целовать тебя

Не стану, значит, на твоих губах
Останется вся гниль.

А л к и в и а д

Но как ты мог

Так измениться, доблестный Тимон?

Т и м о н

Да так же, как луна, когда нет света,
Который отражать она могла бы.
Но, как луна, светить я неспособен —
Нет солнца у меня, чтоб свет занять.

А л к и в и а д

Достойнейший Тимон, чем я могу
Помочь тебе?

Т и м о н

Упрочь мой взгляд на мир.

А л к и в и а д

О бедствиях твоих я много слышал.

Т и м о н

Ты видел их, когда я процветал.

А л к и в и а д

Я вижу их теперь. То было время
Блаженное.

Т и м о н

Как ныне у тебя,
Со сворой шлюх.

Т и м а н д р а

Так это он и есть?
Краса Афин, которого весь мир
Превозносил?

Т и м о н

А ты Тимандра?

Т и м а н д р а

Да.

Т и м о н

Останься же распутницей до смерти.
Ведь те, кто спят с тобой, тебя не любят;
Они несут к тебе одну лишь похоть,
А ты болезни им дари взамен.
Часы распутства с выгодой используй,
Готовь клиентов для больниц; юнцов
Гони к врачам, сажай их на диету!

Т и м а н д р а

Чудовище, да ты петли достоин!

А л к и в и а д

Прости ему, любезная Тимандра,
Его рассудок беды помutilи.—
Тимон достойный, очень мало денег
Осталось у меня, и каждый день
Бунтуют потому мои солдаты.
Мне горько было слышать, что Афины,
Презрев твои великие заслуги,
Когда враги на них войною шли,
Забыв, как ты отчизну выручал
Своим богатством и своим мечом...

Тимон

Ударь в свой барабан и будь любезен —
Проваливай отсюда!

Алкивиад

Я твой друг.

Мне жаль тебя, мой дорогой Тимон.

Тимон

Ах, жаль? Так не лишай меня покоя,
Хочу я быть один.

Алкивиад

Ну что ж, прощай.

Вот золото; возьми себе немного.

Тимон

Не надо мне. Оно ведь несъедобно.

Алкивиад

Когда в развалины я обращу
Надменные Афины...

Тимон

Ты идешь

Войною на Афины?

Алкивиад

Да, Тимон,

И у меня на это есть причина.

Тимон

Пусть боги их убьют твоей победой,
А после них — тебя.

Алкивиад

Меня? За что?

Тимон

За то, что, убивая негодяев,
Ты был рожден мой город победить.
Спрячь эти деньги. Подойди сюда.
Вот золото, бери его; ступай
И действуй как чума, что возникает

Под гибельным влиянием планет,
Когда Юпитер наполняет воздух
Отравой над городом преступным.
Пусть меч твой не минует никого!
Увидев старца с бородой седою,
Пощады не давай: он ростовщик!
Бей насмерть лицемерную матрону:
На вид она честна, на деле — сводня.
Пусть слезы девственниц не притупят
Твой меч; их грудям белизны молочной,
Из-за своих решетчатых окошек
К себе влекущим взоры всех мужчин,
Нет места в книге сострадания, ибо
Предательством напитааны они.
Малюток не щади — улыбки их
И ямочки глупцов лишь умиляют.
Ублюдки эти родились на свет,
Как встарь вещал двусмысленный оракул,
Чтобы тебя со временем прирезать.
Кроши их! Бей! Забудь о милосердии,
Надень на уши и глаза броню,
Чтоб сквозь нее не проходили слезы
Грудных младенцев, дев и матерей.
Пусть не разжалобит тебя и вид
Слуг алтаря в священном облачении,
Лежащих пред тобою в луже крови.
Вот золото, плати своим солдатам.
Все истреби! А утолив свой гнев,
Погибни сам. Ни слова! Убирайся!

А л к и в и а д

Так у тебя есть золото еще?
Возьму его, но твой совет отвергну.

Т и м о н

Отвергнешь или нет — будь проклят небом!

Ф р и в а и Т и м а н д р а

Дай, дай и пам! И пам, Тимон любезный!
Осталось у тебя еще?

Т и м о н

Да, хватит,
Чтобы заставить шлюху отказаться
От ремесла позорного ее,

А сводною отступиться от блудниц.
Вот золото, держите, потаскушки,
Подолы подставляйте! Бесполезно
С вас клятвы брать; не сдержите вы их,
Хоть клясться вы готовы бесконечно,
Ужасно клясться, так, что в небесах
Бессмертные, внимающие вам,
Дрожать, как в лихорадке, начинают.
Не надо кляtv. Достаточно с меня,
Что шлюхи вы, и оставайтесь ими;
А если кто благочестивой речью
Наставить вас задумает,— втяните
Его в разврат, зажгите, возбуждайте;
Пусть ваш огонь осилит дым его,
Но только не поддайтесь уговорам.
За этот труд шесть месяцев в году
Трудитесь над собою. На макушки,
Облезшие от блуда, нацепляйте
Волос фальшивых кочья — ничего,
Что срезаны они у мертвецов,
А может, у повешенных, не важно,
Носите их, дурачьте простофиль
И вновь блудите. Красьте лица гуще,
Чтоб лошади на ваших щечках вязли.
К чертям морщины!

Ф р и н а и Т и м а н д р а

Ладно, мы согласны!
Давай побольше. Что еще? За деньги
Готовы мы на все.

Т и м о н

Болезни сейте
В трухлявые тела мужчин, чтоб их
Бессилие и немощь одолели.
Пускай начнет гнусавить адвокат,
Визгливый плут, защитник темных дел.
Слуг алтаря, что плотские утехи,
Самим себе не веря, осуждают,
Заразой наделяйте. Разрушайте,
Проваливайте до костей носы
У тех, кто, чуя личный интерес,
Лишен чутья к общественному благу.
Плешивьте негодяев завитых,
Вредите с беспощадностью жестокой

Войною пощаженым хвастунам.
Всех заражайте! Исушить старайтесь
Источники людского плодородья!
Вот золото еще — губите всех
И погибайте сами. Пусть могилой
Послужит вам вопиющая канава.

Ф р и н а и Т и м а н д р а

Давай, давай нам, щедрый муж, советы
И золота еще.

Т и м о н

Нет, вы сперва
Явите больше зла и неpotребства;
Задаток дан вам.

А л к и в и а д

Бейте в барабаны,
И — на Афины! Ну, прощай, Тимон!
Приду к тебе, коль ждет меня удача.

Т и м о н

А если не увидимся с тобой,
То это я сочту своей удачей.

А л к и в и а д

Ведь зла тебе не делал я.

Т и м о н

Нет, делал,
Хваля меня.

А л к и в и а д

Ты это злом зовешь?

Т и м о н

Да, опыт мой об этом говорит.
Проваливай и забирай всю свору.

А л к и в и а д

Мы только злим его! Бей в барабан!
Бьют барабаны. Алкивиад, Фрина и Тимандра уходят.

Т и м о н

Не удивительно ль, что человек,
Пресытившийся злобою людскою,

Еще способен голод ощущать!

(Копает землю.)

О ты, природа, мать всего живого,
Ты, чье неисчерпаемое чрево
И грудь неистощимая рожают
И кормят все живое на земле,
Родишь ты из материи одной
И своего надменного ребенка —
Тщеславного, пустого человека,
И черных жаб и ящериц блестящих,
И злых слепых червей и синих змей,
И все, что есть мерзейшего под небом,
Огнем Гипериона озаренным.
Даруй же ненавистнику людей
Из глубины твоей неизмеримой
Один ничтожный корень. Искуши
Утробу плодородную твою,
И пусть она на свет не производит
Людей неблагодарных. Жизнь давай
Волкам, драконам, тиграм, львам, медведям
И чудищам, которых небосвод
Наш мраморный не видел! Вот он, корень!
Земля, спасибо! Засухой спали
Все виноградники, поля, луга,
Издорванные плугом человека,
Где он, неблагодарнейший, находит
Обилие яств, пьянящие напитки,
Что грязью светлый ум его пятнают,
Вконец лишая сердца и рассудка.

Входит А п е м а н т.

Опять здесь человек. Чума! Чума!

А п е м а н т

Меня сюда послали. Ходят слухи,
Что стал ты жить и поступать, как я.

Т и м о н

Да, потому что ты не держишь пса,
Который был бы для меня примером.
Чтоб ты издох!

А п е м а н т

Ну, это напускное!
Ты впал в постыдно жалкое унынье,

Рожденное превратностью судьбы.
К чему тебе пещера? Заступ этот?
И мрачный вид? И рабская одежда?
Твои льстецы в шелках спокойно ходят,
И пьют вино, и спят на мягком ложе,
Вдыхая ароматы благовоний;
Они давно забыли, что на свете
Когда-то жил Тимон. Срамишь ты лес,
Разыгрывая роль врага людского.
Стань сам льстецом и преуспеть старайся
В том, что тебя сгубило! Гни колени;
Пусть каждый вздох владыки твоего
С тебя долой срывает тотчас шапку;
Хвали его гнуснейшие пороки,
Превозноси их. Ведь с тобою тоже
Так делали, а ты, развесив уши,
Бывало, как трактирщик, зазывал
Всех шедших мимо негодяев в гости:
Так есть резон, чтобы и сам ты стал
Мошенником; разбогатеешь снова
И снова все мошенникам раздашь.
А на меня похожим быть не думай.

Т и м о н

Похожим на тебя? Тогда б отверг
Я сам себя.

А п е м а н т

Ты сам себя отверг,
Еще когда ты был самим собою.
Ты долго сумасбродствовал, а ныне
Стал дураком совсем. Ты полагаешь,
Что шумный твой слуга холодный ветер
Тебе рубашку станет согревать
Иль что к тебе в пажы наймутся эти
Деревья, пережившие орлов,
И будут бегать за тобою? Разве
Ручей холодный, подслащенный льдом,
Заменит освежающий напиток,
Что глушит после кутежей ночных
Поганый вкус во рту? Зови к себе
Всех, кто живет нагими и без крова,
Сопrotивляясь грозным небесам;
Кто вынужден сносить борьбу стихий,

Но остается верным лишь природе,—
Вели им льстить тебе, и ты увидишь...

Т и м о н

Что ты дурак. Проваливай.

А п е м а н т

Таким
Ты нравишься мне более, чем прежде.

Т и м о н

А ты теперь мне более противен.

А п е м а н т

Но чем же?

Т и м о н

Льстишь ты нищете.

А п е м а н т

Неправда,
Я просто говорю: ты — трус.

Т и м о н

Зачем
Ты отыскал меня?

А п е м а н т

Чтоб побесить.

Т и м о н

Забава подлецов и дураков.
Ты в этом удовольствие находишь?

А п е м а н т

Да, нахожу.

Т и м о н

Что? Так и ты подлец?

А п е м а н т

Когда бы жизнь суровую ты выбрал,
Чтоб гордый нрав смиригь, сказал бы я:
Весьма похвально это. Но ведь ты
Так не по доброй воле поступил.
Не будь ты нищим — вновь бы стал вельможей.

Желанная нужда переживает
Непрочный блеск богатства и всегда
Награждена бывает. Если полным
Довольство не бывает никогда,
То нищета довольствуется малым.
Мучительно богатство без довольства,
И хуже во сто раз, чем нищета,
Довольная собою. Ты столь жалок,
Что можешь только смерти пожелать...

Т и м о н

...Но по иной причине, чем считает
Тот, кто еще ничтожнее меня.
Да где тебе понять, несчастный раб!
Тебя Фортуна ласковой рукой
С любовью никогда не обнимала,
А била как собаку. Если б ты,
Подобно мне, поднялся с детских лет
По всем ступеням наслаждения жизнью,
Командуя толпою слуг покорных,—
Ты с головой в разврате бы увяз,
В постелях шлюх растрачивая юность,
И ледяному голосу рассудка
Не стал бы ты внимать, а рвался б жадно
К желанному куску. Но для меня
Вселенная кондитерской являлась:
Так много языков, сердец и глаз
И уст служили мне, что я не знал
Куда девать их; был покрыт я ими,
Как дуб — листвою; но дунул зимний ветер,—
И листья разлетелись. Одинокий,
Нагой оставлен я на волю бурь;
И на меня, кто ведал лишь добро,
Легло все это бременем тяжелым.
Но ты — ты начал жизнь свою с лишений
И закалился в них. Так почему же
Людей ты ненавидишь? Ведь тебе
Они не льстили. Что давал ты им?
Коль хочешь проклипать, так прокляни
Ты своего отца за то, что он,
Оборвыш грязный, в час дурной сошелся
С какой-то попрошайкой и тебя,
Наследственную голь, соорудил.
Прочь! Не родись ты худшим из людей,
Ты тоже был бы плутом и льстецом!

А п е м а н т

А ты и до сих пор гордишься?

Т и м о н

Да,

Горжусь, что я — не ты.

А п е м а н т

А я горжусь,

Что не был расточителем.

Т и м о н

А я —

Что им остался. Будь в тебе одном

Мое богатство все, я и тогда

Повеситься тебе велел бы! Прочь!

(Ест корень.)

Ах, если б в нем была заключена

Вся жизнь Афин, — ее бы я сожрал.

А п е м а н т

(протягивая ему другой корень)

Возьми, хочу я пир украсить твой.

Т и м о н

Ты общество мое сперва укрась

Своим уходом.

А п е м а н т

Лучше я украшу

Свое — твоим отсутствием.

Т и м о н

Нет, так

Его ты не украсишь, а испортишь,

Не то я сам бы этого хотел.

А п е м а н т

Чего же ты Афинам пожелаешь?

Т и м о н

Чтоб вихрем буйным ты по ним пронесся.

А хочешь — передай, что у меня

Есть золото. Ты видишь — вот оно.

А п е м а н т

Какой же смысл в нем здесь?

Т и м о н

Большой и важный.

Оно тут спит и злу не служит.

А п е м а н т

Где же

Ты ночью спишь?

Т и м о н

Под тем, что надо мной.

Где кормишься ты днем?

А п е м а н т

Где вижу пищу.

Т и м о н

Ах, если б яд был веществом послушным...

А п е м а н т

Куда бы ты послал его, Тимон?

Т и м о н

Твою еду приправить, Апемант.

А п е м а н т

Ты в жизни никогда не знал золотой середины, тебе ведомы лишь крайности. Когда ты ходил в надушенных, расшитых золотом одеждах, люди смеялись над твоей чрезмерной изысканностью, В лохмотьях ты потерял ее — и теперь тебя презирают за ее отсутствие. Вот возьми кизил, съешь его.

Т и м о н

Я не ем того, чего терпеть не могу.

А п е м а н т

Терпеть не можешь кизила?

Т и м о н

Да, он такой же кислый, как ты.

А п е м а н т

Вот если бы ты раньше терпеть не мог кислых лysteдов, теперь ты куда больше любил бы себя. Приходилось тебе когда-

нибудь видеть расточителя, которого бы любили после того, как он лишился еостояния?

Т и м о н

А видал ты когда-нибудь, чтобы любили человека, не имеющего состояния, о котором ты говоришь?

А п е м а н т

Я такой человек.

Т и м о н

Я понимаю тебя; ты имел средства держать собаку.

А п е м а н т

Как ты полагаешь, кто больше всех на свете похож на твоих льстецов?

Т и м о н

Женщины. Но мужчины, мужчины — это сама лесть. Что бы ты сделал с миром, Апемант, если бы он находился в твоей власти?

А п е м а н т

Отдал бы его диким зверям, чтобы освободить от людей.

Т и м о н

И ты согласился бы закончить свое человеческое существование вместе с остальными людьми и остался бы зверем среди зверей?

А п е м а н т

Да, Тимон.

Т и м о н

Вот животное честолюбие! Да помогут тебе боги достичь цели! Был бы ты львом, лиса надула бы тебя; был бы ты ягненком, лиса съела бы тебя. Был бы ты лисой, лев заподозрил бы тебя, даже если бы обвинял тебя осел. Был бы ты ослом, глупость твоя угнетала бы тебя и жил бы ты для того, чтобы достаться на завтрак волку. Был бы волком, твоя прожорливость мучила бы тебя и ты бы рисковал своей жизнью ради обеда. Был бы ты единорогом, тебя погубили бы гордость и бешенство и ты бы сделался жертвой собственной ярости. Был бы медведем, тебя убил бы конь или съапал леопард. Был бы леопардом, ты бы находился в кровном родстве со львом, и пятна этого рода вынесли бы приговор твоей жизни. Безопасность твоя заключалась бы в перемене места, защита — в бегстве. Каким животным можешь ты стать, не

подчинившись другому животному? И каким живогным ты уже стал, что не видишь, как проиграешь от такого превращения?

А п е м а н т

Если бы ты захотел доставить мне удовольствие своей беседой, то мог бы это сделать именно теперь! Афины превратились в лес, полный зверей.

Т и м о н

Каким образом удалось ослу проломить стену, что ты вдруг очутился за городом?

А п е м а н т

Сюда идут поэт и живописец. Пусть их общество поразит тебя чумой! Я боюсь заразиться и лучше уйду. Когда мне больше нечего будет делать, я снова заверну к тебе.

Т и м о н

Когда окажешься последним человеком на свете, милости просим. Я бы скорее согласился быть собакой нищего, чем Апемантом.

А п е м а н т

Всем дуракам дурак!

Т и м о н

Жаль, не настолько
Ты чист, чтоб мог я плюнуть на тебя.

А п е м а н т

Ты слишком гнусен даже для проклятий.
Чума тебя возьми!

Т и м о н

Любой мерзавец
В сравнении с тобою — чистый голубь.

А п е м а н т

Нет злей заразы, чем твои слова.

Т и м о н

Едва лишь я твое промолвлю имя,
Как порываюсь бить тебя, да руки
Мне страшно заразить.

А п е м а н т

Хотел бы я,
Чтобы они от слов моих отсохли.

Т и м о н

Вон! Уходи, отродье псов паршивых!
Я в бешенстве, что ты еще не сдох.
Меня тошнит от вида твоего!

А п е м а н т

Ах, чтоб ты лопнул!

Т и м о н

Прочь, наглец докучный!

(Бросает в него камень.)

Мне жаль и камень на тебя потратить.

А п е м а н т

Ты скот!

Т и м о н

Раб!

А п е м а н т

Гад!

Т и м о н

Подлец, подлец, подлец!

Апемант отходит в сторону.

Я ненавижу этот лживый мир!
Ничто меня не привлекает в нем,
И даже то, что мне необходимо.
Итак, Тимон, готовь себе могилу,
Ты ляжешь там, где будет разлетаться
О камень гробовой морская пена,
И пусть в словах надгробных смерть твоя
Над жизнью человека посмеется.

(Смотрит на золото.)

О ты, приветливый цареубийца,
Орудье распри меж отцом и сыном!
О светоносный яркий осквернитель
Чистейшего супружеского ложа!
Отважный Марс! Ты, вечно юный, свежий,

Жених желанный, нежный и любимый,
Чей блеск растапливает снег священный,
Лежащий на коленях у Дианы.
Ты, видимое нами божество,
Несовместимого соединитель.
Ты по любому поводу способен
На языке любом заговорить.
О испытатель душ, вообрази,
Что люди жалкие, твои рабы,
Вдруг взбунтовались! Силою своею
Смертельную вражду посей меж ними
И править миром предоставь зверям.

А п е м а н т
(выходя вперед)

Пусть будет так, но лишь когда умру я.
Пойду всем расскажу, что ты богат,
И тотчас же к тебе повалят толпы.

Т и м о н
Что? Толпы?
А п е м а н т
Да.

Т и м о н
Уйди, прошу тебя.

А п е м а н т
Живи и наслаждайся нищетою.

Т и м о н
А ты живи, как жил. И так подохни!
Теперь мы квиты.

А п е м а н т уходит.

Снова появились
Подобия людей? Ешь, ешь, Тимон,
И проклинай их всех!

Входят разбойники.

Первый разбойник

Откуда у него может быть золото? Наверно, крохи какие-нибудь, какой-нибудь жалкий остаточек прежнего. Он и в меланхолию-то впал из-за того, что золота у него не стало и друзья отвернулись.

Второй разбойник

Однако все в один голос твердят, что денег у него прорва.

Третий разбойник

Попробуем его повыспросить. Ежели он золотом не дорожит, так и отдаст без разговоров. А вот как это золото получить, ежели он жадничать начнет?

Второй разбойник

Правильно! Золото у него наверняка припрятано, не носит же он его с собой.

Первый разбойник

Не он ли это?

Все

Где?

Второй разбойник

По описанию похоже, что он.

Все

Здравствуй, Тимон.

Тимон

Чего вам нужно, воры?

Все

Мы солдаты,

Не воры.

Тимон

Вы и воры, и солдаты,
И женщины сыновья.

Все

Нет, мы не воры,
А люди, ныне впавшие в нужду.

Тимон

У вас одна нужда — еды побольше.
Так вот смотрите — есть в земле коренья,
Сто родников на протяжении мили,
Дубы, увешанные желудями,
Шиповника пурпурные плоды.
Природа вам, как щедрая хозяйка,
На всех кустах готовит сытный стол.
Нужда? Что за нужда?

Первый разбойник

Но мы не можем
Травой, плодами и водой питаться,
Как птицы, звери, рыбы.

Тимон

Или есть
Самих зверей, и птиц, и рыб? Я знаю —
Должны вы есть людей. Но все ж спасибо
За то, что вы воруете открыто,
Личиною святош пренебрегая,
Хотя у нас в особенном почете
Прикрытое законом воровство.
Ну, подлые мошенники и воры,
Берите — вот вам золото. Сосите
Кровь пьяную из виноградных лоз,
Пока горячка вашу кровь не вспенит,
Тем самым вас избавив от петли.
Врачам не верьте: их лекарства — яд.
На их счету смертей гораздо больше,
Чем краж — на вашем. Вот, берите деньги,
А с ними — человеческие жизни.
Свершайте преступления, свершайте;
Ведь это ваше ремесло. Мы видим
Примеры грабежей повсюду. Солнце —
Первейший вор, и океан безбрежный
Обкрадывает силой притяженья.
Луна — нахалка и воровка тоже:
Свой бледный свет крадет она у солнца.
И океан ворует: растворяя
Луну в потоке слез своих соленых,
Он жидкостью питается ее.
Земля — такой же вор: она родит
И кормит тем навозом, что крадет
Из испражнений скотских и людских.
Все в мире — вор! Закон — узда и бич
Для вам подобных — грабит без опаски
В циническом могуществе своем.
Прочь! Грабьте же друг друга, ненавидьте
Самих себя. Вот золото еще:
Берите, режьте глотки без разбору.
Все воры, с кем бы вы ни повстречались.
Скорей в Афины! Взламывайте лавки;
Вы грабите грабителей. Смотрите
Не станьте только меньше воровать

Из-за того, что золото вам дал я.
Пусть вас оно в конце концов погубит.
Аминь!

(Уходит в пещеру.)

Третий разбойник

Он чуть не убедил меня бросить мое ремесло, хоть и уговаривал заниматься им.

Первый разбойник

Да ведь эти советы он давал нам из ненависти к человечеству.
А до наших тайных занятий ему дела нет.

Второй разбойник

Я поверю ему, как врачу, и брошу свое ремесло.

Первый разбойник

Давайте прежде дождемся мира в Афинах. Человек может стать честным в любое, самое скверное время.

Уходят.

Входит Флавий.

Флавий

О боги! Неужели этот жалкий,
Несчастный человек — хозяин мой?
Как низко пал он! Памятник чудесный
Прекрасных дел, поставленный так дурно!
Как изменила страшная нужда
Его когда-то благородный облик!
О, кто гнуснее может быть, чем тот,
Кто друга в бездну горя низведет?
Так диво ль, что врага мы предпочтем
Друзьям, коль верить им нельзя ни в чем?
Но мне, открытый недоброжелатель
Достойнее, чем лживый прихлебатель.
Меня заметил он... Всю скорбь сейчас
Я изолью ему. Он господин мой,
И я хочу служить ему, как прежде.

Тимон выходит из пещеры.

Мой дорогой хозяин!

Тимон

Прочь! Ты кто?

Ф л а в и й

Как! Вы меня забыли?

Т и м о н

Для чего

Такой вопрос? Я всех людей забыл,
Ты человек,— так и тебя забыл я.

Ф л а в и й

Я бедный, честный ваш слуга.

Т и м о н

Ну, значит,

Ты мне неведом... Честных я не знаю.
Вокруг меня все были негодяи,
Служившие мерзавцам за столом.

Ф л а в и й

О, видят боги, ни один служитель
Так не скорбел о доле господина,
Как я скорблю.

Т и м о н

Что вижу я? Ты плачешь?

Тогда приблизься. Ты мне полюбился
За то, что стал ты женщиной, нарушив
Обычай мужчин с железным сердцем,
Что плачут лишь от похоти и смеха:
В них жадость спит... Перевернулся свет!
От смеха плачем мы, от горя — нет.

Ф л а в и й

Признайте же меня, мой господин!
Поверьте скорби искренней! Позвольте,
Слугой у вас останусь я, покамест
Не исчерпаю скудных средств своих.

Т и м о н

Как! У меня такой служитель был?
Участливый, честнейший, верный?.. Тронул
Ты душу одичавшую мою.
Дай поглядеть в твое лицо. Бесспорно,
Он женщиной рожден! — Простите мне
Поспешность, боги мудрые, с которой

Я осудил весь мир без исключения!
Есть честный человек, я признаю,
Но лишь один — не ошибитесь, боги,—
Единственный! И тот — всего слуга.—
О, как хотел я всех возненавидеть!
Но ты, ты выкупил себя. Пусть так.
Кроме тебя, я проклинаю всех!
Однако ты не столь умен, как честен:
Предав меня, ты мог бы вмиг найти
Другую службу; часто ведь въезжают
В дома вторых господ на шее первых.
Скажи по правде — ибо сомневаться
Я должен и тогда, когда все ясно,—
Что кроется под верностью твоей?
Не алчность? Не корысть? Не лихоимство?
Не схоже ль это с даром богача,
Который, принося подарок, хочет
Взамен раз в двадцать больше получить?

Ф л а в и й

Нет, дорогой хозяин! Слишком поздно
Проникли в ваше сердце подозренья.
Ах, если бы они явились прежде,
В дни пиршеств! Но пришли они, увы,
Тогда, когда уж обнищали вы.
Нет, мне велит так совесть поступить,
Привязанность к вам, долг мой и любовь
К душе добрейшей, несравненной вашей.
Мне хочется заботиться о вас,
О вашей пище, о жилье... Поверьте,
Высокочтимейший мой господин,
Всю выгоду, которая меня
Ждала бы в будущем иль настоящим,
Я променял бы с радостью на то,
Чтоб к вам вернулись слава и богатство,
Вот лучшая награда мне была бы.

Т и м о н

Так и случилось! Честный человек,
Единственный на свете, вот, возьми!
От нищеты моей послали боги
Сокровище тебе. Иди, будь счастлив.
Тебе я ставлю лишь одно условие:
Прочь от людей! Всех в мире ненавижь,
Всех проклинай! Забудь о состраданье,

И, прежде чем ты нищему подашь,
Пусть мясо у него сойдет с костей
От голода; бросай собакам то,
В чем ты откажешь человеку. Пусть
Людей поглотят тюрьмы! Пусть долги
Их превратят в ничто, смешают с грязью!
О род людской, стань лесом иссушенным!
Пускай недуги людям смерть несут
И кровь их вместе с ложью иссосут!
Прощай, желаю счастья.

Ф л а в и й

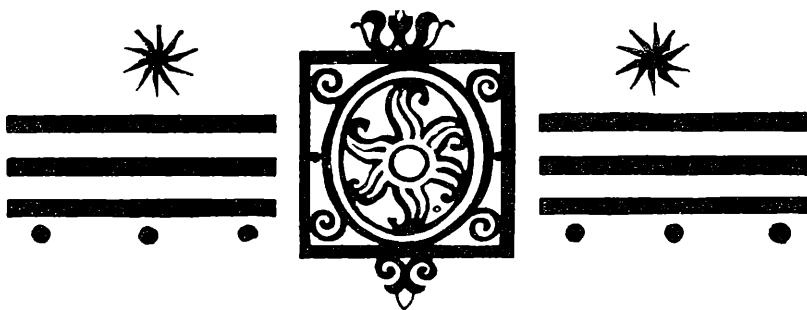
О, позвольте
Остаться здесь и утешать вас!

Т и м о н

Если
Проклятья ты не любишь, удались.
Дай бог, чтоб ты избавлен был судьбой
От встреч с людьми, а я — от встреч с тобой!

Уходят в разные стороны,





А К Т V

С Ц Е Н А 1

Лес. Перед пещерой Тимона.

Входят поэт и живописец. Тимон наблюдает за ними из пещеры.

Ж и в о п и с е ц

Судя по описанию, жилище его должно быть где-то поблизости.

П о э т

Не знаю, чему и верить. Правду ли говорят, что у него так много золота?

Ж и в о п и с е ц

Несомненно. Алкивиад рассказывает об этом; Фрина и Тимандра получили от него золото, а кроме того, он обогатил бедных бездомных солдат. Говорят, что он дал крупную сумму своему управителю.

П о э т

Значит, его разорение было придумано, чтобы испытать друзей?

Ж и в о п и с е ц

И ни для чего другого. Вот увидите, он снова появится в Афинах и расцветет, подобно пальме. А посему недурно уверить его

в нашей любви, невзирая на его мнимое несчастье. Этим мы докажем свою честность, и, весьма возможно, старания наши будут вознаграждены, если слухи о его богатстве справедливы.

П о р т

Что вы собираетесь преподнести ему?

Ж и в о п и с е ц

На этот раз ничего, кроме моего посещения. Я лишь пообещаю ему великолепную картину.

П о р т

Я поступлю так же; скажу, что собираюсь написать о нем поэму.

Ж и в о п и с е ц

Лучше не придумаешь! Обещания как раз в духе нашего времени. Они открывают глаза ожиданию. А вот выполнять их уже скучнее, и, надо сказать, никто этим не занимается, за исключением людей простых и ограниченных. Давать обещания — занятие приятное и модное; выполнять обещания — все равно что составлять духовную: это говорит о тяжелом заболевании составителя.

Тимон выходит из пещеры.

Т и м о н

(в сторону)

Превосходный живописец! Тебе не нарисовать человека гнуснее, чем ты сам.

П о р т

Сейчас придумаю, что бы такое пообещать ему. Поэма должна олицетворять его самого и быть сатирой на мягкость людей состоятельных; должна обличать льстецов, следующих по пятам молодости и богатства.

Т и м о н

(в сторону)

Ты хочешь предстать негодяем в своем собственном произведении? Хочешь бичевать в других свои собственные пороки? Хорошо, поступай так! У меня есть золото для тебя.

П о р т

Нет, поскорей пойдем искать его.
Ведь упустив из рук своих барыш,
Ты своему карману сам вредишь.

Ж и в о п и с е ц

Да, верно.

Ищи того, что ты желаешь, днем,
При свете, а не в сумраке ночном.
Пошли.

Т и м о н

(в сторону)

Ну, погодите, я сейчас вас встречу!
О золото, какой ты бог могучий,
Коль даже в этом храме, что грязнее
Свиного хлева, молятся тебе!
Да, это ты морскую пену пашешь,
Ведешь суда, почтение внушаешь
К рабам презренным. Будь и дальше чтимо,
И пусть поглотит самый злой недуг
Твоих ретивых и покорных слуг.
Я встречу их!

(Выступает вперед.)

П о р т

Достойнейший Тимон,
Недавний щедрый покровитель наш,
Приветствуем тебя.

Т и м о н

Возможно ль? Дожил
Я до того, что двух увидел честных?

П о р т

Вы столько делали добра нам, сударь!
Узнали мы, что вы ушли от света,
Предательски покинутый друзьями.
О люди, вы — сама неблагодарность!
Презренные натуры! Нет для вас
Достаточно суровой, тяжелой кары!
Как! Вас покинуть, вас, чье благородство,
Сияющее, как звезда, давало
Им все — и положение и жизнь!
Я возмущен, я не могу найти
Слова, в которые облечь возможно
Чудовищный объем измены этой.

Т и м о н

Не облакай, пускай пагою ходит;
Тем лучше люди разглядят ее.

Раз вы честны, такими и останьтесь,
Натуры прочих ярче оттенив.

Ж и в о п и с е ц

Он, как и я, мы шли дорогой жизни
Под благостным дождем твоих даров,
И создавали это.

Т и м о н

Да, честны вы!

П о э т

Пришли мы предложить свои услуги...

Т и м о н

Честнейшие создания! Но как
Воздать мне вам? Едите вы коренья
И пьете ледяную воду? Нет.

О б а

Для вас готовы мы на что угодно.

Т и м о н

Вы, честные, прослышали, конечно,
Что у меня есть золото, не так ли?
Скажите правду, искренние люди!

П о э т

Есть слух такой, мой добрый покровитель,
Но я и друг мой не затем пришли.

Т и м о н

Какие честные, прямые души!

(Живописцу.)

А ты, наверно, лучше всех в Афинах
Обман рисуешь. Право, лучше всех.
Обман тебе дается.

Ж и в о п и с е ц

Я стараюсь.

Т и м о н

Вот-вот, и я об этом говорю.

(Поэту.)

А что до выдумок твоих, поэт,

Изяществом и пежностью набиты
Твои стихотворенья. Ты, пожалуй,
Еще естественней в своем искусстве.
Но, честные друзья, сказать вам должен,
Что есть один порок у вас,— конечно,
Не столь уж он чудовищен, чтоб вы
Трудились исправляться.

О б а

А какой?

Скажите нам!

Т и м о н

Обидитесь, пожалуй.

О б а

Нет, будем благодарны...

Т и м о н

В самом деле?

О б а

Не сомневайтесь, сударь!

Т и м о н

Дело в том,

Что верите мошенникам вы оба,
Которые вас страшно надувают.

О б а

Ужели, сударь?

Т и м о н

Да, их ложь и фальшь
Вы слышите, и видите притворство,
И в грязные делишки их проникли,
Но все-таки они любимы вами;
Вы кормите их, преданы вы им,
Хотя, поверьте, это негодян.

Ж и в о п и с е ц

Таких не знаю я...

П о э т

И я не знаю...

Т и м о н

Послушайте, я очень вас люблю
И золота вам дам, избавьтесь только
От этих подлецов. Повесьте их,
Зарежьте, утопите их в капаве,
Иль как-нибудь ипаче изведите,
Потом ко мне явитесь. Я вам дам
Немало золота!

О б а

Но кто они?

Скажите имя.

Т и м о н

Если разойдетесь

Вы в разные концы, то все равно
Любой из вас останется вдвоем;
И стой отдельно каждый друг от друга,
Архиподлец с ним целое составит.

(Живописцу.)

Ты хочешь, чтобы там, где ты стоишь,
Двух негодяев не было, тогда
К нему не приближайся.

(Поэту.)

Хочешь ты,

Чтоб там, где ты находишься, стоял
Один мерзавец,— так покинь его!
Прочь! Сгиньте!

(Бьет их.)

Вот вам золото, мерзавцы!

За ним пришли вы? Для меня трудились?
Что ж, получайте плату! Ты — алхимик,
Так из побоев золото добудь.
Собаки подлые, злодеи! Вон!

(Прогоняет их и уходит в пещеру.)

Входят Ф л а в и й и два сенатора.

Ф л а в и й

Поверьте, говорить с ним безнадежно;
Так занят он собою, что ему
Противны все другие.

Первый сенатор

Проводи нас
В его пещеру, там уж будет видно.
Афинянам мы дали обещанье
Поговорить с ним.

Второй сенатор

Не всегда бывают
В одном и том же настроенье люди.
Его согнули горести и время;
Но то же время, щедро наградив
Его богатством, может все загладить.
Веди нас. Там посмотрим.

Флавий

Вот пещера,
Да будут в ней покой и мир.— Тимон!
Тимон! Поговори с друзьями. Выйди!
Виднейшие сенаторы Афин
Явились от лица своих сограждан
Приветствовать тебя. Поговори
С вельможами, достойнейший Тимон!

Тимон выходит из пещеры.

Тимон

Испепели их, нежащее солнце!
(Сенаторам.)

Ну, говорите, чтоб вам провалиться!
Пускай нарыв у вас на языке
За слово правды вскочит, а за ложь
Пусть целиком язык сгниет, и вы,
Беседуя, проглотите его.

Первый сенатор

Тимон достойный...

Тимон

...Лишь таких, как вы,
Равно как и Тимона, вы достойны.

Второй сенатор

Тебе, Тимон, сенаторы Афин
Шлют свой привет.

Т и м о н

Я их благодарю.
Послал бы я чуму им в дар, когда бы
Сумел поймать ее для них.

Первый сенатор

Забудь

То, в чем мы сами каемся теперь.
Сенаторы, явив единодушно
Свою любовь к тебе, покорно просят
В Афины возвратиться снова. Ждут
Высокие посты тебя и слава,
Не премини воспользоваться ими.

Второй сенатор

Признали мы, что ошибались грубо,
Забыв твои заслуги, и сенат,
Меняющий свои решения редко,
Но осознав, в конце концов, что значит
Твое отсутствие в Афинах, понял,
Что, в помощи Тимону отказав,
Обрек себя он этим на паденье.
Сенат послал нас объявить тебе
О горестном раскаянье своем
И ценную награду предложить,
Которая с избытком возместит
Все прежние тяжелые обиды.
Да, ждут тебя такие груды денег,
Такой почет, что вычеркнут они
Обиды из души твоей и впишут
В нее слова любви, чтоб вечно ты
Читал их.

Т и м о н

Вы меня очаровали!
Я изумлен до слез! Что ж, если вы
Одолжите мне сердце дурака
И женские глаза, так я поплачу
От ваших слов, достойные вельможи.

Первый сенатор

Будь милостив и с нами возвратись
В Афины — нашу и твою отчизну,
И стань правителем. Ты будешь встречен

Всеобщей радостью и облечен
Неограниченной и полной властью.
Вновь имя доброе твое начнет
Звучать в устах, как только мы дадим
Отпор свирепому Алкивиаду,
Который, вопреку дикому подобно,
С корнями злобно вырывает мир
В своей отчизне.

Второй сенатор

И афинским стенам
Своим мечом ужасным угрожает.

Первый сенатор

Поэтому, Тимон...

Тимон

Что ж, я готов...

И поступлю поэтому я так:
Коль он начнет крошить моих сограждан,
От имени Тимона передайте,
Что дела нет до этого Тимону!
А если он прекрасные Афины
Опустошит, почтенных наших старцев
За бороды таскать начнет, отдаст
Священных наших дев на поруганье
Войне безумной, зверской и жестокой,—
От имени Тимона передайте,
Что я, скорбя о старых и о юных,
Сказать ему могу лишь только то,
Что дела нет до этого Тимону.
Пусть дальше зло творит! Об их пожарах
Заботиться не стоит вам, покуда
У вас хватает глоток для расправы.
Что до меня, то ножичек карманный
Во вражьем стане выше я ценю,
Чем самое почтеннейшее горло
Афинское. Вверяю вас защите
Богов благоволящих, точно так же
Как вверил бы тюремщику воров.

Флавий

Вы убедились сами,— все напрасно.
Ступайте же.

Т и м о п

Перед приходом вашим
Надгробную писал себе я надпись,
Ее увидят завтра. Наступает
Конец моим страданиям земным,
В богатстве и здоровье состоявшим.
Ничтожество сулит мне все на свете.
Ступайте! Попытайтесь жить. Пускай
Алкивиад чумою станет вам,
А вы — ему. Удастся жить — живите!

Первый сенатор

Слова напрасно тратим мы.

Т и м о н

Но все же
Свою страну люблю я и не рад
Всеобщему крушению, как об этом
Трубит молва.

Первый сенатор

Вот это речь другая.

Т и м о н

Привет моим любезным землякам!

Первый сенатор

Твои уста слова такие красят.

Второй сенатор

И в уши наши входят, как в ворота
Прославленный вошел бы триумфатор.

Т и м о н

Поклон мой всем. Скажите им, что я,
Желая их освободить от горя,
От боли, страха пред врагом, потерь,
От мук любви и прочих бед случайных,
Каким подвержен хрупкий челн природы
На трудном жизненном пути,— решил
Им добрую услугу оказать.
Я научу, как надо отвратить
Алкивиада яростную злобу.

Второй сенатор

Мне это нравится. Он к нам вернется.

Т и м о н

Есть дерево вблизи моей пещеры,
Его срубить я собираюсь вскоре,
Так передайте же моим друзьям,
Афинянам всех званий и сословий:
Кто ищет избавленья от страданий,
Пусть поспешит сюда, пока топор мой
Не уничтожил дерево, и пусть
Повесится на нем! Привет им всем!

Ф л а в и й

Не беспокойте же Тимона. Он
Останется таким же, как и был.

Т и м о н

Не приходите больше, но скажите
Афинянам, что вечное жилище
Воздвиг себе Тимон на берегу,
Который каждый день прилив соленый,
Шумя и пенясь, кроет. Приходите
Туда, и пусть надгробный камень мой
Послужит прорицаньем вам.— Уста,
Излив всю горечь, смолкните навек.
Пускай чума исправит зло! Пусть люди
При жизни создают одни гробы
И смерти, как награды лучшей, ждут.
Затмись, о солнце, больше не свети,
Конец приходит моему пути.

(Уходит в пещеру.)

П е р в ы й с е н а т о р

Обида в нем срослась неотделимо
С душой.

В т о р о й с е н а т о р

Надежды наши на него
Все рухнули. Вернемся и посмотрим,
Какие меры могут нашу гибель
Предотвратить.

П е р в ы й с е н а т о р

Да, медлить нам нельзя.
Уходят.

СЦЕНА 2

У стен Афин.

Входят два сенатора и гонец.

Первый сенатор

Тяжелое открытье! В самом деле
Так многочисленны его войска,
Как ты сказал?

Гонец

И даже больше. Если
Судить по быстроте передвиженья,
Они здесь будут очень скоро.

Второй сенатор

Гибель
Грозит нам, если не вернут Тимона.

Гонец

Я встретил их гонца — он старый друг мой.
Хоть мы и во враждебных лагерях,
Но все ж приязнь осилила вражду,
И мы разговорились с ним. Его
Послал Алкивиад с письмом к Тимоцу,
Проя Тимона присоединиться
К походу на Афины, потому что
Тимон его причиной был отчасти.

Входят сенаторы, ходившие к Тимоцу.

Первый сенатор

Вот и собратья наши.

Третий сенатор

О Тимоне

И речи быть не может; все пропало!
Уж слышен барабанный бой врага.
От страшного движенья вражьих войск
Пыль в воздухе столбом стоит. Скорей!
Пора отпор готовить им! Пойдем.
Враг победит, боюсь, и мы падем.

Уходит.

СЦЕНА 3

Лес. Пещера Тимона. Неподалеку виднеется надгробный камнь.

Входит воин, разыскивающий Тимона.

В о и н

По описанию судя, это здесь.—

Эй, кто там? Отзовись! Эй! — Нет ответа.

Да что это? Тимон скончался? Верно,

Зверь растерзал его — людей тут нет.

Конечно, мертв он — вот его могила.

Есть надпись, да читать я не умею.

Не снять ли оттиск воском? Наш начальник

Все письма умеет разбирать,

Он опытен, хоть и не стар годами.

Наверно, осадил уж он Афины,

И цель его — их превратить в руины.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Перед стенами Афин.

Трубы.

Входит Алкивиад с войском.

А л к и в и а д

Трубите грозный наш приход Афинам,

Трусливым и развратным!

В Афинах трубят к переговорам. На стены всходят сенаторы.

До сих пор

Вы правили и произвол творили,

Мерилом справедливости считая

Лишь вашу волю. До сих пор и я

И те, кто спал под сенью вашей власти,

Скитались, руки опустив, и тщетно

Скорбь изливали. Но пришла пора —

Проснулась сокрушающая сила

В просителе и вырвалась наружу,

Крича: «Довольно!» Наступило время

Покорному страданию усесться

И отдыхать в удобных ваших креслах,

А наглости с набитым кошельком

Бежать и от испуга задохнуться.

Первый сенатор

О молодой достойный вождь, когда
Ты месть еще лелеял только в мыслях
И силы не имел, а мы — причип
Тебя бояться, — мы к тебе являлись
Пролить бальзам на бешенство твое,
Стремясь неблагодарность нашу сгладить
Почтением, ее превосходящим.

Второй сенатор

И мы старались также, как могли,
С Афинами Тимона примирить,
Послав к нему просителей покорных
И обещанья щедрые давая.
Не все неблагодарны мы, не все
Заслуживаем грозного удара.

Первый сенатор

Не те, кто эти стены воздвигал,
Тебе обиду в прошлом нанесли,
Да и не так уж велика она,
Чтоб эти стены, башни, школы пали.

Второй сенатор

Виновников изгнания твоего
Уж нет в живых! Позор поступка их
Разбил им сердце. Славный вождь, войди
Под сенью реющих знамен в наш город
И каждого десятого казни,
Коль месть твоя настолько жаждет пищи,
Которою гнушается природа.
Десятой долей удовлетворишь:
Того, кто вынет меченую кость,
Вели казнить.

Первый сенатор

Ты оскорблен не всеми.
Невинный за виновных не ответчик.
Ты должен знать, что не передаются
Проступки, словно земли, по наследству.
Итак, наш соотечественник славный,
Введи войска в наш город, но оставь
За стенами его свой лютый гнев.
Щади Афины — колыбель свою,

И тех людей, кого погубишь ты
С твоими оскорбителями вместе!
К своим стадам, как пастырь, подойди
И отбери животных зараженных,
Но всех не убивай.

Второй сенатор

Того, что хочешь,
Скорей достигнуть можешь ты улыбкой,
Чем прорубая путь мечом.

Первый сенатор

Ворот

Погой коснешься ты, и пред тобою
Они откроются, когда вперед
Пошлешь ты сердце доброе сказать,
Что входишь к нам как друг.

Второй сенатор

Брось нам перчатку

Или любую вещь в залог того,
Что ты использовать оружие хочешь
Затем лишь, чтобы получить возмездье,
А не губить нас. Пусть твои войска
Войдут к нам и стоят у нас, покуда
Мы всех твоих желаний не исполним.

Алкивиад

Да будет так! Вот вам моя перчатка.
Берите. Вниз спуститесь и откройте
Незащищенные ворота ваши.
Из всех врагов Тимона и моих
Падут лишь те, которых сами вы
Прикажете подвергнуть наказанию,—
И более никто. Чтоб вас вполне
В моих благих намереньях уверить,
Я объявляю: ни один солдат
Покинуть своего поста не смеет
Или нарушить жизни ход в Афинах;
Клянусь вам, что послушник будет призван
К строжайшему ответу по закону.

Оба сенатора

Какие благородные слова!

А л к и в н а д

Спускайтесь и сдержите обещанье.

Входит вои н.

В о и н

Начальник храбрый мой! Тимон скончался,
На берегу морском он похоронен.
Пусть эта надпись на его надгробье
И этот мягкий слепок восковой
Ответят за невежество мое.

А л к и в н а д

(*читает*)

«Здесь жалкое тело лежит, разлученное с жалкой душою,
Не все ли равно, кем я был. Порази всех вас, небо, чумою!
Себя схоронил здесь Тимон, несправедливый мир и людей,
Пройдя, прокляните его и ступайте дорогой своей».

Мне ясно, что ты чувствовал пред смертью.
Хоть ты на скорбь людей смотрел с презреньем,
Пренебрегал потоком наших мыслей
И каплями скучными слез людских,
Но мощный ум твой подсказал тебе,
Как вынудить Нептуна самого
Неутомимо на твоей могиле
Оплакивать прощенные проступки.
Ты умер, благороднейший Тимон,
И мы тебя еще не раз помянем.
Ведите же меня в родной ваш город,
И я соединю свой меч с оловой.
Пусть война рождает мир, а мир,
Войну смирив, отныне будет свят.
Мир и война друг друга исцелят.
Бей, барабан!

Уходят.





ПЕРИКЛ

Перевод
Т. ГНЕДИЧ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аптиох, царь Антиохийский.

Перикл, царь Тирский.

Геликан }
Эскан } тирские вельможи.

Симонид, царь Пентаполисский.

Клеон, правитель Тарса.

Лизимах, правитель Митилены.

Церимон, эфесский вельможа.

Тальярд, антиохийский вельможа.

Филемон, слуга Перикла.

Леонин, слуга Диониссы.

Маршал.

Сводник.

Засов, его слуга.

Дочь Антиоха.

Дионисса, жена Клеона.

Таиса, дочь Симонида.

Марина, дочь Перикла и Тансы.

Лихорида, кормилица Марины.

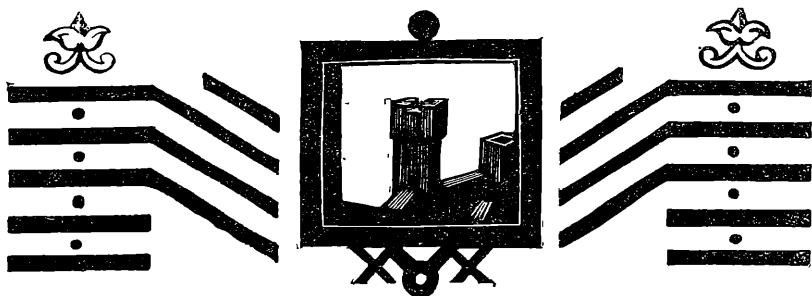
Сводня.

Дпапа }
Гауэр } в качестве хора.

Вельможи, рыцари, придворные,
матросы, пираты, рыбаки и гошцы.

Место действия — разные страны.





А К Т I

Перед дворцом Антиоха.
Входит Гауэр.

Гауэр

Из праха старый Гауэр сам,
Плоть обрета, явился к вам.
Он песню древности споет
И вас, наверно, развлечет.
Не раз и в пост, и в мясоед,
Под шум пиров или бесед
Та песня для вельмож и дам
Была приятна, как бальзам,
И озаряла их, как Гелиос,
*Et bonum quo antiquius, eo melius*¹.
Но если вам, чей ум живей,
Я, старец, песенкой своей
Могу понравиться сейчас —
Мне лестно позабавить вас.
Приятно жить мне, если вам
Я, как свеча, свой свет отдам.
Итак, теперь смотрите сами:
Антиохия перед вами.
Построил много лет назад
Царь Антиох сей пышный град,

¹ И благо чем старес, тем лучше. (Лат.)

Почти восьмое чудо света —
От древних я узнал про это.
Его супруга умерла,
Оставив дочь, а дочь была
Наделена красой небесной,
Столь небывалой и прелестной,
Что царь-отец, греховный пыл
К ней ощутив, се склонил
На мерзкий грех кровосмешенья —
Погибель ей, отцу — презренье.
Свое дитя он вверг в разврат,
Позором грех такой клеймят.
Но грех царя забыли скоро.
И нет на нем клейма позора.
А внешность грешницы молодой
Неотразимой красотой
Отличных женихов немало
В Антиохию привлекала,
Желающих с нею в брак вступить
И ложе неги разделить.
Отец их запугать желал
И вот какой закон издал:
«Коль хочешь царским зятем стать,
Сумей загадку разгадать,
Не сможешь — к смерти будь готов!»
Погибло много женихов,
Принцессе предлагавших руку, —
Могилы их тому порукой.
Что дальше — будет видно вам:
Я все, что знаю, передам!
(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

Антиолия. Зал во дворце.

Входят Антиох, Перикл и свита.

А н т и о х

Итак, ты знаешь, юный Тирский царь,
Опасности, грозящие тебе.

П е р и к л

Да, Антиох. Но окрыляет душу
Мне дивная награда, и при мысли
О той награде — смерти не боюсь.

А н т и о х

Пусть дочь моя войдет в одеждах брачных,
Как если бы Юпитера объятьям
Она предназначалась. Ведь природа
Без ведома Луцины, ей на радость,
Взвела на небеса конклав планет,
Чтоб каждая высоким совершенством,
Ей свойственным, принцессу паградила.

Музыка.

Входит дочь Антиоха.

П е р и к л

Она идет! Прекрасна, как весна!
Все Грации покорны ей. Она
Все совершенства как бы совместила.
В ее лице, как в книге песнопений,
Читаю я одни восторги счастья.
Ни злой досаде, ни унылой скорби
Подругою она не может быть.—
О боги, сотворили вы меня
Мужчиной, наслаждающимся страстью,
Воспламенили вы в груди моей
Желание вкусить небесный плод
Иль умереть — так будьте ж мне защитой!
Я сын ваш, я ваш раб! О, помогите
И мне познать бессмертное блаженство!

А н т и о х

Перикл!

П е р и к л

Который зятем Антиоха
Великого хотел бы стать.

А н т и о х

Ты видишь

Плоды златые сада Гесперид.
Остерегайся их: драконы смерти
Не позволяют прикоснуться к ним.
Ее лица небесное сиянье
Тебя влечет, но нужно заслужить
Победою божественное право,
Иначе ты умрешь. Немало славных
Искателей, бесстрашных, как и ты,

Свидетельствуют бледными устами
И навсегда умолкшим языком
О том, как, прославляя Купидона,
Они погибли, мученики страсти.
Одно лишь небо покрывает их.
Ужасен вид их мертвых тел немых,
Они совет дают: дерзать напрасно;
Тенета смерти крепки и ужасны!

П е р и к л

Спасибо, Антиох. Ты мне напомнил
О том, что смертен я, что тело это —
Такое же, как и тела погибших,—
Я должен приготовить ко всему,
Что мне грозит. Да, помню я и знаю:
Законы смерти поучают нас
Не верить жизни слабому дыханью.
Пора подумать о последней воле.
Я, как больной, еще люблюсь жизнью,
Но к радостям земным уж не тянусь.
Я завещаю вам: живите мирно,
Как всем хорошим людям подобает
И всем владыкам! Все, чем я богат,
Как прах земной, пускай во прах вернется.

(Дочери Антиоха.)

Но пламя чистое моей любви —
Тебе одной! Отныне я готов.
Иду навстречу жизни или смерти
И смело жду судьбы своей решенья.

А н т и о х

Ты пренебрег моим советом. Что ж!
Загадку разгадай или умри,
Как те, что прежде разгадать пытались.

Д о ч ь А н т и о х а

Из всех моих искателей — тебе,
Лишь одному тебе желаю счастья!
Лишь одному тебе хочу удачи!

П е р и к л

Как смелый воин, принимаю вызов
И призываю в помощь только смелость
И верную любовь мою.

(Читает загадку.)

Реши загадку: «Я не змея,
Но плотью родившей питаюсь я.
Ту нежность супруга, что женам мила,
В отцовском сердце я обрела.
Он сын, отец и супруг мой тоже,
Я — мать, и жена, и дитя его все же.
Как может чудо такое случиться —
Реши, если с жизнью не хочешь проститься».

(В сторону.)

Так вот оно, мое лекарство злое!
Скажите мне, неведомые силы,
Усеявшие небо сонмом звезд,
Глядящих вниз на все дела людские, —
Как не затмятся звезды, если правда
То, что сейчас, бледнея, разгадал я?
(Берет дочь Антиоха за руку и говорит ей.)

Сосуд прекрасный! Я тебя любил,
Не зная, сколько мерзости вместил
Твой совершенный образ; но теперь
От слепоты я излечен, поверь.
Мужчины званья недостойн тот,
Кого постыдный грех к тебе влечет.
Ты скрипка. Если б струн твоих касался
Тот, кто с тобой законно сочетался,
Внимало б небо музыке твоей
Божественной. Но ежели злодей
До времени расстроил их звучанье,
Пусть пляшет мерзкий ад под их бренчанье,
А ты мне не нужна!

А н т и о х

Не прикасайся к ней, Перикл. Закон
Карае смертью за такую смелость.
Реши загадку: истекает срок;
Готовься грозный приговор услышать.

П е р и к л

Великий царь!
Не любят люди слушать о грехах,
Хотя грешат охотно. Не хочу я
Открыто мысли высказать мои.
Имея книгу всех деяний царских,
Надежнее держать ее закрытой.
Молва о мерзостях подобна ветру,

В глаза людей бросающему пыль,
Что причиняет боль и раздраженье
Зажмурь глаза — не испытаешь боли,
Промчится ветер — ты открой глаза.
Ведь крот слепой, спасаясь от людей.
Поработивших землю, насыпает
Холмы и этим выдаст себя.
Цари — как боги. Прихоть их — закон.
Кто скажет Зевсу, что преступен он?
Ты понял, что сказал я. Полагаю,
Разумнее не знать того, что знаю.
Я головою дорожу. Прости:
Молчит язык мой, чтоб ее спасти.

А н т и о х
(в сторону)

Я доберусь до этой головы!
О небо! Понял он и догадался.
Но с ним я буду ласковым пока.
(Громко.)

О, юный Тирский царь, ты понял ложно
Загадку и по нашему условию,
Ты должен бы закончить дни свои.
Но, чтя в тебе цветущий юный отпрыск
Прекраснейшего царственного древа,
Отсрочку в сорок дней тебе даю,
Чтоб ты загадку эту разгадал
И, к радости моей, мне зятем стал.
Пока гости у нас. Ты будешь принят,
Как подобает моему величию
И царственному сану твоему.

Все, кроме Перикла, уходят.

П е р и к л

Приветливостью этой ты скрываешь
Свой низкий грех. Она, как лицемер,
Приятна и красива только с виду.
Но, может быть, я все-таки ошибся,
И нет притворства в ласковости этой,
И низостью твой дух не осквернен?
Но кто же ты, как не отец и сын,
Когда объятья нежного супруга
Ты открываешь дочери своей?
И разве мать свою не пожирает

Та, что роднейшей ложе оскверняет?
Цветами вы питаетесь, как змеи,
Лишь яд смертельный источать умея.
Да, Антиох! Подобные тебе
Своих деяний черных не страшатся,
Но показать их свету не решатся!
Убийство и разврат — одно с другим
Так неразлучны, как огонь и дым.
Любой порок от срама защитят
Его рабы — предательство и яд.
Чтоб ты на жизнь мою не покусился,
Я от опасности бежать решился.

(Уходит.)

Входит Антиох.

Антиох

Он догадался, и решил я твердо
Его убить.
Нельзя, чтоб разглашал он обо мне,
Великом Антиохе, всенародно,
Что впал я в мерзкий грех.
Он должен умереть. Я так желаю:
Я этим честь свою оберегаю.—
Эй, кто-нибудь сюда!

Входит Тальярд.

Тальярд

Ты звал, о царь?

Антиох

Тальярд, слуга мой добрый! Я решился
Доверить дело трудное тебе.
За преданность получишь повышение.
Тальярд, смотри: вот золото, вот — яд.
Царь Тирский враг мне. Ты его убьешь.
За что — тебе не должно рассуждать.
Таков приказ мой. Исполни скорей!

Тальярд

Я все исполню, государь!

Антиох

Довольно!

Входит гонец.

Пу, отдышись и объясни причину
Поспешности твоей.

Г о н е ц

Мой государь!

Царь Тирский скрылся.

А н т и о х

Что же ты стоишь?

Коль хочешь жить — лети за ним стрелою,
Которую пустил стрелок искусный.

Рази его без промаха. Не смей

Мне на глаза являться без известья,

Что умер царь Перикл.

Т а л ь я р д

Мой государь,

Уж я-то уложу его, поверь мне.

Вот только бы стрелой его достать.

Спешу, мой государь.

А н т и о х

Прощай, Тальярд.

Т а л ь я р д уходит.

Пока Перикл не умер, в страхе я,
В смятенье разум и душа моя.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Тир. Зал во дворце.

Входит П е р и к л.

П е р и к л

(вельможам, находящимся за сценой)

Зачем вы беспокоите меня?

Зачем плывут неукротимо мысли

И меланхолия с потухшим взором

Меня, как гость докучный, посещает?

Ни ясный день, ни ласковая ночь,

Могила всех печалей, не дает

Успокоенья мне. Утехы жизни

Не радуют меня. Пускай опасность,

Которой я страшился, далека,
Здесь Антиох меня сразить не может,—
Но эта мысль меня не утешает,
И радости ни в чем не вижу я.
Когда в груди из ложных опасений
Рождаются причудливые страсти,
Наш страх пред тем, что лишь могло свершиться,
Становится причудливей от мысли,
Что страшное еще не совершилось.
Так и со мною: Антиох силен;
Я мал и с ним не в силах состязаться.
Все, что замыслил, он осуществит.
Но он меня боится, мне не веря,
И, как бы я ни чтил его, меня
Подозревает, что его бесчещу.
Трепещет он огласки. Непременно
Захочет он опасность устранить.
Его войска займут мою страну;
Война охватит всех великим страхом;
Смятение отвагу умертвит;
И будем сразу мы побеждены,
Еще не оказав сопротивленья,
Наказаны, не совершив проступка.
Скорблю не о себе — я только крона
Большого дерева; мне подобает
И ствол его и корни защищать.
Об участи народа моего
Душой и телом я грущу, тоскуя,
И, не казненный, сам себя казню я.

Входят Геликан и другие вельможи.

Первый вельможа

Да осенит тебя покой душевный!

Второй вельможа

И сохрани его до той поры,
Пока не возвратишься!

Геликан

Тише, тише!

Прислушаемся к голосу рассудка.
Все льстящие царю ему вредят.
Ведь лести, подобная мехам кузнечным,
Простую искру маленькой заслуги
Раздуть способна в пышущее пламя.

Меж тем почтительное осужденье
Царям полезней, ибо ошибаться
Способны и они, как всякий смертный. —
Кто говорит о радостном покое,
Тот, лстя тебе, клеветет на тебя.
Я все сказал. Колени преклоняю:
Прощенья иль удара ожидаю.

П е р и к л

Оставьте нас. Пойдите посмотрите,
Какие в гавани суда грузятся,
И донесите мне.

В е л ь м о ж и уходят.

Ты, Геликан,
Меня смучил. Что ты во мне заметил?

Г е л и к а н

Угрюмый гнев, великий государь.

П е р и к л

Но ты ведь знаешь: царский гнев опасен.
Как смел язык твой вызвать этот гнев?

Г е л и к а н

Как смеют взор свой поднимать растенья
К дающим жизнь и пищу небесам?

П е р и к л

Ты знаешь ли, что я имею власть
Тебя убить?

Г е л и к а н

(опускаясь на колени)

Топор гочил я сам —
Ты только поразил меня.

П е р и к л

Вставай!

Прошу тебя, садись. Да, ты не льстец.
Спасибо. Царь не должен закрывать
Ушей, свое услышав осужденье.
Лишь тот советник верный и слуга,
Чья мудрость подчиняет властелина.
Ну, что ж мне делать? Говори!

Геликан

Покорно

Спасить беду, когда в ней сам виновен.

Перикл

Ты, Геликан, как настоящий лекарь,
Мне снадобье такое предлагаешь,
Какое сам принять бы побоялся.
Так слушай же: я был у Антиоха
И там, перед лицом жестокой смерти,
Красавицу хотел завоевать,
Которая дала бы мне потомство —
Мне в помощь, подданным моим на радость.
Ее лицо мне показалось чудом,
Но грязь ее души открылась мне
Ужасная. Отец ее преступный
Меня не покарал, а обласкал.
Тиран всего страшней, то каждый знает,
Когда врагов притворно лобызаег.
Мой страх был так велик, что я сюда
Бежал под кровом благосклонной ночи,
Меня оберегавшей. Лишь теперь
Я понял, что грозило и грозит мне.
Тирана страх всегда обуревает;
С течением лет он только нарастает,
Не может не страшиться Антиох,
Что я кому-либо открою все же,
Как много славных юношей погибло,
Не разгадав позорной тайны. Он
Не побоится и войну затеять,
Провозгласив, что я же виноват.
В отмищенье этой якобы вины
Не пощадит невинных меч войны;
А я люблю всех подданных моих,
И в том числе тебя, который ныне
Меня корит.

Геликан

Увы, мой государь!

Перикл

Да, скорбь моя, прогнав с лица румянца,
И сон прогнала мой. Толпа сомнений
Меня терзает. Как предотвратить

Грозю, пока она не разразилась?
Я, видя, что народ не защищу,
Как добрый царь, и день и ночь грущу.

Г е л и к а н

Что ж, государь! Поскольку ты позволил
Мне говорить — скажу. Боишься ты
Тирана Антиоха. Он, конечно,
Открытою войной иль вероломством
Тебя уже задумал извести.
А посему разумно, государь,
Тебе отправиться в другие страны.
Пока не стихнет злоба Антиоха
Иль волей Парки не прервется нить
Его преступной жизни. Власть свою
Вручи хотя бы мне на время это:
С тобою связан я, как день со светом.

П е р и к л

Я в верности твоей не сомневаюсь,
Но, если вторгнутся его войска
В пределы наши, что ты будешь делать?

Г е л и к а н

Тогда земля, что всем нам дорога,
Вливает нашу кровь и кровь врага.

П е р и к л

Так. Решено. Прощай же, Тир! Я в Таре
Отправляюсь. Посылай туда известья,
Чтоб знал я все о подданных моих.
Тебе о них вседневную заботу
Вверяю. Мудрости твоей посиленно
Такое бремя. Клятвы не прошу:
Я знаю, тот, кто слово нарушает,
И клятвою легко пренебрегает.
Мы оба соблюдаем долг и честь,
Мы остаемся тем же, что мы есть:
Ты — подданным пример и украшеньё,
Я — царь, тебе доверивший правленье.

Уходят.

СЦЕНА 3

Тир. Передняя дворца.

Входит Т а л ь я р д.

Т а л ь я р д

Так это, значит, Тир, а это — дворец. И здесь именно я должен убить царя Перикла; а если я его не убью, то меня повесят, как только я вернусь на родину. Опасное дело. Да, как поразмыслишь, разумный человек был тот, кто на вопрос, чего бы он хотел от царя, ответил, что не хотел бы знать ни одной из царских тайн. Теперь я вижу, что это просьба весьма разумная. Ведь ежели царь прикажет человеку быть негодяем, то человек этот обязан в силу присяги быть негодяем. Тсе! Сюда идут тирские вельможи!

Входят Геликан, Эскап и другие вельможи.

Г е л и к а н

Друзья! Расспрашивать меня не пужно
О том, куда правитель удалился.
Он мне доверил власть — гласит приказ —
И ныне путешествовать изволит.

Т а л ь я р д
(в сторону)

Как! Царь уехал?

Г е л и к а н

Если вы хотите
Узнать — зачем, ни с кем не попрощавшись,
Он нас покинул, я вам намекну:
Царь Антиох...

Т а л ь я р д
(в сторону)

Что? Что про Антиоха?

Г е л и к а н

...По никому неведомым причинам
Разгневался на нашего царя.
И царь наш, проявить пред ним желая
Раскаянье в невольной сей вине,
Решил пуститься в море, где пучина
Ему всечасно смертью угрожает.

Т а л ь я р д
(в сторону)

Выходит, что теперь меня не повесят, даже если я буду об этом ходатайствовать!

Наш царь, наверно, будет очень рад,
Что он в такое плаванье пустился:
На суше не погиб — погибнет в море.
К ним подойду.

(Громко).

Привет вельможам Тира!

Г е л и к а н

Привет антиохийскому вельможе,
Посланцу Антиоха.

Т а л ь я р д

Я с письмом
К царю Периклу; но, как мне известно,
Уехал он неведомо куда.
Я полагаю, что письмо вернуться
Должно к тому, кто написал его.

Г е л и к а н

Нам это обсуждать не подобает:
Письмо не к нам, а к нашему царю.
Ты пред отъездом посети наш пир:
С Антиохией не враждует Тир.
Уходят.

С Ц Е Н А 4

Тарс. Зал в доме правителя.

Входят Клеон, Дионисса и другие.

К л е о н

Здесь, друг мой Дионисса, отдохнем,
И пусть рассказы о чужих печалях
Научат нас забыть свою печаль.

Д и о н и с с а

Мы только раздуваем пламя скорби,
Когда его пытаемся задуть!

Напрасно землекопы холм срывают:
Они такой же рядом насыпают.
Мой друг! Напоминает наша скорбь
Кустарник. Садовод, его стригущий.
Способствует тому, чтоб стал он гуще.

К л е о н

О Дионисса!
Голодный неспособен скрыть свой голод;
Кто хочет пищи, тот ее попросит.
Да, очи плачут, языки вопят
Без передышки, но они хотят,
Чтоб вопли скорби громче становились,
Чтоб разбудили дремлющее небо,
Способное страдающим помочь.
О бедствиях, перенесенных нами,
Я расскажу словами, ты — слезами!

Д и о н и с с а

Все, что могу, я выражу.

К л е о н

Внемлите!

Наш Тарс, которым правлю я сейчас,
Когда-то был прославлен изобильем,
По улицам его текло богатство,
И башни, гордо головы вздымая,
Как будто целовали облака.
Всему у нас дивились иноземцы.
Друг перед другом пышностью нарядов
Хвастливо щеголяли горожане;
На пиршествах столы от яств ломились,
И меньше гости ели, чем дивились,
О бедности народ уже не знал
И слово «помощь» низким почитал.

Д и о н и с с а

Увы, все это истина!

К л е о н

Гляди же,
Как небо покарало нас теперь!
Вот эти рты, которым было мало
Всей роскоши земного изобилья,
Которых щедро и вода и воздух
Богатыми дарами ублажали,

Теперь, как позабытые дома,
Потрескались от злого запустенья.
Вот эти рты, что тешили себя
Изысканными яствами недавно,
Теперь бывают рады корке хлеба.
Вот эти матери, детей любимых
Привыкшие закармливать сластями,
Теперь готовы съесть своих малюгов:
Так остры зубы голода! Супруги
Бросают жребий, кто продлит другому
Существование, погибнув первым.
Как нищие, рыдают богачи,
Все мечутся в отчаянье. И, видя,
Как падают от голода другие,
Не в силах мы ни руку им подать,
Ни, даже мертвых, их земле предать.

Дионисса

Запавшие глаза и щеки наши
О бедствии свидетельствуют этом.

Клеон

Пускай же города, что пьют беспечно
Из чаши изобилья золотой,
Услышат вопль измученного Тарса!
Их может ждать такая же судьба.

Входит вельможа.

Вельможа

Где наш правитель?

Клеон

Он перед тобой.
Ну, говори. с каким же новым горем
Ко мне пришел ты? Я не ожидаю
Вестей оградных.

Вельможа

Флот замечен в море,
Идущий прямо к нашим берегам.

Клеон

Меня уже ничто не удивит.
Ведь каждое несчастье порождает

Несчастье новое. Понятно мне:
Какая-то соседняя держава,
Воспользовавшись бедствиями Тарса,
На кораблях везет свои войска,
Рассчитывая нас, уже разбитых,
Разбить и затоптать и надо мной,
И без того несчастным, одержать
Бесславную, дешевую победу.

В е л ь м о ж а

Нет, государь, нам нечего бояться:
Под белым флагом эти корабли
Несут нам мир, а может быть, и помощь.

К л е о н

Ужели ты не знаешь до сих пор —
Чем лучше внешность, тем обман коварней?
Но, что бы ни несли они сейчас,
Что испугает полумертвых нас?
Что худшее нам может угрожать?
Вели ж их предводителю сказать:
Я жду его. Пусть он объявит мне,
Кто он, откуда и чего он хочет.

В е л ь м о ж а

Иду, мой государь!
(Уходит.)

К л е о н

Коль друг он — помощь нам его любезна.
Коль враг — сопротивляться бесполезно.

Входит Перикл со свитой.

П е р и к л

Правитель! Пусть ни наши корабли,
Ни войско наше взор твой не смущают
Слепящим светом, как маяк полночный.
О бедствиях народа твоего
Узнали в Тире мы, и вот пред нами
Безлюдье этих мертвых, страшных улиц.
Явились мы не с тем, чтобы умножить
Страдания ваши, но чтоб это бремя
Тяжелых испытаний облегчить.
Не думайте, что эти корабли —

Троянский конь, набитый до отказа
Безжалостными слугами войны.
Они везут зерно — залог спасенья,
От голода и смерти избавленье.

В с е

Пусть боги Греции тебя хранят!
Мы за тебя молиться будем!

(Падают на колени.)

П е р и к л

Встаньте!

Не почестей мы ищем, а любви
И в гавани надежного укрытья.

К л е о н

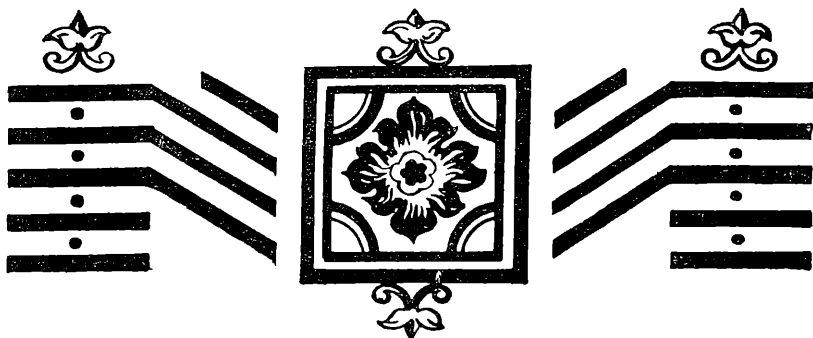
Тех, кто откажет вам в гостеприимстве
И вам неблагодарностью оплатит —
Будь это наши дети или жены, —
Да покарает небо, да постигнет
Всеобщее проклятье! Но надеюсь,
Что среди нас не сыщется таких,
И от лица народа моего
Добро пожаловать вам говорю я!

П е р и к л

Спасибо. Погостить нам здесь придется,
Пока судьба нам вновь не улыбнется.

Уходят.





А К Т II

Входит Гауэр.

Гауэр

Могучий царь пред вами был:
Дитя свое он совратил.
Но лучший царь явился вам:
Хвала Перикловым делам.
Не беспокойтесь: будет он
От всех превратностей спасен.
За лепту малую сто крат
Его потом вознаградят.
Отменно речь его умна:
Клянусь — прельщает всех она.
И в Тарсе, где герой живет,
Такой от всех ему почет,
Что статую его отлили
И в честь героя водрузили.
Но снова бедствия грозят:
Смотрите, что они сулят.

Пантомима.

В одну дверь входят, беседуя, Перикл и Клеон, и с ними вся их свита; в другую — дворянин с письмом к Периклу. Перикл подает письмо Клеону, награждает посланца и посвящает его в рыцари. Затем Перикл уходит в одну сторону, а Клеон — в другую.

Не трутнем Геликан живет,
Чужих трудов вкушая мед.

Он хочет зло искоренить,
Добро сберечь и сохранить.
Царя желанье выполняя,
Ему он пишет, сообщая
О жизни в Тарсе. Пишет он,
Как, в злое дело вовлечен,
Тальярд убить царя стремится.
Из Тарса лучше удалиться.
И вот плывет Перикл опять:
Но можно ль морю доверять?
Вновь буря, гром над головой,
Внизу — пучины жадный вой.
Корабль сейчас ко дну пойдет;
Царя такая ж участь ждет:
Совсем один остался он,
Богатства, слуг, друзей лишен.
И море, словно дикий зверь,
Над ним натешится теперь.
Но вот устала наконец
Судьба от ярости. Храбрец
На сушу выброшен. И вот
Перикл по берегу идет.
Что будет дальше — поглядите,
Меня ж за болтовню простите.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

Пентаполис. Открытый берег моря.
Входит П е р и к л, весь промокший.

П е р и к л

О звезды гневные! Уймите ярость!
Дождь, ветер, гром! Пред вами только смертный,
Который вам подвластен. Мне велит
Природа уступить и поклониться.
Безжалостно меня швыряло море
На берега скалистые, но я
Остался жив. О, где же смерть моя?
Ужели вашей грозной, злобной силе
Нужны несчастья бедного царя?
Ах, из могилы, из морской пучины
Извергнутый, я жажду лишь кончины.

Входяг т р и р ы б а к а.

Первый рыбак

Ну, что ты стал, дуралей?

Второй рыбак

Иди-ка, тащи сети!

Первый рыбак

Ты что, оборванец, не слышишь?

Третий рыбак

Что ты говоришь, хозяин?

Первый рыбак

Пошевеливайся-пошевеливайся, а то будет тебе.

Третий рыбак

Ей-богу, хозяин, я никак не могу забыть тех бедняг, которых смыло только что волной.

Первый рыбак

Уж точно, бедняги! У меня у самого защемило сердце от их жалобных криков, когда они, утопая, молили о спасении. А нам впору было самих себя спасать.

Третий рыбак

А ведь, помнишь, хозяин, что я сказал, когда мы увидели дельфина? Здорово он прыгал и кувыркался. Я слышал, будто дельфины на вкус напоминают и рыбу и мясо. Пропasti на них нет, проклятых! Каждый раз, когда вижу дельфина, боюсь, что меня волной смоеет в море. Дивлюсь я, хозяин, как это рыбы живут в море!

Первый рыбак

Да живут они точно так же, как и люди на суше: большие поедают маленьких. Посмотри, например, на богатого скрягу: чем не кит? Играет, кувыркается, гонит мелкую рыбешку, а потом откроет пасть и всех их, бедненьких, одним глотком и сожрет. Да и на суше немало таких китов: откроет пасть и целый приход слопает, да и церковь с колокольной в придачу...

Перикл
(в сторону)

Послушаешь — есть чему поучиться.

Третий рыбак

А все-таки, хозяин, будь я звонарем, я бы не прочь оказаться на колокольне как раз в тот день, когда кит ее слопает.

Второй рыбак

Это почему же?

Третий рыбак

А потому, что тогда киту пришлось бы и меня проглотить, а уж я, только оказавшись в его брюхе, поднял бы такой трезвон, что не дал бы киту и минуты покоя, пока он не отрыгнул бы и колокола, и колокольню, и церковь, и весь приход. Эх, кабы добрый наш царь Симонид со мной согласился...

Перикл
(в сторону)

Симонид?

Третий рыбак

Мы очистили бы страну от трутней, крадущих мед у трудолюбивых пчел.

Перикл
(в сторону)

О рыбах рассуждая, люди эти
О человеческих пороках судят.
В подводном царстве, как и на земле,
Есть представленье о добре и зле.
(Громко.)

Мир труженикам, честным рыбакам!

Второй рыбак

Честным? Эх, приятель, что проку в том, чтобы быть честным? Коли найдешь в календаре удачный денек — забирай его скорее, чтобы никто другой не стащил.

Перикл

Вы видите: море выбросило меня на ваш берег.

Второй рыбак

Ну, это уж оно, наверно, с пьяных глаз подкинуло тебя нам!

Перикл

Я был игрушкой ветров и валов.
Меня, как мяч, швыряло на просторе.
Теперь у вас я жалости прошу,
Я, отроду подачек не просивший.

Первый рыбак

Это жаль, приятель, что ты не умеешь просить. Здесь у нас в Греции есть такие, которые, попрошайничая, зарабатывают больше, чем мы, работая.

Второй рыбак

Ну, а рыбу-то ты ловить умеешь?

Перикл

Ни разу не пробовал.

Второй рыбак

Так ты с голоду пропадешь, право! В наши дни кто не умсет рыбу ловить — хоть в мутной воде, — обязательно пропадет.

Перикл

Чем был я прежде, я про то забыл,
А чем я стал — я только ощущаю:
Я человек, продрогший до костей.
Кровь так застыла в жилах у меня,
Что мой язык уже почти не в силах
О помощи просить. И если вы
Откажете — безропотно умру.
Но тело мертвое не оскорбляйте
И по обычаю земле предайте!

Первый рыбак

Да зачем же тебе умирать? Боги не допустят этого. Возьми-ка мой плащ, завернись в него и согрейся. Полно! Ободришься! Ты малый хоть куда. Пойдешь с нами, будем жить-поживать, по праздникам у нас будет мясо, а в постные дни — рыбка, а то и пироги да вафли. Идем! Мы все тебе будем рады!

Перикл

Благодарю тебя за эту милость.

Первый рыбак

А как же ты сказал, друг любезный, что не умеешь просить милостыню?

Перикл

Я только умолял.

Второй рыбак

Только умолял! Это ловко! Надо будет и мне поучиться только умолять; тогда, пожалуй, и от плетей увернешься.

Перикл

Как, неужели здесь всех нищих наказывают плетьюми?

Второй рыбак

Не всех, приятель, далеко не всех. Кабы у нас всех нищих стегали плетьюми, так должность палача была бы выгодной! Я бы не прочь был променять свою работу на работу палача.— Ну, я пойду. Пора вытаскивать сети! (*Уходит с третьим рыбаком.*)

Перикл

Да, труд их прост, веселость непритворна.

Первый рыбак

Послушай-ка, друг, знаешь ли ты, где ты находишься?

Перикл

Не совсем.

Первый рыбак

Ну, так я тебе расскажу: страна эта называется Пентаполис, а царя нашего зовут Добрым Симонидом.

Перикл

Царя зовете Добрым Симонидом?

Первый рыбак

Да, и он заслужил мирным и мудрым правлением того, чтобы его так называли.

Перикл

Да, он счастливый царь. Отрадно заслужить у людей прозвище Добрый. А далеко ли его дворец от берега?

Первый рыбак

Да, пожалуй, подния пути. И еще я тебе скажу: у него есть дочь раскрасавица. И завтра день ее рождения. И со всех концов света понаехали разные князья да рыцари сражаться на турнире, чтобы добиться ее любви.

Перикл

Будь мои возможности в соответствии с моими желаниями, я был бы не прочь оказаться среди состязающихся.

Первый рыбак

Эх, господин хороший! На том и мир стоит, что человеку не запрещено добиваться того, чего он не имеет.

Входят второй и третий рыбаки, волоча сети.

Второй рыбак

Подсоби, хозяин, подсоби! Рыба запуталась в сетях, как бедняк в наших законах: ей уже не выпутаться. Уж мы тащили, тащили! И, черт возьми, когда вытащили, оказалось, что это не рыба, а старые ржавые доспехи.

Перикл

Доспехи! Дайте я на них взгляну,
Друзья мои! — Хвала тебе. Фортуна!
От всех моих жестоких испытаний
Позволила ты мне передохнуть. —
Доспехи эти мне принадлежали,
Их мне отец покойный завещал,
Сказав: «Доспехи эти, мой Перикл,
Меня всегда от смерти ограждали.
Храни же их и ты: они спасут
Тебя от бед, от коих, я надеюсь,
Тебя и боги наши защитят!»
И бережно хранил я дар отцовский,
Но злое море отняло его
В неистовстве своем и вдруг вернуло!
О небо, небо! Я теперь спасен:
Отцовский дар мне морем возвращен.

Первый рыбак

Что это ты замышляешь?

Перикл

Друзья! Отдайте мне доспехи эти,
Когда-то защищавшие царя!
Я их узнал. Тот царь меня любил.
Я чту его, и я его доспехи
Хочу надеть. Друзья мои, прошу вас
Мне указать дорогу во дворец.
Как дворянин пред вашим государем
Предстану я и попытаю счастья.
Пока я ваш должник, но, может быть,
Еще смогу вам щедро заплатить.

Первый рыбак

Ты что же, никак, хочешь принять участие в туршире?

Перикл

Я только покажу свое умение.

Первый рыбак

Что ж, бери их, эти доспехи, и да пошлют тебе боги удачу.

Второй рыбак

Э, пет! Подожди, приятель. Ведь из воды-то тебе вытащили это одеяние мы, и тащить было трудненько: даже сети порвались. Надеюсь, если тебе повезет, ты нас не забудешь.

Перикл

Поверьте мне, я не забуду вас!
Вы помогли мне получить доспехи.
А вот, смотрите, на руке моей
Запястье драгоценное осталось.
Не удалось прожорливому морю
Его сорвать. За эту драгоценность
Добуду я огличного коня,
Чья царственная поступь очарует
Всех зрителей. Но должен я добыть
Ему еще и поножи вдобавок.

Второй рыбак.

Ну, это мы тебе досганем: можешь сделать их из моего лучшего плаща. А во дворец я проведу тебя сам.

Перикл

Иду! Я должен одержать победу,
Иль новые меня постигнут беды.
Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Дорога, ведущая к ристалищу. В стороне шагера для царя, принцессы и вельможи.

Входят Симонид, Таиса, вельможи и свита.

Симонид

Готовы ль рыцари начать турнир?

Первый вельможа

Да, государь, они давно готовы
Предстать перед тобою.

С и м о н и д

Возвести,

Что я и дочь моя готовы тоже.
Ведь это праздник в честь ее рожденья.
Ее природа сотворила так,
Что красоте ее дивится всяк.

О д и н в е л ь м о ж а у х о д и т.

Т а и с а

Отец мой благородный и любимый,
Не по заслугам я тобой хвалима!

С и м о н и д

Так нужно, дочь моя. Ведь мы, цари,
Сотворены по образу богов.
Как драгоценности от небреженья,
Цари теряют от неуваженья
Свой гордый блеск. Теперь, о дочь моя,
Твой долг почетный, полагаю я,
Мне рыцарей девизы объяснить
И каждого достойно оценить.

Т а и с а

Клянусь богами, это я исполню.

Входит рыцарь; он проходит по сцене, а его оруженосец
подносит принцессе щит.

С и м о н и д

Кто этот рыцарь, что выходит первым?

Т а и с а

Из Спарты родом он, отец мой славный;
И на щите его изображен
Простерший руки к небу эфиоп.
Его девиз: *Lux tua vita mihi*¹.

С и м о н и д

Коль для него ты жизнь, тебя он любит.

Проходит второй рыцарь.

А кто вторым явился перед нами?

¹ Твой свет — моя жизнь. (Лат.)

Т а и с а

Он македонец, царственный отец мой,
И на щите его изображен
Отважный рыцарь, дамой побежденный.
Его девиз испанский: *Riú per dulçura* que per
fuença ¹.

Проходит третий рыцарь.

С и м о н и д

А третий кто?

Т а и с а

Антиохийский рыцарь.
Венок лавровый на его щите,
Девиз: *Me rompraе proвexit apex* ².

Проходит четвертый рыцарь.

С и м о н и д

А кто четвертый?

Т а и с а

На его щите
Горящий факел, обращенный книзу.
Его девиз: *Quod me alit, me extinguit* ³.

С и м о н и д

Что означает: красота сильна;
И озаряет и разит она.

Проходит пятый рыцарь.

Т а и с а

А на щите у пятого — рука,
Окутанная облаком; на камень
Она для пробы золото кладет.
Девиз героя: *Sic spectando fides* ⁴.

Проходит шестой рыцарь — Перикл.

¹ Нежностью больше, чем силой. (*Исп.*, но слово *riú* — *играл*.)

² Меня увлекла жажда славы. (*Лат.*)

³ Что меня питает, то и гасит. (*Лат.*) Симонид дальше даст очень вольный перевод.

⁴ Так познается верность. (*Лат.*)

С и м о н и д

А что изображает этот символ,
Который рыцарь без оруженосца
С такой отменной легкостью несет?

Т а и с а

По виду он как будто чужеземец.
Его эмблема — высохшая ветка
С зеленою верхушкой, а девиз —
In hac spe vivo ¹.

С и м о н и д

Славные слова!

Он в бедственном, должно быть, положении,
Но уповает на свою судьбу
В твоём лице.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Но вид его едва ли
Ему на пользу: ржавые доспехи!
Убожество какое! Он, наверно,
Кнутом владеет лучше, чем копьем!

В т о р о й в е л ь м о ж а

Он, вероятно, вправду иноземец:
Уж в очень странном виде он явился
На пышный праздник наш.

Т р е т ь и й в е л ь м о ж а

Своим доспехам

Нарочно дал он заржаветь: уж тут
Землей и пылью ржавчину сотрут.

С и м о н и д

Суждения глупей не может быть.
По внешности о существе судить!
Пора уж: рыцари готовы к бою;
Войдем на галлерею.

Уходят.

За сценой шум и возгласы: «Бедный рыцарь!»

¹ В этой надежде я живу. (Лат.)

СЦЕНА 3

Пентаполис. Парадный зал во дворце. Накрытый стол. Входят
Симонид, Таиса, вельможи, рыцари и свита.

Симонид

Всем рыцарям привет!
Слова: «Добро пожаловать» — излишни,
Излишни и высокие слова
О вашей доблести: я мог бы их
На книге ваших доблестей поставить.
Но не того вы ждете от меня.
Пусть будет пир наш весел! Для веселья
Вы, госгн знатные, здесь собрались.

Таиса

(Периклу)

Но ты мой гость и рыцарь, и дарю я
Тебе венок в счастливый этот день,
Тебя его героем называя!

Перикл

Победою обязан я судьбе.
Моей заслуги в этом нет, принцесса!

Симонид

Ты победил, и день сегодня твой.
Никго тебе завидовать не будет.
Искусству служишь ты — соревнованье
Искусства поощряет процветанье.
Так будь же горд победой. Дочь моя —
Царица пира: пусть она укажет
Места гостям, как разум ей подскажет.

Рыцари

Почетно нам вниманье Симонида.

Симонид

Я всем вам рад. Отвагу чту я сам:
Кто разучился чтить, тот враг богам!

Маршал

Вот место для тебя!

Перикл

Да для меня ли?

Первый рыцарь

Не надо спорить. Все мы польщены,
И в нашем сердце нет и не бывало
К великим зависти, презренья — к малым!

Перикл

Я это чувствую.

Симонид

Садись, садись!

Перикл

(в сторону)

Клянусь Юпитером, владыкой мыслей,
Мне пир не в пир — все думаю о ней.

Тайса

(в сторону)

Клянусь Юноною, богиней брака,
Мне никакие яства не нужны;
Все не по вкусу мне, лишь он по вкусу.
Я чувствую — он смел и благороден.

Симонид

(в сторону)

Едва ли знатен он! Ничем особо
Не отличился он перед другими,
Но похвалу достойно заслужил.

Тайса

(в сторону)

Все — как простые стекла. Он — алмаз!

Перикл

(в сторону)

Мне этот царь отца напоминает:
Вот так же тот был славен и на троне
Сидел, как солнце, а вокруг, как звезды, —
Цари другие. Все они согласно,
Как меньшие покорные светила,

Почтительно тускнели перед ним.
А сын его, как светлячок унылый,
С ним состязаться не имеет силы.
Да, злое время над людьми царит:
Оно творит, оно и пожирает
И всех своим причудам подчиняет.

С и м о н и д

Надеюсь, всем вам весело, друзья?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Не может быть иначе, государь.

С и м о н и д

Вот до краев я кубок наполняю
И за здоровье ваше пью вино,
Как вы порою пьете за любимых.

Р ы ц а р и

Спасибо, государь!

С и м о н и д

Но посмотрите,
Как этот рыцарь грустен и задумчив.
Сдается мне, что наш роскошный пир
Ему не по нутру и не по нраву.—
Не правда ли, Таиса?

Т а и с а

Что мне в том,

Отец мой?

С и м о н и д

Нет, запомни, дочь моя:
Цари, как боги, осыпают щедро
Дарами тех, кто воздает им честь.—
Иначе царь похож на комара:
Пока живет — жужжит неутомленно,
А умер — не осталось и следа.
Поди развесели его, Таиса,
Скажи ему, что за него я пью.

Т а и с а

Увы, отец, не подобает мне
Такая смелость с этим чужеземцем.

Приветливость мою он не поймет
И, может быть, бесстыдством назовст.

С и м о н и д

Не возражай и не гневи меня.

Т а и с а
(в сторону)

Как рада я исполнить приказанье!

С и м о н и д

Скажи ему, что я желаю знать,
Кто он таков и как его зовут.

Т а и с а
(Периклу)

Отец мой за твое здоровье пьет!

П е р и к л

И я благодарю его за это.

Т а и с а

Желает он, чтоб жизнь твоя была
Полна, как этот кубок.

П е р и к л

И за это
Благодарю и пью его здоровье.

Т а и с а

А он еще тебя спросить желает,
Кто ты таков и как тебя зовут.

П е р и к л

Из Тира я. Зовут меня Периклом.
Военное и прочие искусства
Я изучил и в дальний путь пустился,
Ища везде чудесных приключений.
Но злое море корабли мои
Похитило, друзей меня лишило
И выбросило на пустынный берег.

Т а и с а

Отец мой! Он тебя благодарит.
Из Тира он. Зовут его Периклом.

Он кораблекрушение потерпел
И выброшен один на этот берег.

С и м о н и д

Клянусь богами, мне прискорбно это,
Но я его от грусти излечу.—
Друзья, напрасно время мы теряем;
Увеселений много впереди!
Неплохо, если воины в доспехах
Затеют танец. Пусть не говорят,
Что девы бранной музыки не любят,
Что лязг оружия докучает им.
Ведь рыцарь, коль мужчина он на деле,
Приятен и в доспехах и в постели.

Рыцари танцуют.

Отличный танец. Значит, просьба кстати
Смотри, мой друг, красавица скучает.
Слышал я, будто рыцари из Тира
И до упаду танцевать умеют,
И в плавных танцах тоже мастера.

П е р и к л

В искусстве этом нужно упражняться.

С и м о н и д

Ну полно, и тебе присущи, друг,
Все эти качества!

Рыцари и дамы танцуют.

Наш бал окончен!

Спасибо всем: все танцевали славно!

(Периклу)

Ты лучше всех. Теперь пускай пажы,
Взяв факелы, гостей проводят в спальни.
Твоя с моею рядом.

П е р и к л

Я твой слуга, во всем тебе покорный.

С и м о н и д

Однако поздно, гости дорогие,
Отложим разговоры о любви.
Идите-ка спокойно отдыхайте,
А завтра вновь за счастье в бой вступайте.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Тир. Зал в доме правителя.
Входят Геликан и Эскан.

Геликан

Узнай, Эскан: царь Антиох преступен;
Он грех кровосмешенья совершил,
И потому-то праведные боги
Уже не в силах были отворотить
Давно ему назначенную кару.
И вот, когда он с дочерью своей,
Сияя славой, гордостью и счастьем,
В роскошной колеснице проезжал,
Огонь небесный поразил обоих,
Тела их изуродовав ужасно,
И сразу смрад пошел от них такой,
Что те, кто им при жизни поклонялись,
Теперь земле предать их погнушались.

Эскан

Как странно!

Геликан

Да, но так оно и было.
Величье Антиоха не спасло
От кары за содеянное зло.

Эскан

Да, это так.

Входят несколько вельмож.

Первый вельможа
(тихо)

Смотрите: одному ему он верит
И только с ним одним и говорит.

Второй вельможа
(тихо)

Довольно мы терпели это молча!

Третий вельможа
(тихо)

Проклятье тем, кто не поддержит нас!

Первый вельможа
(тихо)

Идите все за мной!

(Громко.)

Позволь, правитель...

Геликан

Ко мне? Добро пожаловать. Привет.

Первый вельможа

Знай, бурная река обиды нашей
Из берегов уже готова выйти.

Геликан

Обиды? На кого? Ужели вы
Царю любимому вредить хотите?

Первый вельможа

Ты сам, наш благородный Геликан,
Себе вредить не должен. Если жив
Наш царь Перикл, позволь его почтить.
Скажи: какую землю осычастливил
Он славным пребыванием своим?
Коль жив он — мы везде его разыщем;
Коль умер он — найдем его могилу.
Пусть, если жив он, сам он правит нами,
А если мертв — пускай позволит нам
Его оплакать и избрать другого.

Второй вельможа

Весьма возможно, что скончался он,
И наше государство без главы,
Как всякий дом без крыши, разрушенью
Подвержено. А потому тебя,
Разумный и рачительный правитель,
Мы просим: будь наш царь и повелитель.

Все

Да здравствует наш мудрый Геликан!

Геликан

Друзья, повременим во имя чести!
Любя царя Перикла, подождем!
Желанья ваши исполняя, в море

Пустился б я, себе и вам на горе.
Но пусть двенадцать месяцев пройдет,
И, если царь наш все же не вернется,
Я вами предлагаемое бремя
С терпением мудрой старости приму.
Но ныне вы, как подобает смелым
И благородным подданным, спешите
На поиски царя. Отважный дух
И смелость вы проявите при этом.
Найдя царя, его уговорите
Вернуться, и тогда в его короне
Вы, как алмазы, будете сиять.

Первый вельможа

Совету мудрости не уступают
Одни глупцы. Отправимся немедля,
Как Геликан достойный указал.

Геликан

Пожмем же руки все. Я убежден:
Где нет раздоров, там надежен троп.

Уходят.

СЦЕНА 5

Пентаполис. Зал во дворце.

Входит с одной стороны Симоид, читающий письмо, с другой,
навстречу ему,— рыцари.

Симоид

Вам, рыцари, от дочери моей
Известие: откладывает на год
Она свой брак.
Причину этого ее решения
Я даже сам никак узнать не мог.

Первый рыцарь

Нельзя ли нам хоть повидать принцессу?

Симоид

Увы, никак нельзя. Уединилась
Она от всех людей в своих покоях.
Двенадцать месяцев убор Дианы

Носить и соблюдать она поклялась
Пред ликом Цинтии девичьей честью.

Т р е т и й р ы ц а р ь

Как ни прискорбно нам, но удалимся.

Р ы ц а р и уходят.

С и м о н и д

Что ж!

Все разошлись. Прочтем письмо Таисы:

«Женой желаю чужеземцу быть,—
Таиса пишет,— или мне не жить!»

Что ж, дочь моя, твой выбор совпадает

С моим. Но все ж какое своеволие!

Ей все равно, согласен я иль нет!

Да, этот выбор мне вполне по сердцу.

Откладывать решение не хочу.—

Тсс! Он идет! Пусть он пока не знает!

Входит Перикл.

П е р и к л

Удачи и успеха, добрый царь!

С и м о н и д

Взаимное желанье, славный рыцарь.

Благодарю за музыку, которой

Ты развлекал нас ночью. Я давно

Уже не тешил слух мой столь прекрасной,

Столь сладостной гармонией.

П е р и к л

Меня

По доброте ты хвалишь, государь.

С и м о н и д

О нет, ты мастер в музыке отличный.

П е р и к л

Я — худший из ее учеников.

С и м о н и д

Позволь тебя спросить, какое мнение

Составил ты о дочери моей?

Перикл

Принцесса добродетелями блещет...

Симонид

Притом она собою хороша,
Не правда ли?

Перикл

Как летний день прекрасна.

Симонид

А знаешь ли, что дочери моей
Ты по сердцу пришелся, и желает
Она учиться у тебя. Смотри!
Наставником она тебя избрала.

Перикл

Увы, я этой чести недостойн.

Симонид

Она другого мнения. Вот, читай!

Перикл

(в сторону)

Да что же это? Судя по письму,
Принцесса любит рыцаря из Тира.
Нет, царь меня задумал погубить.

(Громко.)

О государь, я весь в твоих руках,
Я чужеземец, я злосчастный рыцарь.
Я никогда не мог и помышлять
О том, чтоб дочь твоя меня любила.
Я ей служить и чтить ее готов.

Симонид

Ты дочь мою приворожил, несчастный!
Ты негодай.

Перикл

О нет, клянусь богами,
Я помысла такого не имел
И вызывать, конечно, не дерзал бы
Ее любовь и гнев твой справедливый.

С и м о н и д

Ты лжешь, предатель!

П е р и к л

Кто предатель?

С и м о н и д

Ты!

П е р и к л

Я не предатель. Гнусной клеветы
От самого царя не потерплю я!

С и м о н и д

(в сторону)

Я смелой гордостью его люблюсь!

П е р и к л

Дела мои и мысли благородны,
Я низких побуждений не имею!
К тебе сюда пришел я с честным сердцем,
И честь мою никто не посрамит.
А кто меня бесчестным почитает,
Того мой меч в бесчестье уличает.

С и м о н и д

Ну что ж! Вот дочь моя. Пускай решает!

Входит Т а и с а.

П е р и к л

Скажи, о красота и добродетель,
Родителю разгневанному, точно ль
Сказать или написать тебе дерзнул я
Хотя бы слово о моей любви?

Т а и с а

Но я совсем тебя не упрекаю;
Приятна мне была бы речь такая.

С и м о н и д

Однако ты решительна, мой друг!

(В сторону.)

Ах, как я рад решительности этой.

(Громко.)

Тебя я укрошу и усмирю!
Как смела ты без моего согласия
Свою любовь и нежность подарить
Какому-то пришельцу?

(В сторону.)

Он, пожалуй,
По крови столь же знатен, как и я.

(Громко.)

Итак, принцесса, либо ты смиришься
Передо мной, а ты, бесстрашный рыцарь,
Мою признаешь волю, либо я
Вас повенчаю. Ну, подайте руки
Друг другу. Пусть уста скрепят союз.
И пусть взамен печали и тревоги
Лишь радости вам посылают боги.
Довольна ль ты?

Т а и с а

Да, если я любима.

П е р и к л

Любима больше жизни!

С и м о н и д

Хорошо.

Так вы согласны?

Т а и с а и П е р и к л

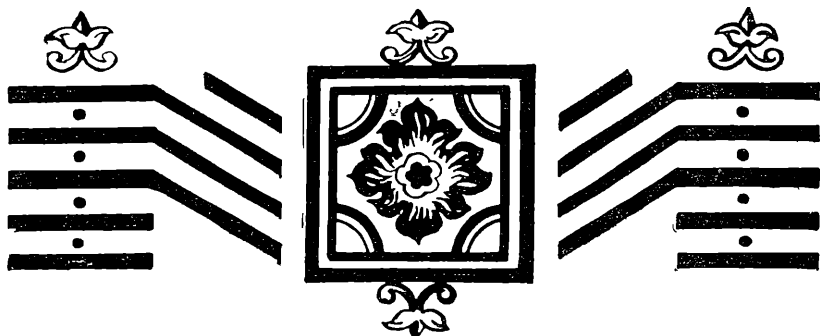
Если есть на это
Твое соизволение, государь.

С и м о н и д

Мое соизволение — вас поздравить.
Вас обвенчать и в спальню вас отправить!

Уходят.





А К Т III

Входит Гауэр.

Гауэр

Сонм пировавших сном объят:
Наелись гости и храпят;
Тем громче храп, чем крепче сон,—
Желудок их обременен.
Зеленоглазый хищный кот
У норки мышку стережет,
Сверчки за печкою поют:
Им хорошо, им сладко тут.
Возвел невесту Гименей
На ложе. С девственностью ей
Пришлось расстаться, и растет
Ее дитя — зачатый плод.
Все, что пришлось мне пропустить,
Я вас прошу вообразить.
Вот пантомима перед вами;
Я поясню ее словами.

Пантомима

Входят с одной стороны Перикл и Симонид со свитой. Навстречу им — гонец; он склоняет колени перед Периклом и подает ему письмо. Перикл показывает письмо Симониду. Вельможи преклоняют колени перед Периклом. Затем входит Таиса, беременная, и кормилица

Лихорида. Симонид показывает дочери письмо; она выражает радость. Таиса и Перикл прощаются с Симопидом и уходят с Лихоридой и свитой. Затем уходят Симонид и другие.

Великим рвением горя,
Перикла, своего царя,
По всем путям, во все концы
Искать отправились гонцы.
Иной — на быстром корабле,
Иной — пешком, иной — в седле.
Молва в Пентаполис ведет
Отважных путников. И вот
Теперь читает Симонид
Письмо, которое гласит,
Что Антиох-прелюбодей
С преступной дочерью своей
Погибли. Тирский же народ
Царя Перикла тщетно ждет.
И Геликану царский трон
Предложен; но не хочет он
Принять венец; народ в смятенье.
Но Геликан умов брожение
Весьма искусно усмирил.
Он всенародно объявил:
«Пускай двенадцать лун смеются;
Коль царь Перикл не возвратится,—
Он, Геликан, принять венец
Согласен будет наконец».
Когда про это все узнал
Пентаполис, возликовал
Его народ; рукоплеща,
Шумели граждане, крича:
«Ну кто бы мог предугадать,
Что Симонида славный зять
И сам окажется царем?»
Но вот покинуть царский дом
Спешит Перикл, а с ним жена,
Хоть и беременна она.
Как ей перечить в час такой?
Берет кормилицу с собой
Царица. Слезы расставанья
Не поддаются описанью,
А потому пропустим их.
Уже Нептун средь волн морских
Качает путников. Почти
Свершил корабль их полпути.

Но рок изменчив: норд завыл
И злую бурю породил.
Корабль, как утка, на волнах
Нырять. Всех объемлет страх.
Царица бедная кричала
Так, что рожать с испугу стала.
Рассказ не стану продолжать:
На сцене можно увидеть
Все, что последует. Итак,
Вообразить сумеет всяк,
Что это палуба, и вот
Перикл к богам взывать начнет.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

На палубе корабля в море.

Входит Перикл.

Перикл

О бог пучины! Обуздай же ад
Встающих к небу волн! Тебе подвластны
Все ветры. Ты, их вызвавший, свяжи
Их медью окрика! О, заглуши же
Неистовство громов и злую ярость
Могучих вспышек молний обуздай!
Где Лихорида? Что с моей царицей? —
О буря, да когда же ты утихнешь?
Все заглушаешь ты. Свистки матросов
Для уха смерти все равно что шепот.
О, помоги, пресветлая Луцина,
Божественная повитуха, где ты?
Ты, нежная и добрая ко всем,
В ночи вопящим, — посети, богиня,
Наш пляшущий корабль и злые муки
Жены моей, царицы, утоли.

Входит Лихорида с младенцем.

О боги! Молви слово, Лихорида!

Лихорида

Смотри! Созданье это слишком слабо,
Чтоб вынести такую злую бурю.
Но, будь оно разумнее, наверно,

Оно, как я, желало б только смерти.
Вот, государь, прими его: оно
Часть умершей жены твоей, царицы!

Перикл

Что, Лихорида, что сказала ты?

Лихорида

О, успокойся, государь! Не нужно
Усиливать жестокий ужас бури.
Вот маленькая дочь твоя: она
Живая часть жены твоей — царицы.
Мужайся ради этого младенца
И успокой себя!

Перикл

О боги, боги!
Зачем же нам дасте вы любить
То, что вы отнимете так скоро?
Мы, смертные, не так легко берем
Свои дары обратно: мы честнее!

Лихорида

О, успокойся, добрый государь,
Младенца ради.

Перикл

Да, я знаю, знаю,
Безоблачною будет жизнь твоя:
Какой ребенок бурно так рождался?
Приветливой и кроткой будешь ты:
Случалось ли, чтоб так встречали грубо
Ребенка царской крови? Будь счастливой,
Ты, на кого огонь, вода и воздух
Набросились, когда еще на свет
Едва ты появилась. В первый миг
Ты потеряла все — ничто не сможет
Тебе потерю эту возместить.—
Взгляните же, о боги, благосклонно
На этого младенца!

Входят два матроса.

Первый матрос

Не бойся, царь, храни тебя господь!

Перикл

Я бури не боюсь: опа не сможет
Мне большее несчастье причинить.
Но из любви к несчастному младенцу,
Который стал игрушкой волн морских,
Едва родился, я молю богов,
Чтоб эта буря стихла наконец.

Первый матрос

Отдай канаты. А пу-ка, живо! Ах, дуй тебя горой!

Второй матрос

Эх, будь бы мы в открытом море, было бы не так страшно! Вол-
пенья-то я не боюсь: пусть хоть до луны достает!

Первый матрос

Царь, надо бы тело царицы бросить за борт: смотри, как вое-
т ветер, как разъярилось море,— оно ведь не успокоится, пока мерт-
вое тело будет на корабле.

Перикл

Это суеверие!

Первый матрос

Ты на нас, царь, не сердись, но у нас в море такой обычай,
а обычаи мы привыкли строго соблюдать. Словом, поскорее отдай
нам тело царицы: его нужно бросить за борт.

Перикл

Ах, поступайте как знаете! Несчастливая моя царица!

Лихорида

Вот она, государь!

Перикл

Как ты терзалась на ужасном ложе
Без света, без огня! К тебе враждебны
Стихии оказались. Я не в силах
Тебя предать земле, как подобает.
Без отпеванья гроб твой опу-
щу я в пучину, и ни мраморной гробницы,
Ни трепетных лампад не будет там —
Лишь кит с разверстой пастью проплывет,
Когда вода сомкнется над тобою
И ляжешь ты, как раковина, скромно
На тихом дне морском. О Лихорида!

Вели, чтоб Нестор мне принес бумагу,
Чернила и ларец мой, где храню я
Сокровища; вели, чтобы Никандр
Принес мне ящик, высланный шелками.
Ребенка на подушку положи.
Скорее! Я хочу обряд последний
Над мертвой совершить! Спешу, сказал я!

Второй матрос

Царь! У нас в трюме есть подходящий ящик, просмоленный и
законопаченный.

Перикл

Благодарю тебя. Скажи, матрос,
Какой там берег виден?

Второй матрос

Берег Тарса.

Перикл

Спешу туда, матрос! Не в Тир, а в Тарс.
Когда могли бы мы туда добраться?

Второй матрос

К рассвету, если ветер поутихнет.

Перикл

Скорее в Тарс! Я навещу Клеона.
Дитя не выдержит пути до Тира.
Клеону я его на попечение
Оставляю.— Торопись, моряк мой славный! —
А тело я вам выпесу сейчас.

Уходят.

СЦЕНА 2

Эфес. Комната в доме Церимона.

Входят Церимон, слуга и несколько человек, погтерпевших
кораблекрушение.

Церимон

Эй, Филемон!

Входит Филемон.

Филемон

Что хочет господин?

Ц е р и м о н

Согрей и накорми людей несчастных:
Ночь выдалась жестокая для них.

С л у г а

Я видел бурь немало, но такой,
Как эта, не видал еще ни разу!

Ц е р и м о н

Хозяина ты не найдешь в живых:
Его спасти уже ничто не сможет.

(Филемону.)

Аптекарю снеси записку эту,
И мне потом расскажешь, помогло ли
Мое лекарство.

Все, кроме Церимона, уходят.

Входят два дворянина.

П е р в ы й д в о р я н и н

С добрым утром, сударь!

В т о р о й д в о р я н и н

Привет наш, благородный Церимон!

Ц е р и м о н

С чего вы это поднялись так рано?

П е р в ы й д в о р я н и н

На самом берегу живем мы, сударь.
Дрожали наши домики от бури,
Как от землетрясения. Все стропила
Ходили ходуном, и нам казалось —
Вот-вот они обрушатся. От страха
Жилища мы оставили свои.

В т о р о й д в о р я н и н

Вот почему тебя мы беспокоим
Так рано, благородный Церимон.

Ц е р и м о н

Отлично!

П е р в ы й д в о р я н и н

Но достойно удивленья,
Что ты, живя в довольстве и покое,

Так рано сбросил золотую дрему.
Не странно ль это, добрый Церимон?
Ужель твоя природа такова,
Что мучишь ты себя без принужденья?

Ц е р и м о н

Всегда ценил я ум и добродетель
Превыше знатности и состоянья:
Наследник беззаботный расточает
Богатство и свою позорит знатность.
А ум и добродетель человека
Богам бессмертным могут уподобить.
Давно уж я упорно изучаю
Науку врачеванья; в мудрых книгах
Я черпал знания и в искусстве тайном
Немало изощрялся, чтоб постичь
Целебные таинственные свойства
Растений, и металлов, и камней;
Я изучил, что может вызывать
Расстройства организма или снова
Их устранять. И большую отраду
Занятия эти доставляют мне,
Чем преходящих почестей восторги
И накопление праздное сокровищ —
Глупцам на радость, смерти на забаву.

В т о р о й д в о р я н и н

Прославился ты по всему Эфесу
Своею добротой: тобою сотни
Исцелены и спасены от смерти.
Ты щедро отдаешь свой труд и знания,
И даже кошелек свой открываешь, —
Вот потому-то имя Церимона
Столь знаменито, что никто не сможет...

Входят двое слуг с ящиком.

П е р в ы й с л у г а

Поставь сюда!

Ц е р и м о н

Что это?

П е р в ы й с л у г а

Господин!

Вот этот ящик выбросило море
На берег только что...

Ц е р и м о н

Поставь. Посмотрим!..

В т о р о й с л у г а

На вид как будто гроб.

Ц е р и м о н

Какой тяжелый!

Гм, странно. Открывайте, поглядим!

Во чреве моря золота немало,

И хорошо, что благосклонный рок

Его заставил отрыгнуть добычу.

В т о р о й д в о р я н и н

Да, это верно.

Ц е р и м о н

Ящик просмолен

И очень хорошо законопачен.

Когда ж он морем выброшен и как?

П е р в ы й с л у г а

Я не видал волны такой огромной,

Как та, которая его швырнула

На берег.

Ц е р и м о н

Открывайте поскорей!

Мне кажется, исходит от него

Чудесный аромат.

В т о р о й д в о р я н и н

Нежнейший запах!

Ц е р и м о н

Благоуханье мне щекочет ноздри.

Откройте же скорей! — О боги, боги!

Что это? Труп?

П е р в ы й д в о р я н и н

Необычайно странно!

Ц е р и м о н

Завернут в драгоценную парчу

И умашен. Мешки душистых трав

Вокруг. А вот бумага с письменами.

(Развертывает свиток.)

О, проясни мой разум, Аполлон,
И помоги прочесть!

«Я, царь Перикл, взываю к вам.
Коль гроб сей, вверенный волнам,
На берег море принесет,
Того молю я, кто прочтет:
В гробу лежит моя жена,
Из рода царского она,—
Прошу ее земле предать,
Себе ж за то в награду взять
Сокровища, что здесь лежат,
И боги вас благословят!»

Увы, Перикл! Коль ты еще живешь,
То сердце бедное твое разбито.
И нынче ночью это все стряслось.

Второй дворянин

Возможно, сударь.

Церимон

Так оно и было.
Смотрите, как свежа она. Ужасно,
Что в море бросили ее! Огонь
Мне разведите здесь и принесите
Сюда скорей все снадобья мои!

Второй слуга уходит.

Порою смерть на несколько часов
Овладевает телом, подавляя
Все чувства в нем, но брезжит искра жизни
В подобных трупах. Я слышал: в Египте
Больного, что лежал совсем как мертвый
В течение девяти часов, сумели
Искусным врачеваньем воскресить.

Входит второй слуга с ящиками, полотенцами и жаровней.

Отлично! Полотенце и жаровню
Давай сюда, а музыканты наши
Играют пусть пронзительно и скорбно.
Подай мне эту склянку поскорей!
Побольше воздуха! Побольше звуков!
Пусть музыка играет! Господа,

Царица эта будет жить. Смотрите:
Уже в ней просыпается тепло,
Струящееся трепетным дыханьем.
В оцепененье пробыла она
Не более пяти часов. Смотрите,
Как распускается она опять
Цветком прекрасной жизни!

Первый дворянин

Это чудо

Через тебя явили небеса,
Тебе во славу!

Церимон

Да, она жива!

Смотрите: эти веки, что скрывали
Два радостных небесных самоцвета,
Раздвинули златую бахрому,
И два алмаза дивною игрой
Умножили богатство мирозданья! —
Живи, живи, прекрасное создание,
И расскажи нам о своей судьбе,
Поистине чудесной!

Тайса делает движение.

Тайса

О Диана!

Где я? Где мой супруг? Кто эти люди?

Первый дворянин

Неслыханно!

Второй дворянин

Необычайно!

Церимон

Тише!

Прошу вас! Помогите отнести
Ее в покой соседний осторожно.
А слуг пошлите за бельем скорее:
Здесь неустанный надобен уход.
Вторично я спасти ее не в силах.
Спешите! И да будет Эскулап
Моим руководителем отныне!

Уходят, унося Тайсу.

СЦЕНА 3

Тарс. Комната в доме правителя.

Входят Перикл, Клеон, Дионисса и Лихорида с Мариной на руках.

Перикл

Клеон достопочтенный! Уж пора мне
В Тир возвратиться: скоро истекает
Годичный срок; волнуется народ.
Всем сердцем я тебя благодарю
И добрую твою супругу: боги
Да ниспошлют вам все земные блага!

Клеон

Тебя поранив, стрелы злого рока
И в нас с такой же яростью впились.

Дионисса

Ах, бедная царица! Почему же
Судьба не пожелала, нам на радость,
Ее сберечь!

Перикл

Должны мы покоряться
Небесным силам! Я бы мог реветь
И выть, как море, что ее сгубило,
Но ничего поделать бы не смог!
Вот бедное дитя мое, Марина,—
Ей, на море рожденной, это имя
Пристало,— вашим ласковым заботам
Я доверяю девочку. Молю вас
Ее как подобает воспитать:
Ведь царского она происхожденья!

Клеон

Не бойся. ты, который накормил
Своим зерном страну мою! Доселе
Тебя в молитвах люди поминают.
Тебе воздастся за твое добро!
Когда бы я преступно позабыл
Свой долг перед тобою и покинул
Дитя твое на произвол судьбы,
Народ, тобой спасенный, мне б напомнил
Мой долг и пристыдил меня; но если
Нуждаюсь я в таком напоминанье,

Пусть боги покарают весь мой род
Отныне и павеки!

Перикл

Верю! Верю!

И честь и доброта твоя, Клеон,
Порукой мне! А я — клянусь Дианой,
Которую мы все согласно чтим! —
Не буду стричь волос, пока принцесса
Не вырастет и не найдет супруга.
Пусть буду странен я в таком обличье,
Но таково решение мое.
Прощайте все! Прошу вас об одном:
Дитя мое взрастите!

Дионисса

Я сама

Имею дочь, и дочь твою я буду
Любить не меньше!

Перикл

Будь благословенна!

Клеон

Тебя теперь мы к пристани проводим
И там доверим хитрому Нептуну,
Попутным ветрам и погоде доброй!

Перикл

Спасибо! — Так пойдем же, Дионисса! —
Ну, полно плакать, Лихорида, полно.
Ухаживай за маленькой принцессой,
Заботься бережно и заслужи
Ее любовь. — Ну что ж, друзья, идемте!
Уходят.

СЦЕНА 4

Эфес. Комната в доме Церимона.

Входят Церимон и Таиса.

Церимон

В твоем гробу, царица, я нашел
Сокровища и это вот посланье.
Вручаю их тебе. Ты этот почерк
Узнала?

Т а и с а

Почерк моего супруга!

Я помню: все мы плыли в бурном море
Но как я разрешилась и когда —
Не помню вовсе и, клянусь богами,
Не вспомню. Верю, мне царя Перикла,
Супруга моего, уж не увидеть!
Надену же я Весты покрывало,
Чтоб никогда мне радостей не знать!

Ц е р и м о н

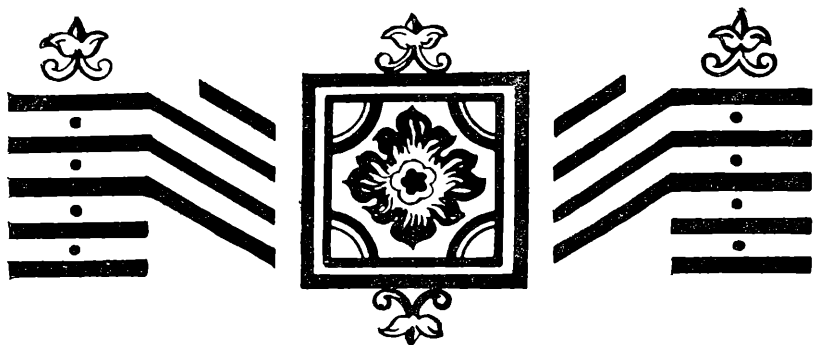
Царица! Если ты уж так решила,
Недалеко отсюда — храм Дианы,
Где ты могла бы до скончанья дней
Остаться. Там племянница моя:
Она с тобою будет постоянно!

Т а и с а

Благодарю тебя, о Церимон!
Пусть благодарности слова — не плата,
Но сила этих слов ценнее злата.

Уходят.





А К Т IV

Входит Гауэр.

Гауэр

Вернулся в Тир Перикл опять
И стал народом управлять.
В Эфесе царская жена,
Навеки с ним разлучена,
Решила, глубоко скорбя,
Диане посвятить себя.
Теперь к Марине мы вернемся
И снова в Тарс перенесемся.
Клеон красавицу взрастил,
Наукам многим обучил;
Умом и грацией своей
Она пленяет всех людей.
Она любимица молвы,
Но зависти дракон — увь! —
Враг всех заслуженных похвал,
Таит предательский кинжал.
Марине смерть готовит он.
Невесту дочь имел Клеон;
Пора вступить ей было в брак,
Но не могла она никак
Затмить Марину: ни умом,
Ни красотой, ни мастерством.
Всею дочь Периклова взяла —
Всегда, везде была мила.

Ткала ль тончайшие шелка
Лилейно-белая рука,
Иглою ли ранила холсты,
Чтоб вышивать на них цветы,
Иль пела так в тени ветвей,
Что умолкал и соловей,
Иль сладкозвучным языком
Диану славил — во всем
Она подругу превзошла.
И Филотену зависть жгла.
Но как с Мариной спорить ей?
Как с белизною голубей
Невзрачной галке состязаться?
К Марине взоры все стремятся.
Клеона хитрая жена,
За дочь свою оскорблена,
Готовит злое преступленье,
Чтоб не страдала от сравненья
С Мариной дочь ее. И вот
Уже убийца деву ждет.
Судьба презренным помогла:
Вдруг Лихорида умерла.
Теперь жена Клеона злая,
Ни дня, ни часа не теряя,
Удар сумеет нанести:
Марину некому спасти.
О том, что с ней произойдет,
Я рассказал вам наперед,
Но время на крылах несется,
А стих мой, как хромой, плетется.
Все передать бы я не смог,
Когда бы зритель не помог
Живой игрой воображенья.
Итак — смотрите представленье.
Вот — Дионисса, а пред ней
Убийца Леонин, злодей.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

Тарс. Открытое место около морского берега.
Входят Дионисса и Леонин.

Дионисса

Запомни: ты поклялся это сделать.
И сделать то легко: один удар!

О нем никто на свете не узнает,
А прибыль ты немалую получишь.
Не позволяй же совести холодной
В груди своей хозяйничать напрасно
И жалости, которую забыть
Мы, женщины, умеем, не давай
Собою помыкать. Ну, будь мужчиной,
Будь воином!

Л е о н н

Да-да, я постараюсь!
А все ж она прекрасна и добра!

Д и о н и с с а

Тем ей уместней быть на небесах.
Смотри, она идет сюда, рыдая
О Лихориде. Ну, готов ли ты?

Л е о п и н

Да, я готов!

Входит М а р и н а с корзиной цветов.

М а р и н а

Нет! У земли я отниму наряд,
Чтоб разукрасить дерн твоей могилы
Цветами желтыми и голубыми.
Смотри: ее покрою я ковром
Из маргариток пестрых и фиалок.
Все лето будет он красив. Увы!
Я родилась под завыванье бури,
Когда скончалась мать моя,— и вот
Вся жизнь была мне бурей непрестанной,
Безжалостно лишавшей меня
Друзей и близких.

Д и о н и с с а

Что же ты, Марина,
Идешь одна? И почему с тобою
Нет дочери моей? Не изводи
Себя тоскою: умершую няню
Я заменю тебе! Ах, боже мой,
Как ты от этой скорби бесполезной
Ужасно изменилась! Дай-ка мне
Свои цветы: от воздуха морского
Они поблекнут, а тебе полезно
По берегу немного погулять.

Морская свежесть вызывает бодрость
И аппетит. Пройдись-ка с Леонином.

(Леонину.)

Ну, предложи ей руку, Леонин!

М а р и н а

Нет-нет, не надо: вовсе не хочу я
Служителя отнять у Диониссы.

Д и о н и с с а

Ах, полно, друг мой! Как родных, люблю я
Тебя и твоего отца, Перикла.

Мы каждый день его приезда ждем.

Подумай, если только он увидит

Тебя, красавица, такой унылой,

Раскается он, что тебя оставил,

И попрекнет и мужа и меня,

Что о тебе заботились мы плохо.

Прошу тебя, иди, развеселись

Прогулкою. Верни румянец нежный,

Что стариков и юношей пленял.

Не беспокойся обо мне: могу я

Одна дойти до дома.

М а р и н а

Хорошо,

Но, право, нет желанья у меня

Гулять...

Д и о н и с с а

Ну полно! Для тебя полезна

Прогулка. И не меньше получаса

Гуляйте.— Леонин, не забывай

Приказа моего.

Л е о н и н

Я все исполню.

Д и о н и с с а

Так я тебя оставлю, дорогая!

Ходи спокойно, сердце береги:

Ведь я всечасно о тебе забочусь!

М а р и н а

Спасибо!

Дионисса уходит.

Ветер западный как будто?

Л е о н и н

Нет, юго-западный.

М а р и н а

В ту ночь, когда
Я родилась, дул северный.

Л е о н и н

Ах, вот как?

М а р и н а

Мне говорила няня, что отец мой,
Не зная страха, ободрял матросов,
Кричал им: «Молодцы, не унывай!»
Тянул канаты с ними и мозоли
На царственных руках своих натер.
На палубе под натиском стихии
Он устоял, за мачту ухватясь.

Л е о н и н

Давно ли это все случилось?

М а р и н а

В ночь

Рожденья моего. О, никогда,
Наверно, буря так не бушевала.
Мне говорила няня, что матроса
Сорвало с мачты и швырнуло в море
Волной высокой, и никто не стал
Его спасать. Все бегали в смятенье
С кормы на нос и с носа на корму.
Лишь изредка вопили: «Берегись!»
Да криком капитан, а шкипер — свистом
Усиливали общий страх.

Л е о н и н

Довольно.

Молись-ка поскорей!

М а р и н а

Что ты сказал?

Л е о н и н

Сказал я — если хочешь помолиться,
Поторопись. Не глухи наши боги:
Они тебя услышат. Я ж поклялся
Не мешкая покопчить.

М а р и н а

Для чего

Меня убьешь ты?

Л е о н и н

Госпоже в угоду.

М а р и н а

Но для чего ей смерть моя нужна?
Клянусь, я за собой вины не знаю;
Я никогда не досаждала ей,
Я никогда ей зла не причиняла,
Не только ей — ни одному созданию!
Ни мухи не убила, ни мышонка;
Я, даже наступив на червяка
Нечаянно, до слез о том жалела.
Что совершила я? Какая польза
Ей от того, что буду я убита?
Чем я опасна ей?

Л е о н и н

Мне приказали

Не рассуждать, а действовать, и быстро.

М а р и н а

Нет! Ни за что на свете не поверю,
Что ты способен это сделать! Нет!
Заметно по лицу, что ты хороший
И добрый человек. Совсем недавно
Я видела, как ты, рискуя жизнью,
Дерущихся разнял: стремился ты
Слабейшего спасти. Так повтори же
Поступок этот. Госпожа твоя
Моей желает смерти. Стань меж нами
И защити несчастную, меня.

Л е о н и н

Я клятву дал убить тебя — и я
Убью.

(Бросается на нее.)

Марина бьется в его руках.

Входят п и р а т

П е р в ы й п и р а т

Стой, негодяй!

Л е о н и н убегает.

Второй пират
Сюда! Добыча!

Третий пират

Чур, общая, друзья, общая! Разделим ее поровну! А ну-ка, живо ва корабль ее!

Пираты уходят с Мариной.

Входит Леонин.

Леонин

Пиратам знаменитого Вальдеса
Досталась девушка. Ну что же, ладно!
Теперь ей не вернуться. Я скажу.
Что я ее убил и бросил в море.
Но надо подождать. А что как вдруг,
Натешившись, они ее оставят
На берегу? Но это не беда:
Злосчастную прикончу я тогда!

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Митилена. Комната в публичном доме.

Входят сводник, сводня и Засов.

Сводник

Эй, Засов!

Засов

Да, сударь!

Сводник

Что-то у нас плохо с товаром. В Митилене множество распутников! Ярмарочное время в разгаре, а мы теряем много денег из-за того, что у нас мало девчонок.

Сводня

Никогда еще у нас такого не бывало! Только и есть, что три несчастных твари. Ну куда им управиться! Они так умаялись, что просто никуда не годятся!

Сводник

Вот потому-то и нужно достать свеженьких, сколько бы они ни стоили. Во всякой торговле нужна прежде всего добросовестность по отношению к покупателям, иначе прогоришь.

С в о д н я

Что правда, то правда! А я вот ничего не нажила тем, что выходила с дюжину подкидышей.

З а с о в

Да, выходила-то ты их выходила, а потом их же и уходила! Ну, так пойти поискать на рынке, что ли?

С в о д н я

А то как же? Ведь посмотри, какой у нас хлам остался! Они до такой степени прогнили, что от ветра валятся.

С в о д н и к

Что правда, то правда! Да оно и для потребителей нездорово, говоря по совести. Помнишь бедного трансильванца, что переспал с нашей малюткой? Он ведь помер.

З а с о в

Да, быстро она его докапала! Для червей, впрочем, блюдо получилось отличное. Ну, я иду на рынок! (*Уходит.*)

С в о д н и к

Эх, иметь бы три-четыре тысячи цехинов: такого состояпынца хватило бы для того, чтобы бросить наш промысел и жить мирно.

С в о д н я

То есть как это — бросить? Скажите на милость! Разве стыдно иметь кое-какие доходы на старости лет?

С в о д н и к

Эх, уважения-то ни от кого тебе нет при таких доходах, да и доходов меньше, чем опасности. Словом, кабы в юности мы с тобой скопили состояньице, так не плохо бы закрыть нашу лавочку. При этом же мы из-за нашего промысла в прескверных отношениях со всеми богами! А это очень веский довод в пользу того, чтобы бросить все это!

С в о д н я

Полно! Есть грешники и почище нас!

С в о д н и к

Почище! Ловко сказано! Именно «почище»! Мы с тобой грешим больше всех. И занятие-то наше какое: ни делом не назовешь, ни призванием. А вот и наш Засов идет.

Входят Засов, пираты и Марина.

З а с о в
(Марине)

Подойди-ка! (Пиратам.) Так вы, ребята, говорите, что она девственница?

Первый пират

Без сомнения, сударь!

З а с о в

Видишь, хозяин, я уж изо всех сил постарался, чтобы раздобыть тебе этот лакомый кусочек. Если девица тебе по вкусу — хорошо, а нет — так пропал мой задаток.

С в о д н я

А для нас-то она подойдет?

З а с о в

Лицом она хороша, говорит складно, одета богато — кто ж от такой откажется?

С в о д н я

А цена ей какая, Засов?

З а с о в

Уверять не буду, а думаю, что меньше, чем за тысячу, ее не уступят.

С в о д н и к

Ладно, идемте за мной. Деньги я вам сейчас дам. — Жена, проводи-ка ее к нам. объясни ей, как нужно держаться, а то она ведь неопытна в обхождении. (Уходит с пиратами.)

С в о д н я

Иди-ка сюда, Засов. Посмотри на нее как следует, запомни цвет волос, рост, цвет кожи, возраст. Отправляйся на рынок и кричи во всю глотку: вот такая и этаякая, ручательство за девственность. Кто больше заплатит, тому достанется первому. Эх, в прежние времена за нее дали бы немало: мужчины были другие, не чета нынешним! Ну, иди и делай, как я приказала.

З а с о в

Выполню без промедления. (Уходит.)

М а р и н а

Увы, зачем не сразу Леонин
Меня убил! Зачем пираты эти

Меня в пучину пожалели бросить,
Там я нашла бы мать свою! Увы!

С в о д н я

Ты о чем печалишься, красавица?

М а р и н а

Именно о том, что красавица!

С в о д н я

Полно-полно, боги к тебе благосклонны.

М а р и н а

Я их не упрекаю.

С в о д н я

Радуйся тому, что ты в мои руки попала: здесь тебе понравится!

М а р и н а

Мое несчастье в том, что я спаслась
Из рук того, кто б отнял жизнь мою.

С в о д н я

Уж поверь мне, жизнь твоя будет полна удовольствий!

М а р и н а

Нет.

С в о д н я

А я говорю — да! Ты отведаешь мужчин всех сортов. Жизнь твоя будет пестрая, веселая. Ну, что же ты затыкаешь уши?

М а р и н а

Женщина ли ты?

С в о д н я

Я-то? А чем бы ты хотела меня видеть, коли не женщиной?

М а р и н а

Честной женщиной или никакой.

С в о д н я

Ах, оттащить бы тебя, дурочка! Видно, мне с тобой сразу не сладить. Полно-полно, образумься! Деревце ты молодое, глупое — как я тебя согну, так и будешь расти.

М а р и н а

Да будут боги ко мне милостивы!

Сводня

Если боги пожелают быть к тебе милостивыми через посредство мужчин, мужчины будут тебя утешать, угощать, распалать. Так-то! — А вот и Засов вернулся.

Входит Засов.

Ну, как там? Объявил о ней всем на рынке?

Засов

Уж я ее так разриговал — ни одного волоска не забыл. И орал-то что было мочи.

Сводня

Ну и что же? Какое это произвело впечатление, особенно на тех, кто помоложе?

Засов

Слушали, нечего сказать, слушали внимательно, будто я объявлял им отцовское завещание. У одного испанца просто слюни потекли! Он от одного описания ее прелестей уже улегся в постель.

Сводня

Ну, этот завтра же здесь будет в своем лучшем наряде!

Засов

Чего там — завтра! Сегодня же вечером, сегодня же! А помнишь ли ты, хозяйка, того француза, у которого коленки тряслись?

Сводня

Это господина Вероля?

Засов

Да-да! Знаешь, хозяйка, он как услышал, что я объявлял, хотел подпрыгнуть от удовольствия, да ничего не получилось. Взыл от боли, но поклялся, что хоть посмотреть на нее завтра же придет.

Сводня

Ну, эгот нам как раз и занес свою болячку: здесь он ее только подновляет. Он-то придет и порастрясет червонцы.

Засов

Эх, право. кабы здесь были приезжие из самых разных стран, мы бы нынче всех заманили к себе.

Сводня
(Марине)

Эй, ты, подойди-ка поближе и послушай, что я скажу. Тебя ожидает богатство. Только запомни: ты должна притворяться, будто боишься делать то, что делаешь с охотой, а главное — прикидывайся бескорыстной, когда загребаешь деньги. Плакать можешь сколько хочешь и сокрушаться, что сюда попала. Это только вызовет жалость в твоих любовниках, а жалость — дело такое, что обязательно порождает расположение к тому, кого жалеют; а уж это верная прибыль.

Марина

Я не понимаю, зачем ты это говоришь

Засов

Поучить ее нужно, хозяйка, поучить нужно. Не мешало бы и эту ее стыдливость поубавить.

Сводня

Что правда, то правда — не мешало бы. Да ведь и новобрачная вначале стыдится того, на что имеет законное право!

Засов

Ну, иная стыдится, а иная и нет. Но вопрос-то вот какой, хозяйка: ведь мяско-то выторговал я...

Сводня

Что ж, и тебе позволят отрезать кусочек...

Засов

Вот-вот, об этом я и речь веду.

Сводня

Да кто же тебе в этом откажет? — А знаешь, милая, мне твое платье очень понравилось.

Засов

Эй, послушайся моего совета, хозяйка: пусть она пока остается в этом платье.

Сводня

Ладно. А ты походи еще по городу и раззвони, что у нас новая красавица завелась: это будет тебе же на пользу. Верно, сама природа сотворила эту девушку для того, чтобы ты нажился. Расскажи всем, какое это чудо, и пожнешь плоды своих трудов.

З а с о в

Ей-богу, хозяйка, если правду говорят, что гром будит спящих угрей, так я, как тот гром, своими восхвалениями в честь ее красоты растормошу всех, кто хоть немного склонен к распутству. Нынче ж вечером несколько человек приведу.

С в о д н я

Ступай-ступай!

(Марине.)

А ты иди за мной!

М а р и н а

Пусть нож остер и глубока вода,
Пусть пламя жжет — не сдамся никогда.
Свою невинность гордо сохраняю я.—
Диана! Помоги, тебя молю я!

С в о д н я

Что нам за дело до Дианы? Иди-ка за мной, слышишь?

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Тарс. Комната в доме правителя.

Входят К л е о н и Д и о н и с с а.

Д и о н и с с а

Довольно, не безумствуй: ты не в силах
То, что уже свершилось, изменить.

К л е о н

О Дионисса! Ни луна, ни солнце
Не видели такого злодеянья
Жестокое.

Д и о н и с с а

Не будь таким ребенком.

К л е о н

Когда б я был властителем вселенной,
Я отдал бы вселенную за то,
Чтоб совершенное не совершилось!
О боже, сколько было благородства

В ее душе прекраснейшей! Марипа
Одной уж добротою несравненной
Заслуживала царского венца.
О подлый Леонин! Ты отравила
Его, но жаль, что ты сама отравы
Не выпила. Что скажешь ты Периклу
Теперь о милой дочери его?

Д и о н и с с а

Скажу, что умерла она. Ведь нянька
Не в силах уберечь дитя от смерти.
Скажу, что ночью умерла, внезапно —
Кто это опровергнет? Ты, быть может,
Окажешься наивным дурачком
И, пожелав прослыть благочестивым,
Раскроешь всем, что дело тут нечисто.

К л е о н

Молчи, молчи! Ужасное злодейство
Совершено, и боги не потерпят
Такого.

Д и о н и с с а

Уж не думаешь ли ты,
Что птички Тарса полетят к Периклу
И все ему откроют? Стыдно видеть,
Что человек столь благородной крови
Так малодушен!

К л е о н

Кто такому делу
Потворствует безмолвно, если даже
Его не замышлял, — уже не может
Считаться благородным.

Д и о н и с с а

Может быть.

Но Лсопина нет. Никто не знает,
Как умерла она, — лишь ты да я.
Она вредила дочери моей
И на пути ее всегда стояла.
Никто на Филотену не глядел —
Все взоры обращались на Марипу,
А бедной дочери моей одни
Глумливые ухмылки доставались,
Которые терзали сердце мне.

Пуškai жесток поступок мой, но я
Его считаю подвигом великим
Для счастья нашей дочери!

К л е о н

Пуškai

Тебе простят поступок этот боги!

Д и о н и с с а

А о Перикле ты не беспокойся:
Ни в чем он нас не сможет упрекнуть.
Мы все о ней рыдали и доньне
Печалимся; ей памятник поставим,
И будет эпитафия на нем
Златыми буквами вещать хвалу
И ей и нам, чья нежная работа
Воздвигла этот памятник.

К л е о н

О да!

Ты — гарпия с орлиными когтями
И ангельским лицом!

Д и о н и с с а

А ты, голубчик,
Жалеть способен и мышей и мух,
Но и к моим советам ты не глух...

Уходят.

С Ц Е Н А 4

В Тарсе, перед памятником Марине.

Входит Гауэр.

Г а у э р

Мы сокращали время, расстояние,
Моря переплывали по желанию,
Воображенье наше беспрестанно
Нас в разные переносило страны.
Надеюсь, нет греха большого в том,
Что говорят на языке одном
Во всех краях, где с вами мы бывали.—

Послушайте о том, что было дале.
Пред вами царь Перикл. И снова он
Неукротимым морем окружен.
Спешит он с пышной свитой своей
Увидеть дочь — отраду жизни всей.
А в Тире по совету Геликана
Оставил царь правителем Эскана.
Ведь Геликан, как все должны вы знать,
Царя никак не хочет покидать.
Вот корабли легят под парусами
В далекий Тарс. Вообразите сами,
О чем мечтает царь Перикл теперь,
Спеша домой вернуть родную дочь.
Как призраки, пред вами проплывали
Они. пока вы их воспринимали
Ушами лишь. Но приглашаю вас
Проверить зреньем слух, увидев их сейчас.

Пантомима

Входят с одной стороны Перикл со свитой, с другой — Клеоп, Дионисса и другие. Клеон показывает Периклу гробницу Марины. Перикл выражает глубокую скорбь; падевает рубище и уходит в большой печали. Затем Клеон, Дионисса и другие уходят.

Притворству Простодушие внимает
И вздохи лицемеров принимает
За истинную скорбь. Смотрите, вот
Перикла горе страшное гнетет,
Он слезы льет ручьями, он стонает
И город Тарс навеки покидает.
Он клятву дал богам лица не мыть,
Не стричь волос и рубище носить.
В его груди бушует буря горя,
Бессилен он, как челн в открытом море.
Но не погиб отчаянный пловец
И справится он с бурей под конец.
Теперь я эпитафию читаю,
Что сочинила Дионисса злая
Марине на могилу. Вот она:
(читает надпись на памятнике Марине)
«Прекраснейшее, нежное творенье,
Загубленное на заре цветенья,
Дочь Тирского царя вот здесь зарыта:
Презренной Смертью бедная убита.
Мариною красавица звалась.

Фетида, этой крестницей гордясь,
Ее рождение бурею почтила
И, веселясь, часть суши поглотила.
Земля, страшась такого, может быть,
Ее спешила небу уступить.
За это мстить нам поклялась богиня
И бьет волнами берег наш поныне!»

Так служит вкрадчивая лесья обычно
Для подлости личиною отлично.
Пускай уверен царь Перикл, что дочь
Мертва. Ему не в силах мы помочь.
В вертеп разврата поспешим за ней —
Что может быть судьбы ее страшней!
Внимание! Смотрите все на сцену,
Перенесемся с вами в Митилену.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 5

Митилена. Перед публичным домом.
Из него выходят двое дворян.

Первый дворянин

Слыхали ль вы что-нибудь подобное?

Второй дворянин

Конечно не слыхал да и не услышу в таком месте, когда ее там не будет.

Первый дворянин

Говорить в таком доме о религии! Да это и во сне не приснится.

Второй дворянин

Нет-нет! Меня теперь в эти вертепы разврата не заманишь.
Пойдем-ка лучше послушаем пенье весталок!

Первый дворянин

С удовольствием: я охотно совершу любой добродетельный поступок. Положительно я навеки покинул путь разврата!

Уходят.

СЦЕНА 6

Там же. Комната в публичном доме.
Входят сводник, сводня и Засов.

Сводник

Ну, знаете! Я отдал бы вдвое больше того, что заплатил за нее, лишь бы она здесь никогда не появлялась!

Сводня

Ведь какая подлая! Она способна заморозить самого Приапа! Вот из-за таких-то и не появляются на свет десятки младенчиков нового поколения! Нет! Ее нужно как-нибудь лишить певичности или просто выпроводить отсюда. Вместо того чтобы вести себя с гостями как подобает в нашей профессии, она мне устраивает всякие сюрпризы: то проповеди читает, то молитвы, то на колени становится. Да она самого черта превратила бы в пуританина, кабы тот вздумал приставать к ней со своими пощелухами.

Засов

Давайте-ка я вам ее изнасилую. А не то ведь она отвадит всех наших посетителей и всех паскудников превратит в священнослужителей!

Сводник

Ах, дурная болезнь ее заberi! Тоже мне, бледная немочь!

Сводня

Вот и я это самое говорю: будь бы у нее дурная болезнь, мы бы уж с ней как-нибудь справились. А вон смотрите-ка — сюда пробирается сам господин Лизимах.

Входит Лизимах.

Лизимах

Ну, как дела? Почем дюжина девиственниц?

Сводня

Ах, да благословят вас боги, ваша милость!

Засов

Я радуюсь, что лицеэрю вашу милость в добром здравии!

Лизимах

Радуйся, радуйся! Тебе же лучше, коли ваши посетители способны держаться на ногах. Послушайте-ка вы, отъявленные нече-

стивцы: найдется ль у вас такая, чтоб порядочный мужчина мог развлечься с нею и после этого не обращаться к врачу?

Сводня

Ах, есть одна, сударь! Есть! Кабы только она согласилась! Уж такой у нас в Митилене еще не бывало.

Лизимах

Ты разумеешь — кабы она согласилась завяяться тем, чем занимаются в темпоте?

Сводня

Вы меня с полуслова поняли, сударь!

Лизимах

Ну, позори-ка ее, позови!

Засов

На вид она, сударь, настоящая роза: и бела и нежна... Вот кабы только...

Лизимах

Что? Говори!

Засов

Нет, я уж лучше помолчу. Я ведь тоже умею быть скромным, сударь! *(Уходит.)*

Лизимах

Что ж! Скромность украшает сводника не меньше, чем тех, кому она создает славу непорочности.

Сводня

Сейчас она явится: настоящий цветочек, могу вас уверить, и еще пикем не сорванный!

Входит Засов с Мариной.

Ну разве не красавица?

Лизимах

Да, после долгого плаванья полойдет. Ну, на, получай деньги и оставь нас одних.

Сводня

Ваша милость, пожалуйста, разрешите мне сказать ей одно словечко. Я мигом!

Л и з и м а х

Пожалуйста, разрешаю!

С в о д н я
(Марине)

Во-первых, прошу тебя уважить этого господина: он человек благородный.

М а р и н а

Я очень хочу, чтобы это было так: я тогда смогла бы его уважать по заслугам.

С в о д н я

Потом запомни: он наш правитель, а значит, все мы от него зависим.

М а р и н а

Если он правитель, так вы, конечно, все от него зависите, но считает ли он это почетным для себя — не знаю.

С в о д н я

И, прошу тебя, перестань ты носиться со своей девственностью. Обойдись с ним поприветливей. Он тебя озолотит.

М а р и н а

Если он будет ко мне милостив, я сумею быть благодарной.

Л и з и м а х

Ну, поговорили?

С в о д н я

Да она у нас, сударь, еще не объезжена — вам с ней придется повозиться и помучиться. — Ну, идем, идем. Оставим его милость наедине с нею.

Сводник, сводня и Засов уходят.

Л и з и м а х

Теперь скажи мне, красotka, давно ли ты занимаешься этим ремеслом?

М а р и н а

Каким ремеслом, сударь?

Л и з и м а х

Ну зачем же я стану обижать тебя, называя его вслух?

Ма р и на

Я то, что я есть, и в этом нет ничего оскорбительного.

Ли з и ма х

Вот я и спрашиваю, с каких пор ты стала тем, что ты есть?

Ма р и на

С тех пор как я себя помню.

Ли з и ма х

Так рано? Да неужто ты была распутной с пяти, семи лет?

Ма р и на

Я совершенно такая же, какой была тогда.

Ли з и ма х

Я что-то не понимаю тебя: ведь этот дом уже сам по себе доказательство того, что ты — дитя порока.

Ма р и на

А как же вы, зная, каков этот дом, сюда приходите? Мне сказали, что вы благородный человек и здешний правитель.

Ли з и ма х

Что? Твоя хозяйка уже сказала тебе, кто я такой?

Ма р и на

Кто это — моя хозяйка?

Ли з и ма х

Ну, эта вот, что разводит в своем огороде бесстыдство и распутство. О, ты, наверно, кое-что узнала о моем положении и ломаешься, чтобы вернее завлечь меня. Но уверяю тебя, красotka, я не причиню тебе никакого зла. Я человек добрый и честный. Пойдем, пойдем! Отведи меня в укромный уголок, где мы сможем уединиться!

Ма р и на

Коль вам высокое происхождение
Поступки благородные диктует,
Явите их. Коль вы облечены
Высоким саном — докажите ныне,
Что вы его достойны.

Ли з и ма х

Что такое?

К чему такие речи? Объясни!

М а р и н а

Так знайте же:

Я — девушка, безжалостной судьбою
Заброшенная в этот грязный хлев,
Где мерзкие болезни продаются
Дороже, чем лекарства. — Боги, боги!
Когда освободите вы меня
Из этого вертепа! Превратите
Меня в пичужку, чтобы я могла
Отсюда улететь на свежий воздух!

Л и з и м а х

Я поражен. Ты столь красноречива,
Что, даже будь я развращен и низок,
Меня бы изменила речь твоя.
Вот золото. Бери его себе
И продолжай свой честный путь достойный,
Пусть боги укрепят тебя на нем.

М а р и н а

Да сохранят вас боги!

Л и з и м а х

И поверь,
Что я не с низким умыслом явился
В сей дом разврата. Даже двери эти
И окна мне внушают омерзенье.
Прощай. Ты добродетельна и, верю,
Воспитана в понятиях благородства.
Вот золото еще. Возьми его.
Да будет проклят тот, кто покусится
На честь твою. Пусть он умрет, как вор.
Я возвращусь не раньше, чем сумею
Тебе большую радость сообщить.

Входит З а с о в.

З а с о в

Ваша честь, попрошу вас! Один золотой пожалуйста и мне!

Л и з и м а х

Прочь, мерзостный тюремщик! Вон отсюда!
Твой гадкий дом, не будь в нем этой дэвы,
Обрушился б и раздавил тебя!
Прочь с глаз моих!

(Уходит.)

З а с о в

Да что ж это такое? За тебя, детка, видимо, нужно привыкаться как следует. Ведь этакое дурацкое целомудрие. Да ему цена меньше, чем закуске в самом паршивом трактире! А ведь это может оказаться причиной разорения целого семейства. Ну нет! Либо меня выхолостят, как спаньеля, либо я с тобой справлюсь — идем-ка со мной!

М а р и н а

Что тебе от меня нужно?

З а с о в

Я расправлюсь с твоей невинностью, или пусть это делает любой палач. Идем-идем! Ты нам больше не будешь отваживать благородных гостей! Иди же, говорят тебе!

Входит сводня.

С в о д н я

Что такое? В чем дело?

З а с о в

Да уж хуже не может и быть, хозяйка. Эта святоша наговорила бог весть чего самому господину Лизимаху.

С в о д н я

Ах, ужас какой!

З а с о в

Она тут проповедует, что наш промысел смердит, оскорбляет богов.

С в о д н я

Да повесить ее мало!

З а с о в

Наш знатный гость готов был обойтись с ней как подобает знатному гостю, а она его сразу заморозила да еще заставила читать молитвы.

С в о д н я

Забирай ее, Засов, и потешься над ней вдоволь: разбей нам только стеклышко ее девственности — и она станет податливее.

З а с о в

Ничего, как-нибудь управимся! Вспахать можно и более терпистый клочок земли!

М а р и н а

Внемлите мне, внемлите, боги, боги!

С в о д н я

И еще заклинания произносит. Вон отсюда! И зачем только она вошла в этот дом. Ах, нет на тебя веревки! Эта девка родилась, чтобы нас пустить по миру! Ты что же? Не желаешь покоряться общей женской участи? Скажите пожалуйста! Еще кичится своей девственностью! Украшайся, украшайся! Там вкусней будет блюдо. *(Уходит.)*

З а с о в

Идем, сударыня, идем со мной.

М а р и н а

Чего тебе от меня нужно?

З а с о в

Нужно отнять драгоценность, которой ты так дорожишь.

М а р и н а

Ответь мне только на один вопрос.

З а с о в

Ну, выкладывай свой один вопрос.

М а р и н а

Чего врагу ты мог бы пожелать?

З а с о в

Да как тебе сказать? Я пожелал бы ему быть моим хозяином даже, вернее, моей хозяйкой.

М а р и н а

Но ты-то ведь презренной их обоих:
Ты служишь им, ты угождаешь им.
Ведь даже самый мерзкий бес в аду
С тобою поменаться постыдился б.
Ты злой тюремщик у проклятой двери,
И каждый, проходящий к жалким тварям,
Срывает гнев свой на твоих щеках.
Вся жизнь твоя — блевотина, и мерзость,
И оплеухи грязных подлецов.

З а с о в

А что ж мне делать, по-твоему? В солдаты, что ли, идти? Да всдь там за семь лет службы только ногу потеряешь и не на что будет даже деревянную купить.

М а р и а

Займись любой работой: убирай
Отхожие места, канавы чисти.
Служи у палача — занятъя эти,
Как ни ужасны, лучше твоего.
Ведь постыдился б даже павиан
Такого ремесла. О, если б боги
Мне помогли отсюда убежать!
Вот золото. Возьми его себе.
Быть может, твой хозяин согласится,
Чтоб деньги зарабатывала я
Тканьем и вышиваньем, даже пеньем.
Я многое умею — я могла бы
Учить других. Ваш город многолюден.
Учеников нашла бы я легко.

З а с о в

А ты и впрямь сумеешь обучать всему этому других?

М а р и а

Поверь мне на слово. А если лгу я,
Верни меня в проклятый этот дом
И самому последнему отдай
На поруганье.

З а с о в

Ладно, постараюсь тебя устроить. Сумею, так устрою.

М а р и а

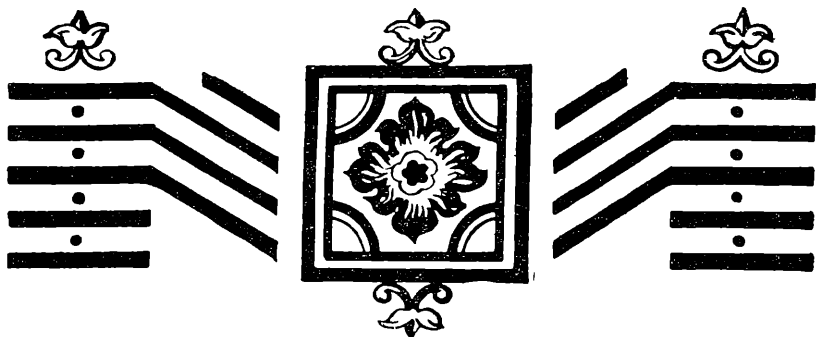
Только, прошу тебя, в доме честной женщины.

З а с о в

По правде сказать, я с этой породой знаком мало. Но уж поскольку мои хозяин и хозяйка тебя купили — тебе не уйти отсюда без их согласия. Поэтому я им расскажу о твоей просьбе и думаю, что сумею их уломать. Пойдем, я постараюсь это дело уладить.

Уходят.





А К Т V

Входит Гауэр.

Гауэр

Притон покинуть удалось Марине,
Она у честной женщины живет:
По-прежнему танцует, как богиня,
Под стать бессмертным сладостно поет
И разумом ученых поражает;
Волшебною иглой творит цветы
И пестрых птиц; природе подражает
Оттенками тончайшей красоты.
Живые розы сияют напрасно
Искусственных подруг своих затмить,
И вишни, шелком вышитые красным,
От сочных вишен трудно отличить.
За обучение знатные девицы
Марине платят щедро, но она,
Чтоб от проклятой сводни откупиться,
Все, что получит, ей отдать должна.
Теперь пора к Периклу возвратиться:
В открытом море долго он блуждал,
Пока к стране, где дочь его томится,
Его попутный ветер не пригнал.
На берегу справляли горожане
Свой праздник в честь Нептуна. Лизимах
Заметил на далеком расстоянье
Над кораблем Перикла черный флаг.

(Уходит.)

СЦЕНА 1

Палуба корабля Перикла, близ Митилены.

В занавешенном шатре на палубе возлежит Перикл.

К тирскому кораблю причалила лодка. Входят два матроса: один с лодки, другой — с корабля. Им навстречу идет Геликан.

Тирский матрос
(митиленскому матросу)

Где ж Геликан почтенный? Он сумеет
На все ответить нам. — А вот и он!

Входит Геликан.

Здесь, господин мой, Лизимах, правитель
Из Митилены. Он к тебе явился
На этой лодке и весьма желает
Тебя увидеть. Что прикажешь ты?

Геликан

Его желанье выполнить. Зови
Сюда вельмож.

Тирский матрос

Эй, господа, живее!

Мой господин зовет вас.

Входят несколько придворных.

Первый придворный

Мы явились.

Геликан

Пожаловало знатное лицо
К нам на корабль. Его должны мы встретить
Достоинно.

Придворные и оба матроса спускаются в лодку и возвращаются
с Лизимахом и вельможами.

Тирский матрос

Вот, сударь, тот, кто все у нас решает.

Лизимах

Привет тебе, почтенный муж, привет!
Да сохранят тебя надолго боги!

Геликан

И да пошлют тебе и долголетье
И мирную кончину.

Лизимах

Что ж, спасибо!
На суше поклонялся я Нептуну,
И, в море славный твой корабль заметив,
К нему я устремился, чтоб узнать,
Кто вы такие и откуда вы.

Геликан

Позволь тебе задать вопрос такой же.

Лизимах

Я Лизимах, правитель Митилены.

Геликан

А наш корабль из Тира. И на нем
Наш царь. Уже три месяца молчит он
И пищу принимает лишь затем,
Чтобы продлить страданье.

Лизимах

Отчего же
Страдает он?

Геликан

Мне трудно говорить
Об этом. Потрясла его утрата
Жены и дочери, любимых нежно.

Лизимах

А можно ли его увидеть?

Геликан

Можно,
Но он ни с кем не говорит ни слова.

Лизимах

А все же я хочу его увидеть.

Геликан

Ну что ж, смотри!

(Отдергивает занавес и показывает Лизимаху Перикла.)

Он был умен и смел,

Но ужасы одной жестокой ночи
Его повергли в это состояние.

Л и з и м а х

Приветствую тебя, великий царь!
И да хранят тебя благие боги!

Г е л и к а н

Напрасны эти речи: все равно
Он говорить не станет!

П е р в ы й в е л ь м о ж а

В Митилене

Есть девушка у нас. Она, ручаюсь,
Заставила б его заговорить!

Л и з и м а х

О, это мысль отличная! Бесспорно
Она и нежной внешностью своей
И голосом божественным могла бы
Воздействовать на эту глухоту,
И, может быть, его окаменелость,
Подвергнувшись такому нападению,
Невольно содрогнувшись, уступила б.
Поверь: она поистине прекрасна.
Взгляни: она с подругами своими
Сейчас на берегу, в тенистой роще
Гуляет.

*(Шепчется с одним из вельмож, после чего тот отплывает
на лодке Лизимаха.)*

Г е л и к а н

Напрасно все, я знаю. Но ничем,
Что только почитается целебным,
Пренебрегать не надо. Разрешите нам
Воспользоваться добротой вашей:
Купить должны мы новый провиант,—
Испортила жара запасы наши,
А золотом в избытке мы владеем.

Л и з и м а х

Когда б я отказал в подобной просьбе,
Наслали бы всеправедные боги
На нивы наши злую саранчу.
Но умоляю: разреши мне все же

Подробнее узнать причину скорби
Великого царя.

Геликан

Садись, послушай...

Ах, нам опять мешают!

Входят, выйдя из лодки, вельможа с Мариной и ее подругой.

Лизимах

Вот она —

Та, за которой я послал. — Привет! —
Не правда ль, хороша?

Геликан

Она красива.

Лизимах

Так хороша, что будь я сам уверен
В ее происхождение благородном,
Считал бы я за честь ее назвать
Своей женой.

(Марине.)

Вся доброта и прелесть,
Присущие тебе, нужны больному
Царю. Когда бы только ты сумела
Добиться от него хотя бы слова,
За это получить ты сможешь все,
Что пожелаешь.

Марина

Все, что в силах сделать,
Я сделаю. Но только с тем условием,
Что лишь меня с подругой допустят
К болящему.

Лизимах

Идем. Оставим их,
И да помогут боги исцелению.

Марина поет.

Понравилось ему, как пела ты?

Марина

Он даже не взглянул на нас ни разу.

Л и з и м а х

Смотрите: с ним она заговорила.

М а р и н а

О государь! Послушай речь мою...

П е р и к л

А? Что такое?

М а р и н а

Слушай, государь!

Я не умею привлекать внимание;
Как на комету, люди на меня
Лишь издали смотрели. Но, поверь мне,
Я девушка, страдавшая, быть может,
Не менее, чем ты. Фортуна злая
Из зависти всего меня лишила.
А я происхожу от знатных предков;
Они могуществом царям равнялись.
Но уничтожил рок моих родных,
Меня же сделал жалкою рабою
Случайностей.

(В сторону.)

Он все еще молчит;
Но что-то мне уйти не позволяет,
Пока его ответа не услышу.

П е р и к л

«Фортуна злая»... «Предки»... «Знатный род»...
«Не менее, чем я»... Что ты сказала?

М а р и н а

Сказала я, что если б, государь,
Ты знал, какого я происхожденья,
Со мной ты был бы ласковей.

П е р и к л

Возможно.

Глаза твои... Взгляни-ка на меня!
Похожи... нет... Скажи, в какой стране
Ты родилась?

М а р и н а

Я ни в какой стране
Не родилась, хотя на свет явилась,
Как каждый смертный.

Перикл

Что со мной? Вот-вот
Рыданьем бремя скорби разрешится!
Она похожа на мою супругу;
Такой была бы дочь моя родная!
Да, те же брови, тот же стройный стан,
Такой же нежно-серебристый голос,
Глаза — сапфиры в дорогой оправе,
Юноны поступь, ласковая речь,
Что собеседникам всегда внушает
Желанье жадное внимать подольше.—
Но где живешь ты?

Марина

У чужих людей —
Вон там, на берегу.

Перикл

Скажи, по кто же
Воспитывал тебя? Где научилась
Ты так чудесно петь и говорить?

Марина

Коль правду я скажу, презренной ложью
Слова мои покажутся тебе.

Перикл

Нет, говори, прошу тебя! Не может
Ложь исходить из чистых уст твоих.
Ты кажешься мне храмом совершенным,
Где обитает истина святая.
Всему поверю я, что скажешь ты,
Как странно бы мне это ни казалось;
Ведь ты похожа обликом на ту,
Кого я так любил. О, расскажи мне,
Где ты росла! Ты, кажется, сказала,
Когда тебя еще не разглядел я,—
Ты рода знатного?

Марина

Да, я сказала.

Перикл

Скажи мне, кто родители твои?
Ты говорила, что Фортуна злая

Тебя кидала от беды к беде
И что твои страдания, быть может,
Равны моим?

М а р и н а

Да, так я говорила.
Но верь мне, говорила только то,
Что я считаю правдой.

П е р и к л

Расскажи мне,
Какие ты невзгоды испытала.
Коль тысячную часть моих скорбей
Ты вынести смогла, то ты — мужчина,
А я был слаб, как девушка. Ведь ты
Как статуя Терпенья на гробницах
Властителей. Скорее расскажи мне,
Как потеряла ты друзей и близких,
И, умоляю, подойди поближе
И мне поведай, как зовут тебя.

М а р и н а

Зовут меня Мариной.

П е р и к л

Издеваться
Какой-то бог задумал надо мной,
Тебя ко мне пославший...

М а р и н а

Успокойся,
Не то я замолчу.

П е р и к л

Я успокоюсь.
Не понимаешь ты, как потрясен я
Тем, что тебя зовут Мариной!

М а р и н а

Имя
Марины дал мне мой отец и царь.

П е р и к л

Как! Дочь царя, по имени Марина?

Ма р и н а

Ты обещал мне верить, государь.
По твой покой я нарушать не стану
И замолчу.

Пе р и к л

Быть может, ты — виденье?
Бесплотный и бескровный бледный облик?
Быть может, сердце у тебя не бьется?
Но где ж ты родилась и почему
Ты названа Мариной?

Ма р и н а

Потому,
Что ночью родилась в открытом море.

Пе р и к л

Ты? Ночью? В море? Кто же мать твоя?

Ма р и н а

А мать моя, дочь славного царя,
В миг моего рождения скончалась.
Рыдая, мне рассказывала часто
Об этой страшной ночи Лихорида,
Моя кормилица.

Пе р и к л

Молчи! Молчи!

(В сторону.)

Ни разу сон виденьем столь жестоким
Над жалкими глупцами не глумился!
Нет! Дочь моя давно уже в могиле!
Не может быть! — А где же ты росла?
Рассказывай. Я выслушаю молча
Все до конца и не прерву ни разу.

Ма р и н а

Едва ли ты согласишься мне. Довольно.

Пе р и к л

Поверю! Слову каждому поверю!
Всему, что скажешь. Только объясни,
Как здесь ты очутилась. Где росла ты?

М а р и н а

Царь, мой отец, меня оставил в Тарсе;
Я там росла, пока Клеон жестокий,
С преступною женой своей замыслив
Меня сгубить, не подослал злодея
Свершить убийство. Нож был занесен,
Но в этот миг пираты появились,
Меня спасли и привезли сюда...
Ты плачешь? Чго с тобой? Ты, может быть,
Не веришь мне? Клянусь тебе, клянусь,
Я — дочь царя Перикла, если только
Такой есть царь на свете!

П е р и к л

Геликан!

Г е л и к а н

Да, государь!

П е р и к л

Ты, честный мой советник,
Ты, благородный, мудрый человек,
Скажи мне, если можешь, Геликан:
Кто эта девушка, меня сегодня
Заставившая плакать?

Г е л и к а н

Я не знаю.
Но Лизимах, правитель Митилены,
С высокой похвалою, государь,
Мне говорил о ней.

Л и з и м а х

Она ни разу
Не вспоминала о своих родных,
А на расспросы отвечала только
Печальными и тихими слезами.

П е р и к л

О Геликан, ударь меня пожом,
Чтоб чувство боли испытал я снова,
Чтоб это море радости великой
Моих не затопило берегов. —
О, подойди, дарующая жизнь
Тому, кто даровал ее когда-то
Тебе самой! Ты в море рождена,

Ты в Тарсе умерла и снова в море
Обретена и обретаешь жизнь! —
О Геликан мой, преклони колени,
Пускай звучит торжественно, как гром,
Хвала богам! Так, значит, ты — Марина?
Скажи мне имя матери твоей —
Хотя сомненья спят, еще я жажду
Прекрасной этой правды подтвержденья.

М а р и н а

Но, государь, сперва скажи, кто ты!

П е р и к л

Я — царь Перикл из Тира. Назови
Моей царицы утонувшей имя
С такою же правдивостью — и станешь
Наследницей престола и владений,
И жизнью твоего отца, Перикла.

М а р и н а

Достаточно ль для этого сказать,
Что имя матери моей — Таиса?
Да, государь, Таиса имя той,
Чья жизнь окончилась с началом жизни
Моей.

П е р и к л

Так будь же ты благословенна!
Встань, дочь моя! — Скорее, Геликан,
Вели подать мне новые одежды.
Она жива и в Тарсе не убита
Клеоном злобным. Все она расскажет —
И перед ней преклонишь ты колени,
Признав ее принцессой. — Это кто?

Г е л и к а н

Правитель Митилены, государь.
Он, о твоём печальном состоянии
Узнав, к тебе явился.

П е р и к л

О блаженство!

Но почему я так одет ужасно?
Подать мне платье! — Дочь моя Марина,
Пусть небеса тебя благословят. —

Я слышу звуки дивные. — Марина!
Все Расскажи подробно Геликану.
Мне кажется, еще в сомнение он,
Что подлинно ты дочь моя. — Послушай:
Откуда эта музыка опять?

Геликан

Я ничего не слышу, государь.

Перикл

Ты музыки небесных сфер не слышишь. —
А ты, Марина, слышишь?

Лизимах

Говорите,
Что слышите; нельзя ему перечить.

Перикл

О звуки дивные!

(Лизимаху.)

Ты слышишь их?

Музыка.

Лизимах

Отлично слышу, государь.

Перикл

Невольно

Я музыке небесной покоряюсь.

Мне дрема затуманивает очи!

Хочу я отдохнуть.

(Засыпает.)

Лизимах

Подушку дайте

Под голову ему, и все уйдем.

Коль оправдаются мои надежды,

Я этот день запомню навсегда.

Все, кроме Перикла, уходят.

Перикл спит. В сновидении ему является Диана.

Диана

Мой храм — в Эфесе. Поспешь туда

И принеси мне жертву. Соберутся

Там девы-жрицы; ты поведай им,
Как отняло царицу море злое,
Как ты судьбой жестокою гоним;
Проси их горе разделить с тобою.
Исполнишь — будешь счастлив и любим.
Проснись и Расскажи свой сон другим.

(Исчезает.)

П е р и к л

Богиня серебристая, Диана,
Исполню все.— Сюда, мой Геликан!

Входят Геликан, Лизимах и Марина.

Г е л и к а н

Ты звал, мой государь?

П е р и к л

Я собирався
В далекий Тарс. Хотел я наказать
Бесчестного Клеона. По решение
Я изменил. К Эфесу поверните
Надувшиеся ветром паруса,
Зачем — об этом ты узнаешь позже.

(Лизимаху.)

Дозволено ль нам будет отдохнуть
На этом берегу и золотыми
За провиант, как должно, заплатить?

Л и з и м а х

Я, государь, тебе душевно рад.
Когда ты на берег сойдешь, хочу я
Тебя просить...

П е р и к л

Проси, чего желаешь,
Хотя бы даже в жены дочь мою.
Ты с нею благородно поступил.

Л и з и м а х

Дай руку, государь!

П е р и к л

Пойдем, Марина!

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед храмом Дианы в Эфесе.

Входит Гауэр.

Гауэр

К концу подходит мой рассказ.
Минуты три еще у вас
Хочу я все же попросить:
Не трудно вам вообразить,
Какими пышными пирами,
Увеселеньями, дарами
Перикла Лизимах почтил,
Как весел и радушен был.
В том нет большого дива — он
С принцессой нежной обручен.
Но повенчают их не ране,
Чем жертву принесет Диане
Перикл. О сборах в этот путь
Я не успел упомянуть:
Как птицы, паруса взвились,
Быстрее мысли понеслись.
Вот царь уже в Эфесе, вот
Со свитой он во храм идет.
А вы фантазией своей
Им помогли путь долгий сей
Молниеносно совершить,
За что вас надо похвалить!

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Храм Дианы в Эфесе.

Тайса стоит у алтаря как верховная жрица; вокруг нее — девы,
тут же Церимон и другие жители Эфеса.

Входят Перикл со свитой, Лизимах, Геликан и Марина
с подругой.

Перикл

Хвала тебе, Диана! Исполняя
Высокое веление твое,
Я объявляю здесь: я — царь Перикл.
Врагов своих страшась, я Тир покинул,
В Пентаполисе браком сочетался

С прекрасною Таисой, но она,
Когда корабль наш был в открытом море,
Скончалась от родов, мне дочь оставив,
Мариной нареченную. Я отдал
Ее Клеону в Тарсе; там росла
Марина до четырнадцати лет,
Пока Клеон убить ее не вздумал.
Но привела счастливая звезда
Спасенную Марину в Митилену,
А в Митилене я ее увидел
И, выслушав рассказ ее печальный,
В ней дочь свою признал.

Т а и с а

Его лицо
И голос! Ты ли это, царь Перикл!
(*Лишается чувств.*)

П е р и к л

Что это значит? Что она сказала?
Ей плохо! Помогите!

Ц е р и м о н

Государь!
Коль правду ты сказал у алтаря
Дианы, пред тобой — твоя супруга.

П е р и к л

О нет! Я сам вот этими руками
Похоронил ее в морской пучине.

Ц е р и м о н

Недалеко от этих берегов?

П е р и к л

Пожалуй, так...

Ц е р и м о н

Взгляни же на нее!
Однажды утром выбросило море
На этот берег гроб. Я гроб открыл,
Нашел в нем драгоценности и тело
Красавицы. Ее вернул я к жизни
И в этот храм привел.

Перикл

Могу ли я
Увидеть то, что было в этом гробе?

Церимон

Тебя в мой дом прошу я, государь,
Пожаловать, и там ты все узнаешь.—
Смогри, смотри: пришла в себя Таиса!

Таиса

О, дайте мне взглянуть! Да, это он!
Не будь он мне супругом, я сумела б
Не слышать и не видеть ничего
И помнить лишь о святости обета.—
Ужели ты — Перикл? И голос твой,
И облик твой... Ты говорил о буре,
О родах и о смерти...

Перикл

Милый голос
Утраченной Таисы!

Таиса

Это я,
Которую считали погребенной
В морских волнах!

Перикл

Бессмертная Диана!

Таиса

Теперь сомнений нет, что это ты.
Когда Пентаполис мы покидали,
Слезами обливаясь, царь, отец мой,
Тебе такой же перстень подарил.
(Показывает ему свой перстень.)

Перикл

Да, этот самый! Праведные боги!
Так щедрость ваша велика, что все
Прошедшие несчастья и невзгоды
Мне кажутся ничтожными! Одно
Осталось мне — прильнуть к ее устам
И в сладостном блаженстве раствориться.—

Дай заключу тебя в свои объятия.
Как в гроб тебя однажды заключил,
Любимая моя!

М а р и н а

Как рвется сердце
Прижаться к сердцу матери моей!
(Опускается на колени перед Таисой.)

П е р и к л

Смотри, кто пред тобою на коленях.
Таиса, это дочь твоя Марина,
Которую ты в море родила.

Т а и с а

Благословляю дочь мою родную!

Г е л и к а н

Приветствую и я тебя, царица!

Т а и с а

Тебя не знаю я.

П е р и к л

Я говорил,
Что, покидая Тир, я власть доверил
Надежному наместнику. Припомни:
Я часто это имя называл.

Т а и с а

Ты — Геликан?

П е р и к л

Ты знаешь это имя!
Вот подтверждение новое. Таиса,
Да, это он. Так обними ж его.
Теперь узнать хочу, кто спас тебя
И где тебя нашли. За это чудо
Кого благодарить мне кроме неба?

Т а и с а

Перед тобой почтенный Церимон:
Свое могущество явили боги
Через него. Он все тебе расскажет.

П е р и к л

О муж почтенный! Боги не могли бы
Избрать слугу достойнее, чем ты.
Ты сам богам подобен! Объясни же,
Как воскресил ты мертвую царицу.

Ц е р и м о н

О государь! Прошу тебя сперва
Войти в мой дом: там покажу тебе
Все то, что я нашел в гробу царицы,
И расскажу, как в этот храм она
Попала.

П е р и к л

Непорочная Диана!

Хвала тебе за дивное виденье!
Я принесу тебе ночные жертвы! —
Таиса, вот жених твоей Марины.
В Пентаполисе мы их повенчаем;
Теперь я срежу волосы густые,
Мой облик исказившие. Довольно!
Четырнадцать уж лет, как я не брился;
В честь свадьбы их хочу красивым стать.

Т а и с а

В Пентаполисе нас никто не ждет —
Скончался мой отец.

П е р и к л

Да станет он

По воле неба новою звездою!
Но все же свадьбу праздновать хочу я
В Пентаполисе, ибо там решил я
С тобой остаться. Дочь моя и зять
Получат царство Тирское в наследство. —
Теперь веди нас, Церимон, прошу,
В твой дом: послушать твой рассказ спешу!

Уходят.

Входит Гауэр.

Г а у э р

Так Антиох, развратник похотливый,
За мерзкий блуд наказан справедливо,
Меж тем Перикл с женой и дочкой юной,

Как ни был угнетаем злой Фортуной,
В страданиях добродетель сохранил
И как награду счастье получил.
Вы видели, что Геликан не льстец,
А верности и чести образец,
И удивил вас Церимон почтенный
Учепостью и добротой отменной.
Клеон же низкий и его жена,
Когда открылась злая их вина,
В своем дворце народом сожжены:
Так были в Тарсе все возмущены.
Ведь кто преступный умысел таит,
Хоть даже он его не совершит,
Достоин кары, как убийца злой,
И по сердцу богам закон такой.
Спасибо вам за доброе вниманье.
На том и пьесы нашей окончанье.

(Уходит.)





ЦИМБЕЛИН

Перевод
П. МЕЛКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Цимбелис, король Британии.

Клотен, сын королевы от первого брака.

Леонат Постум, муж Имогены.

Беларий, изгнанный вельможа, скрывающийся под именем Моргана.

Арвираг	}	сыновья Цимбелина, скрываю-
Гвидерий		щиеся под именами Полидора и
		Кадвала, мнимых сыновей Моргана.

Филарио, друг Постума	}	итальянцы.
Якимо, друг Филарио		

Француз, друг Филарио.

Кай Луций, римский полководец.

Римский военачальник.

Два британских военачальника.

Пизанио, слуга Постума.

Корнелий, врач.

Два дворянина.

Два тюремщика.

Королева, жена Цимбелина.

Имогена, дочь Цимбелина от первого брака.

Елена, прислужница Имогены.

Вельможи, дамы, римские сенаторы, трибуны, призраки, прорицатель, голландец, испанец, музыканты, офицеры, солдаты, гонцы и слуги

Место действия — Британия и Италия.





А К Т I

С Ц Е Н А 1

Британия. Сад за дворцом Цимбелина.

Входят два дворянина.

Первый дворянин

Кого ни встретишь — вид у всех унылый.
Не столь покорен дух наш небесам,
Сколь королю придворные. Все тшятся
Монарху подражать.

Второй дворянин

Но что случилось?

Первый дворянин

Дочь и наследницу свою король
За сына королевы прочил замуж
(Король ведь на вдове женат); а дочь
Другого полюбила; он хоть беден,
Но человек достойный. Брак свершился,
И вот она в темнице, он — в изгнание.
Все с виду хмуры, хоть один король
Скорбит глубоко.

Второй дворянин

Только ли король?

Первый дворянин

И тот, кто потерял ее, конечно;
И королева, жаждавшая сына
На ней женить. А те, кто носит маску
Печали на глазах у короля,
В душе ликуют, радуясь причине
Своей притворной грусти.

Второй дворянин

Почему же?

Первый дворянин

Тот, кто принцессу упустил, так низко,
Что недостойн даже низких слов.
А тот, кто овладел (ее рукою —
Хотел сказать я) и за это изгнан,
Таков, что, обойди хоть целый мир,
И все равно нигде найти не сможешь
Соперника ему по совершенной,
Не знающей изъянов красоте
Души и тела.

Второй дворянин

Похвала чрезмерна.

Первый дворянин

Нет, только соразмерна. Я скорее
Приуменьшил достоинства его,
Чем переоценил.

Второй дворянин

Кто он? Откуда?

Первый дворянин

Я знаю род его лишь в двух коленах.
Его отец Сицилий славно бился,
Когда Кассивелаун шел на римлян,
Потом служил Тенанцию, который
Пожаловал ему за храбрость земли
И Леонатом за нее прозвал.
Еще двух сыновей имел Сицилий;
Те пали на войне с мечом в руках,
И он (уж старый и детей любивший)
Удара этого не снес и умер.

Его жена, родив на свет того,
О ком здесь речь, скончалась. Наш король
Берет на попечение младенца
И нарекает: Постум Леонат;
Растит и делает пажом; дает
Все знания, что юности доступны,
И мальчик их впитывает словно воздух —
Учителя за ним не поспевают.
А вскоре зримы стали и плоды:
Его (столь редкий случай!) все любили
И восхваляли при дворе. Для юных
Он был примером, для мужей в летах —
Зерцалом совершенства, и для старцев
Поводырем. Принцесса доказала,
Его избрав (за что понес он кару),
Как высоко она его ценила,
И явствует из выбора ее,
Что он за человек.

Второй дворянин
Его я чту
По одному уж вашему рассказу.
А дочь у короля одна?

Первый дворянин
Одна.
Двух сыновей имел он, — коль угодно,
Я расскажу. Был старший сын трех лет,
Второй еще грудным, когда обоих
Похитили из детской, и о них
Никто донныне ничего не знает.

Второй дворянин
А сколько лет с тех пор минуло?

Первый дворянин
Двадцать.

Второй дворянин
Украсть детей у короля? Неужто
Так плохо стерегли их и искали,
Что не нашли следов?

Первый дворянин
Да; как ни странно,
Как ни смешна подобная небрежность,
Но это так...

Второй дворянин
Я верю вам вполне.

Первый дворянин
Нам надо удалиться: вон идут
Сам Постум, королева и припщесса.

Уходят.

Входят королева, Постум и Имогена.

Королева

Нет, дочь моя, поверь: хоть и клеветают
На мачех часто, нет во мне и тени
Враждебных чувств; ты узница моя,
Но твой тюремщик сам тебе вручает
Ключ от темницы. — Постум, а за вас
Ходатайствовать буду я, как только
Смягчить сумею сердце короля.
Сейчас он в гневе; право, вам бы лучше
На время подчиниться приговору.
Пусть разум вас вооружит терпением.

Постум

Я еду.

Королева

Да, опасность велика.
Терзаниям любви запретной вашей
Сочувствуя, я выйду в сад, хоть вас
Король вдвоем велел не оставлять.

(Уходит.)

Имогена

О доброта притворная! Как нежно
Змея ласкает жертву, больно жая. —
Супруг любимый! Страшен гнев отца,
Но надо мной, хранящей долг священный,
Его бессильна ярость. Усзжай!
Я ж под обстрелом злобных глаз останусь
И силу жизни буду черпать в том,
Что я тобой — сокровищем — владею,
Что свидимся мы вновь.

Постум

Моя царица!

Любовь моя! О милая, не плачь,
Иначе повод я подам к упрекам

В чувствительности большей, чем мужчине
Пристало. Буду самым верным я
Из всех мужей, свяжую клятву давших.
Филарио, друг моего отца,
Мне в Риме даст приют, хоть лишь по письмам
Мы с ним знакомы. Мне туда пиши,
Владычица моя; я стану жадно
Впивать слова твои, хотя б из желчи
Чернила были.

Входит королева.

Королева

О, скорей! Расстаньтесь!
Коль явится король, то на меня
Падет его неистовая злоба.

(В сторону.)

Я приведу его сюда сама;
Поссорившись со мной, он щедро платит
Потом за примирение.

(Уходит)

Постум

Когда бы
Всю жизнь прощались мы, разлуки горечь
Все только возрастала бы. Прощай!

Имогена

Нет, погоди немного!
Ведь даже на прогулку уезжая,
Со мною дольше бы прощался ты.
Смотри — вот перстень матери моей.
Возьми его, любимый, и храни,
Пока другой жены не изберешь,
Когда меня не станет.

Постум

Что? Другой?
О небеса, мне эту сохраните!
Ее одну! Пусть смерть меня избавит
От ласк другой жены.

(Надевая кольцо.)

Остаюсь здесь,
Пока я жив.— Прекрасная моя!
Когда свою ничтожность дал в обмен

Я за любовь твою, неисчислимый
Убыток понесла ты,— так и ныне
Я выгадал, подарками меняясь.
Возьми на память и носи вот эти
Любви оковы; их я надеваю

(надевает ей на руку браслет)

На узницу прелестную.

И м о г е н а

О боги!

Когда ж опять мы свидимся?

Входят Цимбслин и вельможи.

Король!

Ц и м б е л и н

Бесчестный, вон! Прочь с глаз моих! И если
Ты двор еще хоть раз обременишь
Присутствием своим, конец тебе!
Ты яд в крови моей!

П о с т у м

Храни вас небо

И всех достойных здесь. Я уйду.

(Уходит.)

И м о г е н а

У смерти мук ужасней быть не может!

Ц и м б е л и н

Ты, лживая преступница! Могла бы
Ты молодость мою вернуть — так нет,
Меня ты на год старишь.

И м о г е н а

Государь,

Себе волненьем злобным не вредите,
Ваш гнев меня не тронет. Скорбь во мне
Убила страх и совести укоры.

Ц и м б е л и н

И послушанье? Кротость?

И м о г е н а

Тем, кто был

Лишен надежды, чуждо послушанье.

Ц и м б е л и н

Прииц должен был твоим супругом стать!

И м о г е н а

И счастье, что не стал. Орла избрав,
Я коршуна отвергла.

Ц и м б е л и н

Ты нищего взяла! Хотела ты
Ничтожество на трон мой возвести?

И м о г е н а

Нет, новым блеском трон ваш озарить.

Ц и м б е л и н

И это дочь моя? Ах, негодяйка!

И м о г е н а

Вы, вы виной, что Постума люблю я!
Вы нас растили вместе. Он достоин
Прекраснейшей из всех на свете женщин!
Я перед ним ничто!

Ц и м б е л и н

Она безумна!

И м о г е н а

Почти! — О небо, помоги! — Ах, если б
Отец мой был пастух, а Леонат
Сын пастуха-соседа!

Входит королева.

Ц и м б е л и н

Замолчи!

(Королеве.)

Они опять встречались! — Мой приказ
Нарушили вы вновь. — Убрать ее,
И под замок!

К о р о л е в а

Ах, успокойтесь! Тише! —
Дочь милая, сдержись! — Мой повелитель,
Оставьте нас одних и постарайтесь
Развлечься...

Ц и м б е л и н

Нет. Пусть день за днем от горя
Кровь иссыхает в ней! Пускай она,
Состарившись, умрет в своем безумье.
(Уходит.)

К о р о л е в а

(Имогене)

Стыдись же! Уступи!

Входит П и з а н и о.

Вот твой слуга.

(К Пизанию.)

Что скажешь?

П и з а н и о

Сын ваш только что напал
На господина моего.

К о р о л е в а

О небо!

Надеюсь я, несчастья не случилось?

П и з а н и о

Могло случиться, но хозяин мой
Скорей играл беззлобно с ним, чем дрался.
Поблизости случившиеся люди
Разняли их.

К о р о л е в а

Ах так? Я очень рада.

И м о г е н а

Ваш сын в ладу с моим отцом! Напасть
На изгнанного! Нет, каков храбрец!
В пустыне им сойтись бы, так с иглою
Стояла бы я рядом и колола
Того, кто отступает.— Почему
Ты господина своего оставил?

П и з а н и о

Он так велел и, не позволив в гавань
Его сопровождать, наказ мне дал,
Как вам служить,— коль вам угодно будет
Принять мои услуги.

К о р о л е в а

Он был верным
Слугою вам, и я могу поклясться,
Что будет им и впредь.

П и з а н и о

Благодарю вас.

К о р о л е в а

(Имогене)

Пройдемся вместе.

И м о г е н а

(к Пизанию)

Через полчаса
Поговорим. Ты сходишь на корабль
К супругу моему. Теперь оставь нас.
Уходят.

С Ц Е Н А 2

Входят Клотен и двое вельмож.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Принц, я бы советовал вам переменить рубашку. Вы так распалены неистовым поединком, что пар валит от вас, как от только что принесенной жертвы. Ветер входит туда же, откуда выходит, но никакой ветер так не благоухает, как то, что испускаете вы.

К л о т е н

Я меняю рубашку, только когда она окровавлена. Вывел я его из строя?

В т о р о й в е л ь м о ж а

(в сторону)

Ей-богу, нет. Даже из себя не вывел.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Вывели из строя? Если вы не ранили его, значит, он весь — один дырявый скелет; у него не тело, а проезжая дорога для шпага, если вы не ранили его.

В т о р о й в е л ь м о ж а

(в сторону)

Его шпага избегала противника, как должник кредитора; она ходила стороной.

К л о т е н

Негодяй не мог устоять передо мною!

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

Как же он мог устоять, когда не стоял, а шел прямо на тебя!

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Кто устоит перед вами! У вас и так достаточно земель, а противник, отходя, уступал вам еще и ту землю, что была под ним.

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

В ней не больше дюймов, чем у тебя океанов. Олухи!

К л о т е н

Ух, как я зол, что нас растащили!

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

И я! А то бы ты шлепнулся и показал нам, какой длины бьет дурак врястяжку.

К л о т е н

И как это она могла влюбиться в такого мерзавца и отказать мне!

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

Да, если правильный выбор — грех, не спастись ей от вечного проклятия.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Принц, я всегда говорил вам, что ее красота и разум не в ладу друг с другом. Лицо ее так и светится красотой, но я не замечал, чтобы ум у нее был светлый.

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

Еще бы! Она боится светить на дураков, чтобы ей не повредило отражение.

К л о т е н

Пойдем ко мне. Все-таки досадно, что из этой встречи не вышло беды.

Второй вельможа

(в сторону)

Не нахожу. Ну убили бы осла — так это еще небольшая беда.

Клотен

Идете вы с нами?

Первый вельможа

Я вскоре последую за вами, принц.

Клотен

Ну нет, идем все вместе.

Второй вельможа

Извольте, ваше высочество.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Имогена и Пизанио.

Имогена

Хотела бы я, чтоб врос ты в берег моря
И каждый вопрошал корабль. А вдруг
Напишет муж и не дойдет письмо?
Потеря эта то же, что утрата
Прощенья узнику! Какое слово
Последним он сказал?

Пизанио

«Моя принцесса».

Имогена

Махал платком он?

Пизанио

Да, его целуя.

Имогена

Бездушный холст счастливее меня!
И это все?

Пизанио

Нет, госпожа. Пока
Я мог средь прочих различать его,

На палубе стоял он и махал
Платком своим, перчаткой или шляпой,
И по его волнению было видно,
Что так же рвался он душой назад,
Как неся вдале корабль.

И м о г е н а

Ты должен был
Глаз не сводить с него, пока не стал бы
Он меньше ворона.

П и з а н и о

Я так и сделал.

И м о г е н а

А я — я проглядела бы глаза,
А все следила бы за тем, как он
Становится все меньше, меньше, меньше
И тоньше кончика моей иглы;
Покуда он совсем бы не исчез,
Как мошка в воздухе; тогда лишь взор,
Рыдая, отвела бы. Ах, когда же,
Пизанио, о нем услышу я?

П и з а н и о

При первой же возможности, принцесса.

И м о г е н а

Я не простила с ним, а мне хотелось
Еще так много важного поведать.
Когда мы расставались, не успела
Ему я ни сказать, как стану думать
И день и ночь о нем; ни клятву взять,
Что он мне в этом Риме не изменит
С какой-нибудь лукавой итальянкой;
Ни попросить, чтоб на рассвете, в полдень
И в полночь к небесам его молитва
Взлетала и встречала там мою;
Ни дать ему, слова любви прервав,
Прощальный поцелуй. Отец ворвался,
Подобно злему северному ветру,
И почки сбил, готовые расцвести.

Входит придворная дама.

П р и д в о р н а я д а м а

Вас ждет ее величество, принцесса.

И м о г е н а

(к Пизанио)

Исполни все, что приказала я,
Иду я к королеве.

П и з а н и о

Все исполню.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Рим. В доме Филарио.

Входят Ф и л а р и о, Я к и м о, ф р а н ц у з, г о л л а н д е ц и и с п а н е ц.

Я к и м о

Поверьте, синьор, я знал его в Британии. Слава его росла, и все ждали, что он оправдает те достоинства, которые ему теперь приписывают. Но я взирал на него без всякого восхищения, хотя уж и тогда рядом с ним вывешивали список его доблестей, так что я мог прочитать его по пунктам.

Ф и л а р и о

Ты говоришь о временах, когда он еще не обладал всеми теми совершенствами души и тела, которые украшают его теперь.

Ф р а н ц у з

Я встретил его во Франции, но там было немало людей, которые не хуже его умели смотреть на солнце, не жмурясь.

Я к и м о

А вся эта история с женитьбой на дочери короля! Его теперь судят скорее по достоинствам принцессы, чем по его собственным, потому так и превозносят.

Ф р а н ц у з

И потом это изгнание...

Я к и м о

Вот-вот — сторонники принцессы, оплакивающие ее горе и печальную разлуку, как раз и рады возвеличить этого Постума. Своей хвалой они стараются доказать, что она сделала правильный выбор. Выйди она замуж за нищего, не обладающего всеми совер-

пешствами, такой поступок не выдержал бы и самого легкого обстрела. Но каким образом он поселился у вас? Как вы завели с ним знакомство?

Ф и л а р и о

Мы с его отцом оба были воинами, вместе сражались. И не раз я ему бывал обязан жизнью.

Входит Постум.

Вот идет наш британец. Примите его, как подобает людям вашего положения принять достойного чужеземца. (*Знакомит с Постумом.*) Прошу вас всех поближе познакомиться с моим благородным гостем и другом. Он достоин вашей дружбы, и время скоро убедит вас в его доблестях, поэтому сейчас, в его присутствии, я не стану воздавать ему хвалу.

Ф р а н ц у з

По-моему, мы с вами уже встречались в Орлеане?

П о с т у м

Да, и с того времени я ваш неоплатный должник. Вы оказали мне так много любезностей, что, сколько бы я ни старался уплатить свой долг, я так и не смог бы расплатиться до конца.

Ф р а н ц у з

О, вы преувеличиваете мою ничтожную услугу. Я рад был примирить вас с моим земляком. Было бы обидно, если бы такая пустячная ссора привела к кровавой развязке.

П о с т у м

Простите, сударь, тогда я был молодым путешественником и предпочитал поступать по-своему, а не руководствоваться мнением людей более опытных. Теперь — прошу не счесть это хвастовством — я стал рассудительнее и все же считаю, что повод для ссоры был в тот раз не так уж ничтожен.

Ф р а н ц у з

Может быть, но, во всяком случае, не стоило решать спор мечами. Особенно таким противникам, как вы. Ведь ваш поединок мог кончиться только смертью одного или обоих.

Я к и м о

Не будет ли нескромностью спросить, что послужило причиной этой ссоры?

Француз

О нет! Ссора произошла публично, и нет никаких оснований о ней умалчивать. Это было очень похоже на наш вчерашний спор, когда каждый из нас превозносил красавиц своей страны. В те дни этот дворянин утверждал и был готов подтвердить свое мнение кровью, что его дама прекраснее, добродетельнее, умнее, а главное, неприступнее, чем самая прелестная дама Франции

Якимо

А теперь либо эта дама скончалась, либо ее рыцарь уже не настаивает на своем утверждении?

Постум

Я остался при своем мнении, так же как она при своей добродетели.

Якимо

Но не станете же вы утверждать, что она превосходит наших итальянок?

Постум

Если меня к этому принудят, как тогда во Франции, я не отступлюсь от своего мнения; пусть даже меня сочтут не ее возлюбленным, а лишь поклонником ее совершенств.

Якимо

Как! Сравнить ее по красоте и добродетели с итальянками! Нет, это даже при игре словами слишком лестно для любой британской дамы! Пусть она даже превосходит всех дам, которых я знаю, как этот перстень на вашем пальце превосходит все перстни, которые мне доводилось видеть, — я и тогда скажу: она лучше многих! Но ведь я не видел самого лучшего в мире перстня, а вы — лучшей в мире дамы.

Постум

Я оцениваю ее по ее собственным достоинствам, так же как и свой перстень.

Якимо

А как вы их оцениваете?

Постум

Выше всех даров вселенной.

Якимо

Значит, ваша несравненная дама умерла, если такую безделушку вы оцениваете выше ее?

П о с т у м

Вы ошибаетесь. Перстень может быть куплен или подарен. Куплен тем, у кого есть достаточно денег для покупки, подарен тому, кто заслуживает такого подарка. Дама, о которой я говорю, не может быть куплена. Она — дар богов.

Я к и м о

И боги поднесли ее в дар вам?

П о с т у м

Да, и по милости богов она останется моей.

Я к и м о

Конечно, по имени вы можете считать ее своей. Но знаете, утки любят ловить рыбу в соседском пруду. Перстень ваш тоже может быть украден. Итак, оба ваши бесценные сокровища ненадежны. Ловкий вор и опытный волокита могут лишить вас и той и другой драгоценности.

П о с т у м

Никогда! Во всей Италии не найдется такого искусного волокиты, который мог бы одержать победу над честью владычицы моего сердца. Воров у вас здесь достаточно, не сомневаюсь, и тем не менее за свой перстень я тоже не боюсь.

Ф и л а р и о

Прекратите этот разговор, синьоры.

П о с т у м

Охотно. Мне очень приятно, что этот достойный синьор не считает меня чужим. Мы с ним сразу сблизились.

Я к и м о

Вы в этом уверены? Один разговор, раз в пять длиннее этого, и я отбил бы у вас вашу красавицу. Представься мне только случай поухаживать за ней, я бы мигом заставил ее сдаться.

П о с т у м

Ну нет!

Я к и м о

Я готов побиться об заклад на половину моего состояния против вашего перстня, хотя, на мой взгляд, оно стоит несколько больше. Но ведь я оспариваю не столько честь вашей дамы, сколько вашу уверенность в ней. А для того чтобы мое предложение

не оскорбило вас, я готов попытаться соблазнить любую женщину в мире, а не вашу даму.

Постум

Вы заблуждаетесь в своих чересчур смелых утверждениях. Я не сомневаюсь, что ваши попытки встретят то, чего заслуживают.

Якимо

Что же?

Постум

Отказ. Хотя подобная попытка, как вы ее называете, заслуживает не только отказа, но и наказания.

Филаро

Синьоры, довольно. Ваш спор возник внезапно, пусть он так же и закончится. Прошу вас сначала познакомиться поближе.

Якимо

Я готов ответить за свои слова не только своим состоянием, но и состоянием своих родных.

Постум

Какую даму вы избираете для своей попытки?

Якимо

Вашу, которую вы считаете такой недоступной и верной. Ставлю десять тысяч дукатов против вашего перстня! Но вы должны дать мне возможность проникнуть во дворец принцессы и, не больше чем после второго свидания, я вам привезу ее честь, хотя вы и считаете ее такой неприступной.

Постум

Против вашего золота я тоже ставлю золото! Этот перстень дорог мне, как мой палец,— он часть его.

Якимо

И вы боитесь его потерять? Но заплатите вы даже миллион за золотник женского мяса, вам и тогда не уберечь его от порчи. Впрочем, я вижу, что для вас она святыня и потому вы так боитесь.

Постум

Ваш язык болтает по привычке; я надеюсь, что намерения у вас не столь бесчестны.

Я к и м о

Я хозяин своему слову и клянусь, я готов отвечать за предложенный мной заклад.

П о с т у м

Да? Ну что же, я готов отдать в залог мой перстень до вашего возвращения. Мы подпишем договор по всей форме. Добродетель моей дамы стоит выше всех ваших недостойных замыслов, ей нечего опасаться. Ну, так я принимаю ваш вызов. Вот мой перстень!

Ф и л а р и о

Я не допущу такого заклада!

Я к и м о

Клянусь богами, заклад состоялся! Если я не привезу вам достаточных доказательств, что наслаждался владычицей вашего сердца, то мои десять тысяч дукатов принадлежат вам вместе с перстнем. Если я вернусь, оставив ее такой же непорочной, какой вы ее считаете, то она — ваше сокровище, и ваш перстень и мое золото принадлежат вам. Но все это при том условии, что вы мне дадите рекомендательное письмо и я получу к ней свободный доступ.

П о с т у м

Согласен! Но и я поставлю условие. Если вы по возвращении доставите мне явные доказательства вашей победы — мы с вами не враги, ибо в таком случае дама не стоит нашего спора. Если же она отвергнет вас и вы не сможете доказать ее измены, то вы с мечом в руках ответите мне за ваше оскорбительное мнение о ней, за дерзкое покушение на ее честь!

Я к и м о

По рукам! Я согласен. Мы скрепим наш спор договором, и я немедленно отправляюсь в Британию. Боюсь, что, если буду медлить, пыл ваш угаснет и наш заклад зачахнет без пищи. Иду за деньгами, и мы сейчас же составим письменное условие.

П о с т у м

Согласен!

Постум и Якимо уходят.

Ф р а н ц у з

Как вы полагаете, они доведут спор до конца?

Ф и л а р и о

Да. Якимо не отступится. Пойдем за ними!

Уходят.

СЦЕНА 5

Британия. Компата во дворце Цимбелина.

Входят королева, придворные дамы и Корнелий.

Королева

Скорей, пока роса, цветов нарвите.
А у кого их список?

Первая дама

У меня.

Королева

Ступайте!

Придворные дамы уходят.

Ну, доктор, ты мне снадобья принес?

Корнелий

Да, государыня; вот здесь они.

(Подает ей ящичек.)

Но умоляю вас, не обижайтесь
На мой вопрос — он совестью подсказан;
К чему вам эти страшные составы,
Ведущие хоть медленно, но верно
К ужасной смерти?

Королева

Доктор, твой вопрос
Мне странен. Не твоей ли ученицей
Была я долго? И не ты ль меня
Учил, как надо составлять лекарства?
Их очищать? Хранить? Король и тот
Хвалил мое умение. Если в этом
Я преуспела (ты ведь не считаешь,
Что я в связи с нечистым), так не должно ль
Мне расширять познания свои
На опытах? Я силу этих зелий
Испробую, не бойся, не на людях —
На тварях, недостойных и петли.
Я действие составов изучу,
Противоядья применю, узнав
Все свойства их.

К о р н е л и й

Но опыты такие
Ожесточают сердце, ваша милость.
За действием отравы наблюдать
И тягостно и вредно.

К о р о л е в а

Успокойся!

Входит Пизанио.

(В сторону.)

А, льстивый плут! С тебя я и начну.
Враг сына моего, за господина
Горой стоишь ты.

(Грохко.)

Это ты, Пизанио? —
В гебе я больше не нуждаюсь, доктор.
Сгупай.

К о р н е л и й

(в сторону)

Нет, я тебе не доверяю,
По никому ты зла не причинишь.

К о р о л е в а

(к Пизанио)

Хочу тебе сказать я кое-что...

К о р н е л и й

(в сторону)

Я не люблю ее. Пускай считает,
Что получила медленные яды.
О, никогда б такой душе коварной
Не вверил я столь страшную отраву.
Начнет она, быть может, с псов и кошек,
Потом пойдет и дальше, но вреда
От мнимой смерти никому не будет.
Мои составы только оглушают,
Лишь ненадолго притупляя чувства.
Настанет срок — и дух почти угасший
Вновь оживет! Я обману ее,
Служа обманом правде.

К о р о л е в а
(Корнелию)

Ты свободен,

Пока не призову.

К о р н е л и й
Я повинуюсь.
(Уходит.)

К о р о л е в а
(к Пизанию)

Ты говоришь, она все время плачет?
Ужели не поддастся уговорам
И разум в ней безумье не осилит?
Так действуй же! Ты только дай мне знать,
Что мил ей сын мой, — и, поверь, я тотчас
Тебя вельможей сделаю таким же,
Как господин твой был, и даже выше!
Безмолвствует теперь его Фортуна,
И при последнем издыханье — честь.
Ни жить, где он живет, ни возвратиться
Нельзя ему. Менять места? — Он этим
Одни мученья сменит на другие,
И с каждым новым днем он разрушает
Труды минувших дней. Так что ж ты ищешь
Опоры в том, кто, падая, не сможет
Подняться вновь; кто потерял навеки
Друзей, способных поддержать его?..
(Роняет ящичек.)

Пизанию поднимает его.

Не знаешь ты, что поднял. Но в награду
За труд возьми себе. Здесь мой состав,
Пять раз от смерти короля спасавший.
Такого укрепляющего средства
Нет больше в мире. — Ну прошу, возьми
В залог тех благ, что я тебе готовлю.
С принцессой же поговорить ты должен
Так... ненароком... будто от себя;
Ей опиши, что ждет ее... Ты понял,
Какое счастье выпадет тебе?
Благоволение сохранишь принцессы,
Любимцем станешь сына моего;
Заставлю короля тебя возвысить,
Как ты захочешь; и сама по-царски

Тебя за все старанья награжу.
Зови придворных дам. Слова мои
Обдумай.

Пизанио уходит.

Верен и хитер! Его
Не купишь. Он раб Постума и страж
Супружеского долга Имогены.
Но я дала ему такого зелья,
Что если примет, то навек она
Посланца к другу милому лишится,
А коль она не сдастся, то сама
Отведает того же.

Входят Пизанио и придворные дамы.

Принесли?

(Разглядывает цветы.)

Фиалки, примулы и анемоны...
Снесите их ко мне. — Прощай, Пизанио.
Подумай же!

Пизанио

Да, да. Примусь за дело.

Королева и придворные дамы уходят.

Мне — господину изменить! Ну нет!
Скорей повешусь — вот вам мой ответ!

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Там же. Другая комната.

Входит Имогена.

Имогена

Отец жесток, а мачеха коварна;
Жених — глупец; посвататься ко мне,
Жене изгнанника! Ах, муж мой милый,
Венец моей тоски! Я так страдаю!
Зачем меня, как братьев, не украли!
Вот было б счастье! О, как тяжело бремя
Величья царского! Блажен бедняк,
Чьи скромные сбываются желанья...

Входят Пизанио и Якимо.

Кто там?

П и з а н п о

С письмом от вашего супруга
Из Рима к вам прибывший дворянин.

Я к и м о

Принцесса, отчего вы побледнели?
Ваш благородный Леонат здоров
И кланяется вам.

И м о г е н а

Благодарю.
Добро пожаловать, я очень рада.

Я к и м о

(в сторону)

В ней все, что видно взору, — совершенство!
Коль так же и душа ее прекрасна,
То, значит, предо мною чудо, феникс,
И проиграл я! Дерзость, будь мне другом!
Вооружи меня надежно, ложь!
Не то и мне придется, как парфьянам,
Сражаться на бегу — верней, бежать.

И м о г е н а

(читает)

«Он принадлежит к одному из самых благородных домов, и я бесконечно обязан его доброте. Прими его достойно, если тебе дорог твой преданный Леонат».

Я вслух могла прочесть вам только это,
Все остальное лишь меня касалось
И мне согрело сердце. Гость любезный,
Нет слов, чтобы сказать, как я вам рада.
Но вы и сами по моим погупкам
В том убедитесь.

Я к и м о

Очень благодарен.

(Пристально смотрит на нее.)

О, как безумны люди! Им богами
Даны глаза, чтоб видеть свод небесный,
Раскинутый над морем и землей;
Чтоб различать сверкающие звезды,

Каменья на кремнистом берегу,—
И эти же глаза не отличают
Дурное от прекрасного!

И м о г е н а

Но что

Так удивляет вас?

Я к и м о

Нет, не глаза

Виною здесь. Ведь даже павиан
Из самок двух красивую избрал бы,
С гримасой отвернувшись от уроды.
Тут неповинен ум: глупец и тот,
Красу такую видя, станет мудрым.
Тут ни при чем и чувственность: ведь страсть,
Которая такому совершенству
Предпочитала б грязь, была бы только
Бессильным возбуждением, неспособным
Желанье утолить.

И м о г е н а

Что вы сказали?

Я к и м о

И лишь один сосуд бездонный — похоть,
Неутолимая в своих желаньях,
Пожрав сначала нежного барашка,
На требуху кидается...

И м о г е н а

Что с вами?

Вы не больны?

Я к и м о

Благодарю. Здоров я.

(К Пизанио.)

Прошу тебя: слуга мой там остался,
Он никого не знает, да и робок,—
Пайди его.

П и з а н и о

А я как раз хотел

С ним познакомиться.

(Уходит.)

И м о г е н а

Что мой супруг? Скажите, он здоров?

Я к и м о

Здоров, принцесса.

И м о г е н а

Весел или грустен?

Надеюсь, весел?

Я к и м о

Меж иностранцев первый он шутник
И весельчак. Поэтому его
Прозвали мы повесою-британцем.

И м о г е н а

А здесь он больше склонен был к печали,
Порою беспричинной.

Я к и м о

Быть не может!

К печали? Он? Поверить не могу.
Есть в Риме у него француз-приятель,
Влюбленный в девушку своей страны.
Он все вздыхает, а шутник британец —
Ваш муж — над ним хохочет, повторяя:
«Со смеху лопнешь, глядя на мужчину,
Который из примеров, книг, молвы
И собственного опыта узнав,
Что женщина собою представляет,
Во что ей превратиться суждено,
В часы досуга станет тосковать
По прочному ярму».

И м о г е н а

Так говорит он?

Я к и м о

Да, да, притом смеясь до слез, принцесса!
Быть с ним и слушать шутки над французом —
Потеха просто! Видит небо, все
Не без греха мужчины.

И м о г е н а

Но не он!

Я к и м о

О нет! Но за дары небес он мог бы
Признательнее быть. А что до вас,
Доставшейся ему не по заслугам,—
Я столь же удивляться принужден,
Сколь и жалеть.

И м о г е н а

Кого жалеть, скажите?

Я к и м о

Обоих — от души!

И м о г е н а

Как ! И меня?

Вы так глядите... Чтó во мне такое
Внушает жалость вам?..

Я к и м о

Весьма прискорбно!..
Ах!.. От сиянья солнца отвернуться
И предпочесть ему ночник тюремный!..

И м о г е н а

Прошу вас, отвечайте откровенней:
Что вынуждает вас жалеть меня?

Я к и м о

То, что другие...
Едва не вырвалось — владеют вашей...
Но пусть уж боги разберутся в этом —
Не мне судить.

И м о г е н а

Вам, вероятно, сударь,
Известно что-то обо мне; прошу,
Скажите же. Ведь предвкушение горя
Порой страшной уверенности в нем;
Коль зло непоправимо — с ним миришься,
Но, вовремя узнав о нем, возможно
Предотвратить беду. Что вас толкает
И сдерживает вместе с тем?

Я к и м о

О, если б
К такой щеке я мог прильнуть устами,

Взять эту руку, чье прикосновение,
Одно прикосновение призывает
Дать верности обет! Владеть всем тем,
Что жадный взор влечет мой,— неужели —
Проклятье мне! — слюнявил бы я губы,
Доступные любому, как ступени
У Капитолия; иль руки жал
Шершавые от грязных, лживых ласк,
Как от работы; иль глядел любовно
В бесцветные глаза, чей тусклый блеск
Не ярче, чем мерцанье фитиля,
Чадающего в зловонной плошке с салом?
Достоин был бы я всех адских мук,
Когда бы грех такой свершил.

И м о г е н а

Мой муж

Забыл меня!

Я к и м о

Он сам себя забыл!
Его б не выдал я, но ваша прелесть
Моей безмолвной совести велела
Открыть его измену языку.

И м о г е н а

Я слушать больше не хочу. Довольно!

Я к и м о

О чистая душа! Мне ваше горе
Сжимает сердце жалостью до боли!
Жену свою, красавицу такую,
Которая любого из монархов
Могла б возвысить,— приравнять к блудницам,
Продавшимся ему за ваши деньги,
К подлецим тварям, девкам, что способны
Корысти ради на любую мерзость!
Их гниль опасней яда. Огомстите!
Иль ваша мать была не королевой?
Иль вы забыли род свой?..

И м о г е н а

Отомстить?

Но как же мстить? Будь это даже правда,
Не так легко ушам поверит сердце,

Не так поспешно... Если это правда,
Как мстить ему?

Я к и м о

Меня бы не заставил
Он жить весталкой меж холодных простынь,
Когда он сам утехам предается
За ваш же счет, смеясь над вами! Мстите!
Я предлагаю вам себя, принцесса,
Взамен того, кто изменил вам низко.
Хранить любовь я обещаю вашу
И тайно и надежно.

И м о г е н а

Что? — Пизанио!

Я к и м о

Могу ль скрепить обст мой поцелуем?

И м о г е н а

Прочь от меня! Я проклинаю уши,
Тебе внимавшие! — Будь честен ты,
Ты эту сказку рассказал бы мне
Из добрых, а не грязных побуждений.
Порочишь ты того, кто столь же чужд
Всей этой клевете, как сам ты чести,
И смеешь соблазнять его жену,
Которой ты, как дьявол, ненавистен! —
Сюда, Пизанио! — Король, отец мой
Об этом оскорблении узнает;
Коль он сочтет, что грязный иноземец
Держаться может во дворце его,
Как в Риме у себя, в публичном доме,
И скотские намеренья свои
Нам излагать, — так двор ему не дорог
И дочь не уважает он! — Пизанио!

Я к и м о

Счастливец Леонат! Скажу одно:
Уверенность в тебе твоей жены
Заслуживает постоянства мужа,
А блеск твоих достоинств отвечает
Ее доверью. — Долгих лет вам счастья,
Супруга лучшего из всех людей
Своей страны! Вы госпожа его,

Достойная достойнейшего мужа!
Молю простить! Я лишь узнать хотел,
Сколь глубоко вы верите в него.
Теперь скажу, что есть на самом деле:
Он чистотою жизни всех затмил;
Он чародей, сердца к себе влекущий...

И м о г е н а

Как! Вы рассказали?

Я к и м о

Он словно бог,
Сошедший к смертным. Столько благородства
В душе его, что над людьми высоко
Вознесся он. Великая принцесса!
Не гневайтесь на то, что я дерзнул
Испытывать вас ложными вестями;
Ведь это только подтвердило вам,
С какою мудростью в мужья избрали
Вы лучшего из лучших на земле!
Я испытал вас из любви к нему,
Но вижу, что, в отличие от других,
Соблазну неподвластны вы. Простите!

И м о г е н а

Все прощено. Чем вам могу служить я?

Я к и м о

Благодарю. Хочу у вас просить
Услуги хоть и небольшой, но важной
Тем, что она имеет отношенье
К супругу вашему; и я с друзьями
Причастен к этому.

И м о г е н а

А что такое?

Я к и м о

Двенадцать римлян и супруг ваш с нами
(В крыле у вас он лучшее из перьев)
Купить подарок Цезарю сложились.
По просьбе их во Франции купил я
Серебряную утварь и камня
Огромной ценности. Я здесь чужой
И как сберечь сокровища — не знаю.

Не будете ль добры их взять к себе
На сохранение?

И м о г е н а

О да, охотно!
Я честию поручусь за их сохранность.
А так как и супруг мой тоже в доле,
Их спрячу в спальне.

Я к и м о

В сундуке они
Под наблюденьем слуг моих. Осмелюсь
К вам на одну лишь ночь его прислать.
Я завтра утром еду.

И м о г е н а

Нет, о нет!

Я к и м о

Я должен ехать, иль нарушу слово.
Из Галлии я плыл через моря
Лишь потому, что видеть вашу светлость
Желал и обещал.

И м о г е н а

Благодарю.
Но завтра вы не едете?

Я к и м о

Обязан!
Прошу вас, если можно, напишите
Сегодня же супругу. Я и так
Замешкался, а наш подарок нужно
Доставить вовремя.

И м о г е н а

Я напишу.
Сундук пришлите. Сохранен он будет
И отдан в целости. Желаю счастья.

Уходят.





А К Т II

С Ц Е Н А 1

Британния. Двор перед дворцом Цимбеллина.

Входят Клотен и двое вельмож.

К л о т е н

Видел ли кто такое невезение? Мой шар катится прямо к цели, как вдруг налетает второй шар — бац! — ста фунтов у меня как не бывало! А этот ублюдок с обезьяньей рожей еще кричит, зачем я ругаюсь, как будто я беру ругательства у него взаймы и не имею права ругаться, сколько мне вздумается!

П е р в ы й в е л ь м о ж а

А чего он добился? Вы проломили ему голову шаром, и делу конец.

В т о р о й в е л ь м о ж а

(в сторону)

Было бы у него столько ума, сколько у тебя, так мозгу не вытекло бы ни одной капли.

К л о т е н

Пусть знает, что, когда знатному человеку придет охота ругаться, никто из присутствующих не смеет его останавливать.

Второй вельможа

Конечно, принц! (*В сторону.*) Так же как и ты не имешь права терзать наш слух своей руганью.

Клотен

Сукин сын! Он еще требует удовлетворения! Как бы не так! Вот будь он мне ровней...

Второй вельможа

(*в сторону*)

То есть будь он такой же круглый дурак, как ты...

Клотен

Чума его возьми! Из-за чего-нибудь другого я бы так не разозлился. Лучше бы уж я не принадлежал к такому высокому роду. Из-за того, что мать моя — королева, никто не смеет драться со мной. Любой мужлан может в свое удовольствие драться с кем захочет и сколько захочет, а я вынужден шагать как петух, к которому никто не смеет подступить!

Второй вельможа

(*в сторону*)

Не петух ты, а каплун! Петушиного в тебе только то, что ты петушишься.

Клотен

Что ты сказал?

Второй вельможа

А то, что вам не пристало драться с каждым, кого вы оскорбляете.

Клотен

Конечно! Но мне пристало оскорблять всех, кто ниже меня.

Второй вельможа

Это только вам и пристало, ваше высочество.

Клотен

Вот и я то же самое говорю.

Первый вельможа

Слыхали вы, принц, что ко двору прибыл чужестранец?

К л о т е н

Как! Прибыл чужестранец, а я этого еще не знаю?

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

Ты еще, например, не знаешь того, что ты дурак.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Он итальянец и, говорят, друг Постума.

К л о т е н

Друг этого изгнанного подлеца? Значит, он сам тоже подлец!
Кто тебе сказал об этом итальянце?

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Один из ваших пажей.

К л о т е н

А что, если я пойду и посмотрю на него? Ведь этим я себя
не унижу в глазах света?

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Вам невозможно себя унижить, ваше высочество.

К л о т е н

Я тоже так думаю!

В т о р о й в е л ь м о ж а
(в сторону)

Ты такой отъявленный дурак и так низок, что ниже тебе уже
не стать, как ни старайся.

К л о т е н

Пойду взгляну на этого итальянца! А то, что я проиграл в
шары днем, отыграю у него сегодня вечером.

В т о р о й в е л ь м о ж а

Я следую за вами, прищ!

Клотен и первый вельможа уходят.

В т о р о й в е л ь м о ж а

Могла же мать, лукавая как дьявол,
Родить осла такого! Нет преград,
Которых бы она не одолела

Умом своим, а олух, сын ее,
Не может вычестъ двух из двадцати,
Чтоб вышло восемнадцать.— О принцесса,
Что терпишь ты, бедняжка, от отца,
Покорного раба своей жены,
Плетущей ежечасно злые козни!
От домогательств жениха — они
Тебе страшнее, чем изгнанье мужа,
Чем с ним разлука... Небо, укрепи
Твердыню чести в ней! Да не падет
Храм разума ее. Пошли ей сил,
Чтоб выстоять могла она в несчастье,
Соединиться с мужем наконец
И царский на главу надеть венец.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Спальня Имогены. В углу стоит сундук.
Имогена читает, лежа в постели. В отдалении Елена.

И м о г е н а

Кто там? Елена, ты?

Е л е н а

Да, да, принцесса.

И м о г е н а

Который час теперь?

Е л е н а

Подходит полночь.

И м о г е н а

Читаю три часа; глаза устали.
Загни листок вот тут и спать ложись.
Не уноси свечу, пускай горит;
А если ты часа в четыре встанешь,
То разбуди меня. Я засыпаю.

Е л е н а уходит.

Вверяюсь вам, о боги. Охраните
Меня от искусителей ночных
И духов злых, молю!

(Засыпает.)

Из сундука вылезает Якимов.

Я к и м о

Трещит сверчок, и дух усталый ищет
Во сне отдохновенья. Так Тарквиний,
Раздвинув полог тихо, разбудил
Невинность оскорбленьем. Киферея!
Ты украшение ложа своего,
Ты лилий чище и белее простынь.
О, если бы я мог тебя коснуться!
Один лишь поцелуй! Всего один...
Желанные уста ее — рубины,
Ее дыханье аромат струит;
Огонь свечи к ней клонится и хочет
Взглянуть под сень ресниц и увидеть
Покровом нежных век прикрытый свет,
Струящийся из глаз ее лазурных...
Но должен я все в комнате запомнить
И записать... вон там окно... картины...
Они изображают... Ах, вот если б
Найти примет у нее на теле...
Ведь это было бы куда важнее,
Чем тысячи предметов обстановки,
Для подтвержденья лжи моей. О сон,
Ты обезьяна смерти, охвати
Ее сильней, чтоб Имогена стала
Бесчувственной, как изваянье в храме.
Стащу-ка я браслет с ее руки!

(Снимает с ее руки браслет.)

Снимайся же! Так снять его легко,
Как узел гордиев распутать трудно.
Он мой! И это столь же непреложно,
Как то, что муж ее сойдет с ума,
Едва его увидит. А вот здесь,
Под левой грудью, родинка у пей:
Пять пятнышек — как пять пурпурных точек
На венчике у буквиц. Вот улика!
Сильней не нужно даже и в суде.
Поверит Постум, что, сорвав замок,
Клад чести я украл. Чего же больше?
Зачем писать? Запечатлелось все
И в память врезалось. Она читала
Историю Терей; загнут лист
На месте, где сдается Филомела.
Пора опять в сундук. Замкну пружину.
Скорей, драконы тьмы! Не то рассвет

Заставит очи ворона ослепнуть.
Как страшно стало мне... Скорей назад!
Хоть ангел здесь, но в этих стенах ад.

Бьют часы.

Один, два, три — пора, пора мне скрыться.
(Причется в сундук.)

С Ц Е П А З

Комната, примыкающая к покоям Имогены.
Входят Клотен и двое вельмож.

Первый вельможа

Вы, принц, поразительно спокойно относитесь к проигрышу.
Я никогда не видал такого хладнокровного игрока.

Клотен

Когда проигрываешься в пух и прах, поневоле чувствуешь
холод.

Первый вельможа

Но редко кто так мирится с проигрышем. Зато, выигрывая, вы
становитесь сущим дьяволом.

Клотен

Еще бы! Выигрыш горячит и бодрит! Овладеть бы мне только
этой дурой Имогеной! Вот тогда бы я набил золотом карманы! —
Что это? Светает?

Первый вельможа

Уже утро, принц.

Клотен

Так тащите сюда музыкантов! Мне советовали каждое утро
преподносить Имогене порцию музыки!

Входят музыканты.

Живей! Живей! Настраивайте инструменты! Для начала сыграйте
какую-нибудь штучку, а потом великолепнейшую арию с такими
забористыми словечками — вот тогда посмотрим, что будет. Если
вам удастся расшевелить ее пальцами, я довершу дело языком.
А не захочет, пусть делает что хочет.

Песня

Чу! Жаворонка песнь звончей
Песется с высоты;
Проснулся Феб — его коней
Росой поят цветы.
Открылись ноготков глаза
Златисты и чисты.
Как все прекрасное, вставай,
Любовь моя, и ты!
Вставай! Вставай!

Хватит! Проваливайте! Если это на нее подействует — честь и слава вашей музыке. Нет — так, значит, уши у нас с пьезом и, сколько ни пили конским волосом по бараньей кишке, — не поможешь.

Входят Цимбелин и королева.

Второй вельможа

Король идет!

Клотен

Вот и чудесно, что я не ложился спать. Теперь можно сказать, что чуть свет — я уж на ногах! Король обрадуется, что я так люблю его дочь. С добрым утром, ваше величество, с добрым утром, матушка!

Цимбелин

Суровой нашей дочери ты ждешь
Здесь у дверей? Она не выходила?

Клотен

Я пытался атаковать ее слух музыкой, но она не обратила на меня ни малейшего внимания.

Цимбелин

Грустит она об изгнанном супруге,
Но время неминуемо сотрет
В душе ее печать воспоминаний;
Тогда она — твоя.

Королева

Ты королю
Обязан всем, тебя он превозносит
И хвалит дочери, он твой ходатай,
Но ты и сам пленить ее старайся,

Влюби ее в себя. Ее отказы
Пускай твое усердие умножат.
Пусть мнит она, что жизнь ты посвятил
Служенью ей; не спорь, не ссорься с нею,
Но, если с глаз она тебя погонит,
Стань глух и нем.

К л о т е н

Что? Глух и нем! Ну нет!

Входит гонец.

Г о н е ц

Явились, государь, послы из Рима.
Средь них Кай Луций.

Ц и м б е л и н

Благородный муж!
Он прибыл к нам сейчас с недоброй целью,
Но в том не виноват и будет прият,
Как сан того, кем послан он, велит.
Он в прошлом нам оказывал услуги,
И мы должны почтить его. — Мой сын,
Поговорив с невестой, возвратись,
Чтоб вместе нам принять посла из Рима. —
Пойдемте, королева.

Цимбелин и королева уходят.

К л о т е н

Коль проснулась,
Я с ней поговорю, а если нет,
Пускай лежит и грезит.

(Стучит в дверь.)

Эй, откройте!

Служанки с ней... А если подкупить
Одну из них? Все двери распахнет
Пред нами золото. Оно заставит
Лесничих изменить самой Диане
И гнать ее оленя прямо к вору;
Невинного убьет, спасет злодея,
А иногда обоих в петлю сунет;
Все золото устроит и расстроит!
Найму-ка я ходатаем своим
Ее служанку. Сам я не мастак
В таких делах. Откройте, эй, откройте!

Входит придворная дама.

Д а м а

Кто здесь стучит?

К л о т е н

Вельможа.

Д а м а

Как! И только?

К л о т е н

А также сын весьма вельможной дамы.

Д а м а

Немногие из тех, кому портной
Обходится так дорого, как вам,
Похвастать могут этим. Что угодно?

К л о т е н

Принцессу мне. Она готова?

Д а м а

Да,

Готова в комнате своей остаться.

К л о т е н

Послушайте, вот золото, берите,
Мне слава добрая нужна.

Д а м а

Но чья же?

Моя? Иль я должна ославить вас?

Сюда идет принцесса.

Входит И м о г е н а.

К л о т е н

Прекрасная сестрица, с добрым утром.
Позвольте ручку.

И м о г е н а

С добрым утром, принц.
Хлопочете вы, право, понапрасну.
Вам в благодарность лишь скажу, что я
Настолько благодарностью бедна,
Что уделить ее вам не смогу.

К л о т е н

Но я клянусь в любви.

И м о г е н а

Не все равно ли,
Клянетесь вы иль просто говорите —
Я слушать не хочу.

К л о т е н

Что за ответ?

И м о г е н а

Я с вами говорю лишь для того,
Чтоб вы молчанье не сочли согласием.
Оставьте наконец меня в покое;
Лишь резкость встретят ваши угождения.
Ужель такому умнику, как вы,
Отказ мой не понятен?

К л о т е н

Вы безумны!
В таком безумье вас грешно оставить,
И я не согрешу.

И м о г е н а

На этом свете
Лишь дураки с ума не сходят.

К л о т е н

Что?

Так я дурак?

И м о г е н а

Раз я безумна — да.
Отстаньте — и пройдет мое безумье;
Мы оба исцелимся. Принц, мне жаль,
Что я приличья из-за вас забыла
И так резка. Раз навсегда поймите:
Я не люблю вас. Говорю открыто,
Свое проверив сердце. До того
Мне чуждо снисхождение к вам, что вас
До глубины души я ненавижу.
Простите, но, пойми вы это сами,
Я не была бы так дерзка.

К л о т е н

Но вы

Грешите непокорностью отцу.
Ваш брак с безродным, недостойным нищим,
Которому из милости кидали
Объедки с царского стола, — не брак!
Пусть черни низкой, как и Постум ваш,
Разрешены те узы, от которых
Плодятся только нищие ублюдки, —
Но вы принцесса, вы от уз таких
Ограждены престолом, и не вам
Пятнать свой сан с рабом, отребьем грязным,
Наемником, рожденным для ливреи.
С каким-то приживалом, недостойным
Быть даже свинопасом.

И м о г е н а

Негодяй!

Будь ты потомком солнца самого,
Знай, и тогда ты был бы недостоин
Его рабом назваться. Для тебя
Великой честью было бы служить
Подручным палача в его владеньях,
Где с ненавистью думали бы все,
Что ты не по заслугам вознесен.

К л о т е н

Чума его возьми!

И м о г е н а

Всего обидней,

Что смеешь ты пятнать хулою низкой
Супруга моего. Его обноски
Дороже мне волос твоих, хотя бы
От каждого из них родился принц
Такой, как ты! — Пизанию, сюда!

К л о т е н

«Его обноски»!.. Дьявол поберн...

Входит Пизанию.

И м о г е н а

Пришли ко мне служанку Доротею.

К л о т е н

«Обноски»!..

И м о г е н а

До сих пор еще дурак
Преследует меня, пугает, бесит.
Вели служанке поискать браслет.
Наверно, он упал с моей руки
Во время сна. Пусть перероят все!
Супруг мне подарил его, прощаясь,
И я вовек его не променяла б
На все сокровища любого царства.
Он, кажется, при мне был нынче утром,
А ночью, твердо помню, на руке,
Его я целовала, и надеюсь —
Не побежал он к мужу рассказать,
Что без него другого я целую.

П и з а н и о

Найдется он.

И м о г е н а

Наверно. Поищите.

П и з а н и о уходит.

К л о т е н

Я вами оскорблен! «Его обноски»!

И м о г е н а

Да, то мои слова. Подайте в суд.

К л о т е н

Я королю скажу.

И м о г е н а

И королеве;

Она меня так любит, что поверит
И худшему. Итак, прощайте, принц,
Я оставляю вас. Беситесь вволю.

(Уходит.)

К л о т е н

«Его обноски»! О! Я отомщу!

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Рим. Комната в доме Филарно.

Входят Постум и Филарно.

Постум

Синьор, не бойтесь! Я б хотел так верить,
Что милость короля верну я вновь,
Как верю в честь ее!

Филарно

Что ты предпринял

Для примиренья с ним?

Постум

Да ничего.

Быть может, переменится погода.
Пока что замерзаю я, хоть верю.
Что теплых дней дождусь; благословляю
Я вашу доброту; но, если рухнут
Надежды эти, вашим должником
Умру.

Филарно

Ты обществом своим и дружбой
За все с избытком платишь мне. Наверно,
Король уж принял Августа послов.
Кай Луций выполнит наказ успешно,
Получит дань, сберет все недоимки,
Иль римляне, которых не забыли
Еще в Британии, в нее ворвутся.

Постум

Хоть не политик я и им не стану,
Но полагаю — быть войне. Скорей
Услышит мир, что ваши легионы
В Британию вступили, чем известье,
Что дань платить мы согласились Риму.
Британцы ныне опытней, чем прежде,
Когда ваш Юлий Цезарь потешался
Над неумением их, хоть и не раз,
Смущенный их отвагой, хмурил брови.
Теперь же наше ратное искусство
И храбрость явствуют, что наш народ
Шагает в ногу с веком.

Входит Якимо.

Ф и л а р и о

Уж вернулись?

П о с т у м

Олени, видно, мчали вас по суше,
А ветры целовали паруса,
Гоня корабль обратно.

Ф и л а р и о

Мой привет!

П о с т у м

Надеюсь, из-за краткости ответа
Вернулись быстро вы?

Я к и м о

Супруга ваша

Прелестней всех, кого я в жизни видел.

П о с т у м

И лучше всех. Иначе бы пленяла
Ее краса лишь лживые сердца,
Обманывая их.

Я к и м о

Вот вам письмо.

П о с т у м

Приятное, надеюсь?

Я к и м о

Да, быть может.

Ф и л а р и о

В Британию не прибыл ли при вас
Кай Луций храбрый?

Я к и м о

Там его все ждали,

Но он не прибыл.

П о с т у м

(читая письмо)

Все пока отлично.

Еще сверкает перстень мой? Не стал
Он плох для вас?

Я к и м о

Что ж, проиграй я перстень,
Я б отдал золото. Но я готов
И вдвое дальше съездить ради ночи
Столь сладостной и быстро промелькнувшей,
Какую там провел. Ваш перстень — мой!

П о с т у м

Взять перстень трудно...

Я к и м о

Нет! Супруга ваша
Труд облегчила мне.

П о с т у м

Не прячьте, сударь,
За шуткой неудачу. Нам друзьями
Не быть, конечно.

Я к и м о

Отчего же нет?
Ведь вы условие помните? Вернись я,
Не насладившись вашею женой, —
Мы дрались бы. Но говорю открыто —
Я выиграл и честь ее и перстень
И не обидел ни ее, ни вас,
Раз действовал с согласия обоих.

П о с т у м

Докажете, что с ней делили ложе, —
Дам руку вам и перстень. Если ж нет —
За гнусный наговор на честь ее
Ваш меч пль мой хозяина лишатся,
Нль оба сразу пусть осиротеют
И подберет их кто-нибудь в пыли.

Я к и м о

Рассказ мой точен, вам придется верить.
Могу дать клятву — впрочем, вам едва ли
Потребуются клятвы...

П о с т у м

Говорите!

Я к и м о

Итак, во-первых, спальня, где не спал я
(Признаюсь, было от чего не спать),
Коврами среброткаными обита;
Один из них изображает нам,
Как встретились Антоний с Клеопатрой;
Другой — как Кидн из берегов выходит
От спеси иль под тяжестью судов.
Работа так искусна, так богата,
Что спорит мастерство с ценою ткани.
Не мог я надивиться, сколь прекрасно
И ярко выткано — все, как живое...

П о с т у м

Да, верно. Но могли вы это слышать
От многих.

Я к и м о

Что ж, подробности иные
Рассказ мой подкрепят.

П о с т у м

Давайте их,
Иль обвиню вас в клевете!

Я к и м о

Камин

На южной стороне украшен дивной
Фигурою купальщицы Дианы.
Столь совершенных статуй я не видел,
Ваятель просто превзошел природу!
Он дал богине жизнь; ей не хвагает
Дыханья и движенья лишь.

П о с т у м

И это

Могли вы слышать от кого угодно:
О ней толкуют много.

Я к и м о

Потолок

Амурами украшен золотыми.
Чуть не забыл! — Подставками камину
Два дремлющие купидона служат:
Они стоят, на факел опершись.

П о с т у м

А честь ее при чем? Допустим, всё
Вы видели, — хвалю я вашу память.
Но описание обстановки — это
Еще не доказательство.

Я к и м о

Ах вот как!
Бледнейте, если можете.
(Достает браслет.)

Смотрите —

Одну вам драгоценность покажу.
Вы видели? Так... А теперь верните:
Ее соединю я с вашим перстнем
И спрячу хорошенько.

П о с т у м

О Юпитер!

Еще раз дайте мне взглянуть... Тот самый?
Подарок мой?

Я к и м о

Я так ей благодарен.
Она сняла его — я до сих пор
Прелестное движение это вижу,
Оно превосходило самый дар
И ценность увеличило его.
Браслет мне протянув, она шепнула,
Что прежде он ей дорог был.

П о с т у м

Неправда!

Сняла она его, чтоб мне послать!

Я к и м о

Она так пишет, да?

П о с т у м

О нет, нет, нет.

Вы правы. Вот, берите перстень мой!
Он ранит взор мне. Он, как василиск,
Убьет меня. Что ж это? Неужели,
Где красота, нет чести? Правды нет,
Где показное все, и нет любви,
Едва появится другой мужчина?

Обеты женщин так же ненадежны,
Как вся их добродетель напускная.
О, лживость без предела!

Ф и л а р и о

Успокойся!

Возьми кольцо — еще не проиграл ты.
Она браслет могла и потерять,
Иль кто-нибудь служанку подкупил,
И та его украла.

П о с т у м

В самом деле!

И он им завладел. — Отдай мне перстень.
Я требую улик верней. Скажи
Какую-нибудь тайную примету
На теле у нее. Браслет украден!

Я к и м о

Юпитером клянусь, я взял браслет
С ее руки.

П о с т у м

Вы слышите, клянется!

Юпитером клянется — значит, правда!
Нет, пет, она браслет не потеряла б;
Служанки все честны и не польстятся
На подкуп, да еще от чужеземца.
Да, ею он владел. И вот улика
Ее паденья. Дорогой ценой
Она купила званье шлюхи. — Вот!
Бери заклад! Пусть дьяволы разделят
Его с тобой.

Ф и л а р и о

Приди в себя! Опомнись!

Все это недостаточно, не должен
Так слепо верить ты.

П о с т у м

Ни слова больше!

Он ею наслаждался.

Я к и м о

Мало вам?

Тогда еще скажу — у ней под грудью,

Достойной ласк, есть пятнышко; гордится
Оно своим пленительным местечком;
Клянусь, я целовал его и голод
Вновь возбудил в себе, хоть был я сыт.
Вы помните то пятнышко?

Постум

О да!

И о другом пятне оно кричит,
Таком большом, что лишь в аду оно
Вместиться может, ад собой заполнив.

Якимо

Еще?

Постум

Брось арифметику свою!
Мне все равно, одна была измена
Иль миллион.

Якимо

Клянусь...

Постум

Нет, не клянись.

Поклявшись мне в противном, ты солжешь.
Убью, коль станешь отрицать, что мне
Рога наставил.

Якимо

Отрицать не стану.

Постум

Я растерзать готов се сейчас!
Туда отправлюсь. Там покончу с ней
Я на глазах ее отца... Так будет...
(Уходит.)

Филарио

Он вне себя. Вы выиграли, сударь.
Пойдем за ним. Он в бешенстве способен
На все решиться.

Якимо

Что же, я готов.

Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Другая комната.

Входит Постум.

Постум

Ужель мужчине без участия женщин
Нельзя родиться? Да, мы все ублюдки!
И тот почтенный человек, кого
Отцом я звал, был неизвестно где,
В то время как какой-нибудь молодчик
Меня своим чеканил инструментом,
Фальшивую монету создавая.
И все же мать моя слыла Дианой,
Как и жена слывет. О мщенье! Мщенье!
Она стыдилась ласк моих законных,
Как часто, вся зардевшись, умоляла
Сдержатъ нетерпеливый пыл страстей
С такою скромностью и так смущаясь,
Что сам старик Сатурн воспламенился б.
Казалось мне, она была чиста
Как снег, не тронутый лучами солнца.
О дьявол! А смазливый итальянец
В один лишь час, да что там в час — в минуту,
И слова не промолвив одного,
Как досыта нажравшийся кабан
Лесов германских, только хрюкнул «хо» —
И взял ее. Не встретил никаких
Препятствий даже, разве лишь подумал,
Что встретит их, и ждал сопротивления.
О, если б мог я истребить, исторгнуть
Все женское из собственного сердца!
От женщин в нас, мужчинах, все пороки,
От них, от них и мстительность, и похоть,
Распутство, честолюбье, алчность, спесь,
И злой язык, и чванство, и причуды!
Пороки все, какие знает ад,
Частичпо ль, целиком — да, целиком —
У нас от женщин! И в самих грехах
Они непостоянны!.. Все обман!
Спешат они, одним грехом пресытятся,
Сменить его на тот, что поновее.

Кричать о них я буду, бичевать,
Их проклинять и ненавидеть! Нет,
Чтоб мщение мое насытить вволю,
Молить я буду дать во всем им волю!
Сам дьявол худшей пытки им не сыщет!

(Уходит.)





А К Т III

С Ц Е Н А 1

Британия. Тронный зал во дворце Цимбелина.

Входят с одной стороны Цимбелин, королева, Клотен и вельможи; с другой — Кай Луций со свитой.

Ц и м б е л и н

Итак, чего желает Август Цезарь?

Л у ц и й

Когда Кай Юлий Цезарь, о котором
Пребудет до скончания века память,
Ваш край завоевал, Кассивелаун,
Твой славный дядя, по заслугам чтимый
Победоносным Цезарем самим,
Дал обещанье об уплате Риму
Трех тысяч фунтов дани ежегодно.
Но ты ее не платишь.

К о р о л е в а

И по праву

Платить не будет.

К л о т е н

Цезари рождаются

В большом числе, но Юлий был один.
Британия сама — отдельный мир.
И за пошенье собственных носов
Платить мы не хотим.

К о р о л е в а

Все, что у нас
Вы отняли, мы возратить сумеем.—
Король мой, вспомните о ваших предках!
Наш остров укреплен самой природой;
Как парк Нептуна, окружен и замкнут
Грядюю рифов, грозною пучиной,
Песками, что судов не примут вражьих,
Но засосут по мачты их. Сам Цезарь,
Хоть одержал подобие победы,
Не мог, воюя с нами, похвалиться
Своим «пришел, увидел, победил».
Впервые со стыдом он был отброшен
От наших берегов и дважды бит.
Суда его — игрушки в нашем море —
Носились, как скорлупки, на волнах,
Дробясь о скалы, и Кассивелаун,
Успехом окрыленный, был готов
(Изменчива Фортуна!) выбить меч
У Цезаря. Он город Люду ярко
Огнями озарил, вливая бодрость
В сердца британцев.

К л о т е н

Да что там долго толковать! Не будем мы больше платить дани,
и все тут! Государство наше теперь посильней, чем было тогда,
да и Цезарей таких больше нет. У нынешних носы, может, и по-
горбатеи, да руки покороче.

Ц и м б е л и н

Сын мой, дай договорить королеве.

К л о т е н

Среди нас найдутся такие, у которых хватка не хуже, чем
у Кассивелауна. Не скажу, что я из их числа, но и у меня тоже
кулаки здоровые. Какая такая дань? Почему это мы должны пла-
тить ее? Вот если бы Цезарь завесил солнце простыней или луну
себе в карман сунул — ну, тогда бы мы ему за свет платили. А те-
перь — дудки, не будет вам никакой дани, понятно?

Ц и м б е л и н

Ты должен знать, Кай Луций, что, пока
Нас не заставил дерзкий, хищный Рим
Платить вам дань, свободны были мы.
Но Цезарь в честолюбье безграничном,

Раздувшемся, заполнившем весь мир,
Надел на нас ярмо несправедливо,
С которым мы, воинственный народ,
Не захотим смириться никогда.
И Цезарю мы ныне заявляем:
Мульмуций предком нашим был; он создал
Законы паши. Их изранил Цезарь
Мечом своим — и мы своею властью
Должны восстановить и укрепить их,
Хотя бы Рим и гневался. Мульмуций,
Законодатель наш, из бриттов первый
Короной золотою был увенчан
И королем назвался.

Луций

Сожалею,
Что слышу эту речь. Великий Цезарь,
Под чьею властью больше королей,
Чем у тебя придворных,— ныне враг твой!
От имени его провозглашаю
Британии войну и разоренье.
Знай, беспощаден будет гнев его!
А за прием — благодарю.

Цимбелин

Будь гостем.
В сан рыцаря возвел меня твой Цезарь,
И я служил ему. Он дал мне честь,
Но, прежде чем ее отнимет вновь,
Я за нее сражаться буду насмерть.
Известно, что паннонцы и далматы
Восстали за свободу. Не последуй
Мы их примеру доблестному, люди
Сочтут британцев трусами. Но трусов
Не встретит Цезарь здесь!

Луций

Война решит.

Клотен

Его величество рад вам. Проведите с нами денек-другой, а погостится, так и дольше. А вернетесь к нам с иными намерениями, найдете нас на том же острове, опоясанном соленой водичей. Удастся вам выбить нас с острова — ваше счастье, берите его себе! Костями поляжете — тем лучше, знатная закуска достанется нашим вбронам. Другого ничего не скажешь.

Луций

Да, принц.

Цимбелин

Мысль Цезаря я знаю, он — мою.

А в остальном — я рад тебе, Кай Луций.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая комната во дворце.

Входит Пизанио, читая письмо.

Пизанио

Как! Неверна она? Что ж ты не пишешь,
Кто подлый клеветник! О мой хозяин,
Ужель твой слух податливый отравлен
Каким-нибудь коварным итальянцем,
Носящим яд на языке и в мыслях?

Ее в измене ты винишь? О нет!

Скорей за верность мучится она,

Не женщине подобна, а богине,

Снося такие горькие обиды,

Которые могли бы сокрушить

Любую добродетель! Господин мой!

Ты стал душою ниже, чем она,

Как прежде ниже был происхождением.

Ты требуешь, чтоб я во имя клятвы

Любви и долга, что я дал тебе,

Убил ее? Чтоб кровь ее я пролил?

Коль это значит хорошо служить,

Так мне усердным не бывать слугою.

Бесчеловечным ты меня считаешь,

Коль думаешь, что я ршусь на это.

(Читает.)

«Исполни все. Она, прочтя письмо,
Сама тебе поможет». Лист проклятый!

Черней чернил, которыми написан!

Бесчувственный лоскут, и ты участник

Чудовищного, подлого злодейства,

Хоть с виду чист и бел! — Она идет.

Прикинусь, будто ничего не знаю.

Входит Имогена,

И м о г е н а

Что нового, Пизанио?

П и з а н и о

Письмо от господина моего.

И м о г е н а

От твоего? Мой господин он, мой!
Ах, сколь великим слыл бы меж людьми,
Сколь глубоко грядущее постиг бы
Тот звездочет, который знал бы звезды,
Как почерк мужа знаю я. О боги!
Пусть эти строки о любви твердят,
О том, что он доволен и здоров
И лишь страдает от разлуки. Пусть!
Пусть он грустит из-за нее. Порой
Целительна и скорбь, а скорбь такая
Пользна для любви. Будь всем доволен,
Лишь не разлукой нашей.— Милый воск,
Сниму тебя. Благословенны пчелы
За воск, хранящий тайны. Молят разнo
Богов любовники и должники.
Виновным ты грозишь тюрьмою, воск,
По охраняешь тайны Купидона.
Весть добрую пошлите мне, о боги!

(Читает.)

«Ни грозный суд, ни гнев твоего отца, если он схватит меня в своих владениях, не смогут поразить меня, бесценная, если ты бросишь на меня свой животворный взор. Знай же, я нахожусь в Камбрии, в Мильфордской гавани; поступи так, как велит тебе твоя любовь. Я желаю тебе всяческого счастья, любимая, и остаюсь верным своим клятвам и любви, растущей с каждым днем. Леонат Постум».

Коня! Коня! Крылатого коня! —
Он в Мильфорде! Прочти! Далеко ль это?
Коль тащатся из-за ничтожных дел
Туда неделю, я домчусь и в сутки!
Пизанио мой верный, ты ведь тоже
С ним жаждешь встречи, так же как и я?
Ах нет, не так, как я! Я — бесконечно,

Ты — меньше, правда? О, скажи скорей
И громче, громче. Ты, любви наперсник,
Ты должен слух мой радостью наполнить,
Рассудка голос заглушив. Далеко ль
Желанный Мильфорд? Как счастлив Уэльс,
Владея гаванью такой! Но прежде
Скажи, как ускользнуть нам из дворца?
Как объяснить часы отлучки нашей?
Но главное — как выбраться? Да нет!
К чему искать заранее оправданий
Проступку, не свершенному еще?
Мы после их найдем. Ответь мне, сколько
Десятков миль проскачем за день мы?

П и з а н и о

По двадцать миль с рассвета до заката,
И то с большим трудом, принцесса.

И м о г е н а

Что?

Да человек, плетущийся на казнь,
Не медлит так. Быстрой песка в часах,
Я слышала, на скачках кони мчатся.
Ах нет, все это глупости. Иди
Скажи моей служанке, чтоб она
Прикинулась больной и отпросилась
Домой к отцу. Немедленно достань
Простое платье для дороги мне,
Как у крестьянок здешних.

П и з а н и о

Госпожа,

Обдумать надо...

И м о г е н а

Нет, вперед, вперед!
Все, что кругом, что справа, слева, сзади,
Бледнеет, как в тумане, предо мной.
Беги же. Все исполнить не забудь.
О Мильфорд! Лишь туда ведет мой путь!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Уэльс. Гористая местность. В скалах пещера.

Из пещеры выходит Б е л а р и й; за ним Г в и д е р и й и А р в и р а г.

Б е л а р и й

День слишком ясен, чтоб сидеть под крышей
Столь низкой. Сыновья мои, нагнитесь.
Вас учит этот вход склонять главу
Пред небесами в угренней молитве.
У королей так кровля высока,
Что и гигант пройдет под ней, не сняв
Чалмы надменной для поклона солнцу.
Так будь благословенно ты, о небо!
В пещере мы живем уж много лет,
Но благодарны более тебе,
Чем жители дворцов.

Г в и д е р и й

Привет, о небо!

А р в и р а г

Привет!

Б е л а р и й

Теперь пора и на охоту —
Вам, легконогим, вон на тот утес,
А мне в долину. И когда я сверху
Вам покажусь с ворону, то заметьте,
Что место, на котором мы стоим,
Нас умалить иль возвеличить может.
Тогда припомните мои рассказы
О принцах, о дворцах, делах военных.
О том, что свет не по заслугам чтит,
А за умение льстить. И, помня это,
Вы пользу извлечете из всего.
Утешьтесь тем, что жук короткокрылый
Порой надежней защищен бывает,
Чем воспаривший в облака орел.
Поверьте, дети, наша с вами жизнь
Достойней прозябанья в суете
И вечном униженьи. Мы богаче
Подачками живущих вертопрахов
И благородней щеголей нарядных,
Берущих в долг шелка свои; торговцев

С поклоном провожает их, однако
Не вычеркнет из списка должников.
Нет! Мы счастливей их!

Г в и д е р и й

Ты видел свет,
А мы еще бескрылые птенцы,
Гнезда не покидавшие; нам даже
Окрестный воздух незнаком. Конечно,
Коль счастье заключается в покое —
Мы счастливы. Ты, знавший столько горя,
Покою рад под старость. Но для нас
Такая жизнь в неведение — темница,
И мы, как должники, порог ее
Переступить не смеем.

А р в и р а г

Что́ мы сможем,
Состарившись, как ты, поведать людям?
Как дни в пещере этой душной, мрачной,
Под шум дождя и злой декабрьский ветер
Мы станем коротать? Мир незнаком нам.
Как звери мы; хитрей лисы в охоте,
Смелей волков в погоне за добычей.
В чем доблесть наша? Затравить бегущих?
Из клетки сделав клирос, мы, как птицы,
Свою неволю сами воспеваем.

Б е л а р и й

Что слышу я! Когда б вы только знали
Всю мерзость городов! С придворной жизнью
Расстаться трудно, но еще труднее
Жить при дворе. Путь к славе — путь к падению;
Так скользок он, что страх упасть страшней
Паденья самого! А ратный труд?
Ты ищешь славы в доблестном бою,
А смерть найдешь — тебя же и помянут
Позорною хулой за славный подвиг.
Как часто доблесть клеветой встречают!
И, что всего ужасней, ты покорно
Несправедливость вынужден сносить!..
О дети! Мир на мне прочесть бы мог
Всю эту повесть. От мечей врага
Я весь в рубцах; я был в зените славы,
Сам Цимбелин любил меня; едва

Речь заходила о храбрейших — тотчас
В устах у всех мое звучало имя.
Я был подобен дереву, что гнется
Под тяжестью плодов; и в ночь одну
Вор или вихрь — зовите как хотите —
Унес мою листву, меня оставив
Нагим под стужей.

Г в и д е р и й

Как превратно счастье!

Б е л а р и й

Клянусь, за мною не было вины,
Но два лжеца монарху нашептали,
Что с Римом в тайный стовор я вступил,
И клевета их восторжествовала
Над честностью моей. Меня изгнали.
Уж двадцать лет, как этот лес и скалы —
Мой мир. Здесь на свободе я живу
И небу возношу хвалу усердней,
Чем в дни былые. — Но пора вам в горы.
Охотник быть не должен краснобаем.
Кто первый дичь подстрелит — тот король
На нашем пиршестве, другие двое —
Прислужники. Мы можем не бояться,
Что пищу нам предательски отравят,
Как во дворце. Мы встретимся в долине.

Г в и д е р и й и А р в и р а г уходят.

Да, трудно подавить в себе природу.
Не знают юноши, что оба — принцы,
А Цимбелин — что живы сыновья.
Они меня своим отцом считают,
Но хоть взрастил я их в пещере низкой,
Где в рост не встать, и в бедности — однако
Они мечтой стремятся во дворец
И царственность природы их видна
Во всем, чему других и не научишь.
Так Полидор, наследник Цимбелина, —
Король его Гвидерием назвал, —
Когда, усевшись на трехногий стул,
Я речь веду о подвигах военных,
С восторгом пламенным внимает мне.
Едва скажу: «Так пал мой враг, а так
Я наступил ему ногой на шею», —

К его щекам кровь царственная хлынет,
Пот выступит, и в страшном возбужденье
Он жестами рассказ мой дополняет.
Брат младший Кадвал — прежде Арвираг —
К моим речам внимателен не меньше,
Свой нрав горячий выдавая... — Чу!
Они спугнули зверя... — О король!
Известно только совести моей
Да небу, что безвинно изгнан я
И потому твоих детей похитил,
Лишив тебя наследников, как ты
Лишил меня всего. А Эврифила,
Кормилица, им заменила мать,
И чтут они досель ее могилу,
Меня ж, Белария, — теперь я Морган —
Отцом зовут. — Да, началась охота!
(Уходит.)

С Ц Е Н А 4

Местность близ Мильфорда.

Входят Пизанио и Имогена.

И м о г е н а

Сойдя с коня, сказал ты: «Мильфорд близко».
Сильнее, чем впервые рвется мать
К младенцу своему, я к мужу рвусь.
Пизанио! Где Постум? Что с тобой?
Зачем глядишь так дико? Что за вздохи?
Нарисовать бы так кого-нибудь —
И он казался б воплощеньем скорби.
Ах, измени свой страшный вид, иначе
С ума могу сойти я. Что случилось?
Ты так зловеще подаешь письмо!
В нем вести о весне? Так улыбнись!
Иль о зиме? Тогда твой вид уместен.

Пизанио подает ей письмо.

Рука супруга! Он в беде! Его
В проклятом этом Риме отравили?
О, говори скорей! Твои слова
Смягчат удар, а коль сама прочту —
Умру на месте.

П и з а н и о

Нет, прошу, читайте.

И вы увидите, как я, несчастный,
Судьбой наказан зло.

И м о г е н а

(читает)

«Твоя госпожа, Пизанио, оказалась потаскушкой и опозорила мое брачное ложе. Сердце мое облилось кровью от доказательств ее измены. Я говорю не о каких-то ничтожных подозрениях; доказательства так же сильны, как мое горе, и так же верны, как, надеюсь, будет мое мщение. Ты должен отомстить за меня, Пизанио, если ее измена не поколебала твоей верности. Лиши Имогену жизни твоей собственной рукой. Эта возможность представится тебе в Мильфордской гавани, куда завлечет ее мое письмо. Если ты побоишься убить распутницу и не уверишь меня в ее смерти, значит, ты сообщник ее бесчестья и изменил мне так же, как она».

П и з а н и о

Мне вынуть меч? Зачем, когда и так
Ей горло перерезало письмо?
Нет, жало клеветы острей меча,
Укус — опасней яда нильских змей;
Дыхание ее на крыльях бури
Летит, все уголки земли пятная,
Черня царей, цариц, и дев, и жен,
И даже тайны склепов отравляет
Ехидна клеветы.— Мой бог! Что с вами?

И м о г е н а

Я — неверна?.. Что значит быть неверной?
Лежать без сна и думать о любимом
И плакать без конца? Глаза смежить,
Когда над горем верх возьмет усталость,
И тотчас в страшном сне его увидеть
И с криком пробудиться? Это значит
Неверной быть? Скажи!

П и з а н и о

Увы, принцесса...

И м о г е н а

Я — неверна? Будь, Якимо, свидетель,
Когда винил ты Постума в распутстве,

Тебя я подлецом сочла. А ныне
Я вижу, ты не лгал. Он околдован
Какою-нибудь римскою сорокой,
Румянами наведшей красоту.
А я плоха, я — платье не по моде,
Но слишком дорогое, чтоб висеть
На стенке. Ну так режь меня, кромсай!
Предательство для нас мужские клятвы!
О мой супруг! Из-за твоей измены
Все доброе на свете стало злым
И лицемерным — нет добра для женщин,
Все фальшь, приманка!

П и з а н и о

Госпожа, постойте...

И м о г е н а

Честнейшим людям верить перестали
Из-за лжеца Энея. Плач Синона
К святым слезам других убил доверье
И состраданье к подлинному горю.
Так, Постум, ты людей пятнаешь честных
Своим поступком. Благородство, доблесть —
В предательство, коварство обратились.—
Что ж медлишь ты, Пизанио? Скорей!
Хоть ты будь честным и приказ исполни.
А встретишь снова Постума — скажи,
Покорна я была. Вот посмотри,
Сама я вынула твой меч. Возьми же!
Рази приют любви невинный — сердце.
Не бойся: пусто в нем — одна лишь скорбь;
Там нет того, кто был его богатством.
Исполни же приказ, убей меня.
Был храбрым ты, но, кажется, сейчас
Ты трусишь?

П и з а н и о

Прочь, презренный меч! О нет,
Руки не оскверню тобой.

И м о г е н а

Должна

Я умереть, и если это будет
Не от твоей руки, плохой слуга ты.
Самоубийство воспредают боги,
И потому рука моя дрожит.

Скорей! Вот сердце... Грудь прикрыта чем-то?
Прочь! Прочь! Не надо сердцу лат. Пусть будет
Оно мечу послушно, как ножны.
Что это? Письма верного супруга?
Вы — ересь! Вы мою сгубили веру,
Не щит для сердца вы. Хоть может пастырь
Своею ложью обмануть глупцов,
В страданья ввергнув их, но и обманщик
От кары не уйдет!
О Постум, ты, заставивший меня
Ослушаться отца и государя
И предложенья принцев отвергать
С презрением надменным,— ты поймешь,
Что подвигом, какой не часто встретишь,
Была любовь моя. Мне горько думать,
Что ты, устав от ласк любви продажной,
Вздохнешь с тоскою, вспомнив обо мне.—
Скорей! Торопит мясника ягненок:
«Где нож твой?» Медлишь ты приказ исполнить,
Желанный для меня.

П и з а н и о

О госпожа,
Я, получив приказ, лишился сна.

И м о г е н а

Исполни — и заснешь.

П и з а н и о

Пускай я раньше
От бдения ослепну.

И м о г е н а

Так зачем же
Ты взялся выполнить его? Зачем
За столько миль завез меня обманом?
Зачем мы здесь в столь поздний час? Зачем
Ты так старался? Лошадей загнал?
И взволновал моей отлучкой двор,
Куда я больше не вернусь? Зачем,
Настигнув лань, ты тетиву ослабил?

П и з а н и о

Чтобы, подольше время оттянув,
Уйти от злого дела. Госпожа,

Я план придумал. Выслушать меня
Прошу.

И м о г е н а

Что ж, дай работу языку.
Я потаскушкой названа! Нельзя
Сначала сердце мне пронзить, а после
Перевязать его. Но говори.

П и з а н и о

Отсюда не вернетесь вы.

И м о г е н а

Конечно;

Ведь ты убьешь меня.

П и з а н и о

Не потому.

Будь так умен, как честен я, мой план
Счастливым оказался б. Мой хозяин
Введет в обман каким-нибудь лжецом,
Жестоко оскорбившим вас обоих.

И м о г е н а

Распутницей из Рима?..

П и з а н и о

Нет, клянусь вам!

Я напишу, что вы убиты мною.

Он приказал, и я пошлю ему

Кровавую улику вашей смерти.

Исчезновение ваше из дворца

Все это подтвердит.

И м о г е н а

А мне что делать?

Где жить? Скрываться? И к чему мне жизнь,

Раз для супруга буду я мертва.

П и з а н и о

Но стоит вам вернуться во дворец...

И м о г е н а

Нет, ни к отцу, ни во дворец. Там Клотеп,
Мучитель мой, ничтожный, грубый, наглый.
Он мне страшней, чем городу осада.

П и з а н и о

Тогда вам жить в Британии нельзя.

И м о г е н а

Но где ж? А впрочем, разве солнце всходит
Лишь над одной британскою землею?
Британия — часть мира, но не мир —
В пруду большом гнездо лебяжье. Люди
Живут не только в ней.

П и з а н и о

Я очень рад,
Что мыслью вы в других краях. Прибудет
Посланник Рима Луций завтра в Мильфорд.
Когда б свой облик изменить могли вы,
Скрыв то, что вам при вашей горькой доле
Опасно обнаружить, вы б сумели
Вступить на путь надежд и жить счастливо
Близ Постума, хоть и не видясь с ним,
Но слыша каждый день о нем рассказы
Молвы правдивой.

И м о г е н а

Я на все готова!
Пусть скромности моей грозит опасность,
Лишь бы не чести.

П и з а н и о

В этом-то и суть.
Забудьте, что вы женщина, отныне.
Пусть робость, нежность — вечные служанки
Всех женщин, а верней — их украшение —
Уступят место дерзостной отваге,
Находчивости, пылкости; забудьте
О нежном цвете ваших щек — увы,
Иного средства нет, — пусть солнца луч
Целует жадно их. Забыть придется
Изящные наряды, безделушки,
Которым позавидовать могла бы
Сама Юнона.

И м о г е н а

Говори скорее!

Мне ясен смысл твоих речей. Мужчиной
Себя уже я чувствую.

П и з а н и о

Сначала

Вам надо стать похожей на мужчину.
Я догадался сунуть в свой мешок
Камзол, штаны и шляпу, и другое,
Что будет нужно. Вы переоденьтесь,
Явитесь к Луцию и добивайтесь,
Чтоб взял он вас на службу. Расскажите,
В чем вы искусны; пойте для него;
Коль музыку он любит, то охотно
Возьмет вас. Человек он благородный
И, что всего важнее, строгих правил.
Я дам вам средства к жизни на чужбине
И буду впредь давать.

И м о г е н а

Один лишь ты

Богам послан мне на утешенье.
Идем же. Надо многое обдумать,
Покуда время есть, и все уладить.
Сейчас я воин и на этот риск
Иду с отвагой царской. Но скорее!

П и з а н и о

Нет, госпожа, простимся. Во дворце
Меня не видя, могут заподозрить,
Что я ваш соучастник. Вот вам ларчик,
Дар королевы. В нем состав бесценный.
Какой бы вас ни одолел педуг,
Один глоток — и все пройдет. Возьмите.
Теперь за дело! Там, в тени деревьев,
Примите вид мужской, и да помогут
Вам небеса.

И м о г е н а

Аминь. Благодарю.

Уходят в разные стороны.

С Ц Е Н А 5

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Цимбелин, королева, Клотен, Луций и
вельможи.

Ц и м б е л и н

Прощай! Счастливый путь.

Л у ц и й

Благодарю.

Мне Цезарь возвратиться повелел.
Поистине скорблю, провозглашая
Тебя врагом его.

Ц и м б е л и н

Народ не хочет
Под игом оставаться; а король,
Не поддерживавший подданных своих,
Унизил бы свой сан.

Л у ц и й

Прошу тебя
До Мильфорда мне дать проводников.
Вам с королевою желаю счастья.

Ц и м б е л и н
(вельможам)

Вы будете посла сопровождать.
Ни в чем не нарушайте долг почтения!
Прощай, Кай Луций.

Л у ц и й
(Клотену)

Вашу руку, принц.

К л о т е н

Даю ее как друг, но скоро станет
Она рукой врага.

Л у ц и й

Покажет время,
Кто победит. Желаю всяких благ.

Ц и м б е л и н

Посла до переправы через Северн
Не покидайте, господа. Привет!

Луций и вельможи уходят.

К о р о л е в а

Ушел он хмурясь; нам гордиться должно,
Что мы причина этого.

К л о т е н

Тем лучше;
Войны желают храбрые британцы.

Ц и м б е л и н

Кай Луций в Рим уже послал известье
О происшедшем здесь. Пришла пора
Готовить всадников и колесницы.
Войска, что в Галлии стоят сейчас,
Пополнит Рим, снабдит необходимым
И двинет их на нас.

К о р о л е в а

Теперь придется
Нам действовать решительно и быстро.

Ц и м б е л и н

Предчувствуя, как дело обернется,
Готовились к войне и мы. Но где,
Скажите, наша дочь? Не появилась
Она перед послом и не почтила
Нас утренним приветом. Как я вижу,
Строптивости гораздо больше в ней,
Чем послушания.— Позвать ее! —
Мы слишком снисходительны к ней были.

Один из вельмож уходит.

К о р о л е в а

Мой государь! С тех пор как изгнан Постум,
Она к уединению стремится,
И рану эту исцелит лишь время.
Молю вас, резко с ней не говорите;
Чувствительна она; и для нее
Упрек — удар; удар же — смерть.

Вельможа возвращается.

Ц и м б е л и н

Где дочь?

Чем непокорность может оправдать?

В е л ь м о ж а

Ее покои заперты на ключ,
Как ни стучали — не было ответа.

К о р о л е в а

Когда мы виделись в последний раз,
Припцесса умоляла извинить
Ее затворничество, уверяя,
Что только нездоровье ей мешает
К вам по утрам являться, и просила
Все это передать вам, но, простите,
Я в хлопотах забыла...

Ц и м б е л и н

Дверь закрыта?

Ее не видно? Небо, сделай ложным
Предчувствие мое!

(Уходит.)

К о р о л е в а

(Клотену)

Ступай за ним.

К л о т е н

Я верного слугу ее Пизанио
Два дня не видел.

К о р о л е в а

Все узнай. Ты слышишь?

К л о т е н уходит.

Пизанио — пособник Леоната!
Он взял мой яд. Ах, если б это зелье
Отсутствие слуги нам объяснило...
Ведь он в его целительность поверил.
Но где ж она? Куда исчезла вдруг?
Ах, если бы в отчаянье она
Или в пылу любви умчалась к мужу,
Себе готова смерть или позор!..

Не все ль равно, каков ее конец?
Мне нужен лишь Британии венец!

К л о т е н возвращается.

Ну как, мой сын? Узнал?

К л о т е н

Она бежала!

Король безумствует! Никто не смеет
Приблизиться к нему.

К о р о л е в а

Ну что ж, тем лучше.

О, если бы, судьбу свою кляня,
Не дожил он до завтрашнего дня!

К о р о л е в а уходит.

К л о т е н

Люблю и ненавижу Имогену.
Она красива — истая принцесса;
Другие все, и дамы и девицы,
Пред ней — ничто. Ах, черт, она сумела
Все лучшее соединить в себе!
Она затмила всех, и вот за это
Я и люблю ее. Но, мной гнушаясь
И Постума презренного избрав,
Она свой вкус позорит и теряет
Всю прелесть для меня. Вот потому
Ее я ненавижу, буду мстить ей —
Лишь дураки...

Входит П и з а н и о.

Кто здесь? Ах, ты?.. Приблизься!
Ты, значит, строишь козни, мерзкий сводник?
Ах, негодяй! Где госпожа твоя?
Ну, живо отвечай! Иначе вмиг
Тебя к чергям отправлю.

П и з а н и о

О мой принц!

К л о т е н

Принцесса где? Юпитером клянусь,
Спросил в последний раз я! Пес! Мошенник!
Я вырву тайну у тебя из сердца

Иль сердце вместе с тайной. С кем она?
Неужто с Постумом, с навозной кучей,
Где чести нет и зернышка?

П и з а н и о

Да что вы!
Как быть ей с ним? Когда ее хватились?
Он в Риме ведь.

К л о т е н

А где она? Стань ближе!
Свои увертки брось. Ответь мне толком,
Что с ней произошло?

П и з а н и о

Великий принц!

К л о т е н

Великий ты пройдоха!
Сейчас же говори, где госпожа?
Немедленно! Без «принцев» и «великих».
Ну? Смертный приговор себе подпишешь
Молчанием своим!

П и з а н и о

Вот, принц, письмо.
Там все, что о побеге госпожи
Известно мне.

(Подает письмо.)

К л о т е н

Посмотрим. Я за нею
До трона Цезаря намерен гнаться.

П и з а н и о

(в сторону)

Что делать мне? Иль это, или смерть.
Она далеко; не опасно ей,
Коль он за ней погонится.

К л о т е н

(читая письмо)

Ага!..

П и з а н и о

(в сторону)

Придется господину моему
Мне написать, что умерла она.
Прощай, о госпожа! Счастливый путь!
Скорей вернись. Благословенна будь!

К л о т е н

А письмо это не лжет?

П и з а н и о

Я полагаю, нет.

К л о т е н

Это рука Постума! Да, я ее знаю! — Эй, бездельник! Если ты перестанешь мошенничать и будешь верно служить мне, будешь точно и честно исполнять все мои приказания, какие бы они ни были бесчестные, то я буду считать тебя честным и можешь рассчитывать на мою помощь. Ты нужды знать не будешь, и я тебя вознесу.

П и з а н и о

Я согласен, мой добрый принц.

К л о т е н

Будешь ты служить мне? Ты так терпеливо и преданно служил этому нищему Постуму, что уж из одной благодарности станешь моим верным слугой. Будешь служить мне?

П и з а н и о

Буду, ваше высочество.

К л о т е н

Держи руку — вот тебе кошелек! Сохранилось у тебя какое-нибудь платье твоего бывшего господина?

П и з а н и о

Да, принц, у меня в комнате лежит то самое платье, в котором он прощался с госпожой перед отъездом.

К л о т е н

Иди и тащи сюда это платье. Пусть это будет твоей первой услугой. Ступай!

П и з а н и о

Иду, ваше высочество! (Уходит.)

К л о т е н

Мне нужно застать ее в Мильфорде. Эх, черт, забыл спросить его, ну да это не уйдет. Вот так-то, Постум, негодяй ты этакий, я и убью тебя. Принес бы он поскорее платье! Она сказала — до сих пор у меня от этих слов сердце желчью исходит! — что обноски Постума ей дороже моей светлейшей особы, украшенной всеми моими достоинствами. Так вот в этих обносках Постума я насильно овладею ею, но прежде на ее глазах убью его. Вот тут-то она и увидит мою доблесть и раскается в своем высокомерии. Он будет повержен в прах, я надругаюсь над его трупом, а затем утолю свою страсть, но, чтобы еще сильнее поиздеваться над красавицей, сделаю все это в платье, которое она так высоко оценила. А потом пинками погоню ее обратно домой! Тебе доставляло удовольствие презирать меня, а мне радостно будет отомстить тебе.

Пизанио возвращается с платьем.

К л о т е н

Это то самое платье?

Пизанио

То самое, принц.

К л о т е н

А давно принцесса отправилась в Мильфорд?

Пизанио

Едва ли она уже успела туда добраться, ваше высочество.

К л о т е н

Отнеси платье в мою комнату; это твоя вторая услуга, а третья — никому ни слова не говори о моих намерениях. Будь только верен, и тебе не придется долго ждать повышения. Моя месть ждет меня в Мильфорде! Ах, будь у меня пара крыльев, я бы полетел за ней. Идем со мной и будь мне верен. *(Уходит.)*

Пизанио

Чтоб я тебе дал верности обет,
Предав моих господ? Не выйдет, нет!
Мчись в Мильфорд, там беглянки не найти.
О небо, охрани ее в пути!
Глупцу же ставь преграду за преградой;
Да будут лишь они его наградой!

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Уэльс. Перед пещерой Белария.

Входит Имогена, одетая мальчиком.

Имогена

Теперь я знаю — трудно быть мужчиной!
Я так устала. Вот уже две ночи
Моя постель — земля. Не будь мой дух
Так тверд, занемогла бы я. Ах, Мильфорд,
Казался близким ты! Но вижу я,
Дома и те бегут от бедняков,
Лишая крова их. Путь указали
Два нищих мне, я сбиться не могла.
Ужель бедняк, издевавший невзгоды,
Обманет, зная, что обман его
Несет мученье ближним? Мы привыкли,
Что часто лгут богатые, и все же
В богатстве лгать постыдней, чем в нужде:
Ложь королей гнусней, чем ложь бездомных.
И ты солгал, супруг мой дорогой!
При мысли о тебе проходит голод,
А я ведь чуть не падаю. — Что здесь?
В пещеру дикую ведет тропинка?..
Не крикнуть ли? Пет, я боюсь. Но голод
Пред смертью храбрость придает. Довольство
И лень рождают трусов, а нужда —
Мать мужества. — Эй! Кто там? Человек —
Так отзовись! Дикарь — так жизнь мне дай
Иль отними! Эй!.. Тихо... Я войду,
Но выну меч, и если враг боится
Меча, как я сама, едва ль посмеет
Он на меня напасть. Пошли мне бог
Врага такого!

(Входит в пещеру.)

Появляются Бсларий, Гвидерий и Арвираг.

Беларий

Ты, Полидор, из нас охотник лучший
И пиршества хозяин. Я и Кадвал —
Слуга и повар: таково условие.
Искусство и старанье погибают,
Не вдохновленные конечной целью!
Идемте же. Приправит голод славно
Обед неприхотливый наш. Усталость

На голом камне спит, зато лептяю —
Перина жестче камня. Мир тебе,
Приют наш скромный, сам собой хранимый.

Г в и д е р и й

Как я устал!

А р в и р а г

Хоть я и обессилен
От голода, но сам не ослабел.

Г в и д е р и й

Ведь есть у нас еще немного мяса
Холодного. Мы им и подкрепимся,
Пока поспеет дичь.

Б е л а р и й

Стой! Не входите!

Когда бы он не ел запасы наши,
Я принял бы его за божество.

Г в и д е р и й

А что случилось там?

Б е л а р и й

Нет, это ангел!
Клянусь, что это дух! Воздушный эльф
В обличье ювоши.

И м о г е н а выходит из пещеры.

И м о г е н а

Молю вас, сжальтесь!
Я звал у двери — никого! Ужасно
Мне есть хотелось. Я не вор. Вот плата,
Клянусь, я даже золота не взял бы,
Рассыпанного по полу...

(Протягивает деньги.)

Вот деньги.

Еду окончив, я бы на столе
Оставил их и снова в путь пустился
С молитвой за хозяев.

Г в и д е р и й

Деньги, мальчик?

А р в и р а г

Пусть раньше золото и серебро
В грязь обратятся! Чтят их только те,
Кто грязных чтит богов.

И м о г е н а

Вы рассердились?

Но если вы меня убить хотите
За мой проступок, знайте — я бы умер,
Не совершив его.

Б е л а р и й

Куда идешь ты?

И м о г е н а

Спешу я в Мильфорд.

Б е л а р и й

Как тебя зовут?

И м о г е н а

Фиделе. Захотел один мой родич
Из Мильфорда в Италию отплыть.
Я шел к нему, но, голодом томимый,
Взял пищу здесь.

Б е л а р и й

Мой мальчик, не считай
Нас дикарями; не суди о нас
По грубому жилищу. Будь нам гостем.
Уж поздний час. Мы угостим тебя,
Чем только сможем. Будем благодарны
Коль ужин с нами ты поделишь. — Дети,
Просите же.

Г в и д е р и й

Будь женщиной ты, мальчик,
Я за тобой ухаживать бы начал,
Как за невестою.

А р в и р а г

А я доволен,
Что ты мужчина. Ты мне мил, как брат,
И я тебя встречаю, словно брата,
С которым был в разлуке. Мой привет!
Развеселись; ведь ты попал к друзьям.

И м о г е н а
(в сторону)

Зачем не к братьям? Будь они мне братья,
Я не была б наследницей престола
И, цену потеряв свою тогда,
С тобою равной стала бы, мой Постум.

Б е л а р и й
Он чем-то опечален.
Г в и д е р и й
Я хотел бы
Помочь ему.

А р в и р а г
И я. Ценой любых
Трудов, хлопот, усилий...

Б е л а р и й
Вот что, дети...
Беларий, Гвидерий и Арвираг шепчутся.

И м о г е н а
О, если б на земле существовали
Такие короли, под чьим господством
Исчезли б рабство, голод и нужда;
Дворцы такие, где одна лишь совесть
Мерилом бы величия служила,
А не хвала льстецов! О, будь на свете
Такие короли — то и они
Не превзошли б своим величием этих
Простых людей! Меня простите, боги,
Но, Постума измену испытав,
Хотела б я теперь мужчиной стать
И здесь остаться с ними.

Б е л а р и й
Так и будет...
(Гвидерию и Арвирагу.)
Пойдем готовить дичь.
(Имогене.)

Входи, мой милый,
Что за беседа на пустой желудок?

Мы после ужина тебя попросим
Поведать о себе все то, что сам
Захочешь рассказать.

Г в и д е р и й

Прошу, входи.

А р в и р а г

Не так приятны жаворонку утро
И ночь сове, как ты приятен нам.

И м о г е н а

Благодарю.

А р в и р а г

Прошу тебя, войди.

Уходят.

С Ц Е Н А 7

Рим. Площадь.

Входят два патриция и трибуны.

П е р в ы й п а т р и ц и й

Вот смысл указа Цезаря. Внимайте:
Ввиду того что посланы войска
Паннонцев и далматов усмирять,
А легионов, в Галлии стоящих,
Нам будет мало, чтоб начать войну
С мятежными британцами, наш Цезарь
Призвал патрициев принять участие
В походе на Британию. Назначил
Он Луция проконсулом. А вам
Велит немедленно же вступить в войска.
Да здравствует наш Цезарь!

Т р и б у н

Командует войсками Луций?

В т о р о й п а т р и ц и й

Да.

Т р и б у н

Он в Галлии сейчас?

Первый патриций
При легионах,
Которые обязаны пополнить
Набором вы. Указывает Цезарь
В приказе и число людей, и сроки
Отправки их.

Трибун
Мы выполним свой долг.
Уходят.





А К Т IV

С Ц Е Н А I

Уэльс. Близ пещеры Беларил.

Входит Клотен.

К л о т е н

Если Пизанио верно описал мне, то встреча у них назначена где-то поблизости. Платье Постума пришлось мне впору, как по мерке. Отчего бы мне не прийти по мерке и его возлюбленной? Ведь говорят, что женщине впору тот придется, кто к ней в пору подберется. Вот тут-то я и должен изловчиться. Раз нет ничего зазорного в том, что человек, находясь наедине с зеркалом, любит себя собой, то могу признаться, что сложился я visколько не хуже Постума. Я не моложе его, но сильнее; состояние мое не меньше, а положение повыше. Я знатнее его родом, искусен в делах государственных, а в поединке мне равного не найти. И все-таки эта взбалмошная дура, мне назло, любит его. Вот она, человеческая жизнь! Голова твоя, Леонат, все еще сидит на плечах, но через час слетит; возлюбленную твою я обещаю, платье на ней изорву в клочья. А как покопчу со всем этим, погоню красавицу пинками домой к отцу. Он, может быть, и посердится немножко за такое грубое обращение с дочкой, но моя матушка умеет прибирать его к рукам, и все обернется так, что он еще меня и похвалит... Лошадь я привязал надежно. Ну, меч, вон из ножен! Трудная тебе предстоит работа! Эх, Фортуна, только отдай их в мои руки! По описанию это как раз похоже на то место, где у них назначена встреча; обмануть меня этот Пизанио не посмел бы. *(Уходит.)*

СЦЕНА 2

Перед пещерой Белария.

Из пещеры выходят Беларий, Гвидерий, Арвираг и Имогена.

Беларий
(Имогене)

Ты нездоров? Останься здесь, а мы
Придем после охоты.

Арвираг
(Имогене)

Брат, останься;
Мы братья, правда ведь?

Имогена

Все люди братья.
Но зачастую, знатностью кичась,
Себя возвысить хочет плоть над плотью,
Хоть после смерти все лишь прах. Я болен.

Гвидерий
Охотьтесь без меня, я с ним останусь.

Имогена

Зачем? Не так опасно болен я
И не из тех, кто, прихворнув немного,
Уж видит смерть перед собой. Прошу вас,
Трудом своим обычным занимайтесь;
Привычку раз нарушить — все нарушить.
Да, болен я, но вы, со мной оставшись,
Помочь не в силах. Вид людей не может
Утешить тех, кто от людей бежит.
Не так мне плохо, если я об этом
Судить могу. Я дом стеречь останусь
И ничего не украду, поверьте,
Уж разве только самого себя,
А коль умру — невелика потеря.

Гвидерий

Люблю тебя, мой мальчик. Повторяю,
Люблю тебя не меньше, не слабее,
Чем своего отца.

Б е л а р и й

Как? Что такое?

А р в и р а г

Коль это грех — грешны мы оба с братом;
Пришелец этот стал мне странно близок.
Ты говорил — любовь необъяснима!
Да, если встанет у порога смерть,
Спросив, кто должен умереть, отвечу:
«Отец мой, а не мальчик!»

Б е л а р и й

(в сторону)

Вот она,

Кровь королей! Природное величье!
Ничтожество — отродие ничтожеств;
Рождает труса трус. В природе есть
Мука и отруби, позор и честь.
Пусть им я не отец, но отчего же
Для них стал мальчик ближе и дороже?.. —
Уже девятый час.

А р в и р а г

Брат, до свиданья!

И м о г е п а

Успеха вам!

А р в и р а г

Тебе — здоровья. В путь!

И м о г е н а

(в сторону)

О, как они добры! А мне казалось,
Что вне дворцов лишь дикари живут,
Но я совсем иное вижу тут.
Родит чудовищ глубина морей,
А вкусную форель — простой ручей.
Но мне все хуже. В сердце боль... Пизанию,
Приму твоё лекарство.

Г в и д е р и й

(Беларию и Арвирагу)

Ничего

Я не узнал; ответил мальчик только,

Что знатен он и честен, но бесчестно
Преследуют его.

А р в и р а г

И мне поведал
Он то же самое, но обещал,
Что позже все расскажет.

Б е л а р и й

Нам пора!

(Имогене.)

А ты здесь отдохни.

А р в и р а г

Мы ненадолго.

Б е л а р и й

И не хворай; ведь ты хозяйку должен
Нам заменить.

И м о г е н а

Больной я иль здоровый,
Служить вам рад.

Б е л а р и й

Навек останься с нами.

И м о г е н а уходит в пещеру.

Хоть юноша и бедствует, но видно —
Он знатен родом.

А р в и р а г

Он поет, как ангел.

Г в и д е р и й

А стряпает как славно! Как умеет
Коренья резать, приправлять похлебку,
Как будто для стола больной Юноны.

А р в и р а г

Вы видели, как мило у него
Улыбка сочетается со вздохом?
Горюет вздох, что не улыбка он,
Улыбка ж потешается над вздохом,

За то что он мечтает улететь
Из храма своего и слиться с бурей —
Грозою моряков.

Г в и д е р и й

Переплелись
Корнями в нем терпение и скорбь.

А р в и р а г

Расти, расти, терпение, а ты
Сорняк негодный — скорбь, умри скорей
И виноградных лоз глушить не смей!

Б е л а р и й

Уже светло. Поторопитесь! — Кто там?

Входит К л о т е н.

К л о т е н

Бродяг я этих так и не нашел.
Пизанио, подлец, надул меня.
Я изнемог!

Б е л а р и й

Бродяг? Уж не о нас ли?..
Он мне знаком как будто... Это Клотен,
Сын королевы. Нет ли здесь измены?
Его узнал я, хоть давно не видел.
Мы вне закона. Скрыться надо нам.

Г в и д е р и й

(Беларию)

Он здесь один. Вы с братом посмотрите,
Не прячется ли кто еще в лесу.
Меня оставьте с ним.

Беларий и Арвираг уходит.

К л о т е н

Стой! Ты куда?
Бежать? Ты кто такой? Разбойник мерзкий?
Я знаю вас! Эй, низкий раб, ты кто?

Г в и д е р и й

Не столь я низок, чтобы не проткнуть
Тебя своим мечом за это.

К л о т е н

Вор,
Грабитель, негодяй! Сдавайся, пес!

Г в и д е р и й

Кому? Тебе? Ты кто? Иль у меня
Рука слабей твоей? Душа слабее?
Слова твои наглее, это верно,
Но не во рту ношу я свой кинжал.
Ты кто? Зачем тебе я сдамся?

К л о т е н

Раб!
Ты не узнал меня по платью?

Г в и д е р и й

Нет!
Нахал! Твой дед, наверно, был портняжка;
Тебе он платье сшил, и лишь по платью
Ты человеком стал.

К л о т е н

Ах ты мерзавец!
Не мой портной мне это платье шил.

Г в и д е р и й

Так убирайся и скажи спасибо
Тому, кто подарил тебе его.
Болван! Мне даже бить тебя противно.

К л о т е н

Ах, висельник, подлец, узнай, кто я,
И трепещи!

Г в и д е р и й

Ну, кто же ты такой?

К л о т е н

Я Клотен, негодяй!

Г в и д е р и й

Будь, Клотен, ты хоть дважды негодяй,
Я не боюсь. Будь ты паук иль жаба,
И то бы я скорей смутился.

К л о т е п

Знай
И цепей — сын королевы я!

Г в и д е р и й

Срамишь ты, значит, свой высокий род.

К л о т е п

Как, ты не испугался?

Г в и д е р и й

Нет, вислоко!
Боюсь и почитаю я лишь умных!
А дурни мне смешны.

К л о т е п

Тогда умри!
Убью тебя своей рукой, а после
И тех двоих; на городских воротах
Повешу ваши головы. Сдавайся,
Дикарь несчастный!

Уходят, сражаясь.

Входят Беларий и Арвираг.

Беларий

Ни души вокруг.

Арвираг

Нет никого. Ты, видимо, ошибся.

Беларий

Боюсь сказать. Прошли года, но время
Не изменило черт его лица;
Отрывистая речь и грубый голос
Все те же. Нет, копец, это принц —
Уверен я.

Арвираг

Они вдвоем остались.

Дай бог, чтоб с братом он не начал ссоры...
Ты говоришь, опасен принц?

Беларий

Настолько
Он туп и недалек, что часто глупость

В нем гасит чувство страха, и не знает
Он удержу ни в чем. Но вот твой брат.

Входит Гвидерий, в руках у него голова Клотева.

Гвидерий

Дурак был этот Клотен, пустозвон!
Не мог бы выбить из него мозгов
Сам Геркулес — их не было в помине.
Не уничтожь его я, этот дурень
Мне б голову отсек своим мечом,
Как я сейчас ему.

Беларий

Что ты наделал!

Гвидерий

Я знаю что — снес Клотену башку.
Назвал себя он сыном королевы,
Кричал, что я разбойник, вор, бродяга,
Клялся своей рукой нас уничтожить,
Нам головы срубить, повесив их
На городских воротах!

Беларий

Мы погибли!

Гвидерий

Но почему, отец? Что нам терять?
Хотел он погубить нас. Ведь закон
Нам не защита — так ужель мы станем
Сносить его угрозы малодушно
Иль ждать, чтобы кусок спесивый мяса
Судьею нашим стал и палачом
Лишь потому, что вне закона мы?
А вы нашли кого-нибудь в лесу?

Беларий

Нет, ни души. Но вряд ли он явился
Сюда без свиты. Хоть непостоянен
Он был всегда и рвался от худого
К тому, что вдвое хуже, — ни причуда,
Ни полное безумье не смогли бы
В паш лес завлечь его. А может быть,
Слух во дворце прошел, что здесь живут
Опальные бродяги, что из них

Со временем собратся может шайка;
Вспылил он — это на него похоже —
И нас поймать поклялся. Но не верю,
Чтоб он один пошел. Не так он смел,
Да и пустили бы его навряд ли.
Боюсь, у нас есть основанье думать,
Что хвост у этой гадины, пожалуй,
Опасней головы.

А р в и р а г

Пуškai свершится,
Что небом суждено, по брат мой прав.

Б е л а р и й

Сегодня мне не до охоты, дети;
Меня болезнь Фиделе беспокоит.

Г в и д е р и й

Мечом, которым угрожал мне Клотеп,
Отсек ему я голову. Я брошу
Ее в залив за нашею скалою;
Пуškai плывет и хвастается рыбам,
Что красовалась на плечах того,
Кто был при жизни сыном королевы.
Мне дела нет!

(Уходит.)

Б е л а р и й

Боюсь, нам будут мстить.
Ах, лучше бы не ты его убил,
Мой храбрый Полидор!

А р в и р а г

Я должен был
Его убить и быть оди́н в ответе.
Брат, я люблю тебя, но этот подвиг
Свершил ты мне на зависть. Пусть же кара,
Какой она ужасной пи была бы,
Падет на нас обоих.

Б е л а р и й

Что сделано, того не воротить.
Охотиться сегодня мы не будем.

(Арвирагу.)

Не стоит рисковать. Ступай в пещеру,
Хозяйничай с Фиделе, я же здесь
Ждать буду Полидора и приду
К обеду с ним.

А р в и р а г

Иду.— Ах, мальчик бедный!
Чтобы вернуть щекам твоим румянец,
Готов я сотню Клотепов убить
И не сочту себя бесчеловечным.
(Уходит.)

Б е л а р и й

Великая природа! О боия! —
Как дивно в этих юношах державных
Себя явила ты! Они нежны,
Как легкий ветерок, когда ласкает
Фиалку он, цветок едва колебля.
Но чуть вскипит в них царственная кровь.
Как оба станут схожи с буйным вихрем,
Который гнет вершины горных сосен
И клонит их в долину. Просто чудо,
Как возникают в них непроизвольно,
Без поучений, царственные чувства;
Как честь и долг без наставлений крепнут;
Учтивость — без примеров. Доблесть в них
Хоть и дика еще, но даст плоды,
Как при посеве тщательном. Однако
Зачем сюда явился этот Клотен
И что сулит нам смерть его?

Входит Г в и д е р и й.

Г в и д е р и й

Где брат?

Я вплавь отправил во дворец гонцом
Башку пустую Клотена, а тело
В залог оставил здесь.

Торжественная музыка.

Б е л а р и й

Что слышу я?

Заветный инструмент мой! Он звучит!..
Но почему привел в движение струны
Твой брат?

Г в и д е р и й
Он дома?

Б е л а р и й

Да, вошел туда.

Г в и д е р и й

Молчала лютя с матушкиной смерти.
Я не пойму... Торжественные звуки
Сопутствуют торжественным событиям.
Что с ним? Пустой восторг, пустая скорбь —
Забава для детей и обезьян.
Не помешался ль Кадвал?

Возвращается А р в и р а г, неся на руках бесчувственную И м о г е н у.

Б е л а р и й

Вот идет он
И объяснение скорбное несет
Випы своей.

А р в и р а г

Скончалась наша птичка,
Отрада наша. Лучше бы мне стать
В шестнадцать лет шестидесятилетним,
На косгылях ходить, чем видеть это!

Г в и д е р и й

Прекрасная, нежнейшая из лилий,
Ты вдвое краше на стебле была,
Чем на руках у брата!

Б е л а р и й

Горе, горе,
Кто глубину твою измерить может?
Где мера всем страданиям земным?
Прекрасный отрок! Знали только боги,
Кем стать ты мог! Увы, скончался ты
От злой тоски в расцвете юных лет...
Каким его застал ты?

А р в и р а г

Бездыханным.
С улыбкой на устах, как будто их
Не смерть стрелой, а бабочка коснулась;
Лежал щекой он правой на подушке...

Г в и д е р и й

Где?

А р в и р а г

На полу; я думал, он заснул,
И даже обувь снял, чтобы шагами
Его не разбудить...

Г в и д е р и й

Да, он заснул
Последним, вечным, непробудным сном.
Постелью гроб я сделаю ему,
Слетаться будут феи на могилу
И не посмеет червь в нее вползти.

А р в и р а г

Коль буду жив, Фиделе, я все лето
Печальную твою могилу стану
Цветами украшать. Увидишь ты
Подснежник белый, как твое лицо,
И колокольчик, голубее жилочек
Твоих; и розы, аромат которых
Не сладостней дыхания твоего.
Их будут реполовы приносить
Тебе, к стыду наследников богатых,
Не ставящих надгробия отцам.
Когда ж цветов не будет, я укрою
Могилу мхом от стужи.

Г в и д е р и й

Хватит, брат,
По-женски причитать. Слезам не время.
Час похорон настал! Не нарушай
Наш скорбный долг своим бесплодным воплем.
Давай же выроем могилу.

А р в и р а г

Где?

Г в и д е р и й

Близ Эврифилы, матери любимой.

А р в и р а г

Пусть будет так. Послушай, брат, хоть голос
С годами поглубел у нас, споем

Ту песню, что над матерью мы пели.
Слова оставим те же и мотив,
Лишь «Эврифилу» сменим на «Фиделе».

Г в и д е р и й

Нет, Кадвал, не могу.
Рыдания расстроят нашу песню,
А в скорбном пенье фальшь звучит ужасней,
Чем слово лжи в устах жреца во храме.

А р в и р а г

Тогда мы просто скажем их.

Б е л а р и й

Я вижу,
Большое горе — меньшее целит;
Забыли мы о Клотене совсем.
Он враг наш и наказан по заслугам,
Но он — сын королевы; и хотя
В могиле нищий и вельможа равны,
Но долг почтения, суетный, как мир,
Предать земле по-разному велит их.
Раз Клотен — принц, хоть он убит, как враг,
Должны мы схоронить его, как припца.

Г в и д е р и й

Терсита труп Аякса трупу равен.
Песи его сюда.

А р в и р а г

Ступай, отец,
Мы песнь свою прочтем.

Б е л а р и й уходит.

Брат, начинай!

Г в и д е р и й

(укладывают Имогену)

Нет, положи его лицом к востоку,
Как нас учил отец.

А р в и р а г

Да, да, ты прав.

Г в и д е р и й

Так повернем его.

А р в и р а г

Теперь начнем.

Г в и д е р и й

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.

Дева с пламенем в очах
Или трубочист — все прах.

А р в и р а г

Все прошло — тиранов гнет,
Притеснения владык,
Больше нет ярма забот,
Равен дубу стал тростник.
Царь, ученый, врач, монах
После смерти — все лишь прах.

Г в и д е р и й

Не страшись ни молний ты...

А р в и р а г

Ни раскатов громовых...

Г в и д е р и й

Ни уколов клеветы.

А р в и р а г

Радость, скорбь — не стало их.

О б а

Кто любовь таил в сердцах,
Все, как ты, уйдут во прах.

Г в и д е р и й

Злобных сил не знай ты...

А р в и р а г

Духам не внимай ты...

Г в и д е р и й

Ада не страшись ты...

А р в и р а г

К лебу вознесись ты.

О б а

Спи среди цветов и трав,
Память вечную списав.

Б е л а р и й возвращается с телом Клотена.

Г в и д е р и й

Обряд свершен. Сюда положим тело.

Б е л а р и й

Вот им цветы. Еще достану в полночь.
Омытые ночной росой прохладной,
Они подходят больше для могил.
Прикроем их тела.— Вы как цветы;
Увяли вы, они увянут тоже.—
Идем. Помянем мертвецов молитвой.
Земля дала их и взяла к себе;
Конец их горю, счастью и борьбе.

Беларий, Гвидерий и Арвираг уходят.

И м о г е н а

(просыпаясь)

Да, в Мильфорд, сударь. Как туда пройти?
Благодарю... Тем лесом?.. А далеко?
О небеса! Ужель еще шесть миль?
Я шла всю ночь... Прилягу тут...
(Видит тело Клотена.)

Ах нет,

Никто не нужен мне на ложе. Боги!
Цветы передо мной — земная радость!
И тут же скорбь земная — труп. Я сплю...
Казалось мне, я стерегла пещеру
И честным людям стряпала обед...
Но нет, не так... То был обман... Стрела,
Летящая из ничего в ничто,
Пустое порождение мечты.
Наш взор, как и рассудок, часто слепы.
Дрожу... боюсь. Но если в небесах

Еще осталась капля сострадания,
Такая малая, как глаз у пташки,
Частицу мне, о боги, уделите!
Я сплю еще... Проснусь — и длится сон
Внутри и вне меня... Вернулись чувства!..
Безглавый труп!.. Ах, Леопата платье!
Его нога... Рука его... Нога
Меркурия и стан, достойный Марса...
И плечи Геркулеса... Где ж лицо?
Лицо Юпитера? Иль убивают
И небожителей? Он обезглавлен?
На голову Пизанио обруштесь,
Проклятия Гекубы и мои!
С ним сговорившись тайно, дьявол Клотен
Убил здесь мужа! Пусть отныне будут
Предательством и чтение и письма! —
Проклятый раб! Письмом своим подложным
У лучшего на свете корабля
Сломал ты мачту, негодяй! — Увы,
Где голова твоя, мой Леонат?
Мог в сердце поразить тебя Пизанио,
Но голову оставить... Кто ж убийца?
Пизанио, да, это он и Клотен!
Виной всему корысть и злоба. Ужас!
Он дал питье живительное мне...
Уж не оно ль все чувства умертвило?
Еще улика! Клотен и Пизанио!
Убийцы! Милый, дай твою кровью
Окрасить щеки бледные мои,
Чтоб мы страшнее показались тем,
Кто нас найдет. О Постум! Властелин мой!

(Припадает к трупу.)

Входят Луций, военачальник, несколько римских
офицеров и прорицатель.

Военачальник

По вашему приказу легионы
Из Галлии приплыли. Вас они
Ждут вместе с флотом в Мильфорде. Войска
Готовы к бою.

Луций

Есть из Рима вести?

Военачальник

Патрициев и жителей гравиц
Сенат призвал. Их рвенье и отвага
Успех нам предвещают. Брат Сиенны,
Отважный Якимо ведет войска.

Луций

Когда вы ждете их?

Военачальник

С попутным ветром.

Луций

Такая быстрота — залог победы.
Теперь мы смотр войскам произведем.
Отдай приказ.

(Прорицателю.)

А что, скажи, мой друг,
Нам сны твои вещают о войне?

Прорицатель

Постился долго я, моля богов,
И прошлой ночью было мне виденье:
Орел Юпитера сюда, на запад,
Летел с далеких южных берегов
И скрылся в золотом сиянье солнца,
А это значит — коль не помрачили
Грехи мой дар провиденья,— что римлян
Победа ждет.

Луций

Пусть будут сны такие
Неживыми и частыми.— Но что тут?
Безглавый труп?.. О, судя по обломкам,
Строенье было славное. Кто это?
Паж? Мертв он или спит? Скорее мертв.
Чуждается природа ложа смерти,
Не спят живые с мертвыми. Взглянуть
Хочу я мальчику в лицо.

Военачальник

Он жив.

Луций

Тогда он скажет, кто убит.— Эй, мальчик,
Поведай о судьбе своей. Она
Достойна любопытства. Кто служил
Тебе кровавым изголовьем? Кто
Разрушить смел творение природы?
Пль ты причастен к этому убийству?
Как все произошло? Кто он такой?
Ответь пам. Кто ты?

Имогена

Я ничто. Вернее,
Хотел бы стать ничем. То господин мой,
Британец храбрый, добрый человек,
Убитый жителями гор. Увы!
Таких господ, как он, на свете нет!
Пусть обойду я запад и восток,
Пусть я найду себе других хозяев,
Пусть буду верно им служить — нигде
И никогда такого господина
Не будет у меня.

Луций

Ты славный мальчик,
Твоей печалью тронут я не меньше,
Чем смертью господина твоего.
Кто он, дружок?

Имогена

Ричард дю Шан.
(В сторону.)

Я лгу,
Но в этом нет вреда. Надеюсь, боги
Простят мне ложь.

Луций

Как звать тебя?

Имогена

Фиделе.

Луций

Да, это имя по тебе. Оно
Достойно верности твоей, а верность
Достойна имени. Служить мне хочешь?

Хоть я не так хорош, как твой хозяин,
Но я тебя любить не меньше буду.
И если бы в письме ко мне сам Цезарь
Достоинства твои перевозносил,
Он больше о тебе сказать не мог бы,
Чем ты сейчас сказал. Идем со мной.

И м о г е в а

Но прежде господина я зарюю
В могилу так глубоко, как смогу;
Листвой ее засыплю и цветами,
Произнесу над нею сто молитв,
Слезами орошу, вздыхая тяжко,
А там уж к вам пойду, коль вам угодно
Принять меня.

Л у ц и й

Я для тебя, мой милый,
Скорей отцом, чем господином, стану.—
Друзья!
О долге мальчик нам, мужам, напомнил.
Среди цветов мы выроем могилу
Мечами. Поднимите труп.— Мой мальчик,
В знак уваженья и любви к тебе
Почтим мы господина твоего,
Как воина, похоронив его.
Утешься же, утри глаза. Подчас
Паденье может и возвысить нас.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Цимбелин, вельможи, Пизанио и слуги.

Ц и м б е л и н

(слуге)

Узнай, что с королевой.

Один из слуг уходит.

С той поры
Как принц исчез, она в безумье впала.
О небеса, какая злая кара
Ниспослана мне вами! Дочь моя,

Моя отрада, скрылась. Королева —
На ложе смерти. Нам война грозит,
И принц, столь важный мне сейчас, пропал.
В отчаянье я от ударов эних!

(К Пизанио.)

Ты, раб лукавый, знаешь, где она!
Не лги, что ты здесь ни при чем. Иначе
Заговоришь под пыткой.

П и з а н и о

Государь,
Казните, но, клянусь вам, я не знаю,
Где госпожа, зачем она ушла,
Когда вернется, — ничего не знаю.
Я ваш слуга покорный, государь.

Первый придворный
Он вам не лжет. Когда принцесса скрылась,
Его видали здесь. Слуга он верный,
А принца ищут всюду и найдут.

Ц и м б е л и н

Тревожные настали времена.
(К Пизанио.)

На этот раз ты вывернулся, раб,
Но ты на подозренье!

Первый придворный

Повелитель!
Уж легионы галльские на берег
Сошли, а в подкрепление к ним сенат
Прислал отряд патрициев из Рима.

Ц и м б е л и н

Как нужен мне совет жены и принца!
Я стал в тупик...

Первый придворный

Но, государь великий,
Нам хватит войск, чтоб встретиться с врагом.
Не только к ним — и к нам придет подмога,
Лишь прикажите действовать. Давно мы
Приказа ждем.

Ц и м б е л и н

Благодарю. Ну что ж,
Судьбу мы смело встретим. Угнетает
Меня не то, что Рим готовит нам,
А горести семейные.— Идем!

Уходят.

П и з а н и о

Не пишет господин мой — нет ответа
На весть о смерти Имогены. Странно!
Не слышно и о ней, а ведь хотела
Она писать мне часто. Что могло
Случиться с принцем? Я в большой тревоге.
Но справедливость есть еще на небе!
Во имя верности я изменяю
И лгу, чтоб честным быть. Война докажет,
Как верно я служу своей отчизне,
Иль пусть паду в бою. Рассеет время
Сомненья остальные. Иногда
Без кормчих в порт судьба ведет суда.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 4

Уэльс. Перед пещерой Белария.

Входят Беларий, Гвидерий и Арвираг.

Г в и д е р и й

Тревога поднялась.

Б е л а р и й

Уйдем подальше.

А р в и р а г

Нет смысла в жизни, если избегать
Опасных подвигов.

Г в и д е р и й

К чему таиться?

Нас, как британцев, римляне казнят
Или свои, сочтя за бунтарей,
Служить заставят, а потом убьют.

Беларий

Уйдемте, дети, в горы. Там спокойней.
Нам путь к своим закрыт. Безвестны мы
И в списки войсковые не попали.
Смерть принца может привести к расспросам,
Кто мы, где жили, и признание вырвать,
А наказание за это — смерть
Под пыткой.

Гвидерий

Отец мой, не к лицу
Тебе в такое время опасенья;
И нас не убедишь ты, нет!

Арвираг

Едва ли,
Услышав ржанье римских лошадей
И увидав костры врага вблизи,
Британцы в ожидании сраженья
Решатся тратить время, выясняя,
Кто мы, откуда здесь.

Беларий

Но ведь знаком
В войсках я многим. Клотена не видел
Я много лет, но все ж его узнал я.
Король не стоит ни моих услуг,
Ни преданности вашей.
Изгнание мое виной тому,
Что воспитанья вы не получили,
Что жили в бедности, лишившись счастья,
Которого вы вправе были ждать;
Что летом вы паливший зной терпели
И, как рабы, тряслись зимой от стужи.

Гвидерий

Нет, лучше смерть, чем эта жизнь! Отец,
Молю, идем к войскам. Никто не знает
Ни брата, ни меня; тебя забыли;
Ты постарел и стал неузнаваем.

Арвираг

Клянусь блистаньем солнца, я иду!
Я не видал, как смерть встречает воин
В сражениях. Я видел только кровь

Трусливых зайцев, горных коз и ланей.
Коней не знал я, кроме жалких кляч,
Удил и шпор не ведавших. Под стать
И всадник им такой, как я. Мне стыдно
Смотреть на солнце, жить его теплом
И пребывать в ничтожестве безвестном.

Г в и д е р и й

Клянусь, и я пойду. Благослови
Меня, отец. Тогда в бою не стану
Я рисковать напрасно. А непустишь —
Я все равно пойду; и ты судьбою
Наказан будешь тем, что я в сраженье
Умру от рук врагов.

А р в и р а г

И я. Аминь!

Б е л а р и й

Коль юпой жизнью вы не дорожите,
Зачем же старость мне тогда беречь?
Да будет так! Иду я с вами, дети,
И, если суждено вам пасть в бою,
Я вместе с вами смерть приму свою!
Вперед! Вперед! Сказалась кровь царей,
Кишит она и рвется в бой скорей!

Уходят.





А К Т V

С Ц Е Н А 1

Британия. Римский лагерь.

Входит Постум с окровавленным платком в руках.

П о с т у м

Я сберегу тебя, платок кровавый,—
Я сам хотел тебя таким увидеть.
Мужья! Когда б вы все так поступали,
Любой проступок мог бы погубить
Вернейшую из жен.— Нет, мой Пизанио,
Не все приказы нужно выполнять,
А только справедливые.— О боги,
Зачем меня не наказали вы
И дали мне дожить до этой пытки?
Зачем вы Имогену не спасли
Для жизни, полной горести? Зачем
Меня, злодея, не сгубили? Ах,
Любя иных, вы их к себе берете
За малый грех, от большего спасая;
Другим же позволяете свершать
Грех за грехом, один другого хуже.
И те живут, в чудовищ превращаясь.
Она теперь у вас! Так дайте, боги,
Мне силу покориться вашей воле.
Сюда из Рима прибыл я сражаться
С отчизною своей.— О вет, Британия,

Довольно и того, что я убил
Твою принцессу. Ран тебе я больше
Не нанесу. — Внимайте, боги, мне:
С себя сниму я римскую одежду,
Крестьянином простым переоденусь,
Сражаться буду против тех, с кем прибыл,
И смерть в бою приму за Имогену!
Ведь жизнь сама и каждый вздох — мне смерть!
Не узанный никем, ни в ком не вызвав
Ни злобы, ни участия, ни любви,
Себя предаю я смерти. Пусть узнают
О доблести моей, хоть и таилась
Она под рубищем раба. О боги!
Пошлите вновь мне силу Леонатов!
Надменный мир хочу я научить
Не внешний блеск, а силу духа чтить.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Поле сражения между британским и римским лагерями. Входят с одной стороны Луций, Якимо и римское войско, с другой стороны — британское войско. За ними следует Постум как простой воин. Они проходят через сцену. Затем входят, сражаясь, Якимо и Постум. Постум побеждает Якимо, обезоруживает и уходит, оставив его одного.

Я к и м о

Великий грех отяготил мне душу
И мужества лишил. Оклеветал
Я женщину, британскую принцессу,
И воздух здешний, словно мстя за эго,
Все силы отнял у меня. Иначе
Как мог меня, искусного в бою,
Сразить простой мужлан? Мой сан и званье —
Стыда источник ныне и страданья.
Британия! Коль рыцари твои
Еще сильнее, чем этот раб убогий,
То мы ничтожны, а бригапцы — боги!

(Уходит.)

Битва продолжается. Бригапцы бегут. Цимбелин захвачен в плен.
Входят, спеша ему на помощь, Беларий, Гвидерий и Арвираг.

Беларий

Стой! Все назад! За нами поле битвы!
Теснина — наша! Нам страшна лишь трусость!
Позор бегущим! Стой!

Гвидерий и Арвираг

Назад! Сражайтесь!

Входит Постум и бьется на стороне британцев; они освобождают Цимбелина и уходят. Входят Луций, Якимо и Имогена.

Луций

Прочь с поля битвы, мальчик, жизнь спасай!
Свои своих разят, полны смятенья;
Бой ослепляет разум.

Якимо

Подошло

К ним подкрепление.

Луций

Как странно бой
Вдруг обернулся! Если помощь к нам
Не подоспеет — отступить придется.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть поля сражения.

Входят Постум и британский вельможа.

Вельможа

Оттуда ты, где наши бьются?

Постум

Да.

А вы из беглецов, как видно?

Вельможа

Да.

Постум

Винить вас трудно. Нам конец пришел бы,
Не помоги нам небо. Сам король
Уже отрезан был; ряды смешались;

В теснине узкой можно было видеть
Лишь спины отступающих британцев.
Резню противник начал, кровь почуяв
И видя пред собою больше жертв,
Чем он имел мечей; кто был изрублен,
Кто ранен, кто перепугался насмерть.
В теснине выросла гора убитых
И трусов, в спину раненных, которых
Позорный ждал конец.

В е л ь м о ж а

Где та теснина?

П о с т у м

Близ поля битвы, между двух откосов.
В теснине этой вдруг старик явился —
Отважный воин, подвигом своим,
Свершенным для отчизны, доказавший,
Что дожил он недаром до седин.
С ним было двое юношей, которым
Пристало бы скорей играть в пятнашки,
А не участвовать в бою кровавом;
Их лица, словно девичьи, скрывать
От холода должна была бы маска —
Они ж загородили вход в теснину,
Крича бегущим: «Жизнь спасает бегством
Олень, а не солдаты! К черту трусов!
Назад! Не то мы римлянами станем
И, как скотов, вас будем бить за то,
Что вы бежите, как скоты. Назад!
Лицом к врагу! Спасенье только в этом!»
Да, эти трое стояли трех тысяч.
Три смельчака таких в бою дороже,
Чем рать бездельников. И с криком «Стой!»,
Проходом узким пользуясь искусно,
Еще искусней доблестью своей,
Способной прялку превратить в копье,—
Они зажгли огонь в погасших взорах;
Проснулся у бегущих стыд, а с ним
И мужество вернулось и отвага;
И те, кто струсил, глядя на других
(Будь проклят тот, кто первым дрогнет в битве!)
Вернулись вновь и бросились, как львы,
На вражьи копы. Дрогнул неприятель,
Нарушил строй, и началось смятенье;

И те, кто прежде шли вперед орлами,
Теперь назад бежали, как цыплята.
Переменилось все в одно мгновение —
Вдруг стали победители рабами.
К сердцам бегущих отыскал дорогу
Зов, брошенный им вслед, и трус недавний,
Воспрянув духом, стал полезен нам,
Как иногда сухарь в походе тяжком.
О небо! Как ударили британцы
На мертвых, раненых, живых, своих же,
Напором смятых! Если раньше десять
От одного бежали, то теперь
Один гнал двадцать. Кто предпочитал
Погибнуть, но не драться, тот теперь
Был для врага грозой.

В е л ь м о ж а

Однако странно:
Теснина... двое юношей и старец...

П о с т у м

Вам странно это? Склонны вы скорей
Дивиться подвигам, чем их свершать?
Хотите, зарифмую этот случай
Вам на потеху? Слушайте мой стих:
«Старик и два юнца, заняв теснину,
Нам счастье принесли, врагу — кончину».

В е л ь м о ж а

Ты сердисься?

П о с т у м

Нет, я дружить готов
С тем, кто бежит трусливо от врагов;
В согласии с привычкою своей,
Он и от дружбы убежит моей... —
Вы довели меня до виршеплетства.

В е л ь м о ж а

Прощай. Ты сердисься.
(Уходит.)

П о с т у м

Опять бежишь? —
Вельможное ничтожество! Быть в битве
И у меня расспрашивать о ней!

Иной, спасая шкуру, честь позорил,
Иной бежал — и все ж погиб, а я,
Хранимый горем, словно чародейством,
Смерть не обрел там, где она царила.
Смерть, страшное чудовище, таится
Порой в бокалах, в ласковых речах,
На мягком ложе — много слуг у смерти
Помимо тех, кто носит меч. Нет, я
Найду ее. Сражался я за бриттов,
Но больше я не бритт. Надену платье,
В котором прибыл. Воевать не стану
И сдамся первому, кто руку мне
Положит на плечо. Был враг жесток,
Но будут мстить жестоко и британцы.
Мне искупленье — смерть. О ней мечтал,
На той, на этой стороне искал;
Но, где ее ни встречу, здесь иль там,—
За Имогену жизнь свою отдам!

Входят два британских военачальника и воины.

Первый военачальник

Хвала богам! Взят Луций в плен. А старца
И юношей считают за богов.

Второй военачальник

Там был еще один — иль раб, иль нищий;
Он бился как герой.

Первый военачальник

Да, говорят;
Но он исчез куда-то.— Стой! Ты кто?

Постум

Я римлянин!
И не блуждал бы тут, когда бы все,
Как я, сражались.

Второй военачальник

Взять его! Собака!
Ты не вернешься в Рим, чтоб рассказать,
Как вороны клевали вас. Ты дерзок
И, видно, знатен. К королю его!

Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвират, Пизаний
и пленные римляне. Военачальники подводят Постума к Цимбелину,
который знаками велит тюремщику взять его, после чего все уходит.

СЦЕНА 4

Британская тюрьма.

Входят Постум и два тюремщика.

Первый тюремщик

Тебя уж не угонят, ты стреножен.
Пасись, пожалуй, коль найдешь траву...

Второй тюремщик

...И есть захочется.

Тюремщики уходят.

Постум

Привет вам, цепи!

Вы путь к освобождению моему!
А все же я счастливей, чем подагрик,
Который предпочел бы век стонать,
Чем исцеленным быть наверняка
Врачом надежным — смертью, тем ключом,
Что отмыкает все замки. О совесть,
Ты скована теперь намного крепче,
Чем эти щиколотки и запястья. —
Даруйте искупление мне, о боги,
И обрету я вечную свободу.
Иль моего раскаянья вам мало?
Печаль детей смягчает гнев отцовский,
А боги милосерднее людей;
Отрадней каяться в цепях желанных,
А не надетых на тебя насильно.
Возьмите жизнь в расплату за свободу!
Я знаю, вы добрей ростовщиков,
Берущих с должников в уплату долга
Лишь четверть, треть или шестую часть.
Чтоб те могли, дела свои поправив,
Платить им вновь. Мне этого не нужно!
За Имогены жизнь — мою возьмите;
Она хоть и не так ценна, но все же
Дана мне вами, боги. Человек
Не взвешивает каждую монету
И легкую берет, чеканке веря;
Возьмите жизнь мою — я ваш чекан,
О всеблагие силы! Если вы
С таким согласны счетом — рад я жизнью

Свой долг вам уплатить.— О Имогена,
К тебе без слов взываю я!

Торжественная музыка. Появляются призраки: Сицилий Леопат, отец Постума, величавый старец в одежде воина; он ведет за руку пожилую женщину, мать Постума; перед ними идет музыкант. Затем, позади другого музыканта, следуют два молодых Леопата, братья Постума; на груди у них раны, от которых они погибли на поле битвы. Они окружают спящего Постума.

Сицилий

О громовержец, не карай
Презреньем нас, людей,
Будь с Марсом крут, с Юноной строг,
Чей гнев неверностью своей
Ты распалил.
В чем грешен сын? Не довелось
Его мне повидать.
Я умер, а дитя еще
Носила в чреве мать.
Но ты — ведь на земле зовут
Тебя отцом сирот,—
Ты должен оградить его
От всех земных невзгод.

Мать

Не помогла Люцина мне;
Скончалась я, родив.
В чужой и бесприютный мир
Явился, сиротлив,
Мой бедный сын.

Сицилий

Подобно предкам славным, он
Был мудр, красив и смел
И, как наследник мой, хвалу
Везде снискать сумел.

Первый брат

Когда созрел он, возмужал —
В Британии во всей
Кто мог сравниться с ним? Кто был
Достойней и милей?
Он мужем Имогены стал,
Как лучший из мужей.

М а т ь

За что же брак его теперь
В насмешку превращен?
За что он изгнан и за что
Навеки разлучен
С женой своей?

С и ц и л и й

Зачем ты Якимо, шуту
Из Рима, разрешил
Бесчестной клеветой разжечь
Его ревнивый пыл,
Чтоб в жертву подлости людской
Заклан мой Постум был?

В т о р о й б р а т

Из обиталища теней
Отец его, и мать,
И братья, павшие в бою
Явились в мир опять,
Чтоб грудью за права и честь
Тенанция стоять.

П е р в ы й б р а т

За Цимбелина в битве брат
Свой обнажил клинок.
За что ж, Юпитер, царь богов,
Ты так к нему жесток?
Ты не воздал ему хвалу,
А горестям обрек!

С и ц и л и й

Открой хрустальное окно,
Взгляни на нас с высот;
Не изливай свой страшный гнев
На доблестный наш род.

М а т ь

Коль прав наш сын, избавь его
От горя и забот.

С и ц и л и й

Покинь свой мраморный дворец,
Сверши свой правый суд,

Иль тени к сонму всех богов
Свой голос вознесут.

О б а б р а т а

И жалобу им на тебя,
Юпитер, принесут.

Среди раскатов грома и сверканья молний, на орле спускается Ю п и т е р'
и бросает огненную стрелу. Призраки падают на колени.

Ю п и т е р

Довольно, о бесплотный рой видений,
Терзать наш слух! Умолкни, жалкий род!
Тому ль бояться ваших обвинений,
Кто молнией разит мятеж с высот?
Прочь, призраки Элизия! Покойтесь
Среди его невянущих лугов
И за живущих на земле не бойтесь;
Заботиться о них — удел богов.
Кого люблю, тому преграды ставлю:
Победа тем дороже, чем трудней.
Утештесь! Скоро я его прославлю
И возвеличу после черных дней.
Он родился под нашею звездою,
И в нашем храме брак его свершен.
Прочь, сгивьте! Постум свидится с женою;
Счастливее, чем прежде, станет он.
Оставьте свиток на его груди вы —
В нем скрыт грядущих радостей залог.
Итак, рассейтесь! Будьте терпеливы,
И помните, что в гневе я жесток.—
Лети, орел, в хрустальный мой чертог.
(Улсает.)

С и ц и л и й

Слетел он с громом, серою дыша.
Казалось, что орел его священный
Нас растерзает. Но отлет их ввысь
Был сладостней, чем ароматы рая.
Орел, расправив крылья, чистил клюв,
Как будто нам он показать хотел,
Что бог доволен.

В с е

Слава громовержцу!

Сицилий

Пол мраморный сомкнулся. Он взлетел
Под свод лучистый. Скроемся сейчас!
Мы выполнить должны его наказ.

Призраки исчезают.

Постум
(просыпаясь)

Ты, сон, мне деда заменил: ты дал
Мне мать, отца и братьев. О насмешка!
Родились и исчезли навсегда
Они, как сновиденье, — без следа,
А я проснулся. Те, кто уповаet
На милость свыше, грезят, как и я,
Но пробужденье отрезвляет их.
Увы! Отвлекся я. Порой судьба
Вдруг возвеличит жалкого раба,
Хоть благ он недостоин и не смел
Мечтать, чтоб стал иным его удел.
Так счастье золотое в этом сне,
И сам не знаю, как пришло ко мне.
Не фей ли видел я? — Что здесь? Пергамент?
О дивный дар, не будь как царедворец:
Снаружи блеск и пустота внутри, —
Исполни, что сулишь.

(Читает.)

«Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то, чего не искал, и будет объят струей нежного воздуха; когда отсеченные ветви величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие».

Я сплю еще иль это бред безумца?
Одно из двух: иль это предсказанье —
Бесмыслица, иль в нем так много смысла,
Что не постичь рассудком. Будь что будет!
Но это так на жизнь мою похоже,
Что сберегу его.

Входит тюремщик.

Тюремщик

Идем, приятель. Готов ли ты к смерти?

Постум

Давно готов; пожалуй, даже пережарился.

Тюремщик

Виселица — вот что тебя ждет! Если ты готов для нее, значит, хорошо приготовлен.

Постум

Выходит, если блюдо придется по вкусу зрителям, оно оправдает расходы.

Тюремщик

Тяжелая для тебя расплата, приятель. Но утешайся тем, что больше тебе платить не придется. Да и трактирных счетов можешь не бояться, а ведь они напоследок отравляют полученное удовольствие. Входишь туда — голова кружится от голода, выходишь — от вина, и злость тебя разбирает, что ты и лишнее перехватил, и переплатить пришлось. И кошелек и голова у тебя пусты. Голова тяжела, потому что ты был легкомыслен, а кошелек легкий, потому что освободился от тяжести. Отныне ты будешь избавлен от всех этих противоречий. Веревка, хоть и стоит грош, ценна своим милосердием! Она мгновенно подводит все итоги — лучшего счетовода, пожалуй, не найдешь. Она сразу сводит к нулю все прошлые, настоящие и будущие расходы. Твоя шея, приятель, для этого счетовода — и перо и счетная книга: не успеешь моргнуть, расчет готов.

Постум

Для меня смерть большая радость, чем для тебя жизнь.

Тюремщик

И в самом деле, дружище, кто спит, тот зубной боли не чувствует. Но человек, которому предстоит уснуть твоим сном, да еще улежся спать с помощью палача, я думаю, охотно поменялся бы с ним местами. Не угадаешь ведь, что за дорога предстоит тебе после смерти.

Постум

Представь себе, я ее вижу, друг мой.

Тюремщик

Значит, у твоей смерти есть глаза во лбу, хоть я и никогда не видел, чтобы ее изображали зрячей. Обычно после смерти идешь себе за проводником, который уверяет, что ему все пуги

известны, либо плетешься наугад. Так или иначе, а обратно ты не вернешься, чтобы рассказать нам, как дошел до конца своего пути.

Постум

Говорю тебе, друг мой, у каждого есть глаза. чтобы разysкать дорогу, по которой пойду я. Только многие предпочитают закрыть их и не смотреть.

Тюремщик

Ну не насмешка ли это: выходит, человеку глаза нужнее всего, чтобы различить дорогу к слепоте! Впрочем, виселица закроеет глаза кому угодно.

Входит гонец.

Гонец

Сними со своего узника цепи и отведи его к королю.

Постум

Ты пришел с добрыми вестями! Меня зовут к королю, чтобы даровать свободу.

Тюремщик

Пусть меня раньше повесят!

Постум

Тогда ты станешь свободнее всякого тюремщика. Для мертвеца не существует никаких замков.

Постум и гонец уходят.

Тюремщик

Даже тот, кто желал бы жениться на виселице и народить малюток, не стал бы так стремиться к своей нареченной, как этот паренъ. Хоть он и римлянин, но, скажу по чести, на свете есть немало негодиев похуже его, которые цепляются за жизнь; тем не менее многим из них приходится умирать. Во всяком случае, я бы так поступил, будь я на его месте. Хотел бы я, чтобы по этому вопросу все мы держались одного мнения, притом мнения хорошего. Тогда худо пришлось бы только виселице и тюремщикам! Я говорю против своей выгоды, по желание мое, если осуществится, всем принесет счастье. *(Уходит.)*

СЦЕНА 5

Шатер Цимбелина.

Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг,
Пизанио, вельможи, офицеры и слуги.

Цимбелин

Приблизьтесь, вы, что волею богов
Спасли наш трон! Печалюсь я душою,
Что не разыскан неизвестный воин,
Сражавшийся так славно, что затмил
Сверканье лат лохмотьями своими.
Он голой грудью шел на вражьи копыя.
Нашедшего его я осчастливию,
Коль счастьем нашу милость можно счесть.

Беларий

Таким пылал он благородным гневом,
Какого я досель еще не видел.
По платью жалкий нищий, он в бою
Героем был.

Цимбелин

Вестей о нем все нет?

Пизанио

Его искали средь живых и мертвых,
Но не нашли следов.

Цимбелин

Я, к сожаленью,
Наследником наград его остался.

(Беларию, Гвидерию и Арвирагу.)

Их вам отдам, спасители страны,
Земли британской мозг, душа и печень.
Но мне пора спросить, кто вы? Ответьте!

Беларий

Из Камбрии мы родом и дворяне.
Иным хвалиться было бы нескромно,
Но мы честны.

Цимбелин

Колени преклоните.
Так! Встаньте, рыцари мои! Отныне

Вы в свите нашей будете, и вам
Почет согласно сану воздадут.

Входят Корнелий и придворные дамы.

Что вижу я? На ваших лицах скорбь!
Встречать победу так? Вы не похожи
На победивших бриттов.

Корнелий

Государь,
Я омрачаю радость грустной вестью:
Скончалась королева.

Цимбелин

Не пристала
Такая весть врачу. Однако знаю:
Лекарства могут жизнь продлить, но смерти
И врач подвластен. Как она скончалась?

Корнелий

Как и жила — ужасно, и в безумье.
Жестокая, она рассталась с жизнью
В жестоких муках. Передать позвольте
Предсмертные признания ее.
Коль я солгу, пусть уличат меня
Те дамы, что у ложа королевы
В слезах стояли.

Цимбелин

Говори.

Корнелий

Она

Призналась в том, что не любила вас,
Что лишь стремилась к власти и величью
И с вами в брак вступила для того,
Чтоб королевским троном завладеть.

Цимбелин

То знала лишь она одна. И если
Она пред смертью в этом не призналась,
Я б не поверил. Дальше.

Корнелий

Ваша дочь,
Которую она ласкала лживо,

Была, как скорпион, ей ненавистна;
И, если бы принцесса не бежала,
Дала бы ей отраву королева.

Ц и м б е л и н

Чудовищно! О, кто постигнет женщин? —
И это все?

К о р н е л и й

Есть кое-что похуже.
Она для вас смертельный яд хранила,
И, если бы вы приняли его,
Он медленно точил бы вашу жизнь.
Она ж намеревалась в это время
Заботой, лаской, просьбами, слезами
Всецело подчинить вас и потом
Заставить вас наследником престола
Назначить Клотена. Но планы эти
Нарушило его исчезновение.
Тогда она в отчаянье бесстыдным,
Прокляв людей и небеса, открыла
Все замыслы свои, жалея горько,
Что не свершила их. Вот так, в безумье,
Она и умерла.

Ц и м б е л и н

(к придворным дамам)

Вы все слышали?

П р и д в о р н ы е д а м ы

Да, государь.

Ц и м б е л и н

Мой взор винить нельзя —
Она была прекрасна. Невиновен
И слух, плененный лстивостью ее,
И сердце, верившее ей во всем, —
Преступным было бы не верить ей.
И все же, Имогена, дочь моя,
Ты вправе называть меня безумцем,
Пройдя все испытания свои.
О небо, помоги мне зло исправить!

Входят Луций, Якимо, прорицатель и другие римские
пленники под стражей; позади всех Постум.

Ну, Кай, теперь уже не требуй дани:
Ее мечом сложили мы с себя,
Утратив многих храбрედов, чьи души
Нас родственники успокоить просят,
Обрекши смерти пленных; мы на это
Согласье дали. Умереть готовься.

Луций

Но ты учти превратности войны.
Помог вам только случай. А достанься
Победа нам — грозить бы мы не стали
Так хладнокровно беззащитным пленным.
Что ж, если боги только нашу жизнь
Берут, как искупительную жертву,—
Мы, римляне, достойно встретим смерть,
Но Цезарь жив, и он запомнит это.
Что до меня, прошу лишь об одном:
Со мной здесь юный паж, британец родом;
Позволь мне выкуп за него внести.
Пажей таких не знал я; кроткий, верный,
Усердный и заботливый по-женски.
Достоинства его — поддержка просьбе,
В которой ты, надеюсь, не откажешь.
Служил он римлянину, но отчизне
Не причинил вреда. Спаси его,
А нас казни.

Цимбелин

Его я где-то видел.
Лицо мне так знакомо...— Мальчик милый,
Твой взгляд меня пленил — не знаю чем.
Теперь ты мой. Я жизнь тебе дарю!
Ты почему-то сразу стал мне дорог.
Живи! Проси что хочешь у меня —
Все дам, что положенью твоему
И нашей милости пристало. Хочешь —
Знатнейшему из римлян дам свободу?

Имогена

Благодарю смиренно, государь.

Луций

Моей не требуй жизни, мальчик. Зная,
Что ты о ней попросишь.

И м о г е н а

Нет, увы!

Тут есть другое что-то... Мне оно
Страшнее смерти. Ваша жизнь сама
Сумеет отстоять себя.

Л у ц и й

Он предал,

Отверг меня. Недолго счастлив тот,
Кто молодым всю душу отдает.
Но чем он так смущен?

Ц и м б е л и н

Чего ты хочешь?

Все больше ты мне нравишься, мой мальчик.
Подумай лучше. Может быть, попросишь
Спасти его? Тебе родня он? Друг?

И м о г е н а

Он римлянин, и мне родня не больше,
Чем я вам. Нет, я ближе; я — британец.

Ц и м б е л и н

Так что же ты так смотришь на него?

И м о г е н а

Наедине скажу, коль вы меня
Благоволите выслушать.

Ц и м б е л и н

Охотно.

Как звать тебя?

И м о г е н а

Фиделе.

Ц и м б е л и н

Ты мой паж.

Твой господин я. Говори смелее.

Цимбелин и Имогена беседуют в стороне.

Б е л а р и й

Воскрес из мертвых мальчик наш!

Арвираг

Песчинки

Не схожи так, как этот милый паж
И бедный наш Фиделе. Что ты скажешь?

Гвидерий

Усопший ожил!

Беларий

Тсс... Погодите... Ведь порою сходство
Обманчиво... Он подошел бы к нам,
Будь он Фиделе. А ведь этот даже
Не обернется.

Гвидерий

Умер наш Фиделе!

Беларий

Молчи... Посмотрим.

Пизанио

(в сторону)

Это госпожа!

Ну ладно, будь теперь что будет — благо
Она жива.

Цимбелин и Имогена подходят.

Цимбелин

Стань подле нас и громко
Вопросы задавай.

(К Якимо.)

Ты подойди

И отвечай правдиво нам, иначе —
Клянусь венцом своим — жестокой пыткой
Отделим мы от правды ложь.

(Имогене.)

Спроси!

Имогена

Пусть скажет, от кого он получил
Свой перстень.

Постум

(в сторону)

Для чего им знать об этом?

Цимбелин

Как стал твоим алмаз, который носишь
На пальце ты?

Якимо

Мне пыткой ты грозил за ложь, но правда
Твоею будет пыткой.

Цимбелин

Что? Моею?

Якимо

Пора открыть мне душу наконец!
Молчать — мученье! Перстень этот добыл
Обманом я. Владел им Леонат,
Тобою изгнанный, а он — пусть это
Тебя терзает больше, чем меня, —
Достойнейший из всех людей на свете.
Желаешь слушать дальше, государь?

Цимбелин

Все знать хочу я.

Якимо

Ангел — дочь твоя...

Лишь вспомню — сердце кровью истекает
И лживый дух скорбит... Прости... Мне дурно...

Цимбелин

Дочь? Что с ней? Овладей собой. Скорей
Согласен я, чтоб до седин ты дожил,
Чем умер, промолчав. Так говори же!

Якимо

Однажды — будь он проклят, этот час, —
Я в Риме пировал — будь проклят дом,
Где был я! Ах, зачем отраву в яства
Не подложили мне... Достойный Постум... —
Что мне сказать? — он слишком был хорош,
Чтоб жить с дурными; он из самых лучших
Был наилучшим... — Он печально слушал,
Как мы своих красоток восхваляли
И самое искусное витийство
Бледнело перед нашим хвастовством.
Венера и Минерва рядом с ними

Дурнушками казались, хоть в природе
Никто богиням красотой не равен.
Хвалили мы возлюбленных своих,
Все прелести приписывая им,
Которые нас в женщинах пленяют
И позволяют им ловить мужчин
На дочку свою.

Ц и м б е л и н

Скорее к делу!
Я словно на горячих углях.

Я к и м о

К делу

Я скоро перейду, и ты узнаешь,
Что значит скорбь. Тут Леонат достойный,
Возлюбленный принцессы, речь повел.
Тех не хуля, кого мы расхвалили,
Он, добродетели самой подобный,
С такою скромностью, но вдохновенно
Живописал достоинства жены,
Что стало ясно каждому из нас:
Мы дуралеи, а красотки наши
Не лучше прачек.

Ц и м б е л и н

Ближе, ближе к делу.

Я к и м о

Превозносил он чистоту принцессы —
Вот тут-то все и началось, — сказал,
Что по сравнению с ней сама Диана
В греховных сношениях повинна,
Что лишь одна жена его чиста,
А я, несчастный, усомнился в этом
И золото поставил против перстня,
Который он носил; я похвалялся,
Что Имогену я склоню к измене
И выиграю перстень. Верный рыцарь,
Он, веря в честь ее (в чем убедился
Потом и я) в заклад поставил перстень.
Конечно, мог он смело сделать так,
Будь то карбункул с колесницы Феба,
Ценой превосходящий колесницу.
Я поспешил в Британию. Быть может,

Вам памятен приезд мой? Ваша дочь
Мне разницу сумела показать
Меж похотью и подлинной любовью,
Лишив меня надежд, но не желанья
Верх в споре одержать. Мой хитрый ум
Придумал план один... позорный, низкий.
Он удался вполне. Я в Рим вернулся
С такою цепью ложных доказательств,
Что Леоната свел с ума, разрушив
Уверенность его в своей жене.
Я описал ковры, картины в спальне.
Браслет, добытый дьявольским коварством,
Ему я предъявил. Я перечислил
Приметы тайные у ней на теле.
Не мог он не поверить, что со мной
Его жена нарушила обет,
И вот теперь я вижу — словно он
Передо мной...

Постум
(выступая вперед)

Да, итальянский дьявол,
Он пред тобой! — О горе мне! Глупец я,
Чудовищный убийца, вор и всё,
Чем свет клеймит злодеев, мне подобных. —
О, дайте мне веревку, нож иль яд!
Назначьте суд! — Король, придумай пытки!
Страшней я, хуже всех чудовищ мира!
Я — Постум, умертвивший дочь твою!
Нет, лгу, я приказал убить ее
Другому негодяю святотатцу.
Она была святыней чистоты,
Нет, чистота сама. В лицо мне плюйте,
Кидайте камни, грязь, травите псами.
Пусть впредь любой злодей зовется Постум —
И все же будет лучше он, чем я.
О Имогена, жизнь моя, принцесса!
О Имогена!

Имогена

Стой, супруг мой! Слушай...

Постум

Над горем издеваешься моим?
Прочь, дерзкий паж!
(Наносит Имогене удар. Она падает.)

П и з а н и о

На помощь госпоже! —
О Постум, господин мой! Лишь теперь
Убили вы ее.— Скорей на помощь! —
О госпожа...

Ц и м б е л и н

Иль свет перевернулся?

П о с т у м

В уме ли я?

П и з а н и о

О госпожа, очнитесь!

Ц и м б е л и н

Коль так, то боги радостью хотят
Убить меня.

П и з а н и о

Принцесса, лучше вам?

И м о г е н а

Прочь с глаз моих!
Ты дал мне яд. Не смей дышать, преступник,
Близ королей.

Ц и м б е л и н

То голос Имогены.

П и з а н и о

Принцесса! Порази меня Юпитер,
Коль не считал я тот состав целебным.
Его мне подарила королева.

Ц и м б е л и н

Что? Что?

И м о г е н а

Он отравил меня.

К о р н е л и й

О небо!

Забыл я передать вам, государь,
Еще одно признание королевы.
Он им оправдан. «Если даст Пизанию,—

Она сказала,— мой состав принцессе,
Который я лекарством назвала,
Он так услужит этим ей, как крысе
Я услужила бы».

Ц и м б е л и н

Что это значит?

К о р н е л и й

Мой государь, нередко королева
Заказывала яды мне, твердя,
Что ей они для опытов нужны,
Что травит только псов она и кошек
И тварей бесполезных. Но, боясь,
Что преступление совершит она,
Я сделал для нее такой состав,
Который вместо смерти вызывает
Подобье смерти — сон, а после снова
Приходит жизнь.

(Имогене.)

Вы приняли его?

И м о г е н а

Наверно, если я была мертва.

Б е л а р и й

Вот это нас и обмануло, дети.

Г в и д е р и й

Фиделе! Да, конечно, это он!

И м о г е н а

(Постуму)

Зачем ты оттолкнул свою жену?
Представь, что мы с тобою на скале,
И вновь толкни меня.

(Обнимает его.)

П о с т у м

Пока я жив —

Как плод на дереве, держись на мне.

Ц и м б е л и н

Дитя мое! Родная плоть моя!

А что же я, по-твоему, — лишь зритель?
Ты для меня и слова не найдешь?

И м о г е н а

Благословите нас, отец.

Б е л а р и й

(Гвидерию и Арвирагу)

Понятно,

Что мальчика вы сразу полюбили,—
Была причина.

Ц и м б е л и н

Для тебя, дитя,

Святой водой мой пусть будут слезы...
Скончалась мать твоя.

И м о г е н а

Мне жаль ее.

Ц и м б е л и н

Нет, нет, она жестокою была.
Из-за нее мы встретились так странно.
Но сын ее исчез.

П и з а н и о

Теперь и я

Скажу без страха все. Явился принц
Ко мне, когда исчезла госпожа,
И с пеною у рта грозил меня
Убить мечом, коль скрою, где она.
При мне письмо случайно оказалось
От господина. Он прочел; узнал,
Что в Мильфорд, в гавань, госпожа помчалась,
И, в гнев приказав отдать ему
Одежду господина моего,
Он кинулся туда с нечистой целью —
Принцессу обесчестить. Что с ним случилось,
Мне неизвестно.

Г в и д е р и й

Я могу сказать:

Его убил я.

Ц и м б е л и н

Смилуйтесь, о боги!

Я не хотел бы за твои заслуги
Обречь тебя на смерть. Скажи скорее,
Что это ложь.

Гвидерий

Я сделал, как сказал.

Цимбелин

Он принцем был!

Гвидерий

И наглесом! Ругательства его
Отнюдь не царственно звучали! Если б
Ревело море так, я и ему
Отсек бы голову; и очень рад,
Что не стоит он, похваляясь тем же,
Пред нами здесь.

Цимбелин

Мне жаль тебя, но вынес
Ты смертный приговор себе. Умри же!

Имогена

Я приняла за мужа этот труп
Без головы!

Цимбелин

Преступника связать
И увести!

Беларий

Нет, погоди, король;
Он выше принца родом и не ниже,
Чем ты. И ты ему обязан больше,
Чем сотне принцев.

(Страже.)

Рук его не троньте —
Они не для оков.

Цимбелин

Зачем ты, старец,
Еще не получив награды, губишь
Свои заслуги, гнев наш вызывая?
Нам равен он?

Арвираг

Перехватил отец!

Цимбелин

За это ты умрешь!

Беларий

Мы все умрем,

Но прежде докажу я, что они
Так знатны, как сказал я.— Дети, должны
Открыть я тайну. В ней моя беда
И ваше счастье.

Арвираг

Но твоя беда —

И наша!

Гвидерий

Счастье наше — и твое.

Беларий

Внимайте! У тебя, король великий,
Был подданный Беларий.

Цимбелин

Ну и что же?

Изменник, изгнан он.

Беларий

Моих он лет

И вправду изгнан, но за ним доселе
Не знаю я измены.

Цимбелин

Взять его!

Пощады нет ему.

Беларий

Не горячись!

За воспитанье сыновей твоих
Сначала уплати мне, а потом
Взыщи, что дал.

Цимбелин

За сыновей моих?

Беларий

Я слишком дерзок, но с колен не встану,
Пока высокий сан им не верну,

А там — казните старца. О король!
Меня считают юноши отцом,
Себя — моими сыновьями. Нет!
Они твое потомство, повелитель,
В них кровь твоя.

Ц и м б е л и н

Они — мое потомство?

Б е л а р и й

Да, это так же верно, как и то,
Что ты, король, сын своего отца.
Я, старый Морган, — изгнанный Беларий,
И твой каприз — вот вся моя вина
И вся моя измена. Мой проступок —
В моих страданиях. Принцев — это принцы! —
Растил я двадцать лет, их обучил
Всеми, что знал, — тебе, король, известна
Моя ученость. Няньке Эврифиле
Велел я их украсть, когда был изгнан,
И в благодарность я на ней женился.
Ты наказал меня несправедливо
За грех, который позже я свершил.
За верность был я изгнан, и тогда
Я стал изменником. Ты горевал,
А я был рад, своей достигнув цели.
Но дети вновь с тобой, а я, несчастный,
Двух лучших в мире потерял друзей.
Благословенье неба да падет
На их главу росой. Они достойны
Сиять средь звезд.

Ц и м б е л и н

Ты говоришь и плачешь.
Но помощь ваша мне еще чудесней,
Чем твой рассказ. Я потерял детей,
Но, если это сыновья мои,
Я лучших не желаю.

Б е л а р и й

Погоди.

Вот этот юноша, который прозван
Мной Полидором, — старший твой, Гвидерий;
А Кадвал — Арвираг, твой младший сын.
Он был тогда завернут в одеяло,

Рукой царицы вытканное дивно.
Его, как доказательство, отдам.

Ц и м б е л и н

Постой! Был у Гвидерия на шее
Знак наподобье звездочки кровавой —
Чудесная примета.

Б е л а р и й

Сохранилась
Она доныне. Мудрою природой
Отмечен он, чтоб легче можно было
Признать его.

Ц и м б е л и н

Итак, я словно мать,
Родившая троих. Но никогда
Не радовалась детям больше мать!
Благословенны будьте и, вернувшись,
Навек останьтесь с нами. — Имогена,
Но ты престол теряешь.

И м о г е н а

Ах, отец,
Зато два мира мне возвращены. —
О дорогие братья, как пришлось
Нам свидеться! Но я правдивей вас;
Меня, сестру свою, вы звали братом,
А я вас, братьев, братьями звала.
И вправду мы родные!

Ц и м б е л и н

Вы встречались?

А р в и р а г

Да, государь.

Г в и д е р и й

Мы с первых встреч любили
Ее, пока умершей не сочли...

К о р н е л л и

От яда королевы.

Ц и м б е л и н

Перст судьбы!
Когда ж узнаю все? Событий столько

Сплелось чудесных, что рассказ короткий
Не объяснит их. Где и как вы жили?
Как пленник наш тебя на службу взял?
Как братьев ты нашла, как потеряла?
Зачем бежала из дворца? Куда?
И многое еще спросить мне нужно.
Событий поразительную связь
Хочу скорей постичь я. Но сейчас
Не время и не место для расспросов.
Смотрите: Постум подле Имогены
Вновь бросил якорь. Как зарпица, взор
У ней сверкает, озаряя мужа,
Меня и братьев радостью. И каждый
Ей взгляд ответный шлет. Пойдемте в храм,
И дым от жертв пусть вознесется к небу!

(Беларию.)

Отныне ты навек мне будешь братом.

И м о г е н а

А мне — отцом: ты мне помог дожить
До счастья такого.

Ц и м б е л и н

Кроме пленных,
Все счастливы. Пусть и они ликуют:
Их милость ждет!

И м о г е н а

(Луцию)

Мой господин! Теперь
Хочу я услужить вам.

Л у ц и й

Будь счастливой!

Ц и м б е л и н

Когда бы тот исчезнувший герой
Был с нами, отблагодарить его
От полноты души я смог бы.

П о с т у м

Этот воин —

Я, государь. Я вместе с ними бился
В простой одежде. — Якимо, скажи,
Кто воин тот. Тебя я победил
И мог убить.

Я к и м о
(опускаясь на колени)

Я вновь у ног твоих.
Теперь меня повергла наземь совесть,
Как прежде мощь твоя. Тебе обязан
Я жизнью — так возьми ее; но раньше
Возьми свой перстень и браслет принцессы,
Вернейшей в мире.

П о с т у м

Не склоняй колен.
Я властен лишь прощать и зло забыть.
Вся месть моя — прощение. Живи
И стань честней!

Ц и м б е л и н

Достойные слова!
Великодушию нас учит зять.
Прощенье всем!

А р в и р а г
(Постуму)

Ты нам помог как брат,
И счастлив я, что мы и в самом деле
С тобою братья.

П о с т у м

Готов служить вам, принцы. — Римский воин,
Здесь прорицатель твой. Во сне сегодня
Ко мне слетел Юпитер на орле
И призраки родных моих. Проснувшись,
Я на груди нашел пергамент этот,
Но был не в силах разгадать писанье.
Пусть он свое искусство нам покажет,
Его растолковав.

Л у ц и й

Где Филармон?

П р о р и ц а т е л ь
(выходя вперед)

Я здесь.

Л у ц и й

Прочти и растолкуй нам смысл.

Прорицатель

«Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то, чего не искал, и будет объят струей нежного воздуха; когда отсеченные ветви величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветет мир и изобилие».

Ты львенок, Леонат. Ведь по-латыни
Ты Leonatus, то есть львом рожденный;
А ласковая воздуха струя —
То дочь твоя, король; ведь *mollis aer* —
Нежнейший воздух; это схоже с *mulier*,
А по-латыни *mulier* — супруга
Вернейшая. Не лживы письмамена.

(Постуму.)

Нежданно ты оваян ею был,
Как воздуха нежнейшею струею.

Цимбелин

Здесь есть глубокий смысл.

Прорицатель

Могучий кедр —
Ты, Цимбелин, а ветви — сыновья,
Которых у тебя украл Беларий.
Они считались мертвыми, но ныне
Вновь приросли к могучему стволу,
Суля стране и мир и процветанье.

Цимбелин

Прекрасно! С мира и начнем.— Кай Луций,
Хоть победили мы, во добровольно
Власть Цезаря и Рима признаем
И обещаем дань платить, как прежде,
От коей отказались мы по воле
Супруги злобной нашей. Но ее
И сына справедливо покарало
Судилище богов.

Прорицатель

Персты небесных сил коснулись струн
Гармонии и мира. То виденье,
Которое перед кровавой битвой
Я Луцию поведал, стало явью.

Орел наш римский, с юга воспарив,
На запад полетел и, уменьшаясь,
Исчез там в свете солнца. Это значит,
Что царственный орел, могучий Цезарь,
Свою любовь с великим Цимбелином,
Сияющим на западе, сольет.

Ц и м б е л и н

Хвала богам! Пусть дым от алтарей
Несется к небу! — Возвестить о мире
Всем подданным! — Идем! Пусть реют вместе
Британские и римские знамена!
Так мы пройдем по городу во храм
Великого Юпитера, где с Римом
Скрепим союз и празднество устроим.
Хотя еще с мечей не стерта кровь,
По мир царит; войне не вспыхнуть вновь!

Уходят.



**СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**



«МАКБЕТ»

1

Как ни странно это теперь для нас, «Макбет» был написан Шекспиром для того, чтобы его труппа могла угодить королю. Внешние обстоятельства возникновения трагедии таковы.

В 1603 г. умерла королева Елизавета. На престол вступил Иаков I, сын казненной шотландской королевы Марии Стюарт. Проводя политику укрепления абсолютизма, новый монарх, в частности, решил взять под свой непосредственный контроль театры. Он отменил право вельмож оказывать им покровительство. Отныне только члены царствующего дома могли патронировать актерские труппы. Этим последним были выданы новые патенты, разрешавшие публичные и придворные представления, причем труппы были переименованы. Самой высокой чести удостоилось актерское товарищество «слуг лорда-камергера», к которому принадлежал Шекспир. Отныне оно стало труппой самого короля и актеры получили звание «слуг его королевского величества».

На рубеже XVI—XVII вв. большое место в театральной жизни Лондона заняли два театра, в которых актерами были мальчики-хорпсты певческих капелл. Они составили опасную конкуренцию для трупп взрослых актеров, и Шекспир не без горечи отметил это в «Гамлете» (II, 2, разговор Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном).

Одна из трупп мальчиков, игравшая в театре Блекфрайерс, поставила в 1605 г. пьесу Джорджа Чепмена, Бена Джонсона и Джона Марстона «Эй, на Восток!» При дворе в ней усмотрели непозволительные насмешки над шотландцами, о чем было доложено королю. Иаков I принял это за косвенный выпад против его персоны, разгневался и приказал посадить авторов в тюрьму. Следующий промах труппы привел к ее роспуску.

«Слуги его королевского величества», часто выступавшие при дворе, сочли, что при сложившейся ситуации они только выиграют, если поставят пьесу на шотландскую тему. Написание пьесы взял на себя главный драматург театра — Шекспир.

Дело было тонкое, политическое. Надо было учесть многое. Во-первых, показать, что шотландцы отнюдь не только объект для насмешек, во-вторых, польстить королю, в-третьих, подчеркнуть давние исторические корни установленной Иаковом I унии между Англией и Шотландией,

в-четвертых, откликнуться на идеологическую политику нового короля, выступавшей с «учеными» трактатами о ведьмах и колдовстве.

В пьесе, созданной Шекспиром, все это так или иначе отражено. Сюжет он выбрал из истории Шотландии. В тексте пьесы содержится предсказание о том, что потомки Банко будут королями, а один из них объединит под своей державой два королевства — Англию и Шотландию (IV, 1). Спасение Шотландии от деспотизма Макбета приходит из Англии, куда бежали Малькольм и Макдуф и откуда они идут, при поддержке англичан, походом на короля-убийцу. А его злодейства связаны с влиянием на него ведьм, от коих исходит всяческая скверна.

Для нынешнего читателя и зрителя все это не имеет никакого значения, тогда как для современников Шекспира трагедия была произведением, полным аллюзий, из которых здесь перечислены наиболее существенные.

Время создания трагедии — 1606 г. Впервые она была напечатана лишь после смерти Шекспира в фоллио 1623 г. Но в апреле 1610 г. ее уже видел на сцене Саймон Форман, оставивший в своем дневнике запись о спектакле.

Текст трагедии значительно короче обычного размера пьес Шекспира, написанных им в этот период. В нем 1993 строки, тогда как в «Гамлете» — без малого 4000, в «Отелло» — 3324, в «Короле Лире» — 3298. Большинство исследователей склоняются к тому, что сохранился только сокращенный сценический вариант трагедии. Однако произведение обладает композиционной завершенностью и такой художественной выразительностью, что, каковы бы ни были потери, связанные с утратой полного варианта, «Макбет» признан одним из величайших шедевров трагической музыки Шекспира.

С трагедией связана еще одна текстологическая проблема. Два приращения ведьм (III, 5 и IV, 1) найдены также в пьесе Томаса Мидльтона «Ведьма», сохранившейся в рукописи. Вопрос, вставший перед исследователями, заключается в том, кто был автором их. Эта проблема связывается с другой. Дело в том, что в тексте «Макбета» есть места, выглядящие как вставки, а с другой стороны, как уже сказано, в нем произведены сокращения. Не был ли Миддлтон ответствен за обработку «Макбета» в том виде, в каком трагедия дошла до нас? Дж. Довер Уилсон склонен видеть руку Миддльтона в ряде мест пьесы. Э. К. Чемберс более скептичен в этом отношении. У. У. Грег осторожнее их обоих в приписывании Миддлтону участия в сокращении «Макбета». Однако он считает, что так как «Ведьма» Миддльтона на сцене успеха не имела, то, возможно, театр использовал несколько мест из этой пьесы и включил их в текст трагедии Шекспира.

Все это несколько не подрывает оригинальности трагедии Шекспира. Именно автор «Макбета» сделал ведьм модными персонажами на сцене. Миддлтон, вообще подражавший Шекспиру, создавая свою «Ведьму», шел по его стопам. Поэтому, если текст Шекспира чем-то немногим обязан Миддлтону, то этот последний был в большем долгу перед Шекспиром. Но при всем том, даже если чья-то рука и прикоснулась к «Макбету», перед нами произведение в полной мере шекспировское.

Сюжет заимствован из «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, постоянно служивших Шекспиру источником исторических сведений при создании драм из прошлого его страны. В изображении судьбы своего главного героя Шекспир следовал биографии Макбета, изложенной Холиншедом. Но весь эпизод убийства короля Дункана основан на другой части хроник, рассказывающей об умерщвлении короля Дуффа феодалом Дональдом. Полное драматизм повествование летописца легко укладывалось в сюжет пьесы, но Шекспир усилил его

выразительность, сконцентрировав события. Это относится, во-первых, к начальным моментам пьесы, где Шекспир объединил в один эпизод три разделенных временем события: восстание Макдональда, вторжение норвежского короля Свено и нападение войск Канута на шотландцев (I, 2). Вообще время развития событий сильно сокращено Шекспиром. Макбет царствовал семнадцать лет, а в трагедии его правление длится гораздо меньше, хотя годы его царствования точно не обозначены. Из других изменений, произведенных Шекспиром, отметим такие: Макдональд сам покончил с собой, в трагедии его убивает Макбет; у Холиншеда убийство короля совершают подосланные слуги, у Шекспира — сам Макбет. У Холиншеда убийство Банко происходит *после* пира у Макбета, у Шекспира Банко погибает на пути к Макбету. Эти изменения усиливали драматизм событий, давали возможность более яркого выявления характеров, в обрисовке которых Шекспир также не во всем следовал за источником.

В повествовании Холиншеда Макбет представлен мудрым и справедливым правителем, заботившимся о народе и доброжелательным по отношению к феодальным баронам. Шекспир сделал Макбета законченным воплощением политического деспотизма.

Более всего самостоятельность Шекспира по отношению к своему источнику проявилась в создании образа леди Макбет. У Холиншеда ей посвящена буквально одна фраза. Рассказывая о честолюбии Макбета, летописец добавил: «Но особенно растревала его жена, добивавшаяся, чтобы он совершил это, ибо она была весьма честолюбива и в ней пылало неугасимое желание приобрести сан королевы». Вот и все. Из одной этой фразы творческое воображение Шекспира создало образ леди Макбет. Из истории драматург ничего не мог узнать о последующей судьбе жены Макбета. Ее безумие и смерть «выдуманы» Шекспиром.

Изменил он и характер Банко, придав ему больше благородства. Исторический Банко был соучастником Макбета в убийстве короля Дункана. У Шекспира он освобожден от всех черт, которые делали его не меньшим преступником, чем Макбет.

Хотя предсказание ведьм упоминается в хронике, там оно фигурирует лишь как случайный мотив. Шекспир развил его, придав особый колорит пьесе введением сверхъестественного элемента. Точно так же не было намека в хронике и на столь драматические эпизоды, как видение кипжала Макбету (II, 1), появление призрака Банко на пире (III, 2), безумный бред леди Макбет (V, 1). Эти эпизоды являются теми элементами творческого замысла Шекспира, которые содействовали поднятию материала драматической хроники на высоту поэтической трагедии.

2

В хрониках государственные и политические проблемы стояли на первом плане. Они были стержнем драматического действия, и им было подчинено раскрытие характеров, чьи личные судьбы непосредственно отражали этапы развития истории страны — феодальную анархию и восстановление государственного единства. В трагедиях, сюжеты которых также были историческими, центр тяжести переносится Шекспиром на характеры. Это не означает игнорирования реальных исторических условий, в которых действуют герои. Шекспир и здесь твердо стоит на почве действительности. Но если в хрониках трагическим субъектом является государство, переживающее кризис, то в трагедиях драматизм сконцентрирован на переживаниях героев. Кризисы происходят в их душах.

Рассуждая отвлеченно, можно прийти к ложному выводу, будто трагедии более узко отражают действительность, поскольку они сосредоточивают главное внимание на духовном мире отдельных личностей. Но всякий знает по собственному восприятию, что это не так. Именно трагедии, а не хроники обладают большей универсальностью, они глубже проникают в сердцевину конфликтов. Смысл исторических сдвигов в общественном сознании отражен в них ярче, полнее, и сила художественного воздействия трагедий превосходит впечатление, производимое хрониками. Секрет этого в том, что хроники отражают движение истории преимущественно в его внешне драматических проявлениях, а трагедии раскрывают самые глубинные процессы жизни с предельной степенью реалистической типизации. Те же общественные силы, которые приводят в хрониках к борьбе деспотизма и справедливости, в трагедиях обуславливают конфликты добрых и дурных начал в нравственных отношениях и в духовном мире людей.

Но психологические и этические проблемы трагедий никогда не отрываются Шекспиром от социальной почвы, порождающей их. Страсти героев обусловлены всем складом общественных отношений эпохи. Социальная действительность не является далеким фоном основного действия, она все время перед нами, ибо она и составляет почву, на которой живет и действует герой. Мир его личных переживаний связан с миром общественных отношений, а эти последние не ограничены какой-нибудь одной социальной ячейкой, например семьей. Герой стоит на самой вершине социальной пирамиды. И если зло овладевает его душой, то от совершаемых им преступлений, от его ошибок и грехопадений сотрясается все общественное здание. Более того, не только все государство вовлечено в поток трагических событий. Если творится дурное, то конвульсии сотрясают небеса и землю. Когда зло овладевает душой человека, сама природа корчится от мук.

С особой силой эта космическая масштабность трагического предстает у Шекспира в «Короле Лире» и «Макбете». Если в трагедии Лира поэтическим образом возмущения природы является буря, то в «Макбете» это воплощено в образах ведьм.

Что представляют собой зловещие фигуры ведьм? Просто ли это уступка гуманиста Шекспира обскурантизму короля, распространявшего веру в колдовство? Или проявление предрассудков самого Шекспира? Но если так, почему же мы, люди просвещенного времени, чуждые наивных заблуждений прошлого, не воспринимаем вещих жен как досадную деталь, портящую фасад величественного здания трагедии, а видим в них ее неотделимую часть?

Потому что, каковы бы ни были предрассудки Шекспира и его современников, ведьмы в «Макбете» не бытовые фигуры, а образы символические и поэтические. Наше сознание не луждается в подтверждении их бытовой реальности, ибо они есть реальность поэтическая. Они реальны и в то же время нереальны. Они не существуют вне сознания Макбета и Банко, которым прорицают их зловещую судьбу, корону и смерть, но только по-разному: Макбету — духовную смерть и непрочную власть, Банко — физическую гибель и прочную власть в потомстве.

Уже самый зачин трагедии вводит нас в ее атмосферу. Страшный хоровод ведьм предвещает чудовищное попрание человечности. Зло, которое они воплощают, коренится в самом низменном, что есть в природе. Их уродство — символ всего безобразного в жизни. У них есть свой страшный юмор, их чудовищные шутки связаны со смертью, и для них высшая радость — хаос бессмысленных убийств и жестоких страданий. Они хихикают от зрелища повешенных и потирают костлявые руки, чуя запах человеческой крови. Речи их полны бессмыслицы, но так

и должно быть, ибо они воплощают ту стихию жизни, где разум бес- силен, где царит слепая страсть и человек оказывается игрушкой примитивных темных инстинктов, подстерегающих то роковое мгновение, когда они смогут полностью завладеть его душой.

И, как это постоянно бывает в великих творениях Шекспира, одна деталь, подобно молнии, своей вспышкой освещает все. Зачем ведьмы появляются одновременно перед Макбетом и Банко? Ведь они то мрач- ное, что дремлет в душе Макбета, но не Банко. Но для того они и воз- никают перед обоими танами, чтобы мы увидели, как по-разному те вос- принимают их. Слова вещих жен пробуждают дурные страсти Макбета, они — его собственные темные мысли, а для Банко их зловещие фи- гуры — всего лишь «пузыри, которые рождает земля, как и вода» (I, 3).

Какой поистине шекспировский образ!

Для Банко ведьмы нечто исторгнутое природой из своих недр, как чуждое и дурное. Но не так смотрит на них Макбет. Он жалеет, что это видение исчезло, ему хотелось бы еще и еще слушать вещих жен, чтобы узнать подробности предсказанной ими его судьбы. То, что смутно танлось в его душе, вдруг возникло перед ним во всем ослепительном соблазне. Призрак власти поманил его, и началось кипение страстей Мак- бета, поднялись пузыри его честолюбия. Но Макбет знает, что его жела- ния противоречат природе и человечности. Ему нужна опора для его стремлений, ибо он сознает, что они враждебны законам человечности. Подобно другим честолюбцам, он верит в предначертанность своей судьбы высшими силами, что должно оправдать его в собственных глазах и во мнении других.

Поэтическая символика трагедии подчеркивает с самого начала борьбу добрых и дурных начал. Хоровод ведьм, служащий прологом к трагедии, завершается словами: «Грань меж добром и злом, сотрись. Сквозь пар гнилой помчимся высь» (I, 1). И как эхо звучит этот же мотив в первых словах Макбета, когда он появляется перед нами: «Бы- вал ли день ужасней и славнее?» (I, 3). Борьбой этих двух начал дей- ствительно наполнена вся трагедия: жизнь может быть и отврати- тельной и прекрасной, и таким же может быть человек.

Борьба этих начал происходит в душе Макбета.

Макбет творит злодейские дела, но он не злодей типа Ричарда III, Яго или Эдмонда. Те были обделены природой или обществом. Они чув- ствовали себя ущемленными, сознавали свою неполноценность. Макбет ни в чем не ущемлен. Он предстает перед нами вначале как вопло- щение подлинной человеческой мощи. У него есть и сила, и му- жество, и поприще для применения их. Его доблести вызывают всеоб- щее восхищение, успех сопутствует ему, и подвиги его награждаются по достоинству. Ричард, Яго и Эдмонд не получали от жизни ничего, они должны были вырвать у нее дары, которые возместили бы неполно- ценность их природных данных или общественного положения. Мак- бету достаточно быть самим собой, чтобы жизнь его была полна.

Но в том-то и дело, что в душе его гнездится червь честолюбия. Чем больше он получает, тем большего хочет. И хотя он поистине пре- красен таков, как он есть, ему начинает казаться, что его человеческие достоинства по-настоящему не оценены. Ему нет равных в доблестях, украшающих воителя. Он царственный человек. Рядом с ним мелким выглядит даже сам король Дункан, со всем своим добросердечием и уважением к чужим заслугам.

В душе Макбета загорается желание увенчать свою человеческую царственность королевским саном. В этом он прямая противоположность Лире. Тот захотел утвердить свое человеческое величие, отдав власть и корону. Макбет жаждет утвердить себя как человека, став королем.

Но к трону для Макбета нет прямого и честного пути, каким он всегда шел до сих пор. Дорогу ему преграждает не только сам Дункан, но и названный им наследник — принц Малькольм. В душе Макбета начинается борьба.

Хотя Макбет сглад для нас таким же воплощением честолюбия, как Отелло — ревности, в том-то и дело, что честолюбие не составляет сущности натуры героя. Подобно тому как Отелло от природы не ревнив, так не честолюбив по своей природе и Макбет. В его натуре главным было свободное проявление своей человеческой мощи. Обстоятельства, однако, привели к тому, что он столкнулся с противоречием — достоинства человека не сочетаются с равнодушным общественным положением. В этом отношении Макбет решительно отличается от Ричарда III. Жестокый горбун не имел никаких формальных и человеческих прав на то, чтобы стать выше всех в стране. Он узурпировал эти права, действуя коварно и жестоко. Законных прав Макбет тоже не имеет. Но он считает, что имеет на это естественное право по своим личным достоинствам.

Трагедия раскрывает одно из глубочайших противоречий положения личности в классовом обществе. Буржуазное развитие имело в эпоху Возрождения одним из своих результатов высокое самосознание личности. Титанические способности человека, раскованные буржуазным прогрессом, однако, наталкивались на преграды, сохранявшие силу, поскольку произошло лишь изменение классовой структуры общества, но не исчезновение классов как таковых. Уже возник критерий оценки человека по его личным достоинствам, но сохранялась и несколько преобразованная социальная иерархия, в пределах которой значение человека определялось происхождением, рангом, богатством. Реальная общественная сила оставалась по-прежнему за обладателями различных привилегий. Человеческое достоинство, не подкрепленное титулами и богатством, оставалось бесплотной иллюзией. А люди, созревшие до самосознания своей человеческой ценности, хотели, чтобы это было реализовано их общественным положением. Так как условия были в своем существе уже буржуазными, то даже деятели подлинно человеческого прогресса — художники, ученые, философы — сочетали творческие подвиги и открытия, двигавшие культуру, с тем, что мы не можем характеризовать иначе, как карьеризм и стяжательство. Христофор Колумб, грабивший Вест-Индию в сани ее вице-короля, и Франсис Бэкон, бравший взятки в бытность лордом-канцлером, — может быть, наиболее яркие, но далеко не единственные примеры уродливого и противоречивого развития личности в условиях буржуазного прогресса в эпоху Возрождения.

Трагедия Макбета принадлежит к явлениям именно такого порядка. Нет большей ошибки, чем считать его просто злодеем. В таком случае не было бы трагедии. Она состоит именно в том, что гибнет прекрасный, подлинно великий человек.

Честолюбие Макбета порождено не пустым, необоснованным тщеславием. Оно является таким же уродливым извращением понятия о человеческом достоинстве, как и у короля Лира. Но Лира мы видим с самого начала уже во власти ложных понятий, от которых он потом, пройдя через страдания, освобождается. Его крестный путь — это трагедия очищения. Трагедия Макбета в том, что он становится на путь преступлений, оскверняющих его душу. Он все глубже вязнет в тине бесчеловечности, доходя до полного отупения чувств.

И все же он остается человеком. Есть одна черта, вернее всего открывающая нам отношение Шекспира к его героям. Это — их по-

этичность и музыкальность. Шекспировские злодеи лишены чувства прекрасного. Они умны, смелы, решительны, но дух поэзии задевает их лишь извне. Те же Ричард, Яго и Эдмонд вполне подтверждают это.

Но там, где мы слышим голос поэзии, где музыкой полны речи героя, там перед нами люди, сохранившие человечность. Она может быть замутнена дурными страстями, но мы ощущаем, что основу духовного мира такого героя составляет врожденное знание подлинных человеческих ценностей.

Прямое подтверждение этому в отношении Макбета исходит не от кого иного, как от его собственной жены. Когда она говорит, что он «от природы молочной незлобностью впаоен» (I, 5), то выявляет существо натуры Макбета. Пусть в ее глазах это недостаток, мы понимаем, что именно эта «слабость» не только делает Макбета человечным, но и составляет причину его трагических душевных мук. Шекспировские злодеи-макиавелисты человеческих ценностей не признавали. Они не верили ни в любовь, ни в дружбу, ни в долг, ни в честь. Для них это пустые слова. А Макбет знает всему этому цену. Творя зло, Ричард III и Яго не испытывают никакого чувства, кроме удовлетворения тем, что их коварство приносит свои плоды. Они беспрепятственно попирают человечность, тогда как Макбет содрогается уже от одной мысли, что он нарушит нравственные законы.

Но в том-то и дело, что в сознании Макбета произошло смешение истинных и ложных ценностей. Чем воздействует на него леди Макбет? Соблазнами власти? Нет. Она взывает к его гордой вере в свое человеческое достоинство. Она говорит ему:

«Но разве зверь тебе твой план внушил?
Его задумав, был ты человеком
И больше был бы им, когда б посмел
Стать большим, чем ты был.» (I, 7).

Возвыситься как человек — вот чего хочет Макбет. Но, как мы знаем, путь, избранный им для этого, оказался ложным. Предчувствие этого с самого начала жило в душе Макбета. Он сознает, что должен нарушить долг подданного, обязанности гостеприимства, закон чести и, главное, самый принцип человечности. В нем нет недостатка мужественности. Начало трагедии показывает нам Макбета-воина. Без колебаний, рискуя жизнью, шел он в бой. Ему ничего не стоило вспороть живот врага, отрубить ему голову и водрузить ее на копье над башней. Он делал это, добиваясь победы в честном бою, сражаясь против бесчестного мятежника. Но теперь мятежник он сам, и борется он не в открытую, а с коварством предателя и убивает беззащитного. Такой способ действий противен натуре Макбета. Поэтому он колеблется, перед тем как убить Дункана, и испытывает потрясение, пролив его кровь.

Очистить душу его не будет знать покоя. Он сознает, что навсегда лишил себя его, «зарезал свой сон». Бесчестно убив другого, Макбет совершил моральное убийство. Но трагедия не только в этом. Уже в первом большом монологе Макбет говорит о яде, отраве, губящей не тело, а душу: «Возмездье рукой бесстрастной чашу с нашим ядом подпошит нам же» (I, 7). Одно убийство влечет за собой и другие. Первое же злодеяние Макбета оказывается не единственным: он убивает не только Дункана, но и слуг, охранявших короля. А дальше начинается вакханалия убийств, все более подлых и жестоких, — жертвами Макбета оказываются его друг Банко, жена и сын Макдуфа. Правда, их Макбет

прикалывает не собственными руками, но от этого его вина не меньше. Кровь жертв пачкает его, и если те, кто выполняет волю Макбета, делают это с жестоким безразличием, то сам он ощущает моральное бремя злодеяний.

К чему же приходит Макбет? К самой страшной для него трагедии. Ее своеобразие определяется тем, что Макбет до конца остается героической личностью. Сила его характера не сломлена. Но душа его оказывается опустошенной. Он сохраняет все внешние атрибуты выдающейся личности — мужество, негибкую волю, энергию, ум, понимание вещей. Не остается только одного — цели и смысла существования. Главное, к чему стремился Макбет, он разрушил собственными руками: вместо полноты сознания своей человечности он ощущает зияющую пустоту. Макбет сознает, что обрек себя на самое страшное одиночество — одиночество человека, навсегда отторгнутого от остальных людей:

«Немало пожил я: уже усеял
Земной мой путь листвою сухой и желтой,
Но спутников, столь нужных нам под старость,—
Друзей, любви, почета и вниманья —
Не вижу я; зато вокруг проклятья,
Негромкие, но страшные, и лести...» (V, 3).

И когда он спрашивает лекаря, может ли тот освободить леги Макбета от безумия, то выражает сознание неизлечимости недуга, поразившего его собственную душу (V, 3).

Он питал надежду, что настанет день, когда прекратится мука, порожденная его собственными действиями. Но бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра» оказались лишь крестным путем страданий, ведущих к роковому мигу, когда наступает смерть и уже больше ничего нельзя исправить. Он творил преступления, уверенный, что, завоевав престол, сделает свою жизнь прекрасной, а оказалось, что он сжигал себя и теперь остался лишь жалкий, истекающий огарок. Поэтому вся его жизнь лишилась смысла, стала призрачным существованием, и он сравнивает себя с актером, который недолго кривляется на сцене, а потом исчезает и ничего не остается от человека, роль которого он играл. Свою жизнь Макбет незадолго до конца оценивает так:

«...это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла» (V, 5).

Его последнее прибежище — мужество. Это единственное, что осталось у него. И хотя все против него — земля и небо, природа и люди, — и хотя ему уже не за что бороться, он не сдается. В бой он бросается отнюдь не для того, чтобы найти смерть. Выстоять, победить, несмотря ни на что, — вот чего он хочет, даже тогда, когда сознает, что, собственно, отстаивать ему нечего, кроме своего опустошенного «я». Но и последнее, что осталось у Макбета, — его мужество — оказывается сломленным, когда он встречается в бою с Макдуфом и тот говорит, что не рожден женщиной. Теперь только ярость отчаяния владеет Макбетом, когда он сражается с Макдуфом и погибает.

Смерть Макбета — это гибель без нравственного очищения, какое озарило страдальческий путь Лира, и без просветляющего примирения, осенившего последнее дыхание Отелло. Это гибель полная и беспросветная. В этом смысле «Макбет» — самая мрачная из всех трагедий Шекспира, ибо здесь представлена полная моральная гибель человека,

Леди Макбет во многом подобна своему мужу. Она тоже не обычная «злодейка». Среди женщин она выделяется красотой, как Макбет возвышается над всеми своими мужественными достоинствами. Они стоят друг друга по своим внешним совершенствам, и в этом смысле образуют идеальную пару. Так же как Макбет хотел увенчать свои доблести властью, так мечтает она о том, чтобы ее красоту увенчала корона. Мы не поймем ничего в ее характере, если не увидим ее женской красоты. О своей женственности она настойчиво напоминает сама.

Но у этой царственной женщины сердце окаменело. Так же как Макбет, она живет только для себя, для своей красоты. Ее честолюбие равно честолюбию Макбета. Но не превосходит его. Это необходимо подчеркнуть со всей силой, ибо нередко неправильно представляют, будто она одна повинна в том, что Макбет вступил на кровавый путь. Нет, в этом они были едины и равны. Если верить ее словам, то первоначально именно Макбет зажег в ней огонь честолюбия.

Все ее чувства подчинены честолюбию. Даже любовь ее честолюбива. Она любит Макбета за то, что он превосходит всех других людей. Ей важна не та радость, которую любящая женщина получает от ответных чувств мужчины, а его способность возвысить себя и заодно ее. Она хочет быть женой первого человека в государстве. Такая любовь бывает, она по-своему может быть искренней и сильной, но, конечно, представляет собой извращение истинной любви.

Отличает ее от Макбета решительность. Ее честолюбие — действительно страсть, слепая, нетерпеливая и неукротимая. Она железная женщина, дьявол в прекрасном облике. Если честолюбие Макбета — это страсть, борющаяся с его нравственным сознанием, то в ней — это мания, уничтожившая все остальные чувства. Моральных понятий она почти лишена. Все кажется ей простым. Макбет сознает преступность своих поступков, для нее же никаких моральных пренеп не существует: вода смывает с рук пятна преступно пролитой крови (II, 2). Нужно только сделать так, чтобы не оставалось видимых следов злодеяния, и тогда его как не было.

Но если леди Макбет ни сердцем, ни умом не в состоянии понять, что она преступила грань человечности, то сама природа в ней возмущается. Она нарушила ее законы и расплывается за это безумием.

В великих трагедиях Шекспира не раз изображается безумие: в «Гамлете» — Офелия, в «Короле Лире» — сам Лир. Но как различны между собой шекспировские безумцы. Сумасшествие Офелии — это гибель прекрасного человека, не сумевшего противостоять бурям жизни. Она стала жертвой противоречивых чувств, которых не могла примирить: любви к отцу и к Гамлету, убившему отца и отвергнувшему ее любовь. В своем безумии она остается такой же покорной, как и тогда, когда была в здравом уме.

Безумие Лира тоже вызвано столкновением с противоречиями жизни. Но он остается гневным и своевольным в своем безумии, которое полно протеста против мира, оказавшегося не таким, каким его хотел видеть старый король. Как ни различны Офелия и Лир в своем безумии, есть нечто общее между ними: потрясение задело самые глубины их сознания.

Леди Макбет безумна по-иному. Ее сознание так и не пробуждается. Она бродит как сомнамбула. Раньше ее одержимость была такова, что леди Макбет не боялась пролить кровь, в безумии ее преследует одна мысль — стереть невидимые кровавые пятна с рук, но не только вода не в состоянии смыть их, их не смоют все ароматы Аравии. Она была

убеждена, что можно уничтожить все следы преступления. Оказалось же, что они нестербимы. След остается в самом человеке, и от этого ему никуда не уйти. Душевная опустошенность наступила у нее задолго до того, как это произошло у Макбета. Все в леди Макбет бездушно — ее красота, женственность, любовь, честолюбие и ее безумие. Вот почему она ни на миг не вызывает симпатий. В этом отношении ее любопытно сравнить с Клеопатрой. У египетской царицы не было добродетели, честности, смелости, и красота и любовь ее были окрашены порочностью. Но при всех своих пороках она женщина и человек. У леди Макбет нет пороков, но нет и человечности. Она вся — порок.

Природа человека не в состоянии вынести этого. Вот почему леди Макбет сходит с ума и умирает.

Леди Макбет — самое концентрированное у Шекспира выражение зла, овладевшего человеческим существом. От Ричарда III, Таморы и мавра Арона («Тит Андроник») тянется нить к шотландской королеве. Не было у Шекспира ни одного злодея и злодейки, так предельно воплощающих зло в человеческой натуре. И нет у Шекспира образа, вызывающего равное возмущение своей бесчеловечностью. Даже Ричард III в какие-то моменты по-человечески интересен; в Яго тоже еще остается что-то, делающее возможным хотя бы понять его. Но леди Макбет вызывает холодную отчужденность. Она воспринимается как существо иной породы, чем человек. И это тем более так, ибо она женщина. Самое прекрасное, что мы связываем с женственностью, — любовь и материнство — преданы ею во имя призрака власти и иллюзорного величия. Ее любовь направлена лишь на то, чтобы побудить Макбета к преступлению, и она сама признается, что разбила б голову собственному младенцу, лишь бы не нарушила преступной клятвы убить короля (I, 7).

Женщина, способная убить собственное дитя, — страшнее этого бесчеловечности не может быть. В трагедии это только слова, образ, вложенный в уста леди Макбет. Но она в самом деле способна убить самое дорогое: она отравляет душу Макбета и в миг, когда могла бы спасти его, подталкивает к бездну, в которую падает вместе с ним.

4

Макбет и его жена показывают, как ужасно зло, овладевающее человеческими душами. Но зло не всеисильно. Если в одном отношении «Макбет» самая мрачная из великих трагедий Шекспира, то в другом — более жизнеутверждающая, чем «Гамлет», «Отелло» или «Король Лир». Ни в одной из них зло не противостоит так много людей, как в «Макбете», и нигде они не активны в такой мере, как здесь.

Против Макбета и его жены, поправивших человечность, восстает все общество. С ними вступают в борьбу не одиночки, а вся страна. Враги Макбета сознают, что они ведут борьбу не только за династические интересы против короля-узурпатора, сколько за человечность вообще.

Драматический конфликт в «Макбете» особенно наглядно обнаруживает отличие Шекспира от последующей драмы, в которой ставились психологические и моральные проблемы. Там борьба замыкалась в кругу душевных и нравственных переживаний. У Шекспира эта борьба захватывает все общество.

Яснее всего мы видим это в эпизоде встречи Малькольма и Макдуфа (IV, 3). Некоторые буржуазные критики пытались преуменьшить значение данной сцены, ссылаясь на то, что диалог Малькольма и Макдуфа почти дословно заимствован из хроники Холиншеда. Это действительно

так. Но довольно плоское морализаторство леонинца обретает у Шекспира глубокое значение, ибо собственно здесь раскрывается социальный смысл моральной проблемы, стоявшей перед Макбетом.

Как известно читателю, Малькольм испытывает Макдуфа, возводя на себя напраслину и обвинения во всевозможных пороках:

«Все то, что красит короля,—
Умеренность, отвага, справедливость,
Терпимость, благочестье, доброта,
Учтивость, милосердие, благородство —
Не свойственно мне вовсе. Но зато
Я — скопище пороков всевозможных.
Будь власть моею, выплеснул бы в ад
Я сладостное молоко согласия,
Мир на земле нарушил и раздорам
Ее обрек».

Когда после этого Малькольм говорит:

«Сознайтесь же, что не достоин править
Такой, как я»,—

Макдуф отвечает:

«Не то что править — жить» (IV, 3).

Речь идет не только о качествах монарха, но о человеке вообще. Пороки, перечисленные Малькольмом, многократно опаснее, когда они владеют человеком, в чьих руках сосредоточена вся власть, но они нестерпимы и в людях, не занимающих такого высокого положения.

Мы ощущаем здесь воинственность гуманизма Шекспира. Борьба, которую ведут против Макбета его враги,— это священная война за человечность. И у Малькольма, и у Макдуфа есть личные причины ненавидеть Макбета: у первого он убил отца и отнял трон, у второго убил жену, сына и отнял владения. Но они сражаются не из чувства мести, а движимые стремлением к справедливости.

Что значат страдания Макбета по сравнению со страданиями его жертв? Шекспир не хочет, чтобы за трагедией Макбета мы забывали о трагедии общества и народа. Макбет вдвойне виновен — и в том, что погубил себя, и в том, что несет гибель всем другим.

Трагедия проникнута пафосом борьбы за человечность в личных и общественных отношениях. Как было сказано, внешним поводом для написания ее послужило намерение труппы угодить королю. А Шекспир написал драму, проникнутую обличением кровавой узурпации и монархического произвола!

Ни в одной из великих трагедий победа справедливости над злом не является столь полной и реальной, как в «Макбете». Нет нужды доказывать, насколько неоправданным был оптимистический финал трагедии для шекспировского времени. Может быть, это тоже было уступкой автора преходящим обстоятельствам. Для нас в этом иной смысл — и он не оставался скрытым уже от современников Шекспира, — а именно, что нет и не может быть никакого оправдания стремлению человека возвыситься над другими посредством кровавых злодейств; никакое мнимое величие не в состоянии перекрыть того, что, действуя так, человек противопоставляет себя всему человечеству и приходит к полной нравственной гибели.

А. Анкист

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «МАКБЕТА»

Стр. 5. Действующие лица. Макбет — шотландский король (царствовал 1040—1057).

Сержант. — В подлиннике sergeant: так в средние века назывались мелкие вассалы, не имевшие звания рыцарей и являвшиеся на военную службу на коне.

Геката — одно из мрачных божеств древнегреческой мифологии. Ее иногда изображали с тремя головами: лошадиной, песьей и львиной. В средневековых преданиях Геката превратилась в царицу ведьм.

Три ведьмы. — Во времена Шекспира по всей Англии пылали костры, на которых сжигали женщин, обвиненных в колдовстве. Книги, в которых существование ведьм отрицалось или подвергалось сомнению, изымались и публично сжигались на кострах. Однако Холинshed, английский историк XVI в., у которого Шекспир заимствовал общие контуры сюжета своей трагедии, полагал, что Макбету явились не «обычные» ведьмы. «То были, — пишет Холинshed, — три вешие сестры, то есть богини судьбы, или иные волшебные существа». В тексте шекспировской трагедии о ведьмах также говорится как о веших сестрах. В древнескандинавских верованиях «вешими сестрами» назывались властвовавшие над судьбами людей три норны, соответствовавшие трем паркам древнегреческой мифологии.

Шотландские имена персонажей даны в форме, отступающей от их английского произношения и приближающейся к их подлинному звучанию в устах шотландцев. Те из них, которые состоят из двух элементов, имеют ударение на втором из них, например Макбét (Мак-Бет, то есть «сын Бета»), Макдúф (Мак-Дуф), Малькóльм (Маль-Кольм) и т. д.

Стр. 7—8. Кот мяукнул... Жаба укула. — Согласно поверьям той эпохи, черный кот и жаба были неизменными спутниками ведьм; под обликом этих животных будто бы скрывались бесы.

Стр. 8. Лагерь под Форресом. — Форрес, резиденция короля Дункана, находится между Файфом, где происходит битва, и Инвернесом, местопребыванием Макбета.

Стр. 9. ...как пушки, чей заряд удвоен... — обычный для Шекспира анахронизм: в XI в., к которому относится действие трагедии, пушек еще не было (порох был изобретен в XIV в.).

Стр. 10. Та н — старинный шотландский титул, соответствующий английскому барону.

Беллона — богиня войны в древнегреческой мифологии.

Стр. 11. ...крысы без хвоста... — Согласно поверью той эпохи, ведьма могла превратиться в крысу, но только бесхвостую.

Стр. 15. Зачем в чужое платье меня рядить? — Эти слова Макбет говорит в переносном смысле, но не исключена возможность и параллельного прямого смысла. В 1605 г., незадолго до написания «Макбета», подобная церемония была совершена над лицом, возведенным в сан лорда Скона, о чем Шекспир мог знать.

Стр. 18. ...сан принца Кемберлендского... — в старинной Шотландии — титул наследника престола.

Стр. 19. О звезды, с неба не струите света... — Это обращение Макбета указывает не время этой сцены, а время воображаемого момента свершения убийства.

Стр. 24. ...нагой младенец... — неясное место в подлиннике, по-разному толкуемое комментаторами. Возможно, что тут пропущено что-то наборщиком (впервые трагедия была напечатана лишь в 1623 г., то есть через семь лет после смерти Шекспира). Можно предположить, что Шекспир имел здесь в виду аллегорический образ невинной жертвы,

Стр. 25. ...как у бедной кошки в поговорке...— Имеется в виду старинная английская поговорка: «кошка любит рыбу, но боится лапки замочить».

Но разве зверь тебе твой план внушил?— Из этих слов леди Макбет ясно, что еще до появления ведьм Макбет замыслил убийство Дункана.

...рассудок—перегонным кубом.— Имеются в виду перегонные кубы алхимиков.

Стр. 29. ...мне приготовит питье...— В подлиннике posset — особый папиток, который имели обыкновение пить перед сном,— подогретое вино с молоком и пряностями.

...как злодей Тарквиний...— Макбет вспоминает легендарного древнегреческого царя Тарквиния, обесчестившего Лукрецию. Преступление Тарквиния изображено Шекспиром в его поэме «Лукреция».

Стр. 34. ...английский портной, который французские штаны обузил...— Комментаторы объясняют, что французские штаны, которые в то время были в моде в Англии, были очень широкими, а потому портным было легко красть материал.

Стр. 37. Горгона—в античной мифологии чудовище с лицом женщины, на голове которой вместо волос извивались змеи. Взглянувший на нее превращался в камень.

Стр. 42. Скоп—старинный шотландский замок, в котором происходило коронование шотландских королей.

Стр. 45. ...гений Антония был Цезарем подавлен.— Марк Антоний, сподвижник Юлия Цезаря, стал после убийства Юлия Цезаря одним из трех триумвиров. Образ этот заимствован у Плутарха, который рассказывает, что один египетский прорицатель сказал Антонию: «Твой демон (иначе «гений», «дух», хранящий человека) боится демона Цезаря; и, будучи смелым и высоким, когда он один, становится боязливым и робким, когда приближается к этому демону».

Стр. 55. Мне места нет.— Согласно повериям этой эпохи, призраки видимы только теми, кому они являются.

Стр. 57. ...тигр гирканский...— Гирканией в Англии эпохи Шекспира называли область, лежащую на восток от Каспийского моря.

Стр. 59. Сцена 5.— По мнению большинства исследователей, эта сцена является вставкой, принадлежащей перу Томаса Мидльтона (1570—1627), автора феерии «Ведьма».

Стр. 61. ...войнолюбивый Сивард с Нортемберлендом...— то есть старый Сивард, граф Нортемберлендский, и его сын— молодой Сивард.

Стр. 63. Гарпия—чудовищное существо с телом хищной птицы и лицом женщины (античная мифология).

...первая в котле варись.— Многие детали из «кухни ведьм» в точности совпадают с приводимыми в книге Роджинальда Скотта «Разоблачение ведьмовского искусства» (1584) и другими демонологическими трактатами эпохи. Но многое, конечно, Шекспир мог почерпнуть и из устных преданий и поверий.

Стр. 68. Появляются призраки...— Балко был легендарным предком шотландского королевского дома Стюартов.

...со скипетром тройным, с двойной державой.— После смерти королевы Елизаветы (1603) на английский престол взошел Иаков I Стюарт, ставший королем Англии и Шотландии («двойная держава»), а также королем Ирландии («тройной скипетр»).

Стр. 90. Входит Сейтон.— Сейтоны были наследственными оруженосцами шотландских королей. Можно предположить, что Сейтон

не потому остается вереп Макбету, что сочувствует ему, а потому, что боится запятнать славу своего рода.

Стр. 97. Зачем примеру римского глаупца мне подражать, на свой же меч бросаюсь? — Трудно сказать, имеется ли в виду Катон Утический, Марк Брут или Марк Антоний, которые все покончили с собой после того, как потерпели окончательное поражение.

«АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА»

Хотя пьеса была зарегистрирована в книгоиздательских списках в 1608 г., издание это не было осуществлено и пьеса была впервые напечатана лишь в фолно 1623 г., дающем очень хороший ее текст.

Свою пьесу об Антонии и Клеопатре, написанную в 1594 г., английский драматург Дензел переиздал в 1607 г., внеся в текст некоторые подробности, по-видимому, заимствованные из трагедии Шекспира. Равным образом намек на последнюю содержится в пьесе Барнса «Грамота дьявола», поставленной в том же 1607 г. С другой стороны, метрика «Антония и Клеопатры» указывает на то, что пьеса эта возникла позднее «Короля Лира» и «Макбета». Скорее всего шекспировская трагедия была написана в 1607 г.

О ранних постановках ее сведений до нас не дошло.

История роковой любви великого римского полководца Антония и сказочной восточной красавицы Клеопатры и трагического самоубийства обоих была почти столь же популярна в западноевропейской литературе XVI и XVII вв., как и история величия и падения Юлия Цезаря. Кроме уже упомянутой «Клеопатры» Дензела существовали еще по меньшей мере две английские пьесы того же времени на тот же сюжет: «Антоний» леди Пембрук (1592) — перевод французской пьесы Гарнье — и «Добродетельная Октавия» Брендона (1598). Однако, если Шекспир и знал эти пьесы, он, по-видимому, не почерпнул из них никакого материала для своей пьесы, для которой главным (если не единственным) источником послужили те же «Жизнеописания» Плутарха, что и для «Юлия Цезаря» и «Кориолана», да еще — для некоторых мелких подробностей — «Гражданская война» Аппиана.

Как и в «Юлии Цезаре», Шекспир и здесь весьма точно воспроизводит рассказ Плутарха. Но, почти ничего не меняя в сюжете, он внес много нового в характеристики главных персонажей и в осмысление основного действия и судьбы своих героев. Его Антоний является дальнейшим развитием образа, намеченного в «Юлии Цезаре». Черты авантюризма и беспечного эпикурейства, а вместе с тем — смелости и великодушия, взаимно уравновешены в этом образе. Характер Клеопатры с ее капризностью, непостоянством, страстностью и обаятельностью считается многими критиками одним из лучших созданий Шекспира.

Сопоставляя шекспировское творение («драматическую поэму», как хотелось бы его назвать) с плутарховским рассказом, удивляешься тому, как близко английский поэт следовал за своим древнегреческим образцом, которым он пользовался, правда, не в греческом подлиннике, а в английском переводе Норта, сделанном с достаточно точного и весьма выразительного французского перевода XVI в. Амно (1-е англ. изд., 1578; 2-е изд., 1595). Число эпизодов, их порядок и взаимозависимость, подробности древнеримской и восточной жизни, черты характера главных, а иногда даже второстепенных персонажей, детали придворной обстановки, мелкие анекдоты ес, до нас сохранившиеся, — все это воспроизведено Шекспиром с удивительной точностью по Плутарху, согласно

версии Амио — Порта. Пожалуй, здесь Шекспир еще ближе к своему античному источнику, чем в других аналогичных случаях («Юлий Цезарь», «Кориолап», «Тимон Афинский»), — по крайней мере более старателен в следовании ему. И тем не менее у многих новейших критиков — и критиков, тонко чувствующих, — встает вопрос: были ли Шекспир и его современники достаточно вооружены, чтобы ошутить всю сложность и изощренность событий и отношений, изображаемых Плутархом, весь сладостный аромат египетской неги, потянувшей Антония ко дну и в конце концов его утопившей. И на вопрос этот некоторые критики — и критики весьма тонкие (Вальцель, Адлер) — отвечают отрицательно. Шекспир, по их мнению, был способен воспроизвести канву событий, описанных Плутархом, но не их «архитектонику» — не скрытые силы, определившие глубокий смысл событий и их роковой исход. Чтобы быть способным на это, Шекспир был слишком здоровой, непосредственно чувствующей натурой, был слишком «варваром».

Чтобы возразить должным образом этим критикам, мы располагаем одним ценным свидетельством, подводящим нас вплотную к шекспировской концепции этой трагедии — к пониманию особенного характера чувства, овладевшего Антонием и определившего его роковую судьбу, так же как и особое место, занимаемое Клеопатрой в сердце Антония, в их окружении, во всем мироздании. Энобарб, свидетель первой встречи Антония с Клеопатрой на реке Кидпе (в Малой Азии), рассказывает о ней у Плутарха (приводим дословный перевод, выделяя курсивом слова, добавленные Шекспиром (II. 2) и, следовательно, имеющиеся также в переводе, публикуемом нами здесь, равно как они содержатся и в наиболее точных из прежних русских переводов): «Корабль, на котором она находилась, подобно *лучезарному* престолу, пылал на воде: корма его была из *кованого* золота, а паруса — из пурпура и *напоены* таким *благоуханьем*, что ветры, *млея от любви*, припикали к ним. Весла были серебряные, и они ударили по воде под звуки флейт, заставляя этим ее, *словно влюбленную в эти прикосновения*, струиться быстрее».

Это удивительное описание, составляющее одно из центральных мест всей трагедии, имеет не только декоративное, но и глубоко смысловое значение. Уберите образы, самовольно внесенные Шекспиром в картину, нарисованную Плутархом, — что тогда останется? Красивое, пожалуй, волнующее описание, но целиком укладывающееся в рамки обыденного мышления и правдоподобия, тогда как полный шекспировский текст переносит нас в атмосферу чудесной сказки, волшебства, трансформирующего природу.

Шекспир ставит здесь вопрос, к которому он еще вернется в поздней своей пьесе «Зимняя сказка», — вопрос об отношении искусства к природе, о взаимодействии между ними. В сцене IV, 3, на сельском празднике, между Утратой и королем Богемни Поликсемом, который, переодевшись, пришел тоже туда, происходит следующий разговор. Король спрашивает ее, отчего среди цветов, которые она разводит, нет левкоев. Она отвечает:

«Я слышала, что их паряд махровый
Дала им не природа, но искусство.

Поликсен

И что же? Ведь природу улучшают
Тем, что самой природою дано.
Искусство также детище природы.
Когда мы к ветви дикой прививаем
Початок нежный, чтобы род улучшить,

Над естеством наш разум торжествует,
Но с помощью того же естества».

И Утрата выпущдена сознаться: «Да, спору нет». Но когда вслед за этим Поликсен делает логический вывод: «Так посади левкои, и незаконным цвет их не зови»,—она тотчас же берет свои слова назад, упрямо заявляя:

«Хотя румянец нравится мужчинам,
Я на лице румян не выношу
И точно так же не люблю левкоев...»

Итак, спор здесь остался незаконченным, и Утрата в своей простодушной наивности говорит «нет!» притязаниям искусства на право «изменять» и «улучшать» природу. Но в рассказе Энобарба искусство победоносно утверждает свои права, вовлекая самое природу в орбиту своего суверенитета. Это триумф египетской царицы, заражающей и ветры и воды источаемой ею негой и сладострастием. «Счастливец же Антоний!» — восклицает Агриппа, еще не дослушав до конца рассказ Энобарба. И это далеко не единственный пример воздействия Клеопатры на окружающую ее обстановку, на всех близких к ней людей, в первую очередь на ее прислужниц. Нега, сладкая истома пропитывает все речи и жесты Хармианы и Ирады. Возьмите их разговор с Алексасом: «Сиятельныйший Алексас, сладчайший Алексас, наипревосходнейший Алексас!» (I, 2). Но еще очевиднее завораживающее действие, оказываемое ею на своего избранника и жертву — на самого Антония, — расслабляющее и обессиливающее действие, против которого он пытается восстать, бороться, протягивая руки к Октавию, к его сестре, к колыбели древней римской доблести — к героическому Риму, но безуспешно, бессильно.

Образы юношеской поэзии Шекспира, образы «Венеры и Адониса» обступают нас в этой трагедии заката, полной неистовой страсти и безысходной печали. Но это как раз нельзя считать знаком отклонения от Плутарха, еще менее — плохого понимания его. Весь рассказ Плутарха полон ощущения упадка, увядания раннего императорского Рима, отцветающего, распадающегося при первых цезарях. И в этом отношении Шекспир не только не упрощает или огрубляет трактовку плутарховской темы, но еще заостряет и уточняет ее путем внесения дополнительных оттенков, идущих по той же линии, но с использованием иных, специфических художественных средств. Одно из таких средств — то, что некоторые черты рисуемой Шекспиром картины имеют не только декоративно-выразительное, но и прямое смысловое значение. Вернемся еще раз к образу «воды, влюбленной в удары серебряных весел». Не так же ли и Антоний влюблен в удары, напасимые ему Клеопатрой? Ее насмешки, шутки, поддразнивания — не усиливают ли еще более его любовь, действуя совершенно так же, как действуют наряды, притирания и ароматы, то есть присоединяя к природным средствам еще средства искусства, чтобы окончательно заворожить, опьянить, довести до экстаза уже влюбленного или начавшего влюбляться? ¹ И не так же ли действуют на

¹ По свидетельству заслуживающих доверия современников, Клеопатра отнюдь не отличалась той ослепительной, ошеломляющей красотой, какую ее наделила легенда позднейших веков, но она обладала той пленительностью обхождения, которая давала ей особую власть над окружающими, в первую очередь над мужчинами, чьи сердца ей удалось затронуть. По-видимому, здесь играла большую роль живость характера, капризность и остроумие всяких выдумок, как это видно из многочисленных анекдотов, нашедших отражение в повести Плутарха, а через него — и в пьесе Шекспира.

Антония любовные прикрасы и ухищрения Клеопатры, как, в описании Эпобарба, на ветер действуют пурпур и благоуханье парусов?

Свою переработку шекспировской трагедии, выдержанную в духе классицизма, Драйден озаглавил «Все за любовь» (1678), что могло бы послужить названием и шекспировской пьесы — настолько любовь в ней господствует над всем остальным. Однако слово «любовь», чтобы быть верно понятым, требует некоторого уточнения. У Шекспира «любовь» редко выступает как сила губительная, фатальная. Трагическую трактовку любви, если не считать «Отелло», где следует видеть скорее драму оскорбленной любви, чем драму ревности, надо искать только в «Ромео и Джульетте». Но это — уникальная трагедия Шекспира и по своему замыслу и по композиции. Вообще же любовь относится у Шекспира скорее к сфере комедии, чем трагедии. Другое дело — «страсть», часто выступающая в обличье похоти. Обычно это начало темное и уродливое, оскорбляющее истинную человечность и тянущее человека ко дну в моральном смысле или в смысле его физической гибели (две старшие дочери Лира с их мерзкими любовными похождениями, Клотен в «Цимбелине», эротика «Меры за меру» или «Тронла и Крессиды»). Но в «Антонии и Клеопатре» мы имеем совсем особый случай. Здесь «страсть» есть нечто дополнительное к «любви», отнюдь не отвергающее или профанирующее ее, а, наоборот, как бы усиливающее и оживляющее ее силой своего вдохновенного экстаза. Итак, любовь *плюс* страсть! И этот «плюс» играет роль не острой приправы, воспламеняющей усталые чувства, но экстатического ухода в запредельное, из-под контроля логики и здоровых чувств. Довольно правильно поэтому говорит один из самых тонких и остроумных критиков Шекспира конца XIX в. Даудем: «Увлечение Антония Клеопатрой и едва ли в меньшей мере Клеопатры есть не столько чисто чувственное увлечение, как увлечение чувственного воображения».

У Антония любовь и страсть всегда даны слитно, и его попытки разъединить их, больше того — противопоставить друг другу, жестоко наказываются. У Клеопатры дело обстоит сложнее, мы скажем об этом далее. Но у Антония это — единый душевный процесс, закон его жизни, это — его судьба.

Хотя трагедия вбирает в свою сферу мировую историю, изумляя своей масштабностью и динамизмом, мерилом и нормой всего в ней совершающегося оказывается только любовь (страсть) Антония к Клеопатре. Когда в сцене I, 1 Клеопатра сообщает Антонию о прибытии послов из Рима, он отвечает ей:

«Пусть будет Рим размыт волнами Тибра!
Пусть рухнет свод воздвигнутой державы!
Мой дом отныне здесь. Все царства — прах.
Земля — навоз; равно дает он пищу
Скотам и людям. Но величие жизни —
В любви... И доказать берусь я миру,
Что никогда никто так не любил,
Как любим мы».

Вот что, оказывается, надлежит доказать миру: не превосходство эллинского гения, не мощь и непобедимость римского оружия, а непревзойденность любви Антония и Клеопатры! И всякий оттенок иронии был бы здесь груб и неуместен — с такой проникновенностью и с таким достоинством обрисована в трагедии эта любовь. Трагедия буквально пропитана любовью главных героев. В тех сценах,

где мы не видим Клеопатры (например, в римских сценах), ощущается ее незримое присутствие. Как в «Короле Лире» каждый уголок Земли в трагедии кажется ареной основного драматического действия, так и здесь любовь Антония и Клеопатры заполняет весь мир, все пространство, где движутся другие люди с их чувствами и интересами.

Но при всем том, несмотря на опустошающее, расслабляющее действие роковой любви (страсти) к Клеопатре, Антоний все время испытывает вспышки энергии, подобные воспоминаниям былой римской доблести, сопровождающие все доходящие до него вести из внешнего мира, — нечто вроде сокращения мускулов и глубоких вздохов, вырывающихся у красивого и мощного хищного зверя. И это — хрупкий и тонкий мостик, перебрасываемый Шекспиром от Антония из трагедии «Юлий Цезарь» к нашему Антонию.

Проблема оживления или повторения шекспировских персонажей, переходящих из одной пьесы его в другую (иной раз даже «посмертно», как Фальстаф в «Виндзорских насмешниках»), представляет немалый интерес. Разрешение преемственности образа, в зависимости от обстоятельств, дается им по-разному. Конечно, самый костяк характера (как в случае с уже названным Фальстафом) остается неизменным, но отдельные черты настолько развиваются и дифференцируются, что можно было бы говорить о совершенно новом характере. С Антонием дело обстоит не так. Он совершенно меняется, не переставая, однако, быть самим собой. Огромную роль играет его возраст, который изменился вместе с возрастом тогдашнего мира. Римская империя вступила в стадию увядания, пышного осеннего заката, и то же самое случилось с Антонием (блестяще показана картина нравов эпохи в сцене попойки триумфиров на борту корабля; II, 7).

Две темы трагедии — любовная и политическая — слились между собою, но не таким образом, чтобы первая влилась во вторую, а так, что вторая слилась с первой, окрасившись ею. Все стало трепетным, субъективным, неустойчивым. И Антоний поэтому уже не прежний римлянин. Как правильно говорит Филон, римская доблесть в нем задремала под избытком наслаждений. А Лепид говорит про Антония Цезарю:

«Скорей он унаследовал пороки,
Чем приобрел; не сам он их избрал,
Он только не сумел от них отречься» (I, 4)

Он силен и «геннале», но тем трагичнее его поражение. От прежнего Антония он сохранил порывистость чувств, стремительность, отчаянную смелость. Этим он прекрасен, но прекрасен, по выражению одного критика, как «падающий ангел», как Люцифер. У него все же достаточно светлых порывов: он щедр, великодушен, благороден, иногда как-то внезапно (возврат из всего имущества, брошенного на ветер Эпобарбом) чувствуется, каким престижем и привязанностью он пользуется у солдат. Для всех этих черт мы не видим задатков у бывшего Антония, но не находим для них и противопоказаний. Антоний данной трагедии как характер вырастает легко и вольно на роскошной почве. Ни в одной другой пьесе у Шекспира мы не найдем характера, который бы так зависел от пороков, порожденных его эпохой. Он — гениальный сын своего времени (вернее — своего безвременья), когда честность и верность стали пустым звуком. Он говорит: «С чем я покончил, тому конец!» Но это не вероломство, не предательство, а легкомысленность и непосредственность, придающие ему чрезвычайное обаяние. Он правильно судит о себе, когда сравнивает себя с облаком

(IV, 12). Однако он верен Клеопатре, ибо страсть сильнее его. Пронграв сражение, он бежит к ней и хочет, забыв позор ее измены, чтобы она его вооружила на последнюю смертельную схватку.

С этого момента и до самого конца трагедии Антоний предстает нам овеянный подлинно трагическим величием, ибо он столь же герой, сколь вызывает жалость подобно самому обычному человеку. И последнее утешение, которое он получает, это общечеловеческое, самое скорбное из утешений — быть похороненным с Клеопатрой, подобно Ромео и Джульетте, в общей могиле.

Такое же глубокое, слитное чувство испытывает и Клеопатра к Антонию. Было бы совершенно неправильно пытаться расщепить его, отделить в ее сердце любовь от страсти, больше того, как делают многие критики, — истинное увлечение от хитрой, расчетливой игры. Но известные черты мелочности, лживости, даже вероломства исключить невозможно. В сцене I, 5 она серьезно обсуждает со своими прислужниками вопрос, как вернее можно привязать или удержать возлюбленного, так, как если бы коварство, притворство было основной чертой ее характера. В решающем сражении с Октавием она настояла — и добилась своего, — что бой ему был дан не на суше, а на море. Для чего это ей было нужно? Чтобы, в случае поражения, охранить свои военные силы от полного разгрома и удержать свою власть в Египте. Но ведь это значило — обособить свою судьбу от судьбы Антония, «перестраховать» себя. А когда, наконец, все рушится, она уединяется в своей гробнице и начинает свою сложную игру — борьбу с Октавием, пытается утаить от него (в такую минуту!) часть своих сокровищ (V, 2), а главное — лишить его желанного триумфа с ее участием, и в конце концов берет верх и добывается своего...

Мы имеем здесь богатый материал для целого обвинительного акта, доказывающий как будто бы расчетливость, корыстолюбие, двуличие Клеопатры. А между тем это не так... Стоит рассмотреть вихрь коротеньких (большею частью по 2—3 страницы), молниеносных, судорожных сцен IV акта, чтобы увидеть, какая буря чувств пронесится в душе Клеопатры, чтобы завершиться в последнем акте аккордом освобожденной и просветленной любви — страсти, празднующей свой высший, скорбный триумф.

Читая этот акт, такой нервный по своей технике (но чисто конструктивно, не по внутренней выразительности), больше напоминающий хроники Шекспира, чем его трагедии, мы воспринимаем срывы Клеопатры не как ее «измены» Антонию, а как причудливые отклонения, тотчас же ею преодолеваемые в безмятежной ясности мыслей и чувств.

Этому судорожному и путаному акту противостоят две сцены V акта, где чувство Клеопатры (кроме эпизода с казначеем Селевком в V, 2) встает во всей своей правдивой патетике («тот поцелуй, что мне дороже неба» и «Мне спилось — жил когда-то император по имени Антоний...»). Овеянная этим светлым лиризмом, Клеопатра уходит из пьесы.

По сравнению с обилием протагонистами трагедии остальные ее персонажи обрисованы весьма скупо и, можно сказать, сравнительно мало интересно. Относительно ярче других — Октавий, представляющий собой развитие образа своего тезки в «Юлии Цезаре». Это единственный носитель идеи государственности в пьесе, натура насквозь рассудочная и чуждая иллюзий. Но не черствая (см. его теплые слова о покойном Антонии, V, 1), а лишь несколько трезвая и сухая. Живописен Секст Помпей. Но большинство соратников Октавия (Долабелла, Прокулей и другие) бесцветны или совсем пясны. Октавия — знакомый нам тип преданной и великодушной римской матроны (Порция в «Юлии Цезаре»,

Валерия в «Корполане»), близкий к интернациональным образам Корделии, Имогены («Цимбелин»), Гермiony («Зимняя сказка»). Все эти фигуры образуют приятный, но лишенный самостоятельной выразительности орнамент вокруг незабываемых образов Антония и Клеопатры.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ»

Стр. 101—102. Действующие лица.— Марк Антоний (82—30 гг. до н. э.) — римский полководец, сподвижник Юлия Цезаря; после смерти его (44 г. до н. э.) — член Второго триумvirата, совместно с Октавием Цезарем и Лепидом. В начале драмы Антонию 40 лет.

Октавий (или Октавиан) Цезарь (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — впучатый племянник Юлия Цезаря, член Второго триумvirата; после разрыва с Антонием и победы над ним (30 г. до н. э.) — самодержавный правитель Римского государства, принявший титул императора.

Марк Эмилий Лепид (89—12 гг. до н. э.) — сподвижник Юлия Цезаря, позже — третий член Второго триумvirата, вскоре отстраненный от власти Октавием.

Секст Помпей (75—35 гг. до н. э.) — сын Гнея Помпея Великого, члена Первого триумvirата. Успешно воевал с Октавием и Антонием, но затем был разбит Антонием и умер в заточении.

Меценат Гай Цильний — друг Октавия, римский аристократ, покровитель поэзии и искусств. Умер в 9 г. до н. э.

Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) — царица Египта, дочь Птолемея Авлета. По завещанию отца вышла замуж за своего брата Птолемея Диониса и правила совместно с ним. Затем была свергнута с престола, но в 47 г. до н. э. восстановлена на нем Юлием Цезарем. После смерти Цезаря сблизилась в 41 г. до н. э. с Антонием, участь которого разделила до конца, как изображено у Шекспира. К началу драмы ей 27 лет.

Октавия — сестра Октавия Цезаря, после смерти своего первого мужа Марка Клавдия Марцелла вышла замуж за Марка Антония.

Стр. 103. ...один из трех столпов вселенной... — член триумvirата.

Стр. 104. ...за пределами вселенной — то есть любовь не знает границ.

...желторотый Цезарь... — В начале драмы Октавию шел всего лишь двадцать второй год.

Фульвия — первая жена Марка Антония.

Стр. 107. ...буду распалять печень вином... — Печень, как и сердце, считалась посылительницей страстей.

Стр. 110—111. События, о которых сообщает говет, сводились к следующему: в период отсутствия Октавия и Антония Фульвия сделала в Риме самодержавной правительницей и повела борьбу против Октавия, который развелся с Клодией — ее дочерью от первого брака. Война эта закончилась в 41 г. победой Октавия.

Стр. 111. Лабиев Квинт — римский полководец, сын Тита Лабиев, сподвижника Юлия Цезаря (см. трагедию «Юлий Цезарь»); бежал к парфянам и в союзе с ними вел войну против Рима. Был разбит Вентидием, полководцем Антония (III, 1).

Сикион — город в Греции.

Стр. 114. ...натереть глаза луком... — средство, применявшееся в актерской игре для вызывания слез.

...Секст Помпей над морем властвует.— Помпей, изгнанный из Рима триумвирами, захватил ряд хлебных областей — Сицилию, Сардинию и Корсику — и подверг Рим голодной блокаде.

Стр. 115. Оно уже не мертвый конский волос, еще не ядовитая змея.— Было поверье, что перегнивший конский волос превращается в змею.

Стр. 119. ...римский Геркулес.— Антоний лицом был похож на статую Геркулеса, потомком которого считался.

Стр. 122. ...как отступал ты от Мутины...— В 43 г. Антоний осадил в Мутине (ныне — Модена) одного из вождей республиканцев. Римский сенат на помощь последнему выслал войско под начальством двух консулов — Пансы и Гирция, которые разбили Антония, но сами пали в битве.

Стр. 123. Дай выпить мандрагоры мне.— Мандрагоре приписывалось снотворное действие.

Стр. 124. ...ведь ты несешь Атланта полумира...— Атлант — мифический великан, поддерживающий небосвод.

Стр. 125. Помпей не мог свой взор от глаз моих отвести...— Согласно Плутарху, Юлий Цезарь, когда был в Египте, тоже подпал под влияние чар Клеопатры. Что касается Помпея, то Плутарх сообщает, что Клеопатра пленила не Помпея Великого, а его сына Гнея Помпея.

Стр. 126. Бумаги и чернил...— один из ярких анахронизмов Шекспира.

Стр. 136. У горы Мизенской.— Имеется в виду Мизенский мыс близ Неаполя.

Стр. 138. Она завладела сердцем Марка Антония при первой же их встрече на реке Кидне.— Кидн — река в Малой Азии (нынешняя Карасу).

Стр. 150. ...забрызгать алой кровью Капитолий? — На Капитолийском холме в Риме помещалось здание сената, в котором убили Юлия Цезаря.

Стр. 153. ...принес он Цезарю одну царицу.— Согласно Плутарху, Юлий Цезарь пожелал, чтобы его свидание с Клеопатрой состоялось втайне. Приближенный царицы внес ее в покои Цезаря в мешке для постели.

Стр. 165. Мне рок судил отмстить за гибель Красса.— Марк Красс — римский консул, погибший в войне с парфянами от руки их царя Орода. Сын Орода, Пакор, был разбит Вентидием.

Стр. 167. Феникс среди птиц! — Феникс — легендарная птица, будто бы обладавшая бессмертием. Имя ее — символ красоты и величия.

Стр. 176. Цезарион — сын Клеопатры от Юлия Цезаря.

Стр. 179. Перечисляемые Шекспиром восточные цари упоминаются у Плутарха.

Стр. 180. Мыс Акциум — коса при входе в Амбракийский залив.

Стр. 181. Брундизий (ныне Бриндизи) — римский порт в южной Италии.

Тарент — город в южной Италии.

Торина (ныне Парга) — город в Эпире (северная Греция).

Стр. 182. ...чтобы при Фарсале биться вам...— В этой битве (48 г. до н. э.) Цезарь одержал победу над Помпеем Великим, решившую борьбу между ними.

Стр. 183. Фетида — богиня моря, мать Ахилла.

Стр. 187. Пелопоннес — южная часть Греции.

Стр. 189. ...как плясун, держал в руках он меч...—

Во времена Шекспира кавалеры для тапцев нацепляли особые декоративные мечи.

...то щий Кассий...— так он охарактеризован уже в «Юлии Цезаре».

Стр. 192. ...не отнимал корону Птолемеев...— Птолемей— царская династия, правившая в Египте. Птолемей XI— отец Клеопатры.

Стр. 199. ...на горе Базанской, переревел бы там стада быков!— Библейский образ, взятый из псалмов Давида.

Стр. 208. Бог Геркулес, которого Антоний считает покровителем своим, уходит прочь.— Согласно Плутарху, Антоний считал своим «богом-покровителем» Геркулеса лишь в военное время, а в мирное— Диониса, бога вина и веселья.

Стр. 221. На мне рубашка Песса.— По преданию, кентавр Песс, смертельно раненный Геркулесом за попытку оскорбить его жену, дал его жене пропитанную ядом рубашку, которая якобы обладала свойством возвращать супружескую верность. Геркулес, надев ее, умер в тяжких страданиях.

...бушует сильнее, чем Теламон из-за щита.— Аякс, сын Теламона, пришел в ужасную ярость из-за того, что оружие погибшего Ахилла было отдано не ему, а Одиссею.

Фессалийский вепрь— мифическое чудовище, убитое Мелеагром.

Стр. 223. И семислойный щит Аякса...— Этот щит состоял из семи пластов воловьей кожи.

Стр. 224. ...мы переманим свиту Дидоны и Энея.— Шекспир здесь неточен. По Вергилию (см. «Энеида», VI, 472—474), Дидона после смерти соединилась со своим мужем Сихеем, а не с Энеем.

Стр. 245. Бездушный негодяй! Мерзавец! Пес!... Хотя сохранившийся текст и не содержит ремарки, несомненно, в данный момент Клеопатра бьет Селевка, как об этом рассказывает Плутарх.

«КОРИОЛАН»

При жизни Шекспира «Кориолан» в печати не появлялся. Первая публикация была уже посмертной в фоллио 1623 г., где пьеса открывает раздел трагедий. Сравнительно многочисленные ремарки, указывающие, как надлежит представить на сцене отдельные моменты действия, по мнению Э. К. Чемберса и У. У. Грегга, свидетельствуют о том, что текст фоллио печатался по авторской рукописи. «Кориолан» — одна из немногих трагедий, в которых последовательно проведено деление на акты (но не на сцены). Однако невозможно определить, кем это было сделано — самим ли Шекспиром или редакторами фоллио.

Никаких фактических данных для датировки трагедии не сохранилось. Никто из современников не упоминает ее, нет и сведений о постановке ее на сцене, поэтому время создания устанавливается на основе показаний стиля и метрики стиха, а эти последние заставляют предположить, что трагедия была написана после «Антония и Клеопатры» и до «Перикла». С тех пор как началось установление хронологии пьес Шекспира, исследователи единодушно относили «Кориолана» к числу последних трагедий драматурга. Э. К. Чемберс предполагает, что «Кориолан» был создан в самом начале 1608 г.

Источником сюжета послужила биография Кориолана в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Шекспир читал эту книгу в пере-

воде на английский язык, сделанном Томасом Нортон. Как и в других подобных случаях, он в основном следовал повествованию историка, лишь укорачивая интервалы между отдельными событиями и опуская факты второстепенного значения. Этим он стремился придать динамичность драматическому действию. Наиболее существенные изменения, произведенные Шекспиром, касаются характера главного героя. Кай Марций, за завоевание города Корнолы прозванный Корноланом, представлен у Плутарха грубым воином, человеком необщительным, не имевшим друзей. У Шекспира Корнолан окружен друзьями, пользуется горячим расположением близких, уважением и поддержкой сограждан, за исключением пародных трибунов, ненавидящих его. Шекспир усилил ряд черт, делающих Корнолана привлекательной личностью. У него он даже более храбр, чем у Плутарха. Если историк рассказывает, что герой ворвался в Корнолы в сопровождении лишь горсточки друзей, то у Шекспира он совершает свой подвиг единолично. Плутарху Шекспир обязан эпизодом, показывающим доброту Корнолана: после захвата Корнол он просит за одного из граждан города, взятых в плен, но Шекспир и тут кое-что изменил. Историк говорит, что Корнолан ходатайствовал за своего друга, к тому же богатого человека; у Шекспира Корнолан просит за человека, который ему вовсе не друг и притом совсем не богат. Все это завершается выразительной деталью, которой мы не находим у Плутарха, — ее придумал Шекспир, и она типична для Корнолана: когда его спрашивают имя человека, за которого он ходатайствует, Корнолан отвечает, что не помнит, как того зовут.

В рассказе Плутарха Корнолан выведен человеком сдержанным в проявлении чувств, умеющим владеть собой — словом, это суровый, замкнутый римлянин. Шекспир наделил героя неукротимостью нрава, неспособностью сдерживать гнев, несумением дипломатничать. Он порывист, гнев его легко вспыхивает, и тогда уже он не знает удержа ни в своих поступках, ни в речах, равно раскрывающих его пламенную натуру. Шекспировский Корнолан — героическая личность более крупного масштаба, чем у Плутарха. Но в такой же мере, в какой Шекспир усилил его благородное мужество, подчеркнул он и его доходящую до крайности враждебность по отношению к народу.

Шекспир сделал все возможное, чтобы углубить антагонизм между героем и народом. Посредством отдельных штрихов он сделал более выразительной неустойчивость мнений толпы, ее ожесточение против Корнолана и вообще богатых патрициев.

По сравнению с Плутархом в драме Шекспира углублена роль матери Корнолана Вольмнии. Гордая римская матрона напоминает своей суровой мужественностью королеву Маргариту из ранних хроник о Генрихе VI, а также леди Макбет. Но эта римская волчица наделена и хитростью лисы, что проявляется в ее уговорах Корнолана внешне смириться, пока он не получит еще в руки полноту власти.

По сравнению с Плутархом более выразительно раскрыт в драме и образ Авфидия. Характер Менения Агриппы — чисто шекспировский; вспоминая «Троила и Крессида», можно сказать, что он представляет собой помесь Улисса с Пандаром. Образ Виргилии, любящей жены Корнолана, обрисован с такой же скупостью, как образ Октавии («Антоний и Клеопатра»), но и в немногих чертах, которыми она наделена, угадывается весь ее характер терпеливой и преданной жены.

Наконец, нельзя не поразиться мастерству, с каким Шекспир изобразил массовый персонаж драмы — римский народ. Начиная со второй части «Генриха VI», Шекспир не раз выводил народ на сцену. Мы видели, в частности, какую большую роль играл римский плебс в трагическом конфликте «Юлия Цезаря». Но там главный антагонизм был между

двумя группами патрициата, тогда как в «Кориолане» центральный конфликт сводится к антагонизму между народом и патрициями.

Это обстоятельство уже с давних пор дало основание видеть в трагедии произведение откровенно политическое. И действительно, нигде у Шекспира основной социальный антагонизм между господствующей верхушкой общества и народом не представлен так полно и ясно, как в «Кориолане». В прочих драмах Шекспира это было одной из тем в ряду других. Там подобный антагонизм служил фоном главного действия. Здесь — это сердцевина конфликта, центральная тема трагедии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что критика давно уже признала «Кориолана» произведением, особенно существенным для определения политических взглядов Шекспира. Давнишней является также традиция рассматривать «Кориолана» как выражение антидемократизма Шекспира.

Критика последних десятилетий как на Западе, так и у нас обнаруживает иную тенденцию. Прежде всего она отказывается от прямолинейного и несколько наивного отождествления Шекспира с его трагическими героями. Все более утверждается взгляд на трагедии Шекспира как на произведения реалистические и объективные по характеру. Точку зрения Шекспира ищут не в отдельных высказываниях тех или иных персонажей, а в логике драматического действия, взятого в целом. Такой подход открывает возможность более глубокого раскрытия смысла трагедии и более точного определения позиции драматурга.

Необходимо со всей решительностью сказать, что марксистское шекспироведение отнюдь не считает обязательным доказывать, что Шекспир по своим личным взглядам был сторонником демократии. С нашей точки зрения, безусловно, что великий драматург был писателем подлинно народным. Однако история мировой литературы знает много примеров несоответствия между объективной народностью творчества писателей и их субъективными политическими взглядами, предубеждениями и иллюзиями. Классическим примером этого в литературе нового времени является Бальзак. Ф. Энгельс (в известном письме к М. Гаркнесс) показал, что, будучи легитимистом, т. е. сторонником феодальной монархии, Бальзак тем не менее со всей силой реализма изобразил обреченность аристократии и увидел «людей будущего» в ненавидящих ему левых республиканцах.

Все произведения Шекспира, в которых он сколько-нибудь серьезно касался социально-политических вопросов, свидетельствуют о том, что он разделял политическую доктрину гуманизма. Ее кардинальное отличие от феодальной идеологии состояло в утверждении принципа общего блага. Социальная теория феодального строя зачастую игнорировала интересы народной массы, она освящала крепостническую эксплуатацию. Гуманисты признавали за каждым человеком, независимо от сословной принадлежности, право на его долю земных благ. Они по-своему возродили римское понятие «res publica» как принципа «общего блага». Государство мыслилось ими как сложное единство всех сословий, каждое из которых выполняет свою функцию в обществе. Именно такой идеал сословной монархии рисует в «Генрихе V» архиепископ Кентерберийский (I, 2).

Но забота о народном благе ни у Шекспира, ни у подавляющего большинства гуманистов не перерастала в признание народовластия. Всякий раз, когда Шекспир изображает попытки народа править государством, он обнаруживает свое недоверие к демократии как форме политического строя. Но, признав этот факт, мы сказали только половину правды. В такой же мере, в какой Шекспир осуждает политические притязания народной массы, отвергает он и эгоистическое своеволие пред-

ставителей правящего аристократического сословия. Власть существует не для удовлетворения потребностей тех, кто ее держит в своих руках, не для удовлетворения эгоистических интересов правящей верхушки, а для всего общества, всех его сословий и государства в целом.

Таков был политический идеал Шекспира-гуманиста. Однако Шекспир был не только гуманистом, но и реалистом. Величие его ума, политическая зоркость проявились в том, что он одним из первых увидел несоответствие между доктриной ренессансного гуманизма и политической действительностью абсолютистского государства.

Начало XVII в. было отмечено в Англии рядом политических событий, со всей ясностью обпаруживших кризис абсолютистской монархии. В статье о «Гамлете» уже говорилось о неудачном дворянском путче Эссекса и народных волнениях по поводу монополий аристократов. По брожение продолжалось и при новом короле Иакове I. В мае 1607 г. в графстве Нортгемптоншир вспыхнуло восстание крестьян, вызванное нехваткой хлеба и помещичьими огораживаниями земель. Неорганизованная и почти безоружная толпа была быстро разгромлена, и за этим последовали жесточайшие репрессии.

События 1607 г., по мнению современного исследователя Э. Петтета, послужили непосредственным поводом для создания «Кориолана». (Отметим в скобках, что это подтверждает независимо от этого принятую датировку трагедии.) Э. Петтет подметил, что объяснение недовольства народа в «Кориолане» дано Шекспиром не столько по Плутарху, сколько в соответствии с современными драматургу английскими условиями. У Плутарха возмущение римлян имеет причиной грабительство ростовщиков и ту поддержку, которую им оказывает сенат. В трагедии Шекспира осталась только одна реплика, касающаяся ущерба, приносимого народу ростовщиками (I, 1). Это объяснялось отнюдь не желанием Шекспира «обелить» ростовщиков. Его отношение к ним ясно выражено в осуждении ростовщичества Шейлока («Венецианский купец»). Шекспир отстранил этот мотив, ибо он не был актуальным для того времени, когда создавался «Кориолан». В его трагедии недовольство народа вызвано голодом и высокими ценами на хлеб, иначе говоря, именно тем, что волновало массу английского народа в это время. У Плутарха тоже упоминается о недовольстве народа нехваткой хлеба, но у него это является второй причиной, тогда как Шекспир сделал голод главным поводом народных волнений.

Трагедия начинается с экономического кризиса, вызывающего кризис политический. Как ни странным может показаться применение нашей социологической терминологии к произведению Шекспира, но всякий, кто даст себе труд вдуматься в исходную ситуацию трагедии, убедится в том, что существо дела состоит именно в этом.

Нужда народа вызывает его недовольство властью. Народ хочет добиться того, чтобы власть исходила из его интересов. Плебен ясно осознавал, какая непроходимая грань разделяет их и «отцов государства» — патрициев. «Достойными нас никто не считает, — говорит первый горожанин в самом начале трагедии, — ведь все достойные — у наших патрициев. Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам объедки со своего стола, пока те еще не протухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет — они полагают, что мы и без того им слишком дорого стоим. Наша худоба, наш нищенский вид — это вывеска их благоденствия» (I, 1).

Шекспир славится как великий сердцевед. Но как великий знаток социальной жизни и общественных отношений Шекспир еще не получил должного признания. О нем нередко все еще судят по старинке, как о сентиментальном филантропе, не замечая его изумительного социо-

логического чутья и тонкого понимания политики. Именно это долго мешало постигнуть истинный смысл «Кориолана», где уже самый зачин действия вводит нас в атмосферу накаленных общественных страстей. Пьеса начинается с картины народного волнения, а мы знаем, как велико у Шекспира значение начала — здесь задается тон всему последующему действию.

Перед мятежной толпой граждан появляется аристократ Менений Агриппа. Пытаясь успокоить толпу, он взывает к ее рассудку и рассказывает знаменитую басню о частях тела, взбунтовавшихся против života (I, 1). Исследовательница образной системы поэтического языка Шекспира К. Сперджен отмечает, что притча Менения Агриппы составляет основу системы образов в «Кориолане». Метафоры и сравнения с человеческим телом, его органами и болезнями составляют, по ее подсчетам, одну пятую поэтических образов трагедии. Король, государственный деятель, воин, копь, барабанщик уподобляются голове, глазу и сердцу, руке, ноге и языку. Одного из самых говорливых граждан Менений называет «большим пальцем на ноге» (I, 1). Трибунов Кориолан называет «горлом черни» (III, 1). Уподобление общества человеческому телу, а его отдельных сословий — органам и членам тела придумано не Шекспиром. Эта басня приводится у Плутарха и Тита Ливия. Она была широко известна в средние века и в эпоху Возрождения. Поставленная в один ряд с другими образными лейтмотивами трагедий Шекспира, она значительно уступает им в поэтичности. Это не случайность, не проявление безвкусицы Шекспира, а следствие авторского намерения придать действию особую атмосферу.

Критика справедливо отмечает, что в «Кориолане» нет той поэтической возвышенности, которая характерна для стиля других трагедий, созданных Шекспиром в эти годы. «Пошлая басня Менения Агриппы»¹ придает прозаическую припыленность всей художественной композиции «Кориолана». Перед нами картина общественного организма, пораженного болезнью.

Внутренний конфликт в Римском государстве дополняется конфликтом внешним. Рим находится в постоянной вражде с племенем вольсков, и, таким образом, вражда сословий сочетается с враждой между народами. Каждый персонаж или группа персонажей раскрывается в своем отношении к этим двум конфликтам.

Едва ли где еще мы найдем у Шекспира такой полный прообраз всего классового общества с его вечными и неразрешимыми антагонизмами. Углубленное раскрытие их и составляет важнейшую сторону содержания трагедии. Окружение героя всегда занимает значительное место в трагедиях Шекспира. Но все же личности Гамлета, Отелло, Лира и Макбета доминируют над окружающим их миром. Кориолан тоже обладает значимостью, возвышающей его над остальными. Но изымите его фигуру из окружения, оставьте только его поступки и речи, и вы убедитесь, что сам по себе он не обладает для нас той внутренней наполненностью, которая делает столь привлекательными или волнующими образы других трагических героев Шекспира. Как справедливо отмечает Х. Гревиль-Баркер, характер Кориолана раскрывается перед нами не в своем внутреннем содержании, как это сделано Шекспиром в отношении других трагических героев, а в его внешних проявлениях. Вне конкретных ситуаций трагедии Кориолан не существует. Поэтому путь к постижению произведения лежит через рассмотрение развития сюжета и многообразных реакций всех основных участников конфликта. Если в других трагедиях мастерство Шекспира проявилось с особенной

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1955, стр. 368.

силой в грандиозных и бесконечно сложных характерах, созданных им то в «Кориолане» его драматургический гений раскрывается в изумительно тонком и всестороннем изображении диалектики общественных отношений.

Оставив под конец рассмотрение образа Кориолана, остановимся сначала на других действующих силах трагедии.

Наше внимание привлекает прежде всего коллективный образ римского народа. Ошибки в толковании отношения Шекспира к народу в этой трагедии происходили из того, что критики, как правило, судили о нем по бранным характеристикам, даваемым плебеям Кориоланом. Более верный путь — рассматривать этот коллективный персонаж в его собственных поступках и словесных изъяснениях. Как и в более ранних шекспировских произведениях, здесь нельзя не заметить того особого, присущего, пожалуй, только Шекспиру драматургического умения изображать толпу как некое единство, наделенное внутренним разнообразием. Поступки толпы едины, но мнения и суждения в ее среде различны. Отсюда и возникает ощущение того, что перед нами не безликий хор, а живое людское многообразие.

Начальные эпизоды трагедии обнаруживают несомненную справедливость народного возмущения. Недовольство народа вызвано не капризом, а тем, что самое существование плебеев находится под угрозой. Речи римских граждан показывают, чего они хотят: им нужен хлеб, без которого они не могут жить. Они отлично понимают свое низкое положение в обществе. Но не менее ясно для них и то, что они представляют собой силу, которая при определенных условиях может добиться удовлетворения своих требований. Перед нами не безропотная толпа рабов, а масса граждан, сознающих если не свои гражданские, то человеческие права.

Для того чтобы добиться своего, эта масса, именно потому что она многочисленна, нуждается в руководителях. Народ в «Кориолане» не бездумная толпа, движимая одним лишь слепым инстинктом — голодом. Плебеи отлично разбираются в классовой морали, которой пропитана басня, рассказываемая Менением Агриппой. Еще в большей степени проявляется ум народа в оценке Кориолана. Его воинские доблести вызывают восхищение плебеев, и, будь он дружелюбен по отношению к ним, они не желали бы себе другого вождя.

Впервые у Шекспира в «Кориолане» народ требует уважения к себе. Он готов признать любых руководителей государства, но при одном условии — чтобы они сознавали интересы народа и делали все необходимое для удовлетворения их. Именно поэтому граждане признают своих руководителями трибунов Брута и Сициния. Эти последние все время подчеркивают свое стремление служить интересам народа.

Любопытно посмотреть, как изображает Шекспир отношение граждан к Риму. По сравнению с хрониками Шекспир сделал огромный шаг вперед в трактовке темы патриотизма. Там государство, родина были прекрасной и величественной абстракцией, окруженной поэтически ореолом, — «алмаз в серебряной оправе океана» («Ричард II»). Здесь отношение к государству определяется тем, насколько оно действительно является родиной для человека, почвой, дающей ему жизнь и поддерживающей его жизнь. Не абстрактный патриотизм поддерживает римлян в их войнах с вольсками, а трезвое понимание того, что хотя они занимают низкое положение в государственной иерархии, но все же являются здесь свободными гражданами, тогда как победившие вольски превратят их в рабов. Можно, конечно, сказать, что патриотизм в «Кориолане» приобретает эгоистическую окраску, но именно в этом одно из проявлений реализма Шекспира в изображении общественных

отношений. Мы увидим далее, что не только плебеи, но и патриции руководствуются в своем патриотизме сословными и классовыми интересами. В этом нельзя не увидеть новой для Шекспира (по сравнению с хрониками) черты — его политического реализма. Однако при этом нельзя не заметить, что такое «потребительское», эгоистическое отношение к понятию родины явно ненавистно Шекспиру.

Ясное сознание своих интересов, стремление добиться того, чтобы государство удовлетворяло насущные потребности народа, — свидетельство того, что народ уже способен мыслить. Но нужда придает односторонний характер мышлению народа. Он может мыслить только о своих работах.

Много говорилось о шаткости мнений толпы у Шекспира. Но мало замечали, что даже в своей переменчивости народ последователен: он всегда за тех и за то, что, как кажется толпе, соответствует ее интересам. Но глядящего далеко вперед политического разума у народа нет. Поэтому на его интересах и стремлениях постоянно играют другие.

Народ предпочел бы иметь своим руководителем такого мужественного и прямодушного человека, как Кориолан. Но враждебность Кориолана толкает народ в объятия Брута и Сицинии.

Об этих трибунах с XVIII в. в критике прочно установилось мнение как о демагогах. Начало такой оценке положил Семюрль Джонсон, всегда пристрастный в своих суждениях и видевший в Бруте и Сицинии прообразы ненавистных ему вигов. Мнение о них как политических демагогах основано на том, что, открыто выступая перед народом, они говорят как пламенные защитники интересов демократии, а наедине толкуют друг с другом как расчетливые политики и дипломаты, обдумывающие средства косвенного осуществления своих целей.

Это противоречие в поведении Брута и Сицинии действительно есть. Но может ли оно быть поставлено им в упрек, если представители патрицианского лагеря проявляют не меньшую двойственность, прикрывая внешней благожелательностью к народу антинародную политику, как мы это видим в поведении Менения Агриппы? Современный шекспировед Джон Палмер первым — и, на наш взгляд, справедливо — указал, что Брута и Сициния следует рассматривать как вожаков демократического лагеря, действующих в сложных условиях. С одной стороны, они имеют перед собой могущественного и хитрого врага — патрициев, а с другой, сила, на которую они опираются, — народ — по-детски переменчив, и им нелегко руководить. Нигде и ни в чем не проявляется у них стремление использовать доверие народа во вред ему. А раз этого нет, то неверно смотреть на них как на демагогов. Они последовательны в своей борьбе против патрицианской власти, но цели они не могут достичь без применения хитрых тактических шагов. Однако если тактика их оппортунистична, то конечная цель — господство демократии — отнюдь не является для них обманным лозунгом.

Из сказанного ранее должно быть ясно, что Шекспир не мог сочувствовать политикам типа Брута и Сицинии. Это видно и по тому, как он их изображает. Однако, если они не вызывают симпатий читателя или зрителя, это еще не означает, что изображение их у Шекспира было враждебно тенденциозным. Они не лучше политиков аристократического лагеря, но и не хуже их. Шекспир подчеркивает лишь то, что политики обоих лагерей исходят не из общегосударственных интересов, а из интересов своей социальной группы. Ему, гуманисту, мечтавшему о гармонии сословных интересов, это равно претило и у аристократов и у демократов. Но, может быть, именно потому, что Шекспир испытывал антипатию к сложному хитросплетению эгоистических классовых и сословных инте-

ресов в обществе, он и сумел так глубоко увидеть политическую реальность своего времени.

Нам представляется верным замечание Гренвиля-Баркера, писавшего о том, что Шекспир занимает по отношению ко всем персонажам драмы позицию объективного, но сурового судьи. Он судит политическую жизнь как гуманист, но вместе с тем изумительно прозорлив в понимании реальной действительности.

Изображение аристократического лагеря у Шекспира выполнено не менее суровыми красками. Разница, пожалуй, лишь в том, что среди патрициев больше индивидуального разнообразия. Но, как и народ, все они движимы прежде всего отчетливым сознанием своих сословных интересов и яростно защищают свои привилегии.

Менений Агриппа отличается внешним добродушием. Он умеет поговорить с народом, представить себя доброжелательным, мудрым советчиком. Плебеи даже обманываются, считая его своим другом. Но все, что делает и говорит Менений, ясно обнаруживает в нем убежденного защитника привилегий аристократии. Он понимает, что народ представляет собой большую силу в обществе. Это вынуждает его снисходить до него, но в душе он презирает плебеи и не видит ничего бесчестного в том, чтобы обмануть его. Менений искренне любит Кориолана. Он гордится им как живым воплощением добродетелей своего сословия, в его силе и несравненном мужестве он видит доказательство права аристократов на господство над чернью.

То же можно сказать и о Волумнии, матери Кориолана. Она гордая патрицианка, воспитавшая в сыне те качества победителя и владыки, которые должны дать ему моральное право на власть и господство над всеми остальными. Она самозабвенна в стремлении возвысить сына. Волумния готова подвергнуть жизнь Кориолана любой опасности, лишь бы он доказал свое превосходство как воин.

Видя, что народ представляет собой реальную политическую угрозу их господству, патриции противопоставляют силе массы посредственности мощь выдающейся, необыкновенной личности. Кориолан своим мужеством, бескорыстием и славой спасителя Рима может восстановить пошатнувшееся могущество аристократии.

Но как раз силой этого нельзя сделать. Понимая это, все патриции требуют от Кориолана, чтобы он, смирив гордыню, пошел на необходимую уступку и испросил согласие народа. Понстине великолепна сцена спора Кориолана с Волумнией, Менением, Коминием и другими патрициями (III, 2). Аристократы поняли, что смогут удержать власть, лишь обманув народ. Они требуют от Кориолана притворного смирения, с тем чтобы, получив таким образом власть, затем поддать волю народа.

Те, кто столь охотно подчеркивал коварство тактики народных трибунов, должны были бы заметить, что и аристократы отнюдь не проявляют щепетильности в выборе средств. К каким только доводам и софизмам не прибегают Волумния и Менений, чтобы сломить упрямство Кориолана! Беспристрастное рассмотрение этого эпизода — одного из центральных в трагедии — убеждает в том, что в поведении патрициев нет ни грана истинного благородства.

Развитие событий в первой половине трагедии раскрывает неприглядную картину общества, раздираемого жесточайшими антагонизмами. Ни те, кто борется за справедливость, ни те, кто отстаивает несправедливые привилегии, не обнаруживают высоких моральных качеств. Великие человеческие идеалы оказываются в непримиримом противоречии с суровой борьбой эгоистических классовых и сословных интересов.

Не обнаруживаются моральные достоинства и в борьбе против врагов, грозящих Риму. Война с вольсками вызывает ужас. На поле сражений

римляне бегут. Только личное мужество Кориолана (и отчасти Коминия) приносит спасение.

Глава вольсков Авфидий уступает Кориолану в воинских доблестях. Пять раз сходилась он с героем и неизменно оказывался побежденным. Но он не теряет надежды отомстить. Его оружием будет не сила, а хитрость. Таким образом, и в лице Авфидия мы видим человека, стремящегося к своим целям не прямым и честным путем, а дорогою обмана, — как римские патриции и трибуны. Обратимся теперь к Кориолану.

Уже было сказано, что он не герой того типа, какими были Гамлет и Отелло. Ближе всего он стоит, пожалуй, к Макбету. Сходство между ними в том, что оба — выдающиеся люди, утверждающие свое величие не в слиянии своих интересов с интересами других, а противопоставляя себя остальному обществу.

Кориолан — герой в самом точном смысле слова. Он возвышается над другими своим мужеством, силой, способностью побеждать врагов в открытом и честном бою. Но героическое начало в нем получило одностороннее развитие. В нем есть черты, унаследованные от рыцарских понятий героического. Но во сто крат в нем больше того ренессансного индивидуализма, который оборачивался своей антиобщественной стороной. И ни у одного из героев индивидуалистического склада из числа изображенных Шекспиром антисоциальность не проявляется так ясно и разительно, как у Кориолана. Кориолана иногда хотят представить исключительно или преимущественно носителем старого традиционного отношения к жизни. Но этому противоречит весь облик Кориолана и, в частности, одно из его суждений, имеющее большое принципиальное значение.

Когда от Кориолана требуют, чтобы он подчинился обычаю, выпрашивая у народа утверждение в должности консула и показывая свои раны, все в нем возмущается именно против традиции:

«Да потому, что так велит обычай!
Но повиныйся мы ему во всем,
Никто не стал бы пыль веков стирать
И горы заблуждений под собою
Похоронили б истину» (II, 3).

Будь Кориолан приверженцем традиционных устоев, он подчинился бы этому унижительному обычаю, не придавая ему никакого значения. Но в том-то и дело, что Кориолан — личность, восстающая против всех обычаев, и в том числе традиционного избирательного ритуала. Он желает, чтобы ценили его, его самого, и чтобы общество склонялось перед его доблестями независимо от каких бы то ни было традиций.

Пресловутая гордость Кориолана — не аристократическое чванство своим титулом и наследственными привилегиями. Это гордость человека, который добился всего суровой дисциплиной самовоспитания, постоянным риском. Он требует уважения к своим личным качествам. Толпу он презирает не столько как аристократ по званию, сколько как аристократ духа. Ему, способному на борьбу, в которой ставкой является жизнь, кажутся низменными претензии бедняков, то вымаливающих, то требующих хлеба. Он гнушается этих ничтожеств, из которых ни один не обладает его воинскими доблестями. Жалкие в мирное время, они еще отвратительнее ему в суровых условиях войны. Брань, которой он осыпает трусивших и бросившихся в бегство воинов — а ведь они тоже народ, — ничем не уступает тем гневным речам, которые он обрушивает на толпы граждан в Риме.

Кориолан презирает народ за его заботу о своих нуждах, которая представляется ему проявлением корыстолюбия. Ему самому никакие богатства не нужны. Он отказывается от своей доли военной добычи (I, 9). Как Лир, он жаждет человеческого величия, не прикрытого никакими внешними атрибутами. Он сам, его личные достоинства — вот основа его прав на всеобщее преклонение и на власть.

Безразличие к материальным интересам отличает Кориолана и от народа, и от близкой ему среды патрициев. В противовес окружающему обществу, проникнутому духом стяжательства, преданному заботам о своем материальном благополучии, Кориолан в некотором роде идеалист. В его глазах действительную цену имеют только духовные качества — сила духа, храбрость, мужество, нравственная стойкость.

С этим связана другая сторона его натуры — принципиальность. И народу, и трибунам, и патрициям он противопоставит как единственный в Риме человек, который прямодушен, откровенен, органически неспособен на обман и хитрость. Он просто не понимает, зачем нужно притворяться, быть не таким, каков он есть, когда его гордость составляет именно то, что он такой, а не иной человек. Ему всегда хочется быть самим собой. Его величайшее человеческое завоевание — то, каким он стал, а его заставляют отказаться именно от того, что он ценит в себе больше всего. В этом основа его конфликта не только с народом, но и с собственным классом, с ближайшими ему людьми, одним словом, со всем обществом.

Такова важнейшая социальная сторона трагедии, на которую, как нам представляется, не обращали должного внимания. Именно в этом пункте трагедия Кориолана смыкается с другими великими трагедиями, в которых Шекспир изобразил, как родилось самосознание личности и как гуманистический идеал ее подвергся ломке, искажению под влиянием социальных противоречий рождающегося буржуазного общества.

Гений Шекспира проявил себя в том, что под поверхностью значительного политического конфликта он обнаружил глубочайшее социальное противоречие классового общества — антагонизм между материальными и духовными стремлениями человека, противоречие между обществом и личностью.

Но пока мы коснулись только одной стороны этих противоречий, а именно той, в силу которой Кориолан является не только формально героем трагедии, но и подлинно героической личностью. Однако в его характере есть и черты, вступающие в противоречие с личным началом в его высочайшем идеальном выражении.

Личность Кориолана получила одностороннее развитие. Во-первых, высокое понятие о достоинстве человека ограничено у Кориолана только мужественными доблестями. Они с Гамлетом не поняли бы друг друга, потому что Кориолан, строго говоря, лишен интеллектуальности. Гордость самим собой стала его слепой страстью. Он способен рассуждать только применительно к непосредственно данной ситуации. У него нет гамлетовской способности мысленно «глядеть и вперед и вспять», нет и воображения Макбета, заранее предчувствовавшего весь ужас того, что ему придется пережить.

Вторая особенность Кориолана — его сосредоточенность на собственной личности. Он «эгоист» в том смысле, в каком Тургенев (неверно, на наш взгляд) применил это слово к Гамлету. В мире для него важно только его «я». Оно для него выше всех его личных и общественных связей. Самосознание личности доходит до полного противопоставления своего «я» всему обществу. Это противоречие глубоко всплывает Шекспира-гуманиста. Он не склонен был ограничиваться установлением тех

объективных обстоятельств, которые обусловили этот конфликт. Глубокая этическая основа шекспировских трагедий состояла в том, что и сама личность была повинна в этом и потому должна была нести за свою трагическую вину ответственность.

Поворотный пункт трагедии — сцена на Форуме (III, 3). Кориолан подался уговорам Волумнии и Менения. Он вышел к толпе, готовый унизиться до просьб и терпеливо выслушать общественное порицание его недостатков. Дело трибунов почти проиграно. Еще мгновение — и власть окажется в руках Кориолана, который, как они верно предвидят, будет пользоваться ею с непреклонностью тирана. В стремлении к тиранической власти его и обвиняет Сидний. Но Кориолан стерпел бы и это, если бы не одно слово, вонзающееся в его сознание ядовитой стрелой. Сидний называет его «изменником народу» (III, 3). Удар был направлен метко. Кориолан мгновенно сбрасывает несвойственную ему личину смирения и раздражается потоком ругательств по адресу народа и трибунов. Это решает его судьбу: римляне изгоняют Кориолана. Он и сам не хочет оставаться здесь, где всех его заслуг перед государством оказалось недостаточно, чтобы иметь право быть самим собой.

С этого момента действие становится трагическим. Обнаруживается не только трагическое положение героя, но и трагедия всего римского общества. Сначала только близкие ощущают горе разлуки с Кориоланом. Но уже вскоре осознают трагизм своего положения и все остальные.

Корни трагизма в том всеобщем разладе, который мы видели с самого начала действия, но непосредственным толчком к взрыву является изгнание Кориолана и следующий за этим его переход на сторону вольсков.

Если борьба в Риме происходила на наших глазах и мы видели, как созревал конфликт, то измена Кориолана оказывается внезапной и мы не имеем возможности судить о том, что происходило в его душе, когда он принял роковое решение. Прощаясь с родными и друзьями (IV, 1), Кориолан еще сам не знает, что будет делать. Он лишь обещает остаться самим собой. Но уже в IV, 4 мы его видим в Анциуме и слышим признание: Рим он возненавидел, а город врагов стал ему мил.

На этом этапе действия обнаруживается самое крайнее последствие индивидуализма Кориолана. Его вера в себя, свою самоценность, доводящая его до измены родине, — свидетельство того последнего предела, до которого дошел распад всех естественных и общественных связей между людьми.

Начиная с первой части «Генриха VI», Шекспир не раз изображал акты измены (в данной хронике — герцога Бургундского). Всюду она была свидетельством низменности тех, кто ее совершал. Побудительными мотивами была мелкая корысть, самозащита и т. п. Здесь же мы имеем случай измены из принципа, по убеждению. Кориолан не мелкий предатель, не жалкий трус, даже в своей измене он остается по-своему мужественным и величественным, как это можно видеть в сцене его объяснения с Авфидием (IV, 5). Как ни парадоксально это прозвучит, но, даже совершая измену, Кориолан остается прямодушным.

Его чистая жажда мести нуждается в реальной поддержке вольсков. Для Кориолана они и их вождь Авфидий были неким абстрактным воплощением силы, враждебной Риму. Он и хочет использовать ее для своей мести. Однако и лагерь вольсков заражен язвой своекорыстия, которая так возмущала Кориолана в Риме. Кориолан думает, что вольски будут орудием его мести, а Авфидий рассчитывает, что орудием ему послужит Кориолан. При этом Авфидий не просто отдельное лицо.

За ним стоит государство, общество, такое же внутренне противоречивое, как Рим. У вольсков есть свой плебс и своя аристократия. Одной короткой сценой Шекспир дает нам почувствовать это — в конце IV, 5, когда после сговора Корнолана с Авфидием слуги обмениваются полустыдливymi, полусерьезными замечаниями по поводу предстоящего похода на Рим. И у вольсков, как у римлян, мирное время совсем не характеризуется гражданским миром. Недаром первый слуга в конце беседы говорит о том, что в мирное время «люди и ненавидят друг друга». А третий слуга объясняет, почему это происходит: «Потому что в мирное время они не так друг другу нужны».

«Они не так друг другу нужны!» Эти слова могли бы послужить эпиграфом ко всей трагедии, показывающей все большее обособление между сословными обществами и отдельными индивидами. И если еще остается для них необходимость какой-то связи, то парадоксальным образом она возникает тогда, когда возгорается костер вражды и человекоубийства — во время войны.

О беседе слуг Авфидия надо сказать еще и в другой связи. Джон Палмер справедливо подчеркнул, что она в цепи других доказательств служит важным звеном для опровержения преднамеренного антидемократизма Шекспира. Устами этих людей из народа глаголет истина. Они верно судят о своем господине и его новом союзнике, но еще вернее приведенные нами суждения о том, что в обществе, раздираемом внутренними антагонизмами, единственной реальной связью, объединяющей людей перед лицом одинаково страшной для них опасности, стала война — совместное человекоубийство.

Теперь обратимся к цепи трагических событий, обусловленных изгнанием Корнолана и его переходом на сторону вольсков. Никто еще не гибнет, но дух трагедии осеняет всех ее участников. Трагизм проявляется не во внешне ужасном, ибо, как известно, никто не умирает, и «Корнолан» не драма, венчающаяся горой трупов, как «Гамлет» или «Король Лир». Трагическое оборачивается здесь той причудливой иронией, с какой все предшествующие действия людей, совершенные ими для своего блага, приводят к противоположному результату.

Прежде других это испытывают на себе трибуны Брут и Цициний. Когда становится известно, что Корнолан во главе армии вольсков идет на Рим, Коминий и Мелений Агриппа вникать в этом их, и трибунам нечего возразить. Добившись изгнания Корнолана, они хотели спасти Рим от тирании, но создали угрозу самому существованию Рима.

Патрициям тоже не приходится злорадствовать. Опасность грозит им в не меньшей степени, чем плебейм. Явившемуся для переговоров с ним Коминию Корнолан заявил, что его гнев обрушится на всех без разбора. Он прогоняет и Меления Агриппу, когда тот приходит к нему с просьбой пощадить римлян (V, 2).

Наступает решающий момент. Корнолана, подступившего с войсками к стенам Рима, встречают мать, жена и сын. Нет нужды напоминать читателю эту великолепную по драматизму сцену, стоящую в одном ряду с вершинными эпизодами других трагедий Шекспира. Трагическая ирония проявляется здесь в том, что Волумния, годами воспитывавшая в своем сыне непреклонность, видит, как это оборачивается против нее же, против Рима, которому она растила героя и вождя. Как известно, ей удается переломить Корнолана. Но этим она в конечном счете губит его. Так все, чему посвятила свою жизнь Волумния, оказалось бесплодным, ибо, вложив в Корнолана мужество, она не поделила его человечностью. А когда в последний миг она возвала к его чувству человечности, то это и погубило вконец Корнолана.

Кориолян отнюдь не был настолько наивен, чтобы не понимать морального смысла своего перехода на сторону вольсков. Мнение других, однако, было ему безразлично, поскольку, как ему казалось, он всегда оставался самим собой. Чего Кориолян не понимал, это то, что человек не только таков, каков он сам по себе, но и то, каков он в своем отношении к обществу, в котором живет. Трагедия Кориолана в том, что он не стал своим нигде — ни в Риме, ни среди вольсков. Он не желал считаться с обществом, и оно мстило ему. Римляне изгнали его, а вольски убили.

Трагическая неизбежность гибели Кориолана обусловлена не только его характером. Если Шекспир с предельной наглядностью показал антисоциальность индивидуализма Кориолана, то не менее очевидно в трагедии и то, что общество, с которым герой не ужился, тоже повинно в происшедшей трагедии. Эту диалектику трагического в «Кориолане» не всегда замечают, сводя смысл произведения к одной из альтернатив. Между тем суть дела состоит именно в непримиримости антагонизмов, рождаемых расчленением человечества на сословия и классы, на толпу и индивидов. Выхода из этих противоречий Шекспир не видит. Но в его эпоху не это стояло на очереди дня. Если наше время ознаменовалось крайним развитием всех общественных антагонизмов и это подвело передовые слои общества к решению их, то Шекспир жил тогда, когда эти антагонизмы зарождались. Его величие в том, что он, как художник, одним из первых открыл их.

«Кориолян» не завершается моралью, которая позволила бы сделать непосредственные выводы. Последнее, что мы видим на сцене, — расправа вольсков над Кориоланом. Здесь сводятся счеты, которые у Авфида были с вольсками. Его положение было тяжелым, ибо он не смог защитить страну в многочисленных войнах с Римом. Не добился он победы и тогда, когда сделал ставку на месть Кориолана римлянам. Только убийство Кориолана примиряет вольсков с Авфидием. И Рим тоже обеснечил себе дальнейшее существование ценою жизни изгнанного Кориолана.

Все остается так, как было. Ни одно из противоречий, породивших трагедию, не уничтожено. Хотя наступил мир, но мы знаем, что это то «мирное время», когда «люди не так друг другу нужны».

С глаз Шекспира спала пелена. Он не верит теперь в иллюзорную гармонию общества. Но все изображенное им было освещено для него трагическим светом именно потому, что великий гуманист сохранял уверенность в необходимости гармонических отношений между людьми.

А. Ашикст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «КОРИОЛАНА»

Стр. 257. Действующие лица. — Кай Марций Кориолян (годы рождения и смерти неизвестны) — римский полководец, о жизни которого сохранились полутрагические предания. Неясно, принимал ли он участие в конфликте между патрициями и плебеями в 495 г. до н. э. Он был еще юношей, когда столкнулся в 493 г. до н. э. при взятии Кориол. Изгнание его и предпринятая им месть Риму произошли в 491 г. до н. э. Относительно того, что последовало после его решения пощадить Рим, сведения расходятся. По одной версии, разгневанные вольски убили его, по другой — он дожил в изгнании до глубокой старости.

Стр. 263—264. Не забудьте, что соки я по рекам кровавым шлю к сердцу во дворец и к трону моз-

га... Истинный механизм кровообращения был объяснен лет через десять после возникновения «Кориолана» Гарвеем. До тех же пор на этот счет существовали весьма фантастические представления.

Стр. 279. Рисовался таким, как ты, в мечтах Катону воиц!...—Плутарх сообщает, что Катон-старший требовал от воина не только силы и храбрости, но и громкого голоса и грозного вида, которые гаводили бы ужас на врагов. Шекспир допускает здесь анахронизм: Катон жил в III—II вв. до н. э., то есть на три столетия позднее времен Кориолана.

Стр. 280. ...тряпки, которые палач зарыл бы в землю с тем, кто носил их.—Одежда казненного переходила в собственность палача.

Стр. 286. Будь ты Гектор, сей бич для вас, его бахвалы ввук!...—Существовало легендарное представление, что римляне были потомками троянцев. Для трусливых римлян доблестный предок является вопиющим укором, «бичом».

Стр. 294. ...не дурак выпить кубок подогретого вина, не разбавленного ни единой каплей тибрской воды.—Здесь соединены вместе два обычая—древнеримский и английский. Римляне разбавляли вино водой, англичане любили подогретое чистое вино.

Стр. 314. Зачем прошу я, стоя здесь в лохмотьях, у Дика с Хобом голосов непужных?—Дик—уменьшительная форма имени Ричард, Хоб—имени Роберт. Введение английских имен (для обозначения лиц низших сословий) в пьесах, действие которых происходит в другой стране, у Шекспира встречается довольно часто.

Стр. 339. ...называла скотами грубошерстными...—Это можно понять двояко: 1) грязными, грубыми, как скот; 2) одетыми, в отличие от воинов, в грубую шерстяную одежду.

...с непокрытой головой в собраниях зевать!...—Привилегией знатных лиц было при любых обстоятельствах не снимать головного убора.

Стр. 346. Ты граждан опросил по трибам?—Плутарх поясняет, что голосование по трибам (территориально-административное подразделение римского народа), а не по центуриям (подразделение военного характера) обеспечивало перевес беднякам.

Стр. 368. Знай Марс...—Авфидий называет Кориолана именем бога войны Марса в знак уважения к подвигам своего бывшего противника.

Стр. 382. И Рим он схватит, как морской орел рыбешку, которая сама к тому всплывает, в ком видит прирожденного владыку.—Существовало поверье, что морской орел одной лишь силой своего «благородства» заставляет рыб из инстинкта покорности подниматься на поверхность моря, где затем он хватает их.

Стр. 386. ...поскольку связан клятвой, данной вольскам.—Перевод этого места, очень неясного в подлиннике и, может быть, испорченного, гадателен. Возможен другой перевод его: «...и заставил меня дать клятву, что я подчинюсь его условиям».

Стр. 399. ...словно статуя Александра.—Снова анахронизм: Александр Македонский жил через полтора столетия после Кориолана.

Первопечатный текст «Тимона Афинского», опубликованный в фоллио 1623 г., давно обратил на себя внимание исследователей некоторыми странностями. Он напечатан между «Ромео и Джульеттой» и «Юлием Цезарем». Типографские признаки дали возможность установить, что первоначально издатели фоллио намеревались поместить здесь «Троила и Крессида», но затем у них возникли какие-то трудности (вероятно, связанные с выкупом издательских прав на публикацию этой пьесы), и так как другие пьесы уже были набраны и, по-видимому, отпечатаны, то, чтобы не менять пагинацию на пустое место, надо было что-то вставить. Таким образом «Тимон Афинский» и попал на то место, которое он занял в фоллио.

Текст трагедии изобилует ошибками в расположении строк, их делении согласно метрической системе пятистопного ямба; в ряде случаев прозаические реплики разбиты на стихотворные строки, а стихи напечатаны как проза. Многие строки неполны, и непонятно — то ли это дефект рукописи, с которой печатался текст, то ли сознательное авторское указание на длительность пауз при произнесении стиха.

В художественном отношении пьеса очень неровна, что гораздо больше заметно при чтении ее в подлиннике. Наряду с эпизодами, полными шекспировской трагической мощи, есть сцены маловыразительные. Некоторые места текста не очень похожи по стилю на Шекспира. Это следующие эпизоды: I, 2; I, 3; III, 2; III, 3; III, 5; IV, 2; IV, 3; V, 1. В XIX веке исследователи считали, что эти места текста принадлежат не Шекспиру, а кому-то из современников. Среди возможных соавторов Шекспира называли Хейвуда, Тернера, Уилкинса, Чепмена, Мидлтона.

Американский редактор и комментатор Шекспира Уильям Дж. Ролф в своем издании «Тимона Афинского» (1882), для того чтобы отделить от основного текста те части, которые он не считал шекспировскими, даже напечатал их петитом.

Современное шекспироведение, как и в отношении остальных пьес, склоняется к тому, что не следует относить несовершенства текста трагедии за счет других авторов. Все большее число сторонников завоевывает концепция, согласно которой «Тимон Афинский» — произведение, незавершенное самим Шекспиром. Значительную часть текста драматург написал с подлинно творческим вдохновением, тогда как ряд сцен были только набросаны им и недоработаны в поэтическом отношении.

Как бы то ни было, основной корпус текста составляют сцены, написанные с той поэтической силой и трагической глубиной, которые присущи другим великим творениям Шекспира в трагический период. Критики неоднократно указывали на то, что многое роднит «Тимона Афинского» с «Королем Лиром». И здесь и там, центральной является тема неблагоприятности. Есть предположение, что Шекспир якобы сначала взялся за обработку сюжета о Тимоне Афинском, но затем обратился к теме короля Лира и, найдя в ней более благодарный материал, будто бы отказался от завершения «Тимона Афинского». Трудно сказать, насколько данное предположение достоверно. Во всяком случае, оно подводит нас к вопросу о датировке трагедии. Если «Тимон Афинский» был написан или набросан до «Короля Лира», то трагедию следует датировать примерно 1605 г. К этому склонялся Э. С. Бредли, и эту дату поддерживает современный американский шекспировед Уилард Фарнхем. Но большинство исследователей хронологии Шекспира относят «Тимона Афинского» к более поздней дате. Традиционное мнение, восходящее к концу XVIII века, заключается в том, что «Тимон Афинский» — последняя из трагедий Шекспира. Однако никаких фактических данных, под-

тверждающих это, не обнаружено. Правда, английскому исследователю Сайксу удалось найти в пьесе одного из современников Шекспира Джона Дел «Юмор без передышки» (1607—1608) фразу, которая, возможно, намекает на сюжет «Тимона». Об одном из персонажей здесь говорится, что он «безумен, как тот вельможа, который rozdal свое состояние прихлебателям, а затем просил милостыню для себя». Однако нельзя быть уверенным в том, что здесь подразумевается трагедия Шекспира. Возможно, что это просто намек на один из многих фактов расточительства вельмож, случавшихся в то время.

Не помогают датировке пьесы и так называемые метрические таблицы, в которых суммированы формальные особенности стихосложения Шекспира. В данном случае они неприменимы из-за версификационных аномалий текста, по-видимому, объясняющихся незавершенностью трагедии. Э. К. Чемберс принимает традиционную датировку трагедии и относит ее написание к 1608 г., ставя ее по времени создания между «Кориоланом» и «Периклом».

Источником сюжета являются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. О Тимоне Плутарх рассказывает в биографии Марка Антония, а также в биографии Алкивиада. Не исключено, что характеристика Тимона, данная Плутархом, привлекла внимание Шекспира, когда он изучал биографию Антония для трагедии «Антоний и Клеопатра». Но Шекспир мог также познакомиться со своеобразной личностью Тимона по рассказу в другой книге, которой он пользовался в качестве источника сюжетов, а именно — по сборнику новелл и легенд Пейнтера «Дворец наслаждений» (1566). Шекспир, по-видимому, был знаком также с сочинением Луккиана «Мизантроп». Английского перевода «Мизантропа» не было во времена Шекспира, а наш драматург, по некоторым сведениям, «мало знал латынь, а греческий и того меньше», но зато он мог быть знаком с французским переводом Луккиана, сделанным Фильбертом Бретаном (1582). Наконец, обнаружена также рукопись английской анонимной пьесы о Тимоне. Сравнение текстов показывает, однако, что Шекспир не был с ней знаком.

Образ Тимона очень часто встречается в гуманистической литературе эпохи Возрождения. Мы находим его у итальянцев, французов, испанцев и англичан. Он привлекал теоретиков гуманизма, новеллистов, поэтов и драматургов. Комедию о «Тимоне» написал Боярдо (1487). Имя «Тимона» мелькает и на страницах «Опытов» Монтеня (английский перевод — 1603).

Уилард Фарнхем, произведя сравнительное исследование всех сочинений о Тимоне, начиная от Плутарха и до ренессансных авторов, пришел к выводу, что шекспировская трактовка образа мизантропа коренным образом отличалась от традиционной. Как для древних авторов, так и для писателей гуманистов Тимон был образцом человеконенавистничества. Он воплощал в себе как раз то, что отрицалось передовой гуманистической мыслью, утверждавшей веру в человека и в его способность к совершенствованию. В жизненной судьбе Тимона, презиравшего людей и удалившегося, чтобы жить без общения с ними, всегда видели крайнее проявление антисоциальности, что также давало гуманистам повод для осуждения Тимона. Его удаление на лоно природы и одинокая жизнь в диком лесу расценивались как отказ от высших форм человеческого бытия и возврат к животному, скотскому состоянию. Гуманистам с их стремлением к распространению культуры «опрошение» Тимона было не по душе.

Шекспир пошел против этой традиции. Он первый автор, у которого Тимон изображен как трагический персонаж, вызывающий сочувствие,

Замысел Шекспира очень ясно обнаруживается при сопоставлении его разработки сюжета о Тимоне с рассказом Плутарха. В жизнеописании Алкивиада Тимон упоминается только мимоходом. Здесь описывается то удовольствие, которое испытал Тимон, встретив Алкивиада, ибо он рассчитывал, что, добившись всей полноты власти, Алкивиад раздавит Афины. В биографии Марка Антония о Тимоне рассказано более подробно. Плутарховский Тимон живет не в лесу, а в Афинах, но, презирая людей, он не желает общаться с ними. Единственный, для кого он делает исключение, это такой же человеконенавистник, как он, — Агеманн. Причина мизантропии Тимона лишь мимоходом упоминается Плутархом. Его Тимон не был богатым человеком и не растратил огромного состояния на друзей. Просто случилось так, что однажды, испытывая нужду, он обратился за помощью к друзьям и, не получив ее, возненавидел их, а заодно и весь людской род. Свою ненависть к людям он выразил в эпитафии, которую велел вырезать на своей могиле.

Тимон Плутарха — человек, выделяющийся своей эксцентричностью, в нем нет ничего типичного, и древний историк-моралист изображает его как человека, отклонившегося от норм природы и нравственности.

У Лукяна, с сочинением которого Шекспир каким-то образом познакомился, Тимон изображен богачом, щедрым по отношению к своим друзьям. Его расточительность завершается растратой состояния, и тогда все, что раньше льстил ему, чтобы получать подаячки, отворачивается от него. Безбожник Лукян изображает разорившегося Тимона человеком, проклинающим богов за свою злосчастную судьбу. С явным удовольствием автор вложил в его уста всевозможные богохульства. Однако Зевс, услышав жалобы Тимона, пожелал ему помочь. Тимон просил, чтобы громовержец обрушил гром и молнии на неверных друзей, но олимпийский бог не в состоянии этого сделать, так как сломал свой громоносный жезл, размахивая им, чтобы наказать философа Анаксагора, отрицавшего власть богов. Тогда Зевс приказывает Гермесу обогатить Тимона. Тимон, живущий в уединении, копает землю и находит огромное сокровище. Об этом становится известно неверным друзьям, и они снова приходят к нему, опять льстят и пускаются на всевозможные уловки для того, чтобы выманить у него золото. Тимон вдоволь наслаждается их унижением, а затем прогоняет их, не дав ничего. После этого он решает жить отшельником, сохраняя вражду ко всем людям. Но при этом Лукян, сочувствуя Тимону в его осуждении корыстолюбия людей, явно не одобряет его намерения вести одинокую жизнь.

Мы видим, таким образом, что, как и в подавляющем большинстве других случаев, создавая сюжет пьесы, Шекспир многое брал из различных источников. Но заимствования были подчинены идейному замыслу, вполне оригинальному. Концепция трагедии отличается свойственной Шекспиру масштабностью. Его Тимон не просто частное лицо, на долю которого выпало несчастье, заставившее его возненавидеть людей. Шекспировский Тимон — не только богатый, но и знатный вельможа, один из самых первых и влиятельных граждан Афин. Судя по одному намеку, он был даже воином и полководцем. Во всяком случае, вероятно, не без основания ему предлагают возглавить войска для защиты Афин от наступающего на них Алкивиада.

Теснее, чем во всех трактовках сюжета у предшественников, связывает Шекспир судьбу героя с жизнью всего общества и государства. Трагедия Тимона — это трагедия выдающейся личности, чья жизнь и судьба многообразно скрещивается с нравственным состоянием общества в целом. По сравнению с другими трагедиями здесь меньше всего личных мотивов. У Тимона нет жены, возлюбленной или родственников. Он предстает перед нами только в своих общественных связях, как

с Афинским государством в целом и лице его сената, так и с отдельными гражданами, ищущими его расположения.

Широта трагического диапазона Шекспира обычно проявляется также и в том, что не только общество, но и вся природа, космос оказываются вовлеченными в тот клубок противоречий, который ранит душу героя меланхолий, муками страсти и безумием. Так обстоит дело и в «Тимоне Афинском». Здесь, правда, не появляются сверхъестественные существа и природа не разражается грозой. Она равнодушно взирает на страдания Тимона, как равнодушно к нему и погрязшее в корыстных стремлениях общество. Но сам Тимон ощущает несправедливость в ее космическом вселенском масштабе. Это очень выразительно проявляется в последних актах трагедии, в монологах Тимона: «О всеблагое солнце! Извлеки сырую гниль из недр земли наружу и зарази весь воздух под луною...» (IV, 3), «О ты, природа, мать всего живого...» (IV, 3), в страстной тираде, с которой он обращается к разбойникам: «Солнце — первейший вор... Луна — нахалка и воровка тоже... Все в мире — вор!» (IV, 3).

Наряду с грандиозностью замысла трагедии, содержащей осуждение всемирной несправедливости, ее драматическая композиция сравнительно с другими произведениями данного периода отличается простотой. Здесь нет той многоплановости действия, которая так характерна для «Гамлета», «Короля Лира» и «Антония и Клеопатры». В этом отношении «Тимон Афинский» ближе к той концентрированной структуре, которая отличает «Отелло» и «Макбета». Но эти две трагедии изображают сложный и мучительный процесс развития губительной страсти в душе героя. В «Тимоне Афинском» развитие личности героя представлено гораздо проще. Мы видим две его ипостаси. Сначала перед нами щедрый и благожелательный ко всем Тимон, затем в его сознании происходит резкий перелом и он преобразается в человеконенавистника, пылающего неукротимым гневом. Этот переход совершается внезапно.

Проще и даже прямолинейнее изображение и других персонажей. Шекспир не стремился здесь к той индивидуализации, которая делала столь живыми создаваемые им типы. Второстепенные персонажи трагедии представляют собой односторонние, но, правда, очень рельефные воплощения определенных качеств. Они являются их обобщенной персонализацией, и недаром несколько персонажей даже не названы именами, а обозначены лишь своей профессией: поэт, живописец, ювелир, купец. Это почти как в моралите. Но, конечно, мы ни в коей мере не хотим сказать этим, что Шекспир возвращается к наивному морализаторству средневековой народной драмы. Широта его взгляда на жизнь, глубокое постижение ее противоречий во всей их сложности сохраняют за «Тимоном Афинским» все качества жизненной наполненности, присущие ренессансной драме.

И все же, больше чем где бы то ни было, Шекспир отходит здесь от драмы характеров, приближаясь к тому, что мы определяем как драматургию идей. Он нигде не погрешает против психологической правды, но она предстает в «Тимоне Афинском» в своих самых обобщенных проявлениях. Шекспира интересуют здесь не тонкие изгибы человеческой души, а простейшие и даже грубые в своей простоте проявления человеческой натуры. С неутомимой суровостью подчеркивает Шекспир власть бездушного расчета над людьми, их неприкрытую жажду выгоды.

Многое здесь проще, чем в таких трагедиях, как «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Антоний и Клеопатра» и даже «Кориолан». Но эта простота отнюдь не приводит к обеднению содержания. Здесь уместно вспомнить суждение Белинского об этой трагедии, до сих пор не привлекавшее внимания наших шекспироведов.

Вот что писал Белинский о «Тимоне Афинском»: «...эта пьеса так проста, так немногосложна, так скудна путаницею происшествий, что, право, невозможно и рассказать ее содержания. Люди обманули человека, который любил людей, надругались над его святыми чувствованиями, лишили его веры в человеческое достоинство, и этот человек возненавидел людей и проклял их: вот вам и все тут, больше ничего нет. И что же? Составили ли вы себе, по моим словам, какое-нибудь понятие об этом великом создании великого гения? О, верно, никакого! ибо эта идея слишком обыкновенна, слишком известна всем, каждому, слишком истерта и истреплена в тысячах сочинений, хороших и дурных, начиная от Софоклова Филоктета, обманутого Улиссом и проклинающего человечество, до «Тихона Михеевича», обманутого вероломною женою и плутом-родственником. Но форма, в которой выражена эта идея, по содержанию пьесы и ее подробности? Последние так мелочны, так пусты и притом так всякому известны, что я наскучил бы вам смертельно, если бы вздумал их пересказывать. И однакож у Шекспира эти подробности так занимательны, что вы не оторветесь от них, и однакож у него мелочность и пустота этих подробностей prepares ужасную катастрофу, от которой волосы встают дыбом,—сцену в лесу, где Тимон в бешеных проклятиях, в горьких, язвительных сарказмах, с сосредоточенною, спокойною яростию рассчитывается с человечеством. И потом, как выразить вам то чувство, которое возбуждает в душе известие о смерти добровольного отверженца от людей! И вся эта ужасная, хотя и бескровная трагедия, ужасная даже в своей простоте, в своем спокойствии, готовится глупою комедию, отвратительною картиною, как люди обжирают человека, помогают ему разориться и потом забывают о нем, эти люди, которые

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

И вот вам жизнь, или, лучше сказать, прототип жизни, созданный величайшим из поэтов! Тут нет эффектов, нет сцен, нет драматических вычур, все просто и обыкновенно, как день мужика, который в будень ест и пашет, спит и пашет, а в праздник ест, пьет и напивается пьян. Но в том-то и состоит задача реальной поэзии, чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни»¹.

В чем же состоит та простая и великая жизненная истина, которую Шекспир выразил в своей трагедии?

Мы видели во всех предшествующих произведениях драматурга его постоянное стремление пробиться сквозь поверхность жизни и дойти до самой ее сердцевины, для того чтобы найти корни зла. Мы были бы несправедливы, сказав, что только в «Тимоне Афинском» Шекспир осуществил свое стремление и достиг цели. Его великие творения «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет» — глубоко раскрывают нам основы тех противоречий действительности, которые извращают природу человека, делают людей врагами друг другу, превращают жизнь в непрерывную муку. Это было сделано Шекспиром с той силой художественного мастерства, благодаря которой трагедии его героев обрели удивительную жизненность, волнуя умы и сердца людей многих поколений.

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1948, стр. 131.

Корень зла Шекспир видел в чудовищном себялюбии, которое возникло как неожиданный спутник высокого развития личности, когда она освободилась от средневековых пут. Мы уже не раз подчеркивали, что Шекспир, конечно, не мыслит теми понятиями, которые служат нам для определения существа социальных процессов. Но чутким художника-реалиста он постиг смысл того переворота, который происходил в сознании людей его эпохи, и видел социальные основы этого переворота. Шекспир стоял у колыбели буржуазного общества, и, будучи гениальным в понимании общественных отношений, он наглядно изобразил в своих трагедиях первые результаты грандиозной ломки общественного сознания. В его трагедиях перед нами предстает картина распада всех феодально-патриархальных связей между людьми. Показано это было им уже и в прежних произведениях, но в «Тимоне Афинском» это не только показано, но и сказано великим драматургом в полных гнева речах Тимона. Подчеркнутая декларативность трагедии не дает ей художественного превосходства над «Гамлетом» или «Королем Лиром». По как документ, характеризующий мировоззрение Шекспира, «Тимон Афинский» имеет несомненное значение.

Читая тирады герой, мы не можем не вспомнить гениальную формулировку последствий буржуазного развития для человеческого общества, данную К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость...»¹

Вся трагедия Тимона сконцентрирована вокруг одного — значения денег в жизни людей. Вначале он предстает перед нами как человек, видящий в деньгах средство сделать приятной свою жизнь и жизнь других. Богатство имеет для него цену именно в той мере, в которой оно может доставить людям наслаждение и счастье. В этом отношении он напоминает Антонио из «Венецианского купца», который готов был пожертвовать для своих друзей всем. Однако, как мы помним, и друзья отвечали Антонио взаимной любовью. Когда над ним нависла опасность, они сделали все, чтобы спасти его от жаждавшего крови ростовщика Шейлока. Не только друзья, но и государство в лице дожа и венецианского сената стали тогда на защиту Антонио. В споре между Антонио и Шейлоком немалую роль играл вопрос о законности решения их тяжбы. Читатель помнит, что Шейлок опирался на букву закона, а защитница Антонио, Порция, доказала, что формальное следование закону в конечном счете обращается против человека.

Мы вспомнили ранее произведение Шекспира потому, что сравнение социальных концепций, лежащих в основе этих двух драм (при несомненном художественном превосходстве «Венецианского купца»), наглядно показывает развитие мысли Шекспира, преодоление им прежних иллюзий о соотношении добра и зла в действительности. В «Тимоне Афинском» перед нами зрелый Шекспир, который постиг всю бесчеловечность утвердившихся в обществе отношений. При этом он видит, что бездумные дарит повсеместно. Оно проявляется и в поведении людей, и в действии закона. Последнее выразительно представлено в линии сюжета, связанной с Алкивиадом. Афинский полководец обращается

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 426.

к сенату (III, 5) с просьбой помиловать его друга, который в порыве гнева убил своего обидчика. Алкивиад не отрицает вины друга, он просит только, чтобы того судили не за один этот поступок, но приняли во внимание все его человеческие качества. Друг был достойным человеком, совершившим немало подвигов на поле брани, защищая Афины. Алкивиад просит предоставить виновному искупить свой проступок на поле боя. Сенаторы стоят на точке зрения формального закона. Человек, которого они судят, не существует для них как личность, он только некая единица, нарушившая закон. Сенаторы отказывают Алкивиаду в его просьбе. Более того, уже одно то, что он смеет оспаривать судей и подвергать сомнению правильность их решения, вызывает гнев сенаторов, которые изгоняют и самого Алкивиада, несмотря на все его прежние заслуги перед Афинским государством.

Этот выразительный эпизод в концентрированной форме выражает отношения, установившиеся между личностью и государством. В хрониках Шекспира утверждалась идея, что государство существует для людей как сила, объединяющая их и устанавливающая справедливые отношения между ними. Шекспир, достигший полной зрелости политической мысли, понимает, что государство представляет собой нечто враждебное человеку. Оно требует беспрекословного подчинения себе. Не оно служит людям, а люди должны служить ему.

Судьба Тимона также подтверждает это. Он не раз помогал государству, когда оно нуждалось в средствах. Но ни государство, ни мнимые друзья не пришли на помощь Тимону, когда он оказался в нужде.

С предельной наглядностью в трагедии изображено то, что каждый человек оказывается предоставленным самому себе. Мы видим здесь действительно полный распад всех связей, место которых занял голый «интерес», «чистоган».

Как и в «Короле Лире», Шекспир показывает, что место и значение человека в обществе определяется не его человеческими качествами и достоинствами, а богатством, то есть чем-то находящимся вне самого человека. Происходит извращение человеческой природы, и это было с потрясающей художественной силой выражено Шекспиром в известном монологе Тимона Афинского, привлекаем к себе внимание К. Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал: «Шекспир превосходно изображает сущность денег»¹.

Комментируя монологи Тимона [«Тут золота достаточно вполне, чтоб черное успешно сделать белым, уродство — красотой, зло — добром...» (IV, 3) и «О ты, приветливый царевнича, орудье распри меж отцом и сыном...» (IV, 3)], К. Маркс пишет: «...то, что могут купить деньги. Это — я сам, владеец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и сущностные силы. Поэтому то, что я *есть* и что я *в состоянии* сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами... Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец... И разве я, который с помощью денег способен получить *все*, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?»²

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. 1, М., «Искусство», 1957, стр. 168.

² Там же.

Золото производит смешение всех ценностей жизни. Оно способно позолотить любой порок, окружить почитанием ничтожество, извратить естественные стремления людей. Как пишет К. Маркс, «Шекспир особенно подчеркивает в деньгах два их свойства:

1) Они — видимое божество, превращение всех человеческих и природных свойств в их противоположность, всеобщее смешение и извращение вещей; они осуществляют братание невозможностей.

2) Они — палочка-высшая, всеобщий сводчик людей и народов»¹.

Маркс останавливается также на вопросе о последствиях извращающей роли денег по отношению к человеческой личности и ее общественным связям. Как он пишет, комментируя и развивая мысль Шекспира, «деньги являются, следовательно, всеобщим извращением индивидуальностей, которые они превращают в их противоположность и которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам.

В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость...

Кто может кунить храбрость, тот храбр, хотя бы он был трусом. Так как деньги обмениваются не на какое-нибудь одно определенное качество, не на какую-нибудь одну определенную вещь или определенные сущностные силы человека, а на весь человеческий природный предметный мир, то, с точки зрения их владельца, они обменивают любое свойство в любой предмет на любое другое свойство или предмет, хотя бы и противоречащие обмениваемому. Деньги осуществляют братание невозможности; они припуждают к поцелую то, что противостоит друг другу»².

Вместе со своим героем гуманист Шекспир видит крушение идеалов человечности в мире, где царит власть золота. Гнев Тимона, однако, обращается не против самого золота, а против людей, поклоняющихся этому новому «божеству». Шекспир не склонен был оправдывать зло объективными причинами. Он считал, что возможность противостоять всем формам общественного зла заложена в самом человеке. Тимона возмущает то, что люди не хотят бороться против власти золота, и, раз уж они так предались корыстолюбию, он готов содействовать истреблению человечества. Найденное им золото он, в отличие от своего прототипа у Лукиана, не прячет, а, наоборот, готов его раздать для того, чтобы люди, борясь друг с другом за обладание сокровищами, с еще большей яростью занялись взаимным истреблением. В исступлении он кричит разбойникам: «Грабьте же друг друга, ненавидьте самих себя. Вот золото еще: берите, режьте глотки без разбору» (IV, 3).

Ненависть к людям, овладевшая Тимоном, безгранична, и он уже никогда не примирится с человеческим родом. Однако корень ее в той любви, которую Тимон раньше так щедро проявлял по отношению ко всем окружающим.

Шекспир часто прибегал к одному приему для четкого определения характеров своих персонажей: он либо ставил их в сходные ситуации, либо наделял одинаковыми страстями и стремлениями. Так, мы видели,

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. 1, М., «Искусство», 1957, стр. 169.

² Там же, стр. 170—171.

что отношение Гамлета к задаче мести особенно рельефно обнаружилось при сопоставлении датского принца с Лаэртом и Фортинбрасом, у которых тоже были убиты отцы. В «Тимоне Афинском» параллельно герою Шекспир выводит фигуру другого человеконенавистника — Апеманта. Этот циник никогда не любил людей и был убежден в том, что натуру человека определяют дурные качества. Люди для него не более чем разновидность животных:

«Род человеческий выродился, видно,
В пороку обезьян» (I, 1).

Исследователями стиля Шекспира было замечено, что образная система трагедии изобилует словами, метафорами, сравнениями, настойчиво утверждающими идею господства в жизни звериных начал. Когда Алкивиад, встретив в лесу Тимона, спрашивает его: «Ты кто такой?», тот отвечает: «Животное, как ты!» (IV, 3). На протяжении пьесы персонажи постоянно называют себя и других животными. Однако человек — самый жестокий из зверей. Уходя в лес, Тимон говорит: «Там лютый зверь добрее человека». В этом ряду стоят и те образные выражения, которые прямо или косвенно утверждают, что люди пожирают людей. Лстецы и прихлебатели не только объедали Тимона, они поедали его самого. Как метко замечает Апемант:

«Какая тьма людей Тимона жрет,
А он не видит их! Орава эта
Не яства поглощает — кровь Тимона...» (I, 2).

Впоследствии Тимон тоже пришел к пониманию того, что люди пожирают друг друга. Когда в лесу на него нападают разбойники, он им советует питаться щедрыми дарами природы, но первый разбойник отвечает за всех, что они не могут питаться травой, плодами и водой, «как птица, звери, рыба». На это Тимон с горькой иронией замечает, что им недостаточно даже есть самих зверей, и птиц, и рыб: «Я знаю — должны вы есть людей» (IV, 3).

Может показаться, что Тимон, пережив разочарование в людях, пришел к тому же взгляду на природу человека, что и Апемант. Этот последний, узнав о том, что Тимон из ненависти к людям удалился в лес, ищет его, думая, что теперь-то они могут встретиться как единомышленники. Но в том-то и дело, что есть огромное различие между человеконенавистничеством Апеманта и Тимона. Апемант презирает людей, ибо убежден, что низменность составляет их природу, поэтому он не впадает в бурное отчаяние, как это случилось с Тимоном. Он смотрит на людей с циническим спокойствием и безразличием. Апемант никогда не видел в жизни ничего хорошего и не испытал к себе хорошего отношения людей. В отличие от него Тимон начал жизнь в богатстве и довольстве, окруженный всеобщим поклонением. Так он говорит о себе: «Для меня вселенная кондитерской являлась» (IV, 3). Разными они остались и в пище.

Будучи богатым, Тимон отнюдь не отличался благоразумием или прозорливостью. Он слепо воспринимал лесть окружавших его прихлебателей и наивно верил им. Апемант прав, что он сам накликнул на себя свою беду. С точки зрения практического житейского взгляда на вещи Тимон был просто безрассуден. Но его безрассудство в чем-то было родственно безрассудству Лира, когда он был всемогущ. Тимон хотел быть хорошим человеком — не в несчастье, как Лир, а именно тогда, когда у него был «избыток», он готов был поделиться им с людьми,

тогда как Лир, как мы помним, пришел к этому, лишь пройдя через нужду и страдания. Когда люди превозносили Тимона, ему и в самом деле казалось, что они ценят его доброту. Но они это делали только для того, чтобы побуждать его к еще большей расточительности.

По своему Тимон переживает трагедию доверия. Будучи человеком склонным к крайностям (Апемант метко определяет его характер, говоря: «Ты в жизни никогда не знал золотой середины, тебе ведомы лишь крайности»; IV, 3), прозрев, он теперь становится врагом людей. Переворот, происходящий в его сознании, противоположен тому, который пережил Лир. Тот вначале был безразличен к людям и жил только сознанием величия своей личности. Тимон видел свое величие в том, чтобы оказывать благодеяния другим. Прозревший Лир проникается самозабвенной любовью к страждущему человечеству. Прозревший Тимон обуреваем ненавистью по отношению к всеобщей порочности людей. Лир считал, что «нет в мире виноватых». Он понял чудовищные противоречия общества, основанного на неравенстве, где неправедный судит невинного. Тимон не захотел в этом разбираться. Он осудил всех людей без исключения, считая каждого человека морально ответственным за то, что он не сопротивлялся злу.

Тимон ненавидит человечество, ибо оно изменило своей человеческой природе, и в этом его отличие от Апеманта, считающего, что люди верны своей природе, ведя себя как звери и пожирая друг друга.

Мизантропия Тимона критика иногда отождествляет с позицией самого Шекспира. Великий драматург в результате горестных наблюдений над ужасами жизни пришел будто бы к такому же человеко-ненавистничеству, как и его герой. Действительно, как и тогда, когда мы читаем «Гамлета», трагедия «Тимон Афинский» вызывает у нас ощущение того, что гневные речи Тимона так же близки духу Шекспира, как и раздумья датского принца, но в обеих трагедиях Шекспир никогда не сливается полностью со своим героем. Несомненно, что все сказанное Тимonom о пороках общества, одержимого стремлением к выгоде, выражает взгляд самого Шекспира. Но это не означает, что великий гуманист отказался от своей веры в человека. Шекспира отделяет от Тимона то, что он видит и людей, не поддавшихся всеобщему растлению. В этом смысле полна глубочайшей значительности фигура дворецкого Флавия. В то время как все другие приходили в лес к Тимону в надежде поживиться найденным им сокровищем, Флавий пришел к Тимону из любви к нему. Его привело сюда бескорыстное, чистое, человеческое чувство. Мы не можем не обратить внимания также и на то, что единственный персонаж трагедии, проявивший подлинную человечность,— это простой слуга, человек из народа. Вспомнить об этом не лишне в связи с тем, что «Тимону Афинскому» предшествовала трагедия «Кориолан», давшая повод утверждать, будто Шекспир с презрением и враждебностью относился к народу.

С другой стороны, мы не станем отрицать того, что отношение Флавия к Тимону — последний остаток прежних патриархальных отношений между «естественным повелителем» и слугой. Но реально Флавий также живет в мире, где эти патриархальные отношения вконец разрушены. Он тоже отдельная, обособленная от других личность. И все же он не поддался всеобщей нравственной порче.

Искренность и бескорыстие Флавия глубоко трогают Тимона. Он молит богов простить ему поспешность, с которой он «осудил весь мир без исключения»:

«Есть честный человек, я признаю,
Но лишь один — не ошибитесь, боги,—
Единственный! И тот всего — слуга» (IV, 3).

И все же даже Флавий не примиряет Тимона с человечеством. Он гонит его от себя. Почему? Потому что непреклонен в своей ненависти к злу и не хочет, чтобы добрые люди, существующие как исключение, мешали ему видеть, что зло сильнее их и царит над большинством человечества.

Тимон умирает непримиренным, завещая людям лишь проклятие, но этим трагедия не завершается.

В идейном замысле «Тимона Афинского» немалую роль играет вторая линия действия, связанная с Алкивиадом. Он тоже пострадал от несправедливости. Прежние заслуги не спасли его от изгнания. Ненависть к обидчикам овладела им, но она не приняла форму вражды ко всему человечеству.

Тимон сродни философствующим героям Шекспира — Бруту, Гамлету, Лиру. Алкивиад — человек действия. Он в этой пьесе выполняет функцию Фортинбраса («Гамлет»). Его фигура, однако, более выразительна, чем образ норвежского принца, который остается лишь бледной тенью, тогда как характер Алкивиада представлен весьма рельефно.

Он отнюдь не рыцарь без упрека, но, не будучи идеальным, он живой человек, в котором лучшие начала сильнее дурных. Если его конфликт с Афинским государством начался с личной обиды, то, вступив в борьбу из жажды мести, Алкивиад под конец становится тем человеком, который посредством силы восстанавливает хотя бы относительное равновесие добра и зла в обществе. Он воплощает мужественный и воинственный гуманизм, не боящийся прибегнуть к насилию для восстановления справедливости.

Победившему Алкивиаду, заставившему покорно склониться сенаторов, сообщают весть о смерти Тимона и эпитафию, которую тот сам начертал на своей могиле. В ней говорится о ненависти Тимона к миру и людям, но Алкивиад единственный, кто понимает, что мизантропия Тимона имела своим источником высокое представление о том, каким человек должен быть, и вместе с тем мы слышим из уст Алкивиада мысль о том, что война всех против всех, царящая в обществе, должна смениться миром и социальной гармонией. Если это может быть достигнуто только насильем над людьми, изменившими своей природе, пусть хоть это средство поможет благородным целям:

«Пускай война рождает мир, а мир,
Войну смирив, отныне будет свят» (V, 4).

Эти заключительные слова старинной трагедии неожиданным образом протягивают прямую нить от Шекспира к нашему времени, отвечая мыслям и стремлениям большей и лучшей части современного человечества, стремящейся к тому, чтобы изгнать из жизни все то, что делало людей врагами друг другу, и, уничтожив все звериное, сделать жизнь достойной человека, а человека достойным своего благородного званья.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ТИМОНА АФИНСКОГО»

Стр. 413. Когда же выйдет ваша книга в свет? — Да вслед за тем как поднесу ее. — Поэт хочет напечатать свою книгу на средства Тимона. В шекспировской Англии поэты обычно получали от меценатов денежный подарок за посвящение им своих произведений.

Стр. 421. ...вышибить мозги... что невозможно сделать...— по причине отсутствия в голове этого человека мозгов.

Стр. 440. Варрон, здорово! и дальше: Исидор? — Шекспир иногда наделает слуг именами их господ.

Стр. 444. «Коринф» — название веселого заведения, которое содержит жена шута.

Хотел бы я иметь во рту прут, чтобы ответить тебе назидательно.— Прут — вместо языка, чтобы стегнуть им хорошенько.

Стр. 452. Вот тебе три солидара...— Солидар — вымышленное Шекспиром название афинской монеты.

Стр. 467. ...и в Византии...— один из анахронизмов Шекспира.

Стр. 473. Кушанья сегодня у всех будут одинаковы с.— На званых обедах гостям иногда подавались различные кушанья, в зависимости от их ранга.

Стр. 486. ...Красьте лица гуще, чтоб лошади на ваших щечках вязли — то есть чтобы они вязли, как в жидкой грязи, в румянах, покрывающих щеки.

Стр. 488. Гиперион — одно из наименований бога солнца Фэба-Аполлона.

Стр. 494. Был бы ты единорогом, тебя погубили бы гордость и бешенство...— Ловля сказочного зверя единорога происходила будто бы так: охотник, раздражив единорога, прятался за деревом, и тогда взбешенный зверь вонзал свой рог в дерево с такой силой, что потом уже не мог его вынуть, и охотники могли взять его без труда.

...пятна этого родства...— пятна на шкуре леопарда.

Стр. 499. И океан ворует: растворяя луну в потоке слез своих соленых, он жидкостью питается ее.— Существовало мнение, что действие моря на луну вызывает на ней соленую росу, которая затем падает в море и увеличивает этим его объем.

«ПЕРИКЛ»

Когда после всего цикла драм от «Ричарда III» до «Тимона Афинского» читатель переходит к «Периклу», то он испытывает ощущение, что данная пьеса не принадлежит перу Шекспира. Как первый, так и второй акты пьесы совсем не похожи на то, с чем мы привыкли встречаться у Шекспира. Даже при знакомстве с пьесой в переводе, обычно сглаживающем стилистические особенности оригинала, такое ощущение возникает у всякого вдумчивого читателя, а при чтении «Перикла» в подлиннике с еще большей несомненностью обнаруживаются отличия от того, к чему мы привыкли в других произведениях нашего автора.

Но уже в третьем акте мы совершенно явственно слышим голос Шекспира и узнаем его манеру речи. Постепенно мы начинаем чувствовать, что перед нами подлинный Шекспир. Остается только чувство, что по сюжету и драматургической конструкции эта пьеса все же непохожа на другие произведения зрелой поры творчества Шекспира.

Для того чтобы фактическая сторона была ясна читателю, напомним, что Хеминг и Конделл не включили «Перикла» в фоллио 1623 г., хотя они утверждали, что изданный им том содержал все написанное Шекспиром. С другой стороны, известно, что пьеса была опубликована впервые еще при жизни Шекспира, в 1609 г., и на титульном листе указывалось, что она «много раз и в разное время игралась слугами его вели-

чества в театре «Глобус». На титульном листе также полностью было обозначено имя Шекспира как автора пьесы. Она еще два раза была переиздана при жизни Шекспира (1609, 1611) и три раза после его смерти (1619, 1630, 1635). Наконец, в 1664 г. в третьем издании фолио (во втором его выпуске) она была включена в собрание сочинений наряду с некоторыми другими пьесами, приписанными Шекспиру.

Таким образом, если Хеминг и Конделл по неизвестной нам причине не включили «Перикла» в свое собрание, то, с другой стороны, прижизненные издания пьесы являются достаточно веским аргументом в пользу ее принадлежности Шекспиру, если не целиком, то хотя бы частично. Об этом говорит также то, что пьеса игралась труппой, к которой принадлежал Шекспир, и шла на сцене театра «Глобус».

Было время, когда некоторые критики полностью отвергали принадлежность «Перикла» Шекспиру. Позже утвердилось мнение, что пьеса является шекспировской частично. Этой точки зрения придерживалось большинство исследователей в XIX в. Установлено, что в 1608 г. некий Джордж Уилкинс опубликовал повесть «Печальные приключения Перикла, принца Тирского». При этом в подзаголовке было добавлено, что книга является «Подлинной историей пьесы о Перикле, как она была недавно представлена достойным и древним поэтом Джоном Гауэром». Содержание повести соответствует сюжету пьесы. Но в данном случае перед нами не произведение, послужившее источником для пьесы, а, наоборот, повесть, для которой пьеса была источником.

В связи с этим возникло довольно правдоподобное предположение о том, что Джордж Уилкинс был, возможно, автором первого варианта пьесы, которую он предложил шекспировской труппе, но Шекспир эту пьесу переделал, оставив, по-видимому, нетронутыми первые два акта.

Я уже сказал, что первые два акта не производят впечатления шекспировских. И все же вполне возможно, что это впечатление является ошибочным. Писатель такого широкого диапазона, как Шекспир, мог, конечно, писать в любом стиле.

За последние годы все чаще раздаются голоса в пользу того, что «Перикл» был написан Шекспиром. В частности, такого мнения придерживается Ч. Дж. Сиссон. «Пьеса,— пишет он,— является цельной и принадлежит Шекспиру, в чьем доме было много разных палат». Он же рассказывает, что недавняя постановка «Перикла» в Стретфорде, в которой был опущен первый акт, произвела большое впечатление на зрителей, включая и присутствовавших на спектакле шекспироведов. Поскольку лучшей проверкой всякой пьесы является ее сценическое воплощение, это свидетельство театральной эффективности «Перикла» нельзя не принимать в расчет. Вполне убедительно и другое соображение Сиссона, а именно, что «отрицание авторства Шекспира и попытка распределить авторство пьесы между различными авторами порождает гораздо больше неразрешимых проблем, чем признание авторства самого Шекспира». Три следующие пьесы — «Цимбелин», «Зимняя сказка» и «Буря» — тоже существенно отличаются от предшествующих пьес Шекспира. Правда, здесь стиль автора не вызывает сомнений и почерк Шекспира узнается без труда, но тем не менее по характеру содержания и драматургической композиции эти пьесы, как и «Перикл», непохожи на все, что Шекспир писал до того.

Нам удастся преодолеть представление об этой пьесе как нешекспировской, если мы сразу же поймем, что, создавая это произведение, драматург вступил на новый путь. Если мы при этом еще откажемся от мысли, что каждое следующее произведение Шекспира должно по своим художественным качествам превосходить предыдущие, это тоже поможет нам вернее понять данное произведение. Естественно предпо-

ложить, что, обращаясь к новому жанру, Шекспир не сразу достиг в нем большого мастерства. Нельзя не вспомнить в данном случае мнения польского ученого Романа Дибоского о том, что творческий путь Шекспира отнюдь не представлял собой прямой поступательной линии развития, а характеризовался перемежающимися периодами подъема и спада. «Перикл», во всяком случае, подтверждает такое мнение.

Эта пьеса отличается от предшествующих тем, что здесь нет ни шекспировского мастерства в раскрытии сложностей душевной жизни, нет и характеров, которые могли бы быть поставлены на один уровень с Гамлетом, Отелло или Макбетом. При всем желании трудно извлечь из этого произведения значительные социально-философские проблемы. Столь же несомненно, что композиция пьесы лишена того подлинного драматизма, который присущ лучшим из произведений Шекспира.

Автор пьесы как бы возвращается к принципам построения действия, характерным для начального периода английской драмы эпохи Возрождения. В основу сюжета положен не драматический, а эпический сюжет. Перед нами история злоключений героя, распадающаяся на ряд отдельных, почти не связанных друг с другом эпизодов.

Романтическая история Перикла была слишком обширна, чтобы ее можно было всю представить на сцене. Автор поэтому прибегнул к помощи пролога — актера, знакомящего публику с событиями, которые нельзя было изобразить. Роль пролога возложена на английского поэта XIV в. Гауэра. Гауэр был выбран потому, что он был автором, впервые рассказавшим историю Перикла на английском языке в своей поэме «Исповедь влюбленного». Но Шекспир, по-видимому, пользовался также в качестве источника сюжета прозаическим пересказом этой истории в книге Лоренса Туэйна («Образцы печальных приключений» (2-е изд., 1607 г.).

На протяжении всего действия Гауэр выступает как рассказчик и комментатор происшествий. Его речи написаны стихом, не похожим на обычные шекспировские стихи. Он говорит рифмованными стихами в старинной манере. Речь его изобилует словами, являвшимися архаичными уже в шекспировскую эпоху. В частности, именно речи Гауэра создают впечатление того, что перед нами не шекспировский текст. Но нетрудно представить себе, что Шекспир мог прибегнуть к стилизации, для того чтобы сделать фигуру Гауэра более достоверной. Если подойти к образу Гауэра с точки зрения художественной правдивости, то при всем том, что его монологи кажутся наивными, в этом следует видеть не незрелость автора, написавшего их, а сознательный прием. Ведь Шекспир не раз прибегал к тому, что включал в текст своих пьес речи, написанные в манере, отличающейся от его обычного стиля. Вспомним, например, пьесу «Убийство Гонзаго», которую играют заезжие актеры при дворе Клавдия в трагедии «Гамлет». Кто читал эту сцену в подлиннике, тот легко согласится с тем, что Шекспир иногда нарочно менял стиль речи, желая подчеркнуть условность и театральность определенных персонажей. Гауэр говорит языком, отличающимся от языка персонажей «Перикла», и это выделяет его, как условную театральную фигуру, среди остальных действующих лиц, которые должны производить на зрителя впечатление реальных людей. Это тот же самый прием, который был применен Шекспиром в «Гамлете».

Надо, однако, отметить, что на протяжении пьесы стилевое разграничение речей Гауэра от речей других персонажей выдержано не полностью. Так, например, во второй половине пьесы Гауэр иногда переходит с четырехстопного рифмованного ямба на нерифмованный пятистопный белый стих (III, 1), или на рифмованный пятистопный стих с парными рифмами (IV, 1), или, наконец, на пятистопник с перекрестной рифмой (abab, в начале V акта).

Это разнообразие может подать повод для предположения, что все речи, написанные четырехстопником, не шекспировские, а те, которые написаны пятистопником, — шекспировские. Думается, однако, что если мы считаем разнообразие стиля одним из качеств Шекспира вообще, то и в данном случае различия между речами Гауэрра отнюдь не обязательно означают, что в каждом отдельном случае следует искать иного автора, чем Шекспир.

В XIX в. критики, утверждавшие особую моральность Шекспира, отказывались считать его автором сцен в публичном доме (IV, 2; IV, 6). Особенно настаивали на этом английские шекспироведы «викторианского» периода, считая, что «сладостный лебедь Эйвола» не мог написать сальных речей и выражений, встречающихся в этой сцене.

Современные шекспироведы, свободные от моральных предрассудков и лицемерия «викторианского» периода, несколько не сомневаются в принадлежности этих сцен Шекспиру. Сопоставляя их с тем, что мы знаем о Шекспире по другим его пьесам, легко убедиться в том, что эти эпизоды написаны с подлинно шекспировским реализмом, как и все эпизоды его трагедий, комедий и хроник, где изображаются низшие слои общества. Ясно всего принадлежность этих сцен Шекспиру обнаруживается при сопоставлении их с эпизодами в трагедии «Кабанья голова» во 2-й части «Генриха IV» (II, 1 и особенно II, 4).

С другой стороны, мы также узнаем Шекспира в поэтических речах Перикла, Геликана, Тансы, Марины, Лизимаха, Дианы и других персонажей пьесы. Сочетание возвышенного и низменного, реализма и романтики, как известно, всегда было присуще Шекспиру, и «Перикл» в этом отношении не отличается от других пьес Шекспира, где его авторство является неоспоримым.

«Перикл», однако, отличается от других произведений тем, что романтическое здесь решительно преобладает над реальным. Пьеса в целом производит впечатление сказки. Хотя мы встречаем в ней вполне жизненные мотивы злости, зависти, жестокости, продажности, но все они не раскрываются Шекспиром с такой тщательностью, как мы это видели в трагедиях третьего периода. Там Шекспир был погружен в исследование корней зла и раскрывал перед нами всю сложную механику противоречий жизни. Здесь эти мотивы только называются и обозначаются чисто внешним образом как поводы и причины бедствий героя.

Концепция проявления зла в «Перикле» довольно большая. Однако не трудно увидеть, во-первых, что зло возникает как ряд случайностей, встречающихся на пути героя или других персонажей, а во-вторых, то, что положительные персонажи ни в малейшей степени не испытывают влияния зла на своем характере. Беды и злоключения Перикла не ожесточают его. Он от начала и до конца остается благородным и прекрасным человеком, полным доброжелательства. Еще выразительнее это бессилие зла проявляется в образе Марины. Сила ее душевного благородства столь велика, что она даже оказывает нравственно очищающее воздействие на людей, преданных пороку, сама ни в малой степени не поддаваясь влиянию той низменной среды, в которую она попала.

Не трудно представить себе, что при сценическом воплощении «Перикла» зритель с какого-то момента перестанет ощущать чуждость и даже примитивность драматургической формы «Перикла» и будет хотя бы в некоторой степени увлечен стремительным ходом событий, смелой разнообразных эпизодов. При чтении тот же эффект производит поэзия пьесы, которую мы начинаем постепенно воспринимать, поддаваясь ее обаянию. И тогда совершенная нереалистичность всего происходящего перестает нас смущать. Мы проникаемся сознанием того, что это сказка.

Но в этой сказке рядом с невероятными случайностями много проблем самой доподлинной жизненной правды. Правда жизни дает себя знать в том дурном и отвратительном, что предстает перед нами в пьесе. Ей Шекспир противопоставляет другую правду — истину человеческого благородства, нравственной чистоты, прекрасных чувств, выдерживающих любое испытание.

«Перикл» знаменует поворот в творчестве Шекспира. С этой пьесы начинается новый, последний период его драматической деятельности. По сравнению с трагедиями поворот в шекспировском мировосприятии сказывается в том, что пьеса пропикнута идеей непобедимости лучших начал жизни. В ней утверждается мысль, что, как ни много зла в жизни, добро сильнее его, ибо коренится в самой природе человека.

Когда-то в романтических комедиях первого и второго периода герои Шекспира находили спасение от бед цивилизации на лоне природы. В «Перикле» природа равно творит добро и зло. Воплощением ее является морская стихия. Перикл все время плавает по волнам, и кроме житейских бурь он переживает бури на море. Море, по которому он плавает, бросает его в разные стороны. Это имеет символический смысл: Перикл одновременно носится по волнам житейского моря и по волнам моря настоящего, то оказываясь на гребне волны, то низвергаясь вниз. В этом неустойчивом мире есть только один устойчивый элемент — человеческая душа. Если она предана добру, то это должно вывести ее обладателя из всех бедствий и страданий к солнцу человеческого счастья.

Сила добра в самом человеке. Его сердце, его ум, его преданность благородным началам нравственности и его знания — вот что является единственным источником возможного обновления жизни, средствами к победе над злом. Эта мысль выражена врачом Церимом:

«Всегда ценил я ум и добродетель
Превыше знатности и состоянья:
Беспечные наследники и знатность
Позорят и богатство расточают,
А ум и добродетель человека
Бога бессмертным могут уподобить» (III, 2).

Для того чтобы победить зло, существующее в жизни, Церимом обратился к науке, ибо она должна дать в руки человека средства достижения благополучия и счастья. Для этого надо познать природу. Однако природа содержит в себе равно как возможности добра, так и зла. Церимом говорит о том, что природа является источником потрясений жизни, но она же содержит и средства от них. (Ср. с монологом Лоренцо в «Ромео и Джульетте», II, 3). Чудесное исцеление Таисы, осуществляемое им, как бы наглядно подтверждает это. Природа поставила Таису на грань смерти, врачебное искусство Церимона, основанное на знании тайн природы, вернуло ей жизнь. В этом смысле «искусство» человека могущественнее природы. Эта мысль не раз встречается у Шекспира. Вполне в духе гуманистической идеологии эпохи Возрождения Шекспир утверждает здесь могущество человеческого знания. Величайшая сила жизни не в самой природе, а в способности человека заставить природу служить его целям и потребностям.

Если в период создания трагедий внимание Шекспира было сосредоточено на познании тех причин, которые делают зло таким могущественным, то, начиная с «Перикла», он обращается к поискам тех животворных начал, которые могут принести победу добру.

Мы не скажем, что художественное воплощение этой идеи дано в «Перикле» с несокрушимой убедительностью жизненной логики. Едва ли

можно утверждать, что в данной пьесе Шекспир искал эту логику. Он только хотел выявить тот непреложный факт, что в море житейских бед и страданий человек может остаться верен себе, истинной нравственности, сохранить преданность лучшим идеалам гуманности. Может быть, нельзя доказать, что добро должно победить. Но если этого нельзя доказать, то Шекспир, создавая «Перикла», хочет в это верить. Этой верой он стремится заразить тех, к кому обращено его произведение.

Зло можно истребить. Хотя человек способен сбиться с пути добра, но от него самого зависит отдаться ли злу или стать на стезю подлинной нравственности. Люди, обладающие чистой душой и незапятнанной совестью, могут оказать благоприятное воздействие на других. Когда испробованы все средства убедить Марину, чтобы она стала проституткой, и все уловки оказались бесплодными, сводня решает прибегнуть к насилию. Она предоставляет Марину вышнубале своего публичного дома, разрешая ему делать с ней что угодно. Но даже на этого законченного в зле человека Марина оказывает нравственно очищающее воздействие своими речами. Эти сцены, пожалуй, являются центральными в пьесе, ибо здесь непосредственно изображено столкновение добра и зла, добродетели и порока. Это столкновение завершается торжеством душевной чистоты Марины.

Через всю драму проходит мысль о том, что добрые начала жизни побеждают зло, и, чтобы в этом не было сомнений, в эпилоге выражается «мораль» пьесы с ясностью, не оставляющей места для сомнений. Именно это обстоятельство лишний раз заставляет задуматься над тем, Шекспир ли написал все это. Ведь мы видели, что поучение менее всего было свойственно ему. Не является ли в таком случае финал «Перикла» основанием для того, чтобы все же отвергнуть авторство Шекспира?

«Перикл» — произведение переломное для Шекспира.

Если не требовать от Шекспира всякий раз художественного совершенства, а видеть в нем писателя, подверженного тем же законам, что и другие художники слова, то есть писателя, не всегда ровного, тогда мы найдем место для «Перикла» в творческой эволюции Шекспира. Мы признаем, что «Перикл» значительно уступает в художественной силе шедеврам Шекспира, но вместе с тем, смотря на это произведение без предубеждения, увидим в нем великого художника в состоянии поисков новых путей, и тогда эта пьеса привлечет наше внимание, хотя бы ради той ясности, с какой она обнаруживает идейные искания автора.

Новая идейная направленность Шекспира, отошедшего от трагического мировосприятия, в «Перикле» уже определилась. Наметилась и новая художественная форма. Однако Шекспир еще не в полной мере овладел ею. Ни в одной из драм Шекспира повествовательный элемент не доминирует в такой степени, как в «Перикле». Вся пьеса представляет собой как бы рассказ Гауэра, прерывающего речь для того, чтобы дать возможность актерам наглядно изобразить самые драматичные эпизоды в судьбах героев. Затем рассказ возобновляется и снова прерывается иллюстративным эпизодом. Рассматривая композицию «Перикла» под таким углом зрения, мы должны будем признать, что драматическая конструкция пьесы имеет свой стержень, определяющий ее единство. Однако обнаженность драматической конструкции свидетельствует о ее художественном несовершенстве. «Перикл» — первенец новой творческой манеры великого драматурга. Отсюда недостатки этого произведения, поражающие нас сочетанием зрелого шекспировского стиха с наивностью драматургической композиции.

Если многое в этой пьесе кажется не шекспировским, то это потому, что Шекспир и в самом деле писал это произведение в манере, не свой-

ственной ему. Если несомненным шедеврам трагического периода от «Гамлета» до «Антония и Клеопатры» присуща монолитность и Шекспира мы узнаем как в композиции целого, так и в деталях, то здесь нет той цельности замысла, которая характеризует зрелые творения Шекспира. В «Перикле» только местами вспыхивают искры шекспировского гения, тогда как в целом пьеса едва ли доставит эстетическое наслаждение читателям и зрителям нашего времени.

Современники иначе отнеслись к этой пьесе, чем последующие поколения. Дух романтики был жив в эпоху Шекспира. Публику лондонских театров того времени «Перикл» увлек. О популярности пьесы можно судить по количеству ее изданий. «Макбет» и «Отелло» такого количества изданий не имели. То, что Уилкинс даже написал повесть на сюжет «Перикла», также свидетельствует об интересе современников Шекспира к подобным историям.

Начиная примерно с 1607 г. в английском театре эпохи Возрождения начал утверждаться новый жанр — трагикомедия. Своей популярностью эта разновидность пьес была в значительной мере обязана младшим современникам Шекспира — Бомонту и Флетчеру. Своим «Периклом» Шекспир также внес вклад в развитие нового жанра и продолжил деятельность в этом направлении своими следующими пьесами, завершившими его творческий путь.

Вкусы меняются. Я не хочу убеждать читателя, что «Перикл» хорошая пьеса. Мне самому как читателю в ней нравятся только несколько сцен, те, в которых есть неприкрашенная жизненная правда. Богатых многосторонними чертами характеров в пьесе нет, но образы Перикла, Марины и Церимона очень выразительны и рельефны, так же как написанные в фальстафской манере фигуры Пандара, хозяйки публичного дома и вышибалы.

Мы не раз сталкивались у Шекспира с тем, что отдельные произведения как бы превосходят мотивы последующих драм. Так было, например, в начальный период его творчества, когда в «Духх верондах» воплотился ряд тем, получивших впоследствии разработку в других комедиях «романтического» типа. Точно так же в начале последнего периода творчества Шекспир в «Перикле» затронул ряд тем, к которым еще раз вернулся в написанных после этого драмах. Соединение супругов после долгой разлуки, правда, обусловленной разными причинами, мы находим также и в «Зимней сказке» (Леонт и Гермiona). В обеих пьесах сходным является мотив нахождения утраченной дочери. Эта тема является также общей для «Перикла» и «Цимбелина». Таким образом, не только идейная направленность, но и отдельные сюжетные мотивы «Перикла» теснейшим образом связаны с другими пьесами, написанными Шекспиром в последние годы творческой деятельности.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ПЕРИКЛА»

Стр. 525. Луцина — древнеримская богиня родов, отождествляемая одними мифографиями с Юноной, другими — с Дианой.

Геспериды (греч. миф.). — В их саду, находившемся на «счастливых островах» на далеком западе, росли золотые яблоки, которые охранял огнедышащий дракон. Последний из двенадцати подвигов Геракла состоял в том, что он добыл эти яблоки.

Стр. 535. ...разумный человек был тот, кто на вопрос, чего бы он хотел от царя, ответил, что не

хотел бы знать ни одной из царских тайн.— По-видимому, анекдот этот заимствован из сборника повелел Барнеби Рича «Прощание с военным ремеслом», где подобный ответ дает поэт Филипп царю Лизимаху.

Стр. 573. ...музыканты наши играют пусть пропзительно и скорбно.— Можно предположить, что музыка (действуя паподобие заклинаний) имеет в таких случаях цель призвать бога врачевания Эскулапа. Возможно, что вместо «пропзительно» («rough») надо читать: «slow» («медленно») или «soft» («нежно»).

Стр. 588. Вероль (vérole) — по-французски значит лярс.

Стр. 592. Г а р и и (греко-римск. миф.) — наполовину женщины, наполовину птицы, отличавшиеся крайней жестокостью.

Стр. 594. Фетида, этой крестницей гордьясь...— Фетида (греч. миф.) — богиня моря, порогу «рожденная морем» Марина — ее дочь или «крестница».

Стр. 607. Марина поет.— Песня Марины приводится у Туайпа и (с небольшими отклонениями) у Уилкинса. Можно думать, что та же песня исполнялась на представлениях драмы. Приводим текст ее в дословном прозаическом переводе: «Я живу среди распутниц, но сама распутницей не стала: роза растет в терновнике, но неуязвима для терний. Разбойник, похитивший меня, наверно, давно погиб. Сводя купила меня, но я не осквернила себя плотским грехом. Для меня не было бы ничего отраднее, как узнать моих родителей. Я отпрыск царя, и кровь во мне царская. Надеюсь, что господь изменит мое положение и пошлет мне лучших лиц. Перестаньте плакать, воспряните духом и прогоните тоску; исполнитесь радостью, глядите веселее, ибо жив бог, создавший из ничего небо и землю. Он не допустит, чтобы вы провели всю жизнь в тоске и печали, и все понапрасну».

Стр. 620. Да станет он по воле неба новою звездою! — По представлениям древних греков и римлян, души особенно доблестных и добродетельных людей после их смерти боги иногда превращали в звезды.

«ЦИМБЕЛИН»

Пьеса была в первый раз напечатана в фолно 1623 г. Текст ее дошел до нас в плохом состоянии. Многие места производят впечатление недоработанности, что побуждает некоторых критиков считать этот текст скорее наброском, чем вполне законченной пьесой.

Сомнение в принадлежности Шекспиру вызывает у многих исследователей «индиген» в сцене V, 4, похожее на вставку, сделанную другим автором для какого-нибудь придворного спектакля, где такие пышные аллегории весьма ценились.

Для точной датировки пьесы мы не располагаем достаточными данными. Сохранилась запись от 15 мая 1611 г. некоего доктора Формена, который отмечает, что он был на представлении «Зимней сказки» в театре «Глобус», добавляя при этом, что он видел там также «Цимбелина», но не указывает даты представления второй пьесы. Хотя некоторые критики считают этот документ подделкой, большинство исследователей признают их подлинность.

По своему стилю и общему характеру пьеса близка к «Периклу», «Зимней сказке» и «Буре», относящимся к последним годам творчества Шекспира. Находят также черты влияния «Цимбелина» на пьесу Бомонта и Флетчера «Филастр», возникшую примерно в 1610—1611 гг. Все это в соединении с некоторыми метрическими данными заставляет критиков предположительно датировать «Цимбелина» 1609 — 1610 О ранних

постановках пьесы, не считая упомянутой записи Формена, сведений не сохранилось.

Сюжет комедии чрезвычайно сложен и представляет собой свободное соединение весьма разнородных материалов. Источником для исторической рамки Шекспиру послужили «Хроники» Холиншеда (2-е изд., 1587 г., кн. III, гл. 17—18), откуда взяты имена самого короля (у Холиншеда — Кунобелин) и двух его сыновей. Но образы Постума, Клотена и злой королевы добавлены Шекспиром. Из других мест той же хроники заимствованы кое-какие детали — например, имя Имогены или рассказ Постума о перипетиях битвы с римлянами. Этим, однако, исторический колорит пьесы исчерпывается, если не считать того, что действующие лица, как и в «Короле Лире», клянутся языческими богами. В эту условно-историческую рамку Шекспир вставил сюжет частью фольклорного, частью новеллистического характера, насытив его чертами нравов современного ему общества.

Оставив в стороне множество осложняющих фабулу деталей (почерпнутых из Овидия, Плутарха, предшествующих английских драматургов и т. д.), в пьесе можно различить две основные темы: историю оклеветанной Имогены и судьбу двух сыновей Цимбелина, воспитанных в лесной глуши, включая счастливую встречу их с сестрой.

Первая из них — вариант широко распространенного в средневековой и ренессансной литературе рассказа о верной жене и дерзко посягнувшем на ее честь наглеце. Наиболее известная форма этого сказания представлена 9-й новеллой II дня «Декамерона» Боккаччо, где рассказывается о том, как Бернабо из Генуи, обманутый Амброджоло, теряет свое состояние, на которое побился об заклад, и, чтобы отомстить жене, велит ее убить. Она, однако, спасается и в мужском платье служит у султана; открыв обманщика, она направляет Бернабо в Александрию, где обманщик наказан, а сама снова надевает женское платье и, разбогатев, возвращается с мужем в Геную. По-видимому, эта новелла Боккаччо и послужила прямым источником Шекспиру, который в обработке ее проявил значительную свободу. Главное из его отклонений заключается в том, что им совершенно отброшен момент разорения и обогащения основных персонажей и все внимание сосредоточено на анализе их переживаний. Однако кроме «Декамерона» Шекспир был, вероятно, знаком с некоторыми другими, по-видимому французскими, версиями этого сюжета, откуда он почерпнул кое-какие детали, как, например, изображение представителей четырех национальностей (I, 4).

Вторая тема — явно фольклорного происхождения. В известной сказке о Белоснежке рассказывается, как один король, вторично женившись на чрезвычайно красивой, но весьма гордой и жестокой женщине, предоставил ее попечению свою маленькую дочь от первого брака. Девочка бежит от злой мачехи и попадает в пещеру, где живут добрые карлики. Они ласково принимают Белоснежку, и она остается у них, чтобы стряпать им и вести их хозяйство. Эта идиллическая жизнь на лоне природы, среди ее добрых сил прерывается мнимой смертью Белоснежки, которую, однако, оживляют.

Все это очень близко к тому, что изображено у Шекспира. Главное его отступление заключается в том, что он заменил добрых карликов двумя братьями юной героини и их воспитателем. Хотя английский вариант этой сказки до сих пор не был найден, он без сомнения существовал во времена Шекспира и послужил ему прямым источником.

Введение, с одной стороны, двух похищенных сыновей короля, с другой стороны — сына королевы от первого ее брака, Клотена, объединяет обе названные темы и придает всему сюжету известную политическую окраску.

Итак, 1) как исходный пункт, псевдоисторическая хроника Холиншеда, к которой Шекспир уже не раз обращался в поисках сюжетов («Король Лир», «Макбет» и т. д.) и которая на сей раз повествует о событиях I в. до н. э. и I в. н. э.; 2) средневековая новелла — анекдот о верной, подло оклеветанной жене; 3) патриотическая тема борьбы за национальную независимость против римлян; 4) полуновеллистическая тема порочных махинаций злой королевы, стремящейся сжить со света лучшего из вельмож государства, мужа дочери короля, как раньше она заставила бежать от двора лучшего военачальника короля Белария, уведшего с собой двух маленьких сыновей короля, чтобы воспитать их на лоне природы, в лесной глуши, в неведении зла; 5) всевозможные отклики римской мифологии, переполняющие пьесу, — таково пестрое смешение всевозможных сюжетных измышлений, волнующих и развлекательных, вполне в духе и стиле тех трагикомедий, которые начинают входить в моду около 1609 г. сначала в придворном театре, а затем, после перехода всех актерских трупп под надзор и опеку короля, и в городских лондонских труппах.

Чтобы сделать из этой причудливой рапсодии нечто лучшее, нежели мелодрама Бомонта и Флетчера, насытив ее подлинным гуманистическим содержанием, позаботились весь гений и вся поэтическая непосредственность Шекспира. Ему очень помогло при этом то, что помимо всех перечисленных выше источников он использовал еще один — на этот раз уже не книжный, а живой, — пришедший к нему из жизни и потому особенно важный и действенный. Некоторые критики отрицают этот источник, ввиду того что ему недостает «портретной» точности, близости в мельчайших деталях. Они забывают при этом, что в случаях с живым источником или образцом совпадения в деталях как раз не требуется: гораздо важнее общий характер, атмосфера, которою овеяны события, если только она действительно содержит черты специфические, имеющие «необходимое выражение».

Весной 1610 г. произошли политические события, отразившиеся в пьесе. К этому времени характер придворной жизни при первом короле из династии Стюартов значительно изменился. Надежды, вызванные началом правления Якова I (заботы о просвещении, покровительство искусству), не оправдались. Двор стал ареной либо пустейших увеселений, либо самого необузданного разврата. Единственным светлым пятном на нем оставалась Арабелла Стюарт, племянница короля. Но в качестве таковой она обладала какими-то неясными правами на престол и по этой причине состояла под строжайшим надзором. На свою беду она влюбилась в Уильяма Симора (Seymour), сына лорда Бошана, который также имел какие-то смутные претензии на трон. Яков этой близости между молодыми людьми не сочувствовал, но они не захотели быть покорными и тайно обвенчались. Тогда Яков велел арестовать обоих, но любящим удалось бежать. Однако несчастная случайность разрушила планы беглецов. Уильям счастливо скрылся на континент, но Арабелла слишком долго прождала мужа в условленном месте встречи и, пойманная посланной за ней погоней, была отвезена на родину и там умерла в заточении, сойдя с ума. Не будучи прямой аналогией, история Арабеллы Стюарт имеет черты некоторого сходства с судьбой Имогены.

Есть серьезные основания полагать, что «Цимбелин» был не с самого начала задуман Шекспиром как «трагикомедия» (или, как мы бы сказали сейчас, «мелодрама»), но что первый его набросок мыслился Шекспиром как «трагедия» (так, кстати сказать, и обозначена пьеса в первом фолио 1623 г.). Слишком выразительна в этом отношении переключка первых сцен пьесы с экспозициями «Гамлета», «Короля Лира» и «Тимона Афинского», характеризующими моральную обстановку во дворце или

в среде древнегреческого патрициата. Лишь постепенно и неслучайно акцентируются жизнерадостные или, скажем, примирительные тона, пока они не прозвучат с полной силой в сценах «лесной идиллии» Белария и двух юных принцев. Но еще долго зловещие и мрачные интонации (например, в роли королевы, слишком поздно и без достаточной мотивировки готовящей яд для Цимбелина) слышатся в пьесе с большей силой и ожесточением, чем это допускалось канонам трагикомедии.

Одна роль как в «трагедийном», так и в «трагикомедийном» плане резко выделяется среди остальных как своей человеческой значительностью, так и глубиной своей разработки: это — Имогена, любимица многих патентованных и непатентованных шекспиристов (как, например, Стендала, положительно влюбленного в этот действительно преступный образ). В этой редакции сказания об испытании верной жены и посрамлении наглого хулигана, какую избрал Шекспир, унижен и наказан до некоторой степени и муж красавицы. Можно думать, что эта черта наложила печать и на характер Имогены, взятый в целом.

Здесь Шекспир, чтобы иметь возможность резко противопоставить чистоту наглости, показать их решающую схватку, не довольствуется подкупом одной женщины, к которому прибегает негодяй, чтобы проникнуть в спальню Имогены, но показывает его попытки обольстить ее. Когда Якимо уверяет Имогену в измене ей Постума, Имогена отвергает эту низкую клевету, уже показывая таким образом свое нравственное превосходство. Она — натура сильная, и ее характер определяется не одной лишь любовью и преданностью (подобно Геро в «Много шума из ничего», Дездемоне или Гермионе). Она столь же горда и решительна, как и смела. Она не боится смерти (в Мильфорде), даже жаждет ее, узнав, что муж усомнился в ее моральной стойкости. Она не боится своей злой мачехи, спорит с отцом, отстаивая свое право любить Постума. Кажется, что Шекспир для ее образа заимствовал некоторые краски у чуть-чуть строптивых и задорных, умеющих постоять за себя героинь своих ранних комедий, как Розалинда, Беатриче, Порция, Виола.

Несмотря на исключительное внимание, которое Шекспир уделил Имогене, нельзя все же сказать, что ее образ заслоняет другие образы пьесы, заполняя все действие. Судьба героини связана с двумя противопоставленными друг другу мирами. С одной стороны, это двор, являющийся, как и в «Гамлете», средоточием всякой пизизии и морального падения. Тон здесь задает развратная и гнусная королева, под неограниченным влиянием которой находится вовсе не преступный, но крайне слабохарактерный и морально неполноценный король. Украшение двора и любимец царственных супругов, не знающий преград своей воле и своим низким выдумкам, — сын королевы от первого брака Клотен, самое имя которого, явно смысловое (clot — «комок, глыба земли»), в достаточной мере свидетельствует о его тупости и распутстве.

Но постепенно, и чем дальше, тем отчетливее, вырисовывается второй центр действия, противоположный двору, — лесная глушь, приют Белария и его двух питомцев, где все дышит чистотой и безмятежным спокойствием. Изображенная здесь лесная идиллия многими чертами напоминает пастораль «Как вам это понравится». Задуманное первоначально как месть оскорбленному Белария королю похищение юных принцев оказалось для них благодеянием, ибо, не зная о своем королевском происхождении, воспитанные на лоне природы, принцы морально оказались выше, чем они были бы, живя во дворце. Недаром в решающей схватке с римлянами они выступают спасителями отечества.

Подобно идиллической жизни изгнанников в Арденском лесу («Как вам это понравится»), здесь нет денег: все нужное для жизни доставляет

охота. Старшие делятся опытом жизни с младшими. Законы здесь не имеют цены, и ссылки на «исторические» права Клотена вызвали бы презрительный смех. Даже религия, если ее понимать как «преданье», а не как «естественное откровение природы», утрачивает здесь всякий смысл. Утренний привет заре, солнцу, которое все питает,— вот и весь известный живущим здесь ритуал. Нет никаких похоронных обрядов. Краткое задушевное прощание, цветы, брошенные на гроб как пожелание вечного покоя,— вот и все (IV, 2); ни слова о воскресении, о загробной встрече, просто уход из жизни и посмертное растворение в природе, как более живая и глубокая, чем наша, жизнь. На этой части пьесы, как бы превосходящей идеи Руссо, автор особенно охотно задерживается. Читатель видит перед собой живых людей, а не штампы пастушеской поэзии античности или Возрождения. Но вместо веселой выпивки и задорных песен старой пасторали Шекспира лесное уединение «Цимбелина», подобно «Тимону Афинскому», хранит в себе привкус «мировой скорби». Ненависть к порочному двору таит в себе пелюбовь ко всему человечеству. Тут нет шутов, влюбленных крестьянок и стихов, развешанных на деревьях. Беларий воспитывает юношей в презрении к земным благам. Он учит их понимать неблагодарность мира, от которой когда-то бежал в лесную глушь. И ненависть ко двору переходит у него (как в «Тимоне») в ненависть ко всему человечеству. Но счастье при виде доблести воспитанников смягчает это чувство и несколько примиряет Белария с жизнью.

Здесь находит приют Имогена. Здесь добрые образуют пестрый союз, своего рода братство. Воодушевленная этим чувством, Имогена в ответ на ласковое предложение Арвирага, называющего ее «братом», остаться у них жить, отвечает (IV, 2, в самом начале):

«Все люди братья.
Но зачастую, знатностью кичась,
Себя возвысить хочет плоть над плотью,
Хоть после смерти все лишь прах».

Различия между людьми создаются культурой, природа их не знает. Шекспир от пастушеской лирики здесь поднимается до сознательной гуманистической идеи, недоступной его эпохе: человеческие понятия о нравственности условны и относительно...

Постум — слышим мы о нем от придворных кавалеров — лучший человек при дворе:

«Его (столь редкий случай!) все любили
И восхваляли при дворе. Для юных
Он был примером, для мужей в летах —
Зерцалом совершенства, а для старцев —
Поводырем» (I, 1).

Правда, мы не знаем, насколько можно доверять прямоте и искренности суждений развращенной придворной среды, где предмет поклонения — королева и ее достойный сынок. Но контекст за то, что эта характеристика — авторская.

Яснее всего раскрывается характер Имогены в ее взаимоотношениях с мужем. В общем, Постум — хороший человек, но испытавший влияние среды; он более чувствителен к внешней «чести», чем к внутренней «честности». Для него Имогена — «ангел-хранитель». Пока он с ней, он проявляет лишь свои хорошие стороны. Но стоит ему перебраться в Италию, как мы обнаруживаем уже нечто совсем другое.

Ему недостаточно того, что у него хорошая жена, ему надо еще похвастаться этим! Он знает лишь придворных дам, и ему чужда мысль, что Имогена может оказаться иною. Ему приходит даже низменная мысль — поручить то, что он считает «законной карой», другому, слуге (вспомним итальянскую новеллу, послужившую Шекспиру сюжетным источником для «Отелло», где венецианский мавр поручает убить Дездемону лицу, соответствующему шекспировскому Яго, — мотив, отброшенный Шекспиром). А потом приходит безграничное, но, увы, слишком позднее раскаяние (черта, явно недооцененная В. Шоу, написавшим новое окончание «Цимбелина»). Постум Шекспира налагает на себя покаяние — смерть в бою, и молит о ней богов (V, 4).

Безусловно, с точки зрения композиции в пьесе есть спорные и даже явно слабые места. К числу таких относится интермедия с появлением Юпитера на орле и призраков предков Постума в его темнице (V, 4). Весьма возможно, что эта сцена, вполне соответствующая вкусам придворного спектакля, была подсказана Шекспиру включением в «Перикла» сцены с Дианой Эфесской (V, 1); однако невысокий художественный уровень всей этой интермедии делает вероятным предположение, что Шекспиру принадлежит лишь первоначальный набросок ее, который он передал на разработку актерам своей труппы. Во всяком случае, интермедия эта не имеет никакого отношения к действию пьесы.

По меньшей мере еще в двух случаях сопоставление Имогены с Постумом подчеркивает ее нежность и душевную тонокость. Способная пережить довольно спокойно любое оскорбление или клевету, идущие от глупца и негодяя Клотена, она вспыхивает как порох, когда он пытается унижить и опорочить ее избранника. Когда он называет Постума «каким-то приживалом, недостойным быть даже свинопасом», она восклицает: «Негодяй! Будь ты потомком солнца самого, знай — и тогда ты был бы недостойн его рабом называться» (II, 3).

И еще: когда Пизанно сообщает ей о смертном приговоре, вынесенном ей Постумом, она не трепещет за свою жизнь, но ее терзает мысль о том, как он будет потом раскаиваться в содеянном (III, 4).

Еще раньше, когда Якимо рассказывает ей о мнимой неверности мужа, рассчитывая таким образом проложить себе путь к ее сердцу, она в ответ на его уговоры «отомстить» за себя откликается:

«Отомстить?

Но как же мстить? Будь это даже правда,

Не так легко ушам поверит сердце,

Не так поспешно... Если это правда,

Как мстить ему?» (I, 6).

Сцена в спальне, когда Якимо пытается обольстить ее, — одна из лучших, написанных Шекспиром. Контраст между чистой дремой Имогены и душевной грязью Якимо не мог быть передан выразительнее.

В заключение отметим два момента первостепенной важности, оба относящиеся к сдвигам во взглядах и мироощущении Шекспира последних лет. Один относится к контрасту между образами Белария и героя незадолго перед тем написанного «Тимона Афинского». Если Тимон весь уходит в проклятия миру и в отрицание его, Беларий, хотя и сильнее пострадал от человеческой несправедливости, устремляется в деятельную борьбу за исправление людей, тянется к жизни среди них и к служению добру.

Второй относится к одному из самых трогательных мотивов финала. Когда все заблуждения, несправедливости, даже преступления Якимо оказываются раскрыты и правильно всеми оценены, он становится на

колени перед Постумом, прося у него прощения (вспомним Лира, преклоняющего колени перед Корделией), на что Постум откликается:

«Не склоняй колен.
Я властен лишь прощать и зло забыть.
Вся месть моя — прощение. Живи
И стань честней».

И Цимбелин подводит итог и этой сцене и пьесе в целом:

«Достойные слова!
Великодушию нас учит зять.
Прощенье — всем!» (V, 5).

В призыве к великодушию хотели видеть апелляцию к «христианскому всепрощению», упуская из виду, что в общем контексте этой совершенно чуждой религиозным мотивам пьесы «прощение» гораздо ближе к светскому, вполне гуманистическому «великодушию», «душевной щедрости», «милости», к которому безуспешно призывает Шейлока Порция в сцене суда, чем к христианскому идеалу «всепрощения», и что этот призыв явно не распространяется ни на королеву, ни на Клотена, которые понесли заслуженную и не подлежащую, по мысли Шекспира, отмене кару. «Прощенье — всем», — говорит великий порт-гуманист, и в этом призыве, правильно понятом, весь смысл и назначение пьесы.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ЦИМБЕЛИНА»

Стр. 623. Действующие лица. — В именах персонажей наблюдается пестрое смешение форм кельтских (Цимбелин, Гвидерий, Арви-
раг), латинских (Постум, Леонат и др.) и итальянских (Филарио, Якимо).

Имя Постум по-латыни значит «рожденный после смерти отца», прозвище его Леонат означает «рожденный львом».

Стр. 626. Когда Кассивелаун шел на римлян... — Кассивелаун — один из вождей древних бриттов, упорно боровшихся с Юлием Цезарем.

Стр. 659. Так Тарквиний... — намек на сказание, обработанное Шекспиром в поэме «Лукреция».

...историю Терее... — История Терее и жертвы его насилия Филомены, рассказанная в «Метаморфозах» Овидия, несколько раз упоминается в трагедии Шекспира «Тит Андроник» (см. об истории Терее в комментариях к «Титу Андронику» в 1 томе нашего издания).

Стр. 688. Письма верного супруга? — Имогена находит на своей груди письма Постума, которые называет ересью, как бы противопоставляя их священному писанию.

Стр. 693. Северн — река, которую им надлежит перейти, чтобы добраться до Мильфорда.

Стр. 716. Их будут реполовы приносить... — Существовало народное поверье, что реполовы покрывают непогребенных покойников мхом.

Стр. 747. Он печально слушал, как мы своих красоток восхваляли... — Эта сцена у Шекспира отсутствует, хотя в новелле Боккаччо, послужившей ему источником, она имеется.



СОДЕРЖАНИЕ

МАКБЕТ. Перевод Ю. Корнеева . . .	5
АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА. Перевод Мих. Донского	101
КОРИОЛАН. Перевод Ю. Корнеева . .	257
ТИМОН АФИНСКИЙ. Перевод П. Мелковой	409
ПЕРИКЛ. Перевод Т. Гнедиш	521
ЦИМБЕЛИН. Перевод П. Мелковой . .	623
А. Аникст. Послесловие к «Макбету» . .	763
А. Смирнов. Послесловие к «Антонию и Клеопатре»	776
А. Аникст. Послесловие к «Кориолану» .	784
А. Аникст. Послесловие к «Тимону Афин- скому»	798
А. Аникст. Послесловие к «Периклу» . .	809
А. Смирнов. Послесловие к «Цимбелину»	816

Примечания к текстам пьес составлены
А. Смирновым



Уильям Шекспир
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ, т. 7

Редактор *Т. А. Путицева*
Оформление художников
А. Д. Гончарова и А. В. Ермакова
Художественный редактор *В. П. Богданов*
Технический редактор *Г. Я. Шебалина*
Корректоры
А. А. Позина и Ю. Ф. Хлусова

Сдано в набор 9/III 1960 г. Подп. в печ. 17/VIII 1960 г.
Форм. бум. 60 × 92¹/₁₆, печ. л. 52,25
Уч.-издат. л. 38,74. Тираж 223 000 экз.
Изд. № 12291. Заказ № 239.

„Искусство“, Москва И-51, Цветной бульвар, 25.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва Ж-54, Валуевская, 28.

Цена 15 руб.
С 1 января 1960 г. цена 1 р. 50 к.

